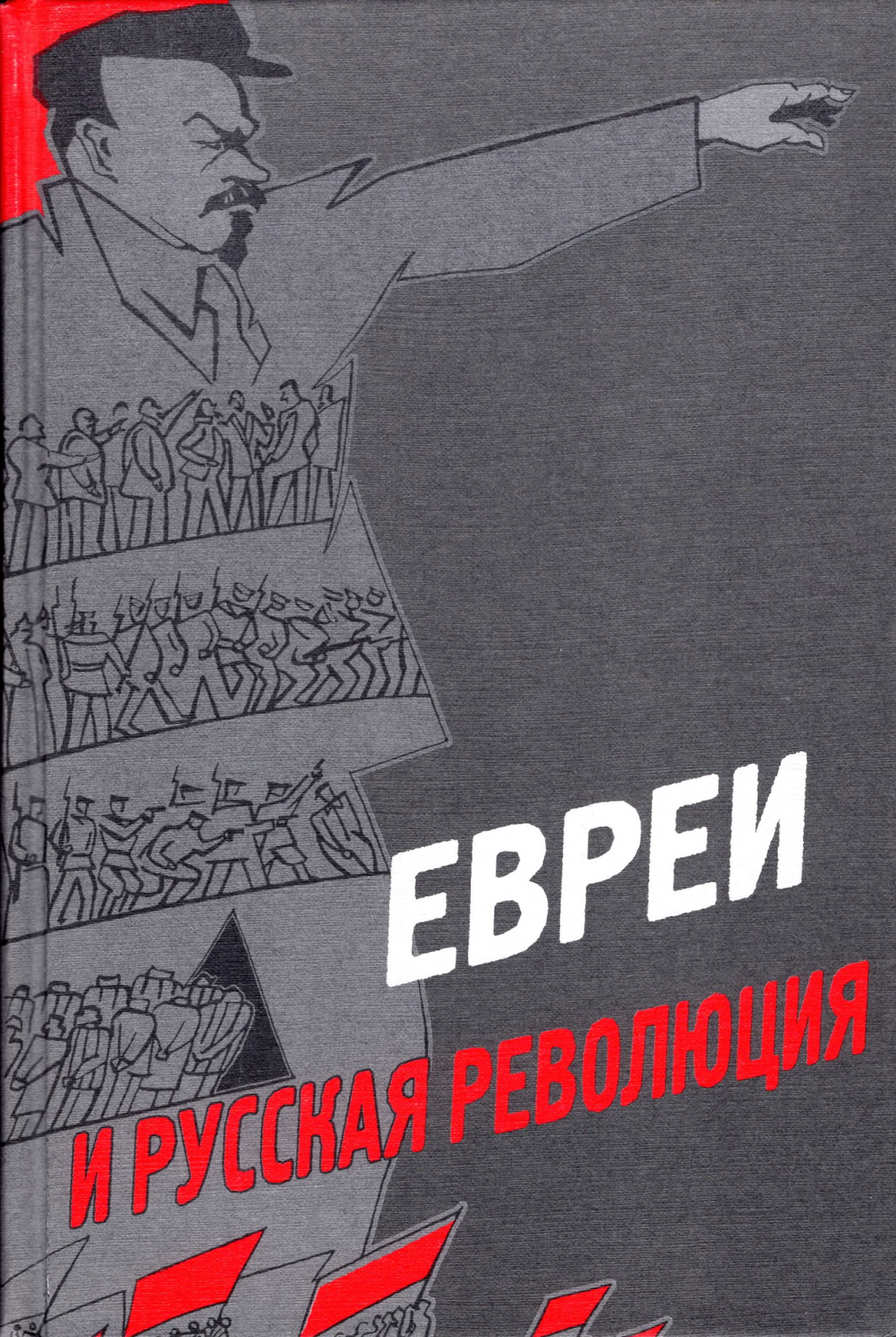

ЕВРЕИ
И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЕВРЕИ
И
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Материалы и исследования

Редактор-составитель О.В.Будницкий

Москва
1999

Иерусалим
5759

СОДЕРЖАНИЕ

О.В. Будницкий. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция 3
О.В. Будницкий. С.Г.Сватиков и его борьба на «еврейском фронте»: *Введение к публикациям* 22
ЕВРЕИ В РУССКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 29
С.Г. Сватиков. Евреи в русском освободительном движении. *Публикация, вступительная статья и указатель В.Е.Кельнера* 31
ВОКРУГ «СИОНСКИХ ПРОТОКОЛОВ» 161
Создание «Сионских протоколов» по данным официального следствия. *Публикация О.В.Будницкого. Примечания С.М.Маркедонова* 163
Б.И. Николаевский — Вере Кон (Бройдо). *Публикация и примечания О.В.Будницкого* 223
ПЕРСОНАЛИИ 231
Р.А. Городницкий. Г.А. Гершуни — «крестный отец» эсеровского терроризма 233
ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 267
Белые и евреи (По материалам российского посольства в Париже и личного архива В.А.Маклакова). *Публикация, вступительная статья и примечания О.В.Будницкого* 269
НОВЫЙ СТРОЙ: У ВЛАСТИ И ПОД ВЛАСТЬЮ 291
Б.Д. Бруцкус. Еврейское население под коммунистической властью. *Публикация и вступительная статья Е.О.Будницкого и О.В.Будницкого* 293
Л.Ю. Кричевский. Евреи в аппарате ВЧК - ОГПУ в 20-е годы 320
«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ 351
О.В. Будницкий. «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920-1930-х 353
«Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу» (Из переписки В.А.Маклакова и В.В.Шульгина). *Публикация, вступительная статья и примечания О.В.Будницкого* 374
Д. Клиер. Великий Октябрь: хорошо для еврея, плохо для евреев 443
Сведения об авторах и публикаторах 451
Указатель имен 452

AMERICAN JEWISH JOINT DISTRIBUTION COMMITTEE
ДЖОЙНТ

ISBN 5-89527-014-X

Олег Будницкий

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ: ЕВРЕИ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вскоре после цареубийства 1 марта 1881 года известный русский историк и консервативный публицист Дмитрий Иловайский писал в "Петербургских ведомостях": "Теперь, когда тело Царя-мученика уже предано земле, теперь на нас, Русских, прежде всего лежит священный долг доискаться до источников той темной силы, которая отняла его у России..." Иловайский высказывал убеждение, что русские "нигилисты и социалисты" — только "грубое, нередко бессознательное орудие", что их направляют на преступления "не столько враги собственности и общественного порядка, сколько внутренние и внешние враги Русского государства, Русской национальности".

Великороссы в этой "подпольной шайке" являются панурговым стадом, они ее единственный элемент, не имеющий национальных мотивов. "Каракозовы, Соловьевы и Рысаковы суть именно те грубые, бессмысленные орудия, которые действительно уловлялись в сети с помощью социальной пропаганды, которые сами не знали, для какого дела, для каких целей они служили орудием". Среди внутренних врагов России Иловайский на первое место ставил поляков. "Второй элемент, - писал автор выдержавших десятки изданий школьных учебников, - ясно выдающийся и даже бьющий в глаза, это революционеры из евреев. В последних процессах, убийствах, покушениях и университетских беспорядках они выступают едва ли не самым деятельным элементом"[1].

Если убежденный юдофоб Иловайский, одним из первых отчетливо сформулировавший мысль об "инородческом" характере русской революции, отводил евреям "всего лишь" второе место среди губителей России, значит, они действительно еще не играли в освободительном движении выдающейся роли. По крайней мере, в общественном сознании, даже самого "черного" толка, евреи пока не олицетворяли собой главную движущую силу русской революции.

Два десятилетия спустя ситуация разительно изменилась. В 1903 году в беседе с Теодором Герцлем председатель комитета министров С.Ю.Витте указывал ему на то, что евреи составляют около половины численности революционных партий, хотя их всего 6 млн. в 136-миллионном населении России[2]. Возможно,

Витте хватил через край: насколько мне известно, его утверждение, неоднократно приводившееся в научной литературе, не подкреплено достаточно доказательными расчетами. Однако сомневаться в активнейшем участии евреев в русских оппозиционных партиях, разумеется, не приходится.

По данным, которые приводит американский историк Норман Неймарк, в начале века среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи составляли около 30%. Около 15% членов партии социалистов-революционеров были евреями, а некоторые "максималистские и анархистские террористические группы почти полностью были еврейскими"[3]. В то же время, по подсчетам российского историка Дмитрия Павлова, в целом в составе организаций эсеров-максималистов было около 19% евреев при 76% русских и украинцев[4]. На V съезде РСДРП (Лондон,1907) около трети делегатов были евреями[5].

Однако как ни велико было участие евреев в русских или еврейских революционных партиях, количественно они составляли очень незначительное число как по отношению к населению России, так и к русскому еврейству. Так, летом 1904 года Бунд насчитывал около 23 тыс. человек, в 1905 - 1907 годах - около 34 тыс., в 1908-1910 годах, когда революционные настроения резко пошли на спад, - около 2 тысяч. Для сравнения - вся русская социал-демократическая партия в начале 1905-го насчитывала приблизительно 8400 членов[6].

В сознании русского обывателя - от люмпена до интеллигента - роль евреев в русской революции представлялась еще большей, чем была на самом деле. Характерна сомнительного качества острота, появившаяся на страницах сатирического журнала либерального толка "Вампир" в период революции 1905-1907 годов: "Варшава. Расстреляно в крепости 11 анархистов. Из них 15 евреев[7]".

На свободы, дарованные Манифестом 17 октября 1905 года, городское дно ответило еврейскими погромами. Многие годы русская либеральная интеллигенция тешила себя иллюзией, что погромы были организованы правительством. 1905 год отчетливо показал, чем может обернуться свобода в стране, не имеющей ни демократических традиций, ни достаточно мощного "культурного слоя". События первой русской революции вызвали вопль ужаса у Михаила Гершензона, инициатора сборника "Вехи": "Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, - бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими

штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной"[8].

Гершензон предостерегал от "народолюбивых" иллюзий интеллигенцию; еще в большей степени эти предостережения относились к ее еврейской части. Однако юдофобские настроения, свойственные, как казалось, прежде всего черни и крайне правым кругам, находили все более широкое распространение в среде русской интеллигенции.

Любопытные наблюдения приводит известный еврейский философ и общественный деятель Аарон Штейнберг в своих воспоминаниях. В 1913 году Штейнберг, возмущенный и удивленный статьями В.В.Розанова в "Земщине" в период дела Бейлиса (а Розанов допускал ритуальный характер убийства Ющинского), отправился к нему для серьезного разговора. Принят он был вполне корректно и даже доброжелательно. И получил вполне откровенные и весьма образные объяснения: "Вот видите ли, - говорил Штейнбергу Розанов, - когда мои дочери, приходя из гимназии, взволнованно и с восторгом рассказывают, что нашли замечательную новую приятельницу, когда они находятся под большим впечатлением от нее, я уже наперед знаю, что это или Рахиль, или Ревекка, или Саррочка. А если их спросишь про новое знакомство с Верой или Надеждой, то это будут бесцветные, белобрысые, глаза вялые, темперамента нет! Так ведь мы, русские, не можем так смотреть, сжигая глазами, как вы вот на меня смотрите! Конечно, вы и берете власть. Но надо же, наконец, и за Россию постоять!"[9]

Этот спич вызвал глубокое разочарование Штейнберга, видимо, готовившегося к философскому диспуту. Как оказалось, "дело не в ритуале, все дело в политике". Позднее в одной из статей по поводу дела Бейлиса Розанов "открыто признавался, что выступил в пользу обвинения Бейлиса из политических соображений, чтобы попытаться предотвратить еврейское засилье - "еврейское иго". Русские освободились от татарского ига, а теперь наступает еврейское иго. И чтобы остановить его, необходимо бороться с еврейством[10].

Юдофобские настроения были свойственны и другим властителям дум интеллектуальной элиты России. Александр Блок говорил тому же Штейнбергу о своей неприязни к евреям, сложившейся в период дела Бейлиса, когда люди, прежде скрывавшие свое еврейство, стали требовать от него подписи под протестами и т.п. Обстановка этого разговора - Штейнберг и Блок беседовали в 1919 году, лежа на одних нарах в ЧК, - исключала неискренность. Тогда же у Штейнберга возникла

мысль, впоследствии высказывавшаяся им Андрею Белому, что неприязнь Блока к евреям была скрытой от него самого обратной стороной русского патриотизма. Это, замечал Штейнберг, было свойственно и другим русским интеллигентам, с которыми он тесно общался - Андрею Белому, Иванову-Разумнику, Петрову-Водкину, Карсавину и др.[11].

Эрозии подверглись и либеральные принципы части кадетов; П.Б.Струве заговорил об "асемитизме" и "национальном лице", которое полезно увидеть евреям, противопоставляя, правда, это конституционное и демократическое "национальное лицо" "антисемитическому изуверству"[12]. 17 марта 1910 года Ариадна Тыркова записала в дневнике: "Разговоры о национализме лезут со всех сторон. По-видимому, это все крепче разрастается среди радикалов. 6 января были у Гредескула. Шел спор о газете. Сам Гредескул, Эрвин Гримм, Д.Д.Протопопов... все говорили, что нельзя терпеть, что, кроме "еврейской" "Речи", ничего у нас нет. Только Родичев и Давид Гримм были против нас. Последний считает национализм явлением антикультурным"[13].

Антисемитизм отнюдь не был свойствен большинству политизированной русской интеллигенции. То же дело Бейлиса, которое стало своеобразной лакмусовой бумажкой на национальную терпимость и подлинный демократизм, продемонстрировало прежде всего лучшие черты русской интеллигенции. Василий Маклаков, чья речь на процессе сыграла решающую роль в оправдании Бейлиса, очень точно назвал это дело "спасительным предостережением"[14], хотя вовсе не был юдофилом. Розанова исключили из Религиозно-философского общества за антисемитизм.

Суть проблемы в другом - в период между двумя революциями налицо был бесспорный рост антисемитизма или, скажем более мягко, настороженного отношения к евреям, который захватил и круги русского общества, ранее не страдавшие этой болезнью. Это неизбежно толкало политически активных евреев "влево", ибо даже среди кадетов, "образцовых" русских либералов, наметилось двойственное отношение к "еврейскому вопросу".

Прежде чем рассматривать место и роль евреев в событиях рокового для России 1917 года, надо, по-видимому, определиться, можно ли этих деятелей русского, по преимуществу, освободительного движения считать выразителями интересов еврейства или даже вообще евреями? Ведь многие из них от своего еврейства открещивались (в том числе в буквальном

смысле этого слова). Подчеркнутый интернационализм многих революционных деятелей, особенно большевиков, давал их антагонистам из еврейской среды удобный повод "отлучить" их от еврейства, сняв, таким образом, с еврейского народа обвинения в разрушении России.

Так, Семен Дубнов говорил на еврейском митинге 9 июня 1917 года: "...и из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения (Троцкий, Зиновьев и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют..."[15]

Аналогичные мысли высказывали историки и публицисты и тогда, и теперь. Однако с таким же успехом можно было бы объявить не принадлежащими к своему народу революционеров русского происхождения на основании того, скажем, что они не исполняли православных обрядов. Думаю также, что активное участие евреев в русском освободительном движении объяснялось как раз не их разрывом с еврейством, а принадлежностью к нему. Утверждая это, я имею в виду не некие мистические причины вроде сходства иудейского мессианизма с марксистским, о чем писал, к примеру, Николай Бердяев[16], и т.п., а вещи гораздо более прозаические.

Очевидные социально-экономические и политические факторы объективно толкали значительную часть еврейства в оппозиционный лагерь. Сравнительно высокая образованность, а также то, что немалое число евреев вынуждено было получать образование в заграничных университетах, вращаясь в среде революционной эмиграции, неизбежно должно было привести и к более высокому проценту евреев в оппозиционных партиях и в особенности в их руководстве. Решение "еврейского вопроса", как казалось, было связано с успехом русской революции.

Все это, в общем, известные истины. Хотел бы только обратить внимание на то обстоятельство, что многие евреи - участники русского революционного движения - сознательно, а чаще - бессознательно, идентифицировали свои интересы с интересами русских рабочих и крестьян, нередко имея об этих самых рабочих и крестьянах самые фантастические представления. Впрочем, этим они мало отличались от своих русских товарищей.

Очень, на мой взгляд, точные наблюдения и впечатления вывез из своей поездки в Вильно в 1907 году известный впо-

следствии философ и публицист, а в 1917-м - один из фронтовых комиссаров Временного правительства Федор Степун. То, что Степун проникся "живой жалостью" к еврейству и стыдом за царскую инородческую политику - разумеется, показалось бы его радикальным товарищам по Гейдельбергскому университету вполне естественным.

"Вывезенное же мною второе убеждение, - продолжал Степун, - что, занимаясь рабочим и аграрным вопросами, революционное еврейство занималось, в конце концов, лишь борьбою за свое равноправие, на что оно имело, конечно, полное право, - им показалось бы несправедливым, так как, в связи со всей своей политической идеологией, они себя от русского народа не отличали.

Сам я в то время ни рабочим, ни аграрным вопросами не занимался и теоретически в них ничего не понимал. Но думая, как мне это всегда было свойственно, прежде всего глазами, я никак не мог увидеть живого смысла в том, что внук виленского раввина и сын ковенского маклера, никогда не видавшие русской земли и русского мужика, ежеминутно ссылаясь на Карла Маркса, горячо спорят друг с другом о том, в каких формах рязанскому, сибирскому и полтавскому крестьянству надо владеть своею землею"[17].

Если картина, нарисованная Степуном, и несколько утрирована, то суть ситуации он схватил верно.

То, в чем Степун не видел "живого смысла", известный еврейский общественный деятель и один из лидеров российских либералов Максим Винавер, напротив, считал важнейшим фактором. В статье, посвященной памяти Семена Рапопорта (С.А.Анского), революционера-народника, собирателя русского и еврейского фольклора, секретаря П.Л.Лаврова и автора знаменитой пьесы "Га-Диббук", Винавер писал:

"Сколько еврейских юношей, только что оторвавшихся от Библии и Талмуда, шли на борьбу и гибли за этот, казалось бы, чужой им, крестьянский народ, о котором они знали только, что он трудится и страдает. Они проникались верою в душу этого народа, только потому, что они были приготовлены к вере в правду и добро, в конечное торжество справедливости. К этому их готовило общение с пророками, с великими заветами всей еврейской культуры. Семя, брошенное русскими подвижниками, боровшимися во имя правды-истины и правды-справедливости, пало на благодарную почву, и непрерывною цепью, в течение десятков лет, тянулись еврейские юноши в ряды тех

партий, которые строили благо народа на вере в имманентное, присущее мистическому целому - человечеству или народу - стремление к добру. Кое-кто готов был потом - в годы погромов - кидать в этих мечтателей камень, за то, что они шли стеречь "чужие виноградники". Обвинение дикое. Бороться за правду, значит исполнять заповедь еврейских пророков - значит стеречь свои, а не чужие виноградники. Да и нет в этом аспекте разницы между охраною своего и чужого виноградника"[18].

Приведу еще одно свидетельство, вдвойне ценное тем, что, во-первых, принадлежало отнюдь не революционеру, во-вторых, было опубликовано тогда, когда в симпатиях к революционерам стало признаваться совсем не модно - в конце 1930-х, в эмиграции, куда революция выбросила знаменитого адвоката Оскара Грузенберга. Грузенберг вспоминал, что свое еврейство особенно отчетливо осознал однажды ночью 1886 года в Киеве, во время полицейской облавы. Его, студента университета, полиция не тронула, зато его матери, приехавшей к сыну в гости из "черты оседлости", пришлось скоротать остаток ночи на заплеванном полу участка, рядом с пьяницами и проститутками. Вызволить ее удалось лишь по великому "блату":

"Забыть, как унизили мою старуху мать, никого в своей жизни не обидевшую, значило бы забыть, что если жизнь чего-нибудь стоит, то только тогда, когда она не рабская, - писал с горечью и яростью Грузенберг около полувека спустя. - Что было пережито мною в ту ночь? Что решено? Коротко: после этой ночи я видел в каждом, кто боролся с самодержавным произволом и его жестокостью, своего союзника, брата, перед которым я в долгу, которому я о б я з а н прийти на помощь в дни его испытаний"[19].

Вот так: о б я з а н прийти на помощь. И таково, несомненно, было настроение немалого числа евреев.

Владимир Жаботинский, принципиальный противник участия евреев в русской революции, писал тем не менее, что "еврейская кровь на баррикадах лилась "по собственной воле еврейского народа". В ответ на упреки за эту фразу он заявил, что считает невежественной болтовней "все модные вопли о том, что у евреев нет народной политики, а есть классовая. У евреев нет классовой политики, а была и есть (хотя только в зародыше) политика национального блока, и тем глупее роль тех, которые всегда делали именно эту политику, сами того не подозревая. Они делали это на свой лад, с эксцессами и излишествами, но по существу они были все только выразителями

разных сторон единой воли еврейского народа. И если он выделил много революционеров - значит, такова была атмосфера национального настроения. Еврейские баррикады были воздвигнуты по воле еврейского народа. Я в это верю, и раз оно так, я преклоняюсь и приветствую народную революцию".

Правда, склонившись (по-моему, не без лукавства) перед "волей народа", Жаботинский тут же задавался вопросом: "Но на пользу ли народу пошла эта революция?" Сомнения, высказывавшиеся блестящим русским поэтом и идеологом еврейского национального движения, подталкивали к отрицательному ответу на этот вопрос: "Воля народа не всегда ведет к его благу, потому что не всегда народ способен верно учесть объективные шансы за и против себя. И в особенности легко ошибиться тогда, когда весь расчет основан на вере в сильного союзника, на вере в то, что он поймет, он откликнется, он поможет, - а на деле никто из нас этого союзника не знает, и Бог весть еще, как он нас отблагодарит..."[20]

Вполне прагматически, в отличие от сиониста Жаботинского, высказался о заинтересованности евреев в революции уже после свержения самодержавия его идейный антагонист бундовец Р.А.Абрамович. На московском Государственном совещании в августе 1917 года он говорил: "...только полное закрепление побед революции, только полная и решительная демократизация всей жизни страны может навсегда положить конец угнетению еврейского народа в России и обеспечить ему... национальное самоуправление... Вот почему еврейские рабочие и трудящиеся, не только как члены великой семьи трудящихся всего мира, не только как граждане свободной России, но и как евреи, кровно заинтересованы в дальнейшем укреплении революции в России"[21].

Таким образом, во-первых, евреи в силу своего неполноправного положения и национального унижения неизбежно должны были "производить" из своей среды революционеров. Это понимали разумные администраторы: опыт первой русской революции, а также осознание ненормальности положения евреев в России побудили, к примеру, П.А.Столыпина в октябре 1906 года выдвинуть законопроект об уравнении евреев в правах с другими народами империи. Столыпин объяснял царю, что "исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия". Кроме того, он "думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законода-

тельство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений". Однако инициатива премьера натолкнулась на мистическое настроение императора, который вернул "журнал Совета министров по еврейскому вопросу" неутвержденным. "Внутренний голос, - писал Николай II главе правительства, - все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя"[22].

Во-вторых, значительная часть российского общества после 1905 года была уверена, что, если в стране еще раз случится революция, евреи примут в ней самое активное участие. Крайне правые уверяли, что евреи - "становой хребет" революции, и без их деятельности не было бы вообще никакого серьезного революционного движения.

Но, как ни удивительно, евреи, принимавшие столь активное участие в борьбе с самодержавием и, во всяком случае, весьма сочувствовавшие этой борьбе, оказались практически непричастными к его свержению. Впрочем, их русские коллеги по революционной борьбе также оказались застигнутыми врасплох солдатским бунтом, легитимизированным Государственной Думой. Вскоре выяснилось, что это - "великая", "бескровная" и т.д., одним словом - Февральская революция.

Объясняется этот "странный" факт весьма просто - революция 1917-го была р у с с к о й по преимуществу революцией и случилась (ибо революции случаются не по воле даже очень хорошо организованного меньшинства, а в силу глубокого разложения государственного организма, с одной стороны, и стечения многоразличных обстоятельств - с другой) совсем не для того, чтобы разрешить еврейский вопрос. "Февраль" продемонстрировал это особенно отчетливо. Вот уж где не найти следов не только "еврейского", но и вообще никакого заговора; разве что "заговор" генералов - командующих фронтами, отказавшихся поддержать своего главнокомандующего - царя.

Конечно, позднее евреи играли более заметную роль в русской революции, но никогда - решающую. Это точно уловили многие национально ориентированные мыслители; приведу высказывания тех, кого уж точно нельзя заподозрить в симпатиях к евреям. Лев Карсавин писал, что "необходимо покончить с глупою сказкою (или с новым "кровавым наветом" - все меняет свои формы, даже клевета), будто евреи выдумали и осуществили русскую революцию. Надо быть очень необразованным исторически человеком и слишком презирать русский народ, чтобы думать, будто евреи могли разрушить русское

государство. Историософия, достойная атамана Краснова, и, кажется, позаимствованная им у Дюма-отца, который тоже обвинял в устройстве французской революции графа Калиостро!"[23]

"Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший русский бунт, "бессмысленный и беспощадный" с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную "правду"?" - писал в статье с симптоматичным названием "Patriotica" бывший заведующий колчаковским Бюро печати, а затем "сменовеховец" Николай Устрялов. - "Нет, ни нам (интеллигенции. - *О.Б.*), ни "народу" неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис - ни за темный, ни за светлый его лики. Он - наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом... И если даже окажется математически доказанным, как это ныне (статья опубликована в 1921 г. - *О.Б.*) не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто процентов русских революционеров - инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются "чужие" руки, - душа у него, "нутро" его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русское - интеллигентское, преломленное сквозь психику народа".

Устрялов, говоря об идейных корнях русской революции, указывал на причудливо преломленный дух славянофильства, чаадаевский пессимизм, герценовский революционный романтизм, якобинизм ткачевского "Набата" и даже печоринскую "патриотофобию" с достоевщиной "от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова". А марксизм 90-х годов, руководимый теми, не без яда замечал Устрялов, кого мы считаем теперь носителями подлинной русской идеи - Булгаковым, Бердяевым, Струве?

Вывод Устрялова был вполне точным: "Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне или внутренне приобшившимися "русскому духу" в его нынешнем состоянии..."[24]

Однако вернемся к мартовским дням 1917 года.

Евреев, пока не "подъехали" эмигранты и ссыльные, в руководящих органах революции, прежде всего в Исполкоме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, было совсем немного, а точнее, всего один: эсдек Юрий Михайлович Стек-

лов, настоящую фамилию которого - Нахамкес - с удовольствием обыгрывала пресса разных оттенков.

Еврейское "отсутствие" с удовлетворением отмечал мудрый Семен Дубнов 17 марта в дневнике: "Еврейство в этой революции не выдвигается, не бросается вперед - тактический шаг, урок 1905 года..."[25] Пять дней спустя, вечером 22 марта, он писал: "Знаменательный день: сегодня опубликован акт Временного правительства об отмене всех национальных и вероисповедных ограничений, т.е. акт еврейской эмансипации в России. *Осуществилась мечта* целой жизни, цель страданий и борьбы четырех десятилетий. В этот момент я еще не могу постигнуть все его драматическое величие. Позже, когда исчезнут страшные спутники этого солнца на историческом горизонте: германский Ганнибал у ворот и призрак контрреволюции или анархии, мы почувствуем свет и тепло нового светила..."[26]

Увы, почувствовать довелось российским евреям нечто совсем иное... И тревожные симптомы Дубнов отметил в той же записи: "Вернулся с улицы, где видел людей, бегущих с "добычей" - фунтиком хлеба из лавки, и подумал: не стоим ли мы уже на краю пропасти? Величие революции и бессилие в борьбе с голодом, все политические свободы и недостаток хлеба, - как подействует этот контраст на темные массы?.."[27]

"Невключенность" евреев в российскую политическую элиту 1917 года продолжалась недолго. Небольшое поначалу число евреев в различных органах власти объяснялось, как уже говорилось выше, просто физическим отсутствием большинства известных революционных деятелей в столицах. Затем их количество начинает стремительно нарастать.

16 октября 1917 года В.Л.Бурцев, которого никак нельзя заподозрить в антисемитизме, опубликовал в своей газете "Общее дело" список 159 эмигрантов, вернувшихся в Россию через Германию в "пломбированных вагонах". Список ему передал специальный комиссар Временного правительства по ликвидации заграничной охранки С.Г.Сватиков. В этом списке - по меньшей мере 99 евреев. В первой группе из 29 человек, приехавших вместе с В.И.Лениным, евреев было 17 человек. Очевидно, что среди политических эмигрантов, возвращавшихся в Россию менее экзотическими способами, евреев было также немало.

Сколько же всего евреев - как в абсолютных, так и в относительных цифрах - входило в российскую политическую элиту? Кого они представляли? Каковы были их связи с еврейством?

Под политической элитой здесь подразумеваются деятели всероссийского масштаба и наиболее заметные из региональных. При подсчетах (не претендующих на абсолютную точность) учтены депутаты Учредительного собрания, члены ВЦИК, участники Демократического совещания, члены Временного Совета российской республики (Предпарламента), Центральных комитетов общероссийских партий, т.е. наиболее значительных представительных органов 1917-го - первой половины 1918 года. В расчет брались также видные публицисты, религиозные деятели и т.д. Хронологические рамки определяются Февральской революцией, с одной стороны, и установлением однопартийной диктатуры в Советской России в июле 1918 года, с другой.

Общая численность политической элиты всероссийского масштаба составила, по моим подсчетам, немногим более трех тысяч человек. Среди них - свыше трехсот евреев, присутствовавших во всем спектре российских политических партий - от крайне левых (анархисты, большевики) до оказавшихся на правом фланге кадетов. Это - около 10%, что более чем вдвое превышает процент евреев в населении бывшей империи. Однако если учесть, что еврейское население было почти полностью городским, а также более образованным, чем другие народы России, то ничего необычного в этой цифре не будет.

Но это - в среднем. В то же время в составе ВЦИК первых пяти созывов, как правило, около 20% депутатов было евреями (наибольшая цифра - 22% - среди членов ВЦИК 1-го созыва / июнь 1917/, наименьшая - около 17% - 3-го /январь 1918/). Евреи входили в ЦК практически всех значительных политических партий. Причем в Центральных комитетах левых партий - большевиков и эсеров - евреи составляли, как правило, от четверти до трети их членов. В ЦК "объединенной" партии меньшевиков евреи составили около половины. Трое (из 67) членов ЦК партии кадетов, избранных на ее 8-м съезде, были евреями, причем при выборах М.М.Винавер прошел вторым по числу голосов, после В.И.Вернадского.

Как и прежде, политически активные получившие всероссийскую известность евреи отождествляли, как правило, свои интересы с интересами того или иного класса или социальной группы российского общества, игнорируя специфические национальные интересы еврейства или отводя им второстепенное место. Так, евреев-депутатов Учредительного собрания было избрано по спискам Совета крестьянских депутатов вчетверо больше, нежели по спискам еврейских национальных органи-

заций. Пятую часть Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, избранного на первом съезде крестьянских Советов по партийным спискам, составили евреи.

Таким образом, говорить о какой-либо единой "еврейской" политике не приходилось. Политизированное еврейство было раздираемо теми же противоречиями, что и русское общество.

Любопытную картину демонстрирует анализ, проведенный мною по персоналиям, собранным в биографическом словаре "Политические деятели России: 1917"(М.,1993). Подборка (свыше 300 биографий), на мой взгляд, достаточно репрезентативна и в то же время "случайна"- составители не стремились ни преувеличить, ни преуменьшить роль евреев в событиях 1917 года. Поэтому случайности при подготовке словаря компенсируют друг друга. Так, представлена справка об анархисте Ефиме Ярчуке (Хаиме Захарьеве), не самом заметном персонаже 1917 года, "зато" нет биографии Ю.Стеклова (Нахамкеса) и т.п.

Среди трехсот главных актеров политического театра России 1917 года 43 "лица еврейской национальности". По партийной принадлежности они разделились следующим образом: меньшевиков (разного толка) - 20, большевиков - 11, эсеров - 6 (правых - 4, левых -2), по 3 - анархистов и кадетов. Лишь пятеро участвовали в еврейских национальных организациях. 37 отнеслись к Октябрьской революции отрицательно, 16 были ее активными участниками. Судьба этих людей после революции сложилась в основном нерадостно: около половины (21) расстреляно, убито террористами или погибло в заключении, 13 умерли в эмиграции.

Если и можно вывести из этих наблюдений какие-либо закономерности, то бесспорной кажется лишь одна - чем успешнее была политическая карьера еврея в русской революции 1917 года, тем меньше имел он шансов умереть естественной смертью. Из 16 "победителей" Октября 1917 года восемь расстреляно или умерло в заключении, двоих убили террористы (одного - Моисея Урицкого - "классовый враг", тоже, впрочем, еврей, Леонид Каннегиссер; другого - Льва Троцкого - агент НКВД, наставником которого был высокопоставленный сотрудник этой организации Леонид (Наум) Эйтингон), двоих, на их счастье, выслали, один покончил самоубийством и лишь трое успели умереть своей смертью.

Однако дело было не только в реальном (бесспорно, значительном) участии евреев в революции. Не меньше значило мнение об их участии и склонность замечать на политической

авансцене 1917 года прежде всего евреев, свойственные определенным кругам образованного общества и достаточно широким слоям "простого" народа. Этому объективно способствовало действительно непропорционально большое число евреев среди ораторов на различных политических форумах. Евреи, что называется, "бросались в глаза". Причем не только тем, чьи глаза были устроены особым образом и без того видели среди революционеров только евреев.

Одними из наиболее запомнившихся мемуаристам самой разной ориентации ораторов 1917 года были Стеклов, а также меньшевик Федор Дан и бундовец Михаил Либер. "На эстраде в те дни (первые недели после Февраля. - *О.Б.*) чаще других появлялся громадный, громкий, наглый бородач Стеклов, лютый анархо-марксист", - вспоминал Степун[28]. Дан и Либер настолько часто появлялись "на сцене" Петроградского Совета, что даже появился особый термин "либерданить".

После эйфории первых "послефевральских" недель, когда выяснилось, что свобода - это только свобода и ничего более, а для победы в войне нужно воевать, для налаживания жизни - работать, и само собой ничего не делается, взвинченная масса, как водится, начала искать причину продолжающего ухудшаться положения во внешних обстоятельствах. Начался поиск новых врагов. Для одних это были кадеты, для других - буржуазия, для третьих - большевики, для очень многих - евреи. Десятилетия антисемитской пропаганды не прошли даром. Активная и наглядная деятельность политиков еврейского происхождения, какие бы позиции они ни занимали, казалось, подтверждала давние предсказания антисемитских публицистов.

Рост антисемитских настроений и погромную агитацию по меньшей мере с начала лета 1917 года единодушно отмечают современники, принадлежавшие к самым разным политическим лагерям. После июльских событий первой репетиции большевистского путча, «дворники, лавочники, извозчики, парикмахеры, вся мещанская толща Петрограда только и ждала того, чтобы начать бить "товарищей, жидов и изменников"», - вспоминал Степун[29].

Историк литературы Борис Эйхенбаум записал 23 августа разговор в книжном магазине: какой-то старший гардемарин говорил, что "революция безумна, ее сделало меньшинство, группы, в Совете рабочих депутатов нет русских (Церетели, Чхеидзе, Нахамкес), все - от предателей до изменников, которых надо вешать". К нему присоединилась хозяйка книжного магазина: "все сделали евреи"[30].

Семен Дубнов отмечает 20 сентября: "В хвосте у лавок зловещие разговоры о том, что все зло от жидов, богатеющих от войны и народных бедствий, что евреи захватили власть в городских думах и правительственных учреждениях"[31].

Нарастающую опасность уже в июне заметил Максим Горький, посвятивший ей специальную статью в цикле своих "Несвоевременных мыслей". Позволю себе привести выдержки из этой статьи, поскольку мысли Горького, увы, остаются вполне своевременными. Замечу попутно, что именно т а к о г о Горького скрывали от российского читателя более 70 лет.

"...антисемитизм, - писал Горький в "Новой жизни", - жив и понемножку, осторожно снова поднимает свою гнусную голову, шипит, клевещет, брызжет ядовитой слюной ненависти.

В чем дело? А в том, видите ли, что среди анархически настроенных большевиков оказалось два еврея. Кажется, даже три. Некоторые насчитывают семерых и убеждены, что эти семеро Сампсонов разрушат вдребезги 170-миллионную храмину России.

Это было бы очень смешно и глупо, если б не было подло.

Есть... тысячи доказательств в пользу того, что уравнение "еврей=большевик" - глупое уравнение, вызываемое зоологическими инстинктами раздраженных россиян.

Я, разумеется, не стану приводить эти доказательства - честным людям они не нужны, для бесчестных - не убедительны.

Идиотизм - болезнь, которую нельзя излечить внушением. Для больного этой неизлечимой болезнью ясно: так как среди евреев оказалось семь с половиной большевиков, значит - во всем виноват еврейский народ...

А посему честный и здоровый русский человек снова начинает чувствовать тревогу и мучительный стыд за Русь, за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а не в бездне своей глупости"[32].

Глупость - явление интернациональное; разве что глупостью или, точнее, глупой наивностью можно объяснить надежды многих еврейских деятелей на то, будто одно только изменение внешних государственных форм способно разрешить в России "еврейский вопрос". Русская революция принесла евреям декрет Временного правительства от 22 марта об уравнении в правах. Она же породила позднее невиданную вспышку антисемитизма и неисчислимые бедствия, обрушившиеся на людей, не имевших, как правило, никакого отношения к политике.

7 января 1918 года Дубнов записывает: "...нам (евреям) не забудут участия евреев-революционеров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и др. заслонят его самого. Смольный называют втихомолку "Центрожид". Позднее об этом будут говорить громко, и юдофобия во всех слоях русского общества глубоко укоренится... Не простят. Почва для антисемитизма готова"[33].

Дубнов был неправ только в одном - почва для антисемитизма была готова гораздо раньше.

10 мая, при известиях о погроме, учиненном в Новгород-Северском частями Красной Армии, он пишет: "Мы гибнем от большевиков и погибаем за них"[34].

7 июля 1918 года: "35 лет ежедневно проклинал царский деспотизм, теперь кляну его изнанку: "диктатуру пролетариата"..."[35]

Круг замкнулся.

Неполноправное положение евреев в царской России неизбежно толкало определенную часть еврейства в ряды революционеров; революция, наряду с долгожданным равенством, столь же неизбежно должна была принести российскому еврейству неисчислимые бедствия. Это был тупик, из которого не нашлось "правильного" выхода. Его поиски были оплачены кровью сотен тысяч жертв. Похоже, искали то, чего не было.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя книга, разумеется, не претендует на то, чтобы исчерпать обозначенную в заглавии тему. Это - не более чем материалы и исследования, которые, как надеется редактор и составитель сборника, помогут понять причины, характер и степень участия евреев в русской революции, а также реально оценить последствия этого события для еврейского народа. Мы надеемся также, что публикуемые в книге материалы окажутся полезными для профессиональных историков и занимательными для всех, кто интересуется историей евреев - и историей России - и хочет понять, по выражению Леопольда фон Ранке, "как было дело в действительности". Конечно, понять это трудно - но необходимо.

В нашем понимании русская революция не сводится к событиям 1917 года. Революционное движение (и участие в нем евреев) начинается гораздо раньше (хотя совсем не обязательно, что революционное движение должно было завершиться рево-

люцией), а прямые последствия революции прослеживаются на протяжении по меньшей мере полутора десятилетий после 1917 года. Этим и определяются хронологические рамки включенных в сборник материалов - от зарождения революционного движения и появления первых евреев-революционеров (хотя всерьез говорить об участии евреев в русском революционном движении можно лишь с 1870-х годов) до начала 1930-х.

Публикуемые материалы и исследования очень разные по характеру. Среди них извлеченные из российских и американских архивов работы известного историка С.Г.Сватикова, в 1917 году расследовавшего деятельность заграничной агентуры Департамента полиции, в том числе ее шефа и предполагаемого заказчика "Протоколов Сионских мудрецов" П.И.Рачковского; письма российского посла в Париже В.А.Маклакова руководителям белого движения по "еврейскому вопросу"; биографический очерк о "крестном отце" эсеровского терроризма начала века, создателе Боевой организации Г.А.Гершуни; статьи о положении еврейского населения при новом, коммунистическом режиме и об участии евреев в деятельности ВЧК-ГПУ, о полемике по "еврейскому вопросу" на страницах эмигрантской печати; "потаенная" переписка адвоката Менделя Бейлиса В.А.Маклакова и одного из главных идеологов антисемитизма в России В.В.Шульгина о роли "еврейского фактора" в русской революции.

Нетрудно заметить, что объединяет все эти материалы одна общая, генеральная тема - российские евреи и русская революция.

Составитель надеется, что эта книга внесет определенный вклад в понимание сути происходивших в начале века событий, в познание истории величайших триумфов и заблуждений, оставивших столь кровавый след в истории и русского, и еврейского народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Иловайский Д.И.** Мелкие сочинения, статьи и письма. 1857-1887 гг. М.,1888. С.351-354. (Русские революционеры Д.В.Каракозов, А.К.Соловьев и Н.И.Рысаков покушались на жизнь императора Александра II 4 апреля 1866, 2 апреля 1879-го и 1 марта 1881-го соответственно).

[2] **Schapiro Leonard.** The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement//The Slavonic and East European Review. December 1961. Vol. XV. No. 94. P.148.

[3] **Naimark Norman.** Terrorism and the Fall of Imperial Russia// Terrorism and Political Violence. Summer 1990. Vol.2. No. 2. P.174.

[4] **Павлов Д.Б.** Эсеры-максималисты в первой российской революции. М.,1989. С.197.

[5] **Schapiro Leonard**. Op. cit. P.160.

[6] **Ibid.**; См. также Отечественная история: с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М.,1994. Т.1. С.480.

[7] **Вампир**: Еженедельный художественно-сатирический журнал (СПб.). 1906. №2. С.2.

[8] **Гершензон М.О.** Творческое самосознание// Вехи; Из глубины. М., 1991. С.90.

[9] **Штейнберг А.** Друзья моих ранних лет(1911-1928). Париж, 1991. С.167.

[10] **Штейнберг А.** Указ. соч. С.177

[11] **Там же.** С.128-129. (Литературовед Илья Груздев рассказывал Роману Гулю о "Дневниках" Блока, над рукописями которых он работал в 1920-е годы для их издания: "Нельзя полностью издать, ну никак нельзя, - ты себе не представляешь, какой там густопсовый антисемитизм". Гуль Роман. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1981. Т.1. С.278.)

[12] П.Н.Милюков метко назвал эти идеи Струве "эстетическим национализмом"(полемика между двумя лидерами русского либерализма происходила в 1909 г.); Милюков предостерегал Струве и его сторонников, что встретившись с "проекцией своих слов в живой действительности" они "лучше научатся взвешивать свои слова и понимать их общественное значение"; "проекция" далеко превзошла самые худшие опасения Милюкова. - См.: Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М.,1968. С.40.

[13] Цит. по: **Аврех А.Я.** Указ. соч. С.41. ("Речь" - центральный орган партии кадетов; "радикалами" член ее ЦК А.В.Тыркова называет своих товарищей по партии Н.А.Гредескула, Э.Д.Гримма, Д.Д.Протопопова, Ф.И.Родичева и Д.Д.Гримма.)

[14] **Маклаков В.** Спасительное предостережение: смысл дела Бейлиса// Русская мысль. 1913. Кн.X; См. также: Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М.,1933; Кацис Л. "Дело Бейлиса" в контексте "Серебряного века"// Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. №4.

[15] **Дубнов С.М.** Книга жизни. Рига, 1935. Т.2. С.227.

[16] **Бердяев Николай.** Смысл истории. М.,1990. С.68-83. (Бердяев, в частности, писал: "К.Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же библейской темы: в поте лица добывай хлеб свой. То же еврейское требование земного блаженства в социализме К.Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский, как избранный народ Божий, К.Маркс переносит на класс, на пролетариат. И подобно тому как

избранным народом был Израиль, теперь новым Израилем является рабочий класс, который есть избранный народ Божий, народ, призванный освободить и спасти мир". - Указ. соч. С.70.) В том же духе высказывался Георгий Федотов: "Воспитанное Библией и вековым притеснением острое чувство социальной справедливости, где современный социализм перекликается с древними пророками, создает вождей пролетариата, глашатаев социальной реолюции, деятелей Интернационала", не без иронии замечая: "Еврейская революционная интеллигенция подрывает тот самый капитализм, в котором так уютно чувствовала себя еврейская буржуазия". (Федотов Г.П. Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса) // Тайна Израиля. Спб.,1993. С.452.)

[17] **Степун Федор.** Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т.I. С.129-130.

[18] **Винавер М.М.** Революционер и фольклорист (С.А.Ан-ский)// Винавер М.М. Недавнее (Воспоминания и характеристики). Изд.2-е. Париж,1926. С.288-289.

[19] **Грузенберг О.О.** Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С.21.

[20] **Жаботинский В.** Еврейская революция// Жаботинский Владимир (Зеев). Избранное. Иерусалим-СПб.,1992. С.187.

[21] Государственное совещание. Стенографический отчет. М.-Л.,1930. С.184.

[22] О попытке П.А.Столыпина отменить значительную часть ограничений прав евреев см. подробнее в кн.: Убийство Столыпина: свидетельства и документы. Рига, 1990. С.54-65.

[23] **Карсавин Л.П.** Россия и евреи// Тайна Израиля. Спб.,1993. С.415.

[24] Статья Н.В.Устрялова "Patriotica" из знаменитого сборника "Смена вех"(1921) цит. по кн.: В поисках пути: русская интеллигенция и судьбы России. М.,1992. С.253-254. (Аналогичные мысли высказывал позднее известный еврейский литератор и общественный деятель Даниил Пасманик: "Евреи-революционеры не опирались на национально-еврейские силы, а являлись лишь экспонентами русской силы, толкователями и предстателями ее... Они были не хозяевами, а приказчиками и коммивояжерами русской революции." - **Пасманик Д.С.** Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923. С.150.)

[25] **Дубнов С.М.** Книга жизни. Рига, 1935. Т.2. С.222.

[26] **Там же.**

[27] **Там же.**

[28] **Степун Федор.** Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк,1956. Т.2. С.53.

[29] **Степун Федор.** Указ. соч. С.113.

[30] **Эйхенбаум Б.М.** Дневник 1917-1918 гг.// De visu. 1993. №1. С.11.

[31] **Дубнов С.М.** Указ. соч. С.236.

[32] **Горький М.** Несвоевременные мысли. М.,1990. С.195-196.

[33] **Дубнов С.М.** Указ. соч. С.247.

[34] **Там же.** С.260.

[35] **Там же.** С.263.

О.В.Будницкий

С.Г.СВАТИКОВ И ЕГО БОРЬБА НА "ЕВРЕЙСКОМ ФРОНТЕ"

Введение к публикациям

Термин "еврейский фронт" попался мне на глаза в письмах историка и публициста Б.И.Николаевского за 1935 год и показался весьма характерным для эпохи[1]. "Боевые действия" на этом фронте велись давно: борьба за равноправие евреев и против антисемитизма стали составной частью российского освободительного движения. Ситуация особенно обострилась в годы первой мировой войны, когда верховное командование русской армии организовало массовое выселение евреев из прифронтовой полосы, опасаясь их нелояльности к России; проще говоря, содействия германским войскам. Логика была примитивна: в Германии евреи равноправные граждане, а в России нет; следовательно, они могут оказаться германскими агентами; "на всякий случай" выселяли всех - женщин, стариков, детей; в кратчайшие сроки; выселение сопровождалось грабежами и насилиями.

Эти безумные действия вызвали ответ со стороны русской интеллигенции в виде ряда статей в периодической печати, создания "Общества изучения еврейской жизни", независимо от своего названия ориентированного на борьбу против антисемитизма, издания сборника "Щит" и др. (Подробнее об этом см. в статье В.Е.Кельнера, предваряющей публикацию исследования Сватикова в настоящем сборнике.)

Активное участие евреев в русской революции было использовано значительной частью правых политиков и публицистов для еще большего разжигания антисемитизма, и без того присущего достаточно широким слоям населения. Черносотенная пропаганда объявляла революцию следствием еврейского заговора, а вождей революции, даже если они не были евреями - орудиями в еврейских руках. Именно в годы гражданской войны получили широкое распространение "Протоколы сионских мудрецов". Все это привело к массовым антиеврейским погромам, жертвами которых стали сотни тысяч людей, не имевших никакого отношения к революционному движению и вообще далеких от политики.

Активная антисемитская пропаганда продолжалась и позднее, на страницах правой эмигрантской печати. Неизвестно, насколько авторы многочисленных антисемитских книг, бро-

шюр и статей верили в то, что писали, но, во всяком случае, объяснять революцию еврейскими происками было очень удобно - это снимало ответственность за случившееся с Россией и с ее прежних властителей, и с тех, кто их поддерживал. Против антисемитского шабаша выступил ряд русских публицистов и историков, в том числе известные политики П.Н.Милюков, Ф.И.Родичев, В.Л.Бурцев и многие другие. Особую остроту еврейский вопрос приобрел в 1930-е, когда антисемитизм стал официальной идеологией нацистской Германии. Причем среди "поставщиков" антисемитской печатной продукции оказались осевшие в Германии русские антисемиты - пресловутый думский скандалист Н.Е.Марков-2, Ф.В.Винберг, Г.Бостунич (Шварц) и др. Нацистами широко использовались "Протоколы сионских мудрецов", впервые появившиеся в России[2].

Сергей Григорьевич Сватиков (1880-1942) принял самое живое участие в борьбе русской демократической интеллигенции против антисемитизма, вместе со своими товарищами, историками и публицистами В.Л.Бурцевым и Б.И.Николаевским. Однако так случилось, что его главные произведения, затрагивающие историю российского еврейства, публикуются только сейчас.

Сватиков был известным донским историком и общественным деятелем. По убеждениям социал-демократ, хотя и с заметным либеральным оттенком, Сватиков сотрудничал в "Освобождении" П.Б.Струве. Подвергся преследованиям со стороны властей за антиправительственную речь, произнесенную на одном из собраний в конце 1904 года. Приветствовал "конституционные" реформы 1905 года, хотя и считал их недостаточными. Тогда же Сватиков выпустил книжку "Общественное движение в России" и брошюру "Созыв народных представителей", издания, весьма актуальные в период формирования политических партий и первых общенациональных выборов в России.

Как историк, Сватиков быстро вышел на общероссийский уровень, хотя немалое число его работ и тогда, и позднее были посвящены истории донского края. Он печатался в "Былом", "Голосе минувшего", "Русском богатстве", "Современном мире"- исторических и литературных журналах левой ориентации. Занимался историей общественного, в особенности студенческого, движения, историей нечаевщины. Опубликовал десятки брошюр, статей, рецензий.

Вершина политической карьеры Сватикова пришлась на 1917-й, когда он в качестве специального комиссара Временного правительства был командирован в Европу для ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции и проверки дипло-

матических служб. Именно тогда Сватиков подробно ознакомился с "кухней" П.И.Рачковского, много лет служившего заведующим заграничной охранкой, и рецептами "блюд", которые на этой "кухне" готовились. Итоги командировки нашли отражение в небольшой, но весьма информативной книжке "Русский политический сыск за границею", изданной в 1918 году в Ростове-на-Дону. Любопытно, что в 1941 году записки Сватикова об истории и методах работы заграничной охранки были изданы НКВД "для служебного пользования". Опыт царских спецслужб, по-видимому, показался полезным преемникам "рыцаря революции".

В 1918-1919 годах Сватиков находился в Ростове-на-Дону, сотрудничал некоторое время с генералом Л.Г.Корниловым и был последним человеком, покинувшим парамоновский особняк на Пушкинской улице, откуда начался знаменитый "ледяной поход" Добровольческой армии. Затем Сватиков остался в Ростове, пережил два с половиной месяца советской власти, период немецкой оккупации. В начале 1919 года, при белых, был приглашен начальником вновь созданного деникинского Отдела пропаганды Н.Е.Парамоновым на пост его товарища (заместителя). Однако вскоре вынужден был уйти, так как командование его не утвердило - показался чересчур левым.

С 1920 года Сватиков - в эмиграции. Жил в Париже, где одно время преподавал в Сорбонне. Был представителем в Париже Русского заграничного исторического архива (Пражский архив), много печатался в различных эмигрантских изданиях. В 1924 году в Белграде вышла главная книга Сергея Григорьевича, не утратившая научного значения до сих пор - "Россия и Дон (1549-1917)". Умер и похоронен в Париже[3].

Сватиков и в 1920-е публиковал статьи против антисемитизма и о полицейских подделках антисемитской направленности. Печатал подобные статьи, в частности, на страницах газет "Еврейская трибуна" и "Общее дело"[4]; последняя издавалась его старым приятелем, знаменитым разоблачителем провокаторов и историком революционного движения Владимиром Львовичем Бурцевым. Сватиков знал его еще с тех времен, когда сам был одним из авторов, а Бурцев - одним из редакторов журнала "Былое". Бурцев был принципиальным борцом против антисемитизма и считал широкое его распространение в белой армии едва ли не главной причиной ее поражения.

Центральным эпизодом борьбы Сватикова на "еврейском фронте" стало его участие в качестве эксперта в Бернском процессе по поводу распространения "Протоколов сионских мудрецов" в Швейцарии. Процесс возбудили швейцарские еврей-

ские общины. Главной целью организаторов процесса были не швейцарские наци, а их хозяева и вдохновители - германские нацисты. Не случайно в качестве эксперта со стороны защиты выступал глава нацистского ведомства внешнеполитической пропаганды полковник Ульрих Флейшауэр. Среди экспертов, привлеченных обвинением, преобладали русские специалисты - Бурцев, Сватиков, Милюков, Николаевский[5]. И это тоже было не случайно - как показывают документы, сохранившиеся в архиве Б.И.Николаевского в Гуверовском Институте, истинными организаторами процесса были российские евреи-эмигранты, первую скрипку среди которых играл И.М.Чериковер[6].

Сейчас, после Холокоста, трудно понять, з а ч е м был затеян этот процесс. Кого и в чем хотели убедить его организаторы? Мало-мальски мыслящему и знакомому с литературой вопроса человеку было ясно, что "Протоколы" - фальшивка, использовавшаяся с определенной политической целью. Для распространителей "Протоколов" судебное решение не имело никакого значения - оно ни в чем не могло их убедить, тем более заставить отказаться от антисемитской пропаганды. Возможно, организаторы хотели привлечь внимание европейской общественности к ядовитой подделке, которую позднее британский историк Норман Кон точно назвал "благословением на геноцид"[7]. Однако европейское общество достаточно спокойно взирало на творившееся в Германии, также как на распространение антисемитской литературы в других странах.

Возможно, русские интеллигенты, пережившие первую мировую, революцию, гражданскую с ее чудовищными погромами, все еще верили в силу знания и в рациональные мотивы поведения людей? Не исключено. Однако скорее сыграло роль нежелание и неумение молчать перед лицом беспрецедентной атаки на беззащитный народ, не имевший в то время возможности даже бежать из нацистской Германии; проблема была не в том, что гитлеровское правительство не выпускало евреев - это границы других государств были закрыты для эмигрантов. Да и большинство европейских евреев не прислушалось к предостережениям лидера сионистов-ревизионистов Владимира Жаботинского и не поняло своевременности его призыва "научиться стрелять". Впрочем, это уже другой сюжет.

Материалы, касающиеся работы русских экспертов на Бернском процессе и их деятельности по дезавуированию "Протоколов", сохранились в собрании Бориса Ивановича Николаевского (1887-1966), историка и публициста, видного социал-демократа-меньшевика и прославленного архивиста. Его фонд в Гуверовском Институте насчитывает 811 ящиков документов!

В трех из них хранятся материалы, посвященные "Протоколам"[8], в том числе публикуемое в настоящем сборнике исследование Сватикова "Создание "Сионских протоколов" по данным официального следствия 1917 года". Оно, как и работы Николаевского и Чериковера о "Протоколах", сохранившиеся в том же архиве, должны были, по-видимому, стать частью контрпропагандистской кампании[9].

Однако опубликованы они не были. Возможно, решение суда в Берне сделало это излишним. Возможно, авторы, зная о работе Бурцева над фундаментальной книгой о "Протоколах" и истории их создания, не стали предварять ее выход менее крупными публикациями. Или же сыграли роль обычные для эмигрантов денежные затруднения. Об этом приходится только гадать. Между тем работа Сватикова имеет в определенной степени значение первоисточника. Именно он первый разбирался в "творчестве" заграничной агентуры Департамента полиции, получил доступ к секретным документам, лично допрашивал агентов. Многие его свидетельства уникальны.

Особый интерес представляет не только (и даже не столько) то, что Сватиков пишет о создании "Протоколов", сколько анализ методов деятельности охранки, паутины провокации и фальсификаций, той атмосферы "мерзости запустения", в которой возможно все. В том числе и фабрикация "Протоколов". И, конечно, центральное место в этой части работы Сватикова занимает "портрет" предполагаемого заказчика "Протоколов" шефа заграничной охранки Петра Ивановича Рачковского.

Версия Сватикова о происхождении "Протоколов" была развита впоследствии В.Л.Бурцевым в его известной книге. В основном той же точки зрения придерживался Н.Кон. Однако есть и другие мнения. Б.И.Николаевский не считал Рачковского организатором создания "Протоколов". Свое особое мнение он не счел возможным обнародовать в период Бернского процесса, чтобы не нарушать единства экспертов.

Николаевский не нашел времени опубликовать свою версию, но изложил ее достаточно отчетливо в письме к Вере Бройдо-Кон, написанном 30 лет спустя после Бернского процесса. Интенсивная переписка между патриархом русской историографии и дочерью его близкой знакомой по партии меньшевиков Евы Львовны Бройдо началась как раз по поводу "Протоколов". Муж Веры, Норман Кон, работал над книгой "Благословение на геноцид", посвященной "Протоколам", и, естественно, хотел получить информацию и советы у Николаевского. Письмо Николаевского, содержащее иную, чем у Сватикова, интерпретацию происхождения "Протоколов", также публикуется в

настоящем сборнике. Норман Кон учел некоторые соображения Николаевского, однако все-таки полагал, что Рачковский причастен к редактированию и распространению "Протоколов".

В не столь давней книге о политическом сыске в России утверждается, что "охранка как государственное учреждение сознавала всю опасность нападок на еврейское население и вопреки распространенному мнению не пускала в оборот "Протоколы сионских мудрецов". В то же время охранка не в состоянии была помешать некоторым из своих офицеров... которые видели в антисемитизме способ направить народное недовольство против удобной жертвы"[10]. По мнению Ч.Рууда и С.Степанова, Рачковский не относился к этим "некоторым" и не имел отношения к фабрикации "Протоколов".

Царское правительство действительно не проводило политику, направленную на сознательное разжигание антисемитизма и тем более организацию погромов. Но совсем другое дело - снисходительное отношение к тем, кто антисемитизм разжигал, кто не сумел (или не захотел) предотвратить погромы, и к самим погромщикам. Слишком много было этих "некоторых" офицеров. Относился ли к ним П.И.Рачковский? Ответить однозначно на этот вопрос все-таки нельзя. Аргументы, приводимые Ч.Руудом, представляются не очень убедительными; так, он ссылается на свидетельства жандармского генерала А.И.Спиридовича и сына Рачковского, Андрея. Свидетели не очень надежные; к тому же трудно всерьез отнестись к такому аргументу Спиридовича в пользу того, что Рачковский "никогда не был антисемитом": "главным его помощником был Геккельман (Ландезен)"[11].

Профессиональный провокатор Абрам Геккельман, после крещения ставший Аркадием Гартингом, впоследствии сменил Рачковского на посту заведующего заграничной агентурой Департамента полиции, но дело здесь не в личных симпатиях или антипатиях ветерана политической полиции. В своих действиях Рачковский руководствовался, как показывает весь его полицейско-политический путь, соображениями личной и государственной (в меру его понимания) выгоды. Причем приоритет отдавался выгоде личной.

* * *

Публикация, вступительная статья и указатели к работе Сватикова - "Евреи в русском освободительном движении" В.Е.Кельнера.

Работа Сватикова о "Сионских протоколах" печатается по

машинописному оригиналу, находящемуся в собрании Б.И.Николаевского в архиве Гуверовского Института Стэнфордского университета (коробка 20, папка 1). Копия того же текста находится среди личных бумаг Сватикова в собрании Николаевского (коробка 415, папка 3). Публикация исследования Сватикова "Создание "Сионских Протоколов" по данным официального следствия 1917 года" и письма Б.И.Николаевского к В.Бройдо-Кон - О.В.Будницкого. Подстрочные примечания к "Созданию "Сионских Протоколов"... - принадлежат автору и помечены астерисками, публикуемые примечания подготовлены С.М.Маркедоновым и помечены цифрами; примечания к письму Б.И.Николаевского - О.В.Будницкого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письма Б.И. Николаевского А.Ф.Изюмову от 6 и 19 февраля 1935 г. - Архив Гуверовского Института войны, революции и мира (АГИ), Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния, США. Коллекция Б.И.Николаевского. Кор.484. Папка 11

[2] См. подробнее в статье «"Еврейский вопрос" в эмигрантской публицистике 1920-1930-х годов» в настоящем сборнике.

[3] О Сватикове см. также в нашем предисловии к публикации его письма В.Л.Бурцеву - "Большевистский Карфаген должен быть разрушен..."// Отечественная история. 1993. №2. С.148-152.

[4] Для нашей темы особый интерес представляют статьи Сватикова "Рачковский и его подлоги" и "Конец сионских протоколов" напечатанные соответственно в №393 и 430 "Общего дела" за 1921 г., а также "Подлоги Рачковского (к вопросу о Сионских Протоколах)" ("Еврейская трибуна", №87 от 26 августа 1921 г.).

[5] О Бернском процессе см. подробнее: **Бурцев Вл.** "Протоколы сионских мудрецов" - доказанный подлог. Париж, 1938 и нашу статью «"Еврейский вопрос" в эмигрантской публицистике...» в настоящем сборнике.

[6] АГИ. Коллекция Б.И.Николаевского. Коробка 20.

[7] **Кон Норман.** Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и "Протоколах сионских мудрецов". М.,1990 (сокращ. перевод с англ. издания 1981 г.).

[8] АГИ. Коллекция Б.И.Николаевского. Коробки 20-22.

[9] АГИ. Колл. Б.И.Николаевского. Кор.20. Папка 3. - И.Чериковер. "Протоколы", их источники и их распространители (обзор). Папка 5. - Б.Николаевский. О происхождении "Протоколов сионских мудрецов" (Предварительная справка).

[10] **Рууд Чарльз, Степанов Сергей.** Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С.275.

[11] **Рууд Ч., Степанов С.** Указ. соч. С.263-264. (Глава "Протоколы, масоны, либералы" написана Ч.Руудом).

ЕВРЕИ В РУССКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

С.Г.Сватиков

ЕВРЕИ В РУССКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

Публикация, вступительная статья и указатель В.Е.Кельнера

Первая мировая война, ставшая роковой чертой в истории России, принесла неисчислимые страдания всем народам, ее населявшим, в значительной мере затронув и российское еврейство. Неудачи в ходе войны привели к тому, что боевые действия развернулись на территориях черты еврейской оседлости. Кроме обычных бед, сопутствующих войне, обострялись и специфические, чисто «еврейские», связанные с господствующим в стране антисемитизмом. Эвакуация при отступлении русской армии из Польши, Литвы, Галиции сопровождалась массовыми погромами и грабежами. Сотни тысяч людей были насильно изгнаны из своих домов и отправлены в глубь страны. Эшелоны с еврейскими беженцами растянулись от Украины до Дальнего Востока. Одновременно часть генералитета и верховной власти попыталась обвинить в неудачах русской армии и в экономических трудностях еврейское население. Была инспирирована погромная агитация как в войсках, так и в тылу. Властями предпринимались меры по дальнейшему ужесточению антиеврейского законодательства. Это вызвало ответную реакцию среди широких кругов интеллигенции. Они считали, что антисемитизм присущ тем кругам, которые поставили страну на грань национальной катастрофы. Поэтому сопротивление официальному антисемитизму стало делом самых различных и идейно «разношерстных» представителей российской общественности. С целью координации этой борьбы было создано «Общество изучения еврейской жизни» (более известное под неофициальным названием «Общество борьбы с антисемитизмом»). Основатели общества, популярные писатели Л.Андреев, М.Горький и Ф.Сологуб, распространили за своими подписями «Воззвание к русскому обществу». К нему присоединились И.Бунин, И.Толстой, Н.Кареев, А.Карташев, З.Гиппиус, И.Лучницкий, П.Струве, Г.Лопатин, С.Мельгунов, Н.Бердяев, Игорь Северянин и многие другие.

На одном из первых мест в работе общества стояло издание специальной литературы, не только направленной против антисемитизма, но и рассказывающей о подлинной сути еврейского вопроса в России. В 1915—1916 гг. было выпущено несколько

подобных книг. Самым известным стал сборник «Щит», выдержавший три переиздания. В 1916 г. был подготовлен еще один сборник — «Евреи на Руси». Приглашение к участию в нем получили В.Короленко, В.Брюсов, И.Бунин, В.Вересаев, С.Сергеев-Ценский, К.Тренев, И.Шмелев и другие авторы.

Представленные материалы сосредотачивались у руководителей общества М.Горького, Л.Андреева, Ф.Сологуба. Была опубликована лишь часть из них, так как Февраль 1917 г. снял остроту проблемы.

Именно к этим материалам относится и публикуемое нами исследование С.Г.Сватикова. Вокруг участия евреев в те годы кипели далеко не академические страсти. Сватиков не мог в то время использовать архивные документы. Источниковой базой для него послужила опубликованная в начале века серия мемуаров участников народнического движения 1870—1880-х и доступные уже тогда историкам ведомственные издания Министерства внутренних дел (жандармские отчеты, обзоры и т. п.).

Появившееся пять-шесть лет спустя исследование ветерана революционного движения Л.Г.Дейча опиралось фактически на тот же круг источников, но оно лишено литературных достоинств, присущих работе С.Г.Сватикова. Хотя сегодня есть возможность привлечь гораздо больше архивных документов по данной теме, очерк С.Г.Сватикова имеет одно, но чрезвычайно ценное достоинство—он написан свидетелем и участником событий тех лет, русским исследователем, стремившимся объективно разобраться в этом непростом вопросе.

Работа хранится в фонде Л. Андреева (ф. 9. Оп. 5. Ед. хр. 11) в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом). В сохранившейся части исследования Сватикова отсутствует пятая глава, которая, по логике изложения, должна была охватывать события 1881 - 1883 гг. Нам неизвестно, была ли она написана.

ГЛАВА 1

Роль евреев в русском освободительном движении, их участие в борьбе за политическое и социальное освобождение России, наконец, их борьба за национальное освобождение — стали предметом общего внимания далеко не сразу. Еще в 1883 г. один из русских реакционных писателей, Гиляров-Платонов, в предисловии к своему обозрению русского революционного движения, следующим образом оценивал значение национальных элементов, из которых слагалась русская «крамола»: «пожива крамолы — в великорусском и малорусском племени и господствующем вероисповедании. Из инородцев бросаются в глаза уроженцы Кавказа, коих значительный процент в нечаевщине и между «30 московскими социалистами». В каракозовщине и нечаевщине еще не встречается семитической струи. Но с допущением евреев в наши школы она занимает непропорционально выдающееся место».

Русское еврейство принесло обильные и кровавые жертвы на алтарь русской политической свободы, оно пожертвовало лучшими своими детьми, но широкое его участие в борьбе — дело сравнительно недавних дней.

В революционном движении конца царствования императора Александра I принял участие лишь один еврей — Перетц, крестившийся, впрочем, в лютеранство. Он служил в канцелярии петербургского губернатора Милорадовича и был принят в тайное общество Глинкой в 1819 г. или 1820 г. Во время следствия по делу декабристов Ф.Н.Глинка отрицал это, указывая, что он отказался ввести Перетца, как заведомого «балагура», и в масонскую ложу, несмотря на его ссылки на связи с известными масонами. Так или иначе, но Перетц был, как видно, членом Союза Благоденствия, мало того, предполагал, по показанию С.Н.Семенова, основать при участии Глинки, Семенова и Кутузова общество, независимое от Союза Благоденствия. По словам Перетца, целью общества было введение конституции, а средством — «распространение всеобщего неудовольствия, делая гласным несправедливость и ошибки правительства». Перетц принял в этот кружок офицеров Искрицкого, Сенявина, Данченко и служившего в морском министерстве Устиновича. Впоследствии, донося на тех, кого вовлек он в свое тайное общество, Перетц подробно перечислял темы разговоров в этом «обществе» и утверждал, что «все единогласно порицали меры правительства». Интересно отметить, что план

Пестеля об основании еврейского государства выселенными из России и Польши евреями был — возможно думать — навеян ему стремлениями, существовавшими уже тогда в еврейском обществе. Так, Перетц говорил неоднократно Ф.Н.Глинке о необходимости основать общество для освобождения евреев, рассеянных по России и Западной Европе, и поселении их в Крыму или на востоке в виде отдельного народа. Подобной же мыслью задавался отец Перетца (винный откупщик), но для этого, по их мнению, было необходимо учредить общество капиталистов и заручиться содействием ученых людей. Соответственно с этим и Пестель считал желательным устройство особого еврейского государства в Малой Азии. Таковы данные об участии, в идейном и организационном отношении, в декабрьском движении еврея Перетца. Сын богатого откупщика, он в свое время не видел иного пути для общения с представителями русского общества, чем тот, который он избрал. Идеи его относительно основания еврейского государства безусловно интересны. Все же появление его среди декабристов было очень случайно. Это видно также и из того, что проходит еще почти 40 лет, если не больше, прежде чем русские евреи начинают снова фигурировать, в качестве отдельных участников, в русском общественном движении.

В царствование императора Николая I мы не видим евреев в революционных кружках. Не было их ни в московских кружках, ни в провинциальных, ни в кружках 40-х гг. эпохи Петрашевского.

В 1848 г., в связи с «пашквилем» на имя начальника III Отделения графа Орлова, «поданным» в феврале, вслед за первыми известиями о парижской революции, имя еврея Фейгина было помянуто «сотрудником» III Отделения Фаддеем Булгариным. Автор «пашквиля», подписавшийся «истым русским», писал Орлову, что «будет то же и в России, если еще не в сильнейшем, как на западе, разгаре озлобленного народа русского»... Булгарин, по предложению Дубельта, представил свои «догадки», сплошной донос на разных литераторов. «Более и сильнее других, — писал он, — вопиют ныне в пользу революции молодой писатель Бутков... Некрасов — и несчастный Фейгин, приятель Краевского, который часто обедает у Фейгина. Фейгин считает себя обиженным и разоренным несправедливостью. Бутков родом из мещан, был прежде письмоводителем или домашним секретарем у Фейгина и писал деловые бумаги и проекты под его диктовку. У Фейгина есть идеи,

но он не знает русского языка, хотя страстный охотник марать бумагу»... Ничего из доносов Булгарина не вышло, хотя, под благовидным предлогом, затребовали в III Отделение почерки названных Булгариным лиц, среди них также и Белинского. Тот Фейгин, которого доносчик назвал «несчастным», был не кто иной, как Литман Фейгин, черниговский купец I гильдии, а также коммерции советник, популярный в еврейских кругах николаевской эпохи. Популярность эту создали ему довольно смелые выступления и ходатайства его пред имп. Николаем I за единоверцев. Разорение Фейгина в конце 40-х гг. приписывалось мести министра финансов Вронченко. Записки Фейгина «об облегчении положения еврейского народа», поданные им в начале 30-х гг., шли к императору через графа Бенкендорфа. Так что Булгарин, в своем доносе, писал о нем как о лице, известном III Отделению. Замечание Булгарина, что у Фейгина «есть идеи», звучит как предвосхищение известной чеховской шутки. Только доносчик 1848 г. был совершенно серьезен, выставляя свое обвинение в «идеях» против Фейгина.

Уже к эпохе имп. Александра II относится дело студента-еврея Иосифа Розенталя. С марта по август 1855 г. в Киевской губернии происходили волнения крестьян, охватившие Киевский, Звенигородский, Чигиринский, Уманьский и Черкасский уезды. Пришлось для усмирения применять военную силу, причем в трех случаях убито было 36 человек и ранено до 97. В Таращанском уезде бывшие студенты Киевского университета — поляк Скавронский и еврей Иосиф Розенталь распространяли среди крестьян прокламации. Розенталь бежал в Галицию, однако австрийским правительством выдан был в Россию и сослан в 1856 г. в Сибирь. По приезде в Сибирь Розенталь сошелся с проживавшими там петрашевцами.

Участие евреев в студенческих беспорядках эпохи имп. Александра II не дает цифры, соответственной процентному отношению евреев-студентов университета. Скорее эта цифра гораздо ниже упомянутого процента. В списках лиц, подвергшихся наказанию за студенческое движение 60—70 гг., еврейские фамилии встречаются как исключение. Обращаясь к движению в среде студенчества до 1861 г., когда разразились первые большие беспорядки, мы находим сведения об университете Киевском. 1-го февраля 1860-го в Киеве было арестовано 12 человек студентов, среди них известный впоследствии по процессу 193-х Митрофан Муравский. Вместе с ним арестованы были два студента-еврея Кацен и Шмулевич, впоследствии освобож-

денные. Члены арестованного кружка ставили своей целью открытие воскресных школ «для распространения в массы простого народа либеральных идей». Большинство членов кружка было отправлено в административную ссылку. Муравский, попавший в г.Бирск Оренбургской губернии, продолжал усиленную переписку с университетскими городами. Часть этой переписки попала в 1862 г. в руки III Отделения, при арестах по делу Н.А.Серно-Соловьевича. При этом было найдено письмо Шмулевича (1861) из Киева, который писал Муравскому: «У нас все мерзость, кроме Пирогова. Это человек в полном смысле слова. За то ему и достается со всех сторон... Наши студенты становятся лучше, у нас еще открылись 4 (кроме прежних двух) воскресные школы и 3 женских»... Таким образом, Шмулевич продолжал участвовать в культурно-политической деятельности Киевского студенчества. В том же 1860 г. был арестован в Москве студент Юкельзон, который писал к одному из членов помянутого выше кружка, Португалову, что в Москве литографируются сочинения Герцена.

В Петербурге во время больших беспорядков 1861 г. были арестованы университетские старосты, носившие тогда название «редакторов» (официально они являлись представителями курсов и факультетов в комиссии, редактировавшей «Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета»). В числе наиболее виновных пяти старост мы находим имя студента Александра Френкеля, сына купца (Самуила Френкеля), которого вместе с товарищами приказано было, как «изобличенного дознанием в действиях, обнаруживающих намерение не исполнять предписаний начальства, выслать в уездный город отдаленной губернии». А.Френкель был помещен в III разряде, младший же брат его, Леонтий, был признан невиновным. Кроме того, в списке «виновных меньше» из числа студентов, содержащихся в крепости, мы находим Утина 2-го, а среди «виновных больше»—Утина 1-го. В официальном списке студентов, арестованных 12 октября 1861 г., из 240 человек там поименованных, значится кроме того 2 еврея: вольнослушатель Эмануил Шац и студент Иосиф Беркман. Дело петербургских студентов было закончено приказом Санкт-Петербургского обер-полицмейстера, генерал-адъютанта Паткуля от 13 декабря 1861 г.

Дело о студенческих беспорядках в Москве восходило на высочайшее соизволение через совет министров. В высочайшем повелении (6 февраля 1862 г.), в пункте 4, в числе «захваченных в противозаконном сборище перед домом военного генерал-

губернатора студентов» мы находим в числе других имя студента Иосифа Левензона. «Противозаконное сборище» состояло, как известно, в том, что студенты московского университета пришли толпою, чтобы подать генерал-губернатору петицию на высочайшее имя с просьбой о восстановлении студенческих старост, организаций, касс, сходок, столовых и т. д., уничтоженных правилами 31 мая 1861 г. Студенты были встречены полицией и подвергнуты жестокому избиению, Левензона и товарищей повелено было «обязать подписками, что они подчинятся всем правилам, установленным для внутреннего порядка в университете, а в противном случае выслать на родину». Пункт седьмой гласит: «студентам, участвовавшим в некоторых беспорядках, но не изобличенных в особенных противозаконных действиях или не захваченных на площади, сделать строгое внушение»... В числе 15 человек, подходивших под этот пункт, были следующие евреи: студенты — Иосиф Коган, Борис Ландо, Александр Зельверович и вольнослушатель Исаак Гурович.

Несколько подробнее стоит остановиться на личностях студентов Утиных, помянутых выше и принадлежащих к семье, давшей русскому общественному движению 60—70-х гг. не одного участника. Прежде чем говорить о младших представителях этой семьи — Николае (по списку Утин 1-й) и Евгении (Утин 2-й), нужно сказать несколько слов об их отце, Исааке и старшем брате Борисе. Отец Утиных, человек без всякого образования, сделал карьеру в откупном деле. Он дал своим детям блестящее образование. Далекий от идей 60-х гг., которыми были увлечены в то время все его дети, он держал себя очень мужественно, когда его сыновей постигла кара, в виде заключения в Петропавловскую крепость, а также и тогда, когда Николай Утин, находившийся у отца на поруках, бежал за границу. Аресту Николая Утина придавалось большое значение, отца хотели самого посадить в крепость, и лишь благодаря гуманному генерал-губернатору кн. А. А. Суворову дело ограничилось домашним арестом. «Меня могут арестовать, совсем разорить, — сказал старик одному из сыновей, — но что бы мне ни угрожало, ни под каким видом Николай не должен возвращаться»...

Старший сын Борис (1832—1872) сыграл в 1861 г. видную роль в качестве одного из наиболее энергичных защитников университетских вольностей «от напора реакции». Воспитанник дерптского университета, он ездил продолжать свое образование за границу. Вернувшись оттуда, он, опираясь на свои научные

труды и на поддержку К.Д.Кавелина, выставил свою кандидатуру в профессора петербургского университета. Все кафедры были заняты; тогда Кавелин предложил учредить новую кафедру всеобщей истории положительных законов. Несмотря на оппозицию факультета, министерство учредило эту кафедру и назначило Утина экстраординарным профессором. Молодой и энергичный преподаватель, он был одним из любимцев молодежи, выступая ее защитником, сторонником корпоративного устройства студенчества. Это не мешало ему быть строгим в научных требованиях. К эпохе его университетской преподавательской деятельности относится ряд его ученых работ по юриспруденции, в которых научность сочеталась с злободневностью тем. Он писал «о мировой юстиции и самоуправлении в Англии» («Современник», 1860 г.), о суде присяжных в Англии, о судебной реформе; в связи с популяризацией конституционных начал стояла его работа «О государственном быте Англии» (1862 г.). Впоследствии, уже находясь в отставке, Б.И.Утин, вместе с Кавелиным, перевел и издал книгу А.Гакстгаузена «Конституционное начало», причем предисловие книги касалось специально России. «Некоторые признаки, — писал Гакстгаузен, — указывают на то, что стремление и поток времени могли бы перенести и русское государство на иные, новые стези. Что попытки в этом направлении будут сделаны, кажется тому, кто знает Россию, не невероятным. Поэтому, — пояснял Гакстгаузен, — мне казалось прежде всего необходимым, чтобы образованным государственным и практическим людям предложен и сообщен был правильный и ясный взгляд на существо и начало конституционной системы»... Книга эта, вышедшая в 1864 г., была конфискована. Таким образом, Б.И.Утин и на кафедре, и в литературе был проповедником конституционных начал. Не менее интересна была его деятельность в университете, где он прямо и откровенно выражал сочувствие новому порядку вещей, который устанавливался там в эпоху 1855—1861 гг. В марте 1861 г., когда признано было необходимым выработать правила для устройства общеуниверситетского студенческого представительства, он был членом комиссии, под председательством Кавелина, в которой участвовали и представители от студенчества. Осенью 1861 г., он, рискуя своей популярностью, удерживал молодежь от резких выступлений, но когда над студенчеством учинена была расправа, он вместе с проф. Кавелиным, Пыпиным, Стасюлевичем и Спасовичем покинул университет, который так любил. В 1862 г. он был

профессором Вольного Университета и пытался спасти его от закрытия. Он показал себя искренним другом науки, свободы и русской молодежи. Последние годы его жизни были посвящены службе в магистратуре; он умер всего 40 лет от роду, членом судебной палаты.

Другой видный представитель семьи Утиных, сыгравший выдающуюся роль не только в студенческом движении 1861 г., но и в революционном движении 60-х гг., был Николай Исаакович Утин. Подобно своим братьям, вторую половину своей жизни он посвятил работе, далекой от освободительной борьбы. Более того, он резко порвал со своим прошлым, отдавшись исключительно созданию материальных ценностей для крупного капитала и для себя самого, в то время, как старший брат его Борис и младший, Евгений, даже уйдя от активной политической работы, остались выдающимися, искренними и честными представителями русского либерализма. Тем не менее Николай Утин вписал свое имя в историю освободительного движения 60-х гг., [что] заслуживает полного нашего внимания.

До осени 1861 г. это был очень занимающийся студент историко-филологического факультета. Работа его об «Аполлонии Тианском» была увенчана золотой медалью за ее «глубокую научную основательность», хотя соперником его выступил не кто иной, как Д.И.Писарев, получивший за работу на ту же тему лишь серебряную медаль. Н. Утин принимал живое участие в студенческих делах того времени: в марте 1861 г. он был избран в члены студенческого суда, который, под руководством В.Д.Спасовича, судил кассира «Студенческого Сборника», студента Бутчика за растрату; по его инициативе состоялось собрание русских и польских студентов, с целью сближения; на этом собрании Утин произнес горячую речь и прочел стихи; по его мнению, русская молодежь сочувствовала тогда Польше, и поэтому он счел неуместной попытку студента Пантелеева практически обсудить вопрос о судьбе Литвы и Юго-Западного Края. Он был избран от студентов в члены комиссии, выработавшей основные начала студенческого корпоративного устройства весною 1861 г. Осенью того же года он высказался вместе с другими руководителями студенческого движения за наиболее энергичный протест против отмены университетских «вольностей», и на этой почве резко столкнулся со своим братом-профессором, пытавшимся успокоить молодежь. Он участвовал в знаменитом шествии студентов петербургского университета на Колокольную улицу, к попечителю; был арестован и посажен

в Петропавловскую крепость. Здесь он написал известный привет в стихах от имени студенчества поэту М.Л.Михайлову. По освобождении из крепости он был одним из «депутатов», которые распределяли пособия товарищам, выпущенным из заключения, а затем с товарищами был инициатором и распорядителем Вольного Университета в городской думе. Он был автором адреса, который предполагали слушатели Вольного Университета подать министру народного просвещения о возвращении профессора Павлова, сосланного за речь о 1000-летии России. Когда было основано т.н. 11 Отделение Литературного Фонда, имевшее целью помогать учащейся молодежи, Н.Утин был избран в члены комитета этого отделения.

Н.Утин участвовал в распространении прокламаций, между прочим, полученных однажды от Н.В.Шелгунова. Он был в тесных связях с Чернышевским, который через него был в курсе студенческого движения. Насколько были тесны его связи с Чернышевским, видно из того, что последний при аресте просил именно Н.Утину передать определенные сведения. В известном доносе на Чернышевского (5 июня 1862 г.) анонимный автор, обвиняя Чернышевского в «разжигании молодежи», называл Н.Утина «правою рукою Чернышевского». «Юношу, бы, за границу, — писал доносчик, — но навсегда, а Н.Г.— куда хотите»...

Вместе с Л.Ф.Пантелеевым [Н.Утин] был одним из главных основателей и деятелей университетского кружка, вошедшего составной частью в тайное общество «Земля и Воля». Вскоре после его основания кружку пришлось после ареста Н.А. Серно-Соловьевича взять на себя роль центра тайного общества. Н.Утин вместе с Пантелеевым был автором прокламации «К образованным классам», он же редактировал № 1 и 2 журнала, точнее листка, под названием «Свобода». Он имел широкие связи среди бывших студентов петербургского университета, который, как известно, оставался закрытым до осени 1862 г.; опирался на очень большой кружок, известный под именем «петербургской коммуны», во главе которого стояли Судакевич и Островский. Когда опасность провала стала угрожать типографии общества «Земля и Воля», то, по распоряжению Утина, она была переведена в имение Мариенгаузена Люцинского уезда, Витебской губернии, где вольнослушатель петербургского университета Д.Степанов, студент Михаил Вейде и отставной штабс-капитан Жуков отпечатали 300 экз. издания: «Земля и Воля»—журнал, издаваемый обществом «Земля и Воля». Руко-

писный оригинал был дан Утиным, он же забраковал оттиски и уничтожил их, направивши типографию в Островский уезд, Псковской губернии. Здесь в феврале 1863 г. эти лица и были задержаны при попытке напечатать тот же журнал. При расследовании Степанов и Вейде показали, что Утин распоряжался напечатанием воззваний и был хранителем печати общества. Прежде чем это успело обнаружиться, Утину пришлось бежать за границу, так как открылись его сношения с польскими революционерами. В письме [из] Брюсселя к отцу, найденном при обыске, Н.Утин писал, что был предуведомлен членом «Земли и Воли» о готовящемся аресте и бежал на средства общества. В 1866 г., во время апрельских арестов, Лаврову поставили, между прочим, в вину переписку с Чернышевским, Павловым и Утиным.

Заграничная работа Н.Утина привлекла к себе внимание не только русского, но и заграничного социалистического мира. Ему суждено было резко выступить против Бакунина, опираясь в этой борьбе на К. Маркса. После двухлетнего пребывания в Англии Утин переселился во Французскую Швейцарию. Здесь он вступил в тесную связь с русскими эмигрантами, группировавшимися в Женеве (Н.И. Жуковским, Элпидиным, Трусовым, Озеровым и др.). В особенности тесные связи завязались у него с Бакуниным и А.А.Серно-Соловьевичем. В 1867 г. он принимал участие в социалистическом органе «Egalite». Затем вместе с Бакуниным выпустил № 1 журнала «Народное Дело». Весною 1869 г., когда Нечаев прибыл после студенческих беспорядков в Женеву и очаровал Бакунина, Утин предостерегал его от Нечаева, а затем совсем разошелся с ним. Но уже раньше № 2—3 «Народного Дела» вышел под редакцией Н.Утина, при участии Серно-Соловьевича и Элпидина, причем Бакунин устранился от дела. В 1869 г. Утиным были выпущены № 4—6 и 7—10 журнала, а в 1870 г. «Народное Дело» приняло форму газеты и вышло в количестве 7 номеров. Причина расхождения между Утиным и Бакуниным, если отбросить борьбу самолюбий и т.п. чувств, заключалась в их глубоком идейном расхождении. Оба они были участниками Международного Общества Рабочих, так называемого Интернационала, но Бакунин был мощным представителем анархизма, а Утин, вслед за Марксом, проповедовал участие в политической борьбе и рабочие кандидатуры. Все биографы Бакунина с негодованием говорят о борьбе Утина против Бакунина и, действительно, Утин не пощадил ветерана всемирной революции, когда при деятельной поддержке Маркса

добивался исключения Бакунина из Интернационала. В 1869 г. Утину удалось захватить в свои руки «Egalite», вызвать раскол в Интернационале и привлечь на свою сторону главный совет этого общества. В начале 1869 г. Утин создал «первую русскую секцию» Интернационала, которая в 1870 г. была принята в состав общества. Об этом уведомил Утина Маркс своим известным письмом (от 24 марта 1870 г.), в котором выражал согласие быть представителем секции в Совете, говорил подробно о реакционном значении длящегося рабства Польши и о деятельности Чернышевского и Флеровского, как о признаке, что и Россия «начинает участвовать в общем движении века». Сам Бакунин, несмотря на свою вражду к Утину, признал, что он «сделал за этот раз дело большой важности для будущего» Интернационала. Увлеченный партийной борьбой, Утин был гораздо пристрастнее: так, на конгрессе в 1872 г. по поводу бакунистов Утин заметил, что если бы когда-нибудь при победе революции гильотина функционировала, то они (бакунисты) достойны были бы, чтобы народ их гильотинировал. Взаимное раздражение было так велико, что бакунисты напали на Утина и учинили над ним кулачную расправу. Утин, со своей стороны, собрал все материалы, характеризовавшие анархизм Бакунина и авантюризм Нечаева, и изложил их в брошюре, напечатанной в 1873 г. по-французски и по-немецки (ее заглавие было: «La democratie socialiste et l'association internationale des travailleurs de Londres»*. Однако борьба с Бакуниным, по-видимому, утомила Утина. Выйдя победителем, он почувствовал себя разбитым морально. Было ли это сознание ошибочности тех или иных действий, разочарование в размерах и ценности борьбы, в размахе и ширине деятельности, но Утин отстранился от близкого участия в русском и международном социалистическом движении. И когда Лавров начал свою деятельность в новом центре русской политической эмиграции в Цюрихе, то он застал здесь лишь «разбитые элементы утинского кружка». Утин сам предлагал свою типографию для издания «Вперед», но лавристы не хотели очень сближаться с утинским кружком. «Бесцеремонная вражда Утина против Бакунина, — поясняет Лавров, — вызвала сильное раздражение во всей эмиграции, и даже безобразная кулачная расправа (осенью 1872 г. в Цюрихе) над Утиным вызвала не столько раздражения, сколько было бы в

*)«Социальная демократия и международное товарищество рабочих в Лондоне».

другое время». Вероятно, это несочувствие эмиграции в связи с временным затишьем революционного движения в России было причиной того, что увлекающийся и порывистый Утин остыл и стал разочаровываться в освободительном движении. Пантелеев, его товарищ по университетскому движению и «Земле и Воле», отдавая должное его способностям, говорит: «Как-то не чувствовалось, что в нем есть серьезные задатки настоящего общественного деятеля. Многим, вероятно, и тогда (1862) не раз приходило на мысль — надолго ли хватит этого возбуждения, и не является ли в нем преобладающим элементом скорее желание играть роль, чем искреннее чувство человека, всецело отдавшегося известной идее». Уйдя от политической деятельности, он занялся металлургическим делом и стал поверенным Полякова-Лохвицкого по заграничным заказам для железных дорог. Когда вспыхнула война 1877 г., Поляков, который строил железную дорогу в тылу русской армии, заявил, что помощь Утина является для него безусловно необходимой. Разрешение было дано; не знаю, подавал ли Утин прошение о помиловании, но его отъезд в Россию дал Лаврову повод сказать об этом с горечью, как «об одном из ранних примеров крупного ренегатства в рядах русского социализма». Лавров был прав, потому что Утин был слишком крупной фигурой в освободительном движении 60-х гг., чтобы можно было спокойно говорить о второй половине его жизни. Конец жизни он провел на Урале, управляя Сергинско-Уфалейскими горными заводами Гинцбурга, и, по иронии судьбы, этим заводам посвящена единственная печатная работа Н.Утина.

Третий выдающийся представитель семьи Утиных был Евгений Исаакович, родившийся в 1843 г. В петербургском университете он был на юридическом факультете, и в студенческих беспорядках он принял участие менее выдающееся, чем брат Николай, однако же настолько видное, что был заключен в Петропавловскую крепость. Слишком горячий и пылкий, он не попал ни разу в студенческие депутаты, ни до беспорядков, ни по выходе из крепости, когда составился комитет, организовавший Вольный Университет. Е.Утин был юноша очень радикальный; его даже шутя прозвали Робеспьером. Именно этому желанию быть радикальнее всех приписывает Пантелеев знаменитую сцену в зале Город. Думы выходку Е.Утина, которая приобрела характер столкновения между «молодым поколением» и проф. Н.И.Костомаровым. Как известно, студенческий комитет, протестуя против высылки профессора Пав-

лова, решил закрыть Вольный Университет. Часть же профессоров была за продолжение лекций. Когда 8 марта 1862 г. после лекции Костомарова депутат от студенчества сделал об этом заявление, Костомаров вернулся на кафедру и сказал: «Я буду продолжать чтение лекций». И при этом прибавил несколько слов, что наука должна идти своей дорогой, не впутываясь в разные житейские обстоятельства. Разом раздались и рукоплескания, и шиканье; но тут Е.Утин выпалил: «Подлец, второй Чичерин. Станислава на шею»... Чичериным он «обругал» Костомарова потому, что молодежь была настроена очень резко против этого профессора за его довольно реакционные статьи по университетскому вопросу и за его письмо к Герцену. Костомаров, вернувшись в гневе на кафедру, сказал: «Я не понимаю тех гладиаторов, которые своими страданиями хотят доставлять удовольствие публике... Я вижу пред собою Репетиловых, из которых через несколько лет выйдут Расплюевы»... Время показало, что обе стороны были неправы. Примирение Костомарова с молодежью состоялось очень быстро, а Е. И.Утин отнюдь не попал в Расплюевы.

В 1862—1863 гг. Е.И., привлеченный Пантелеевым к революционной работе, состоял членом «Земли и Воли». Это обстоятельство осталось неизвестным до конца его жизни, хотя имя его было упомянуто при дознании по делу Андрущенко, которое слушалось в 1865 г. По делу Андрущенко был арестован студент петербургского университета Пушторский, живший на одной квартире с Пантелеевым. Согласно дознанию, у того и у другого бывали Утины Николай и Евгений. Последний объяснил свое знакомство с Пушторским тем, что оба они были в университете в одно время, участвовали в издании студенческого сборника в 1858 или 1859 г., а потом готовились к экзаменам по одним и тем же лекциям. Эти объяснения были, по-видимому, найдены удовлетворительными, хотя в деле были сведения, что Евгений и Николай Утины были знакомы с офицером Преснухиным. А о последнем были показания, что посещавшие Преснухина лица принадлежали к Утинской партии. «...учитель петрозаводской гимназии Хрущев сообщил, что «все социальное направление литературы ничего не стоит в сравнении с утинистами, т.е. последователями (Николая) Утина. Это крайне безобразная партия: для нее нет ничего святого, кроме своей идеи. Это последователи Оуэна, но последователи превзошли своего отца, потому что топчат все: нравы, обычаи народа и кажется, что все прокламации суть произведения Утинской партии»... Книга

Е.Утина была найдена также при обыске и у замешанного в дело студента Гулевича. Но все эти обстоятельства не повлекли за собою ареста и привлечения к делу Е.И.Утина.

Не в пример своему брату Николаю Е.И.Утин окончил университет и затем провел несколько лет за границей, во Франции и Италии, где наблюдал политическую жизнь и нравы, изучал литературу и лучшие образцы парламентского и адвокатского мира. Он принимал видное участие в «Вестнике Европы» с момента основания журнала и до самой своей смерти. Отдельно были изданы лишь две его работы: «Письма из Болгарии» (1877) и «Вильгельм I и Бисмарк» (1892). Кроме того, в 1886 г. он напечатал свои «Замечания на проект особой части Уголовного Уложения». После его смерти, уже в 1895 г., его друзьями были изданы лучшие его статьи «Из литературы и жизни», 2 тома. В своей литературной работе Утин оставался типичным либералом-шестидесятником, знакомя русскую публику с парламентской жизнью Франции, с борьбой за освобождение Италии и Болгарии, с сатирою Бёрне и Щедрина. В области адвокатуры, в которой он состоял с 1870-го по 1894 г., он сделал себе большое имя, неизменно выступая в политических процессах; во 2-м или 3-м процессе «нечаевцев», в деле Долгушина, в процессе 193-х и многих др. Умер Е.И. 9-го августа 1894 года. В.Д.Спасович в своей речи над могилой Е.И. сказал: «Неувядаемая юность, удел весьма редких избранников, никогда не падающих духом начинателей, людей одержимых «священным недовольством» настоящей минутой, исканием лучшего будущего, — людей всегда что-нибудь новое задумывающих, и которых призвание: активная борьба с препятствиями на пути жизни».

«Е.И.Утин и был именно такой боец по своему темпераменту, по натуре. Таким бойцом он был начиная со школьной скамьи; таким он был позже в своих странствованиях по западу, когда ездил во Францию тотчас после седанского погрома... Таким бойцом он был, когда отправлялся в Болгарию во время войны 1877 г.... Таким бойцом он был... в качестве странствующего рыцаря адвокатуры»...

Спасович был прав, определяя таким образом натуру Евгения Утина. Более того, его слова можно приложить и ко всем трем братьям Утиным, если вспоминать их деятельность в начале 60-х гг. Выйдя из богатой еврейской семьи, братья Утины связали свою жизнь и свои идеалы с жизнью и идеалами русской интеллигенции 60-х гг. Не все они оказались одинаково стой-

кими в годы реакции, но в годы подъема они отдали лучшие силы своей души борьбе за академическую свободу, борьбе за политическое освобождение России. В среде русского еврейства они явились первыми провозвестниками большого политического движения. Но в 60-х гг. фигуры их являются одинокими на фоне общего аполитизма русского еврейства, все еще очень далекого от участия в широком освободительном движении. К их именам нужно присоединить еще имена двух братьев Бакст.

После беспорядков 1861 г. многие студенты, вынужденные покинуть русские университеты, направились за границу, в особенности же в Гейдельберг, который славился в то время своими профессорами-юристами и естественниками, Гейдельберг стал не только научным центром, куда стремилась русская молодежь, но после Лондона и революционным центром. Молодежь увлекалась горячей проповедью Герцена, и «герценисты» являлись центром колонии. Ими основана была знаменитая читальня (получившая в 1881 г. название «пироговской»), где были собраны все заграничные издания на русском языке. В 1861 г. в Гейдельберг приезжал сын А.И.Герцена, Александр Александрович, которого торжественно чествовали русские и поляки. Гейдельбергские «герценисты» откликались на все события русской жизни. Они выразили порицание Чичерину за его осеннюю вступительную лекцию в 1861 г.; они вызвали на свой «суд И.С.Тургенева по поводу «Отцов и детей». По их настоянию Н.И.Пирогов выехал на помощь раненому Гарибальди. Наконец, они устроили кошачий концерт бывшему министру народного просвещения гр. Путятину, разгромившему университеты в 1861 г. В 1862 г. «герценисты» выпустили в Гейдельберге «Летучие Листки» № 1, в которых перепечатали наиболее громкие из революционных прокламаций того времени. Во главе «герценистов» стояли два выдающихся брата — евреи Бакст. Из них — старший, Николай Игнатьевич, известный физиолог, был послан за границу министерством народного просвещения для подготовки к профессорскому званию, был впоследствии приват-доцентом петербургского университета и профессором женских врачебных курсов. Участие его было менее заметно. Зато брат его Владимир, врач, был одним из самых горячих «герценистов», вождем колонии. Он неоднократно ездил в Лондон для собеседований с Герценым и Огаревым. Для колонии он являлся истолкователем взглядов Герцена и Огарева на разные вопросы программы и тактики. Между прочим, И.С.Тургенев 3 декабря 1862 г., в письме из

Парижа, нападая на Огарева за его проповедь «старинных социалистических теорий об общей собственности», писал Герцену: «Бакст в Гейдельберге, например, объявил мне, что Н.П. (Огарев) не потому опровергает «Положение» (19 февраля 1861 г.), что оно несправедливо, а потому что оно освящает принцип частной собственности в России»... Личность В.Бакста пользовалась громадной популярностью и привлекла к себе даже неприязненное внимание III Отделения. Так, в № 164 «Колокола» (с. 135) Герцен опубликовал список лиц, которых предписано было арестовать на границе при возвращении в Россию. В их числе мы находим имена евреев — Бакста (конечно, Владимира) и Зальцмана. По уверению профессора Романовича-Славатинского, который был слушателем гейдельбергского университета в 1861 г., И.С.Тургенев, давая в «Дыме» несколько карикатурную картину русского студенчества в Гейдельберге, нарисовал портрет В.Бакста в одним из героев «Дыма». Можно пожалеть, что до сих пор никем не написана еще биография этого чрезвычайно интересного радикального деятеля начала 60-х гг. Тем более что братья Бакст, еще живя в Петербурге (1859—1862), играли видную роль среди студенческой молодежи, и квартира их была одним из центров тогдашнего радикального студенчества.

ГЛАВА 2

Братья Утины и участники студенческого движения 1861 г. являются единственными представителями еврейства в освободительном движении 60-х гг. Затем ни в группе лиц, подвергшихся преследованию по делу Каракозова, ни в процессах, связанных с именем Нечаева, мы не встречаем еврейских имен. Между тем стремление к просвещению охватывало все шире и все глубже русское еврейство, и из среды еврейской молодежи, устремившейся в высшие учебные заведения или только пытавшейся вырваться из круга понятий старого ортодоксального еврейства, вышли видные участники освободительного движения 70-х гг. Эта еврейская молодежь решительно порвала со старым миром, и всем своим сердцем, всей своей душой устремилась к зданию нового мира. Эта молодежь вместе с демократической разночинной интеллигенцией всей России искренне и глубоко восприняла заветы народолюбия и свободы 60-х гг., неразрывно связала свою судьбу с судьбой русского разночинца, беззаветно отдалась борьбе во имя свободы и счастья русского

народа и, не задумываясь, понесла на алтарь русской свободы свое личное счастье, свою свободу и даже жизнь. Семидесятые и первая половина восьмидесятых годов — это эпоха, когда из среды еврейской молодежи вышли выдающиеся деятели освободительного движения, для которых единственной целью было освобождение русского народа, в широком смысле этого слова. Национальные историки еврейского движения справедливо указывают на то, что почти все русские революционеры из числа евреев этого времени порвали со своей национальностью, растворились в русском движении, счастье и свободу русского народа поставили выше всего, забывая о родном народе и включая трудящееся еврейство в массу русского трудового народа и всемирного пролетариата. Лишь немногие евреи-социалисты думали, говорили и действовали во имя еврейского пролетариата и обращались к еврейской социалистической молодежи. Большинство из них ассимилировалось с русской разночинной интеллигенцией и об руку с нею пошло на борьбу во имя академической и политической свободы, во имя освобождения трудящихся масс. И для тех, кому дорого движение 70 и 80-х гг., тем дороже самоотречение и великие жертвы, понесенные еврейской интеллигенцией в эту эпоху. А жертвы эти были велики, и если в начале 70-х гг. мы видим лишь отдельных евреев, участвующих в движении, к концу 70-х гг. они насчитываются сотнями.

Беспорядки 1869 г., охватившие высшие учебные заведения Петербурга, дали освободительному движению два имени. Первый был—студент Технологического института — Лазарь Гольденберг, второй — студент Медико-хирургической Академии Соломон Чудновский. Оба они были высланы за участие в беспорядках на родину: Гольденберг — в Тамбовскую губернию, а затем в Петрозаводск, а Чудновский в Херсон. Оба они сыграли видную роль в движении. Гольденберг уже в конце 60-х гг. был основателем кружка, в котором шло горячее обсуждение статей Бакунина в «Народном Деле». Летом 1872 г. он удачно бежал из Петрозаводска за границу. Еще в России он был в тесной связи с кружком чайковцев, усиленно настаивал на создании популярной народной литературы в [духе] идей кружка и в Женеве стал во главе вольной русской типографии, печатавшей именно эту литературу. Им были напечатаны для чайковцев десятки народных брошюр, получивших в 1873—1874 гг. широкое распространение. Поселившись в 1876 г. после высылки из Парижа в Лондоне, Гольденберг принял вместе с

Либерманом участие в основании «Еврейского социалистического Общества», издавшего прокламацию «К еврейской социалистической молодежи», и неизменно помогал своим техническим опытом всем революционным организациям 70—90-х гг. В 1892 г. он был одним из основателей ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ в Лондоне, сыгравшего столь видную роль в русской заграничной прессе.

Соломон Лазаревич Чудновский, сын купца, попал после студенческих беспорядков в Херсон, а оттуда в Одессу. Здесь он стал одним из виднейших представителей кружка Волховского, имевшего теснейшую связь с чайковцами в Петербурге, ездил в Вену и Швейцарию, вошел в сношения с Лавровым, организовал транспорт нелегальных изданий, и в начале 1874 г., преданный контрабандистом Симхой, был арестован. После $3^1/_2$-летнего заключения он предстал пред судом по делу 193-х и осужден на ссылку с лишением всех прав. На суде он защищался сам, потребовал отвода предателя Симхи, заявляя, что «это — сыщик, и посему действовал с корыстною целью». Однако прокурор Желеховский возразил, что «такого закона нет, чтобы допрашивать сыщика без присяги». Протестуя со всеми подсудимыми против разделения 193 подсудимых на группы, он «из уважения к правосудию и к своему человеческому достоинству» отказался участвовать в суде, так как «постановление 11 октября лишало его всех гарантий, предоставляемых подсудимым Судебными Уставами». Обстановка, при которой арестовали Чудновского, дала присяжному поверенному Бардовскому повод для следующего диалога со свидетелем Симхою:

«Вопрос. Вы ездили в Одессу и устраивали там западню — за это вы получаете вознаграждение? — Ответ. Так как я верный подданный, то должен быть...— Вопрос. Я не отрицаю вашей обязанности, но вы все это даром делали: разъезжали, хлопотали, проживались? — Ответ. Все на мой счет, я только здесь получил 350 рублей от шефа жандармов. — Вопрос. Как вас рассчитывают: поденно или поштучно, т.е. сколько людей изловите, за каждого?.. Ответ. Я не знаю их расчета, я получил 350 рублей»...

В Ялуторовске Тобольской губернии Чудновский был арестован за сношения с уголовным Цыпловым, оказавшим полиции вооруженное сопротивление, отправлен в Курганскую тюрьму; в начале 70-х гг. вместе с Волховским руководил в Томске «Сибирской Газетой», после 15 лет ссылки вернулся в

Россию, после 1905 г. примкнул к левой группе к[онституционных]-д[емократов] и умер в Одессе.

К числу той молодежи, которая со студенческой скамьи начала свое участие в русском освободительном движении, относится Марк Андреевич Натансон, выдающийся политический деятель и организатор. Родившись в 1850 г., в еврейской купеческой семье, он поступил в Медико-хирургическую академию в Петербурге и в конце 60-х гг. основал вместе с Н.В.Чайковским тот кружок, который сыграл выдающуюся роль в движении 70-х гг. и который по справедливости может быть назван столько же кружком Натансона, сколько и кружком Чайковского. В связи с делом Гончарова, студента технологического института, печатавшего прокламации, правительство обратило в 1871 г. внимание на деятельность Натансона, работавшего по распространению в среде интеллигенции книг, хотя и прошедших через цензуру, но весьма тенденциозных. Натансон был отправлен в 5-летнюю административную ссылку в Архангельскую губернию. Во время процесса 193-х, ликвидировавшего кружок «чайковцев», открылось, что Натансон поддерживал связь с деятелями движения того времени. В эпоху деятельности мелких разрозненных кружков и панического страха пред всякого рода центральными организациями, Натансон взывал из ссылки к товарищам, призывая их объединяться «в одно стройное целое». Досугом в ссылке он воспользовался для подготовки такого рода, «чтобы, — как писал он, — куда бы ни забросила меня судьба, я мог высоко держать знамя народного дела». Вернувшись в 1876 г. из ссылки после разгрома 1874—1875 гг., он из уцелевших «чайковцев» и других народившихся к тому времени групп создал основное ядро новой мощной организации, принявшей затем название «Земли и Воли». Деятельность его поражала всех своей энергией, неутомимостью и блестящим проявлением организаторского таланта. Летом 1877 г. он был уже арестован и после заключения в Петропавловской крепости отправлен на 10 лет в Восточную Сибирь. Вернувшись в начале 90-х гг. в Россию, Натансон избрал местом жительства Саратов, где снова сумел сплотить разрозненные общественные элементы. В Орле, а затем в Петербурге он продолжал свою организационную деятельность, объединяя оппозиционные элементы во имя борьбы за конституцию. Партия «Народного Права» была создана его исключительными усилиями. Заключение в Петропавловской крепости и пятилетняя ссылка в Восточную Сибирь были для него лично

результатом его кипучей 4-летней деятельности. Три раза выступает он в освободительном движении, и каждый раз его роль — роль собирателя разрозненных сил, организатора и вождя. Натансон — одна из крупнейших фигур движения не только 70-х, но и 90-х гг.

Между тем в городах «черты оседлости», в среде молодежи, готовившейся в раввины, все больше и больше распространялись мысли, приходившие туда из студенческих и семинарских кружков, идеи братства и свободы, борьбы за освобождение трудящихся масс. Для неофитов нового учения открывался мир, далекий от окружающей среды. Идеи Добролюбова, Писарева, Чернышевского, с одной стороны, страстные призывы Лассаля, проповедь Лаврова, воззвания Бакунина, с другой стороны, — все это опрокидывало старые авторитеты, на место религии ставило разум, на место национального — общечеловеческое, на место узкой среды прошлого — широкий мир общечеловеческой борьбы за будущее. Брожение шло повсюду: в Вильне, Минске, Могилеве, в Киеве, Одессе. Это движение дало революции ряд видных участников-евреев. Уже в 1870 году студент А. Финкельштейн должен был бежать из Вильны за границу, так как начато было дознание об устройстве тайной тенденциозной библиотеки в раввинском училище и распространении противоправительственных книг среди интеллигенции. Этот Финкельштейн, живя в Кенигсберге, оказал немало услуг русским революционерам при переправке через русскую границу как беглецов из России, так и транспорта с книгами в Россию. В 1872 г. образовался в Вильне тайный кружок, занимавшийся чтением запрещенных книг, вошедший в сношения с чайковцами в Петербурге и распространявший соответственную литературу среди интеллигенции. Членами кружка были: Аарон Зунделевич, Аарон Либерман, В.И.Иохельсон, Борель и некоторые другие. 30 июня 1875 г. кружок подвергся разгрому, Либерман бежал за границу, Зунделевич скрылся и перешел на нелегальное положение. Но начатое дело продолжалось, и в 1876 г. благодаря сыщику Глобусу и предателю Дискеру Вольфзону кружок в Вильне подвергся новому разгрому; пострадали: Давидович, впоследствии еврейский писатель, и Арк. Клячко, всего до 40 человек. Независимо от виленского кружка возникали революционно-настроенные кружки и в других городах. «Настроение молодежи выражалось в религиозном неверии; оно носило печать нигилизма, смешанного со смутными чаяниями грядущего равенства людей, коммунизма и т.п.»...

Часто эти кружки были оторваны от общерусского движения, и лишь отдельные личности из членов кружков вошли в революционное движение. В Могилеве подобный же кружок был создан гимназистами П.Аксельрод и братьями Левенталь, которые продолжали свою работу и в Киеве, в университете. Там же, в Могилеве, порвал связи со старым миром, с местом раввина, уже для него приготовленным, с отцом и женою, молодой Лейзер Цукерман. В Минске студентом технологического института Шварцем (он же Рабинович) была начата социалистическая работа среди рабочих. Шварц начал работать в 1875 г. в кузнице, но вскоре был схвачен, сослан в Вятскую губернию. Из ссылки он эмигрировал в Нью-Йорк. За ним явился студент Киевского университета Моисей Веллер, работавший среди столяров. Ему вскоре пришлось бежать в Женеву, откуда он вернулся при Лорис-Меликове, но в начале 80-х гг. он покончил жизнь самоубийством.

Выше мы назвали ряд лиц, сыгравших видную роль в русском освободительном движении. Зунделевич (род. в 1854 г.), создавший виленский кружок, вернулся вскоре из-за границы, был одним из основателей «Земли и Воли» и играл в ней выдающуюся роль как организатор технических предприятий: типографий, перевозки книг, перехода границы и. т.п. Вопреки скептицизму товарищей, полагавших, что существование подпольной типографии в Петербурге невозможно, Зунделевич на ничтожные средства создал знаменитую «Вольную Русскую Типографию» конца 70-х гг., а когда «Земля и Воля» прекратила свое существование, он создал заново типографию «Народной Воли». Среди анархических увлечений того времени, Зунделевич проявил большое понимание действительности и политический ум, высказываясь вместе с Вал.Осинским в пользу борьбы за политическую свободу. Среди землевольцев он был единственный, который с самого начала трезво и правильно ставил вопрос о необходимости политической свободы. Когда в марте 1879 г. возбужден был вопрос о цареубийстве, Зунделевич принял участие в обсуждении вопроса о личности покушающегося. В Петрограде явились три кандидата, каждый по своей инициативе: Соловьев, Квятковский и еврей Гр.Голденберг. — «Я, — заявил на суде в 1880 г. Зунделевич, — энергически восстал против участия Гольденберга, потому что, при общей склонности христианского мира приписывать всей еврейской нации преступление, совершенное одним из ее членов, обвинение в данном случае легко могло обратиться на всех евреев». Единст-

венным же средством предотвратить покушение Соловьева был бы донос. Впрочем, Зунделевич участвовал в Липецком съезде, создавшем партию Народной Воли и решившем судьбу имп. Александра II. Немало усилий потратил Зунделевич на то, чтобы перевести имущество Лизогуба в руки партии, что, впрочем, ему не удалось вследствие предательства управляющего Лизогуба, некоего Дриго. Зунделевич был арестован 22 октября 1879 г. в Публичной Библиотеке с несколькими номерами «Народной Воли», судился по процессу 16-ти в 1880 г., признал себя виновным в недонесении о покушении Соловьева и, объясняя свою деятельность, сказал, что она направлена была к свободе слова. «Мы стремились к изменению существующего строя, — говорил он, — но мирным путем, посредством пропаганды. Даже факты насилия были направлены только для достижения свободы слова»... Приговоренный к бессрочным каторжным работам, Зунделевич был на каторге, сперва на Каре, потом в Акатуе, в 1891 г. выпущен в «вольную команду», в 1898 г. отправлен на поселение в Читу и в 1906 г. вернулся в Россию. Чем больше знакомимся мы с обликом Зунделевича, тем сильнее растет в нас чувство удивления, как мог среди анархической среды 90-х гг. выработаться такой выдержанный и последовательный социалист европейского типа. Товарищ Зунделевича по «Земле и Воле», шлиссельбуржец М.Р.Попов, правильно определил его как истинного социал-демократа германского типа. Заслуживает внимание, что таким же европейцем был Натансон; таким же «европеизатором» русского рабочего движения явился впоследствии П.Б.Аксельрод — все трое вышедшие из еврейской среды.

Среди молодежи, порвавшей в начале 70-х гг. с родным домом ради пропаганды социализма, но не порвавших с родным языком и народом, нужно отметить Либермана и Цукермана. Оба они, правда, отказались от религии, подобно Зунделевичу, который на суде заявил, что он «никакого вероисповедания». Лейзер Иосифович Цукерман (1852—1887) происходил из купеческой семьи и, как мы знаем, бежал из родного дома за границу. С 1875 по 1879 год он провел в Берлине, Вене и Женеве, работая в качестве наборщика в революционных типографиях. Даровитый поэт и беллетрист, он много писал на древнееврейском языке и жаргоне, был одним из главных сотрудников еврейского революционного журнала «Правда» (Гоэмес), издававшегося Либерманом. Тесно связывая судьбу родного народа с судьбой русской свободы, Цукерман ни ми-

нуты не колебался, когда осенью 1879 г. Зунделевич пригласил его работать в тайную типографию «Народной Воли». Бесконечно простой, с младенчески чистой душой, кроткий и незлобивый, он завоевал сердца всех товарищей по революционной работе, а впоследствии и по каторге. Товарищи его при аресте типографии в январе 1880 г. оказали вооруженное сопротивление. Цукерман отказался от показаний, чтобы не повредить кому-либо, хотя его вина заключалась только в печатании «Народной Воли». На суде он искренне заявил, что он «социалист, но не революционер» и что он «ни разу в жизни не держал револьвера в руках». Это была — правда. Тем не менее суд приговорил его к смертной казни, как и Зунделевича, заменивши ему казнь 8-летней каторгой. Попав в Якутскую область после Карийской каторжной тюрьмы, Цукерман с первой же весной покончил с собой, бросившись в Лену. «Так, — говорит о нем О.Любатович, — кончила жизнь эта прекрасная одинокая душа, беззаветно искавшая правды, только правды».

Арон Либерман, скрывшийся с Зунделевичем, Вайнером и Иохельсоном из Вильны при ликвидации революционного кружка в 1872 г., был центральной фигурой еврейского революционного движения в России. Он родился около 1848 года, в г. Луна Гродненской губернии в семье учителя еврейского языка и после окончания ешибота учился с Зунделевичем в раввинском училище и вынес оттуда, подобно Зунделевичу, лютую ненависть к еврейскому раввинизму. Во время суда над ним в Берлине, на вопрос о вероисповедании он ответил: — «Никакого. Но я имел несчастье родиться евреем»!.. Во время деятельности в Вильне (он служил там управляющим агентства «Двигатель») он стал поклонником Лаврова, и, когда последний начал издавать в Лондоне журнал «Вперед», он стал его сотрудником. Другие члены кружка «главным образом имели в виду хождение в народ», т. е. работу среди русского крестьянства. Либерман был единственный, который смотрел на работу среди евреев «не только как на способ вербовки сил для российской революционной армии, но и как на средство поднять национальное самосознание еврейства, культурно-национальные особенности которого он ценил очень высоко в ряду прогрессивных факторов в деле развития человечества». Проект пропаганды на жаргоне или на древнееврейском языке не успел осуществиться, когда произошел провал. Либерман получил в Кенигсберге рекомендательное письмо к Лаврову от студента Финкельштейна и работал в редакции «Вперед» в качестве сотрудника и в типо-

графии в качестве наборщика. В Лондоне Либерман (при участии Гольденберга, бывшего товарища по технологическому институту, соратника по журналу «Вперед») организовал «Еврейское Социалистическое Общество», читал вместе с ним политико-просветительные рефераты и выпустил первую социалистическую прокламацию на еврейском языке: «К еврейской молодежи» за подписью «народные доброжелатели из дома Израиля». В ней он призывал еврейскую интеллигентную молодежь на помощь к еврейскому пролетарию. Но и этот наиболее национальный еврейский революционер писал в журнале «Вперед»: «Русский мужик — наш брат; для нас, социалистов, нет ни национальностей, ни расовых разделений; все мы, живущие в России — русские; у нас одни интересы и одни обычаи. Мы — русские. Соединимся же все против врагов во имя равенства и братства». С апреля 1877 г. Либерман поселился в Вене, где издавал журнал «Правда» (Гоэмес), на древнееврейском языке. В феврале 1878 г. он был арестован в Вене при попытке отправить через Краков в Россию русскую революционную литературу. 14-го ноября 1878 г. его судили, как «русского нигилиста», организовавшего «этап между Женевой и Россией». Суд признал его виновным лишь в проживании по «фальшивому» паспорту (он именовал себя Артур Фриман). Затем его выдали в Пруссию, чтобы судить в Берлине по т.наз. делу русских нигилистов. Здесь были арестованы на основании переписки, взятой на обыске у Либермана, студенты-евреи из России — Г.Гуревич, М.Аронзон и некоторые другие. Русско-еврейское студенчество в Берлине оказывало большие услуги по транспортированию революционной литературы в Россию, информировало немецкую социалистическую печать о русских событиях и т. д., но не участвовало в немецкой политической жизни. Тем не менее Либерман, Гуревич и Аронзон были осуждены от года до 6 месяцев и к изгнанию из Пруссии навсегда. Во время процесса открылось, что Аронзон был родом из Могилева, вел пропаганду сперва там, а затем вместе с Гуревичем, в течение 2 лет живя в Киеве, принимал там активное участие в русском революционном движении. Так как причиной провала берлинской группы послужила неосторожность Либермана, сохранявшего всю переписку до последнего клочка, то товарищи по процессу предложили ему переселиться в Америку. Это так подействовало на Либермана, что он вскоре по приезде в Нью-Йорк застрелился. Гуревич вернулся потом в Россию, а Аронзон живет в Северной Америке.

Хождение в народ, которое стихийно охватило русскую интеллигентную молодежь в 1874 г., было ликвидировано арестами, начавшимися 31 мая 1874 г. в Саратове. Записка министра юстиции графа Палена об успехах революционной пропаганды в Империи насчитывала 770 человек привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых, из них 612 мужчин и 158 женщин. Не разыскано было 53 человека, под стражей содержались 265 человек. К этому нужно добавить, что за 4 года, пока тянулось следствие, более 70-ти человек погибло в тюрьмах. Дело о революционной пропаганде в Империи, получившее в просторечии название «Большого процесса, или Дела 193-х», по числу подсудимых (в начале процесса было 196), привлекло на скамью подсудимых всего 9 человек евреев или 4%. Это были Аронзон, Рабинович, Тетельман, Ис.Павловский, Кац, Корабельников, Пумпянская, Чудновский и контрабандист Эдельштейн. Чудновского мы уже знаем. К сожалению, начинать приходится с ренегата. Студент Медико-хирургической академии, мещанин Моисей Абрамович Рабинович, 23 лет, брюнет, небольшого роста, был опубликован в списке разыскиваемых по делу о революционной пропаганде. Задержанный вскоре Рабинович дал такие подробные показания, что на основании их были привлечены десятки лиц. Он был членом кружка Ф.Н.Лермонтова, который, выйдя из кружка «чайковцев», основал с благословения Бакунина свой кружок, в который принял Рабиновича. Последний проявлял большую энергию и настолько был опытным агитатором, что представлялся большинству имевших с ним дело зрелым человеком. Слишком раннее развитие его вызывало опасение более осторожных, и действительно Рабинович «задумал надуть жандармов своим мнимым предательством и, выйдя на волю, продолжать свою революционную деятельность... Он предал только людей, которые, по его мнению, почти совпадавшему с действительностью, уже были скомпрометированы». Никого он, конечно, не «надул», кроме себя самого. Он указал на участие в деле А.Я.Ободовской студентов Аксельрода, Лурье и братьев Левенталь, Лермонтова и его кружок, его сношения с Бакуниным, Сажиным, Судзиловской, Ваховской, Милоглизкиным и Софией Лешерн фон Герцфельд. По словам Рабиновича, Лермонтов уже в 1872 г. видел исход лишь за «кровавой революцией» и рекомендовал вести пропаганду «в положении рабочего». Рабинович оговорил Чарушина, Богомолова, Куприянова, Кравчинского. О себе рассказал, что работал некоторое время в кузнице на Боровой

улице, был заместителем Лермонтова в его кружке и представителем кружка в собрании депутатов петербургских кружков. Подробно рассказал он, как организовал с М.П.Сажиным перевозку книг через границу, при помощи контрабандиста М. Эдельштейна. В январе 1874 г. Рабинович, по поручению Лермонтова, ездил в Киев и Харьков, в начале мая, по поручению Ковалика, в Харьков и Киев, в Москву, где получил деньги от Войнаровского, в августе — в Саратов, предал Каблица и кружок «вспышкопускателей», кружок Городецкого, кружок Баркова в Харькове, Брешковскую и Левенталей в Киеве.

Во время суда, сидя в доме предварительного заключения, Рабинович принес покаяние в содеянном пред всей тюрьмой и получил формальное прощение. Поведение его на суде было мужественным, но безнадежным. При разделении подсудимых на 17 групп, его включили во все, кроме 10, 13 и 17-й. На заседании 25 октября Рабинович заявил, что «все показания, которые он дал прежде, безусловно ложны и даны с целью [быть] освобожденным из-под стражи». Протестуя против разделения подсудимых на группы, он отказался отвечать на вопросы, «признал свою принадлежность к социально-революционной партии и факт распространения ее изданий», но «виновным» себя ни в чем не признал: «здесь не может быть речи о виновности». Вслед за этим, когда Синегуб заявил, что «доверия к суду не питает и его не признает», Рабинович присоединился к нему и был удален. На заседании 27 октября он заявил, что будет посещать суд, чтобы восстановить истину и по поводу оговора кружка «чайковцев» объяснил, что дал ложные показания, подтверждал то, что предлагал подполковник Новицкий. Тщетно пытался Рабинович отвергнуть возведенные им же обвинения на Сажина и Лермонтова, на Троцкого, Артамонова, на кружок «самарцев». Во время речи Мышкина, когда тот бросил сенаторам обвинение в неправосудии, Рабинович препятствовал жандармам прервать речь и вывести Мышкина. Рабинович приговорен был к лишению прав и ссылке в Иркутскую губернию. В Сибири он, не вынеся перенесенных потрясений, сошел с ума, перевезен был в 1881 г. в Казань и там умер.

Соломон Аронзон, которого обвинительный акт именовал мещанином, был студент Медико-хирургической академии и обвинялся в принадлежности к кружку «оренбуржцев», организованному Голоушевым в Петербурге. Раньше он работал в кружке студентов Медико-хирургической академии Вейнбаума

(осень 1873 г.), но кружок распался. По показанию студента-техника Гвоздева, Аронзон производил вместе с ним опыты создания печатного станка. Он был послан кружком на Волгу, с двумя тюками нелегальной литературы, в Самаре тщетно искал адресата, вынужден был бросить тюки и уехать в Оренбург. 23 августа 1874 г. он оставил в Казани на квартире уже арестованной Веревочкиной записку, неосторожно подписанную своим именем, и вечером был арестован. Письма его из Самары были перехвачены. В них он рассказывал о встрече на пароходе с Д.Клеменцом («Бяка», «Яй-Богу»), жаловавшемся на неуспех пропаганды: «слушают-то слушают, но сами слышанное не распространяют... в одно ухо вошло, в другое вышло. Главная причина неплодотворности нашего дела заключается в отсутствии развития со стороны угнетенных и нашем собственном шалопайстве. Для того чтобы деятельность наша была плодотворна, — заключал Аронзон, предсказывая правильно следующую стадию хождения в народ — «поселения» в народ, — «нужно развивать отдельные личности и бросить шалопайство. Этого достигнем с помощью известного тебе плана — поселиться в деревне и устроить крепкую организацию»... Для работы в деревне Аронзон хотел ехать кончать академию, скопить тысячи три рублей, «и тогда за дело». Таким образом Аронзон отразил живое впечатление, полученное опытом 1874 г., что недостаточно мимоходом бросить несколько слов, чтобы увлечь кого-либо, тем более массу за собой. Как на улику против Аронзона, обвинительный акт указал на крестьянские рубахи, найденные у него при аресте. Во время суда на заседании 1 ноября Аронзон отказался отвечать на вопросы, от защитника и от участия в процессе. Он отказался сидеть на скамье подсудимых. Председатель несколько растерялся, потому что стал уговаривать Аронзона остаться: «когда оправдаетесь, сидеть не будете», «я не имею права предоставлять вам другого места», но потом, несмотря на заявление Аронзона: «Вы можете заочно приговорить меня» — резко удержал его в зале. Однако вскоре же Аронзон, указывая на обер-прокурора Желеховского, нервно заявил: «Господин первоприсутствующий, я не могу сидеть здесь: мне противно находиться против одного из башибузуков, нашего злейшего врага и мучителя». Он был тотчас удален за оказанную дерзость. Приговор был мягкий: 3 месяца рабочего дома без лишения прав, но он последовал после 3 $^{1}/_{2}$ лет предварительного заключения, а за ними последовала административная ссылка.

Студент Медико-хирургической академии, купеческий сын, Лейзер Абович Тетельман был одной из многочисленных жертв процесса 193. Обвинительный акт поставил его в связь с киевской «коммуной». Выяснилось, что он был знаком с Е.К.Брешковской, затем знакомство их перешло в интимную близость, и, приезжая в Петербург, Брешковская останавливалась у него. Тетельману ставили в вину поездку в Горяны, Мглинского уезда, где он с Брешковской якобы хотел воспользоваться доверчивостью помещицы для приобретения средств от продажи ее имения на революцию. Из Горян он поехал в Киев, где был известен в «коммуне» под именем Коли. Во время начавшихся арестов Тетельман помог бежать Стефановичу, Коленкиной, слишком поздно явился на выручку Брешковской. Он устроил в Киеве вечер в пользу политических заключенных. Был уличен в посылке Брешковской записок в тюрьму через посредство Марии Пассовер. Нужно ли говорить, что обвинение в каких-то корыстных планах было совершенно ложно, что и выяснилось на суде. Даже в сухом изложении стенографического отчета нельзя равнодушно читать о положении Тетельмана на суде. В последней стадии чахотки, нажитой в тюрьме, он появляется в суде. Суд переводит его со скамьи на стул, где ему легче сидеть. Его выслушали вне очереди, наконец, он просил отпустить его на юг. «Я расстроен совершенно, — сказал Тетельман, — у меня рандеву 5—6 болезней: цинготное разложение крови, воспаление верхушек легких, несварение желудка и т.п.»... На суде Тетельман доказывал, что его обвиняют в принадлежности к сообществу без всяких данных, с благоговением говорил о Брешковской, своей гражданской жене, «которая произвела на него чрезвычайно сильное впечатление своей честной нравственной натурой, своими сильными убеждениями». Во время поездки Брешковской в Горяны он был арестован по оригинальной причине: у него в билете значилось, что он «своекоштный студент», а полиция наивно прочитала «своевольный студент». Он признал, что оказывал помощь Брешковской, Коленкиной и устроил вечер в пользу потерпевших. 10 ноября состоялось постановление об освобождении, 20-го его освободили, а 25-го ноября его уже не было в живых.

В принадлежности к харьковскому кружку обвинялся Михаил Николаевич Кац. В 1874 г., по словам Аптекмана, это был еще очень молодой человек, прекрасно начитанный, талантливый, энергичный. Харьковский кружок возник весной 1874 г., когда в Харьков приехал один из виднейших революционных деятелей

— Ковалик. На устроенных им собраниях преимущественно семинаристов присутствовал и студент Харьковского университета Кац, поддерживал речь Ковалика и стал энергичным членом кружка. Затем он уехал в Екатеринославскую губернию изучать кузнечное ремесло и добыть денег для кружка. В ноябре 1873 г. он присутствовал в Киеве на съезде кружка «жебунистов», где было решено группами расселиться по России. Через Якова Стефановича Кац получил место учителя сперва в Кошарах, а потом в с. Великий Самбор Конотопского уезда. К лету 1874 г. он переехал в Одессу, где жил с С.Жебуневым, посещал Макаревич, занимался бондарным ремеслом. На суде выяснилось, что в Черниговской губернии у него была кузница, в которой работали революционеры. В 1875 г. Кац бежал в Румынию, откуда был увезен обманным образом в Россию, приведен в Петропавловскую крепость, доставлен на суд по делу 193-х, отказался присутствовать на суде. Особое Присутствие Сената приговорило его к 1 году 3 месяцам арестантских отделений с лишением прав, но ходатайствовало о вменении ему в наказание предварительного заключения. Зимой (в декабре 1878 г.) на совещании либералов с террористами по поводу приостановки террористических покушений он присутствовал в качестве представителя народников (не террористов). Сосланный административно в Мезень «за участие в пропаганде», он бежал 24 июня 1879 г. из Архангельска в Вадзё, на норвежском пароходе. Шведское правительство не выдало его, но III Отделение установило над ним надзор, так что когда Кац прибыл в Париж, то агенты, следовавшие за ним по пятам, установили, что он имел здесь свидание с Л.Н.Гартманом, и дали знать русскому посольству, тотчас предъявившему требование о выдаче. Из Франции Кац поехал в Румынию, жил здесь, принимая под именем Геря-Доброджану видное участие в румынской жизни и литературе, оказывая помощь русским эмигрантам. Умер в 1884 г. в Монпелье.

В качестве основателя революционного кружка в Таганроге судился по делу 193-х студент Медико-хирургической академии Исаак Павловский. В Петербурге к его кружку принадлежал его брат Аарон, слушательница акушерских курсов Эйдели Пумпянская, студенты-медики Зубков и Иванишевич. Этот кружок имел самостоятельные сношения с эмиграцией, с Сажиным, занимался ввозом и распространением революционных изданий. Летом 1874 г. в Таганроге Павловский при помощи московской и харьковской деятельницы А.Андреевой организовал

кружок, в котором читалась революционная литература. Свидетель Юркевич отозвался о Павловском, как об «умнейшем члене и представителе кружка». Под ширмою члена кружка Иогансона была организована библиотека легальных, но тенденциозных книг. На следствии вскрылась полностью деятельность Павловского по перевозке книг через посредство контрабандиста Эдельштейна. У Аарона Павловского найдено было письмо его брата, Исаака, который писал: «мы теперь мчимся с дикой быстротой назад в Николаевские времена»... «Долго этого быть не может, не могу и не хочу верить, чтобы это долго так было». У Гейштор была найдена в тюрьме записка Павловского: «верю глубоко в наше святое дело... пусть свирепствует опричнина, она сама себя сжирает в своем неистовстве... нельзя ли узнать об Андреевой, т. е. об ее образе жизни. Мне говорил брат, что она делает доносы на подруг, что стучит. Эта стерва — второй экземпляр Рабиновича»...

На суде Павловский отказался от участия в заседаниях и от защиты Евгения Утина. Суд заочно приговорил его на три месяца, зачтя предварительное заключение. Объяснения его на следствии были довольно откровенны, но разрыв его с товарищами произошел гораздо позже. В начале августа 1878 г. вместе со Стефановичем, Дейчем и Бохановским, бежавшими из Киева, он был переправлен Зунделевичем через границу и поселился в Париже. Здесь он постепенно порвал с прежними товарищами, стал корреспондентом «Нового Времени» под именем Яковлева и в эпоху «мерзости и запустения» оказал самое тлетворное влияние на Льва Тихомирова, содействовав ренегатству этого крупного революционера, некогда его товарища по делу 193-х.

В связи с Павловским судился по делу 193-х ученик харьковского железнодорожного училища Семен Корабельников, которого привлекла к революционной деятельности Андреева, советовавшая ему пропагандировать среди рабочих, ехать на практику поближе к Таганрогу, а также включившая его в кружок Павловского. На суде выяснилось, что товарищи «гнали его за то, что он — еврей», а он «смеялся с русского народа, что небрежность наблюдает в избах». Говорил: «не понимают ничего, не учены, вот поэтому и обманули помещики землей», что за границей лучше: «нема царя там, само общество управляется». Корабельников был оправдан.

Точно так же оправдана была судом слушательница акушерских курсов, виленская мещанка Эйдели Владимировна Пумпянская, прикосновенная к переписке Павловского с заграни-

цей. Роль ее в деле была незначительна, но и то, что она судилась по делу 193-х, являлось в глазах администрации таким явным признаком неблагонадежности, что во времена «панютинского» террора в Одессе в 1879 г. при генерал-губернаторе Тотлебене ее выслали из Одессы в северо-восточную губернию.

Совершенно случайным элементом в Большом процессе явился контрабандист Мовша Вульфов Эдельштейн, ввозивший литературу. На суде он уличал Сажина, горько сожалел, что «не имел счастья» своевременно видеть г.прокурора. — «Я даже никогда не мог себе представить, — воскликнул контрабандист, — что книги могут быть такие преступные». Мы видели выше, что южные контрабандисты были далеко не так наивны. Сенат приговорил его к $3^1/_2$ г. арестантского отделения, но вменил в наказание предварительное заключение.

Дело 193-х, конечно, закончилось приговором по отношению лишь к части тех, кто принял участие в движении начала 70-х гг. Дознание по делу открыло революционную деятельность лиц, которым удалось бежать, скрыться за границу и принять затем участие в освободительном движении. Так, в деле одесского кружка Жебуневых неоднократно упоминалось имя супругов Макаревич. Анна Макаревич, урожденная Розенштейн, родилась в 1854 г., была уроженкой Симферополя, молодой девушкой уехала в Цюрих, блестяще выдержала экзамен в политехникум, куда была принята одной из первых женщин, была отличным математиком, но увлеклась проповедью Бакунина, стала членом кружка «сен-жебунистов» и убежденнейшей отрицательницей государства. В Цюрихе же она вышла замуж за Макаревича, одессита, с которым она приехала в Одессу и здесь продолжала начатую в Цюрихе, в кружке «сен-жебунистов», революционную работу. Обвинительный акт по делу 193-х вменял в вину ей, собственно, немногое, но это понятно, потому что она скрылась от ареста еще в 1875 году. Были установлены ее революционные связи с Жебуневыми, Кацем, Франжоли, Желябовым. В 1877 г. она эмигрировала, в том же году была арестована в Париже за основание интернациональной секции, причем И.С.Тургенев оказывал ей помощь через посредство П.Л.Лаврова, затем была арестована во Флоренции. В 1878 г. она связала свою жизнь навсегда с итальянским рабочим движением. Вышла замуж за итальянского социалиста Коста. Ее имя, принятое в Италии — Кулешова, стало широко популярно в международном социализме. В 1893 г. она председательствовала на Цюрихском международном рабочем конг-

рессе, в 1895 г. присуждена в Италии к тюремному заключению. В период своей нелегальной жизни в России она продолжала революционную работу (1875—1877). Так, она привезла из-за границы типографский станок, снабдила М.Ф.Фроленко средствами на устройство побега В. Костюрина.

Брат Исаака Павловского, Аарон, именуемый в обвинительном акте «не окончившим курса гимназии», был арестован по делу таганрогского кружка; выпущенный на свободу, скрылся, а в 1877 г. эмигрировал сперва в Марсель, а затем в Буэнос-Айрес. Аарон Павловский, несомненно, был не менее брата виновен в распространении революционной литературы. В связи с еврейскими революционными кружками эмигрировал в 1873 г. Самуил Клячко, живший затем долго в Париже и в Вене. От внимания полиции ускользнула роль, сыгранная студенткой Анной Михайловной Эпштейн, через которую виленский кружок начала 70-х гг. вступил в связь с чайковцами. Роль эта вырисовывается из воспоминаний семидесятников; у нее собирались в Петербурге, после разгрома 1874 г., революционеры — Клеменц, Кравчинский, Саблин, Морозов и другие, она же отправила за границу Саблина и Н.Морозова, у нее собирались участники «процесса 50-ти» — Джабадари, Чикоидзе, Зданович. Переехавши в Швейцарию, она продолжала оказывать ряд важных услуг С.Кравчинскому, Н.Морозову, О.Любатович и др.

Точно так же неоткрытой осталась деятельность студента Медико-хирургической академии Л.Гинзбурга, который в период 1873-1875 гг. был в Петербурге агентом журнала «Вперед». Между ним и М.Рабиновичем, участником Большого процесса, который был агентом по распространению бакунинских изданий, происходили всегда ссоры из-за пути, по которому шли транспорты с литературой. Это был, по словам Аптекмана, студент выпускного курса Медико-хирургической академии, человек умный, знающий и энергичный. Сам Гинзбург пользовался популярностью среди молодежи, его можно было встречать на сходках того времени, на которых он всегда выступал, как умный защитник пропаганды социалистических идей в России, как сторонник Лаврова. Он вносил, благодаря своей начитанности и дисциплине мысли, не только оживление в студенческие горячие споры, но и порядок и толк. Он был главой кружка «лавристов», пропагандистская деятельность которого началась еще в 1872 г. Помимо распространения изданий Лаврова, кружку Гинзбурга, вместе с чайковцами, принадлежит

инициатива в издании за границей центрального органа социально-революционной партии и в выработке предварительной программы органа. От «чайковцев» и «лавристов» были посланы еще в 1872 г. делегаты для привлечения Лаврова к этому делу. И уже 1 августа 1873 г. вышел № 1 непериодического издания «Вперед». Впоследствии Л.Гинзбург стал видным врачом-хирургом. Н.В.Чайковский, на мой запрос, сообщил мне, что Гинзбург сначала примыкал к «чайковцам», но недолго, а затем стал главой «лавристов». По сообщению Н.В.Чайковского, из евреев принадлежал к «чайковцам» еще Дав. Марк. Герценштейн, впоследствии известный общественный деятель, но личные и сердечные дела быстро отвлекли его от кружка «чайковцев».

Из виленского кружка, кроме Зунделевича и Либермана, эмигрировали Вайнер и 22-летний Владимир Иохельсон (он же Вениамин Голдовский, р. 1853 г.). Бежавши в Германию, он работал там на машиностроительных заводах, в качестве токаря по металлу, вернулся нелегально в Россию в июле 1878 г., участвовал в подготовке убийства Мезенцова, не зная, впрочем, для чего, именно доставил он из Москвы в Петербург пролетку (на ней ускакал Кравчинский). Затем он способствовал бегству Стефановича, Дейча и Бохановского за границу, доставил из Петербурга в Москву транспорт нелегальной литературы, работал с землевольцами на юге России. В 1879 г. в Петербурге работал в народовольческой типографии в качестве наборщика и занимался перевозкой и распространением нелегальной литературы. В начале 80-х гг. жил в Швейцарии, в Женеве, где работал в типографии «Народной Воли». В 1881 г. он приезжал в Россию, с целью освободить Н.Морозова, незадолго перед тем арестованного на границе под фамилией Лакиер и сидевшего в сувалкской тюрьме. 23 сентября 1885 г. Иохельсон был арестован на прусской границе в Ковенской губернии и после 3-летнего заключения сослан административно на 10 лет в Восточную Сибирь. Эти годы он прожил в Средне-Колымском округе, изучая быт инородцев. Вместе с Таном он участвовал в работах американской и других экспедиций 1900-х годов. В настоящее время Иохельсон крупный ученый-этнограф.

К числу кружков начала 70-х гг., в которых было наиболее заметно участие евреев, относится киевский. Одни из членов его приобрели крупную известность, другие сошли быстро со сцены. К числу вторых относятся Эмме, госпожа Ширмер, имевшая ранее в Киеве публичную библиотеку, к числу первых

Аксельрод, в то время студент киевского университета, впоследствии один из основателей и виднейших вождей российской социал-демократии. Кружок не проявлял большой активности, но охватывал своим влиянием сравнительно большой круг молодежи. Во время борьбы лавризма и бакунизма, киевляне (кроме Эмме) примкнули к анархическому бакунизму. В бакунистскую группу вошли Аксельрод, которого именовали тогда Аксельроде, студент Лурье, Анна Макаревич (Розенштейн), Дейч и ряд видных русских революционеров, впоследствии террористов. Впрочем, Дейч, Стефанович (и Бохановский) составили скоро свой особый кружок, создавший знаменитое чигиринское дело.

Обвинительный акт по делу 193-х устанавливал следующие данные относительно кружка: членами его (из числа евреев) были студенты университета — братья Левенталь, Аксельроде, Лурье, дочери врача Каминер. Специально Аксельроду приписывались следующие преступления: он увез из Каменец-Подольска бежавшую от жестокого обращения матери Идалию Польгейм, ввел ее в кружок, о котором сообщил ей, что цель его — произвести в России переворот и улучшить положение низшего класса населения, навещал Софью Каминер в доме Хотова, где та, вместе с Рогачевой, работала в качестве простой работницы. Вместе с одной из сестер Каминер Аксельроде ездил в Чернигов, вел пропаганду среди семинаристов, объясняя им, что необходимо «водворение анархии, после которой народ устроит свой быт по своему усмотрению», рассказывал им о существовании в России и в Киеве революционных кружков, советовал создать такие же из надежных и сочувствующих делу лиц и затем идти в народ для пропаганды. Кружок, действительно, был создан ненадолго, но распался. Обвинительный акт повторял и о целомудреннейшем Павле Борисовиче грязную ложь, будто бы в киевской коммуне «спали вповалку и вперемежку мужчины и женщины», среди них и Аксельроде. Во время слушания дела факт пропаганды Аксельрода в Чернигове и организация им кружка подтвердились, а равно и связи его с киевским кружком. Сведений, выяснившихся на суде и еще во время дознания, было достаточно, чтобы Аксельроде был в числе осужденных по Большому процессу. Но еще во время арестов Аксельроду удалось бежать и уже осенью 1874 г., перейдя границу, он появляется в Берлине. Здесь он близко сходится с германскими социал-демократами, но прошло еще 10 лет, пока из бакуниста-анархиста выработался социал-демократический

государственник. В Женеве он сходится с бакунистами (Ралли, Жуковским, Эльсницем), по поручению тех ездил в 1875 г. в Россию, где оказывает Натансону содействие по реорганизации разгромленных сил, сотрудничает в женевском «Работнике» 1876 г., основывает, редактирует (с кружком бакунистов) «Социал-революционное обозрение—"Общину"» (1877—1878, №1—9). В 1879 г. Аксельрод едет в Россию, организует в Одессе «южнорусский рабочий союз», вступает в группу «Черного Передела», затем, скрывшись снова за границу, все больше эволюционирует от анархизма к политизму и в 1883 г. участвует в создании «Группы Освобождения труда» (с Плехановым, Дейчем и В.Засулич). Деятельность Аксельрода, как социал-демократического вождя, его литературная и практическая работа столь многообразны в течение 30 последних лет, что невозможно даже вкратце очертить главные этапы его жизни за это время. Его биограф А.Н.Потресов, подводя итоги 45-летней работе Аксельрода, правильно говорит: «пред нами на протяжении четырех десятилетий проходит непрестанная деятельность ума, всецело направленного на познание рабочего движения и его практических путей». Аксельрод — «единственный в своем роде русский философ тактики и евреопеизатор движения»... П.Б.Аксельрод всю свою жизнь был именно евреопеизатором русской политической мысли и русского рабочего движения. Не ограничиваясь чистым теоретизированием, он всегда старался посильно указать пути и к практическому осуществлению идеалов демократии. Среди деятелей, выдвинутых русским еврейством в начале 70-х гг., он занимает одно из самых первых мест.

Братьям Левенталь и сестрам Каминер обвинительный акт по делу 193-х ставил в вину следующие поступки. Обоих братьев видел в Киеве, в кружке «чайковцев», приезжавший туда Рабинович. Через них и Аксельроде имел сношения с киевским кружком член черниговского кружка студент Бошко-Божинский. К последнему приезжал один из Левенталей и одна из Каминер (последняя с Аксельроде). Левенталь недолго был в Чернигове, но вел здесь пропаганду и советовал идти в народ в качестве сельских учителей, фельдшеров или под видом рабочих. На суде бывшая гимназистка Елена Харченко показала, что Левенталь в Чернигове говорил о плохом положении рабочего класса, снабдил Божко журналом «Вперед». Каминер (повидимому, Софья), приезжавшая в Чернигов, рассказывала о том, как слушала лекции по медицине в Цюрихе, о Бакунине,

и для переписки с ней и Аксельродом дала шифр: «Бог завещал нам, чтобы мы жили по-братски в духе любви, как братья. Шафецельев». Обе сестры Каминер бывали и даже оставались ночевать в «Коммуне». Обвинительный акт считал это не то преступлением против нравственности, не то государственным. На суде свидетельница Елена Харченко показала, что Каминер приезжала покупать имение и советовалась с ее отцом на этот счет. О судьбе сестер Каминер у меня сведений нет. Но один факт «сношений с семейством земского врача Каминер» считался в 1879 г. киевским жандармским управлением за доказательство «принадлежности к социал-революционной партии», при этом за доказательство «несомненное». Так заявило управление относительно присяжного поверенного Линдфорс. В 1879 г. во время дознания по делу об убийстве харьковского губернатора князя Кропоткина «произведено было специальное дознание о преступной деятельности земского врача Каминер, в имении которого, в деревне Паперни, укрывалась преступная личность... Прежде всего обнаружено было преступное направление как самого врача Каминер, так равно и всего семейства, из коих три дочери, Августа, Анна и Надежда, отданы были в 1874 г. под надзор полиции, но успели скрыться и долгое время неизвестно где проживали. Семейство Каминера, как оказалось, по дознанию, постоянно посещалось разными лицами, которые укрывались летом в имении Паперни, ведя подозрительный образ жизни»... Лицо же, именовавшееся Гришкой и проживавшее в 1877 г. у Каминера, оказалось убийцей князя Кропоткина Григорием Гольденбергом. Что касается братьев Левенталь, то они в 1874 г. скрылись.

Кроме того, в деле 193-х упоминалось о студенте Блюменфельде, у которого нашли письмо члена «коммуны» Ларионова, преступного содержания, и о студенте Семене Лурье. Последний был членом киевского кружка «чайковцев», занимался с Ис. Павловским транспортированием литературы. 17 августа 1874 г. он был арестован, причем у него найдены были адреса Коленкиной и Брешковской. В обвинительном акте по делу 193-х ему ставилось в вину, что он должен был снабдить деньгами разъезжавшего от имени одесского кружка А. Костюрина, принимал (со Стефановичем) «самое деятельное участие» в делах одесского кружка. При аресте Франжоли было найдено письмо к Лурье. Благодаря безвозвратным денежным «займам», которыми, по словам Дейча, пользовался от родителей Лурье всесильный тогда в Киеве жандармский адъютант барон Гей-

кинг, Лурье не трудно было бежать из-под стражи, что он и осуществил при помощи своего друга Л.Дейча, в то время вольноопределяющегося Херсонского полка. Это произошло в 1876 г. Лурье скрылся в Румынию, где, по сведениям Департамента полиции, жил под именем Ольшевского, а потом в Геную.

Прошло немного времени после арестов, которые повели к Большому процессу, когда в Москве, Туле и Иваново-Вознесенске обнаружены были лица, которые вели пропаганду среди рабочих на фабриках. Следствие по этому делу велось быстрее, и еще раньше процесса 193-х оно было заслушано Особым присутствием Сената и получило название дела 50 московских социалистов или просто процесса 50-ти. В этом деле обвиняемые состояли из трех элементов: группа кавказской молодежи, студентки цюрихского университета, которым правительство воспрепятствовало учиться в Цюрихе, и рабочие. Среди цюрихских студенток была одна еврейка — Бетти Каминская. Родом из Мелитополя, из купеческой семьи, она в 18 лет поехала в Цюрих, куда стремились русские девушки. Здесь она стала членом знаменитой группы сестер Фигнер, Бардиной, сестер Любатович и многих других. Мысль о работе на благо пролетариата в среде рабочих и в качестве рабочих, владевшая всем кружком, охватила и ее. Осенью 1874 года она вернулась в Россию, а третьего апреля 1875 года ее уже арестовали. За это время она работала сперва на тряпичной, а потом на суконной фабрике, в отвратительных условиях, от 4 часов утра до 8 часов вечера таскала тяжкие тюки, мыла полы, полоскала на речке белье. И при таких ужасных условиях она находила время и силы вести пропаганду, работать на пользу того дела, которому посвятила себя. В своем увлечении пропагандой Каминская доходила до какого-то экстаза. Рабочие дивились ее рассказам, слыша их из уст простой крестьянки, и они принимали ее за раскольницу. Вдохновенная речь ее производила впечатление, которое еще усиливалось ее наружностью. В эти минуты она была поистине прекрасна. Большие карие глаза искрились и горели, щеки покрывались ярким румянцем. В голосе слышались хватающие за душу ноты... Ей удалось составить из рабочих небольшой кружок. Но при всем своем удивлении уму и «грамотности» рабочие ни на минуту не заподозрили происхождения Каминской. Это было минутой торжества, минутой упоительного счастья, вряд ли когда-либо испытанного ею. Хрупкая и нежная по природе, страстная порывистая южанка, напоминавшая своей экзальтацией средневековых пророчиц,

Бетя Каминская не перенесла гибели любимого дела. Уже на втором месяце заключения она помешалась. Ее держали в тюрьме, и только через 8 месяцев выпустили. Немного оправившись в родном доме, она прочла обвинительный акт по делу ее товарищей; стали приходить отчеты о процессе, в котором она не участвовала по причине душевной болезни. Она стала рваться в Петербург, на скамью подсудимых, и, когда это оказалось невозможным, она отравилась. Целые 3 дня продолжалась ее агония. Она умерла с мыслью о товарищах, о их судьбе, умерла в ужасных мучениях. Среди жертв, отданных русским еврейством на алтарь русской свободы, эта жертва была одна из самых чистых, из самых незабвенных.

Другая участница группы, осужденная по процессу 50-ти, по лишении всех особенных прав и преимуществ, на 2 года рабочего дома, была женщина, которой судьба готовила трагические переживания и участие в одном из самых потрясающих эпизодов освободительной борьбы. Это была мозырская мещанка, окончившая курс акушерства, Геся Мироновна Гельфман. В обвинительном акте по делу 50-ти ей ставились в вину следующие обстоятельства: у нее собиралось в Киеве много молодежи, она вела обширную переписку, через нее шла революционная переписка (так, у О.Любатович было найдено письмо, адресованное третьему лицу, через посредство Гельфман, преступного содержания), у нее на квартире захвачены были проживавшие по крестьянским паспортам студенты Петровской Земледельческой Академии Воронков и Млодецкий. Родившись в 1854 г. в еврейской зажиточной семье, Гельфман бежала из дома почти накануне свадьбы, против ее воли устроенной отцом. В Киеве она сошлась с будущими участниками процесса 50-ти А.Хоржевской и О.Любатович. Заключение в рабочем доме она отбывала в обществе проституток. Высланная административно по окончании срока в Старую Руссу, она сбежала оттуда в 1879 г. и отдалась исключительно революционной работе в партии «Народной Воли», исполняя обязанности хозяйки конспиративной квартиры. После 1-го марта 1881 г. эта квартира (на Тележной ул.) была открыта. Среди найденных вещей была записка, где между прочим говорилось: «дело пошло, как по маслу, нужна бы женщина, еврейка, для неинтеллигентной роли, попросите от меня Гесю, не возьмется ли она за это; если нет, то тогда пусть А.М. поручит ей ведение всех дел в Питере, а сама приезжает»... Выяснилось на следствии, что она была хозяйкой особо конспиративной квартиры на Троицкой улице,

где происходила подготовка покушения на императора Александра II. Гельфман показала лишь, что в этой квартире печаталась народовольческая «Рабочая газета» № 1 и «программа рабочих членов партии». Сама она была при этом наборщицей. На процессе, на вопрос о профессии, она сказала: «Занимаюсь революционными делами». Затем признала, что «по своим убеждениям принадлежит к социально-революционной партии, принимала участие в этой партии, разделяет программу партии «Народной Воли», была хозяйкой конспиративной квартиры, на которой происходили собрания, но на этих собраниях не участвовала и не принимала активного участия в совершении преступления 1-го марта». Речь защитника Герке 1-го, который доказывал, что на возобновление революционной деятельности в 1879 г. толкнули тяжкие политические условия поднадзорного существования («магазины не давали ей работы, знакомые старались отвернуться от нее»), вызвала заявление Гельфман, что она скрылась из Руссы, «но не потому, что полиция ее преследовала, а потому что когда ее освободили, то она задалась целью служить тому делу, которому служила». И прокурор, и суд отнеслись с недоверием к заявлению Гельфман о том, что она действительно не знала о совещаниях по поводу 1-го марта и не участвовала активно в совершении акта. Суд признал ее виновной и приговорил к повешению. Но, принимая во внимание ее беременность, смертную казнь отложили, и лишь через 5 месяцев, перед самыми родами, ей объявили помилование. Когда, затем у Гельфман отобран был рожденный ею ребенок, силы ее ей изменили, и в 1882 г. она умерла в крепости. Рассматривая ее жизнь и дела теперь, когда прошло уже 35 лет со дня 1-го марта, мы можем сказать, что она была, как и признавала, участницей партии и членом Исполнительного Комитета «Народной Воли», но нет никаких оснований не верить ее словам, что к делу 1-го марта, т.е. к осуществлению цареубийства, она непричастна.

В тесной связи с «фричами», цюрихскими студентками, которые затем приняли участие в деле 50-ти, была за границей Дора Аптекман, студентка-медичка в Цюрихе. Она принадлежала к тому же кружку, но вместе с В.Н.Фигнер осталась за границей, кончила в Берне курс и по возвращении в Россию поддерживала связи с революционерами. В 1885 г. она была 33 лет от роду, в звании женщины-врача, арестована по обвинению в том, что принимала участие в кружке 17 лиц, который собирал деньги на «Народную Волю», «Красный Крест», и понесла наказание в административном порядке.

ГЛАВА 3

После уронов, понесенных революционным движением в 1874—1875 гг., первое более или менее видное выступление состоялось 6 декабря 1876 г. перед Казанским Собором. По делу об этой демонстрации были привлечены 21 человек, из них — 5 евреев. Это были: студенты Медико-хирургической академии Александр Николаевич Бибергаль и Яков Ефимович Гурович, сын купца Семен Львович Геллер, мещанин Ефим Захарович Новаковский и дочь купца Фелиция (она же Фейга) Исаковна Шефтель.

Наиболее значительной фигурой среди привлеченных был, несомненно, Бибергаль, студент 4 курса. Взятый на площади у собора, он отрицал сперва виновность. Во время «охранения полицией имущества» арестованного Бибергаля, у него были найдены преступные стихи. В них говорилось о «рабочих, возвращающихся после трудов на родину, где ожидает их всех старая бедность и больные в отрепьях дети. Один из числа пришедших, обращаясь к товарищам, говорит: пора перестать работать на врагов, бояр и попов, пора рабочей семье соединиться и перестать кормить своих злодеев». Бибергаль объяснил, что списал их «для курьеза» и никому не показывал. На суде, в ответ на обвинение в составлении стихотворения, направленного к возбуждению бунта, Бибергаль счел «столь малозначительным это обстоятельство, что даже возражать не пожелал». Суд же согласился с прокурором, что именно эти «стихи возмутительного содержания» [могли] служить связью между интеллигентами, студентами-медиками 3-го курса и тем юным рабочим (Потаповым), который поднял знамя «Земли и Воли» после речи оратора. На вопрос о преднамеренном участии в демонстрации Бибергаль ответил: «пусть обстоятельства это докажут». Но, когда на суде стали выяснять обстоятельства избиения околоточным юной демонстрантки Шефтель, Бибергаль попросил слова, признал, что был в соборе, слышал речь, которая показалась ему не преступной, ибо выражала лишь «уважение к людям, погибающим на каторге», и описал избиение учащейся молодежи полицией. — «Я не дрался, — сказал Бибергаль, — но если бы кто-нибудь меня ударил, я не смолчал бы». Взяли же его за то, что он с виду похож на студента, у него было потертое пальто. «Я уверен, — закончил Бибергаль, — что если бы полиции приказали, то она забрала бы всех студентов», действительно, заявил, что в соборе была «учащаяся молодежь,

польские и еврейские типы», а на вопросы защиты объяснил: «у них принято большей частью одеваться в пледы, и при том известно, что в Медико-хирургической академии, большей частью, еврейские типы». Тем не менее прокурор счел, что Бибергаль учинил полное сознание, и арестован не случайно. Бибергаль, отказавшийся от защитника, в своей речи повторил, что в соборе — был, слышал речь и видел «это ужасное красное знамя». Он полагал, что обвинение его в сопротивлении при аресте на суде опровергнуто. «Затем, я видел знамя и слышал речь. Но разве, имея глаза, можно не видеть, и, имея уши, можно не слышать...» Однако суд полагал иначе. Ему припомнили и его иронию насчет «этого ужасного красного знамени» и насчет «заботливости полиции об его имуществе», благодаря которой были открыты стихи, и эти самые стихи, хранение которых он считал не преступным. Суд знал, что панихида в соборе предполагалась по политическим заключенным, умершим за время следствия по делу 193-х в Доме Предварительного Заключения. Между тем Бибергаль выразил мысль явно (для суда) революционную, воскликнувши: «Если уважать память товарищей, а из тех людей, по которым предполагалось служить панихиду, многие были моими товарищами, сидели на одной школьной скамье со мной, если это есть преступление, то, понятно, я тогда виноват»... Суд признал Бибергаля участником в дерзостном порицании установленного законами образа правления, участником в сопротивлении полиции, виновным в сочинении преступных стихов и приговорил его (наравне с Боголюбовым) к каторжным работам на 15 лет. Весной 1878 г. Бибергаля привезли на Кару, а в 1884 г. он был выпущен в Читу на поселение.

Другим заметным лицом в процессе был купеческий сын Семен Львович Геллер. Ему было 16 лет в 1875 г., когда он был привлечен за участие в беспорядках (выражение сочувствия осужденным) при объявлении приговора на Конной площади Плотникову и Папину, осужденным по делу Долгушина. Он был в числе 13 человек арестованных, но был выпущен, ездил в Сербию в качестве добровольца и вернулся во второй половине ноября, за 2 недели до демонстрации. Геллер признался, что пошел на панихиду по умершим в предварительном заключении политическим арестованным, вступился у собора за женщину, которую били. Несмотря на полное отсутствие улик и отказ полиции от оговора, прокурор потребовал обвинения, на основании признания. Геллер, в свою очередь, потребовал от Сената

суда над полицией за мучения, причиненные арестованным в участке. Геллер был приговорен к ссылке в Сибирь на поселение, но, во внимание к его летам и отсутствию обдуманности, отправлен в Тобольскую губернию «на житье», с лишением всех особенных прав и преимуществ.

Фелиция (Фейга) Исаковна Шефтель, юная девушка 16 лет, обвинялась в самом активном участии в демонстрации. «Видя, — говорил обвинительный акт, — что полиция уже извещена о происшествии и слыша учащенные призывные свистки городовых, некоторые из толпы начали кричать: «братцы, идите плотнее, не расходитесь; кто подойдет, тот уйдет без головы»; призыв этот, сочувственно принятый всеми, выдвинул вперед молодую женщину, блондинку, с распущенными косами, которая кричала: "вперед, за мной"». Молодежь сплотилась еще теснее, и только у памятника Кутузова началась свалка, в которой девушке были нанесены жестокие побои, порвано платье и т.д. Свидетели-полицейские заявили, что эта девушка была Шефтель и что при задержании — она «дралась и била околоточного». Обнаружилось, что Шефтель училась в житомирской гимназии, незадолго перед 6 декабря приехала в Петербург, чтобы готовиться на медицинские курсы. Очень подозрительным показалось прокурору то обстоятельство, что оказались знаковыми между собой Шефтель, студент Гурович и Хаим Зельманович Новаковский. Последний был женат на сестре Гуровича (Софье), а Шефтель жила в квартире Гуровича. Отрицая на следствии преднамеренность своего присутствия в соборе («ходила смотреть, как православные молятся») Шефтель на суде признала это, сказала, что «может быть» сопротивлялась полиции, но не помнит, наносила ли удары. Защитник Буймистров нарисовал яркую картину избиения Шефтель: «ей было только 16 лет, ее видели без шапки, избитой, с распущенными волосами»... Сенат признал ее действовавшей с полным разумением, а затем товарищ прокурора ходатайствовал о снисхождении к Шефтель, ввиду ее несовершеннолетия и чистосердечного признания. Приговор — 6 лет 8 месяцев каторги — был заменен ссылкой на житье в Тобольскую губернию, с лишением прав. Пробывши в ссылке 6 лет, она вышла замуж за ссыльного же товарища и бежала с ним 21 июля 1882 г. из г. Кургана. Это была одна из самых юных государственных преступниц, если не считать Викторины Гуковской, осужденной в 14 лет.

Студент-медик Яков Ефимович Гурович был признан на следствии одним свидетелем за участника демонстрации,

виновным себя не признал, и хотя на суде свидетель усомнился, Сенат приговорил его к ссылке в Сибирь на поселение. Было ему всего 18 лет (род. в 1859 г.). В 1878 г. Гурович умер в ссылке, в Березове.

Новаковский, золотоношский мещанин, показал, что приехал в октябре 1876 г. в Петербург, чтобы лечиться и открыть сапожную мастерскую, но полиция, сперва принявши у него ремесленное свидетельство, заявила затем, что он как еврей не имеет права жительства. Виновность отрицал. Во время заключения выказывал признаки серьезной душевной болезни. Сенат признал Новаковского здоровым и приговорил его к ссылке на поселение в Сибирь.

Видным членом освободительного движения явился член киевского кружка 1874 г. Лев Григорьевич Дейч. Он родился в 1855 г. в купеческой семье, воспитывался в Киеве, здесь же начал свою революционную работу. Подобно другим, он также ходил «в народ», одевши крестьянское платье, осенью 1875 г. вернулся, как и другие, разочарованный в пропагандистской деятельности, едва не уехал в Боснию и Герцеговину сражаться за освобождение из-под турецкого ига угнетенных наций. Поступивши вольноопределяющимся в Херсонский полк, он «самовольно отлучился» на 5 дней и, посаженный на гауптвахту, не позволил офицеру говорить себе «ты». За эти преступления, по приказу начальника дивизий П.С.Ванновского, он был предан суду, но бежал в феврале 1876 г. Пятидневная «отлучка» имела целью, как мы знаем, устройство побега С.Лурье. На свободе Дейч пробыл до июня 1877 г. Это время он со Стефановичем и Бохановским употребил на участие в одной из самых громких попыток вызвать народное движение, в «чигиринском деле». И современные им деятели, и последующие историки освободительного движения строго осудили Дейча и товарищей за эту попытку воспользоваться царским именем для возбуждения масс. Не менее резки были отзывы и о том покушении на убийство шпиона, точнее предателя Гориновича, которое Дейч и Малинка совершили летом 1876 г. в Елисаветграде: оглушивши его несколькими ударами, они залили ему лицо серной кислотой. Эти акты соответствовали тому увлечению анархическим бунтарством, которое было характерно для части южан. С июня 1877 г. по 27 мая 1878 г. Дейч вместе со Стефановичем и Бохановским был в Киевской тюрьме, откуда их вызволил Михаил Ф. Фроленко. [2 слова неразборчивы]... социал-демократии, примыкая к «Искре»; в «дни свободы» Дейч

вернулся в Петербург, в январе 1906 г. был арестован, сослан административно в Сибирь, откуда бежал за границу. Дейч был типичным русским революционером-семидесятником. Пример Западной Европы сделал его социал-демократом. Имя его было легендарно в конце 70-х, начале 80-х. Его воспоминания, напечатанные во многих журналах последнего 10-летия, живо рисуют нам его личный облик, облик человека, который всю свою жизнь, ошибаясь, но не изменяя своей цели, шел по одному и тому же пути и стремился к одному и тому же идеалу — социально-политическому освобождению русского народа.

Уже летом 1876 г. началась работа по воссозданию разрушенной организации. Уцелевшие кружки объединились осенью 1876 г. в тайное общество «Земля и Воля». Общество это пыталось основать в народе свои «поселения», чтобы вести пропаганду в народе, но, столкнувшись с беспощадными репрессиями, перешло в 1878—1879 гг. на путь террора. Главным организатором общества явился М.А.Натансон. При нем, с его соучастием, был устроен дерзкий побег князя Кропоткина. В «основной кружок» «Земли и Воли» вошли, кроме Натансона, следующие евреи: известный уже нам Арон Зунделевич («Мойша») и два студента Медико-хирургической академии Александр Абрамович Хотинский и Осип Васильевич Аптекман. Натансон был арестован в июне 1877 г., а Зунделевич, Хотинский и Аптекман неизменно работали в партии до распада ее на «Народную Волю» и «Черный Передел». В начале 1878 г. они стали членами так называемого «Большого Совета» партии. В «основном кружке» евреев было четверо из 25-ти, а в «Большом Совете» — 3 из 17-ти. Видную роль сыграл в начале 1879 г. Григорий Гольденберг. Имя Осипа Васильевича Аптекмана широко известно. Мало известно имя его товарища А.Хотинского. Последний родился в еврейской семье, учился в Медико-хирургической академии, был уже на 4 курсе, но, увлеченный хождением в народ, покинул академию, отправился в Ростов-на-Дону, оттуда в Мелитопольский уезд. Здесь брат его держал почту между Мелитополем и Бердянском. По просьбе Александра брат его засеял 10 десятин хлебом, который убирали летом 1876 г. члены ростовского земледельческого кружка, учившиеся здесь крестьянскому труду. Задумавши затем перейти от пропаганды летучей, мимолетной, к агитации на почве народных интересов, Хотинский сдал в Харькове экзамен на фельдшера и воспользовался своим дипломом для службы в качестве фельдшера в Симбирской губернии. Увлеченный общим поры-

вом русских революционеров на помощь Сербии, Хотинский провел там в качестве санитара 8 месяцев. По словам Аптекмана, это был «верный, твердый и разумно-преданный делу освобождения» работник. Когда ему нужно было временно «исчезнуть», он не задумался поступить в лакеи к знакомому врачу. На упреки товарищей по этому поводу Хотинский сказал: «для революционера нет и не может быть позорного положения: надо делать то, чего революция требует»... Народ он не идеализировал. «Надо работать в народе, для народа, потому что для нас иного пути быть не может. Может быть, нашей работой прежде всего воспользуется буржуазия — пусть! Мы должны идти своей дорогой». Успенского он предпочитал Златовратскому. «Успенский, — не раз говаривал Хотинский, — куда глубже Златовратского. Успенский выворачивает, так сказать, всю психологию народную, а Златовратский ее затушевывает. Это не только различие художественного таланта, нет! Это различие интеллектов: Успенский — умнее Златовратского»... Хотинский не уклонялся и от опасных предприятий: так, 16 апреля 1878 г. он вместе с А.Квятковским отбил у полиции и увез на знаменитом «Варваре» Преснякова. Большая часть его работы прошла в «поселениях» — в Саратовской губернии, где он был временно арестован, а затем — в Тамбовской. Он был приглашен на Воронежский съезд, но за отъездом в деревню не смог принять в нем участие. После раскола он не примкнул к «Черному Переделу», покинул деревню и в начале 1880 г. эмигрировал за границу, где и умер в 1884 г. от легочной чахотки. Дельный и спокойный, он внес свою долю работы в освободительное движение. Особенно ценно его трезвое отношение к тогдашнему увлечению «мужиком» и правильный взгляд на значение политической свободы. И на его примере мы видим преобладание, среди евреев-участников освободительного движения, государственности над анархией и трезвого политического мышления над утопическими увлечениями. Хотинский не идеализировал народ, но служил ему не за страх, а за совесть.

Весьма крупным деятелем «Земли и Воли» явился Иосиф Васильевич Аптекман. Верный и самоотверженный друг русского народа, он всю свою жизнь, лучшие годы своей жизни, отдал на работу во имя народа и на расплату за эту работу. Но не менее важно, чем его работа, и то, что он сохранил для будущих времен подробный рассказ о партии «Земля и Воля», написанный им в ссылке, использованный Лавровым (в книге

о «народниках-пропагандистах»), Серебряковым (в очерке «Земля и Воля») и напечатанный автором в 1907 г.

Студент-медик, сперва в Харькове в 1869—1871 гг., потом в Петербурге, Аптекман принял осенью 1874 г. участие в беспорядках по поводу профессора Циона, был заключен в Литовский замок, но потом вместе с товарищем освобожден. Ему оставалось держать выпускные экзамены, когда он решил идти в народ, несмотря на ожидавшую его ученую карьеру. Сперва (весной 1874 г.) он отправился к товарищу Кацу, в его кузнечную мастерскую на юг России, пытался там работать, но оказался физически непригодным; к тому же соседнее «поселение» Жебуневых оказалось разгромленным и пришлось уехать. После ционовской истории Аптекман и Хотинский решили ехать фельдшерами в деревню. Аптекман попал в Псковскую губернию, в больницу при общине сестер милосердия, устроенной кн. М.М.Дондуковой-Корсаковой. Пропаганда в этой местности имела роковое значение для Аптекмана: проповедуя революционный социализм девушке, возражавшей ему текстами из Евангелия, Аптекман попытался обосновать свои взгляды евангельскими текстами, он искренне увлекся Евангелием и в нем совместились реально-социалистическое мировоззрение с евангелически-христианским. Аптекман принял православие. И если мы смотрим с негодованием на меняющих веру ради спасения от гонений, то в крещении Аптекмана мы видим высшее самоотречение еврея во имя слияния с русским народом. Любя русский народ, идя на подвиг его освобождения, Аптекман крестился, потому что «инстинктивно стремился слиться духовно с народом, с тем народом, которому был чужд по крови и вере, но который должен был принять его, если он будет одной с ним веры». Впрочем, годом раньше, когда Аптекман собирался идти в народ, товарищи, в ответ на его сомнения, как отнесется народ к его пропаганде, как еврея, успокаивали его тем, что из всех народов русский народ менее всего нетерпим в национальном и вероисповедном отношении, и что внешность у Аптекмана не типично еврейская, и речь чистая, так что в рабочем костюме он сойдет за русского. Затем Аптекман работал как фельдшер и пропагандист в Пензенской губернии. В 1876 г. он был одним из основателей «Земли и Воли», участвовал в выработке ее программы, заводил связи для партии в Тамбовской и Саратовской губерниях. Весной 1878 г. он высказался, вопреки мнению Зунделевича, против печатания конституционных прокламаций. Руководил студенческими бес-

порядками в Медико-хирургической академии в 1878 г. После работы в тамбовских «поселениях» в 1879 г. он тщетно боролся в партии и в редакции журнала «Земля и Воля» против увлечения политикой, против террора; то же делал он и на Воронежском съезде. Когда раскол обозначился, он пытался спасти единство партии, обратившись к товарищам с открытым письмом; а затем — сохранить единство печатного органа; «народники» послали его делегатом в редакционную комиссию, но, как правоверный народник, он на первом же совещании не смог согласиться на резко и откровенно террористическую статью Н.Морозова. После раскола он был одним из виднейших членов «Черного Передела». Тщетны были его попытки привлечь симпатии молодежи к работе в народе, безрезультативны его речи на сходках в ноябре и декабре 1879 г. Молодежь говорила: "Чернопередельцы — убежденные люди, но убедительности в них мало. Они беззаветно преданы народу, но они сами как будто изверились в него. Сам Аптекман производит впечатление смертельно раненного на поле битвы знаменосца: истекая кровью, он тем не менее не выпускает из рук знамени»... Аптекман был одним из редакторов «Черного Передела» и в № 1 этого журнала он напечатал свое замечательное «Письмо к бывшим товарищам». В нем он резко критиковал террор, дворцовые заговоры, борьбу за политическую свободу без участия народа, называл «конституцию»—общественным пирогом, на который набросятся хищные акулы; предсказывал, что в Земский Собор попадут: «барин», «хозяйственный мужичок», буржуазия, но не народ; и призывал к работе в народе, к организации народной партии на почве конкретных народных интересов. Он звал «бывших товарищей» идти с народом во имя народа и делать все при посредстве самого народа. Попытка Аптекмана оказалась тщетной. Именно в это время «бывшие товарищи» его, поддерживаемые сочувствием интеллигенции, бросились в неравный бой во имя народа, но при посредстве одних лишь своих сил. Арест типографии «Черного Передела» 22 января 1880 г. повлек через 2 дня арест и Аптекмана. После заключения в Петропавловской крепости, а затем в Вышневолоцком каторжном централе Аптекман в 1881 г. был административно сослан в Якутскую область, где жил с М. Натансоном и Вл.Г.Короленко. В 1886 г. срок 5-летней ссылки кончился, Аптекман вернулся в Россию, получил звание врача, но уже в 1890 г. снова принял живое участие в политическом движении. Вместе с Натансоном он был видным членом партии

«Народного Права» (1893—1894). Глубоко преданный идее освобождения, страстно увлекающийся своей работой, Аптекман был нежным, как женщина, товарищем, человеком чуткой и тревожной совести. Ему принадлежит одно из первых мест среди тех, кем пожертвовало русское еврейство русскому народу.

Наряду с деятелями центральной организации «Земли и Воли» нужно упомянуть и о тех евреях, которые принимали участие в освободительном движении 1877—1879 гг. до возникновения «Народной Воли». Так, в 1879 г., при производстве дознания об убийстве харьковского губернатора князя Кропоткина, полиция обратила внимание на сестру Хотинского, фельдшерицу Елизавету Абрамовну Хотинскую и ее приятельницу, фельдшерицу Розу Файнзильберг. Обе фельдшерицы принимали участие в донском (ростовском) кружке с 1874 г., а затем оказались причастными к черниговскому кружку 1878 г. В частности, внимание полиции было привлечено тем обстоятельством, что Хотинская, перед самым убийством Кропоткина, спешно крестилась, обвенчалась с видным землевольцем Никандром Мощенковым и покинула затем Харьков. Следы супругов отыскались осенью в «Тамбовском поселении», причем мужа арестовали, а Хотинская не только скрылась сама, но и помогла бежать члену Тамбовского «поселения» Э.К.Пекарскому; затем Е.А.Хотинская вынуждена была эмигрировать (в начале 1880 г.) в Швейцарию, где и жила в Кларане.

Дознания 1879 г. выяснили деятельность ряда лиц на юге России, в особенности в Киеве. «Свод показаний, данных государственными преступниками», упоминает имена акушерки Горенштейн, Суры Гольдемерг, Иогансона (Юхансона) и др. Последний из них скрылся и был задержан с Хенкиными в мае 1879 г., по обвинению в распространении среди воронежских гимназистов противоправительственных изданий. На квартире сестер Рубанчик*, часовых мастериц, в Киеве, скрывались Левченко и Кобылянский. Бывший студент киевского университета Мих. Лейвин открыл в 1878 г. на Жилянской улице библиотеку с известным подбором цензурных книг для пропаганды среди семинаристов. В Кременчуге реалисты М.Членов, Лурье и Гуревич выписывали «Землю и Волю», собирали деньги для партии и для заключенных. В Чернигове давала убежище

* Ольга Рубанчик в 1884 г. за участие в революционном «Красном кресте» была переведена из Западной Сибири в Восточную. Еще до ареста О.Рубанчик ее 18-летняя сестра была выслана административно из Харькова.

нелегальным акушерка Франштейн*, а в Харькове — фельдшерица Анна Шандар. К числу этих менее важных преступников, наказанных административно, принадлежал студент Киевского университета, мещанин Лейзер Голубов, который жил в Киеве с 1875 г. [и] по подозрению в принадлежности к революционному кружку был сослан административно в Шенкурск, Архангельской губернии, причем, как сообщалось в № 2 «Земли и Воли», его гнали 63 дня от Великого Устюга до Шенкурска пешком, в наручниках, под тем предлогом, что он — мещанин. 24 августа 1878 г. он бежал за границу, в Париж, откуда через год вернулся в Киев и был здесь задержан, во время арестов по делу 21-го (М.Попова и др.), привлекался сперва по этому делу, затем был передан в распоряжение харьковского губернского жандармского управления, вследствие подозрения в принадлежности к харьковской организации, и административно выслан в Якутскую область.

21 ноября 1878 г. на Николаевском вокзале в Петербурге был арестован Лев Григорьевич Левенталь, студент московского университета, ехавший в Москву с транспортом изданий «петербургской вольной типографии». В его чемодане было найдено: 74 экземпляра брошюры «Заживо погребенные», 9 экземпляров «Правительственная комедия», 18 штук брошюр «Убийство шефа жандармов», 138 экземпляров «Выигрыши войны», 4 экземпляра «Земли и Воли» и т. д. В одном из писем, при нем найденном, кто-то подробно писал ему из-за границы о путанице, которая создается благодаря тому, что разные группы различных направлений присылают свои рукописи о необходимости поддерживать материально заграничную типографию и завести тайные типографии в России. Черновик ответа, в форме рассуждения «Нужна ли нам типография», был найден при Левентале. Арестованный дал неправдоподобные объяснения, что приехал 10 ноября «посмотреть Петербург», что нелегальные издания даны ему незнакомцем, который продиктовал ему и письмо и т.д. И хотя следствие не открыло, что Левенталь действительно заведовал в московском кружке транспортом, т. е. выпиской нелегальных изданий (в июле привез ему партию книг из Петербурга [от] Иохельсона), тем не менее его присоединили к делу Анд.Михайлова, доктора Ор.Веймара и других, и присудили к 10 годам каторжных работ, хотя защитник пра-

* Франштейн была арестована в 1880 г.

вильно указывал, что к нему нужно применить пункт 4 статьи 251 (т.е. 3 месяца за хранение литературы), а не грозную 249 статью. По конфирмации он получил 6 лет каторжных работ, прибыл на Кару в 1881 г.; манифест 1883 г. к нему применен не был; в 1884 г. его отправили в Якутскую область; в 1898 г. вернулся в Россию, где и работал в земской статистике.

Уже начало 1878 г. ознаменовано событиями, которые предвещали перелом в движении, переход от мирной пропаганды в народе к резкой борьбе с правительством. Начиналась эпоха «мести за месть», эпоха террора, в ответ на который следовали еще более резкие репрессии со стороны власти. Естественно, что еврейская молодежь, студенческая и вообще демократическая, оторвавшаяся от старой среды и всецело связавшая свою судьбу с демократической интеллигенцией, приняла участие и в новой форме борьбы. Эта эпоха выдвинула три имени евреев-террористов, принадлежащих к южным «бунтарям» и принявших то или иное участие в террористической деятельности: Гобста, Виттенберга и Гольденберга.

Выдающимся землевольцем, участником рабочего и революционного движения был Гобст, родившийся в 1848 г., уроженец Вильны. Отбывая воинскую повинность в Одессе, в Замостском пехотном полку, в чине унтер-офицера, Гобст вел пропаганду среди солдат своего полка. Одиннадцатого сентября 1877 г. 9 человек солдат, спропагандированных им, были арестованы, Гобст же скрылся, переехал в Петербург и здесь принял видное участие в работе землевольцев среди петербургских рабочих, в частности же, в руководстве первой большой стачкой на Невской Бумагопрядильне. На этой фабрике существовал небольшой революционный кружок из 10—12 человек только недавно привлеченных к работе и не испытанных на деле. Душой этого кружка был Гобст, который под именем «Петра Петровича» жил по соседству с фабрикой, в качестве сапожника и хозяина единственной в той местности «конспиративной» квартиры. По отзыву Плеханова, Гобст «был не только вполне надежный, но положительно редкий по своей преданности человек». Из Петербурга Гобст приехал в Киев, где продолжал свою революционную работу. В апреле 1879 г. он и его товарищи, жившие под видом слесарей, привлекли внимание полиции своим «необычным образом жизни»: у них происходили совещания, изготовление каких-то предметов и т.п. Произведенный 6 мая обыск обнаружил в квартире Предтеченского и Гобста 23 килограмма пироксилина, похищенного из николаевского адми-

ралтейства и увезенного в Одессу, а затем в Киеве во время ареста Виттенберга и товарищей в Николаеве, неснаряженные бомбы и т. д. Гобст назвался Анисимом Федоровым, под этим именем был судим киевским военно-окружным судом и 18-го июня повешен в Киеве. Только впоследствии открылось, кто был Федоров.

Второе крупное имя — Самуил Виттенберг. Мещанин города Бердичева, родился в 1852 г., он учился сперва в николаевском реальном училище, а затем в Венском технологическом институте. Вернувшись на родину, он поселился в г.Николаеве, где начал энергичную революционную работу среди матросов местного адмиралтейства. Самые тесные связи были завязаны им с кружком южных «бунтарей» в Киеве и Одессе, с Ковальским и Чубаровым. Нарастание революционного чувства, особенно острое на юге, сказалось и на нем. Человек мягкий, сторонник мирной пропаганды, он быстро переродился в энергичного террориста под влиянием событий. Вооруженное сопротивление, оказанное Ковальским и товарищами в Одессе (30 января 1878 г.), имело последствием смертный приговор для Ковальского и каторгу для других подсудимых. Объявление этого приговора в военно-окружном суде вызвало демонстрации у здания суда и (вечером) на бульваре. При этом солдаты, удаляя демонстрантов от здания суда, действовали прикладами, причем был ушиблен 5-летний мальчик. С.Виттенберг, бывший в публике, увидя это, выхватил револьвер и убил солдата. Другими лицами было сделано также несколько выстрелов, после чего солдаты стреляли. В результате с обеих сторон были убитые и раненые. О выстреле Виттенберга мы узнали лишь из «Былого». Но, если бы этот факт и стал известен в свое время, участь его не изменилась бы, так как тогда же обнаружено было его участие к подготовке цареубийства. Аресты в среде одесского, а затем и николаевского кружка разрушили план взрыва в Николаеве, подготовлявшегося на 18 августа 1878 г. к проезду императора Александра II. В результате арестов, начавшихся после демонстрации у суда (24 июля 1878 г.), создалось дело 28-ми, по которому судились Чубаров, Лизогуб и др., среди них 8 евреев с Виттенбергом во главе. Это были: Викторина Леонтьевна Гуковская, 14 лет, ученица 3-го класса пансиона Матео, одесская мещанка; керченский мещанин Самуил Шнее, 29 лет; Александр Зайднер, 17 лет; ученик Александровского реального училища в г. Николаеве, купеческий внук; Александр Лури, 20 лет, виленский мещанин, исключенный из 4-го класса Нико-

лаевской гимназии; Михаил Морейнис, 18 лет; борский мещанин Эммануил Беркович Медведев, 21 года, николаевский мещанин; студент горного института Арон Рашков, 21 года, кишиневский мещанин. По поводу этих лиц были собраны следующие данные.

Главное внимание обвинителей сосредоточилось на Виттенберге, который был арестован 16 августа довольно случайно. При обыске у него были найдены, помимо 42 экземпляров революционных прокламаций, вещи Зайднера, которые исчезли из квартиры последнего в Николаеве после первого поверхностного обыска, а — главное — гальваническая батарея с электрическими проводами, предназначенная для взрыва 18 августа в Николаеве. Виттенберг от показаний отказался. Относительно Логовенко, беглого матроса, разыскивавшегося по поводу революционной пропаганды среди матросов, арестованного в его квартире, Виттенберг отозвался, что с Логовенко он познакомился на Морской гауптвахте, где 6 недель содержался в 1877 г. по подозрению в политическом преступлении. Свидетель Ковалев, доставивший гальваническую батарею по просьбе Зайднера, показал, что видел у него Виттенберга, Лури и Логовенко. Виттенберг же просил Ковалева нанять на чужое имя квартиру для него в Кременчуге. Мещанин Михаил Абрамович Морейнис нанимал для Виттенберга квартиру в Одессе и посещал его. На квартире в доме Пулевич, в городе Николаеве, были обысканы Лури и ученик 6 класса А. Зайднер, жившие вместе. При обыске найден был № 1 газеты «Вперед» и фотографическая карточка Виттенберга. Матросы Никитин и Скорняков показали, что Ив.Логовенко познакомил их с Виттенбергом в квартире Лури и Зайднера в Николаеве. Таким образом выяснялись понемногу связи Виттенберга с матросами и характер квартиры Лури и Зайднера. Лури дал уклончивые показания, что в июне 1878 г. ехал на пароходе из Одессы в Николаев с Влад. Кавуненко, с которым познакомился два года назад у учителя Златопольского. Этот «Владимир» оказался революционером Свириденко, повешенным в Киеве в 1879 г. за вооруженное сопротивление. Этот «Владимир» жил некоторое время у Лури и Зайднера и к нему носили матросы похищенные ими из казенного арсенала кубики пироксилина, причем продолжали носить его и после отъезда «Владимира» в Одессу. «Владимир» говорил Зайднеру о готовящемся взрыве. 2 августа «Владимир» послал Андрея Баломеза в Николаев за вещами, взять у Лури «кусочек». Баломез застал у Лури Зайднера, которому передал от имени «Владимира»,

что он может ехать к отцу, так как «дело» отложено на две недели. На вопрос о «кусочке» Лури ответил Баломезу, что «это теперь уже не кусочек, а полный сундучок», и прибавил еще 4 фитиля. Лури признал, что года два назад жил с Виттенбергом. Самуил Шнее слыл в революционной среде под именем «Алешки». Свидетель Суворов показал, что видел на революционных сходках у «капитана» (Чубарова) «Алешку»; матрос Никитин видел «Алешку» у «Владимира». Шнее от показаний относительно средств к жизни, образа жизни уклонился, признался, что посещал «капитана» из-за знакомства с Баломезом. Шнее, как оказалось, с 1873 по 1876 гг. жил в Константинополе, вернулся и жил в Одессе по чужому паспорту Аксельбанта. Рашков бывал в революционном кружке Э.Медведева. Были сведения весьма его компрометировавшие: организация кружка матросов, переписка о революционных делах и т. п.

Особого внимания среди подсудимых по этому делу заслуживает В.Гуковская, этот ребенок, душа которого была опалена огнем любви к свободе и ужаса перед насилием, и жизнь которого подобна цветку, еще не распустившемуся и уже растоптанному. Обвинительный акт содержит следующие сведения об этой 14-летней «тяжкой государственной преступнице». Гуковская присутствовала около здания суда, когда судили Ковальского, и собирала деньги в толпе. Когда вынесен был приговор, неизвестная женщина вышла из суда, подошла к Гуковской и шепнула ей что-то. Гуковская «стала кричать пронзительным голосом: "Ковальскому — смертная казнь и прочим подсудимым каторжные работы"»... Задержать ее здесь не удалось, так как произошло общее смятение. Около 10 часов вечера Гуковская, на площадке, у лестницы к морю, обратилась к публике с речью: «Гг.Ковальского и Виташевского* приговорили к смертной казни, и притом на улице войска вступили в свалку с безоружной публикой, так что убили 2 человек. Неужели общественное мнение позволит подобное безобразие»?!.. Городовой задержал Гуковскую при помощи ротмистра Бушена, адъютанта командующего войсками поручика гр. Сиверса, причем последний схватил за волосы Гуковскую, которая, отбиваясь, ударила его по лицу. Но толпа отбила Гуковскую.

Суд признал Гуковскую действовавшей с разумением и признал ее виновной в вооруженном нападении на войска. Виттен-

* Относительно Виташевского Гуковская ошиблась: его приговорили к 6 годам каторжных работ.

берг был признан виновным в совершении приготовительных действий против жизни Священной Особы Государя Императора. Смягчающие вину обстоятельства суд нашел в действиях Гуковской и Зайднера и «обстоятельства особо уважительные к облегчению» в действиях Шнее, Лури, Морейниса и Рашкова. А потому суд приговорил, лишивши всех названных подсудимых всех прав состояния, сослать Гуковскую в Сибирь на поселение, в места не столь отдаленные; Зайднера, Лури, Морейниса — в каторжные работы на 10 лет; Шнее и Рашкова — на 15 лет; Эммануила Медведева — в каторжные работы на 20 лет; ходатайствовать об уменьшении срока для Лури до 6 лет каторжных работ. Самуила Виттенберга — к смертной казни через повешение. 8 августа приговор был конфирмован генерал-губернатором Тотлебеном; 10 августа [повешены] в Одессе Чубаров, Лизогуб, Давиденко; 11 августа — в Николаеве: Виттенберг и Логовенко.

Останавливаясь на дальнейшей судьбе подсудимых по делу 28-ми, должен отметить, что Виттенберг был первым, перешедшим от мирной пропаганды к участию в терроре. Он сделал это, однако, вопреки своему желанию, подобно другим землевольцам, ушедшим от «юности розовой и мечтательной» на кровавый путь террора. Это особенно сказалось в его письме к товарищам, писанном накануне казни, в котором он говорил о грядущем торжестве социализма, ссылался на Спасителя и заканчивал словами: «если ты придаешь какое-либо значение моей воле, если считаешь священным мое последнее желание, то оставь всякую мысль о мести: "прости им, не знают, что творят"»... Этот предсмертный завет характеризует достаточно нравственный облик Самуила Виттенберга.

Судьба Гуковской была очень трагична. Отправленная в места более отдаленные, нежели назначил ей суд, она покончила с собой 1 марта 1881 г.

Александр Григорьевич Лури (он же Лурий), приговоренный по конфирмации к 6 годам каторжных работ, прибыл на Кару в марте 1880 г., в 1883 г. переведен на поселение в Якутскую область, в 90-х годах переехал в Иркутск. Александр Николаевич Зайднер, приговоренный к 10 годам каторжных работ, прибыл на Кару в марте 1880 г., по манифесту 1883 г. ему была сбавлена треть срока, в январе 1885 г. переведен в вольную команду, в том же году — на поселение, устроил в Баргузине публичную библиотеку, умер в 1891 г. от чахотки, Эм. Медведев прибыл в Кару в 1880 г., с 1884 г. был на поселении в Забайкальской области. Рашков в 1888 г. утонул в Якутской области.

Мы знаем, что покушение на жизнь Гориновича, в котором участвовали Дейч и Малинка, кончилось для Малинки смертной казнью (17 декабря 1879 г.), Дейч же избежал казни лишь благодаря особым условиям выдачи его из Германии. Вместе с Малинкой судился в военном суде и был повешен еврей Майданский, лишь отдаленно прикосновенный к делу Гориновича. Лев (Лейба) Иосифович Майданский, елисаветградский мещанин, родился в 1854 году, с 22 ноября 1875 г. поступил в военную службу в 7-й гусарский белорусский полк в качестве «фельдшерского ученика рядового звания». По словам обвинительного акта, Майданский в 1876 г. принимал участие в социально-революционной партии. Действительно, III Отделению стало известно, что он вступил в революционный кружок, основанный евреем Львом Розенфельдом. Дебагорий-Мокриевич сообщает в своих воспоминаниях, что Горинович, член «киевской коммуны», давший компрометирующие многих товарищей показания, был выпущен из тюрьмы и отправился на розыски Стефановича и Дебагория. Узнавши, что эти киевские «бунтари» находятся вблизи от Елисаветграда, Горинович летом 1876 года приехал сюда. Здесь Дейч встретил случайно Гориновича у Майданского и узнал его. Малинка и Дейч, опасаясь нового предательства, решили убить его и не в Елисаветграде, а в Одессе. Горинович, с лицом, облитым кислотой, остался жив. Так как Малинка и Дейч встречались с Гориновичем у Майданского, то последнего арестовали. Обвинительный акт вменял Майданскому в вину, что он, узнавши о заговоре на жизнь Н.Гориновича и о предполагаемом убийстве его в Одессе, во-первых, познакомил Гориновича с Дейчем, во-вторых, сообщил Гориновичу ложные сведения, якобы Гориновичу нужно ехать скорее в Одессу, так как из Киева прибыл и разыскивает его адъютант жандармского управления. На следствии открылось также, что Майданский дал и серную кислоту для этого преступления. Военный суд признал «пособничество на покушение умышленного убийства, которое не было необходимым для совершения преступления» и полагал за убийство послать Майданского на каторжные работы по низшей мере 3-й степени 14 статьи Установлений, однако, «по совокупности», т.е. и за принадлежность к тайному сообществу, приговорил его к смертной казни через повешение. Приговор был утвержден и приведен в исполнение 7 декабря 1879 г. в Одессе на Скаковом поле. Если казнь Виттенберга можно объяснить тем, что опасности подвергнута была особа монарха, то совершенно нельзя понять

суровости приговора по отношению к Майданскому, которого осудили за «пособничество», притом же «не необходимое». Единственное объяснение, это то, что Майданский имел несчастье быть судимым в эпоху особенно суровых репрессий, вскоре после покушения 19 ноября. Но не только самому Майданскому пришлось жестоко поплатиться за прикосновенность к революции. Старики родители его, жившие в Елисаветграде, имели неосторожность приехать в Одессу и просить свидания с сыном. Они были немедленно арестованы и сосланы административно в Восточную Сибирь. Им не было предъявлено никакого обвинения, да это, очевидно, было и ненужно: они были родителями приговоренного к смерти. Должно заметить, что акт этот не был направлен против Майданских, как евреев. Усиление репрессий против евреев, как таковых, пришло позднее.

13 марта 1879 г. студент Медико-хирургической академии Леон Мирский стрелял неудачно в шефа жандармов генерала Дрентельна. 6 июля он был задержан в Таганроге, причем оказал вооруженное сопротивление. Выяснилась его связь с революционной пропагандой среди тамошних солдат-артиллеристов, которую вел офицер Тархов. По делу Мирского были привлечены евреи: потомственный почетный гражданин Григорий Григорьевич Левенсон, 26 лет, секретарь Русского Центрального Банка поземельного кредита; невеста Мирского, бердичевская мещанка, Елена Кестельман, София Фрессер; Моисей Трахман; брат Елены Кестельман; аптекарский помощник. Все эти лица за недостатком улик были освобождены от суда, к суду же привлечен лишь Левенсон. Взаимные их отношения представляются в следующем виде. Мирский, за которым последовала из Киева его невеста, Кестельман, приехал в Медико-хирургическую академию в 1877 г. Во время одного из приездов его в семью, к родным, в Уманский уезд, обнаружена его попытка вести пропаганду, почему он был арестован, посажен в Киевскую тюрьму, а затем переведен в Петропавловскую крепость. По ходатайству невесты и ее воспитателя, Гр.Левенсона, Мирский был освобожден под поручительство присяжного поверенного Утина. Выйдя из крепости в январе 1879 г., он поселился у Левенсона, через месяц Мирский и Кестельман поселились вместе в Гусевом переулке, а затем Кестельман 6 марта 1879 г. поселилась отдельно, причем Мирский посещал Левенсона и Кестельман. Скрывшись после покушения, Мирский, по словам спропагандированного им и Тарховым в Таганроге солдата,

предателя, бомбардира Щетинина, полагая, что Щетинин — свой человек, сообщил будто бы ему, что Левенсон играет у социалистов роль казначея, что у него адресный стол социалистической партии, что Левенсон даст, если понадобится Щетинину в Петербурге, денег. Пароль при разговоре с Левенсоном такой: сказать, что виделся с «Люшей» и передать условные — вопрос: «Как ваше слава Богу» и ответ: «это так себе, по воле». При обыске у Левенсона не найдено было никаких адресов или данных о принадлежности к партии, но обнаружены, по 1 экз., издания: «Письма из Франции и Италии» (Герцена), листок из «Заживо погребенных» и «Выигрыши войны». Мирский показал, что Левенсон не знал о его принадлежности к социализму, сам же высказался в духе умеренного либерализма. Щетинин и на суде подтвердил свои показания, и прокурор упирал на то, что не мог же Щетинин выдумать Левенсона и все, что о нем рассказал Мирский. На суде Левенсон решительно отгораживал себя от Мирского, заявил, что был против близости Кестельман к Мирскому. Когда напомнили ему о разговоре, в котором Мирский рассказал о своих протестах в Киевской тюрьме, когда он писал прокурору заявления «от пленного социалиста», Левенсон резко заметил, что ничего подобного не помнит, а если бы ему это рассказали, он назвал бы это «мальчишеством»: Мирский всячески выгораживал и свидетельницу Ел.Кестельман, и подсудимого Левенсона. Левенсон был оправдан. Однако III Отделение исправило этот приговор, отправивши в административную ссылку оправданных по делу лиц.

Говоря о землевольцах, нельзя пропустить имя Зака. Лев Маркович Зак родился в 1852 г., один из видных работников русского и еврейского рабочего движения, был арестован в начале 1879 г. за участие в землевольческом кружке, работавшем на Волге и южном Урале, был административно сослан в Енисейск, по дороге, в июле 1879 г., пытался бежать (со Смецкой), но вскоре был пойман, переведен за это в Якутскую область. Но и здесь, из Верхоянска, он повторил свою попытку и снова неудачно, перенеся массу лишений. Вернувшись в Россию только в 1886 г., он принял самое энергичное участие в пропаганде среди еврейского пролетариата г. Минска, причем, несомненно, действовал уже в духе социал-демократии. Весной 1888 г. он снова был арестован в Минске и сослан в Якутскую область, откуда вернулся уже в 1896 г. По возвращении из вторичной ссылки он с г-жой Гурвич приступил к «Капиталу»

Маркса, но умер в 1897 г. до окончания работы. Перевод вышел в свет в 1899 г. под редакцией П.Б.Струве.

Осенью 1879 г. были арестованы в Петербурге студент И. Гурвич с сестрою. Гурвич был землевольцем, а затем примкнул к чернопередельцам. В 1880 г. он был сослан административно в Сибирь на 5 лет. Летом 1885 г. он вернулся из Сибири и поселился в Минске. Здесь он принял видное участие в пропаганде социализма среди рабочих, параллельно с группой Хургина (народовольческой). В 1887—1888 гг. группа И.Гурвича, его сестры и жены (Евгении и Елены), доктора Абрамовича и других приняла вполне выработанную социал-демократическую программу.

В связи с арестами по делу Геллиса в Одессе весной и летом 1879 г. были арестованы Дукан, Клугер, Лион и др. Относительно Лиона Курицын, известный предатель 1878—1879 гг., сообщил на основании тюремных разговоров заключенных, что он стоял во главе «неизвестной» партии рабочих, был знаком с революционными деятелями, принимал, по-видимому, участие в революционных делах. Лион был сослан административно в Восточную Сибирь. Здесь в 1882 г. он участвовал в безуспешной попытке бежать северным путем (вместе с Заком и другими).

В 1878 г. были арестованы в Киеве студенты, братья Львовы, Аарон и Наум. Оба они были высланы в северные губернии и оба бежали в 1879 г. из ссылки. Аарон Львов бежал из Пинеги. Наум Львов умер в 1889 г. в Париже. Третий брат, Соломон Львов, отбывал воинскую повинность в Симферополе, причем состоял в сношениях с тамошним кружком революционеров. Предатель Курицын, со слов Н.Левченки, сообщил об этом: Соломон Львов, сосланный административно в Олонецкую губернию, бежал оттуда и, по сведениям Департамента полиции, проживал в 1887 г. в Париже.

В числе арестованных осенью 1878 г. и заключенных в Петропавловскую крепость лиц, участвовавших в т.н. «бунте» 5 февраля 1879 г., был Вайнштейн. При избиении, которым сопровождалось усмирение шума и беспорядка в камерах Трубецкого бастиона, смотритель Богородский кричал ему: «погоди, жидок, я тебя научу как бунтовать». Судьба Вайнштейна была, по-видимому, решена в единственном порядке: в числе подсудимых 1879—1880 гг. мы его имени не находим.

В связи с покушением на Котляревского, в Киеве был арестован юный Исаак Гольденберг, брат известного впоследствии Григория. Хотя виновность его в деле Котляревского выяснилась вполне, однако за связи с киевскими радикалами его в

мае 1879 г. выслали (в 1878 г. по ходатайству отца оставили в Киеве); вместе с ним выслана была и сестра Софья. Когда же обнаружилось участие Гр.Гольденберга в террористических делах 1879 г., тогда престарелые родители его и вся семья претерпели тягчайшие репрессии.

По делу об убийстве в Москве Рейнштейна был заподозрен Владимир (он же Вольф) Серпинский, родом из Царства Польского. Арестованный затем, он в начале 1880 г. (вместе с А.Франжоли и др.) бежал из Сольвычегодска. В мае 1880 г. обнаружилось его участие в печатании и распространении революционных прокламаций на еврейском языке, обращенных к еврейским рабочим. Серпинский, еще до открытия этого обстоятельства, с английским паспортом переехал границу и жил в Баварии и Швейцарии. Вернулся затем в Россию, в качестве нелегального, он был арестован в феврале 1881 г. в одном местечке Ковенской губернии и административно сослан в Восточную Сибирь.

В 1878 г. (вместе с В. Серошевским) за участие в варшавских социалистических кружках был арестован Станислав Лянда, еврей 24 лет, бывший студент Варшавского ветеринарного института. Участвуя в волнениях заключенных в цитадели (по поводу убийства часовым заключенного Бейста), Лянда защищался от жандармов железным обломком (в 3 фунта). За это он был приговорен к 12 годам каторжных работ, но генерал-губернатор заменил их ссылкой в отдаленнейшие места Сибири.

В связи с польским социалистическим движением должен был в 1878 г. бежать за границу Соломон (Нафталь-Шлиома) Мендельсон, 23 лет. С осени 1879 г. он издавал в Женеве с Варыньским и Дикштейном польскую социалистическую газету «Rownose», работал в Галиции. Здесь он судился в 1880 г. (с Варыньским) по процессу «краковских социалистов», потом он был арестован в Пруссии и был осужден на 18 месяцев тюрьмы за ввоз из Швейцарии социалистической литературы. Здесь к нему применили оригинальный способ выдачи в руки русских властей: его «выслали» как иностранца за границу, в Россию, довезли 11 января 1884 г. до таможенного пункта Грдзинск, но слишком поздно уведомили пограничную стражу, и Мендельсон успел скрыться. Эта неудача фиктивной «высылки порочных и тягостных иностранцев» поставила на очередь вопрос о формальной выдаче из Пруссии в Россию политических преступников. Вскоре после этого был заключен договор России с Пруссией соответствующего содержания.

В числе эмигрантов 1879 г. мы находим имена Шполянского и Эфрона. Израиль Шполянский (22 лет) бежал сперва в Галицию, а потом в Париж, где слушал лекции по медицине и, по выражению генерала Шебеко, автора официальной «Хроники социалистического движения», «получил даже в 1885 г. степень доктора медицины». Исаак Эфрон (19лет), бежавший в 1879 г., жил в 1884 г. в Берне, а позднее в Цюрихе. Оба они состояли на учете русской тайной полиции, как политические эмигранты.

Среди арестов, вызванных доносами Рейнштейна, нельзя не отметить ареста в Москве Гольдсмита. Исид. Ал. Гольдсмит был редактором известного в 70-х гг. журнала «Слово», который он вынужден был оставить осенью 1878 г. Еще и ранее подвергавшийся обыскам, по подозрению в том, что он печатает статьи Лаврова и других эмигрантов, Гольдсмит навлек особенное неудовольствие властей статьей о деле В.Засулич, осенью же 1878 г. ему прямо советовали дружески ехать за границу. После полугодичной тюрьмы Гольдсмит (с женой) был сослан в Архангельскую губернию; при Лорис-Меликове переведен в Бугуруслан. Обвинение предъявлено ему было в принадлежности к «Земле и Воле», но ссылаться на записи Рейнштейна, очевидно, было неудобно. После второго ареста в 80-х гг. Гольдсмит вынужден был эмигрировать за границу.

Несмотря на то, что в нашей статье приведено довольно много имен евреев, участников освободительного движения в России, мы не можем, конечно, претендовать на полноту. Да это и понятно. Регистрация лиц, привлеченных к дознаниям по политическим делам, производилась и производится до сих пор в условиях тайны. Исследователь общественного движения должен тратить массу времени и труда на розыски в старых журналах, мемуарах и т. п. источниках упоминаний о том или другом лице. Материал не полон, случаен, отрывочен; точной статистики — нет, или она неудовлетворительна. Затем, должно сказать, что лица, подвергавшиеся преследованию в судебном порядке, еще могут быть установлены, хотя бы путем просмотра многих № газет с отчетами, обвинительными актами и т. п. Но нет никакой возможности, пользуясь «хроникой движения и арестов» в заграничных русских органах, более или менее полно сосчитать число сосланных административно, или установить их личный состав, выделить из их числа определенную национальность или партийную группу. Кроме того, печатание отчетов и даже обвинительных актов по политическим делам прекращается уже в начале 80-х гг. Сведения об арестах и

административных ссылках, попавшие в вольную русскую печать, очень скудны для 80—90 гг. Вот почему, несмотря на количественный рост участников освободительного движения (в частности, евреев), исследователь общественного движения 80—90 гг. вынужден давать об этой эпохе лишь суммарные и более поверхностные сведения, нежели об эпохе 60—70-х гг., которая более доступна для исследования.

Тем не менее мы приведем здесь не только замечания о личностях тех евреев, которые в 70-х гг. (по осень 1879 г.), до основания партии «Народной Воли», приняли участие в освободительном движении, но и некоторые цифры. Нет ничего удивительного, что большинство евреев, участников движения 60—70-х гг., стали выходить из сословий купеческого и мещанского: к этим сословиям были в свое время причислены почти все евреи. Другая характерная особенность: почти все радикалы-евреи 60—70-х гг. — это учащаяся молодежь общих учебных заведений: студенты университетов, медико-хирургической академии, технических высших учебных заведений, курсистки, в более поздней стадии движения — гимназисты и реалисты старших классов, слушательницы акушерских курсов и т. д. Рабочих почти нет. Участие учащейся молодежи в движении вполне естественно: академическая обстановка и в гимназиях графа Д.А.Толстого, и в высших учебных заведениях настраивала молодежь революционно. Еврейская молодежь, находившаяся в общих учебных заведениях, естественно, была вовлечена в движение и приняла в нем участие. Порыв к просвещению, охвативший еврейскую молодежь, выразился в абсолютном и относительном росте числа евреев-учеников гимназий. По исследованиям С.В.Познера, число евреев-гимназистов в процентах по отношению к общему числу гимназистов выражалось в 1870 г. в цифре — 5,60%, в 1877 г. — 9,94%, в 1881 г. — 12,32%. Таким образом, число учащихся, по отношению к другим национальностям, вместе взятым, возросло за 10 лет больше, чем в 2 раза. С этим явлением уже в 1870-х гг. начинали бороться: так, в 1875 г. отменены были для евреев стипендии в общих учебных заведениях. За этим следовал ряд других мер.

[Несколько слов неразборчивы] ...еврейской молодежи с русской в русском движении, растворения ее в нем. Либерман, а позднее (в 1880 г.) Серпинский, были единицами. Такие же люди, как Натансон, Зунделевич, Аптекман, Виттенберг, Гобст, Дейч и др., связали свою личную судьбу с судьбою русского народа и русской свободы. Они начали свою деятельность в

эпоху «юности» русского либерализма и социализма, «юности розовой и мечтательной», и остались на старом пути, несмотря на те кровавые ужасы, которые ждали еврейство в начале 80-х гг., несмотря на те специальные антиеврейские репрессии, которыми были ознаменованы 80-е годы. То поколение, которое в начале 70-х гг. вырвалось из душных «гетто» черты оседлости, устремилось всей душой к образованию, всем сердцем полюбило русский народ и пошло на борьбу за счастье этого народа, еще не сошло в могилу. Русский народ должен знать имена тех евреев, которые 40—45 лет назад вступили в ряды борцов за его свободу и неустанно шли в авангарде движения.

Спрашивается, каково было %-ное отношение евреев к общей цифре участников освободительного движения. Автор статьи «К статистике государственных преступлений в России» (в № 4 и 5 «Народной Воли» 1880—1881 гг.), который пользовался статистическими сводками Министерства юстиции и (секретного) «Обзора Социально-революционного движения в России» (сочинение Мальшинского), дает следующие цифры, касающиеся лиц, судившихся за государственные преступления с 1873 по июнь 1879 г., т.е. до возникновения партии Народной Воли. В подсчет его не входят лица, осужденные военными судами и сосланные административно. За полугодие от 1-го января по 30 июня 1879 года привлекались за государственные преступления 376 человек (из них 346 мужчин и 30 женщин). По вероисповеданию из них было:

православных	278 человек, или 74%
католиков	59 человек, или 15%
евреев	17 человек, или 4%
протестантов	11 человек, или 3%
прочих	11 человек, или 3%.

В том же обзоре «Народной Воли» (в № 5) мы находим следующие цифры, которые относятся к эпохе 1873—1879 г. За это время автор считает подсудимых (без военных судов) по политическим преступлениям: православных — 75%, католиков — 12%, протестантов — 2,4%, евреев — 4,3%. По подсчету Мальшинского, в 1873—1874 гг. в эпоху арестов, создавших процесс 193-х, евреев было 6% от общего числа привлеченных. Автор подсчета в Народной Воле полагал, что до 1879 года было евреев 4,4%, в 1879 г. (по декабрь 1879 г. включительно) — 4,1%. Таким образом, автор подсчета констатировал даже некоторое уменьшение еврейского % в революции. Этот % он считал нормаль-

ным, считая, что в 1880 г. в России жило всего 4% евреев, 77% православных, 10,5% католиков, 3,7% протестантов. Таким образом, заявления Суворина («Жид идет», 1880 г.) или Гилярова «Об отложении 33% семитов в крамолу» должно признать совершенно голословными и ни на чем не основанными.

ГЛАВА 4

В половине 1879 г. произошел раскол между двумя группами прежде единой организации «Земля и Воля». Первая группа, присвоившая себе наименование «Черного Передела», осталась на старой анархической позиции в политическом вопросе, но сохранила также свою глубоко демократическую позицию в вопросе о том, что только сам народ, на почве своих насущных интересов, должен творить свое будущее. К этой группе примкнули из евреев — Дейч, Аксельрод, Аптекман. В их биографиях, приведенных выше, мы рассказали уже, как Аксельрод и Дейч эволюционировали затем к социал-демократии, а Аптекман на долгие годы изъят был из жизни якутской ссылкой.

Другая группа, оценившая высоко значение политической свободы для проповеди социальных идей и вступившая в кровавую борьбу с властью, присвоила себе имя «Народной Воли». Эта группа собрала в свои ряды большинство бывших землевольцев. Талантливый и мудрый вождь демократической интеллигенции — М.А.Натансон был в ссылке, большинство же его друзей примкнуло к новой боевой организации. Сравнительно немного людей принадлежало к народовольческому центру, но широкая масса общества, несомненно, окружила деятелей этой эпохи своим сочувствием, оказывала им помощь и этим придала небывалую силу выступлениям партии. Из евреев вошел в первоначальный Исполнительный Комитет Зунделевич, сторонник «политики», т. е. борьбы за политическую свободу. Из 10 человек первоначального состава Комитета он был, в начале, единственным евреем. К делу о покушении на жизнь Дрентельна он отношения не имел. Но он участвовал, как мы знаем, в обсуждении вопроса об акте 2 апреля 1879 г. Тогда же настойчиво заявлял свое желание выступить Гольденберг, принявший затем участие в ряде предприятий «Народной Воли». Тот же Гольденберг был одним из 11 членов липецкого съезда, положившего, собственно, основание партии «Народной Воли».

Приглашен был, конечно, и Зунделевич, но приехать не мог. Вскоре оба они были изъяты благодаря аресту (первого — Зунделевича, 22 октября и второго 14 ноября). На воронежский съезд явились из народников (евреев) 2 человека (Аптекман и Хотинский) из 21-го участника; «политики» (Гольденберг и Зунделевич) отсутствовали: Зунделевич— случайно, Гольденберг не был приглашен. В августе 1879 г. организовался Исполнительный Комитет партии «Народной Воли» из 38 человек. Из них — 3 еврея, два уже известные, третий же — Савелий Златопольский. Агентами Комитета являлись немногие лица, среди них Арончик, принимавший участие в более опасных предприятиях, и Цукерман и Лубкин, работавшие в первой народовольческой типографии. К агентам же мы можем причислить, по ее деятельности, и Гесю Гельфман. За время наиболее энергичной деятельности комитета к нему примкнуло еще 9 человек, из них ни одного еврея. В первой половине 1884 г. членом Исполнительного Комитета был (до отъезда за границу) А.Н.Бах. Таким образом, из 44 человек, перебывавших членами Исполнительного Комитета, с 1879 по 1885 г., евреев было 4 человека. При этом с ноября 1879 г. по апрель 1882 г. членом Комитета был лишь один — Савелий Златопольский. Агентов за эти же 6 лет (1879—1885) было тоже 4 лица. Но к партии, как таковой, примыкало, конечно, большее количество евреев. Возвращаясь к принятой нами системе изложения — по годам и по лицам — мы должны прежде всего остановиться на человеке, участь которого была очень печальна; не менее печальна была судьба и с тем, с кем он соприкасался в течение своей революционной деятельности. Начавши свою деятельность землевольцем, он продолжал ее в качестве народовольца. Имя его — Гольденберг.

Сын купца 2-й гильдии, Григорий Давидович Гольденберг, родился в Бердичеве, учился в киево-подольской прогимназии, вышел из 4 класса. Отец его торговал сукном, был человек уважаемый. Гр.Гольденберг уже в конце 1875 г. вошел в сношения с киевскими радикалами. Весной 1876 г. познакомился с ним в Киеве Ал.Михайлов и с большой охотой водил с ним дружбу. Михайлову он показался человеком добрым и преданным делу, но его восторженное преклонение, по-видимому, не понравилось А.Михайлову. Весной 1877 г. Гольденберг вращался в кружке Чубарова, Давиденко, Дебагория, участвовал в попытке очистить конспиративную квартиру Дейча, Стефановича и Бохановского. Он предлагал ворваться в дом и силой

овладеть имуществом, не останавливаясь перед пальбой из револьверов. Но тактический план Гольденберга был отвергнут. Вещи вынесли из квартиры другим, более мирным образом. Дебагорий говорит, что в 1877 г. Гольденберг обратил на себя среди других его внимание. Был он человек совсем еще молодой, очень впечатлительный, страшно много споривший, предложения его были и рискованны, и непрактичны. Знакомства Гольденберга, а м.б., и его поведение, были причиной того, что его арестовали по подозрению в соучастии в покушении на убийство товарища прокурора Котляревского и выслали административно (13 апреля 1878 г.) в Холмогоры, Архангельской губернии, откуда он 22 июня 1878 г. бежал (вместе с Орловым). В Киеве, живя уже нелегально, он сошелся с Валерием Осинским, А.Зубковским и др. В декабре 1878 г. ему пришлось прочесть брошюру «Заживо погребенные», описывавшую жизнь политических заключенных в Харьковских каторжных «централах». Под влиянием этой книги у Гольденберга возникла мысль о мести харьковскому губернатору кн. Кропоткину, как за политических преступников, так и за студентов харьковского университета, избитых нагайками во время беспорядков в половине декабря. Получивши 20 рублей и револьвер от Орлова и Зубковского и рекомендательную записку от Осинского, Гольденберг съездил в Харьков, где с Глушковым, Эм.Воронцом и другими обсуждал план убийства харьковского губернатора. Вернувшись в Киев, он, с товарищами, пришел к мысли о необходимости конспиративной квартиры в Харькове, для собраний заговорщиков и облегчения бегства после убийства. В качестве пособника прибыл в Харьков (около половины января 1879 г.) Кобылянский, а Зубковский и Людмила Александровна Волкенштейн поселились на конспиративной квартире в качестве мужа и жены. Особой конспиративностью Гольденберг не отличался, потому что передал в тюрьму товарищу по университету, сидевшему там, записку, где писал, что приехал «обделать хорошее дельце» и подписался «Гришка». Так что тюрьма уже в день покушения знала, кем совершено убийство. 9 февраля, вечером, он выстрелил в окно губернаторской кареты, смертельно ранил князя Дм.Кропоткина, который 10 февраля скончался.

Гр. Гольденберг собственноручно написал воззвание «К русскому обществу», в котором он называл общество «единственным попустителем жестокостей, совершаемых над социалистами», излагал причины, почему он поднял руку на Кропоткина,

и призывал «возвысить голос за поруганное человеческое достоинство». После убийства Гольденберг скрылся в Киеве, оттуда через Харьков проехал в Петербург. Здесь он видался с Зунделевичем и Михайловым, с которыми «теоретически» беседовал о значении возможного покушения на жизнь шефа жандармов Дрентельна, но никто не говорил ему о практической возможности этого дела. В марте 1879 г., кроме Гольденберга, приехали Кобылянский и Соловьев. Все три в одно время, каждый самостоятельно, пришли к мысли о цареубийстве. Первым предложил свои услуги центру «Земли и Воли» Гольденберг. Зунделевич особенно горячо отверг участие его как еврея, другие высказались против поляка Кобылянского, и акт 2 апреля был совершен Соловьевым. 31 марта Гольденбергу, как нелегальному, партия предложила покинуть Петербург. С начала апреля до середины июня Гольденберг был в беспрерывных разъездах в Харькове, Киеве, Петербурге, Чернигове и т.д. Гольденберг, как террорист и сторонник политической борьбы, получил приглашение на Липецкий съезд, куда он прибыл уже к концу съезда. По показанию Квятковского, Гольденберг находился в это время в психически возбужденном состоянии. Мысль его, фиксированная на вопросе, который он возбуждал пред 2 апреля, заставила его впоследствии изобразить съезд, как совещание единственно о цареубийстве. На Воронежский съезд, где собирались члены организации «Земля и Воля», Гольденберга, как не принадлежащего к партии, не пригласили. Но он был избран членом Исполнительного Комитета новой партии «Народная Воля»*, ездил после съезда на юг для свидания с Колоткевичем и Савелием Златопольским, участвовал 26 августа 1879 г. на том совещании в Петербурге, на котором решена была участь имп. Александра II. В 20-х числах сентября 1879 г. он был в Харькове, где он на сходках выступал с Желябовым в пользу террора и политической борьбы; участвовал в обсуждении плана одесского взрыва, хранил динамит. Его кличка в это время была «Биконсфильд». В октябре, по вызову Ширяева, он поехал принять участие в подкопе под Московско-Курскую железную дорогу. 9 ноября ему предложили поехать из Москвы в Одессу за недостающим динамитом. 12-го он был в Одессе у Колоткевича, получил от Фроленки динамит, от Савелия Златопольского 300 рублей; 14

* Сватиков ошибается. Г.Д.Гольденберг не был членом Исполнительного Комитета. - *Ред.*

ноября на станции Елисаветград он был задержан с динамитом в чемодане.

Взрыв свитского поезда 19 ноября 1879 г. показал, какого важного государственного преступника задержали в Елисаветграде. Посаженный в Петропавловскую крепость, Гольденберг сперва отказался от показаний. Но еще ранее, в Одессе, к нему посадили предателя Курицына, который узнал от него кое-какие данные. На это прямо указывает Плеве в письме к графу Лорис-Меликову (от 14 октября 1880 г.), что «в январе 1880 г. была прислана в Петербург из Одессы тетрадка с теми данными, которые были почерпнуты от Гольденберга, ранее его сознания, подсаженными к нему (в Одессе) агентами». На допросе 15-го января (в Петербурге) Гольденберг заявил, что он «по своим убеждениям — социалист», принадлежит «к фракции дезорганизаторов, или политиков, иначе сказать, террористов», цель же фракции — политическая борьба, которая облегчила бы «активное, а главное, продуктивное народное движение». На допросе 2 февраля Гольденберг показал, что он был убийцей князя Кропоткина. 6-го же мая он дал такое подробное показание обо всех, кого он видел, знал, о ком слыхал, что перед правительством развернулась впервые яркая картина происходившего в лагере его врагов. Показания свои он подробно мотивировал. С одной стороны, он видел «тяжелый и кровавый путь» социальной партии и фракции террористов, «усилия, мучения и страдания всей молодежи», с другой стороны, «ни в народе, ни в обществе, ни среди молодежи нигде ничего не сделано». Он находил, что «политические убийства не только не приблизили Россию к политической свободе», но «вызвали страшную всесокрушающую реакцию». Его испугала мысль, что новые смертные казни вызовут новые политические убийства, «а эти в свою очередь заставят правительство принять еще более крайние меры... пока победителем из этой неравной борьбы не выйдет все-таки правительство»... Его пугала и мысль, что «то отрадное по своим стремлениям движение в пользу политической реформы, которое мы видим сейчас, может под влиянием всех преследований в конце концов заглохнуть на долгое время». Поэтому, «желая содействовать скорейшему переходу к другому лучшему положению вещей, желая многих спасти от угрожавшей им смертной казни, он решился на самое страшное и ужасное дело... раскрыть всю организацию и все ему известное, и, таким образом, предупредить ужасное будущее»... Цель его была, «чтобы правительство отказалось от це-

лого ряда репрессивных мере»,«отнеслось спокойно к виновникам печальных событий, на которые они, однако, шли под влиянием своих гражданских убеждений, а не личных каких бы то ни было выгод».

После такого предисловия Гольденберг выдал себя, свою невесту, своих личных друзей, все, что знал, притом без всякого расчета. Автор биографии А.Желябова не считает Гольденберга изменником. «Несомненно, что он был храбр, жизнью не дорожил, и виселицы не мог испугаться». По мнению того же лица, Гольденберг, как человек недалекий от природы, был введен в заблуждение следователем, который будто бы нарисовал ему картину примирения партии и правительства, изменения правительственной системы. Гольденбергу почудилось, что в стране и даже в среде правительства сильны конституционные стремления, которые глохнут под влиянием реакции, вызываемой, в свою очередь, террором. Показание Гольденберга, опубликованное в октябре 1880 г., дает возможность думать, что это было так. Кому-то из товарищей, случайно встреченных в крепости, Гольденберг закричал, что скоро его освободят, так как он, Гольденберг, ведет переговоры с правительством относительно конституции. Однако, когда исчерпывающие показания были уже получены, обращение с ним изменилось. В обвинительном акте по делу 16-ти сказано, что и Гольденберг должен был бы судиться по этому делу, но умер. О причине его смерти сообщают, что он будто бы сказал прокурору (новому уже), который насмешливо с ним говорил: «Помните, г.Прокурор, что если хоть один волос упадет с головы моих товарищей, я себе этого не прощу».— «Уж не знаю насчет волос, — отвечал будто бы остроумный прокурор, — ну, а что голов много слетит, так это верно». Вскоре после этого разговора Гольденберг повесился в своей камере на полотенце (17 июня 1880 г.). Дебагорий считает вполне естественным самоубийство Гольденберга. Когда он понял вред, причиненный движению и людям его показаниями, он, как человек впечатлительный и болезненно нервный, должен был поддаться угрызениям совести. Таким образом, пред нами, в связи с биографией террориста, развертывается картина движения в 1879 г., и не менее яркая картина, какими оригинальными способами добывались сведения о движении в 1880 г. Как ни трагична смерть Гольденберга, она не искупает его предательства, столь колоссального по размерам, что один лишь Азеф может быть сравним с ним. Историки, и общество, и товарищи Гольденберга по учас-

тию в движении, все они свыклись с мыслью о том, что Гольденберг покончил с собою. И есть что-то дьявольское в том сообщении, которое делает господин Б.Глинский, «по сведениям, полученным им от одного лица, игравшего в тогдашней административной жизни видную роль». По словам этого лица, Гольденберг был просто предателем. «Его удалось склонить в пользу правительства и к выдаче своих единомышленников. За эту услугу ему была дарована не только жизнь, но и свобода. Он куда-то скрылся, и притом так искусно, что и до сих пор в нашей революционной литературе по сему предмету нет никаких сведений. Человек точно канул в воду, но имеются некоторые данные предполагать, что он жив еще и поныне» (1913 г.). Мне лично сообщение господина Б.Глинского представляется совершенно ложным и необоснованным. Того же мнения и В.Л.Бурцев.

К числу видных народовольцев-евреев принадлежал Арончик, главная деятельность которого падает на 1879 года.

Арончик принадлежал к числу народников, вовлеченных в политическую, тем более в террористическую борьбу лишь под влиянием чрезвычайных событий 1878—1879 гг. Тем не менее вся его деятельность, о которой мы знаем, относится всецело к эпохе «Народной Воли». Гомельский мещанин, Айзик Борисович Арончик родился в 1859 г. По окончании одесского реального училища он поступил в институт инженеров путей сообщения, но вышел из него до окончания в 1879 г. Сведения о нем сохранены нам, главным образом, показаниями Гольденберга, который познакомился с Арончиком еще летом 1878 г. в Киеве. Предатель Богославский сообщил, что Арончик познакомил его в 1878 г. с членами революционного кружков [в] Кременчуге, бывшими учениками кременчугского реального училища, евреями — Борисом Членовым, Лурье и Гуревичем, которые доставляли средства партии «Земля и воля» и оказывали ей разные услуги. Гольденберг считал Арончика народником, который «пристал к фракции террористов только под влиянием текущих событий». По показанию Гольденберга, на Липецком съезде возник вопрос о посылке кого-либо в г.Повенец (Олонецк. губ.) для освобождения находившихся там в административной ссылке Самарской и Воскресенской, и он, Гольденберг, предлагал свои услуги для этого, но участники съезда решили поручить это освобождение Арончику, а не Гольденбергу. Арончик был арестован в Петербурге, 17 марта 1881 г., по подложному паспорту Золотницкого, при обыске у него был

найден листок «От исполнительного комитета имп. Александру III» от 3 марта 1881 г. Было установлено, что одновременно поселился и одновременно выбыл с ним из гостиницы «Москва» Ник. Саблин, застрелившийся 3 марта в конспиративной квартире на Тележной улице. Самое серьезное обвинение было выдвинуто против Арончика Гольденбергом, который сообщил, что Арончик, хотя и недолго, работал в подкопе на Московско-Курской дороге, в Москве; работал плохо и от работы был отстранен. Затем ему дали роль хозяина конспиративной квартиры, там же, в Москве, которую он и исполнял с Галиной Чернявской под именем супругов Силантьевых. Эта квартира служила убежищем для участников покушения 19 ноября 1879 г. на взрыв царского поезда. Арончик виновным себя не признал, объясняя, что осенью 1879 г. он разыскивал в Архангельской и Вологодской губерниях своего товарища Колтановского, будто бы сосланного туда административно, а, когда узнал, что Колтановский — по приговору Одесского военно-окружного суда — находится в каторжном «централе» во Мценске, то ездил туда оказать ему денежную помощь. Но оговор Гольденберга был косвенно подтвержден Исаевым. Кроме того, выяснилось, что Ал.Михайлов, получавший секретные сведения департамента полиции от служившего там революционера Клеточникова, уезжая из Петербурга, познакомил его с Арончиком, которому Клеточников и продолжал доставлять сведения. Арончик признал знакомство с Клеточниковым через А.Квятковского, но заявил, что знал Клеточникова мало, иногда Клеточников оставлял у него пакеты для Квятковского, но какого рода были отношения этих двух лиц, Арончик не знал. Уж впоследствии обнаружилось еще, что Арончик, в качестве одного из наиболее доверенных агентов Исполнительного Комитета «Народной Воли», наряду с Желябовым, Перовской, Франжоли, вел сношения с Нечаевым, заключенным в Петропавловской крепости. На суде по делу 20-ти народовольцев Арончик энергично отрицал, что был хозяином конспиративной квартиры. Он не признал и принадлежности к партии «Нар. Воли». Он сказал при этом: «Если тайным сообществом называть известную группу лиц, имеющих известную программу действий, то к такому сообществу я никогда не принадлежал и никогда ни с кем не соглашался ни на какие действия. Я даже должен заявить, что я никогда не разделял и не разделяю даже и принципиальных убеждений фракции «Народной Воли» или «Черного Передела». В основе и той, и другой фракции лежит

стремление произвести революцию в России; по моему же мнению, революция вообще может явиться только как следствие известных условий, а сделать ее нельзя; вот почему я и не разделяю взглядов ни той ни другой партии. Вместе с тем я должен признать, что, по своим убеждениям, я — социалист, но не революционер». Трудно понять, почему Арончик упорно отрицал свое участие в подкопе (19 ноября). Еще в 1880 г. по делу 16-ти были опубликованы показания Ширяева, что Силантьевы, т.е. Арончик и Чернявская, привезли в Москву 2 пуда динамита и держали конспиративную квартиру. Более понятно его отрицание принадлежности к «партии». Гольденберг был прав, называя его «народником», ушедшим в террор из мести за погибших товарищей. Но другие землевольцы, ушедшие в «Народную Волю», сделали, очевидно, логические выводы, отреклись от анархизма и перешли к признанию необходимости политической борьбы, политической программы и партии. Арончик же, даже работая фактически в качестве «агента» Исполнительного Комитета, не чувствовал себя, индивидуально, принадлежащим к партии и искренно верил, что он только социалист, но не революционер.

Суд, конечно, не имел ни времени, ни охоты разбираться в этих «тонкостях», да к тому же считал вполне доказанным участие Арончика в партии и ее террористических предприятиях (взрыв 19 ноября) и приговорил его к бессрочным каторжным работам. Заключенный в Алексеевский равелин, Арончик провел в нем худшее время репрессий, не выдержал ужасов и сошел с ума: он стал воображать, что он — английский лорд. Кроме того, он был болен чахоткой и цингой. Полувысохшего, превратившегося в скелет, его не захотели освободить или отправить в больницу или хотя бы в казанский сумасшедший дом. Так как он не мог самостоятельно двигаться, у него образовались ужасные пролежни. Его отвезли в 1884 году в Шлиссельбург, где он и умер в 1886 г. совершенно один. Тщетно его товарищ по заключению М.Ф.Фроленко просил разрешить ему ухаживать за умирающим. Мучения его были так ужасны, что, в связи с его смертью (и самосожжением Грачевского), режим в Шлиссельбурге был несколько облегчен.

К 1879 году, к эпохе деятельности южных бунтарей, относится попытка ограбить херсонское казначейство путем подкопа (3 июня). В ней приняли участие Юрковский, Россикова, М.Фроленко и др. Евреи не принимали участия в этом деле. Но за укрывательство похищенного были привлечены 2 чело-

века, супруги Баршт, по-видимому, случайные люди в революции. Херсонские мещане, Абрам Лейбович Баршт, 42 лет, и жена его, Сима Моисеевна Баршт, 36 лет, попали в дело следующим образом. 14 августа 1879 г. заключенный в херсонской тюрьме колонист Авг.Роман донес, что сидевший там же по делу о подкопе Погорельский просил его получить (через жену Романа) от Симы Баршт, жены Абрама, проживающего на хуторах Чернобаевых, 1000 рублей, которые Погорельский дал ей по ограблении казначейства. Пристав Белостоцкий, переодевшись, отправился на хутора, был принят Симою Баршт за вышедшего из тюрьмы арестанта. На просьбу о деньгах от имени Погорельского Сима стала говорить, как она много страдала, даже заболела, и если бы прежде знала, что это за деньги, не взяла бы их; дать денег не может, они уже «у черта в зубах». Абрам, за которым послали в степь, пришел, сказал, что никакого «Алексея» не знает, если жена его брала деньги, пусть она и отдает, он ничего не брал. Сима же твердила, что деньги — «у черта в зубах». По-видимому, революционеры не были тем чертом, в зубах у которого были деньги, потому что Погорельский подтвердил и следователю, что 1000 рублей он Симе 4 июня вручил, в присутствии Абрама, и оба супруга знали, что он — участник краж. Свидетель Щербаненко подтвердил, что Погорельский ему говорил о передаче денег Баршам и о боязни своей, чтобы они не выдали. Военно-окружной суд отнесся к ним снисходительно: лишивши супругов всех особенных прав и преимуществ, Абрама Баршта заключили в арестантские отделения на 1 год, а Симу Баршт в рабочий дом на тот же срок.

За деятельность, относящуюся к 1879 г., была осуждена в 1880 г. военно-окружным судов по делу 19-ти группа из 6 евреев. Ускользнул от суда — седьмой (Фукс). Дело началось с того, что 2 апреля 1879 г. обнаружены были прокламации о покушениях на жизнь князя Кропоткина и Дрентельна. В тот же день грянул выстрел Соловьева, почему на дело обращено было особое внимание. Выяснилось, что главным распорядителем по расклеиванию в ночь на 2-е апреля был некий Исайя Фукс, приехавший с чемоданом преступных изданий из Одессы. Он же надписывал адреса на конвертах, в которых рассылались те же прокламации, и в кругу кишиневских знакомых читал об адресе рабочих Наследнику и о побеге Фомина (очевидно, из № 3 и 4 «Земли и Воли»). Было установлено, что Фукс служил в управлении Юго-Западной железной дороги в Одессе. За

домом Склифосовского, где он жил, был установлен надзор, и обнаружено знакомство Фукса с супругами Файнштейн, которые оказались супругами Меером и Эсфирью Геллис. Задержанный у Файнштейнов (Геллис) мещанин Абрам Фихтенгольц имел при себе 10 экземпляров «Хитрой Механики» и другие революционные издания. При обыске у Геллис найден пепел от сожженных бумаг. Установлено, что их посещало много молодежи и Абрам Фихтенгольц сразу же стал выдавать. Он рассказал, что он товарищ Геллиса по училищу, в 1874 г. Ис. Фукс, Геллис и он отправились за границу, в Женеве были наборщиками «Общины», в мае 1878 г. вернулись в Одессу. Здесь Фукс носил Геллису революционные издания. Знакомый Фукса Абрам Рублев говорил, что тайная типография находится у какого-то студента Цукермана, адъютанта девицы Южаковой. Из показаний Фихтенгольца выяснилось, что Геллис — чистый анархист. Геллис объяснял Фихтенгольцу, что группа (казненного) Ковальского признает центральную власть, а он, Геллис, ее не признает. Группа Геллиса — тоже за конституцию, чтобы через нее прийти к анархическому устройству общества. Члены «партии Геллиса» являлись на сходку вооруженными. В августе 1878 г. Геллис и Верцинский решили образовать кружок «Самообразование» на квартире воспитанника коммерческого училища (еврея) Михеля Заметки, а потом у Фихтенгольца и Гоштовта. Потом, на этой квартире, вместо Фихтенгольца, поселились Соломон Медведев, Надеин, Егор Минаков. В ноябре 1878 г. предполагалась демонстрация у церкви святого Николая, на манер Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. С появлением Минакова, Геллис от посещения кружка отказался, но давал Фихтенгольцу прокламации (о Дрентельне) и предлагал их расклеивать. Геллис одобрял убийство Кропоткина. Фихтенгольц, уже сидя в тюрьме, донес, что про свое знакомство с офицером Властопуло Геллис сказал, что имел с ним «дело отдельное». В тюрьме же Фихтенгольц слыхал слова Геллиса, что Фукс хорошо справился с расклейкой в Синеве. Рублев сообщал в тюрьме Геллису, что Фукс бежал и что его снабдили заграничным паспортом и деньгами. Геллис говорил, что Властопуло — друг Ковальского и живым не сдался бы.

Свидетель Гулидов показал, что в кружке участвовали Сол. Медведев, Минаков и другие. Медведев и Надеин уговаривали его участвовать в убийстве предателя Гоштовта. При обысках найдены: у Рублева записки антиправительственного содержания и перехваченные письма из Казани к реакционному про-

фессору Цитовичу. У Соломона Медведева — письмо о присылке «Земли и Воли» и шифр. Арестованный маякский мещанин Меер (Герш) Янкелев Геллис сперва настаивал, что он — Файнштейн. Затем признался, что, уклоняясь от воинской повинности, в 1874 г., он приобрел турецкий паспорт на имя Файнштейна, с ним посетил Цюрих, Женеву (где работал в русской типографии Трусова), Париж и Брюссель. В июне 1878 г. вернулся в Одессу, где стал сперва наборщиком, потом преподавателем французского языка. Женился на девице Эсфири Шпунберг. Исайя Фукс — друг детства. Эсфирь Геллис виновной себя не признала, показала, что была содержательницей училища, давала уроки музыки.

Свидетели — Михель Заметка, Гитля Зубри, Мж. Тананаки и предатель — дворянин Гоштовт — показали, что супруги бывали оба на сходках, куда приносили преступные издания. Зубри давала Геллису деньги на заключенных и за «литературу». Тананаки показал, что, кроме Меера Геллиса, приносил книги и Пинкус Геллис — солдат. Гоштовт показал, что кличка Эсфири Геллис была «Манька». Почерк Геллиса установлен был на конверте с № 4 «Земли и Воли», посланным в Кишинев антрепренеру театра. По словам Гоштовта, осужденный по делу Чубарова Эммануил Верков Медведев познакомил его с Минаковым, у которого бывали указанные (выше) Фихтенгольцем лица, читали в кружке «Вперед», «Общину», проектировали общественную мастерскую. В доме Шмидт с Гоштовтом поселились Фихтенгольц, Соломон Медведев, Минаков, Надеин. Минаков и Пинкус Геллис доставляли «литературу». Пинкус Геллис был инициатором (неосуществившейся) демонстрации у церкви святого Николая. 9 февраля 1879 г. на Гоштовта сделано было покушение. Сол.Медведев подтвердил, что жил с указанными лицами, но на сходках не бывал, найденные у него письма поднял на улице. Фихтенгольц заявил, что автор найденного у Медведева письма за подписью «Август» — Эммануил Медведев, брат Соломона, содержавшийся в николаевской тюрьме, что письмо писано к какому-то офицеру по вопросу об организации кружка матросов, с просьбою о присылке революционных изданий, а именно — по расшифровке Фихтенгольца — «Земли и Воли», «Работник», «Заживо погребенные»; еще зашифровано было слово «матросы». Медведеву предлагали Минаков и Говорюхин на демонстрации у церкви св. Николая выбросить красное знамя.

Рублев показал, что, не окончивши гимназии, он поехал в 1873 г. в Цюрихский, а затем в Мюнхенский — политехникумы,

в 1875 г. вернулся в Одессу. Давал М.Геллису и Фуксу уроки математики, письмо к профессору Цитовичу поднял на улице, статья же о социалистических учениях приготовлена им как критика для легального журнала. Гоштовт показал, что о принадлежности к социально-революционной партии Рублева говорил ему М.Геллис. Студент Цукерман заявил, что он просил Гоштовта познакомить его с одесскими «радикалами», так как их учения и мнения его интересуют. Но он отверг обвинение Гоштовта в революционных речах, а равно — в прикосновенности к типографии и в знакомстве с Южаковой. Пинкус Геллис признался, что бывал на сходках у Гоштовта, которые посещали его брат Меер, Эсфирь Шпунберг, Надеин, Минаков и др.; по поручению брата носил революционные брошюры. Общество, собиравшееся у Гоштовта, имело характер не самообразовательный, а «политико-социальный». О демонстрации слыхал от Говорюхина, но не был ее инициатором. Таким образом, привлеченным по процессу лицам были поставлены в вину тайное сообщество с революционной целью, сходки, сборы денег, печатание и распространение изданий, подготовка демонстрации, покушение на убийство Гоштовта, расклейка прокламации в Кишиневе 2 апреля и т.п.

Судьба лиц, обнаруженных следствием, была такова. Ис.Фукс бежал удачно за границу с помощью членов кружка. Дальнейшие следы его теряются. Меер, Пинкус и Эсфирь Геллис, Цукерман, Медведев и Рублев признаны были членами тайного преступного сообщества, при обстоятельствах, уменьшающих вину. М.Геллис приговорен к каторжным работам в рудниках без срока; Рублев туда же на 15 лет, а Цукерман, П.Геллис и С.Медведев на 10 лет; Эсфирь же Геллис к каторжным работам на заводах на 15 лет. Принимая во внимание, что все, кроме Меера Геллис, действовали не самостоятельно, подвергаясь влиянию более развитых лиц, суд ходатайствовал: Эсф.Геллис, П.Геллис и Рублева — сослать в отдаленные места Сибири, Цукермана также на поселение в места не столь отдаленные, Медведеву же дать лишь 3 месяца тюремного заключения. Приговор был утвержден в этом именно виде. О личности подсудимых имелись в обвинительном акте следующие данные: Соломон Беркович Медведев, николаевский мещанин, 17 лет, учился в николаевском уездном училище. Ничтожность данного ему наказания (ему дали меньше, чем предателям Гоштовту и Надеину, которым суд назначил по 6 месяцев тюрьмы) объясняется, по-видимому, не только молодостью его, но и другими

обстоятельствами. Моисей Абрамович Цукерман, 26 лет, одесский мещанин, учился в 3 Одесской гимназии, но курса не кончил. Абрам Мордкович Рублев, тираспольский мещанин, 26 лет, учился во второй одесской гимназии, курса не кончил. Сосланный в Западную Сибирь он, с С.Чудновским, в Томске оказывал в 60-х гг. немало услуг политическим ссыльным.

Рядовой 56 пехотного житомирского полка Пинкус Янкелев-Срулев Геллис родился в 1850 г., учился в училищах: казенном еврейском, коммерческом, уездном и ремесленном (Об-ва «Труд»), но нигде курса не кончил. В одной партии с братом проследовал в Восточную Сибирь. Дальнейших сведений нет. Эсфирь Моисеевна Геллис, дочь ветеринарного врача Шпунберга, 21 года, училась в казенном еврейском училище, курса не кончила. Последовала за мужем в Карийскую каторжную тюрьму, жила на Каре, в 1881 г. была выслала в Акатуй, Забайкальской области, в 80-х гг. переехала в Иркутск, вернулась в Европейскую Россию.

Трагична была судьба М.Я.Геллис. 16 окт. 1880 г. он прибыл на Кару, здесь пробыл менее 2 лет. В мае 1882 г. был отправлен в Петербург, в Трубецкой бастион, где пробыл ужасное время 1882—1884 гг. В 1884 г. с товарищами переведен в Шлиссельбург. Здесь цинга и чахотка свели его в могилу. Таким образом Геллису суждено было погибнуть в Шлиссельбурге. Единственное счастье, улыбнувшееся ему перед смертью, заключалось в том, что, по требованию заключенных, его не унесли в старую тюрьму и, умирая, он мог еще подавать товарищам весть о себе стуком.

К 1879 г. относится деятельность двух более мелких пропагандистов (Тюрина и Ронес). Второй из них — еврей Мендель Ронес (20 лет) с фельдшером Тюриным (19 лет) вел пропаганду среди крестьян Ананьевского уезда Харьковской губернии. Тюрин был присужден к ссылке в Сибирь, Ронес к тюремному заключению на год. Административно пострадала в Киеве Елизавета Натанзон, которую предатель Богославский обвинял в сочувствии к террористам и в том, что она вращалась в киевском революционном кружке. Студент Панкеев предлагал будто бы Богославскому заняться революционным делом, «за известное от него, Панкеева, вознаграждение», просил найти резчика для печати, которую нужно доставить на квартиру Натанзон. Кроме того, у Натанзон в феврале 1879 г. скрывался будто бы беглый солдат, привезенный Панкеевым из Одессы. Нет, конечно, никакой возможности составить список адми-

нистративно высланных в 1879 г. евреев. Студент Шефтель был арестован в Петербурге в ноябре 1879 г. из-за студенческих волнений. Студент Хедеровер был выслан из Одессы. В конце 1879 г. были арестованы в Одессе окончившие реальное училище Ибнер и Дашевский.

К 1879—1880 гг. относится работа в Киеве той группы, в которой М.Р.Попов, один из вождей «Земли и Воли», пытался объединить народовольцев и народников под старым общим именем. Главными деятелями были М.Р.Попов и Игн. Иванов. Дело о них и об их товарищах слушалось в июле 1880 г. Среди них генерал Шебеко называет евреями четырех человек: Фанни Реферт, Шейву Шехтер, Викторию Левенсон и Соломона Лотрингера. Виктория Викторовна Левенсон, жена почетного гражданина Гр.Левенсона, судившегося по делу Мирского, арестована была 5-го марта 1880 г., не признала себя виновной в принадлежности к сообществу. От роду ей 25 лет (род. в 1855 г.); в Киеве поселилась с осени 1879 г., по паспорту Ворониной, боясь административной высылки, так как ее муж был привлечен. По сведениям охраны, ее посещали молодые люди и девицы, имеющие вид «курсисток», посещали также ее Клименко и М.Диковский. По образованию — гимназистка, а затем слушательница курсов повивального искусства при Елен[инском] родовспомогательном институте в Петербурге. На допросе признала себя социалисткой, но не принадлежащей ни к «Народной Воле», ни к «Черному Переделу»; сочувствует же обеим фракциям. Предатель Забрамский показал, что студент Клименко, к которому Забрамского направили из тюрьмы, сказал ему, что он сам не принимает участия в кружке, но что жена его состоит членом такового и даст ему нужные сведения. При этом он познакомил его с Ворониной (Левенсон). Кружок собирался у Левенсон, здесь говорили о распространении пропаганды среди рабочих Киева, раздавали революционные издания и т. д. «Здесь же обсуждался вопрос об убийстве генерал-губернатора Черткова, причем исполнение этого акта возлагалось на Левенсон, которая должна была направиться к генерал-губернатору в качестве просительницы и из револьвера убить его»... Затем, чтобы обмануть Забрамского, был пущен слух, якобы у Клименко и Левенсон не следует собираться потому, что о них получены неблагоприятные сведения. Это было сделано по настоянию Левенсон, которая раньше других и правильнее оценила Забрамского. Свидетели жандармы, по старой киевской традиции набрасывать тень не только на поли-

тическую, но и на нравственную благонадежность, так много говорили, что хозяева конспиративной квартиры Клименко и Левенсон, жившие под видом супругов, жили, действительно, как муж и жена, что Левенсон возмущенно спросила, наконец, на суде, в чем, собственно, ее обвиняют, в безнравственном поведении или в государственном преступлении.

Мещанка г.Одессы, Софья Наумовна Шехтер (обвинительный акт именует ее то Шейвой Нусимовной, то Хаимовной), 24 лет, окончила в Одессе Мариинскую женскую гимназию, один год была слушательницей медицинских курсов при Медико-хирургической академии. Арестована она была в имении Козловка, куда приехала по делу киевского революционного кружка к Мих.Стаховскому. На ее несчастье, там произошла семейная драма, причем старик Стаховский предательски застрелил своего сына, объявивши, что убил его, как революционера. Шехтер заявила, что ее вызвали сиделкой к раненому Стаховскому. Арестованная, она послала 2 записки — сестре в Одессу и Ф.Реферт в Киев. Здесь она сообщала, что дала показания, будто бы приехала учиться фельдшерскому искусству; что «Змей» — в Курске, «Змей и Женя» обвиняются в московском взрыве. «Не мстите за меня, — проведены обыски в Одессе и Киеве». Фанни Реферт была арестована. Шехтер от показаний отказалась, приписку: "да здравствует революция..." объяснила негодованием на обращение при аресте, письма Шехтер чрезвычайно ее компрометировали, в смысле сношения с людьми, обвиняемых в покушении на цареубийство, которые могут «мстить» и т. п.

Фанни Семеновна Реферт, 22 лет, мещанка г. Тараща, слушательница акушерских курсов при клинике университета святого Владимира, хранила у себя № 1 «Черного Передела», тетради с записками и выписками. Между прочим, внимание жандармов было привлечено рассуждением об обществе, где говорилось, что вверху — тонкий слой интеллигенции, внизу же — бурная стихия народа, могучая и грозная, слепая и бессознательная. Горе обществу, которое не предусмотрит и не предотвратит грозящей опасности. По поводу этой выписки Реферт показала, что это не ее слова, но цитата из Луи Блана, поразившая ее своей правильностью мысли. В остальном Реферт от показаний отказалась. У нее были найдены письма Козловскому. Она писала, что «сильной веры в успех у нее нет». Кудрявскому (псевдоним) сообщала очень подробно о делах в Киеве, обнаруживая большую осведомленность. По-видимому,

ее симпатии были скорее на стороне народников. Ей была «печальна вражда народников и террористов (в Киеве), все идут к одной цели, только разными путями. Некоторые, да почти все народники говорят, что, благодаря народовольцам, возникли все строгости, а пользы они никакой не сделали»... В других процессах были даны сведения о Реферт. Николаевский матрос Ключников, свидетель из процесса Виттенберга, показал, что Реферт в конце дек. 1878 г. посещала столовую Грибенюка, где собирались социалисты, была дружна с Самарской и беглым солдатом Гордеем. В деле 16-ти, уже по осуждении Реферт, оглашено было показание Гольденберга, что в сент. 1879 г. он разыскал в Одессе «свою старую знакомую по Киеву» Фанни Реферт и она дала ему связи, благодаря которым он мог свидеться с членом Исполнительного Комитета Савелием Златопольским.

Студент киевского университета Соломон Лотрингер, 21 год, австрийский подданный, окончивший вторую одесскую гимназию, сперва был в одесском университете. 15 апреля 1880 г. он был арестован. Лотрингер заявил, что С. Диковский искал с ним знакомства, вероятно, потому, что знал его по студенческим сходкам, как человека, проводящего либеральные идеи. Был знаком с М.Р.Поповым и догадывался, что Попов близок к революционным кругам. Позже Лотрингер заявил, что к «социальной партии не принадлежит и вполне привержен к Правительству».

Итого, по этому делу привлечено было 21 человек, из них 4 еврея. Очень мужественно и достойно держали себя на суде Левенсон, Реферт и Шехтер. Суд приговорил их всех к 15 годам каторжных работ, но ходатайствовал о замене каторгою же — Шехтер и Левенсон на 6 лет, Реферт — на 4 года; а Лотрингера — за недонесение на 4 месяца в тюрьму.

О личной судьбе упомянутых лиц можно сообщить следующее. Пропуская Лотрингера, мы отметим, прежде всего, Левенсон, как наиболее выдающуюся участницу процесса из женщин. Она пришла на Кару в феврале 1881 г., в 1884 г. вышла на поселение в Баргузин Забайкальской области, манифест 1883 г. к ней применен был. Вернулась в Европейскую Россию.

Шехтер прибыла на Кару в феврале 1881 г., по манифесту 1883 г. ей была сбавлена одна треть срока, с 1884 г. поселилась в Якутской области, как ссыльно-поселенка; вышла замуж за политического ссыльного Доллера, в 1895 г. переехала в Иркутск, в 1900 г. вернулась в Россию, в 1903 г. была выслана из

Одессы в Вологодскую губернию. Наконец, Фанни Реферт, отправленная в Сибирь, отбыла срок каторги в красноярской тюрьме, была выпущена на поселение, но вскоре (21 июня 1884 г.) умерла в Минусинске.

К числу деятелей «Народной Воли» принадлежал рабочий Абрам Лубкин, самое имя которого долгое время не было известно ни друзьям, ни врагам. Осталось неизвестным и его прошлое. Родился он в 1857 г., умер в 1880 г. Когда Зунделевич организовал типографию «Нар. Воли», он пригласил в нее Цукермана и, вероятно, Лубкина. Товарищи прозвали Лубкина «пташкой» за его высокий, тонкий голос. «Выше среднего роста, худой, с тонкой шеей и едва пробивающимися усами, он казался очень молодым; вышел из рабочих и принадлежал к типу скромных, но отважных тружеников, которым сознание осуществляемого ими великого дела свободы давало нечеловеческие силы нести добровольное безотрадное затворничество. Пташка, как и Л.Цукерман жили безвыходно в типографии не прописанными, а потому из осторожности обречены были на полное затворничество». По словам работавшей с ним в типографии «Нар. Воли» на Саперном переулке С.Ивановой, Абрам был товарищем Н.К.Буха, работавшего там же, еще по землевольческой типографии. «Застенчивый и скромный, он редко вступал в разговоры». Вместе с тем он был нервным и впечатлительным человеком, особенно когда узнавал об аресте кого-нибудь из близких людей. Когда в ночь с 17 на 18 января полиция явилась с обыском на Саперный переулок, было оказано вооруженное сопротивление. Абрам стрелял в окно, когда уже начали ломать дверь, затем он торопливо перецеловал всех товарищей, говоря: «прощайте». Уйдя в заднюю комнату, он пустил себе пулю в голову и упал мертвым.

Совершенно индивидуальным деянием было покушение Млодецкого на жизнь диктатора Лорис-Меликова. 20 февраля 1880 при выходе Лориса из кареты Млодецкий выстрелил в него почти в упор из револьвера. Пуля пробила зимнее пальто и мундир, но не ранила графа. В публике говорили, что на нем была кольчуга. Млодецкий, видя неудачу, бросил револьвер и пытался бежать. Следствие по делу длилось 2 часа, в течение 24 часов состоялся суд, приговоривший Млодецкого к смертной казни через повешение. Следствие выяснило, что Млодецкий, Ипполит Иосифович, родом еврей, родился в 1855 г., — сын мелкого торговца из города Слуцка, Минской губернии. Не получивши систематического образования, он, однако, само-

учкой прошел курс гимназии и в 1875 г. сдал вступительный экзамен в Технологический Институт. С 1875 г. он сблизился с социалистической русской молодежью, жил и работал в народе и для облегчения пропаганды крестился 13 авг. 1879 г. в Вильне. Давал уроки немецкого языка, жил бедно. 6 января 1880 г. он был выслан за то, что прогуливался около Зимнего Дворца, рассматривал снаружи расположение подвалов. Отправленный в Слуцк, он бежал 28 января, по дороге из Шнека, с револьвером полицейского офицера. Вернувшись в Петербург, он стал обдумывать покушение на графа Лорис-Меликова, назначение которого последовало вслед за взрывом 5 февраля 1880 г. в Зимнем Дворце; это назначение казалось Млодецкому вредным для социалистического дела. Покушение свое Млодецкий намечал на 19 февраля, когда праздновался 25-летний юбилей царствования Императора Александра II и когда оно должно было произвести наибольшее впечатление. Но обстоятельства не благоприятствовали его замыслу, и дело его удалось ему лишь 20-го.

Со смертным приговором Млодецкому связан один из наиболее красивых моментов в жизни Всеволода Мих. Гаршина, болезненно чуткая душа которого не могла вынести ужаса предстоящей казни. Эпизод с его ходатайством за Млодецкого общеизвестен: он сумел ворваться к диктатору, на другой день после покушения, заставил разбудить Лориса и принять себя. Но его заступничество оказалось тщетным. 22 февраля в 11 ч. на Семеновском плацу, при стечении громадной толпы, Млодецкий был повешен, успевши крикнуть, что он умирает за народ. Исполнительный Комитет выпустил 23 февраля прокламацию, в которой после нескольких слов, посвященных Млодецкому и его смерти, он заявлял: «по поводу самого покушения 20 февраля Исполнительный Комитет — считает долгом заявить, что покушение это — единоличное, как по замыслу, так и по исполнению. Млодецкий действительно обращался в Исполнительный Комитет с предложением своих сил на какое-нибудь террористическое предприятие, но, не выждав двух-трех дней, совершил свое покушение не только без пособия, но даже без ведома Исполнительного Комитета. Это обстоятельство, между прочим, отразилось и на технической стороне предприятия». Исполнительный Комитет выражал уверенность, что изыскал бы более верные средства против Лорис-Меликова, «если бы над ним состоялся смертный приговор». Из этих слов мы можем косвенно заключить, что единоличный шаг Млодецкого не был,

собственно, одобрен наиболее видной и активной политической организацией. Это подтверждают и слова листка, что подобные деяния должны быть «осуществлением революционной справедливости» или вести к цели политического освобождения. Такова была оценка деяния Млодецкого, сделанная Исполнительным Комитетом.

Из дел, по которым судили народовольцев в 1880 г., на первом месте стоит, конечно, так называемый процесс шестнадцати, дело А.Квятковского, Преснякова и других. По этому делу судились два еврея: член Исполнительного Комитета Зунделевич и наборщик типографии «Народной Воли» Лейзер Цукерман. Их биографии, включая сюда и описание процесса, изложены выше (глава 2). Должны были судиться по этому процессу, но покончили самоубийством: член Исполнительного Комитета Григорий Гольденберг и наборщик Абрам Лубкин. Из дел, разбиравшихся в Киеве, заслуживают внимания дело Розовского и дело Прицкера.

Едва ли найдется хоть один человек, который удержался бы от самого глубокого волнения при чтении того места в романе «Воскресение», где Толстой простыми, но потрясающими словами рассказывает, как отправлялся на казнь юный студент Розовский. А между тем ни один историк русской общественности не собрал материалов об этом деле, которое даже в ту эпоху суровых репрессий поразило всех своею суровостью и несоразмерностью между наказанием и виною. Иосиф Исаакович Розовский, сын бухгалтера торгового дома в Киеве, родился в 1861 г., и осенью 1879 г. был студентом 1 курса физико-математического факультета университета святого Владимира, по официальным сведениям, имя его ни разу не встречалось в связи с каким-либо государственным преступлением. Да это было и естественно: Розовскому было всего 18 лет. По свидетельству М.Р.Попова, стоявшего во главе революционных групп в Киеве в 1879-80 г. и знавшего детально все дела и всех людей, Розовский пошел на эшафот ни за что. «Он решительно не принимал участия в революционных делах, если не считать его знакомства по университету со студентом Игн. Ивановым, который привел к нему на ночлег Сергея Диковского. Кроме сочувствия к гонимым за Розовским не было никакого другого преступления»... По полицейским данным, собирание сведений о Розовском было сопряжено с большим трудом, благодаря его запирательству, отказу давать показание и т.п. В результате всех усилий в обвинительном акте собраны были следующие

данные. Дело началось с того, что помощник начальника станции Ольшанка Киево-Подольской железной дороги 18 декабря 1879 г., по отходе поезда, увидел на стене залы 1—2 класса прокламацию по поводу московского покушения 19 ноября. По телеграмме, данной по линии, на станции Славуты жандарм заметил молодого человека, наружность которого обращала на себя внимание: красный шарф на шее, короткое пальто, высокие сапоги, длинные волосы. На стене оказалась также прокламация, и, вскочивши в отходивший поезд, жандарм обыскал молодого человека и нашел у него 2 экземпляра социально-революционного обозрения «Народная Воля». Юноша оказался сыном унтер-офицера Радионовым, уволенным за политическую неблагонадежность из Невской 2-й гимназии: его арестовали в мае 1879 г., вместе с другими 3 гимназистами, по подозрению в распространении революционных брошюр, но освободили; сперва Радионов показал, что прокламации он нашел вложенными в газ. «Молва» в Киевской публичной библиотеке, а «Народную Волю» дал ему неизвестный господин, ехавший в Одессу. Но 20 декабря он показал, что 16 декабря, в Киеве, он отправился вечером к знакомому студенту Розовскому, остался у него ночевать, и там же ночевал неизвестный, который, уходя, вынул из-под подушки револьвер. Розовский сказал, что это известный радикал Сергей. Затем Розовский передал Радионову 2 прокламации для распространения, причем советовал не наклеивать, так как это опасно, а подбрасывать их, и 2 № «Нар. Воли», вместо «Общины», которую хотел получить от него Радионов. При обыске у Розовского была найдена литографированная программа партии «Народной Воли», нецензурное стихотворение (Некрасова) «Пир на весь мир», писаное рукою Розовского, бланки Новороссийского университета и несколько револьверных патронов. Розовский отрицал принадлежность ему программы, патронов и бланков. Не признал себя виновным в принадлежности к партии и в распространении прокламаций. На суде Радионов признал себя виновным в распространении, ссылался на легкомыслие, отказался от оговора Розовского, говоря, что с ним не знаком, в квартире его не был, «Народную Волю» получил от лодочника Бежецкого. На Розовского же указал под влиянием тяжелой сцены со своим отцом после ареста, так как Розовского нельзя было заподозрить в принадлежности к социально-революционной партии. На основании этих данных оба подсудимые были приговорены 27 февраля 1880 г. к смертной казни через повешение. Генерал-

адъютант Ванновский заменил Радионову казнь 6-летними каторжными работами, Розовский же был повешен 5 марта. Приговор этот произвел потрясающее впечатление: общественное мнение было поражено тем, что казнен был несовершеннолетний, притом же за передачу 2 прокламаций. Тот самый Сергей Диковский, который ночевал у Розовского, получил 20 лет каторжных работ в июле того же 1880 года. Помимо казни сына, решено было принять строжайшие меры против родителей Розовского в административном порядке.

3 мая 1880 г., в Киеве, произведена была попытка социалистической пропаганды среди еврейского населения. Один мальчик, остановив на Спасской улице рабочего-столяра, поинтересовался узнать, не еврей ли он. Получив утвердительный ответ, мальчик вынул из кармана запечатанный конверт и предложил рабочему передать этот конверт кому-нибудь из старших в семье. Тот отказался. Мальчик поспешно отошел от него, а домовладелец Калинович указал на беглеца городовому. При мальчике оказалось 23 напечатанных на гектографе листа, воззвания «ко всем евреям». В нем предлагалось евреям принять участие в социалистическом движении и в русской революционной работе. Мальчик оказался бывшим учеником 3-й киевской гимназии Абрамом Прицкером (Прицчер), которому обвинительный акт давал 18 лет. Референт же «Киевлянина» в отчете о процессе дал Прицкеру не более 14 лет. Подсудимый объяснялся по-русски без акцента; заявил, что думал, будто в прокламациях говорится «только о свободе печати», которой он хотел бы всемерно содействовать. Уже на суде заявил, что содержит себя собственным заработком, прокламации же дал ему «Сербинский». Этот последний оказался Влад. (Вольтом) Серпинским (см.главу 3); задержать его удалось лишь в 1881 г. Суд приговорил Прицкера к арестантским ротам на полтора года, но генерал-губернатор Чертков смягчил это наказание до одного месяца тюремного заключения. По-видимому, молодость подсудимого, его сознание имели значение при смягчении приговора. Но вряд ли мы ошибемся, если скажем, что в 1880 г., даже в эпоху суровых репрессий, пропаганда на еврейском языке, среди еврейских рабочих, еще не казалась очень опасной.

В связи с прокламациями Серпинского (Прицкера) нельзя не упомянуть, что в 1880 г. группа евреев-социалистов выступила с заявлением, что решила основать в Женеве «Вольную еврейскую типографию», с целью «сделать возможным органи-

зацию социалистической литературы для проведения основ социализма в среду евреев в России и Галиции на их разговорных (жаргонных) языках». До этого в 70-х гг. в «Гоэмес» (Вена, 1877), журнале Либермана, принимал участие известный уже нам доктор Исаак Каминер. После закрытия «Гоэмес» и суда над Либерманом его единомышленники, молодые литераторы А.В.Рабинович и М.Винчевский попытались проводить социалистические идеи в русско-еврейскую среду при посредстве кенигсбергского еврейского журнала «Асефат хахомим» (1877—1878), где участвовали Лилиенблюм и доктор Каминер. Закон о социалистах в Германии (21 октября 1878 г.) прекратил существование журнала, который русская цензура уже воспретила ввозить в Россию. Упомянутая выше группа евреев — русских социалистов разошлась во мнениях с собранием русских социалистов (26 мая) в Женеве и выпустила (по-русски) свое воззвание о целях и средствах социалистической работы в России, высказываясь против федерации кружков и за сильную централизованную организацию.

Мы не имеем возможности останавливаться также на выступлениях русского антисемитизма, который к прежним обвинениям еврейства прибавил с 1879—1880 г. обвинение в революционности. Знаменитая статья «Нового Времени» — «Жид идет», появившаяся в начале 1880 г., открывала собою эпоху обвинений еврейства в социализме и революционизме. «Новое время» писало, что евреи «подтачивают общество» с двух сторон, сверху — капиталисты, снизу — социалисты. Насчитывая лишь 3% евреев в России, газета устанавливала 7% евреев, арестованных по политическим делам. Норд-Вест (Н.Минский) доказывал (и для своего времени совершенно правильно), что Незнакомец (Суворин) говорит неправду, что евреи-революционеры ничего общего не имеют с еврейским народом. «В самом деле, — писал «Рассвет», — если бы в теории наших социалистов была внесена хоть одна капля специально еврейских интересов, тогда вопрос о пролетарии-ремесленнике должен был бы занимать в программе наших социалистов если не первенствующее, то, во всяком случае, видное место»... Однако «лозунги «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел» — представляют для еврейского народа мертвые слова, лишенные всякого жизненного значения»... И «Рассвет» доказывал, что евреи-социалисты этого времени — чисто русские социалисты и чисто русские революционеры. «Только парализованный член остается бесчувственным, когда

все тело испытывает сильное потрясение. Но еврейство — не парализованный орган русского общества: они оба *находятся между собою в жизненной органической связи».*

Автор статистического обзора государственных преступлений в «Народной Воле» 1880 г. полемизировал также с «Новым Временем» по вопросу о проценте еврейского участия в революции, устанавливая его в 4%. И, действительно, нападки на евреев за их участие в революции, особенно в то время, когда их процент не превышал процента в населении, объясняются вовсе не особой активностью, склонностью к крайним решениям — и решительным действиям и т.п. Поход на «революционерствующее иудейство», на «жидов-переустроителей России» и т.п., объясняется злобой реакции на то, как осмелилась принять участие в политическом движении эта бесправная часть населения, как она могла помыслить о такой дерзости. Мы видели выше, что в анархические и мечтательные увлечения русской молодежи евреи вносили элемент трезвой политической мысли, практического организационного строительства, строгой партийной дисциплины. Они же давали лучших «техников», исполнителей практических предприятий.

На еврейскую молодежь, участвовавшую в русском освободительном движении, шли нападки и с другой стороны сторонников национально-буржуазного движения. В 1881 г. (в феврале), после истории на акте 8 февраля, «Рассвет» довольно подробно высказался о еврейской революционной молодежи. Он писал следующее: «На днях одна газета, относящаяся, впрочем, к евреям довольно беспристрастно, делая обзор интересам дня, нашла возможным обратить по адресу нашей интеллигенции, следующие слова: «И еще одно замечание мы желали бы сделать евреям, именно, интеллигентной части нашего еврейского населения. Какая это темная сила двигает еврейскую молодежь на безумное поле политической агитации. Отчего это в редком политическом процессе не фигурируют евреи, и непременно в видных ролях. Что за причина и того явления, что в университетском беспорядке 8-го февраля главным виновником был еврей?» Мы уже не раз и по другим случаям доказывали, что роль евреев в политическом движении у нас далеко не так значительна, как некоторые полагают. Но мы уверены, что даже этот незначительный процент евреев не принимал бы участия в беспочвенных увлечения наших «непримиримых»; трезвый еврейский ум должен предохранить евреев как от политического обскурантизма, так и от политической

разнузданности; но дело в том, что еврейскую молодежь, действительно, темная сила двигает на безумное поле агитации, имя этой темной силы «исключительность». Молодой человек из евреев чувствует себя в среде своих товарищей в исключительном, изолированном положении. Он знает, что на нем тяготеет тысячелетняя ненависть, что за ним упрочилась репутация жида, кочевника, труса. А между тем молодая душа жаждет дружбы, доверия, общения. И вот, если молодой человек попадет в «политический кружок», где люди задаются широкими, размашистыми, пестрыми, бьющими в глаза мечтами, он очаруется, привяжется, отдаются всеми силами своей души. Притом, в подобных кружках, все члены, по крайней мере на вид, считаются равными. Молодому еврею протягивают руку, как товарищу, ему милостиво позволяют играть роль в перекраивании мировой жизни, в пересоздании человечества. И молодой еврей знает, как ценить это доверие; он знает, что он преимущественно должен показать себя достойным этого доверия, он хорошо знает, что если он откажется от какого-нибудь сумасбродного поручения, целесообразность которого он, может быть, и не разделяет, то для этого его поступка найдется только одна оценка: жид, трус, и как таковой он будет выгнан из кружка с позором. А это для мечтателя значит потерять все, потерять почву, где он может воображать себя членом общества, деятелем. Вот та сила, которая иногда гонит еврейскую молодость на «безумное поле политической агитации». Еврейская же интеллигенция тут ни при чем, ее влияние на политических агитаторов — нуль. Не знаем, как другие; мы же называем еврейской интеллигенцией таких людей из среды евреев, которые с солидным общим образованием и гражданской зрелостью соединяют любовь к еврейству и его лучшим традициям. А эта интеллигенция не причастна ни к каким политическим эксцентричностям, ни к какой предосудительной агитации. Политические агитаторы, разумеется, также далеки от еврейской интеллигенции; в их агитации нет и тени специфически еврейского»...

Таким образом, еврейская буржуазия отгораживалась от евреев, участников освободительного движения. И она была права, потому что в движении этом принимали участие представители еврейской *демократии*. И только в дальнейшем движении, когда еврейство поняло, что его национальное освобождение неразрывно связано с общерусским, круг, из которого пополнялись ряды деятелей освободительного движения, расширился. Это

расширение контингента, в связи с кровавыми ужасами 1881—1883 гг., внесло новый элемент в еврейское движение во имя политической свободы в России: элемент национально-политический и национально-социалистический. Но сознание, что евреи, борясь за общерусскую реформу, борются также за национальное освобождение, пришло не сразу. И, наоборот, что еврей, мечтающий о счастье своего народа, не может миновать этапа борьбы за освобождение России, эта мысль также не сразу была воспринята националистическими элементами еврейства. Восьмидесятые годы, особенно тяжело отразившиеся на судьбах еврейства, были годами перелома во многих областях русско-еврейского миросозерцания. К чести евреев нужно сказать, что даже эта эпоха, когда евреи почувствовали, что им даны скорпионы за то, за что другим полагались бичи, не угасила их высокого идеалистического напряжения во имя свободы, не уменьшила их любви к русскому народу и не отвратила евреев от борьбы за общерусское дело. Известная часть интеллигенции продолжала идти по старому пути беззаветного служения интересам всего русского народа, по прежнему пути борьбы во имя счастья всех трудящихся. Другая часть интеллигенции попыталась пойти к низам *родного* народа, работать среди них во имя освобождения еврейского пролетариата. Наконец, третья часть остро осознала свою национальную сущность и уже не по влечению сердца, а из соображений трезвого и холодного политического расчета связала судьбу еврейской свободы с судьбою русского освобождения и стала работать для последнего во имя родного народа.

ГЛАВА 6

В 1884 г., в большом процессе 14-ти (дело В. Н. Фигнер и товарищей) мы не находим ни одного еврейского имени. В крупном киевском процессе 1—9 ноября 1884 г. в Киеве (дело Мартьянова, Борисовича, М.Шебалина и др.) из 12 имен — еврейское лишь одно: это фиктивная жена действительного студента Шебалина, Прасковья Федоровна Богораз, 26 лет от роду. П.Ф.Богораз окончила в 1877 г. женскую гимназию в Таганроге, давала уроки в том же городе, в 1879 г. поступила на Бестужевские курсы, была на них 4 года, курсы не окончила, переставши посещать их в мае 1883 г. По сведениям 3-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, Богораз в окт. 1879 г. производила сбор среди курсисток в

пользу студента, арестованного по политическому делу. Родной брат ее Натан Богораз в 1884 г., по сведениям полиции, содержался в таганрогской тюрьме по обвинению в государственном преступлении. В марте 1882 г. Прасковья Федоровна, по предложению Исполнительного Комитета, приняла на себя роль хозяйки конспиративной квартиры, а для этого приняла православие и повенчалась с М.П.Шебалиным, в их квартире печатался «Листок Народной Воли». Затем они переехали в Киев, и здесь 4 марта были арестованы, вместе с типографией «Народной Воли». Богораз показала, что принадлежит к социально-революционной партии «Народной Воли», вполне разделяет ее программу и задачи партии; определенных функций в партии не имеет, почему и не признает себя виновной в принадлежности к тайной организации; чем определяется ее связь с организацией, определить не может, но никаких планов и проектов действия в интересах партии в Киеве не было. По приговору военно-окружного суда Богораз была сослана с лишением всех прав в Тобольскую губернию, но по дороге, 11-го ноября 1885 г., умерла в московской пересыльной тюрьме. П.Ф.Богораз была человеком очень сдержанным, относилась с пренебрежением к обычным разговорам, развлечениям, шуткам. Это придавало ее поведению колорит некоторой суровости. Но это не мешало ей замечательно мягко, даже любовно относиться к людям. Настойчивая и аккуратная в выполнении всех дел, важных и неважных, Прасковья Федоровна была, по отзыву М.П.Шебалина, очень ценным, преданным работником, подчинявшимся беспрекословно партийной дисциплине. По свидетельству В.С.Панкратова, она высказала на процессе свое негодование той нежностью, с которой прокурор обращался со свидетелем-жандармом, «уставшим от показаний».

Участник процесса шлиссельбуржец Панкратов рассказывает, что подсудимым по делу 12-ти ставился в вину революционный съезд, чуть ли не того же значения, что липецкий. Никакого съезда в Киеве, по его словам, не было, но действительно в Харькове в начале лета 1883 г. членами рабочей организации был поднят вопрос о съезде рабочих организаций «Народной Воли» и «Пролетариата». В это же время Дегаев распространял свою погромную прокламацию. Вопрос об антисемитизме был бы поставлен на съезде, если бы таковой состоялся; и это наводит на мысль, не была ли цитируемая генералом Шебеко в его «Хронике социалистического движения» (с. 252) прокламация от 27 июля 1883 г. действительно составлена евре-

ями с целью протеста от имени членов рабочей группы «Народной Воли» в Харькове против погромного движения и погромных листков.

Авраам (Алексей) Николаевич Бах был выдающимся членом партии «Народной Воли», единственным членом Исполнительного Комитета последнего состава, который остался на свободе и спасся от преследований благодаря отъезду за границу. Бах родился в 1857 г., воспитывался во 2-й киев. гимназии, которую окончил в 1875 г. С 1875 по 1878 г. был студентом естественного отделения физико-математического факультета Киевского университета. Первые запрещенные книжки прочел он в 7 классе гимназии, но не принимал ближайшего участия в движении, хотя был знаком с Чубаровым и «бунтарями», с одной стороны, и с деятелями украинофильско-конституционного студенческого клуба, с другой стороны. Вскоре, однако, он принял энергичное участие в мартовском движении 1878 г. среди студентов киевского университета; был арестован и сослан в Белозерск; оттуда (по болезни легких) переведен на юг (в Новомосковск и затем в Бахмут). Находясь в ссылке, Бах ознакомился последовательно с изданиями «Земли и Воли», «Черного Передела» и «Народной Воли». Больше всего привлекли его к себе идеи последней группы. Главное, что захватило его, это было введение элемента политической борьбы в русскую жизнь и в партийную программу. Мало нравился ему систематический террор и якобинство в программе партии. В отношении террора особенно удручающее впечатление на него произвело время, последовавшее за смертью Александра II, когда вместо ожидаемого взрыва народной революции во многих местах можно было слышать плач по царю-освободителю. Так что вступая в партию «Народной Воли», Бах был противником террора, но горячим сторонником пропаганды социалистических идей и организации революционных сил. Вернувшись из ссылки в дек. 1881 г. (после 3 $^{1}/_{2}$ лет), Бах, в начале 1882 г., приехал в Киев, начал работу с кружком Ис. Левинского, а после его ареста в апр. 1882 г. собрал разрозненные части народовольческой организации под именем «Киевской организации партии» «Народной Воли». В нее вошли С.Никитина, Спандони, Захарин, Росси (впоследствии предатель) и др. Бах начал свои занятия по тому плану, который он изложил позже в брошюре «Царь-голод». Занятия эти вел он с рабочими и с молодежью, которая занималась с рабочими. Помимо пропаганды в среде рабочих, киевская организация поставила типо-

графию, выпустившую воззвание: «К обществу», «К рабочим», «К учащейся молодежи» и (по-малорossки) «К украинскому народу». Сам Бах вел занятия с рабочими ж.д. мастерских под именем «Юрия Иванова». Затем организация устроила побеги революционеров Вл.Бычкова и Вас.Иванова. В январе 1883 г. Бах ездил в Харьков повидаться по партийным делам с В.Н.Фигнер; скоро по возвращении подвергся случайному обыску и, перейдя на нелегальное положение, уехал в Ярославль, а затем в Казань. Казанские студенты отгектографировали лекции Баха, с которых впоследствии вышла книга «Царь-голод». В декабре 1883 г. Бах получил поручение поставить типографию для напечатания № 10 «Нар. Воли». Последний, как известно, был роковым. Дегаев был арестован в Одессе в типографии, печатавшей №10, и сам предал В.Фигнер и созданную ею для той же цели харьковскую типографию. Так как возобновить харьковскую типографию было трудно, то Бах обосновался в Ростове-на-Дону. Здесь были организованы — большая народовольческая группа, а также типография, которая и отпечатала № 10 «Народной Воли». В янв. 1884 г. в Париже состоялся съезд, избравший новый Исполнительный Комитет (от старого оставались лишь М.Н.Оловенникова и Л.Тихомиров). Посланный в Россию с особыми полномочиями член Исполнительного Комитета Герман Лопатин, бывший также членом Распорядительной Комиссии, включил в состав Исполнительного Комитета С.Иванова и Баха, работавших на юге. Бах оказал Лопатину немало услуг, но, как мы видели выше, не всегда охотно подчинялся распоряжениям Лопатина. Уезжая в сент. 1884 г. из Ростова, после объезда ряда революционных центров, Лопатин был полон светлых надежд. Но 7 октября 1884 г. он был арестован в Петербурге. Результатом этого несчастного случая было крушение налаженной им и Бахом организации. Особенно много поработал Бах в Ростове-на-Дону, связывая с этим городом столь обширные планы, что Лопатин даже пошутил: «Благословляю. Когда захотите короноваться ростовским королем, мы возьмем напрокат из театра и пришлем вам корону»... После всероссийского погрома революционеров, вызванного провалом адресов в Петербурге*, Баху пришлось спасаться, но куда ни приезжал он, всюду находил разгром местных групп, и, наконец, на Кавказе он нашел уголок, где

*При аресте Г.А.Лопатина. - Ред.

мог обдумать создавшееся положение вещей. Он пришел к убеждению, что продолжать идти по старому пути не только бесполезно, но и вредно, что вместо стремления восстанавливать ежеминутно разрушаемую центральную организацию нужно перейти к долгой культурно-политической работе на местах. Придя к такому убеждению, он отстранился от работы в России и заграницей, куда он уехал. Живя в Париже, он занимался много естественными науками, и в период возобновления народовольческих традиций принял известное участие в с.-р. движении. По крайней мере, обзоры департамента полиции 1900-х гг. продолжают упоминать его имя среди эмигрантов, пользующихся влиянием. Бах был почти единственным членом Исполнительного Комитета, которому посчастливилось, после большой и энергичной работы, остаться целым и не расплачиваться за эту работу ценой свободы и даже жизни. Был еще один, Л.Тихомиров, но тот «раскаялся», отрекся от прошлого и пошел в лагерь «Московских Ведомостей». Баха же спас отъезд за границу. После его отъезда и ареста Лопатина, Саловой, С.Иванова и др. Исполнительный Комитет уже более не возобновлялся. В России продолжали действовать более или менее разрозненные группы «Народной Воли». Усиленное участие в них принимали евреи.

Из числа евреев, действовавших в 1884 г. вместе с Лопатиным и Бахом, нужно назвать Добрускину и Я.Френкеля. Рогачевская мещанка, слушательница бестужевских курсов, Генриетта Николаевна Добрускина, родилась в 1862 г. В мае 1884 г. ей пришлось покинуть курсы и Петербург и перейти на нелегальное положение. Группа «Молодой Народной Воли», с Якубовичем во главе, пытавшаяся создать новую центральную организацию, помимо рушившейся постоянно старой и проповедовавшая аграрный и фабричный террор, привлекла Добрускину в свою среду и отправила ее в Ростов-на-Дону, где надеялась на успех. Здешние народовольцы встретили ее очень радушно, но отказывались вступать с ней в теоретические разговоры и, на слова Добрускиной о несовершенстве старой организации, отзывались, что совершенство вообще трудно достижимо. Видя неудачу, Добрускина обратилась к Баху, члену Исполнительного Комитета. Тот вспоминает о ней, как о «маленькой, симпатичной живой курсистке», которая очаровала ростовское общество, с поэтессой Барыковой во главе. Добрускина охотно вступила в члены местной (старой) народовольческой организации, проявила большой талант в пропаганде

среди рабочих, а наборщика войсковой типографии в Новочеркасске, который потихоньку и понемножку доставлял организации казенный шрифт для типографии «Народной Воли», она «так забрала в руки, что тот стал таскать шрифт без всякой оглядки, и № 10 «Народной Воли» в значительной степени, напечатан этим шрифтом». Арестованная вскоре после ареста Лопатина Добрускина заявила, что «занимается революционными делами». Ей пришлось прожить в предварительном заключении почти 3 года. Судилась она по процессу 21-го («Дело Лопатина») и была приговорена к смертной казни, замененной ей 8-ю годами каторжных работ. В своей потрясающей речи на суде Лопатин именно о ней говорил, обращаясь к товарищам и суду, прося прощения за то, что арестованный внезапно, он не в силах был, физически, уничтожить адреса товарищей, в том числе и адрес Добрускиной. Последняя обвинялась в устройстве тайной типографии «Народной Воли» и в том, что хранила динамитные снаряды, зная заведомо об их назначении. На суде открылось, что в ее квартире жил Лопатин, приезжавший в Ростов. Добрускина прибыла на Кару осенью 1888 г., была участницей карийской трагедии в августе того года; в 1890 г. выпущена в вольную команду, вышла замуж за известного народовольца Адриана Михайлова; в 1891 г. ей сбавлена по манифесту одна треть, в 1895 г. поселилась в Чите (как ссыльнопоселенка) и в 1907 вернулась в Европейскую Россию.

Другой еврей, судившийся по делу 21-го, был мещанин Яков Григорьевич Френкель, арестованный в 1885 г. благодаря сведениям, сообщенным студентом харьковского ветеринарного института Ив.Гепером. Гепер после ареста дал показания, в которых объяснил происхождение снарядов, бывших вещественными доказательствами в деле Лопатина. По его словам, в Луганске, где находились тогда казенные склады динамита, работали над добыванием динамита и испытанием снарядов многие революционеры (П.Антонов, С.Иванов, Гончаров, Кирсанов, евреи Яков Френкель и Моисей Линтварев). Кирсанов, судившийся по делу Лопатина, Френкель и Линтварев были учениками лисичанского горного училища. После испытания снарядов Гончаров отвез их (в апреле 1884 г.) в Ростов-на-Дону, где оставил их на время у мещанки Розы Лев. В половине августа С.Иванов приказал Геперу явиться в Ростов, чтобы приготовить какую-то принадлежность для капсюль. Там, в квартире Добрускиной, жил неизвестный, оказавшийся Лопатиным. Динамит для снарядов был куплен у рабочих-шах-

теров в Луганске при посредстве Як. Френкеля и Моисея Линтварева.

О судьбе упомянутых Гепером лиц (евреев) мы можем сообщить следующее. Я.Френкелю было вменено обвинительным актом в вину то, что он с другими лицами (С. Ивановым, Гепером, Кирсановым, Ан. и Сем. Белоусовыми) «изготовил в 1884 г. в Луганске заряженные динамитом метательные снаряды, предназначенные для преступных целей партии "Народной Воли"». Военный суд оправдал Я. Френкеля. Моисей Линтварев, товарищ Френкеля, удачно бежал. Полицейский обозреватель 1886 г. называет Линтварева «одним из самых активных и наиболее известных «нелегальных», находившихся еще на свободе». Ему пришлось вскоре эмигрировать и, по сведениям генерала Шебеко, он жил с 1886 г. в Северной Америке. Роза (Розалия) Лев была слушательницей бестужевских курсов, подругой Добрускиной. Арестованная 22 мая 1885 г. в Петербурге, в связи с показаниями Гепера, она была сослана в Восточную Сибирь и 19 октября 1887 г. судилась в Иркутске за сопротивление в тюрьме. Из арестованных в Ростове по лопатинскому делу можно назвать помощника провизора Герша (Григория) Ранца, подвергшегося административной ссылке, Наума Гутермана, Иосифа Вейнберга. Фамилия Гутермана встречается еще в отчете по делу 193-х. Вызвали свидетеля Гутермана, но он оказался выбывшим из зала заседаний Сената. Его не искали лишь потому, что свидетель показался суду ненужным, а подсудимые, как известно, не участвовали в процессе. В 1879 г. среди арестованных в Ростове упоминается еврей-газетчик Гутерман, с сыном Наумом, бежавшим из ссылки. Арестованный в 1884 г. Н.Гутерман был отправлен в административную ссылку. Перед арестом незадолго он вернулся из-за границы и жил нелегально. Что касается Иосифа Вейнберга, то он был арестован случайно с 4 рабочими, с которыми он уехал за Дон. Таможенный агент принял их за контрабандистов. При обыске полицейский, найдя вместо контрабанды всякую революционную литературу, буквально стал вопить: «караул». Вейнберг, по словам Баха, «пылкий и смелый юноша, рассердился и крикнул на него: "Ты, болван, чего орешь. Вези меня в жандармское управление"». Вейнберг держал себя с жандармским офицером очень надменно, сказал, что хотел пропагандировать среди рабочих, но не успел, так что рабочие были отпущены; а сам Вейнберг, после годичного тюремного заключения, пошел на 3 года в ссылку в Березов, Тобольской губернии. Вейнберг был

сыном местного богача, и молва приписывала столь слабое наказание взятке в 5000 руб. Бах справедливо замечает в своих воспоминаниях, что «за пропаганду среди рабочих народовольцы шли в те времена на каторгу». Вернувшись из ссылки, Вейнберг стал дельцом и круто порвал с революционерами.

В 1883—1884 гг. наиболее заметна деятельность Кранцфельд. Это была, по словам генерала Шебеко, одна из наиболее известных и самых активных участниц народовольческого движения, преданная сообщница Германа Лопатина и В.Фигнер. Еще в 1887 г. полицейский обозреватель событий горько скорбел, что она и ее муж, бывший студент казанского университета Захарий Васильев, один из наиболее опасных «нелегальных», находятся еще на свободе. Революционная биография мещанки, акушерки Раисы Кранцфельд (она же «Руня», «Мария Николаевна», «Татьяна Голубева») представляется в следующем виде. Род. в 1859 г. Кранцфельд в качестве акушерки жила в 1881—1882 гг. в Харькове, где состояла членом народовольческого кружка, к которому принадлежали Гончаров, Елько, Я.Бердичевский и др. Здесь, очевидно, она играла видную роль, потому что на нее выпал выбор Исполнительного Комитета, когда понадобилась хозяйка для конспиративной квартиры в Петербурге для подготовки убийства жандармского подполковника Судейкина. Дегаев, предавший последних уцелевших членов Исполнительного Комитета, в том числе В.Н.Фигнер, ездил каяться в Париж, и жизнь обещана была ему под условием убийства Судейкина. Из-за границы привез Дегаева Лопатин, не выпускавший его из-под надзора никуда. 16 декабря 1883 г. убийство было совершено Стародворским и Конашевичем. Следствие выяснило, что 22 декабря, с Садовой ул., № 114 скрылась проживавшая там акушерка Татьяна Голубева и ее жилец Савицкий. Арестованный 3 января 1884 г. в Киеве Конашевич, по словам дворника дома № 114, был один раз у Голубевой. Арестованный 16 марта 1884 г. в Москве Стародворский был опознан, как жилец Голубевой — «Савицкий». Работавший в Киеве государственный преступник, итальянский подданный Ст.Росси, показал все, что знал и слыхал об убийстве Судейкина, в частности, что в день убийства, он, Росси, встретил Дегаева утром на Невском проспекте и, по его просьбе, отправился на квартиру Татьяны Голубевой (она же Раиса Кранцфельд), чтобы передать последней какой-то паспорт и вместе с тем напомнить Стародворскому, чтобы он приехал к 2-м часам на квартиру Дегаева. У Голубевой Росси застал

Конашевича и Стародворского. Около 5 часов к Росси явился, переоделся и уехал Дегаев, сообщивший, что он выстрелил в Судейкина и убежал, оставив Стародворского и Конашевича. На другой день вечером Росси был в квартире Кранцфельд, где взял типографский шрифт, а утром к ней же заходил Герман Лопатин за отпечатанными объявлениями об убийстве Судейкина, которые были напечатаны за ночь Р.Кранцфельд и Стародворским. После убийства, через два дня, Кранцфельд уехала в Саратов. На квартире ее, где также происходили совещания по делу об убийстве Судейкина, кроме хозяев, Дегаева, Конашевича и Лопатина, до 16 декабря никто не бывал. По другим сведениям, Стародворский и Кранцфельд печатали прокламацию всю ночь с 16 на 17 декабря. По тем же сведениям, она из Саратова уехала за границу. По словам Баха, Кранцфельд уехала не в Саратов, а в Киев, где после ареста Конашевича она с В.С.Панкратовым была 4 марта 1884 г. схвачена агентами охраны. Панкратов, после арестов Шебалина и др., не хотел уезжать не узнавши о судьбе Мартынова, и поехал к нему в Софийский монастырь в сопровождении Кранцфельд, которая не пожелала оставить его одного. Панкратов стрелял и тяжело ранил агента, задержавшего Кранцфельд. Она упала вместе с раненым, и в то время как Панкратов был после долгой борьбы задержан, Кранцфельд имела возможность встать, тихо удалиться и уехать в Петербург. Отсюда ее направили в Ростов-на-Дону, где она с Захарием Васильевым (он же Сахар Сахарыч) была хозяйкой конспиративной квартиры. Бах рисует ее как бледную молодую женщину, на вид бесцветной наружности. «Но под этой умышленно бесцветной наружностью скрывалась редкая выдержка и присутствие духа». Так, когда однажды, во время работы типографии, явился пристав для осмотра квартиры, потому что сосед лил под этот дом помои, «Руня» разыграла роль мещанки, муж которой пьет уже 3 дня и приколотит ее, если его разбудить сейчас. Назавтра все было убрано. После арестов в сентябре типография, хотя и неоткрытая, была ликвидирована. Жившие под именем супругов Марковых З.Васильев и Кранцфельд уехали из Ростова, по позднейшим сведениям полиции, в Орел, куда в октябре 1885 г. заезжал навестить их вернувшийся из-за границы С.Иванов. Дальнейшие следы были полицией утеряны. Между тем «Сахар Сахарыч» и «Руня», уйдя от революционной работы, поселились в довольно крупном провинциальном городе по жалкой «фальшивке», легализировались под случайным именем, обвенчались

и стали мирными обывателями. Так идиллически кончилась карьера видной революционерки 80-х гг.

Из числа лиц, арестованных по делу Лопатина, нужно отметить симпатичный образ Розы Франк, невесты, а впоследствии жены и друга жизни поэта П.Ф.Якубовича (П.Я.). Р.Франк, слушательница женских врачебных курсов в Петербурге, была арестована в ноябре 1884 г. Жандармским дознанием выяснилось, что ею 8 августа 1884 г. в Каменец-Подольске была получена телеграмма: «Нет ваших писем, беспокоюсь, здоровы ли, писал часто. Песковский»; и 8-го августа из Каменец-Подольска была отправлена на имя Аркадия Марковича Геккельмана телеграмма: «Вчера выслала письмо, виновата, простите. Дрейкоп». Телеграмму давал Якубович, работавший в это время в народовольческой типографии в Дерпте. «Песковский» был его псевдоним (намек на то, что он жил на Песках), а Дрейкоп (по-еврейски — Сорока) звал в шутку свою невесту Якубович. Так объяснилось дело. Но достаточно было подозрения и личной близости к государственному преступнику, чтобы Франк, о которой так и не удалось установить ничего более ее компрометирующего, была посажена на долгое время в тюрьму и сослана на 3 года в Якутскую область. Приговор ей состоялся в 1888 г. Находясь в Якутске, она была участницей «Якутской трагедии» 22 марта 1889 г.; военно-судебной комиссией была приговорена к 15 годам каторжных работ, «ввиду того, что она не только не оказывала сопротивления, но на приглашение полиции идти в полицейское правление говорила товарищам, что следует идти». Это — единственная в своем роде мотивировка подобного приговора. Затем 15 лет были уменьшены до 4 лет каторжных работ, которые она и отбыла в вилюйской тюрьме. К 1884—1885 гг. относится деятельность состоявшего в сношениях с Лопатиным Григория Федершера, которого генерал Шебеко считал одним из наиболее опасных революционеров. Федершер, род. в 1860 г., эмигрировал в Париж, здесь участвовал в народовольческих кружках, в марте 1883 г. был арестован в Брюсселе по делу изготовления динамита и просидел 6 месяцев. 29 сентября 1884 г. в Риге на английском пароходе «Cuilso» был открыт тюк с революционными прокламациями и брошюрами. Оказалось, что судовой рабочий К.Менцель не раз уже возил из Лондона в Ригу эти издания; что просил его об этом «Георгий», как выяснилось Григорий Федершер; что за посылкой, привезенной в марте — апреле и адресованной Федершером студенту Израилю Лядову, которую Лядов

не принял, являлся в Ригу сам Лопатин, под именем «Норриса», но не получил транспорта по случайным причинам. В начале августа 1885 г. были арестованы в Киеве Похитонова и Анна Дмитриевна вследствие писем из Парижа, где писали, что С.Иванов и Григорий Федершер должны прибыть в Россию. Действительно, 14 августа 1885 г. в Одессе при обыске у Торнштейна был задержан, но тотчас же ловко бежал, некий Финкельштейн, на самом деле Григорий Федершер. Работая в 1885—1886 гг. под именем «Гриши», Федершер причинил полиции немало хлопот, пока в 1886 г. не удалился в Швейцарию, где жил, по полицейским сведениям, в 1888 г. Судьба Израиля Лядова, студента рижского политехникума, мне неизвестна.

После ареста Лопатина была открыта преступная деятельность слушательницы бестужевских курсов Деборы Познер. При обыске у нее найдены были типографские принадлежности и обнаружены указания на существование «Студенческой Лиги» и «Рабочей группы Народной Воли». По словам генерала Шебеко, эти кружки «попали в руки полиции после ареста Познер». Сосланная административно в Пинегу, Познер повесилась. Познер принадлежала к Союзу «Молодой Народной Воли». Несколько позже была арестована Феодосия Ратнер (она же «Феня»), одна из тех нелегальных, деятельности которых полицейский обозреватель 1885 г. придавал особо важное значение. Вместе с ней арестован был Дмитрий Бартенев (он же «Федор»), бежавший в августе 1884 г. из ссылки и работавший с ней в Ростове-на-Дону. В связи с арестом Познер была арестована слушательница бестужевских курсов Эсфирь Билинкер (Билингер). В Одессе в связи с Лопатинским делом были произведены аресты Кашинцева и др. В том числе, Сем. Гальперин, при имени которого у Бурцева стоит слово «предатель». После выстрела Калюжной в жандармского полковника Катанского были произведены в Одессе многочисленные аресты, причем многие евреи поплатились ссылкой: д-р Барская, врач еврейской больницы; окончившая гимназию Роза Лаидес; студент Як. А.Барский (сосланный в Сибирь); студент Фогель; осенью были взяты Самуил и Яков Фельдман, Дорфман. У Семена Гальперина был найден один экземпляр «Вестника Народной Воли» и очень интересная статья по статистике государственных преступлений. В сентябре 1884 г. был арестован Абрам Мейерович (он же Александр Миронович) Гольденберг, студент харьковского университета, по делу харьковского народовольческого кружка и сослан на три года в Западную Сибирь. В 1894 г. он

примкнул к народовольцам, был арестован, посажен в одиночную тюрьму на Выборгской стороне и, находясь в Доме Предварительного Заключения в 1895 г., повесился. Из числа лиц, арестованных в Полтаве, отметим Бор. Кричевского, по-видимому, того, который играл впоследствии в 1900-х гг. довольно видную роль в среде теоретиков русской заграничной социал-демократии; он был арестован 14 декабря 1884 г. Затем там же был взят 6 ноября Арон Фурер, а 4 декабря Соломон Гирш. Оба они, по сведениям генерала Шебеко, занимались пропагандою социализма среди солдат, расквартированных в Полтаве. Кроме того были арестованы: сестра Гирша, Анна Нудельман и Перлина. У Фурера при обыске были найдены запрещенные книги, несколько азбук шрифта и т. д. Сосланный в Тургайскую область, в Актюбинск, Фурер бежал оттуда в ноябре 1887 г. Одновременно скрылся из ссылки и Фельман Гирш. О Фурере генерал Шебеко сообщает, что в 1888 г. он жил в Париже. 1884-й год был годом начала карьеры человека, которому суждено было «прославиться». Аркадий (он же Авраам) Маркович Геккельман, на имя которого писала Якубовичу письма его невеста, должен был бежать за границу. Г.А.Лопатин полагает, что в начале своей карьеры Геккельман вполне искренне оказывал услуги движению и лишь затем, из чувства шкурного страха, а затем и из соображений материальной выгоды, превратился в то, чем он стал довольно скоро. По словам Г.А.Лопатина, Геккельман в начале своей карьеры мог бы предать очень многих и производил впечатление человека, который оказывал движению услуги с осторожностью легального человека, вовсе не стремящегося стать поближе к революционным тайнам. Зато можно сказать, что впоследствии Геккельман наверстал с лихвой упущеное им в начале. Живя в Париже, как политический эмигрант, отмеченный как таковой в «Хронике социалистического движения» генерала Шебеко в 1888 г., он стал учеником П. И. Рачковского и в «падении» Л.Тихомирова сыграл немалую роль, сперва связавши его, через Павловского, с Жюльеттой Адан и другими лицами, через которых тот начал хлопоты о помиловании, а затем и непосредственно посещая ренегата у него на дому. Мы не можем писать здесь подробную биографию этого талантливого деятеля охраны. Но напомним, что в деле изготовления бомб в Париже, в мае 1890 г., выдающуюся провокационную роль сыграл Ландейзен, оказавшийся впоследствии Геккельманом. А в 1900-х гг. тот же Геккельман-Ландейзен явился уже, как совершенно новый деятель того же направления, в Брюссель под именем Гартинга.

Упомянутый выше студент Як.Барский (в Одессе) был уличен в том, что после стрельниковских арестов 1881—1882 гг. он с В.Сухомлиным способствовал восстановлению и объединению «кружков самообразования» в центральный народовольческий кружок в Одессе. Во главе организации с апреля 1884 г. по осень того же года стоял Александр Кашинцев, он же «Григорий Белый». Полиция осведомилась о том, что в сношениях с Кашинцевым был и после выстрела в жандармского полковника Катанского скрылся из Одессы Лейзер Шлемензон. Позже он был арестован в Симферополе, привезен в Одессу и административно сослан.

В Москве в январе 1884 г. были арестованы И.Френкель и Ф.Лифшиц. Арест этих лиц стоял в связи с издательской деятельностью московской учащейся молодежи, которая при посредстве легальной типографии Н.Янковской и самостоятельно издавала много запрещенных произведений. Кружки, носившие различные названия, объединились в конце 1883 г. в «Студенческий Союз», который 17 декабря выпустил свою прокламацию, а затем издавал журнал «Союз». По утверждению генерала Шебеко, студент Илья Френкель явился проповедником террористических идей на собраниях «Союза», предложивши якобы устроить «массовые террористические акты». Насколько несерьезны были эти обвинения, видно из того, что Илью Френкеля сослали не в Восточную, а в Западную Сибирь, и лишь на 3 года. Для еврея, по тем временам, это был минимум наказания. О судьбе Фейги Лифшиц, студентах Петровской академии Зильберберге и Гинсбурге, арестованных с Френкелем, у меня сведений нет. По лопатинскому делу был арестован (3 октября) в Москве Иос.Григ.Рубинок, род в 1866 г., студент Московского университета, член небольшого народовольческого кружка, состоявшего из него, М.Р.Гоца и М.И.Фундаминского. Кружок этот сперва увлекался Писаревым и члены его именовали себя «реалистами», потом в 1882 г. перешел к изучению Лаврова, Михайловского и общественных вопросов. Первым был «изъят из обращения» — Рубинок. Сосланный на 3 года в Якутскую область, он вошел там в пререкания с начальством и в результате подвергся жестоким истязаниям со стороны якутов. Возвращенный на родину он, уже душевнобольной, встретился с московскими друзьями, направлявшимися в якутскую ссылку, в Томске и привел их в ужас. Они его не узнали. Блуждающий взгляд, непонятные речи, апостольский тон, все это сразило их. «Да, кончил он свою речь, — там

в Якутске вы должны протестовать до последней капли крови». И его слова оказались, действительно, пророческими: попытка ссыльных уклониться от голодной смерти, которая грозила им благодаря распоряжениям начальства, не знавшего или не желавшего считаться с условиями переезда от Якутска до Средне-Колымска, повела к трагедии 22 марта 1889 г. Сам же Рубинок, возвратившись в Россию, вскоре умер.

В связи с арестом тайной народовольческой типографии в Киеве стоял арест двух курсисток Левиной и Клары Ефимовны Левенталь, внезапно схваченных на улице (15 мая 1884 г.). На их удивленный вопрос, почему к ним применили столь экстренную форму ареста, им сказали, что «боялись вооруженного сопротивления», по примеру В.С.Панкратова. Обе были сосланы административно в Ишим, Тобольской губернии. В Северо-Западном крае, в Вильне были арестованы: Фанни Пузыревская, Рабинович, Як.Бобес, Эфрон, слушательница высших женских курсов Ядловкина; в Гродно: учительница Ревекка Якубовская; на юге в Елисаветграде была арестована окончившая гимназию Шейнус; в Кишиневе: Зейдис, Тухман, братья Рабинович. Из Западного края бежал за границу в Нью-Йорк Иосель Меламедов. Из числа выдающихся деятелей польского социалистического движения нужно отметить Кона. Феликс Яковлевич Кон род. в 1864 г. в еврейской купеческой семье, был студентом Варшавского университета, в декабре 1884 г. по делу «Пролетариата» осужден на 8 лет каторжных работ, с 1891 г. по 1895 г. отбывал поселение в Якутской области, вернулся в Европейскую Россию и в 1907 г. был снова арестован.

Заключая обзор деятельности евреев в освободительном движении 1884 г., нельзя не остановиться особо на личности доктора медицины Эмиля Абрамовича. Родившись в 1864 г., Э. Абрамович в 1883 г. окончил гимназию в Гродно, пробыл год в Париже, в 1884 г. летом приехал в Минск, где попытался вступить в сношения с Хуриным, но был встречен холодно, из-за неимения рекомендаций. Тогда Абрамович решил действовать самостоятельно, свел знакомство с типографскими рабочими, как наиболее развитыми, стал заниматься с ними сначала естествознанием, а потом перешел к пропаганде социализма. Ис.Гурвич говорит, что Абрамович «имел необычайное влияние на рабочих, не только как талантливый лектор, но и как человек редких душевных качеств, беззаветно, до полного самозабвения преданный делу. Это был демократ не только на словах, но и по натуре; в нем не было ни капли генеральства; с рабочими

он держал себя просто, как товарищ, без всякого покровительственного тона; никого не подавлял своим авторитетом, и рабочие искренне любили его и относились к нему с глубоким уважением». Он проводил каждое лето в Минске, отдавая все свое время рабочим, вплоть до получения звания врача, когда он отправился в Киев. Выдающимися членами его кружка в Минске были: наборщик Иосиф Резник, Лев Иосифович Рогаллер; отсидевший 2 года в виленской тюрьме по делу Веллера (нач. 80-х гг.) и живший в Минске под надзором сапожник Хейфец, погибший, вместе с 3 детьми 18 октября 1905 г. в Одессе, и другие. Абрамовичу принадлежит создание того типа еврейских рабочих кружков, который продержался почти 15 лет до появления «Бунда»: 1) кружки грамотности (русский язык); 2) кружки естествознания; 3) кружки социалистические. Делу кружков оказывал большую помощь заграничный доктор медицины Марк Вольман, которого из-за отсутствия русского аттестата зрелости не допускали к государственному экзамену в России. Впоследствии он эмигрировал в Северную Америку и умер в штате Нью-Джерси в 1895 г. Ввиду отъездов Абрамовича в учебное время в Дерпт в университет его кружок примкнул к кружку Ис.Гурвича. Одним из сотрудников кружка [был] Гиршфельд, ездивший из России в Америку, вернувшийся в середине 80-х гг. в Минск, для работы среди минских рабочих. В 1900-х гг. он жил врачом в Миннеаполисе, в Соединенных Штатах, был видным членом социалистической партии и ее кандидатом на должность губернатора штата Миннеаполис. Из числа членов кружка пострадал в феврале 1887 г. Иос.Резник, арестованный по доносу провокатора, типографского рабочего Зархина, сосланный на 5 лет в Якутскую область, вернувшийся в 1892 г. без права работать в типографиях, после чего он эмигрировал в Америку. Кружок Абрамовича в Минске (первоначальный) имел влияние и на другие города. Так, переехавший в Смоленск наборщик Звирин явился здесь организатором кружка рабочих, в 1889 г. был арестован и после 1 года заключения в «Крестах» эмигрировал. С осени 1887 г. по весну 1888 г. в кружках Абрамовича, Ис.Гурвича шло обсуждение программы, которое закончилось превращением этих кружков в чисто социалистические. В 1888 г. уже врачом Э.Абрамович приехал из Минска в Киев, поступил слесарем в мастерские железной дороги с целью завязать сношения с рабочими; вместе с вернувшимся из ссылки Соколовым и минскими рабочими, он скоро успел сорганизовать около 30

рабочих, преимущественно слесарей железнодорожных мастерских и наборщиков, и устроить тайную библиотеку. Аресты в августе 1889 г. разрушили эту первую социал-демократическую организацию в Киеве. Таким образом, мы видим в лице доктора Э.Абрамовича деятеля новой эпохи, представителя второго большого «хождения в народ». Один из первых практиков социал-демократов, он был одним из первых деятелей еврейского рабочего движения.

Годы 1885 и 1886-й были эпохой ликвидации партии «Народной Воли». 1 мая 1885 г. был арестован в Харькове видный деятель партии, впоследствии шлиссельбуржец, Петр Антонов. Полиция, пытаясь найти квартиру Антонова, пришла к убеждению, что он жил под псевдонимом Малинина в Рубановском переулке, вместе с неким Платоном Лебединским. В ночь на 2-е мая полиция явилась на квартиру Лебединского, которого застала в постели, но он быстро оделся и, когда околоточный надзиратель Фесенко стал производить словесный опрос, вытащил внезапно из-под подушки револьвер и стал стрелять, причем Фесенко был смертельно ранен и вскоре скончался, а жандармский унтер-офицер Булгаков был тяжело ранен. При обыске были найдены: тайная типография, нелегальная литература, паспорта, 4 взрывчатых снаряда (типа 1881 г.), адрес студента петербургского университета Саула Лисянского, парижский адрес Лаврова и т. д. Вскоре было установлено, что Лебединский был мещанин г. Винницы, Подольской губернии, студент петербургского университета Саул Абрамович Лисянский. По словам Панкратова, Антонов и Лисянский были преданы работавшим ранее на юге Елько. На основании полученных при обыске данных был произведен ряд арестов среди молодежи, которой жандармерия приписывала участие в кружке Лисянского, а также было установлено большое влияние Лисянского среди народовольческой молодежи на юге России вообще. Так как в дело Лисянского запутали многих студентов Харьковского ветеринарного Института, то директор института был вызван в Петербург для объяснений, а по отношению к студентам института предпринят ряд репрессивных мер. Открытие снарядов у Лисянского установило его связь с производством их в Луганске и с теми лицами, которые судились за это по лопатинскому процессу (в 1887 г.). В кружок Лисянского следователи зачислили до 10 лиц. В 1886 г. открылось участие Саула Лисянского в деле подготовления к ограблению почтового вагона, к которому были причастны, по словам генерала Шебеко,

Беневольский, С.Иванов и Крылов (Воскресенский). В 1885 г. Лисянский, после ареста, был связан, увезен в арестантские роты, посажен в самую худшую камеру, около отхожего места. Лисянский был одет в арестантское платье, закован в кандалы. Держал себя чрезвычайно спокойно, удивляя этим солдат и тюремных надзирателей и выражая свое сожаление по поводу смерти околоточного надзирателя Фесенко. 7-го июня ему вручен был обвинительный акт; 10-го его судили военным судом и приговорили к смерти через повешение. С полным самообладанием Лисянский держался и на суде. Через 10 дней, 20-го июня он с неизменным спокойствием выслушал приговор и был казнен. Последние слова его были: «Кончайте скорее. Я умираю недостойно. Я не желал бы никому такой смерти». В № 11—12 «Народной Воли», напечатанной в Туле, его имя было упомянуто в некрологе, среди умерших членов партии, в корреспонденции из Харькова и статье «Последние дни С.А.Л.». Арестованные по делу Лисянского студент ветеринарного института Шехтер, студент университета Шлекерман, фельдшерицы: Кац, Черненкова, Тавбина, Каневская и др. (с русскими фамилиями) были вскоре выпущены.

В 1885 г. был организован в Харькове студентами Исааком Коганом, Г.Тиличеевым, К.Степановым и др. народовольческий кружок, открытый в 1886г. в связи с прокламацией кружка о 25-летии 19 февраля 1861 г. При этом кроме Когана были арестованы 5 слушательниц акушерских курсов, из них одна еврейка Ревекка Лянда. 26 апреля 1885 г. на Кавказе, на станции железной дороги был арестован Николай Захарин, участник киевских народовольческих кружков 1882—1883 г., преданный Ельниковым (Елько). Он известен был в Киеве под кличкой «Бернар», великолепно оборудовал с технической стороны типографию в киевском кружке Баха. Он же ввел в «Устав Киевской Организации партии Народной Воли» параграф о смертной казни для изменников. До выступления своего в Киеве Захарин был студентом Рижского Политехнического Института. Это был, пишет Бах, «тихий, серьезный человек, отлично знакомый с революционной практикой. Очень образованный, он не любил выставлять свои знания напоказ и говорил только тогда, когда это было нужно». Восхваляя революционные таланты Захарина, Бах сообщает, что и Устав Организации был написан именно им и что Захарин спас его от ареста, очистивши случайно (по привычке конспиратора) квартиру Баха от нелегальшины перед случайным обыском. По сведениям генерала Шебеко, Захарин

был студентом политехникума с 1878 по 1882 г., когда, взявши трехнедельный отпуск, он не вернулся более в институт. Для большего удобства в революционной работе Захарин принял православие.

В Москве за 1885 г. можно отметить деятельность кружка студента Мардохея (Мордуха) Слепяна, выпустившего (вторым изданием) брошюру «Отголоски революции» (гектограф). Слепян эмигрировал в 1901 г. В Обзоре государственных преступлений мы находим сведения о сношениях его с Борисом Савинковым и об его аресте.

Из числа лиц, выдвинувшихся впоследствии, но арестованных по незначительному поводу в 1885 г., можно назвать Якова Львовича Сакера, писателя и политического деятеля. Род. в 1869 г., он был в 1885 г. реалистом последнего класса. Выпущенный на свободу после ареста, он уехал за границу, в Германию, где получил степень доктора права. Видный участник в еврейской общественной и литературной работе, он был выслан из Одессы после «потемкинских» дней в Олонецкую губернию, причем вскоре высылка туда была заменена ему Полтавой. Вернувшись в Одессу, он принял выдающееся участие в движении октябрьских дней. В ряде погромных и аграрных процессов он принял участие в качестве гражданского истца и защитника.

В Минске можно отметить арест Мирона Шварцмана по рабочему делу, в Одессе: Гельрута, Левита (6 лет Восточной Сибири), Кроля и Пикера. В Житомире арестовали окончившего гимназию Лурье, в начале июня, в связи с находкой шрифта в пустой квартире. Крупным деятелем партии был арестованный 17 сентября 1885 г. в Ростове-на-Дону Александр Цейтлин. По словам Баха, после отъезда из Ростова его, Кранцфельд, С.Иванова и ареста Добрускиной, Цейтлин стал вместе с Остроумовым (впоследствии предателем) во главе народовольческой организации в Ростове. При аресте Цейтлина у него было обнаружено письмо, по-видимому, Баха, в котором автор с отчаяньем говорит о полном революционном развале, о крушении «Народной Воли», о хаотическом брожении, об отсутствии центральной организации. После заключения в тюрьме А.Цейтлин был сослан в Восточную Сибирь. По дороге в Якутск он судился 19 октября 1887 г. за сопротивление в тюрьме.

Наиболее крупным деятелем конца «Народной Воли» был Богораз.

Таганрогский мещанин, Натан Менделевич (он же Владимир Германович) Богораз, род. в 1864 г., окончил таганрогскую

гимназию и поступил в петербургский университет, который не окончил. Его имя было упомянуто в 1884 г. на процессе его сестры (по мужу Шебалиной). 22 февраля 1886 г. был арестован в Екатеринославе Борис Оржих, один из видных членов партии, из переписки которого можно было установить связь его с кружками Таганрога, Харькова, Москвы и др. городов, а из лиц с Н.Богоразом и др. 24 января 1886 г. была арестована таганрогская типография «Народной Воли», издавшая № 11—12 газеты «Народная Воля», в которой работал Богораз. Но он спасся от ареста и направился в Тулу для организации здесь с З.Коганом новой народовольческой типографии, которая выпустила № 3 «Листка Народной Воли» и несколько брошюр. Богораз жил в Туле с июля по декабрь 1886 г. под именем Кудриченко. Ему приходилось много ездить по России, по делам партии, пытаясь установить связи и наладить рушившееся дело. Он был крайне оживлен и увлечен своей деятельностью. Особенно крепки были его связи с московским кружком. Когда там в середине 1886 г. появилась записка Баха, привезенная из Парижа Фондаминским, скептически оценивавшая положение партии, Богораз энергично возражал против нее устно, на собраниях кружка, а затем написал и напечатал брошюру «Борьба общественных сил», в которой выступал на защиту традиционных идей и средств «Народной Воли». Ген. Шебеко приписывает Богоразу связи с лицами, жившими и работавшими в Литве, которые, в свою очередь, впоследствии оказались в сношениях с участниками второго «1-го марта» (1887 г.). В Литве Богораз, по словам ген. Шебеко, будто бы действовал под именем Кульчинского. По словам Шебеко, Богораз признал свою виновность в участии в работе таганрогской и тульской типографий. Сосланный на 10 лет в Средне-Колымск, Богораз подобно ряду других ссыльных евреев — государственных преступников, проявил незаурядную энергию в изучении окружающего края и принял видное участие в организованной на средства Сибирякова экспедиции для изучения Северо-Восточной Сибири, причем взял на себя (с Иохельсоном) изучение Колымского края. Его этнографические работы были высоко оценены и учеными в России, и в С.Америке. Вернувшись в Россию в конце 90-х гг., он совершил ряд путешествий и в начале 1900-х гг. уже свободным человеком вернулся на крайний Северо-Восток, в качестве члена американской джезуповской экспедиции. Целые тома его трудов были изданы затем на английском языке. Но еще большую славу, чем в качестве

ученого, он приобрел под псевдонимом Тана в качестве писателя, поэта, беллетриста и публициста. Осенью 1905 г. он был снова арестован по делу всероссийского крестьянского союза. Несмотря на ряд его автобиографических указаний, разбросанных в разных его произведениях, его деятельность в качестве «последнего могикана» «Народной Воли» не освещена до сих пор с достаточной точностью.

Розыски, вызванные арестом Богораза, открыли в Москве кружок Меньшикова (уч. рисов. шк.), Денисова и еврея Исаака Бреговского. Арест Оржиха произошел благодаря заметке, найденной у С. Иванова. Там имелся адрес екатеринославского оптика Соломона Хейфица, который показал, что дал свой адрес для переписки учителю своих детей Хаиму Полякову. При обыске у Полякова арестовали Оржиха. У Оржиха был найден адрес студента Штернберга из Одессы. Последний был основателем народовольческого кружка в Одессе и вел пропаганду среди рабочих вместе с Карпенко, работавшим ранее в Ростове-на-Дону. Лев Яковлевич Штернберг, студент ест[ественного] отделения Новорос. университета, был сослан на 10 лет на Сахалин. Здесь он изучал быт гиляков и начал свои замечательные работы по этнографии, которые создали ему большое научное имя. Та же, открытая у Оржиха, переписка обнаружила деятельность студента петербургского университета Альберта Яковлевича Гаусмана. Арестованный вскоре Гаусман был выслан в 1887 г. на 10 лет в В.Сибирь. Товарищ его по ссылке свидетельствует, что Гаусман был человеком глубокого ума, широкого образования. Он был недюжинным естественником и притом принимал участие в журнальной работе, в революционных движениях участвовал в начале 80-х гг. (родился в конце 50-х гг.) и, кажется, имел какое-то отношение к деятелям 1-го марта 1881 г. Сам он ничего о себе не рассказывал и не сообщил товарищам псевдоним, под которым писал. Перед якутской трагедией 22 марта 1889 г. он употребил все усилия, чтобы отклонить товарищей от протеста, но затем присутствовал с ними в квартире Ноткина до конца событий. Совершенно ошибочно он был указан полицейским свидетелем (вместе с Коганом-Бернштейном) как главный участник протеста, и 8 августа повешен. Он был, несомненно, жертвой судебной ошибки, если только можно применить название суда к той судебной комиссии, которая судила «якутян» в 1889 г. по уставам дореформенного времени. Тот же товарищ его по ссылке (О.Минор) отмечает следующие душевные качества Гаусмана:

«большой ум, железную волю, необычайную скромность, непреклонность в принятых решениях и поразительную доброту, мягкость и способность проникаться чувством другого, кристальной чистотой души»... «Я умираю с верой в торжество истины», — написал Гаусман в предсмертном письме к товарищам. В письме к 6-летней дочери он писал:

«Учись, друг мой. Старайся не столько знать много, сколько понимать многое... Будь честна. Каковы бы ни были впоследствии твои убеждения, следуй им непреклонно, если только это искренние убеждения... Люби людей. Ненависть и злоба могут иметь за собой физическую, материальную силу, но у любви сила внутренняя, всепобеждающая. Человечество потому только и существует, что в нем преобладала всегда любовь над ненавистью, а то оно давно бы угасло». Трудно прибавить что-либо к этим словам.

После ареста Богораза идет ликвидация уже не партии «Народной Воли», а многочисленных народовольческих кружков в Москве (1886—1887), в Петербурге (1887), Харькове и др. городах. В дальнейшем совершенно беглом обзоре мы упомянем фамилии евреев, участников позднейшего освободительного движения, дабы дать возможность последующим исследователям вопроса наметить те вехи, по которым им придется следовать. Здесь же мы подведем итоги нашему довольно детальному обзору участия евреев в русском освободительном движении, начиная от декабристов и кончая эпохой гибели «Народной Воли». Особенно подробно остановились мы на 70—80-х гг. Причина этого заключается в том, что эта эпоха уже несколько ушла от нас в прошлое, и хотя живы еще многие лица, которых мы коснулись в своем обзоре по 1886-й год, тем не менее деятельность их в определенном направлении можно считать закончившейся и выяснившейся в главных чертах. Исследованный нами период (если не считать беглых замечаний об эпохе до 1861 г.) охватывает четверть века. В своей работе мы излагали не столько историю движения, сколько историю тех личностей из среды евреев, которые участвовали в движении. Читая нашу работу, можно ясно видеть, что внесли евреи в русское освободительное движение и что внес каждый отдельный участник-еврей.

Давая общую характеристику участию евреев в движении описанной эпохи, нельзя не назвать его высоко идеалистическим. Да, евреи, участники движения описанной эпохи — идеалисты чистейшей воды. Оторванные просветительным дви-

жением 50—70-х гг. от национальной среды, воспитанные на идеях Белинского, Добролюбова, Чернышевского и Писарева, затем Лаврова, Бакунина и великих мыслителей Зап. Европы, молодые представители нового еврейства всей душой своей прилепляются к русскому народу, русской литературе и русской общественности. Демократическая еврейская молодежь, вырвавшись духовно из мира старого гетто, растворяется затем в среде русской разночинной демократии и переживает вместе с нею все перипетии ее истории: вместе с русской демократией она переживает эпоху юности розовой и мечтательной, вместе с нею втягивается в политическую борьбу и вместе с нею, рядом с нею, плечом к плечу, наносит и получает удары. Первоначально судьба евреев-участников движения вполне равна судьбе других участников. Но затем внимание реакции все более и более останавливается на еврейском участии в движении. Это участие представителей народа, наиболее бесправного среди национальностей государства, в движении, стремящемся к обновлению политической и социальной жизни, — участие это кажется реакции крайней дерзостью. Усиление репрессий против евреев искусственно повышает процент их участия в движении, а повышение процента, в свою очередь, выставляется как повод к новому усугублению кар. Вполне понятна ненависть реакции к евреям, участникам освободительного движения. И тем сосредоточеннее, тем сильнее должно быть чувство долга по отношению к евреям в сердцах тех, кто ставил себе целью политическое и социальное раскрепощение России. Представители исследованной нами эпохи особенно характерны в смысле беззаветного самоотречения евреев во имя того, что они вместе с демократией русской считали благом русского народа. Самоотречение евреев-народовольцев оказалось так велико, что член Исполнительного Комитета — еврей — одобрил антисемитскую прокламацию, а другой народоволец — еврей — надел красную рубаху и появился в толпе погромщиков в Киеве, в 1881 г. Конечно, ошибочные с демократической точки зрения действия этих лиц были преступны по отношению к еврейскому народу. Но русская демократия должна помнить, что это самозаклание, это принесение в жертву своих же братьев по крови, было сделано этими лицами во имя братьев по духу, во имя свободы русского народа, во имя освобождения всех трудящихся. Представителями национального социализма были Ар.Либерман и евреи-социалисты 1880-го года. Вся остальная масса участников освободительного движения — евреев, ко-

нечно, не забывала вовсе свой родной народ и его страдания, но бесправие еврейства было для евреев-революционеров лишь одной из форм общего бесправия. Зато тем энергичнее боролись они за изменение общерусских условий. Впоследствии возникли самые разнообразные формы национального еврейского движения, но это не уменьшило числа участников в общерусском движении. Ибо духовная связь между демократической частью еврейства и русской разночинной демократией была и остается очень крепкой. Их объединяет и общность духовных, и социально-политических интересов, и общая родина для одних — суровая мать, для других — злая мачеха. Если певец «Народной Воли», поэт П.Я. (П.Ф.Якубович) воспел «великие страдания поколения проклятого Богом» поколения 80-х гг., то какие же слова нужно сказать о страданиях еврейского поколения той же эпохи. Только высокий и чистый идеализм мог увлекать евреев на тот путь, на котором его ждали тяжкие муки, лишения, потеря свободы и самой жизни.

Другая черта, отличающая особенно евреев, стремившихся к новой социальной и политической жизни, это — энтузиазм и увлечение, с которыми они отдавались движению. Признак национального темперамента — энтузиазм, особенно ярко сказывался в евреях-участниках движения. Но рядом с энтузиазмом, который легко воспламеняется и легко тухнет, мы видим у многих видных евреев-участников движения качества чисто европейских работников: настойчивость и упорство в достижении поставленной цели, организаторский талант, техническое умение, трезвость политической мысли, отсутствие мечтательных иллюзий, здравый практицизм. Целый ряд талантливых теоретиков-мыслителей вышел из среды евреев. Но не меньше, если не больше, было из их числа таких, которые умели найти практические организационные и технические формы для демократической мысли и деятельности. Одним из главных достоинств еврейского участия в общерусском движении я считаю ту трезвость и спокойствие политической мысли, которые были внесены в это движение евреями, ту европеизацию, которая была, до известной степени, результатом их сознательной и бессознательной деятельности. Для историка русского общественного движения как-то странно выделять еврейские имена из общего списка участников движения, подобно тому, как это делали со своей целью враги еврейства.

Но раз это сделано, должно отметить ту положительную роль, которую играли и играют евреи в достижении лучшего будущего России.

Отмечая достоинства евреев, остановимся и на их недостатках. Подобно тому, как реакционеры приписывают еврейству какую-то особую революционность, есть люди, ставящие в упрек именно еврейству ренегатство Н.Утина, предательство Гр.Гольденберга, ошибки Рабиновича (по делу 193-х) и т.д. Я лично резко осуждаю действия упомянутых лиц, не могу, однако, забыть о ренегатстве Л.Тихомирова, о предательстве Дегаева, Меркуловых, Надеиных и мн. др. русских интеллигентов и рабочих. Темное и светлое есть у всех национальностей. Фигура Гольденберга, предавшего своих друзей и знакомых «с кровавыми слезами на глазах», зверский лик Азефа, предавшего свои жертвы без всяких слез, с лобзанием Иуды, конечно, не заслонят никогда собой трагические образы Когана-Бернштейна и десятков других евреев — жертв освободительного движения. Я изложил сведения о них сухим языком обвинительных актов и полицейских справок, спокойно и объективно, дабы читатели могли воспринять эти сведения так же спокойно и объективно. Но язык фактов убедительнее многословья и восклицательных знаков. И тот, кто прочел обширный «синодик» еврейских жертв на алтарь русского освобождения, может сам оценить значение и размер этих жертв и составить свое мнение об их значительности, и качественной, и количественной.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамович Меер Соломонович (1859—1940) — сын писателя Менделя Мойхер-Сфорима, в 1877 г. арестован за участие в революционном кружке в Житомире. В 1879 г. — выслан под надзор. Жил в Самаре и Казани. В 1886 г. сдал экзамены на кандидата права. Позднее помощник присяжного поверенного в Петербурге. В 1920—30 гг. в эмиграции в Бельгии.

Абрамович Коппель (1856—) — ученик раввинского училища в Вильно, арестован в 1876 г. за участие в работе нелегального народнического кружка, выслан под надзор полиции.

Абрамович Эмилий Абрамович (1866—) — врач, один из организаторов социал-демократических кружков в 1880-е гг. в Киеве. В 1890-е гг. жил в Сибири.

Аксельрод Пинхус (Павел) Борисович (1850—1928) в революционном народническом движении с 1870-х гг. В 1876 г. эмигрировал. В Швейцарии редактировал журнал "Община". С 1880-х гг. — один из лидеров российской социал-демократии. Автор мемуаров.

Аптекман Осип Васильевич (1849—1926) — крещеный еврей (с 1875 г.) активный деятель революционного движения 1870-х гг. Участник "хождения в народ", один из руководителей "Черного передела". Арестован в 1880 г. и выслан в Сибирь. Позднее, получив медицинское образование, работал врачом в Саратове, Нижнем Новгороде, Смоленске. В начале XX в. — социал-демократ, участник революции 1905—1907 гг., автор мемуаров.

Аранзон Хая-Рухля Яковлевна (1865—) — в 1880-е гг. училась в Москве на Высших женских курсах, участвовала в революционном движении. Позднее окончила философский факультет университета в Цюрихе. В 1888 г. вернулась в Россию и вновь участвовала в деятельности народнических кружков.

Аронзон Моисей Гиршевич (1854 —) — участник рев. движения 1870-х гг. С 1874 г. учился в Берлине, где вступил в еврейский социалистический кружок. После ареста был в 1879 г. выслан из Пруссии. Жил в Швейцарии, позднее эмигрировал в США.

Аронзон Соломон Лейбович (1854—) — участник "хождения в народ" в 1870-е гг., студент Медико-хирургической академии в Петербурге. Арестован в 1874 г., судился "по процессу 193-х". В 1878 г. выслан в Оренбургскую губ. В 1890-е гг. работал врачом в Уфимской губ.

Аронзон Александр Исаакович (?) — учился в университетах Кенигсберга и Иены в 1870-е гг. В 1880 г. вернулся в Россию и участвовал в революционном движении в Вильно. В 1881 г. эмигрировал.

Арончик Айзик Берович (1859—1888) — учился в Ин-те инженеров путей сообщения в Петербурге. В революционном движении с середины 1870-х гг., участвовал в подготовке покушения на Алек-

сандра II в 1879 г. Арестован в 1881 г. Умер в Шлиссельбургской крепости.

Бакст Владимир Игнатьевич (1835—1874) — крещеный еврей, окончил С.-Петербургский университет, служил в Министерстве иностранных дел, участник революционного движения 1860-х гг. Умер в эмиграции в Швейцарии.

Бакст Осип Игнатьевич (1837—1895) — крещеный еврей, переводчик, издатель, участник революционного движения 1860-х гг.

Барель Мейер (1859—) — член виленского революционного кружка в нач. 1870-х, после ареста в 1876 г. приговорен к 6-ти месяцам тюремного заключения.

Барский Самуил (?) — выпускник Цюрихского университета, участник революционного движения в Одессе в 1870-е гг.

Барский Яков Генрихович (1863—) — учился в Петербургском и Новороссийском университетах. Участвовал в революционном движении с середины 1880-х. В 1886 г. сослан в Сибирь. В нач. XX в. — один из руководителей Манчжурской железной дороги (КВЖД). Жил в Харбине.

Баршт Абрам Лейбович (1837—) — участник ограбления революционерами-народниками в 1879 г. Херсонского казначейства.

Баршт Сима Моисеевна (1843—) — участник ограбления Херсонского казначейства революционерами-народниками в 1879 г.

Бать Вульф Гдалиевич (после крещения Владимир Осипович) (1857—1899) — студентом Киевского ун-та участвовал в народническом движении. В 1879 г. сослан в Сибирь. Позднее окончил Казанский университет. В 1890-е гг. работал врачом в Петербурге.

Бах Авраам (Абрам) Литманович (после крещения Алексей Николаевич (1857—1946) — учился в Киевском университете. В революционном движении с 1870-х. Один из руководителей народнических организаций в Киеве и Харькове. В 1880-е фактически возглавлял "Народную волю". В 1885 г. — эмигрировал. Занимался научной деятельностью. В 1905 г. — один из организаторов Партии социалистов-революционеров. С 1917 г. — в России. В 1920-е — ректор Химического ин-та в Москве. С 1929 г. — академик.

Бибергаль Александр Николаевич (1855—1925) — участвовал в революционном движении с середины 1870-х. Арестован в 1876 г. в Петербурге за участие в демонстрации на Казанской площади. Осужден на каторгу. Вернулся в Европейскую Россию только после 1905 г.

Билинкер Эсфирь Самуиловна (1863—) — в 1880-е участвовала в деятельности "Народной воли" в Петербурге.

Билит Бенцион Гершевич (Борис Григорьевич) (1864—1935) — активный деятель народнического движения. Революционную работу начал в 1884 г. в Одессе. С 1889 г. в эмиграции. Окончил университет в Женеве. Один из основателей Партии социалистов-револю-

ционеров. Участник революции 1905—1907 гг. Позднее — преподаватель химии во Франции. После 1917 г. — сотрудник советского посольства в Париже. В 1932 г. вернулся в СССР.

Богораз Натан Менделевич (после крещения Тан-Богораз Владимир Германович) (1865—1936) — один из активных деятелей революционного движения, член "Народной воли". После исключения из Петербургского ун-та вел нелегальную работу в Ростове-на-Дону, Таганроге и Новочеркасске. Арестован в 1886 г. Сослан в Сибирь. Позднее известный ученый-этнограф, публицист. В 1920—30-е гг. Профессор Ленинградского ун-та, директор музея истории религии и атеизма в Ленинграде.

Брамсон Моисей Вульфович (1862—) — закончил Петербургский университет. В революционном движении с середины 1880-х гг. В 1887 г. сослан в Сибирь. Участник "Якутского протеста" в 1889 г. В конце XIX — нач. XX в. жил в Вильно. Одновременно участвовал в еврейском национальном движении и состоял членом Партии социалистов-революционеров. В 1920-е гг. — член Общества политкаторжан. Жил в Москве.

Бреговский Исаак Мейлахович (1860—) — участвовал в революционном движении в 80-е гг. XIX в. Сослан в Сибирь в 1888 г. В 1895 г. эмигрировал в США.

Вайнель Гирш Пинхусович (1864—) — учился в Виленском раввинском училище, входил в революционный народнический кружок. После ареста в 1876 г. был сослан в Архангельскую губ. В 1890-е жил в Вильно, сотрудничал в еврейской периодической печати.

Вайнер Лев Шемелиович — ученик виленского раввинского училища, входил в 1872 г. в революционный кружок. В 1875 г. эмигрировал в Англию. Жил в Лондоне и входил в Общество евреев-социалистов.

Вейнберг Иосиф Яковлевич (1855—) — студент Медико-хирургической академии в Петербурге. В 1870-е неоднократно арестовывался за участие в народническом движении. В 1879 г. сослан в Сибирь.

Веллер Моисей Лейбович (1857—) — студент Киевского ун-та, участник революционного движения. В 1878 г. эмигрировал. В 1881 г. по личной просьбе И.С.Тургенева получил разрешение вернуться в Россию.

Виттенберг Самуил Яковлевич (1852—1879) — учился в гимназии в г.Николаеве, закончил Технологический институт в Вене (Австро-Венгрия). С 1876 г. жил в Николаеве и участвовал в революционном движении.Готовил покушение на Александра II. В 1878 г. арестован и приговорен к смертной казни. Отказался спасти свою жизнь путем принятия православия. Казнен.

Гальперин Семен Давидович (после крещения Семен Иванович) (1866—) — участвовал в революционном движении с 1880-х, учился

на юридическом факультете Новороссийского ун-та. В 1890-е — адвокат в Екатеринославе.

Гаусман Альберт Лейбович (1859—1889) — студент Петербургского университета. В революционном движении с нач. 1880-х член "Народной воли". Арестован в 1886 г. и сослан в Сибирь. Казнен по обвинению в вооруженном сопротивлении после подавления "Якутского протеста".

Геккельман Аркадий — участвовал в революционном движении 1880-х гг. Позднее провокатор, затем видный деятель Заграничной Агентуры Охранного отделения.

Геллер Семен Львович (1856—) — учился в коммерческом училище в Петербурге, в 1876 г. как доброволец воевал в Сербии. В 1877 г. арестован за участие в революционном движении и сослан в Сибирь.

Геллис Меер Янкелевич (1852—1886) — окончил Коммерческое училище в Одессе. С начала 1870-х участвовал в революционном движении. В 1874 г. эмигрировал. Работал в Швейцарии в русской типографии "Община". В 1878 г. вернулся в Одессу под именем Файнштейна, работал в нелегальной типографии, участвовал в убийстве агента полиции Гоштовта. В 1880 г. осужден на каторгу. Умер в Шлиссельбургской крепости.

Геллис Эсфирь Моисеевна (1858—) — жена М.Я.Геллиса, участвовала в революционном движении в Одессе. В 1880 г. сослана в Сибирь.

Геллис Пинхус Янкелевич (1850—) — участник революционного движения в Одессе. В 1879 г. выслан в Сибирь.

Гельфман Геся Мироновна (1854—1882) — училась на медицинских курсах при Киевском ун-те. В революционном движении с 1875 г. Член "Земли и воли", затем "Народной воли". Участвовала в подготовке покушения на Александра II. Умерла при родах в тюрьме.

Гинзбург Лев Савельевич (1851—1918) — учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, с начала 1870-х активно участвовал в деятельности народнических организаций. В 1880—90-е — врач в Черниговской губ. С начала XX в. работал врачом в Петербурге, участвовал в общественной жизни.

Гинзбург Хаим Вульфович (1852—) — учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, работал в нелегальных типографиях. В начале XX в. — военный врач.

Гинсбург Софья Михайловна (1863—1891) — в революционном движении с нач. 1880-х. Училась на медицинских курсах в Петербурге. В 1885 г. жила во Франции. В 1887 г. вернулась в Россию. Активно участвовала в деятельности террористических народнических групп, готовивших покушение на Александра III. В 1889 г. арестована. Покончила с собой в тюрьме.

Глузман Иосиф Вениаминович (1856—) — учился в Медико-хирур-

гической академии в Петербурге, участвовал в революционном движении. В начале XX в. работал врачом в г. Жмеринка.

Гобст Арон-Янкель-Израиль (1848—1879) — унтер-офицер, вел революционную пропаганду среди солдат. Спасаясь от ареста, перешел на нелегальное положение. Жил в Петербурге и Киеве. В 1879 г. готовил покушение на Александра II. Казнен.

Голдовский Вениамин Хаимович (1853—) — учился в гимназии Киева, в 1879 г. входил в состав революционной организации. Эмигрировал в Швейцарию.

Голубов Лейзер Мовшевич (1856—) — студент Киевского университета, участвовал в распространении нелегальной литературы. В 1876 г. — арестован и сослан в Архангельскую губ. В 1878 г. — бежал и участвовал в деятельности "Земли и воли" в Харькове. Вновь арестован в 1880 г. и вновь сослан сначала в Архангельскую губ., а затем в Якутск. В 1890-е жил в Иркутске.

Голубов Натан Мовшевич (1847—) — студент Петербургского ун-та. В 1876 г. арестован за участие в противоправительственной пропаганде. Сослан в Архангельскую губернию. В 1878 г. — бежал, но вновь арестован. В 1880-е жил в г. Шенкурске.

Гольденберг Григорий Давидович (1855—1880) участвовал в революционном движении с нач. 1870-х, убил в 1879 г. харьковского губернатора Д.Кропоткина, участвовал в подготовке убийства Александра II, член ИК "Народной воли". Был арестован и дал подробные показания. Покончил с собой в тюрьме.

Гольденберг Исаак Давидович (1859—) — активный участник деятельности народнических кружков в Киеве в 1870-е. После ареста в 1878 г.— сослан в Олонецкую губ., затем в Архангельскую губ. В 1881 г. был призван на военную службу.

Гольденберг Лазарь (Гольденберг-Гетройтман Лейзер Борухович) (1846—1916) — активный деятель революционного движения с конца 1860-х. Входил в студенческую организацию студентов Технологического ин-та в Петербурге. В 1870 г. — арестован и сослан в Петрозаводск, работал химиком. В 1872 г. бежал и жил в Швейцарии, где руководил издательской деятельностью русских типографий. Позднее жил в Великобритании. Один из основателей "Общества еврейских социалистов".

Гольдштейн Михаил Юльевич (1853—1905) — в революционном движении участвовал с 1870-х. В 1878 г. эмигрировал. В 1890 г. вернулся в Россию и работал приват-доцентом в Петербургском университете на химическом факультете. Публицист, за свою общественную деятельность в 1901 г. выслан в Архангельск. Убит черносотенцами в октябре 1905 г.

Горенштейн Осип Леонтьевич (Ушер-Зейлик Лейбович) (1868—1936) — в революционном движении с середины 1880-х в Одессе.

Арестован в 1887 г. и сослан в Сибирь. В нач. XX в. — социал-демократ. В 1920-е гг. член Общества политкаторжан.

Гоц Вера Самойловна (Хаимовна) (до замуж. Гассох) — (1860 — 1932) училась на медицинских курсах в Петербурге. В революционном движении в одесских народнических организациях с 1877 г. В 1887 г. сослана в Сибирь. С 1888 г. жена М.Р.Гоца. После его смерти жена С.А.Иванова. Член Партии эсеров. После 1917 г. в эмиграции во Франции.

Гуковская Виктория Леонтьевна (1864—1881) — в 1878 г. активно участвовала в протестах молодежи Одессы во время суда над революционной группой И.Ковальского. Была арестована и сослана в Сибирь. Покончила жизнь самоубийством.

Гуревич Абрам-Давид-Шавель Борухович (1852—) — работал в народнических организациях Киева. В 1878 г. эмигрировал в Швейцарию, где закончил университет. В 1889 г. вернулся в Россию и работал врачом в Киеве.

Гуревич Григорий Евсеевич (1852— умер в конце 1920-х) — учился в Киевском университете, участвовал в работе революционных кружков. В 1873 г. уехал в Германию, член еврейской социалистической организации А. Либермана. В 1879 г. арестован и выслан из Германии. Жил во Франции. В 1881 г. порвал отношения с "Народной волей" из-за несогласия по еврейскому вопросу. В 1880—90-е сотрудник еврейских изданий под псевд. "Гершон Баданес". В 1883 г. вернулся в Россию. Общественный деятель, консул Дании в Киеве. После 1917 г. в эмиграции. Умер во Франции.

Гуревич Софья Яковлевна (Фрума-Фейга Янкелевна) (1869—1889) — училась в Москве на Высших женских курсах. В революционном движении с 1880-х. Арестована в 1886 г. за хранение нелегальной библиотеки. Сослана в Сибирь. Убита при подавлении "Якутского протеста".

Гурович Яков Ефимович (1858—) — окончил гимназию в г. Екатеринославе, студент Медико-хирургической академии в Петербурге. В 1876 г. за участие в т. н. "Казанской демонстрации" арестован и сослан в Сибирь.

Гутерман Наум Давидович (1857—) — в 1870-е участвовал в революционном движении на юге России. В 1879 г. бежал за границу. Жил и учился во Франции и Швейцарии. В 1884 г. вернулся в Россию и жил под надзором полиции в Екатеринославе.

Давидович (Давидов) Лейба Мовшевич (1853—1898) — ученик Виленского раввинского училища. Участвовал в революционном движении с нач. 1870-х. В 1875 г. издал в Вильно еврейскую социалистическую организацию. В 1876 г. — доброволец в русском отряде в Сербии. Вернувшись в Россию, служил в армии и вел революционную пропаганду среди солдат, организовал побег заклю-

ченных в Чигиринской тюрьмы. В 1880—90-е служил военным фельдшером. Сотрудник русско-еврейской периодической печати.

Дейч Лев Григорьевич (1855—1941) — участвовал в революционном движении с 70-х гг. XIX в. С 1880-х входил в социал-демократические организации. Около 15 лет провел в ссылке в Сибири. После 1917 г. занимался историей революционного движения в т.ч. ролью в нем евреев.

Добрускина Генриетта Николаевна (1862—1945) — училась в Петербурге на Бестужевских курсах. В революционном движении с начала 1880-х. Входила в "Народную волю". Арестована в 1884 г. Сослана в Сибирь. В нач. XX в. — член Партии социалистов-революционеров. После 1917 г. — жила в Ростове-на-Дону. Работала ответ. секретарем отделения Общества политкаторжан. С 1931 г. жила в Москве.

Зайднер Александр Николаевич (1859—1891) — входил в террористическую группу народников в г. Николаеве, участвовал в подготовке покушения на Александра II. В 1878 г. арестован, сослан в Сибирь на каторгу. Умер в Чите.

Зак Абель Хаимович (1857—) — входил в виленский революционный кружок Давидовича.

Зак Лев Маркович (1852—1897) — учился в Германии, в 1877 г. вернулся в Россию, участвовал в революционной деятельности в Петербурге и Самаре. В 1879 г. сослан в Сибирь. Вернулся из Сибири в 1896 г. Жил в Минске, где участвовал в социал-демократическом движении.

Закс Овсей Григорьевич (1859—) — учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, участвовал в революционной пропаганде, в 1879 г. арестован. Год провел в Петропавловской крепости. В 1880-е учился в Дерптском университете. В начале XX в. работал земским врачом в Рязанской губ.

Залкинд Вильгельм Зелигович — студент Медико-хирургической академии в С.-Петербурге. Участник революционной деятельности. В начале XX в. работал врачом в г. Вильно.

Зальцман Мордехай Пейсахович (1864—) — учился в Московском ун-те. В революционном движении с 1880-х. В 1890-е отошел от участия в политической деятельности. В нач. XX в. работал врачом в Московской губ.

Захарин Николай Дмитриевич (до крещения Зах Овсей Яковлевич) (1856—) — учился в Петровской академии в Москве, затем в Рижском Политехническом ин-те. В революционном движении с конца 1870-х. В 1880-х входил в "Народную волю". В 1885 г. арестован и сослан в Сибирь.

Златопольский Лев Соломонович (1847—1907) — в революционном движении с конца 1860-х, в конце 1870-х деятель "Народной воли", участник подготовки покушений на Александра II. Арестован

в 1881 г. Сослан на каторгу в Сибирь. В конце XIX — нач. XX в. жил в Чите, где работал в музее.

Златопольский Савелий Соломонович (1855—1885) — участвовал в революционном движении с середины 1870-х. Активный деятель "Народной воли" в Одессе. Арестован в 1882 г. Умер в тюрьме.

Зунделевич Аарон Исаакович (1854—1923) — учился в Виленском раввинском училище. В начале 1870-х входил в еврейский социалистический кружок. Позднее член "Земли и воли" и "Народной воли". Арестован в 1879 г. Сослан в Сибирь. В 1907 г. эмигрировал в Великобританию. Член РСДРП.

Идельсон (девичья фам. Якершберг) Розалия Хаимовна — в 1870-е училась в Швейцарии, где активно участвовала в революционной работе среди студентов из России. Участвовала в издании П.Л.Лавровым журнала "Вперед".Окончила Бернский университет. Врач. В 1880-х вернулась в Россию.

Иохельсон Вениамин (Владимир) Ильич (1855—1937) в революционном движении с 1870-х. Член "Народной воли". В 1880—90-х — в ссылке в Сибири. Позднее известный этнограф и лингвист. В 1920-х — автор мемуаров и работ по истории революционного движения.

Каминер: Августа Исааковна (1857—) — член киевского революционного кружка. В 1874 г. эмигрировала в Швейцарию. В 1882 г. вернулась в Россию и сослана в Акмолинскую обл. В 1890-х жила в Казани; Анна Исааковна — член киевского рев. кружка. С 1888 г. — в эмиграции; Исаак Абрамович (1834—1901) — врач, отец сестер Каминер, сторонник социалистического движения, сотрудник журнала "Гоэмес"; Эсфирь (Надежда) Исааковна — член киевского революционного кружка. Жена П.Аксельрода. С 1874 г. в эмиграции; Софья Исааковна (1858—) — член киевского рев. кружка. С 1874 по 1882 г. жила и училась за границей. Позднее вернулась в Россию и была сослана в Акмолинскую обл.

Каминская Берта (Бетя) Абрамовна (1851—1878) — в 1871 г. уехала из России в Швейцарию, где училась на медицинском факультете Бернского ун-та, участвовала в революционной деятельности среди русских студентов. В 1874 г. вернулась в Россию и работала на ткацкой фабрике в Москве, вела рев. пропаганду. Арестована в 1875 г. Позднее освобождена по состоянию здоровья. Покончила жизнь самоубийством.

Кац Константин Абрамович (1855—1920) — участвовал в революционном движении с 1874 г. В 1875 г. эмигрировал в Румынию. В 1878 г. выдан румынскими властями и сослан в Архангельскую губ. В 1879 г. бежал и вернулся в Румынию. Позднее под именем Доброджану-Геря стал одним из организаторов социал-демократической партии Румынии.

Кац Михаил Никитич (1853—1884) — участник "хождения в народ",

вел пропаганду среди крестьян. Арестован в 1876 г. Был приговорен к ссылке, но бежал и эмигрировал во Францию.

Клячко Аркадий (Арий-Бенцель) Давидович (1856—) — член еврейского социалистического кружка Давидовича в Вильно. Арестован в 1876 г., подвергнут полицейскому надзору.

Клячко Самуил (Семен) Львович (1850—1914) — учился в Московском университете, с нач. 1870-х участвовал в революционном движении. В 1873 г. эмигрировал. Жил в Австро-Венгрии и во Франции. В 1880—90-х — сотрудник русских газет и журналов за рубежом.

Кобылинский Гирш Гиршевич (1860—) — вел революционную пропаганду среди молодежи в Одессе. Арестован в 1878 г. и сослан в Сибирь. В 1880—90-х жил в Москве и работал на железной дороге. В 1903 г. — зав. коммерческим отделом Московско-Казанской железной дороги.

Коган Анатолий Маркович (1853—) — студент Медико-Хирургической академии в Петербурге, участник студенческого движения. В 1878 г. эмигрировал в Швейцарию.

Коган-Бернштейн Лев Матвеевич (1862—1889) студент Петербургского университета, в революционном движении с начала 1880-х. Сослан в Сибирь. Казнен за участие в т.н. "Якутском протесте".

Койранские: Арон — в 1879 г. выслан из Петербурга по подозрению в участии распространения нелегальной литературы; Исаак — в 1873 г. выслан из Петербурга за помощь террористу Л.Мирскому; Лейзер — в 1879 г. выслан из Петербурга за участие в деятельности студенческого кружка в Институте Путей сообщения; Моисей — в 1879 г. выслан из Петербурга за содействие террористу Л.Мирскому; Соломон (1856—) — революционную деятельность начал в Вильно в кружке Давидовича. В 1879 г. арестован в Петербурге и сослан в Сибирь. В 1890-х жил в Вильно.

Кон Феликс Яковлевич (1864—1941) — в революционном движении с нач. 1880-х. В 1880—90-х в ссылке в Сибири. Позднее социал-демократ, деятель компартии Польши. В 1920—30-х — на партийной и государственной работе в СССР. Автор мемуаров и работ по истории революционного движения.

Кулешевская (по мужу Гувич) Елена Ильинична (1855—) — училась в Бернском университете в Швейцарии, затем вернулась в Россию. Арестована за участие в работе нелегальной типографии в 1879 г. в Петербурге. В 1890-х — член Бунда.

Левенсон Григорий Григорьевич (1852—) — служащий Центрального Земельного банка в Петербурге. Арестован в 1879 г. по обвинению в участии в покушении на полковника Дрентельна.

Левенталь Лейзер — участник "хождения в народ". В 1874 г. эмигрировал в Швейцарию. В 1878 г. редактировал народнический жур-

нал "Община". Окончил медицинский факультет в Лозанне (Швейцария). В 1890-х — профессор Лозаннского университета.

Левенталь Лев (Лейба) Григорьевич (1856—1910) — учился в Московском университете, в 1870-х участвовал в деятельности "Земли и воли". В 1879 г. арестован и сослан в Сибирь. Во время ссылки участвовал в географической экспедиции И.М.Сибирякова. В нач. XX в. жил в Полтаве.

Левенталь Нахман (умер в 1876 г.) — брат Лейзера Левенталя, студент Киевского ун-та, вместе с братом участвовал в рев. деятельности. В 1874 г. эмигрировал в Германию. Покончил жизнь самоубийством.

Либерман Аарон (1848—1880) — в начале 1870-х создал социалистический кружок из воспитанников Виленского раввинского училища. В 1875 г. эмигрировал. В 1876 г. в Лондоне создал еврейскую социалистическую организацию. В конце 1870-х жил в Вене, где издавал журнал на иврите "Гоэмес". Арестован в 1878 г. Высылался полицией из Вены, а затем из Берлина. В 1880 г. уехал в США. Покончил жизнь самоубийством.

Лион Соломон Ефремович (1857—) — студент Новороссийского ун-та, в 1877 г. — один из руководителей народнического движения в Одессе. В 1879 г. арестован и выслан в Сибирь. В 1882 г. бежал из Верхоянска, но был задержан и отправлен на Колыму. В 1920-х — сотрудник журнала "Каторга и ссылка", один из деятелей Общества политкаторжан.

Лисянский Саул Абрамович (1862—1885) — в революционном движении с начала 1880-х. Казнен за вооруженное сопротивление при аресте.

Личкус Фанни Марковна — училась на медицинских курсах в Петербурге, в 1870-х участвовала в народническом движении. В 1879 г. — эмигрировала за границу. Позднее жила в Англии, вышла замуж за С.Кравчинского. В начале XX в. — издатель.

Лубкин Абрам (ум. 1880) — в революционном движении с 1870-х работал в нелегальных типографиях. Покончил собой при аресте.

Лури Александр Григорьевич (1857—1924) — член революционной организации в г. Николаеве. В 1878 г. арестован и осужден на каторгу. До конца жизни оставался в Сибири, в нач. XX в. — член Партии социалистов-революционеров.

Лурье Семен Григорьевич (1854—1890) — учился на медицинском факультета Киевского ун-та, участвовал в народнических организациях. Был арестован в 1874 г. Бежал из Киевской тюрьмы и эмигрировал. В 1880-х окончил университет в Генуе (Италия) и затем работал врачом в Италии.

Львов Исаак Константинович (1850—1875) — учился в Харьковском, Петербургском и Московском университетах, участвовал в на-

родническом движении, в "хождении в народ". Арестован в 1874 г. и умер в заключении.

Львов Наум Кеселевич (1856—1889) — студент Технологического ин-та в Петербурге, затем учился в Киевском ун-те, участник студенческого движения. Арестован в 1878 г. и выслан в Архангельскую губ. В 1881 г. эмигрировал во Францию.

Львов Соломон Кеселевич (1858—) — учился в Киевском ун-те, участвовал в студенческом движении. В 1878 г. выслан в Олонецкую губ. В 1879 г. эмигрировал во Францию.

Лянда Станислав Адамович (1855—1915) — участник революционного движения в Варшаве. Арестован в 1878 г. За участие в тюремных беспорядках сослан в Сибирь на каторгу. В 1890-х — журналист, сотрудник газеты "Восточное обозрение". Участник революции 1905—1907 гг.

Майданский Лейба Осипович (1854—1879) — рядовой 7-го Гусарского Белорусского полка. В 1875 г. — член революционной организации в Елисаветграде, участвовал в покушении на предателя Гориновича. Арестован в 1876 г. и приговорен к смертной казни.

Макаревич (Розенштейн) Анна Моисеевна (1854—1925) — окончила гимназию в Симферополе, училась в университете в Цюрихе (Швейцария). С 1872 г. активно участвовала в революционной деятельности в Одессе и Киеве. В эмиграции с 1877 г. В 1880-х участвовала в работе группы "Освобождение труда", позднее жила в Италии. Входила в число основателей Социалистической партии Италии, жена ее лидера Турати.

Медведев Эммануил Беркович (после крещения Иван Иванович) (1858—1905) — в революционном движении с 1878 г. Арестован в 1879 г. и приговорен к 12 годам каторги.

Минор Осип (Иосиф Соломонович) (1862—1932) — в революционном движении с 1880-х. После ссылки в Сибирь, в начале XX в. — деятель Партии социалистов-революционеров. После 1917 г. в эмиграции во Франции.

Млодецкий Ипполит Осипович (1855—1880) — участвовал в революционном движении с конца 1870-х. Совершил террористический акт против ген. Лорис-Меликова. Казнен.

Морейнис Михаил Абрамович (1861—) — в революционном движении с 1876 г. Был арестован в 1879 г. и сослан в Сибирь. В 1880—90-х — сотрудник газеты "Восточное обозрение" в Иркутске. Педагог. После 1917 г. активный деятель Общества политкаторжан. В 1920-х жил в Одессе.

Натансон Марк Андреевич (1850—1919) — революционную деятельность начал в конце 1860-х. Один из лидеров народнических организаций России. В 1870-х участвовал в "хождении в народ", входил в руководство "Земли и воли". После ареста в 1877 г. сослан

в Сибирь. В 1890 г. жил в Саратове — один из основателей партии "Народное право". В нач. XX в. член ЦК Партии социалистов-революционеров. В 1917 г. — левый эсер. Умер в Швейцарии.

Новаковский Ефим (Хаим) Залманович (1851—) — в революционном движении с 70-х гг. XIX в. Арестован в 1876 г. в Петербурге за участие в демонстрации на Казанской площади. Сослан в Сибирь. В 90-е гг. XIX в. работал на строительстве Сибирской железной дороги. В нач. XX в. работал на строительстве железной дороги в Средней Азии. Жил в Ташкенте.

Оржих Борис Дмитриевич (1864—1934) — в революционном движении с 1880-х, один из лидеров народовольческих организаций в Таганроге, Ростове. После ареста находился в Шлиссельбургской крепости, затем в ссылке в Сибири. Бежал из Сибири в Америку. В 1905—1907 гг. — участвовал в русском освободительном движении. Позднее жил в Аргентине и Чили.

Павловский Аарон Яковлевич (1856—) — участвовал в революционной деятельности в народнических кружках в Таганроге в 1870-х. В 1877 г. эмигрировал. В 1880—90-х жил в Буэнос-Айресе (Аргентина), где руководил сельскохозяйственной школой.

Павловский Исаак Яковлевич (1852—) — учился в Медико-хирургической академии в Петербурге. В 1870-х руководил революционной организацией в Таганроге. Арестован в 1874 г. В 1878 г. сослан в Архангельскую губ. В 1878 г. бежал за границу. Работал журналистом. В 1880—90-х под псевдонимом "И.Яковлев" печатал антисемитские статьи в газете "Новое время".

Перетц Григорий Абрамович (1800—1850) — титулярный советник, из семьи крещеных евреев, член "Северного общества" декабристов. Арестован в 1826 г., сослан в Пермь.

Португалов Вениамин Осипович (1855—1896) — врач, учился в Харьковском и Киевском ун-тах, участник революционного движения конца 1850—60-х гг. XIX в. В 1862 г. сослан в Пермскую губ. Работал врачом в Перми, Вятке, Самаре, автор статей по различным общественным проблемам, в т.ч. по еврейскому вопросу.

Рабинович Моисей Абрамович (1856—1886) — окончил раввинское училище в Житомире, учился в Медико-хирургической академии в Петербурге. Участвовал в революционном движении с 1873 г., в т. ч. в "хождении в народ". Арестован в 1875 г. Приговорен к ссылке в Сибирь. Умер в Казани в психиатрической больнице.

Рабинович-Черный Михаил Гемелевич (1842—) — в 1870-х учился в Технологическом ин-те в Петербурге. В 1874 г. руководил еврейским социалистическим кружком в Минске. Арестован в 1876 г. и выслан в Вятскую губ.

Ратнер Лейба Григорьевич (1855—) — студент Харьковского ун-та, участвовал в революционном движении с середины 1870-х. В 1879 г.

сослан в Олонецкую губ., затем за антиправительственные выступления в Сибирь. Позднее окончил Харьковский ун-т. В нач. XX в. работал врачом в г. Николаеве.

Рашков Аарон Львович (1857—1888) — студент Горного ин-та в Петербурге. Участвовал в подготовке покушения на Александра II в 1878 г. в Николаеве. Осужден на 15 лет каторги. Утонул в Лене.

Ревич (по мужу Сабсович) Розалия Лазаревна (1860—) — училась на медицинских курсах в Петербурге, участвовала в студенческом движении. В 1880-х — одна из первых женщин-врачей в России. В нач. XX в. работала в Ростове-на-Дону.

Риттенберг Исаак Александрович (1851—) — учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, затем в Московском ун-те. Участвовал в студенческом движении. В нач. XX в. — врач в Ростове-на-Дону.

Рогаллер Лев Осипович (1855—) — член еврейских социалистических кружков в Минске в 1870-х. Позднее — член Бунда.

Розенталь Израиль — эмигрировал из Вильно в Великобританию в 1870-х. В 1876 г. — один из основателей в Лондоне Общества еврейских социалистов.

Розенфельд Лев (Лейба) (1851—) — учился в Медико-хирургической академии в Петербурге. В революционном движении участвовал с 1874 г. Эмигрировал в Румынию.

Роморо Яков Борухович (1859—) — революционную деятельность начал в Кременчуге. Арестован в 1877 г. В 1879 г. эмигрировал. Жил во Франции, Великобритании, где участвовал в русском и еврейском социалистическом движениях. В начале XX в. переехал в США.

Ронес Мендель Самуилович (1859—) — в 1870-х участвовал в "хождении в народ" в Херсонской губ.

Рублев Абрам Мордкович (1853—) — в 1873—1874 г. учился в Швейцарии. В 1874 г. вернулся в Одессу, где вел революционную пропаганду среди рабочих. Арестован в 1880 г. и осужден на ссылку в Сибирь.

Сабсович Давид Иосифович (1857—) — студент Медико-хирургической академии в Петербурге. Арестован в 1878 г. за участие в революционных выступлениях студентов. Сослан в Сибирь. Позднее окончил Дерптский ун-т. В нач. XX в. — врач в Екатеринославе.

Сапер Гирш Давидович (1849—1902) — окончил еврейскую школу в Петербурге. В 1872 г. уехал за границу. Жил в Германии, Великобритании и Франции. Активный участник еврейского социалистического движения. В 1884 г. вернулся в Россию. Работал фотографом в Петербурге.

Тартаковский Иосиф Мейерович (1854—1883) — учился в раввинском училище в Житомире. В 1875 г. — студент Технологического ин-та в Петербурге. В революционном движении с 1875 г. В 1878 г. эмигрировал.

Тетельман Лейзер Абович (1850—1877) — учился в Московском университете. Участвовал в революционном движении с конца 1860-х, участник "хождения в народ". В середине 1870-х жил в Киеве. Арестован в 1875 г. Умер во время суда в Петропавловской крепости.

Трахтман Моисей Самуилович (1852—) — учился в Медико-хирургической академии в С.-Петербурге. Арестован в 1879 г. по обвинению в оказании помощи террористу Л. Мирскому. В 1890-х — врач еврейской больницы в г. Аккерман.

Утины: Евгений Исаакович (1843—1894) крещеный еврей, окончил юридический ф-т Петербургского ун-та, участвовал в революционном движении 1860-х, позднее адвокат, публицист. В 1880-х перешел на позиции антисемитизма; Борис Исаакович (1832—1872) — участник общественного движения 1860-х, профессор Петербургского университета; Николай Исаакович (1845—1883) — крещеный еврей, один из руководителей революционного движения в начале 1860-х, после 1865 г. в эмиграции, создатель "Русской секции" I Интернационала. В 1870-х отошел от участия в рев. движении. В 1880 г. был помилован и вернулся в Россию. Работал на заводах Урала.

Файнзильбер Розалия Клементьевна (1855—) — в конце 1870-х входила в революционный кружок в Чернигове.

Фихтенгольц Абрам Моисеевич (1862—) — в 1870-х входил в одесские революционные кружки. Арестован в 1879 г.

Франк Роза Федоровна (1862—1922) — в революционном движении с конца 1870-х. В 1880-х — в ссылке. Позднее жена известного деятеля "Народной воли" 1880-х, поэта П.Якубовича.

Френкель Александр Семенович — участник студенческих волнений в Петербургском университете. В 1861 г. арестован и выслан из Петербурга. Позднее окончил юридический факультет и работал на Кавказе.

Френкель Леонтий Семенович — участник студенческого движения в Петербургском университете в 1860-х.

Фукс Исайя (1853—) в 1870-х выехал из России в Швейцарию, где работал в русской революционной типографии. В 1878 г. вернулся в Одессу, где участвовал в революционном движении. В 1879 г. эмигрировал.

Хотинская (в замужестве Мощенко) Елизавета Абрамовна (1855—) — училась на акушерских курсах в Харькове. Участвовала в революционном движении с 1874 г. Крестилась и вышла замуж за Н.П.Мощенко. В 1879 г. вернулась в Россию.

Хотинский Александр Абрамович (1850—1883) — студент Медико-хирургической академии в Петербурге. Участник "хождения в народ", член "Земли и Воли" и "Черного Передела". В 1879 г. эмигрировал в Швейцарию.

Цакни (Львова) Зинаида Киселевна (1850—1883) — участвовала в

революционном движении с нач. 70-х гг. XIX в. В 1877 г. выехала к мужу Н.П.Цакни в архангельскую ссылку. Вместе с ним бежала во Францию.

Цвибак Лев Менделевич (1852—) — студент Медико-хирургической академии в Петербурге. В революционном движении с середины 1870-х. Позднее, в нач. XX в.— врач в Кубанском конном полку.

Цукерман Моисей Абрамович (1861—) — учился в Новороссийском ун-те в Одессе. В революционном движении с конца 1870-х, входил в народнические кружки Одессы. Арестован в 1880 г. и сослан в Сибирь. В нач. XX в. жил в Тобольске, где работал в страховом обществе.

Чудновский Соломон Лейзерович (1849—1912) — студент Новороссийского университета, в революционном движении с конца 1860-х, активный деятель революционного народничества 1870-х. В 1878 г. осужден на ссылку в Сибирь. В 1880—90-х занимался научной работой в Сибири и на Алтае, сотрудничал в печати. В нач. XX в. жил в Одессе. С 1905 г. — член Конституционно-демократической партии. Автор мемуаров.

Шефтель Фейга Исааковна (1860—) — член революционного кружка в Житомире. Арестована в 1876 г. в Петербурге во время демонстрации на Казанской площади. Приговорена к ссылке в Сибирь. В 1882 г. бежала из Сибири и эмигрировала. В 1890-х жила в Румынии.

Шимановский Борис Афанасьевич (1849—) — крещеный еврей. В 1870-х жил в Петербурге, где занимался литературным трудом. По подозрению в участии в революционном движении выслан в Киев. Член "Земли и воли". В 1880 г. сослан в Вологодскую губ., затем в Астрахань. В 1890-х жил в Чернигове.

Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927) — участник революционного движения 1880-х. Осужден на ссылку в Сибирь. В 1890-х этнограф, после 1917 г. историк, автор работ по истории революционного движения, этнограф, в 1920-х — руководитель Еврейского Историко-этнографического общества.

Шур Шейна-Хася Мовшевна (после крещения Вера Фоминична) (1861—1929) — в революционном движении с середины 1870-х. В 1876 г. выехала в Германию, где участвовала в деятельности еврейской социалистической организации, сотрудничала с социал-демократами Германии. Позднее жила во Франции. В 1878 г. выехала по заданию русских революционных организаций в Россию, но была арестована. Сослана в Сибирь. В 1917 г. избрана в Совет рабочих и солдатских депутатов в Астрахани. В 1920-х жила в Москве. Член Общества политкаторжан. Автор мемуаров.

Эдельштейн Мовша Вульфович (1839—) — контрабандист. В 1870-х его услугами регулярно пользовались революционеры для нелегаль-

ного перехода границы с Пруссией. Арестован в 1875 г. До 1878 г. находился в тюрьме. Затем выслан из России.

Эпштейн Анна Мордуховна (1853—1895) — в 1870-х входила в Виленский кружок еврейских социалистов, затем училась в Петербурге, участвовала в "хождении в народ". В 1878 г. эмигрировала в Швейцарию, где участвовала в пропаганде среди учащихся из России.

Эфрон Иосель Абрамович (1855—) — участвовал в революционном движении с середины 1870-х. В 1879 г. эмигрировал в Швейцарию. Окончил медицинский факультет ун-та в Цюрихе. Продолжал работу в еврейском социалистическом движении. В 1890-х жил во Франции.

Эфрон Исаак Абрамович (1860—) — участник "хождения в народ" в середине 70-х гг. XIX в. В 1879 г. эмигрировал в Швейцарию, где учился в университетах Цюриха и Берна. В конце XIX — нач. XX в. жил в Бельгии и был директором химического завода в Брюсселе.

БИБЛИОГРАФИЯ: ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аптекман О.В. Из истории революционного народничества: "Земля и воля" 70-х гг.: По личным восп. Ростов-на-Дону, 1907.

Аптекман О.В. Общество "Земля и воля" 70-х гг.: По личным воспоминаниям. — М., 1907.

Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. — М., 1912.

Бурцев В.Л. За сто лет (1800—1896): Сб. по истории полит. и обществ. движений в России. В 2-х т. Лондон, 1897.

Волкенштейн Л. Тринадцать лет в Шлиссельбургской крепости. СПб., 1906.

Воронцов В.П. От семидесятых годов к девяностым. — СПб., 1907.

Галерея Шлиссельбургских узников. СПб., 1907.

Глинский Б. Революционный период русской истории. СПб., 1913.

Государственные преступления в России в XIX в. /Под ред. Б.Базилевского. СПб., 1906.

Дебагорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. Вып. 1—3. Париж, 1896—1898.

Дейч Г. В Сибирь и обратно. Восп. СПб., 1906.

Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906.

Историко-революционный альманах. СПб., 1906.

Календарь Народной воли на 1883 г. Женева, 1883.

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906.

Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб.,1908.

Литература партии Народной воли: Прил. к сб.: Государственные преступления в России. /Под ред. Б. Базилевского. Париж, 1905.

Материалы для истории революционного движения в России в 60-е гг.: 2-е прил. к сб.: "Государственные преступления в России". / Под ред. Б.Базилевского. — Париж, 1905.

Наша страна: Ист. сб. — СПб., 1907.

О минувшем. Ист. сб. СПб., 1909.

Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по делам о государственных преступлениях. — СПб., 1882—1903.

Общественные движения в России в первую пол. XIX в. СПб., 1905.

Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. г. Ростов-на-Дону, 1906.

Процесс 193-х / С предисл. В. Каллаша. — М., 1906.

Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906.

Революционная журналистика семидесятых годов: 1 прил. к б.: "Государственные преступления в России". / Под ред. Б. Базилевского. — Париж, 1905.

Семенов Е. В стране изгнания. М., 1912.

Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи.— СПб., 1878.

Спиридович А.И. Революционное движение в России. Вып. 1—2. СПб.,1914—1916.

Тихомиров Л.А. Начала и концы: либералы и террористы. М., 1890.

Тун А. История революционного движения в России. СПб., 1906.

Ульяновский А. Женщины в процессе 50-ти. СПб., 1906.

Хроника социалистического движения в России (1878—1887 г.): Офиц. отчет. — М., 1906.

Элпидин М.К. Библиографический каталог: Профили редакторов и сотрудников. — Женева, 1906.

* * *

Периодические издания

Былое. 1906—1907, Ростов-на-Дону.

Былое. № 1—14. Париж, 1900—1904; 1908—1910; 1913.

Вестник Народной воли. № 1—5. Женева, 1883—1886.

Вперед! Т. 1—5. Цюрих, 1873—1877.

Вперед! № 1—48. Лондон, 1875—1876.

Земля и воля. № 1—5. СПб, 1878—1879.

Летучие листки, издаваемые Фондом вольной русской прессы в Лондоне. № 1—46. — Лондон, 1893—1899.

Листок "Земли и воли". № 1—6. СПб., 1879.

Листок Народной воли. СПб., 1880—1886.

Минувшие годы. СПб., 1908.

На Родине. № 1—3. Женева, 1882—1883.

Набат. № 1—20. Женева, 1875—1881.

Народная воля. № 1—12. СПб., 1879—1885.

Начало. № 1—4. СПб., 1878.

Общее дело. № 1—112. Женева, 1877—1890.

Работник. № 1—15. Женева, 1875—1876.

С Родины и на родину. № 1—7. Париж, 1893—1896.

Черный передел. № 1—5. Лондон-СПб., 1880—1881.

ВОКРУГ «СИОНСКИХ ПРОТОКОЛОВ»

С. Г. Сватиков,
бывший Комиссар Российского
Временного Правительства за границей

СОЗДАНИЕ "СИОНСКИХ ПРОТОКОЛОВ" ПО ДАННЫМ ОФИЦИАЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Публикация О.В.Будницкого. Примечания С.М.Маркедонова

Глава I. Еврейский вопрос в 1917 г. — Мое официальное следствие за границей и первоначальные сведения о создании "Сионских протоколов"

В начале мая 1917 г. глава Временного Правительства кн. Г.Е.Львов[1] предложил мне отправиться с особой миссией за границу, в особенности же в Париж, Лондон и Рим. Вместо одной общей инструкции я получил их несколько, по разным министерствам, а на прощальной аудиенции кн. Львов дал мне еще ряд поручений, касавшихся русских солдат, бежавших из плена и находившихся в союзных и нейтральных странах; русских войск во Франции и на Балканах, союзной контрразведки и ее русского сектора; отъезда эмигрантов на родину и следствия о деятельности лиц дипломатического ведомства старого режима по части охраны.

Инструкция по министерству внутренних дел предписывала мне: 1) расформировать русскую тайную полицию за границей; 2) произвести дознание о деятельности этой полиции — ее штатных чинов, иностранных агентов и "секретных сотрудников"; 3) ознакомиться с результатами работ т.наз. комиссии Раппа (точнее говоря, Парижского отдела Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства[2] и включить их в общий отчет с результатами моего дознания; 4) расформировать, если нужно, комиссию Раппа*, заменив ее менее гро-

*) Евг.Ив. Рапп, присяжный поверенный, эмигрант, телеграммой министра юстиции Керенского[3] эмигрантскому комитету[4] с проф. В.К.Агафоновым[5] во главе, было разрешено ознакомиться с бумагами Заграничной Агентуры Департамента полиции[6], находившейся в помещении Российского Генерального Консульства в Париже; одновременно телеграммой председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства Н.К.Муравьева присяжному поверенному Е.И.Раппу было предложено составить опись дел Архива Агентуры.Так и составилась комиссия, коей председателем стал Рапп, товарищем его Агафонов, а членами - члены комиссии, избранные Эмигрантским Комитетом. В начале сентября 1917 г. я постановил комиссию Раппа расформировать и учредить на ее место Комиссию по заведованию Архивов из 3-х человек (по рекомендации Эмигрантского Комитета).

Орфография и пунктуация - авторские.

моздким учреждением. Инструкция предоставляла мне широкую свободу действий, принимая во внимание ее доверительный характер. Особенно деликатным пунктом моей работы было расформирование Охраны без вреда для дела военной контрразведки, к работе по коей Охрана была привлечена.

Чтобы придать актам моего дознания, которое официально на чужой территории не могло иметь иного характера, кроме административного, характер судебных актов на территории России, министр юстиции присвоил мне права судебного следователя "по особо важным делам"*. Кроме того, в инструкции было оговорено право мое начинать следствие об обнаруженных мной преступлениях, без предварительного сношения с Петербургом или с местным начальством привлекаемого к ответственности. Там же содержалось право мое требовать на явку к себе для допроса всех без исключения российских граждан, какое бы кто место ни занимал и какое бы звание ни носил.

Я считал данные мне права и звание Комиссара Российского Временного Правительства за границей (Le Haut Commissaire de Russie a l'Etranger) вполне достаточными для исполнения моей задачи. В течение 2 предыдущих месяцев я исправлял должность начальника Главного Управления по делам милиции (учреждение, организованное мной на месте департамента Полиции царского времени), и знал близко, как вопросы государственной и общественной безопасности, так и дела ликвидируемой государственной и наружной полиции[7].

Должен сказать, что в первые же моменты после своего конституирования Временное Правительство провозгласило принцип равенства граждан независимо от их национальности и вероисповедания, и еврейский вопрос, как таковой, перестал для меня существовать.

Первые три недели Февральской революции 1917 г. я был помощником Петроградского градоначальника по гражданской части (adjoint civil du Prefet de Police de Petrograde), будучи

*) Судебные следователи до 1917 г., имея равные права, именовались, в зависимости от значения поручаемых им дел, или просто судебными следователями, или же следователями по важнейшим делам или, наконец, "по особо важным делам". Вначале предполагалось назначить меня сенатором в 1-й административный департамент Правительствующего Сената (по-французски это — Conseil d'Etat) и послать за границу с правами "ревизующего сенатора". Я, лично, уклонился от этого, не считая себя вправе ни по опыту, ни по возрасту занять это место.

назначен на этот пост председателем Государственной Думы М. В. Родзянко[8] еще до образования Временного Правительства. 1-го марта 1917 г. я уже сидел в кабинете столь известного жителям Петрограда предшественника моего, камергера Лысогорского. Управляющий канцелярией стал докладывать бумаги, поступившие с момента бегства из градоначальства представителей старой власти.

Первой бумагой по порядку была телеграмма исправника одного из захолустных уездов Полтавской губернии: "можно ли купцу 3-й гильдии Циперовичу приехать сроком на неделю в Петроград?"

— "Пришить к делам о евреях?" — спросил полуутвердительно управляющий.

— "Нет, мы должны ответить, хотя где теперь сам бедный "г. исправник". Пишите: "Исправнику такому-то. На Ваш № 000. Купец 2-й гильдии Циперович может прибыть в Петроград когда ему заблагорассудится. Срок пребывания неограниченный. Вообще, Циперович имеет теперь право свободного передвижения и пребывания в пределах Российской Империи, кроме тех частей фронтовой полосы, где распоряжением военных властей воспрещено вообще пребывание лиц гражданского ведомства. За градоначальника" (подпись).

Затем я вызвал одного из студентов Военно-Медицинской Академии, которых привел с собой в градоначальство профессор биологии Юревич, назначенный градоначальником на полчаса раньше моего назначения ему в помощники.

— Благоволите, г. студент, вместе с г. управляющим канцелярией, опечатать все бумаги так называемого "еврейского" стола (bureau). Особая комиссия рассмотрит все эти "особые" дела (досье) о евреях. "Стол" — закрыть. Чиновников "стола" — распределить по другим столам"...

Следующее напоминание о существовании еврейского вопроса произошло так. Через неделю в кабинет мой вбежал человек в состоянии крайнего исступления. Фамилию его я забыл, он был расстрелян при большевиках. Его длинные волосы и длинная борода были всклокочены, лицо, исхудалое от бессонных ночей, было истомлено.

— "Да что же вы это с человеком делаете?" — закричал он. — "Вот он — я! Берите меня! Вяжите меня! Бейте меня! Я столько ночей не сплю, ожидая вас. Лучше немедленная тюрьма, лучше — смерть, чем это ужасное ожидание!!!"...

— За что же вас арестовывать? — спросил я.

— Как! Вы не знаете?! Но меня зовут... и тут он назвал фамилию крайнего реакционера, — из средних, не из главных, — писавшего в черносотенных газетах довольно бесталанные статьи, хотя и необузданные по выражениям.

— Так, — сказал я, — а затем?

— Как затем? — вскричал он. — Рухнула Россия! Рушится Царство Божие! Грядет царство иудейское. Да изопью я фиал мести иудейской!..

Я позвонил и приказал подать стакан воды, да похолоднее.

— Подайте им, — сказал я служителю, и добавил посетителю: "Не угодно ли "испить фиал мести иудейской"? Прошу пить до дна, а затем идите домой, успокойте жену и ложитесь спать.

— Как? Я — свободен?

— Да!

— Но я писал...

— Да, я иногда читал ваши статьи. Это ваше право — излагать ваши мысли. Кстати, сохранилась ли ваша переписка с доктором Дубровиным[9], г-жой Полубояриновой и др.?

— Я вот бумаги сжег, узнав об отречении Государя.

— Тогда — прощайте!..

В третий раз в эту эпоху об еврейском "вопросе" (который мы в шутку называли уже еврейским "ответом") я услыхал уже в Париже, допрашивая старейшего агента русской тайной полиции Бинта[10] (Henri Bint). Давая мне беглые показания о деятельности своей за 37 лет и описывая эпоху управления Рачковского[11], в частности же описывая провокационную работу и подделки Рачковского, Бинт сказал, что лет семнадцать тому назад по указаниям шефа, т.е. Рачковского была создана еще и такая "фальшивка" (un faux), а именно "Сионские протоколы" (Les Protocoles de Sion).

— Что было в этих "протоколах"? — спросил я, смутно вспоминая что в 1905 г. я читал какую-то книгу, в которой несколько глав были посвящены каким-то Сионским протоколам.

— Описание того, как евреи правят миром и совещаются между собой, как это лучше делать. Вообще, фантазии в жанре Дрюмона[12].

— Было ли это написано с погромной целью?

— Не знаю.

— Ну, вообще, чтобы подстрекнуть русских против евреев?

— О, да!

— Это было сделано по приказу его начальства? По приказу Департамента Полиции?

— Нет. L'Okhrana generale, Fontanka, 16[13] (так Бинт называл

в просторечии Департамент Полиции, находившийся в Петрограде, в доме № 16 по набережной реки Фонтанки), "Okhrana" не знала об затее Рачковского. Это было его индивидуальное предприятие, как и многие его листки...

— Сам ли Рачковский писал эти "протоколы"?

— Нет, писал их наш агент Головинский[14].

Бинт произносил фамилию и писал ее через K, а не через G (Kolovinsky).

— Наш агент — это секретный сотрудник Заграничной Агентуры?

— Да.

— С какого года был Головинский на службе у Рачковского?

— Помнится, с 1892 г. Я ему, как и другим, платил деньги, по приказанию "шефа", из рук в руки.

— Почему вы думаете, что писал Головинский и именно "протоколы"?

— У Рачковского было два "литератора" (hommes de lettres): Коган[15] и Головинский. Последний работал в Национальной Библиотеке и приносил главы в черновике Рачковскому. Я знал, о чем пишет Головинский.

— Нет ли у вас копии этих "протоколов"? Вы же со всего снимали для себя копии.

— Нет, к несчастью, нет. Это была очень конфиденциальная работа.

— Есть ли у вас какие-либо бумаги, доказывающие участие Рачковского в создании "протоколов"?

— Да, приказ о розыске древних противоеврейских книг в Германии.

— Хорошо, доставьте мне все те листки, брошюры, о которых вы говорили, а также и документ.

Этим кончился допрос Бинта в 1917 г. Он кратко записал свои показания по этому вопросу, как и другие — о сотнях людей и предметов. Обещанные книги и листки он не мог доставить, они оказались в его личном архиве в провинции. Увидел я их лишь в 1921 г. А его "сионский документ" я достал лишь в 1929 году, уже после смерти Бинта.

Сказать по правде, занятый не только порученными делами, но и осаждаемый российскими гражданами за границей и политическими эмигрантами, которые рвались домой и не могли в большом количестве и сразу проехать через Англию и Норвегию, я не мог заняться исследованием вопроса о литературном антисемитском апокрифе, о котором мельком упомянул Бинт.

Да и самые "протоколы заседаний Сионских мудрецов" мне казались сродни тому "фиалу мести иудейской", о котором

вопил черносотенец, увидевший в падении царизма — конец России и всего Мира.

Эпоха гражданской войны принесла возрождение еврейского вопроса. Я провел это время на Юге России. Я не буду касаться здесь противоеврейской пропаганды, которой занимался т. н. "ОСВАГ"[16] (сокращенно из слов "Осведомительное агентство"). Это учреждение было создано в Добровольческой армии при генерале Абраме Михайловиче Драгомирове[17], который придал ему облик, навеки соединенный с этим названием. Напрасно пытался ген. Деникин[18], не одобрявший ни погромов, ни погромной пропаганды, реформировать это учреждение путем приглашения Ник.Елп.Парамонова[19], который переименовал "Осваг" в "Отдел пропаганды Добровольческой Армии" и пытался организовать его заново. Друзья Парамонова советовали ему уволить полностью прежний состав Освага, как в центре, так и на местах. Но Парамонов получил от Драгомирова тяжкое наследство наряду с добросовестными техниками, подобранных Драгомировым, озлобленных черносотенцев, полагавших, что евреи должны ответить за все, и за Февральскую, и за Октябрьскую революцию, и за большевизм, и за крестьян, отнявших у помещиков усадьбы, словом, за все.

В кратковременное управление Отделом Пропаганды Парамонова погромные элементы Освага притихли, но вслед за его уходом, при К. Н. Соколове[20], развернулись вовсю. Тут-то и начались издания, вроде "перепечатки" статьи из харьковского якобы большевистского органа "Коммунист" и переиздания "Сионских протоколов" в провинциальных отделениях Освага и т. п. Я имел в руках в эту эпоху и симферопольское издание "Протоколов", и в Благовещенске - на - Амуре, и многие другие. По-видимому, и на Дальнем Востоке широко пользовались "протоколами".

В 1920-м году я приехал в Париж, в качестве простого беженца. В начале 1921 г. В. Л. Бурцев[21], натолкнул меня на мысль войти в сношения с Бинтом и в форме журнальной анкеты продолжить то, что в 1917 г. я делал в качестве официального следователя. Бинт, потерявший все свои деньги в русских бумагах и утративший русскую пенсию вследствие большевистской революции, должен был пойти на работу и служил в ведомстве восстановления местностей, разрушенных войной (Ministere des regions Liberees), вне Парижа.

Приезжая по воскресеньям в Париж, он уделял $1^1/_2$—2 часа беседе со мной.

Его краткие показания 1917 года совпадали со сведениями, опубликованными в газ. "Таймс" (Times), а также княгиней

Радзивилл (princesse de Radziwill) и г-жой Херблет[22] (Hurblutt). Я попросил его дополнить их, а также рассказать подробнее о Рачковском; а также и об его преемниках; Ратаеве[23], Гартинге (Геккельмане)[24], Андрееве[25] и Красильникове[26].

Я приобрел у него сохраненные им экземпляры подложных листков и брошюр и "Сионский документ", а также много материалов, касавшихся Ленина, Троцкого, крупных большевиков и социалистов-революционеров.

Я изложу далее показания Бинта 1921-го года и историю "Сионского" его документа, но предварительно хочу подробно рассказать, кто были Рачковский и Бинт, каковы были их взаимоотношения и в какой мере можно считать достоверными показания Бинта.

Глава II. Инициатор создания "Протоколов" П. И. Рачковский до приезда его за границу

Кто такой был Рачковский в эпоху написания "Протоколов" и каков был его общий облик? Способен ли был он задумать и осуществить такую "фальшивку", как "Протоколы заседаний Сионских Мудрецов"?!

В момент создания "Протоколов" Петр Иванович Рачковский стоял во главе Заграничной Агентуры Департамента Полиции. Он носил звание чиновника особых поручений при Министре Внутренних Дел (Fonctionnaire pour Missions Speciales pres le Ministre de L'Interieur de Russie)*. Он имел чин действительного статского советника, которому в военной службе соответствовал первый из генеральских чинов (чин генерал-майора).

Заграничная Агентура зависела от Департамента Полиции. Она создана была в 1 июне 1883 г. с целью наблюдения за русской политической эмиграцией, главным образом, во Франции и в Швейцарии**. Первым начальником Агентуры был некий Корвин-Круковский, которого вскоре же (30 мая 1884 г.) сменил П.И.Рачковский. На этом посту Рачковский пробыл 18 лет (до 15 октября 1902 г.).

---

*) Заимствую эти звания с заголовков подлинных бумаг Рачковского.

**) До 1883-го года Департамент Полиции, а до 1880-го года — III Отделение[27] имели своих отдельных секретных агентов в разных городах Европы. В 1881 г., вслед за убийством императора Александра II, по инициативе Победоносцева[28], была создана так называемая "Священная Дружина" — первая заграничная агентура в Париже, как правильно действующее учреждение. В 1883 г. после роспуска общества "Священной Дружины" ее агенты перешли по наследству к Департаменту Полиции.

Среди деятелей охраны в России за последние 40—50 лет перед падением царизма надо различать два разряда: "людей карьеры" (чиновников полиции и офицеров Отдельного Корпуса Жандармов и т.п.) и людей, участвовавших в революционном движении, совершивших акты предательства в отношении товарищей, перешедших на службу охраны сперва на роли агентов-провокаторов, а затем и штатных чиновников. К числу последних принадлежал и Рачковский.

Сперва мелкий чиновник в разных учреждениях, он в 1877 г. стал судебным следователем в г. Пинеге Архангельской губернии, где познакомился с политическими ссыльными. Он стал сотрудником либеральной петербургской газеты "Новости", а в апреле 1879 года на короткое время редактором журнала "Русский Еврей"[29].

В июне 1879 г. Рачковский вступил на путь предательства и провокации, стал агентом III Отделения и оговорил целый ряд лиц, в том числе профессоров Вагнера, Ор. Миллера, семью Семенского, судебного пристава Петербургского окружного суда, и всех их знакомых. III Отделение не очень ему доверяло и продолжало следить за ним, что вынудило его, в начале июля 1879 г. обратиться с письмом на имя управляющего III Отделения, о котором он писал, что "предан III Отделению телом и душой", просил снять надзор, мешающий ему спровоцировать членов Судебной Палаты Соколова и Недзельского (в Вильне); Рачковский ссылался на связи свои с административными ссыльными в Пинеге, высказывал готовность использовать для сыска даже свою жену, ибо "она вполне предана ему и может служить немалым подспорьем в сближении с социалистами". Управляющий III Отделением Н.К.Шмидт положил резолюцию: "Рачковский очень умный человек и будет полезен... Нечего тянуть дело, нужно условиться с ним теперь же о плате за труды". Шмидт добавил замечание, которое показывает, что он правильно понял своего нового агента: "Пусть только Рачковский несколько умерит свои порывы и действует только согласно моим приказаниям"*.

Ободренный окончательным принятием на службу в Охрану, Рачковский поспешил прислать список 38 лиц с указаниями, кто и как участвовал в революции. Главным образом оговаривал

*) Кто знает? Если бы Рачковский действовал "лишь по указаниям начальства" и "умерял свои порывы", то не появились бы на свет Божий многие плоды его провокационного фальсификаторства, в том числе и "Сионские протоколы"?!..

он супругов Семенских, укрывавших революционеров Мирского, после покушения его 13—25 марта 1879 г. на жизнь ген. Дрентельна, шефа жандармов, затем личного своего друга, известного ученого П.О.Морозова[30]; Г.В.Плеханова; "Кожина" (Л.Тихомирова)[31]; писателя Н.К.Михайловского и мн. др.

Рачковский не знал, что в III Отделении находился на службе с целью разведки крупный революционер Клеточников[32], который регулярно осведомлял партию о грозящих ей опасностях. Уже с начала июня он предупреждал о предательстве Рачковского. Сообщая о внесении полицией Рачковского в список лиц, подлежащих негласному надзору, Клеточников добавлял: "неизвестно кого хотят этим морочить!"..

Землевольцы сообщили П.О.Морозову, что Рачковский, друг его — провокатор и первым предал именно его. Морозов был возмущен "клеветою" на его друга и поспешил рассказать об этом... Рачковскому, едва не "проваливши" этим Клеточникова*. Чтобы спасти свою репутацию у революционеров, Рачковский просил начальство, чтобы 26 июля 1879 г., когда арестовывали указанных им лиц, арестовали и его. Но и это средство не помогло: 20 августа 1879 г. появилось заявление "От Исполнительного Комитета"[33]: "Исп. Комитет извещает, что П.И.Рачковский (далее шли его звания) состоит на жалованьи в III Отделении" (далее описывались приметы Рачковского), "Исп. Комитет просит остерегаться шпиона".

К периоду непосредственной провокаторской работы Рачковского в среде революционеров была поставлена точка.

Интересно отметить сообщение кн. Д.И.Бебутова[34], по-видимому, со слов Плеве[35], что последние два № (органа революционной партии "Земля и Воля"?!) были напечатаны на деньги, данные Рачковским**. Если это правда, то, несмотря на "пожертвование", Рачковскому не удалось приблизиться к центру партии "Земля и Воля".

После разоблачения его деятельности Рачковский некоторое время провел в Галиции, где он, как поляк, хотя и перешедший официально из католичества в православие, мог быть полезен по ознакомлению с польским национальным и социалистическим движением.

---

*) "Архив" "Земли и Воли", М. 1932, с. 203—204.

**) По-видимому, дело идет о № 5 и 6 "Листка "Земли и Воли".

Неизданные мемуары кн. Дав[ида] Иос[ифовича] Бебутова (рукопись, с.64/49). Он говорит о 1880-м годе.

Когда в 1881 г., вскоре после убийства имп. Александра II революционерами, возникло для борьбы с революцией аристократическое "тайное" общество "Священной Дружины", мы видим Рачковского не только членом этого общества по Москве, но и начальником московского бюро той тайной полиции, которую "Священная Дружина" завела в России и за границей для борьбы с революцией. Однако для перестраховки он был одновременно секретным агентом только что заведенного (8 декабря 1881 г.) московского охранного отделения. Во главе нового охранного отделения был поставлен жандармский капитан А.Сп.Скандраков[36], который был единственным лицом, знавшим истинную роль Рачковского.

Одним из "предприятий" Рачковского в эту эпоху был приезд его из Москвы в Киев с целью "вести революционную пропаганду среди рабочих". Прикрываясь знанием якобы члена партии "Народной Воли", таинственный "Петр Иванович" сорганизовал нескольких студентов и 2—3 десятка рабочих, уговаривал завести тайную типографию, обещая снабдить ее шрифтом, распространял нелегальные брошюры. Наконец, снабдил киевлян двумя прокламациями: "К интеллигенции" и "К братьям-рабочим", которые были расклеены в ночь с 23 на 24 ноября 1882 г. В декабре 1882 г., ссылаясь на то, что за ним следят, "Петр Иванович" скрылся из Киева.

Жандармский полковник Новицкий, арестовавший по делу о расклейках прокламаций 31 человека, быстро убедился, что все дело было результатом провокации, установил, кто был таинственный "Петр Иванович" и стал домогаться присылки ему хотя бы карточки "секретного сотрудника Г.Скандракова". Открылось, что "Петр Иванович" пригласил к себе на секретную службу, через Скандракова, бывшего киевского секретного агента Романовского.

Не одобряя провокации, Новицкий стал требовать присылки ему карточки "Петра Ивановича" из Департамента Полиции. Последний сперва отозвался, что карточки у него нет, а потом, для прекращения разговоров, потребовал в Петербург (и не вернул Новицкому) все дело о провокации Рачковского в Киеве.

Новицкий не успокоился и в 1886 г. выступил на защиту своего бывшего секретного агента Романовского, которого "Петр Иванович" снабдил в 1882 г. паспортом на имя Карпенко. По-видимому, Рачковский боялся разоблачений со стороны Романовского и попросил Департамент об аресте лже-Карпенко. Департамент включил "Карпенко" в розыскные циркуляры.

Новицкий затребовал сведения, и новый начальник Московского Охранного Отделения штабс-ротмистр Бердяев нехотя должен был признать, что в 1882 г. Рачковский был секретным агентом московского Охранного Отделения, а затем, что бывшие секретные агенты Строганов и Романовский "были направлены (в 1882 г.) Скандраковым безошибочно верно к Петру Ивановичу Леонарду, служившему в Обществе Священной Дружины и проживавшему по нелегальному виду на эту фамилию, и что настоящая фамилия Леонарда есть Рачковский"...

Новицкий знал, где находился в 1886 г. Рачковский, и все же требовал у Департамента привлечения того к ответу. Он писал: "Г.Рачковский загубил массу молодежи и рабочих сил своей провокаторской деятельностью... Своими провокаторскими действиями он ставил в ложное положение высшее Правительство, а местных Начальников Жандармских Управлений, в районе коих он провокаторствовал, ставил в невозможное служебное положение"*...

Новицкий сообщал Департаменту еще о двух случаях провокации Рачковского. Во-первых, полк. Страхов едва не сделался жертвой революционеров "в Петербург при взятии одной тайной типографии, в начале 80-х годов, которая была организована при участии г.Рачковского, как об этом передавал Помощник начальника С.Петербургского Охр. Отд. г. Янковский"...

Во-вторых, случай с киевским студентом А.М.Мушкиным. 26 декабря 1882 г. Командир Корпуса Жандармов затребовал в столицу депешей жандармов Новицкого, которые знали бы в лицо Мушкина. В 1883 г. в Петербурге Новицкий увидел своих жандармов в личной охране Министра внутр. дел гр. Д.А.Толстого. Ген.Оржевский и директор Департамента Полиции Плеве сообщили Новицкому "о полученном достоверном сведении, что Мушкин "решился посягнуть на жизнь гр.Толстого, для чего прибыл в Петербург, сбрил бороду и усы".

Новицкий знал, что Мушкин был пропагандистом, но человеком мягкого характера, совсем не террористом. Он знал, что Мушкин был тем самым студентом, которого спровоцировал в 1882 году таинственный "Петр Иванович". Новицкий догадался, что обвинение Мушкина в террористических замыслах было измышлением Рачковского, ради его карьерных целей, и

---

*) Донесение Начальника Киевского Губернского Жандармского Управления от 1 августа 1886 г. за № 1975 г. Директору Департамента Полиции. Напеч. в сб. "Социалист-Революционер", № 3, Париж, 1911 г.

доказал это Плеве и Оржевскому, после чего ему отдали обратно его жандармов.

"По долгу присяги" Новицкий весьма патетически докладывал Директору Департамента Полиции, что "будет время, настанет время, — определить невозможно, в которое заграничные действия г. Рачковского обнаружатся и разоблачатся во всей полноте и тогда настоящее мое донесение подтвердится еще более вескими данными и аргументами, опровергнуть каковые не представится никакой возможности..."

Кто знает, не настал ли теперь, спустя почти полвека, момент, о котором вещал в 1886 г. жандармский полковник Новицкий?! Нужно добавить, что в 1905 г. Новицкий счел нужным подать через кн.Святополка-Мирского[37] особую записку для имп. Николая II, подводя в ней итоги делам охраны за много лет его службы. В ней он снова и неоднократно возвращается к Рачковскому и его провокаторским приемам (киевское дело 1882 г., дело Яголковского,[38] карьера провокатора Гуровича[39] и т. п.*. Однако и в 1905 г., как и в 1886 г., обличения Новицкого не помешали карьере Рачковского, который в этот момент был поставлен во главе всего политического розыска империи.

Глава III. "Учитель" Рачковского — Судейкин. — Организация сыска за границей. — "Громкие дела" Рачковского: ренегатство вождя "Народной Воли" Тихомирова; разгром революционной типографии в Женеве

В 1883 г. Рачковский состоял при главном руководителе политического розыска, подполковнике Г.П.Судейкине[40], для которого было придумано особое звание "инспектора секретной полиции". Главной опорой Судейкина в области т. н. "внутреннего освещения" был член Исполнительного Комитета "Народной Воли", б[ывший] офицер С.П.Дегаев, секретный сотрудник полиции[41].

В своих показаниях 1917 г. Бинт говорит, что познакомился с будущим своим шефом (Рачковским) в Москве, в мае 1883 г. Его, как агента, знающего в лицо всех мало-мальски выдающихся эмигрантов, вызвали в Москву к маю 1883 г. перед коро-

*) Записка Новицкого, "Социалист-революционер", № 1-й, Париж, 1910, с. 53—113 и статья редакции "Из мира мерзости и запустения", там же, с. 114—126; ст. "Карьера П. И. Рачковского", в "Былом", № 5—6, 1917; "Былое", № 8 (1918, № 2).

нацией Александра III. Рачковский имел в это время вид скромного чиновника в вицмундире министерства внутренних дел. О нем Бинту сказали, что это секретарь Судейкина.

Рачковский воспринял у своего шефа заветы, что помимо "разведывательной деятельности" необходимо и "активное воздействие на революционную среду". С этой целью должно:

1. Возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами.

2. Распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду.

3. Передавать через тех же агентов, а иногда помощью приглашений в полицию или кратковременных арестов, обвинения наиболее опасных революционеров в шпионаже; вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной "провокационной работы".

Знакомясь с деятельностью Рачковского за границей, мы увидим, до чего рабски следовал он в течение всей своей жизни заветам "учителя"*.

После убийства Судейкина Дегаевым, который скрылся за границу, возникла надежда разыскать убийцу, взявши под наблюдение жену Дегаева, бывшую в Париже. Ее знал Рачковский, поэтому в начале 1884 г. туда его и командировал Департамент Полиции. Поручение было временное, но П.И.Рачковский сумел превратить его во многолетнее. По показанию Бинта, он поселился на окраине Латинского квартала, на улице Пьер Николь, в маленьком отеле на углу ул. Фюстель-Куланж и начал действовать. Он завел связи во французской полиции (в префектуре и в Сюртэ женераль, в журналистике). Главное же дело его составляла интрига против начальника Заграничной Агентуры Корвин-Круковского.

Уже через 2 месяца в Париж явился начальник 3-го делопроизводства (бюро) Департамента Полиции Семякин, который 12 марта 1884 г. представил проект реорганизации Заграничной Агентуры и назначения Рачковского на место Корвин-Круковского.

В конце мая Рачковский стал уже во главе Заграничной Агентуры. Он сразу показал свою инициативу. За год перед

---

*) По словам "Нового Времени" 1910 г. № 12431 (некролог П. И.Рачковского), Рачковский состоял "чиновником особых поручений при Судейкине".

тем Судейкин умолял Дегаева устроить, "например, при помощи английских kidnapper'ов", похищение живьем и доставку в Россию Лаврова[42] и Тихомирова"*.

Рачковский начал парижскую работу с хлопот об аресте Тихомирова французами и о высылке на границу, предполагалось с Германией, которая уже выслала бы его на русскую границу. Выяснилось, однако, что "экспюльсируемый" выбирал сам границу (по большей части, бельгийскую) и ехал свободно, агент же ехал с ним до границы, чтобы удостовериться, что выезд совершился.

Тогда Рачковский составил план схватить Тихомирова, как якобы душевнобольного, и в прямом вагоне увезти в Берлин, а оттуда на русскую границу. Департамент Полиции не решился на эту авантюру**.

Рачковский занялся более прозаическими делами. К числу их относилось: наружное наблюдение за проживающими за границей революционерами, для чего усилен был штат агентов-иностранцев и русских. Продолжено и усилено было дело подкупа консьержек, которые передавали агентам для просмотра, до передачи жильцам, или же вовсе выкрадывали уже полученные письма и бумаги.

Иногда консьержки открывали комнаты эмигрантов шпионам Рачковского, и те, в отсутствие жильцов, рылись в их вещах. Подкупленные почтальоны давали на три утренние часа письма (8—11 ч.). За это время агенты Рачковского вскрывали и калькировали, а затем снова запечатывали и возвращали письма почтальонам.

Заведена была система фишек, на которые заносились все русские, приезжающие в Париж. Данные для них регулярно давала, в дружеском порядке, префектура полиции.

Получались из России, размножались и раздавались агентам фотографии эмигрантов. Прислуга, консьержи и секретные сотрудники добывали для Рачковского отделения фотографии и группы, откуда переснималось нужное лицо. Чьей физиономии не хватало в коллекции (конспирация, нежелание сниматься), тех пытались снять на улице внезапно и незаметно.

С французской полицией заведена была тесная связь. Таинственное "звание" якобы "советника посольства", очень импонировало французам, жаждавшим союза с Россией.

---

*) Показания В.А.Караулова, данные 7 августа 1884 г. в Киеве полковнику Новицкому. "Былое", Париж, № 15 (редчайш.), 1913, с.30-35.

**) Архив Департамента Полиции, 3-е делопроизв., д. 1001—1884 г.

Для "внутреннего освещения" революции Рачковский обзавелся агентами-провокаторами. Вначале их было два, затем число их значительно возросло.

Не довольствуясь информацией о литературно-политической и организационной деятельности эмигрантов, Рачковский, всеми доступными ему средствами, постарался оказать морально-разрушительное воздействие на эмиграцию. Он не удовольствовался тем моральным упадком, который переживали революционеры в результате крушения "Народной Воли". Он сделал ряд попыток оторвать от революции сперва слабых, "попутчиков" колеблющихся, усталых. Потом он осмелел и приложил все усилия, чтобы овладеть вождями.

Рачковский усердно писал анонимные письма к французам, дававшим работу русским эмигрантам, предупреждая их об опасности иметь дело с "бомбистами". В других случаях он пользовался подкупленными консьержками, французами-агентами Охраны. Когда материальное положение эмигранта, и без того неважное, ухудшалось, Рачковский подсылал к нему агента-провокатора, "секретного сотрудника", который в тонкой форме должен был давать нужные советы.

1888-й год оказался особенно удачным. Один за другим подали прошения о помиловании: Павел Байдаковский, Иван Глушков, Лейзер Хазанович, Станислав Варынский, Николай Цакни, Болеслав Перро, Алексей Аркадакский, Елизавета Мощенкова (Хотинская), Всеволод Лосятинский, Михаил Ладыженский.

Одним из первых подавших прошение был Исаак Яковлевич Павловский, который, при сей удобной оказии, и принял православие. Ему и царское прощение, и православие (наречен был, вместо Исаака, Иваном) были одинаково необходимы: он стал корреспондентом реакционного "Нового Времени".

Но этого Рачковскому было мало. Ему хотелось воспользоваться душевным надрывом, усталостью и разочарованием в революции вождя заграничных народовольцев Льва Тихомирова. В течение 2 лет Рачковский старался создать вокруг Тихомирова моральную пустоту. Французская полиция, по просьбе Рачковского, изгнала Тихомирова из Парижа в глухое местечко Рэнси (Raincy). Вокруг него появлялись то один, то другой из главных секретных сотрудников Рачковского (Ландезен и Коган), а также Исаак Павловский, давно уже завязавший переговоры о помиловании с Рачковским (якобы "чиновником посольства г. Леоновым").

Мы теперь из дневника Тихомирова, опубликованного в Москве, в 1927 году, знаем, как искусно исполнили задания Рачковского и Ландезен, и Павловский! Последний держал Рачковского в курсе политической и психологической эволюции Тихомирова. В нужный момент (19 апреля 1888 г.) он удачно закинул словечко, что был, дескать, вчера на rue de Grenelle[43] (в русском генеральном консульстве) по поводу своего возвращения в Россию, где ему "секретарь какой-то" поставил в упрек дружбу с Тихомировым. — "Но Т. вовсе не революционер!"...

"Секретарь" даже привскочил: "Не может быть". Теперь мы знаем, что Рачковскому (он же "секретарь какой-то", он же "Леонов") нечего было "привскакивать" от удивления.

Через несколько дней Рачковский сказал Бинту: "Monsieur Henri", возьмите меня в слежку (en filature), как если бы я был одним из ваших клиентов-нигилистов. Проследите, с кем я встречусь в кафе, и когда мой собеседник удалится, подойдите поделиться впечатлениями ("pour me donner de vos nouvelles").

— Я последовал за шефом, — показывал Бинт в 1917 г., — шагов на 20 позади. Шеф пересек площадь Согласия и в середине rue Royale вошел в большое кафе налево. Я узнал человека, к которому он подошел и дружески заговорил. Я едва не упал от изумления. J'ai ete estomaque![44] Это был глава террористов, Лев Тихомиров!! Беседа "г. Леонова" затянулась. Возвращаясь домой, Рачковский посвятил своего подручного во все детали. Он был в восторге:

— Enfin, nous le tenons![45]

Ренегатство Тихомирова было триумфом Рачковского. Тихомиров не скоро узнал, что и брошюра его "Почему я перестал быть революционером?" была издана на деньги Рачковского: "добрый малый", Ландезен с такой открытой сердечностью предложил Тихомирову "ненужные ему самому" деньги на издание его брошюры, деньги "богатого дяди".

Еще раньше Рачковский стал было создавать нужную атмосферу вокруг другого видного эмигранта, личное если не политическое значение которого он правильно оценил. Он захотел овладеть Г.В.Плехановым, главой группы "Освобождение Труда". Но психология Плеханова была иная: Тихомиров от идеи осчастливить народ сверху путем революционной диктатуры перешел к идее проделать то же через самодержавного царя; Плеханов же от "землевольческо-чернопередельческого" анархизма перешел в идее политической борьбы во имя революционной социал-демократии. Да и персональная психология Г.В. была не та, что у Тихомирова.

Рачковский уже начал свои петли вокруг Плеханова, прилагая все усилия к ухудшению и без того тяжкого материального его положения. Но петербургское начальство не одобрило планов Рачковского. Опасны были террористы, люди, которые могли выстрелить или бросить бомбу в царя или в министров, а Плеханов говорил о рабочих, а не о бомбах. Рачковский с огорчением отказался от плана насчет Плеханова.

Другим громким делом Рачковского было разграбление типографии партии "Народной Воли", совершенное его агентами на швейцарской территории, в ночь с 20 на 21 ноября 1886 года. Типография* находилась в 1-м (по-французски в 1-м)[46] этаже, в доме № 30, по ул. Монбрильян (30, rue Monbrillant), в Женеве. В конце 1886 г. в этом помещении производился набор и верстка для отправки в типографию Карэй (Carey), для напечатания пятого тома сборника "Вестник Народной Воли", а затем фальцовки и брошюровки отпечатанных уже листов. Кроме того, здесь же печатался сборник статей Герцена, напечатанных в 1857—1868 г. в его лондонском "Колоколе". Сборник составлялся под редакцией Л.Тихомирова.

Рачковский пожелал уничтожить все, что хранилось в складе "Народной Воли". Наблюдение за помещением (снаружи) вели самые доверенные люди Рачковского, жившие в Женеве уже некоторое время: Бинт и Милевский. Они установили, что в типографии никто не живет, но в будние дни засиживаются в ней подолгу или "владелец" типографии Н.И.Жуковский[47], или главные работники типографии, эмигранты Ив.Бохановский и Галина Чернявская. В субботу же вечером и до понедельника утром в помещении никого не бывает.

Для "внутренних исследований" Рачковский направил в типографию секретного сотрудника Заграничной Агентуры Соломона Когана, который проживал в Женеве для наблюдения за тамошними эмигрантами**.

---

*) Собственно говоря, это была не типография, а наборная и книжный склад народовольцев. Печатание же набранного здесь текста производилось в к[акой].-л[ибо]. швейцарской типографии.

**) Коган, Шлиома-Зельман-Соломон, сын Моисея, мещанин г. Брацлава, родившийся в 1861 г. в г. Одессе, был в 1882 г. привлечен к дознанию о революционных кружках в г. Одессе, был арестован, дал откровенные показания, выпущен под залог, скрылся за границу. Здесь был заподозрен товарищами в предательстве, но дело о нем не было доведено до конца. Сам же Коган стал сотрудником Рачковского. Последний устроил его сотрудником в "Новости". В 1888—1889 гг. Рачковский снабжал его деньгами на издание "революционного" журнала "Свобода", который он редактировал с Гаспаром Турским, подписывая статьи "С. Княжнин". В "Новостях" писал под псевдонимом "Не-свой".

В эмиграции именовал себя Семеновским (иногда Симановским) и, наконец, Евгением Петровичем Семеновым.

В докладе своем (№ 18, от 1 декабря н.ст. 1886 г.) Рачковский писал, что "внутренние расследования" дали ему "возможность выяснить все условия существования народовольческой типографии до мельчайших подробностей". Внутренний "расследователь" (Коган) доставил Рачковскому "план квартиры вместе с подробным обозначением всего типографского имущества и его расположения по отдельным комнатам". Провокатор, навещавший типографию, указал, когда и какие листы будут доставлены в народовольческую квартиру, и подсказал наиболее удобный срок для разгрома.

Рачковский "поручил Милевскому и Бинту приступить к действию, воодушевивши их уверениями, что они будут исполнять дело первостепенной политической важности и, сообразно с этим, не останутся без надлежащих наград". Агенты эти постарались обеспечить себя от любопытства швейцарской полиции на их счет, "выехали из занимаемых ими квартир и отправили на случай неожиданного "провала" все свои документы в Париж на имя Рачковского, "а все пожитки в ближайшие пограничные пункты Франции".

Погром имущества длился от 9 часов вечера до $4^1/_2$ часов утра. Десятки пудов шрифта, залитые кислотой, слились в сплошную массу. Подавляющее количество изданий было изорвано.

"Дальнейший ход дела, — хвастался Рачковский начальству, — показал действительность всех моих расчетов. ...Среди эмиграции оставлено широкое поле для самых невероятных предположений, которые должны деморализовать до высшей степени всех русских эмигрантов. В заметке "Journal de Geneve", извлеченной, очевидно, из следственных протоколов, прямо высказываются подозрения на человека, который работал прежде в типографии, следовательно, знал все условия ее существования, а затем разошелся с "Народной Волей" по принципиальным разногласиям. Таким человеком в отношении народовольцев и их типографии является именно Плеханов"*.

Затем Рачковский самодовольно добавлял: "Последствия, имеющие произойти отсюда" (очевидно, от заподозрения Плеханова) "для всего русского революционного движения и его заграничных вожаков — очевидны". По мнению Рачковского, "важность типографии для теперешнего момента существова-

*) Трудно понять, почему Рачковский хотел свалить разгром на Плеханова. В листке, выпущенном им в ту же эпоху, Рачковский, как мы увидим далее, валил все на Элпидина![48]

ния "Народной Воли" требовала уничтожения ее, даже и при условии каких-либо дипломатических затруднений или нареканий на русское правительство"...

В заключение этот погромщик, которого Швейцария могла и должна была бы судить, вместе с его "наружными" и "внутренними" агентами, выражал мнение, что Швейцария же и виновата. "Теперь, наоборот, наше правительство может, если пожелает, выразить порицание Швейцарскому Федеральному Правительству за нарушение эмигрантами основных законов о праве убежища!"...

Однако, на случай, если бы Швейцария взяла бы его за шиворот по этому делу, Рачковский добавлял: "во всем этот предприятии и действовал, как подчиненный Вашего Превосходительства[49], вполне согласно с Вашими требованиями, как человек, ведущий сознательную борьбу с позоряшим Россию революционным движением".

За этот подвиг Рачковский получил орден св. Анны 3-й степени, чин губернского секретаря и 5000 фр. деньгами; Милевский — чин коллежского регистратора и 1500 франков; "сотрудник в Женеве" (Коган) — 3000 франков, Бинт — 1500 франков, сотрудник Л. (Ландезен) — 500 франков и т. д.

Сам Рачковский остался недоволен: не все было уничтожено, и главное — ему не доставили коллекции редчайших номеров "Колокола" 1870-х гг., лежавшей в типографии. Пришлось снова Когану, с величайшим риском на этот раз, идти в типографию и узнать, что "Колокол" лежал в ящике раздвинутого ломберного стола. Тогда в ночь на 1-е (13-е) февраля 1887 г. Бинт снова проник в типографию, нашел "Колокол" там, где указал Коган и уничтожил то, чего не докончил прошлый раз.

За это Бинту дали золотую медаль на Станиславской ленте и 500 франков денег.

Глава IV. Дело Бурцева. — Дело "бомбистов" 1890 г. — "Высокая политика" Рачковского

Третье громкое дело Рачковского, сыгравшее значительную роль в истории франко-русского союза, было "Дело бомбистов 1890 года". Сущность его заключалась в том, что, по настоянию российского посла Моренгейма, в ночь на 29 мая 1890 г. французские власти сделали обыски у массы русских и польских эмигрантов, у нескольких человек нашли взрывчатые вещества, предали последних суду исправительной полиции, который и осудил их на разные сроки тюремного заключения (за выделку и хранение взрывчатых веществ).

Все это дело было грандиозной провокацией Рачковского, осуществленной при помощи провокатора Ландэзена (Landeisen). Под этой (фальшивой) фамилией проживал в Париже 6 лет (с 1884 г.) бывший петербургский, а потом дерптский студент Арон-Абрам Мордухов Геккельман (Haeckelmann). Он состоял на службе С.Петербургского охранного отделения с 28 марта 1883 года. Заподозренный товарищами, он перешел в политехникум (Ecole Superieure Polytechnique) в Ригу, но время проводил в Дерпте. Здесь он провалил тайную типографию партии "Народной Воли", был официально разыскиваем, как "революционер", и "бежал" за границу с фальшивым паспортом на имя Ландэйзена, который получил из Департамента Полиции.

Рачковский, знавший Геккельмана, как сотрудника подполковника Судейкина, пригласил его в "сотрудники" с 1 марта 1885 года, а начальство утвердило сделку с 1 мая того же года.

"Ландэйзен" быстро проник в революционные круги. Он поселил на своей квартире народовольца Баха[50], которого стал "освещать" полностью, а тот ввел его в "салон" М.Н.Полонской[51], к Лаврову, к Тихомирову. Всем он щедро давал деньги взаймы, создавая себе репутацию "доброго малого".

Э.А.Серебряков[52], бывший морской офицер, народоволец, и секретный сотрудник Коган женились на двух сестрах (Серебряков на Екатерине (Гитле), а Коган — на Доре Тетельман). Серебряков, которого его "свояк" исправно "освещал" по начальству, много раз оказывался в руках Когана бессознательным орудием Рачковского. Так, это Серебряков познакомил Ландэйзена с группой журнала "Социалист" (редактор Ю.Раппопорт)[53] и с В.Л.Бурцевым, редактором "Свободной России" и "Самоуправления"[54].

"Ландэйзен" помог Раппопорту и Бурцеву в их поездке в Россию, снабдил деньгами (2000 франков золотом) и нелегальными паспортами. И то, и другое было дано Рачковским, который поторопился сообщить в Россию о приезде 2 "террористов". Бурцев ехал по делам нового органа, который он проектировал ("Земский Собор"), а Рачковский доносил, что Бурцев ехал, чтобы получить там бомбы, которые другие лица провезут через границу.

Еще не успели двинуться в путь Бурцев и Раппопорт, а Ландэйзен уже успел съездить в Россию с чужим якобы французским паспортом и под видом "нелегального" революционера из Парижа якобы "Миллера" вел в Москве переговоры с московскими революционерами: Истоминой и Фойницким.

Вернувшись в Париж, Ландэйзен был одним из трех эмигрантов, проводивших Бурцева и Раппопорта, уехавших в самой конспиративной обстановке. В том же поезде выехали в Австрию Бинт и другой сыщик. Бурцев быстро почувствовал слежку и остался в Румынии, Раппопорт же был арестован на границе в Унгени. Через некоторое время Бурцев уже шел в Константинополь в русское консульство — визировать данный ему Ландэйзеном паспорт. По дороге [он прочел] во французской газете об арестах "бомбистов" в Париже.

Вернувшись в Румынию, он написал в Париж, что Ландэйзен-Геккельман — провокатор. Этим временем пришло к Бурцеву письмо от Ландэйзена с требованием ехать в Россию, с упреками в недостатке решимости и т. п. Из дел Департамента Полиции за 1890-й год я вижу, что приезд Бурцева привел в движение всю полицейскую Россию. Рачковский изобразил его столь опасным террористом, что сотни агентов дежурили на всех путях, по которым мог проехать Бурцев. Из Парижа прибыли русские "наблюдательные агенты" Рачковского (Продеус и Козин), знавшие Бурцева в лицо по Парижу.

В Самару послан был чиновник особых поручений с 5 филерами (один из них — Козин из Парижа): здесь должен был приехать Бурцев по дороге к матери, в Уфу, или к тетке в Бирск. Целая орда была брошена вслед за проехавшими 25 мая 1890 г. через Москву в Царицын родными Бурцева — матерью С.А.Бурцевой, сестрой Верой и теткой г-жой Степановой. Сам Александр III осведомлялся, где может быть Бурцев.

Оказалось, что Бурцев был в Румынии и — в тяжелом положении, ибо Серебряков из Парижа предостерегал эмигрантов и особенно Доброджану (Dobrogeanu) против Бурцева, "погубившего его друга Ландэйзена обвинениями в провокации".

Бинт очень драматически рассказывал мне, как он привел в движение российское посольство и все турецкие власти, чтобы дважды пытаться снять Бурцева с английского парохода, на котором тот проехал из Болгарии в Лондон мимо Константинополя и Галлиполи.

Помимо Раппопорта и Бурцева, Ландэйзен, точнее его шеф Рачковский, примазал к делу о получении бомб в России и дочь мирового судьи Лебедеву, о приезде коей из Парижа в Москву было сообщено телеграммой, почему ее и арестовали.

Сущность дела о приготовлении в Париже русскими революционерами бомб рассказана много раз.

Истинным организатором его был Рачковский, который через Ландэйзена давал революционерам и деньги, и полезные указания, а потом, когда дело округлилось, заставил посла Моренгейма многократно, спешно в унизительной форме, обращаться к французским властям за содействием. Он заставил показать ему взятые при обысках у русских бумаги, дать ему копию карточек. Архив Заграничной Агентуры сохранил в себе ряд бумаг, из коих видно, кто из французских судебных и административных деятелей этой эпохи проявил наибольшую угодливость в отношении Рачковского, кто и какими русскими знаками отличия был награжден.

Рачковский постарался, чтобы истинная роль Ландэйзена, как его агента, как подстрекателя за счет российской казны, готовившего бомбы для русского царя, не обнаружилась. Это ему удалось, так как еще в 1903 г. Бах и другие друзья Ландэйзена горячо защищали честь этого "революционера". Ландэйзен бежал, и суд его заочно приговорил к 5-летней тюрьме (другим дали меньшие сроки).

Бинт в своих показаниях рассказывает, как Рачковский убеждал Ландэйзена не скрываться и "перестрадать". Он рисовал ему блестящие перспективы, как он, с ореолом мученика террориста, выйдет из тюрьмы, станет в центре террористов, проникнет во все их тайны и в нужный момент предаст их всех одним ударом. И они поделят между собой все награды и власть!.. Рачковский искренне волновался, убеждая Геккельмана.

Но тот, большой "bon vivant"[55], вовсе не желал страдать ни во имя революции, ни во имя безопасности Александра III. "Колоссальное доверие", которое ему создало бы в революционной среде его "мученичество", его не прельщало. Да и "шефу" он не очень-то верил.

— Дудки! — сказал он. — Упекут, а потом и не выскочишь...

К тому же честный Серебряков умолял "друга" не приносить ненужной жертвы и бежать.

Ландэйзен "бежал"... с большим удобством... Бинт добавляет: "Самый псевдоним свой новый (Аркадий Гартинг) он тогда же наметил. И почему?

— Очень просто, из-за меток на белье A. H(aeckelmann) и A. H(arting)".

Франко-русская дружба в тот момент обозначала дружбу с русским царем. Александр III понимал политическую необходимость союза, но много значил вопрос о личной его безопас-

ности, а французское правительство было ему подозрительно по симпатиям к свободе, к революции, к русским революционерам. Нужно было, чтобы французское правительство показало свое несочувствие к врагам царя и его абсолютизма. Но случая не представлялось!

И вот П.И.Рачковский сам все создал: революционерам дал деньги и динамит, французскую полицию предупредил и использовал в нужной мере, привел в действие российского посла и французских министров, сам придумал более удобную форму обвинения и суда (не подготовка покушения на царя, а изготовление и хранение динамита; не суд присяжных, а коронный, чиновничий) и т.п. Эмигранты были возложены на алтарь дружбы двух народов и принесены в жертву.

А на следующий год (1891) самодержавный царь с обнаженной головой и стоя слушал уже Марсельезу. Так, провокация Рачковского дала политические плоды.

Участие в "большой политике" понравилось Рачковскому. Через его друга Ганзена и его самого завязалась вскоре официозная переписка Парижа с Фреденсборгом, где отдыхал русский царь. Потом, уже в начале XX века, произошли попытки Рачковского организовать русское влияние на выборы папы Римского (пресеченные Победоносцевым), а затем создать во Франции широчайшую "Лигу для спасения русского отечества" ("Ligue pour le salut de la patrie russe"), целью которой была активная борьба всех французов с "бандой русских эмигрантов".

"Большая политика" и прервала карьеру Рачковского. Император Николай II, по словам Плеве, видел в Рачковском "одного из самых преданных охранителей режима и династии". В этих чувствах царя поддерживали друзья Рачковского: греческий король Георг I[56], Горемыкин[57] и генерал Гессе[58], дворцовый комендант. При одной из встреч с Рачковским Николай II снял с себя орден Владимира III степени, надел на Рачковского и неоднократно лобызался с ним.

Однако Рачковский имел неосторожность вторгнуться в ту область, которую Николай II и его супруга считали личным своим достоянием, в личные дела императорской четы. В 1901 г., когда царь и царица были во Франции, во дворце в Компьене, Рачковский доставил туда, по личному повелению царя, известного французского шарлатана pere Philippe[59]. Его гипнотические сеансы так понравились царице, что Филиппа взяли в Петербург, где он стал пользоваться большим влиянием на царскую чету.

То ли обидевшись на Филиппа за то, что он "зазнался" и пренебрегал Рачковским, то ли в ответ на запрос императрицы-матери, но Рачковский представил императрице Марии Федоровне доклад, рисовавший Филиппа в самом мрачном свете. Императрица-мать показала бумагу сыну. Тот приказал министру внутренних дел Плеве (Plehwe) представить доклад о самом Рачковском.

Между тем Плеве, еще со времени Судейкина, не любил Рачковского и не верил ему. "Не я буду, — сказал однажды Плеве князю Д.И.Бебутову, не скрывая бешенства, — если не уничтожу этого негодяя, хотя он и очень близок с Государем и в постоянной с ним переписке"... Теперь желанный момент наступил.

15 октября 1902 г. Рачковский был уволен с должности начальника Заграничной Агентуры Департамента Полиции, а 4 ноября 1902 г. оставил вообще службу по Министерству внутренних дел и вышел в отставку. Это не помешало ему еще раз вернуться к власти в 1905 году.

Подводя итоги моральному облику и всей работе Рачковского с 1879-го по 1902-й год, мы должны признать, что он был вполне способен затеять такое предприятие, как "Сионские протоколы". Как мы увидим далее, "Сионские протоколы" были не первой его "фальшивкой". Наоборот, они явились как бы увенчанием здания, сооруженного из лжи и на лживой основе.

Глава V. Подлоги Рачковского: фальшивые прокламации

В 1917 году Бинт дал мне официально, как Комиссару Временного Российского Правительства за границей, показания о том, что одним из способов борьбы с революцией, который Рачковский применял систематически, из года в год, было печатание и распространение фальшивых, якобы выпущенных революционерами прокламаций.

В 1921 году он представил мне ряд таких прокламаций, отпечатанных на гектографе. Бинт объяснил, что оригинал заготовлялся самим Рачковским (писался им собственноручно) и передавался им своим наиболее доверенным агентам: ему — Бинту — и Милевскому. Те, при соблюдении особой конспирации, печатали листки на гектографе и, счетом, сдавали отпечатанные экземпляры Рачковскому. При этом Бинт, по своему обычаю, всегда изготовлял и припрятывал 2—3 экземпляра для своего личного архива. Внешний вид этим листкам старались придавать такой, какой имели революционные издания.

Адреса на конвертах писал или письмоводитель Агентуры, или сам Рачковский. Последний лично раскладывал по конвертам и рассылал эти листки. Рачковский строго воспрещал сообщать кому бы то ни было, что это были его издания.

Такая деятельность Рачковского вполне соответствовала программе деятельности тайной полиции, начертанной в 1882 г. виднейшим представителем политического розыска того времени жандармским [под] полковником Судейкиным. Русская заграничная газета "Вольное Слово"[60], сообщая 15 июля 1882 г. в № 417 о создании т. н. Особого Отдела в составе Департамента Полиции, писала, что по инициативе Судейкина, в число задач Особого Отдела были включены: дискредитирование революционных деятелей и партий путем распространения ложных слухов, фальшивых прокламаций и т.п.

Рачковский был некоторое время секретарем Судейкина и, ставши во главе Заграничной Агентуры, начал усиленно применять на практике заветы своего учителя по части тайной полиции.

Располагая в хронологическом порядке полученные мной от Бинта листки, я нахожу на первом месте листок, изданный в Париже 17-го февраля 1887 г. за подписью "П.П.Заграфо". Авторами его были якобы агенты русской полиции "Кун и Грюн". Они писали: "Господину Элпидину угодно было публиковать нас, Куна и Грюна, в январском номере т. называемого "Общего Дела"[61], как русских шпионов"...

"Почему, однако, глумясь над нами и печатая наши приметы, он не напечатал о себе самом", — восклицал от имени Куна и Грюна подлинный автор листка — Рачковский.

..."Что такое сам господин Элпидин, этот отбросок жеребячьей породы, а ныне Женевский гражданин и издатель конституционной якобы газетки "Общее Дело"? Рачковский сообщал, что "господин Элпидин издавна уже стремился поступить на содержание к управляющему секретным политическим бюро за границей. С этой целью он... писал просительные письма Путилину, начальнику сыскной полиции в Петербурге и П.П.Заграфо в Париже, предлагая... в целях агентуры провалить обвинениями в шпионстве таких, будто бы, выдающихся эмигрантов, как Плеханов, Зелинский и Байдаковский. Наконец, в тех же видах, он, Элпидин, начал следить за народовольческой типографией в Женеве, получивши для "пробы" приказ установить личность эмигрантки, приехавшей из Парижа для работы в типографии... Не он ли, Элпидин, уверял нашего начальника,

что народовольцы, вообще, сволочь, что они завистливы, как собаки, толкутся в своей лавочке, как пауки в банке, и что, наконец, для поддержания своего пакостного существования народовольцы прибегают ко всем видам мелкого и промышленного (?) шантажа"...

Но "Кун и Грюн" заявляли, что они "не уполномочены... говорить, что было далее и почему именно Элпидину прекращена была выдача денежных подачек из секретного политического бюро"...

"Кун и Грюн" угрожали: "поднявши грязную перчатку г.Элпидина, мы сумеем швырнуть ее обратно в его опухшую от пьянства физиономию" и опубликовать биографию Элпидина... "Пусть тогда публика судит, кому более приличествует название газов — нам ли, Куну и Грюну, убежденно действующим в правительственных интересах, или "господину" Элпидину, издающему вместе с Христофоровым конституционный журнал "Общее Дело" и продающему по дешевой цене всю русскую политическую эмиграцию"...

Для пояснения этого листка надо сказать, что Элпидин, бывший студент Казанского университета, был арестован в 1862 г. по делу о т. наз. Казанском заговоре[62]", бежал за границу, устроил в Женеве типографию и книжную лавку, а с 1877 по 1891-й год издавал в Женеве же конституционный орган "Общее Дело". В конце 1886 г. Рачковскому удалось захватить в свои руки Элпидина и заставить его служить Заграничной Агентуре, сообщая ей копии писем, проходивших через его руки на имя разных эмигрантов.

Вскоре же Элпидин сделал попытку освободиться от Рачковского, тиснувши в январском номере "Общее Дело" ("La Cause Generale") статейку о русской тайной полиции за границей. На это Рачковский ответил своим листком от имени не существовавших никогда агентов "Куна и Грюна", со ссылкой на разрешение "Его Высокородия, нашего начальника, П.П.Загрофо". Последний существовал на самом деле и в свое время в 1881—1882 гг. был начальником заграничной агентуры т. н. "Священной Дружины". С 1883 г. агентура "Дружины" была передана Департаменту Полиции, с 1885 года во главе ее стоял сам Рачковский. Но для одурачения эмигрантов он пускал слухи, будто бы во главе "секретного заграничного бюро" стоит не то Загрофо, не то "Закроффо"*, а его агентами являются "Кун и Грюн".

*) Настоящая фамилия бывшего шефа была Зографо.

Прочтя листок Рачковского с недвусмысленными фразами, Элпидин смутился и прослужил информатором до 1900-го года, когда "за дряхлостью и бесполезностью" ему перестали платить. Жалованье платил ему Бинт из рук в руки. При этом Элпидин давал Бинту калькировать письма революционеров, шедшие через него, по 5 франков за штуку. По требованиям Рачковского посылал ему личные и литературные указания. Всего получил он за 13 лет "службы" Рачковскому 18000 франков золотом.

3-го марта 1887 г. Рачковский выпустил листок, письмо якобы "Старого Эмигранта" к "дорогим товарищам". Имя "старого эмигранта" не было указано, хотя обычно Рачковский не стеснялся подписаться и именем жившего за границей и здравствовавшего революционера. Автор письма писал, что предвидит, что письмо его "вызовет злобу в так называемых вожаках эмиграции". Он каялся, что при его побеге из ссылки пострадал "подневольный, как и я, Мезенский исправник", доверявший ссыльным, как "честным людям". "Экс-эмигрант" разоблачал личную жизнь Тихомирова и других эмигрантов, обвиняя Тихомирова в убийстве, а жену его в прелюбодеянии.

6 февраля 1887 г. Рачковский выпустил прокламацию, оканчивавшуюся словами: "Да здравствует Народная Воля", в которой сообщал от имени якобы молодых революционеров о создании группы "Молодой Народной Воли". Такая группа в России намечалась еще в 1884 году, но не успела определиться, как была уже арестована. Рачковский это знал, но раскол грозной террористической партии "Народной Воли" казался ему полезным и он о нем сообщал, хотя самый факт не осуществился.

По поводу этого листка П.Л.Лавров, один из литературных вождей "Народной Воли" за границей, выпустил "Письмо по поводу шпионских прокламаций" (1887) и по франц. "Declaration" (24 Fevrier 1887).

За год до этого Рачковский от имени Тихомирова рассылал его знакомым французам якобы его визитную карточку: "Leon Tigritch de Prakhvesteff" с указанием парижского адреса Тихомирова: 9, avenue Peille. Этой карточкой он хотел показать Тихомирову, что ему отлично известна революционная кличка Тихомирова ("Тигрыч" — имя Тихомирова было Лев), а фамилия, произведенная от ругательства "прохвост", показывает степень юмора Рачковского.

Совершенный его агентами разгром типографии партии "Народная Воля" в Женеве (21 ноября 1886 г.) Рачковский сперва

пытался приписать основателю российской социал-демократии эмигранту Плеханову, а когда выяснилось, что этот слух не вызвал ни в ком доверия, Рачковский выпустил снова от имени все тех же мистических "Куна и Грюна" листок якобы циркуляр, "скрепленный" тем же П.П.Заграфо, в котором "Кун и Грюн" хвалились, что это они учинили этот разгром. Однако Рачковский поостерегся указать, кто был тот эмигрант, который был вхож в типографию "Народной Воли" и помог "Куну и Грюну" своими указаниями. Это был не Элпидин и уже, конечно, не Плеханов.

В январе 1892 года Рачковский выпустил подложное письмо ("Вынужденное заявление"), якобы писанное Плехановым, причем попытался воспроизвести подлинную подпись Плеханова. Автор письма упрекает народовольцев в том, что они "воруют политические идеи Плеханова" и "обвиняют друзей его в шпионстве". Народовольцы — писал мнимый Плеханов — "выпустили, как будто от нас, бессмысленный гектограф, в котором цинически объявляется об основании в Париже какого-то Общества денежных вымогательств"...

Конечно, мнимый Плеханов от имени с.-д. (социал-демократов) протестует против этой "провокации".

Однако мнимый Плеханов намечает, что "подписанные (под листком) имена не имеют ничего общего с веселой шайкой молодцов, о которых не знаешь, где кончается революционер и где начинается шпион". Ответственность за листок должна падать на "действительных авторов". Из "Письма" выходит, что это — "ознаменовавшие себя омерзительными проделками" Кравчинские, Волховские, Войничи, Мендельсоны...

..."Даже полиция и та перестала возводить их на пьедестал, — уверяет мнимый Плеханов, — до того бьет в глаза их мелкая и крупная уголовщина"...

Мнимый Плеханов заявлял, что "после многих лет беспрерывной лжи... и всего, что выдается у нас с таким упорным меднолобием за революционное движение"... он уходит в легальную деятельность и зовет к тому же молодежь.

Нужно ли говорить, что мнимый "Плеханов" — сам Рачковский и что "веселые молодцы", объявившие от имени с.-д. о создании "Общества денежных вымогательств", — все тот же П.И.Рачковский.

26 февраля 1892 года появилась новая прокламация, в форме письма от имени "графа Грюн" и г. "фон-Кун", которые торжествовали, что выступление Плеханова в Париже в январе с

призывом к единению революционных групп для борьбы с самодержавием кончилось неудачей. После этого Плеханов "бежал в Женеву"... Как мы упоминали выше, на самом деле и Кун, и Грюн, все это — был один и тот же Рачковский. Плеханов в 4-й книжке "Социал-Демократа"[63] (1892 г.) отметил (в статье "Шпионские забавы"), что подпись его была подделана удачно и что Кун и Грюн обругали его после того, как он заявил о подложности его "Письма" (об уходе в легальную жизнь)...

Известие о создании в Лондоне общества под названием "Фонда Вольной Русской Прессы"[64] повело к изданию Рачковским особого листка, якобы от имени раскаявшегося революционера, "Старика" (на некоторых экземплярах есть подпись "П.Лавров"). Именно в марте 1892 г. Рачковский выпускает этот листок "В чем моя исповедь" от имени революционера, решившего "бросить их революционное шарлатанство и удалиться в монастырь"... "Дряхлый старик" старался доказать революционной молодежи, что "в руках опытных и сообразительных проходимцев" она не что иное, как "добрая корова", снабжающая их маслом"... "Старик" сообщал еще, что его "непостоянство" и отсутствие твердых взглядов "вынудило даже Нечаева[65] обозвать меня шпионом"... "Старик" убеждал молодежь не быть нетерпимыми и избегать подобных обвинений.

"Вспомните Тихомирова, Баха, Когана (Семеновского), наконец, уже за последнее время Шопена, Селитренникова и мн. др.

Эмиграцию "старик" делил на две партии: "народовольцев" и "социал-революционеров".

Отличительная черта первого "скопища" — "убийство из-за угла, грабежи и подкопы"... "Впрочем, русская полиция достаточно выяснила вам сущность их вожделений"... "Замечу только, что как бы народовольцы ни относились к бичующим их "шпионам", они не могут не признать, что за "шпионами" — благородство, неустрашимость и мудрость, тогда как за ними фанатическая злоба, мстительность и глупость!"

"Социалисты-революционеры" выдают себя за "реформаторов", но их теории почерпнуты "из немецких социалистических книжек". Создание группы (очевидно, Фонда Вольной Русской Прессы. С. С.) в Лондоне имеет целью "облегчить нашим заклятым врагам — англичанам — борьбу с ненавистной им Россией"... "Вы слышали, с каким свирепым усердием, с каким фальшивым унижением распинался перед вами Плеханов, доказывая необходимость объединения всех враждующих между собой социалистов-революционеров"...

"Старик" видел в этом призыве доказательство "государственной измены"... "Лучше бы Плеханов признался, что "ему жрать и пить нечего", а поэтому социалисты-революционеры "поступили на службу к англичанам и как политические шпионы иностранного правительства делают все, чтобы удовлетворить хищным побуждениям коварного Альбиона".

Судя по дальнейшему тексту, Рачковский валил в кучу с.-д. и Плеханова с "Фондом Вольной Русской Прессы в Лондоне", именовал всех социалистами-революционерами и уверял, что эта "шайка негодяев продалась Англии".

Интересна в этой прокламации одна деталь: совет не верить обвинениям в "шпионстве" и напоминания о случаях с определенными лицами.

Из последних Тихомиров, конечно, не перешел на службу в полицию и не стал предателем в грубом смысле этого слова, но ренегатом он стал и вел долгие беседы с Рачковским в эпоху перемены фронта. Обвинения против Баха, если и возникали, то лишь потому, что он имел в свое время неосторожность жить на одной квартире с крупным провокатором — Ландэйзеном (он же Геккельман), который "освещал" и его, и всех, с кем Бах входил в соприкосновение. Что же касается Когана (Семеновского), то Рачковский отлично знал, кто такой г-н Коган.

Не стану увеличивать число примеров. Рачковский пользовался гектографом для разоблачения тех, кто вступил в сношения с жандармами, но не хотел им активно служить. Пример — его прокламация "Подвиги Лондонского Фонда Вольной Русской Прессы" от 28 января 1895 г. за подписью "Один из старых народовольцев". В ней он вскрыл сношения с жандармами польского революционера Трушковского, который после 10 лет ссылки в Восточную Сибирь вступил, в интересах революции, в сношения с жандармским генералом Новицким. Трушковский рассказал эту историю в польской брошюре "В руках жандармов". Лондон, 1895 г.

Позже, когда служивший у Рачковского агентом с.-р. Н. К. Паули заупрямился, Рачковский снова прибег к гектографу и разоблачил его перед революционерами...

"Летучие Листки" Фонда Вольной Русской Прессы в Лондоне дважды отмечали фальшивые прокламации "русских шпионов за границей"*.

---

*) "Лет. Листки", № 15, 9 февраля 1895 г., № 21, 15 июня 1895 г.

В наши задачи не входит перечисление всех фальшивых прокламаций, изданных Рачковским. Для нас достаточно показать не только на основании литературных данных, но и материалов официального следствия, что создание фальшивок проводилось в жизнь Рачковским систематически и на протяжении ряда лет. Целью этих фальшивок было затемнение общественного сознания, внесение раздоров в революционную среду и т.д. Нельзя не отметить политическую безграмотность Рачковского, так в 1892 г. он смешивал (и, добавим, искренне) и социал-демократа Плеханова, и ту либерально-радикальную группу, которая создалась в Лондоне под именем "Фонда", и дает им общее название "социалистов-революционеров", противопоставляя им народовольцев. Надо признать и некоторую наивность провокационных приемов Рачковского, наивность заявлений от имени известных революционных деятелей...

Но издание листков казалось Рачковскому недостаточным средством. Он много лет снабжал разные французские органы печати ложными сведениями о революционерах, фальшивыми заявлениями от их якобы имени. Помощником его в этом деле был Ганзен (Hansen) и др. Эта область деятельности Рачковского еще вовсе не исследована. Следы ее сохранились в архиве Заграничной агентуры Департамента Полиции, и я читал в 1917 г. ряд бумаг на эту тему при ознакомлении моем с архивом Заграничной агентуры в Париже.

Глава VI. Подлоги Рачковского: брошюры

Следующий вид фальшивок Рачковского это — брошюры. С целью борьбы с Л.Тихомировым, редактором "Вестника Народной Воли" и одним из последних оставшихся на свободе членов Исполнительного Комитета партии "Народной Воли", Рачковский состряпал брошюру под названием "Исповедь нигилиста", выпущенную на французском языке. Точное ее заглавие: "Confession d'un nihiliste precedee d'une e'tude sur les Nihilistes en general par P. Ivanov, Ingenieur. Paris, Librairie generale de L. Souvaistre, 72, Boulevard Haussman, 1887, 24 p., cobv; Prix I franc".

Довольно наивно Рачковский придумал себе псевдоним: P. Ivanov от своего имени-отчества "Петр Иванович". Он добавил, что "права воспроизведения и перевода разрешаются" (Droits de reproduction et de traduction autorises). Издал он брошюру по личной инициативе, начальству же донес, лишь 16 (4) ноября 1888 г., подводя итоги по совращению Тихомирова. "Ход борьбы

с Тихомировым, — писал [он] директору Департамента Полиции П. Н. Дурново[66], — создал необходимость в брошюре, где под видом "исповеди нигилиста" разоблачались бы кружковые тайны и темные стороны эмигрантской жизни, тщательно скрывавшиеся от посторонних. Г.Гансен, выправивши французский стиль брошюры, отыскал для издания фирму, а само напечатание брошюры обошлось мне в 200 франков"*.

Брошюра состояла из двух очерков: 1) "Нигилисты вообще" и 2) "Признания нигилиста". Рачковский описывал в первом очерке нигилистов, как населяющих Латинский квартал "индивидуумов со странными аллюрами и по большей части еврейского типа", "грязных и оборванных", "обращающих на себя внимание своими резкими жестами и всем своим поведением, стеснительным часто для прохожих"... По словам консьержек, утверждал лже-Иванов, "нигилист — это русский эмигрант", который редко платит за квартиру, да и то после тысячи затруднений и вмешательства полицейского комиссара, грязнит ужасно квартиру, портит мебель и стены. Соседи нигилиста не имеют ни минуты покоя. Многочисленные друзья и знакомые нигилиста приходят к нему во всякое время дня и ночи, вопреки приличию, спорят, кричат и шумят с неслыханной бесцеремонностью"...

"По словам владельцев кафе, булочников и бакалейных торговцев, — писал автор, — нигилистам нельзя ничего давать в кредит"...

Чтобы скомпрометировать "Нигилистов" в глазах европейского читателя, Рачковский уверял, что анархисты скажут, что нигилисты — их братья, которые первыми пустили в ход "пропаганду действием", и именно от них Западная Европа научилась, каким способом быстро и верно достигать цели анархизма. Из последних деяний нигилистов Рачковский цитировал случаи, когда нигилисты убили артиллерийского полковника и ограбили его труп, чтобы пополнить этими деньгами кассу революции; с той же целью они убили в Елисаветграде помещика, его жену и 6 детей (!). "Совсем недавно" они ограбили почту близ Томска. Наконец появились со взрывчатыми бомбами на Невском проспекте**.

---

*) Архив Заграничной Агентуры Департамента Полиции, письмо Рачковского к П. Н. Дурново от 16 (4) ноября 1888 г.

**) Ссылка на "дело 1-го марта 1887 года".

По заявлениям самих нигилистов, они хотят ниспровергнуть в России политический и социальный строй "во имя принципов — заметьте это признание! — относительно коих сами они, нигилисты, еще не пришли к согласию"...

Рачковский считал необходимым для читателей его брошюры узнать нигилистов "интимно" с точки зрения их частной жизни и их психологического состояния. Он считал в этом отношении "откровением" опубликование циркулярного письма, "которое в настоящее время делает большой шум среди эмигрантов в Париже, Лондоне, Швейцарии и во всех городах, где они живут в более или менее значительном количестве. "Мы говорим, — пояснял лже-Иванов, — о "Признаниях нигилиста", подписанных "старым экс-эмигрантом".

Письмо это, как мы знаем, написано было самим Рачковским. По словам "Иванова", письмо это было "откровенно, правдиво", цель его — вырвать у нигилизма часть молодых компатриотов, обучающихся за границей".

Таким образом, в своей большой "фальшивке" Рачковский ссылался на свою же малую "фальшивку", текст которой он и воспроизвел по-французски во второй части брошюры. Он упирал на то, что революционеры не "дети русского народа" (les enfants du peuple russe), а инородцы: поляки, евреи, кавказцы и т. п.

Рачковский ("Иванов") выражал "искреннюю признательность г-же Чернявской, ибо это ей мы обязаны любезным сообщением письма старого бывшего эмигранта, и за другие ценные пояснения и сведения, основанные на неопровержимых документах, которые она нам доставила поспешно и весьма обязательно" (с. 16).

Здесь уместно заметить, что революционеры не убивали и не грабили никакого артиллерийского полковника, ни елисаветградского помещика с шестью (!) детьми; что Галина Чернявская, эмигрантка, которую Рачковский выжил перед тем из Парижа, никогда и никаких сведений Рачковскому не давала*.

*) Отметим, мимоходом, что Бинт и Милевский (согласно показаниям Бинта в 1917 г. Комиссару Временного Правительства), поселившись рядом с Чернявской, переселившейся в Женеву и работавшей в типографии "Вестника Народной Воли", регулярно забирались в ее комнату, рылись в ее бумагах, калькировали ее письма, и — формально — Рачковский ("Иванов") был прав, что многие конспиративные документы попали к нему от Чернявской, но как — он скромно умалчивал.

В "исповеди нигилиста" Рачковский изобличал "характерные черты" русской эмиграции: бесстыдные фанфаронады, чисто животные инстинкты, мерзкую жизнь, взаимную нетерпимость, склонность к шпионству и взаимным пакостям и т. д.*.

Главные удары Рачковский направлял на "вождей эмиграции", на Льва Тихомирова, которого он именовал "Львом Скорогниловым (прозвище "Тигрыч"), перенесшего за границу алтарь кровавого бога "Народной Воли". Рачковский намекал на предательство, якобы Тихомировым товарищей: "Скорогнилов, запятнавший свои руки братской кровью Лопатина[67], Караулова[68], Иванова (Сергея)[69] и др." В Тихомирове "Иванов" видел "свирепость тигра и трусость зайца".

Изобличая "отвратительные инстинкты знаменитой Марины Никаноровны Полонской"**, "Иванов" ставил ей и Тихомирову в упрек, что бегством из России они избежали участи Желябова, Перовской и других членов "Исполнительного Комитета" "Народной Воли".

"Иванов" обещал выпустить вскоре новые книги: 1) "Вестник Народной Воли". Евангелие политических убийств и 2) "Мертвые преступники пред судом живого преступника"***.

В этих новых "фальшивках" надобности не оказалось: "Вестник Народной Воли" уже не возобновлялся, а Тихомиров из революционера стал идеологом консерватизма. С истинным удовольствием Рачковский ассигновал на издание брошюры Тихомирова "Почему я перестал быть революционером" [пропуск в тексте. — *О.Б.*] фр. Сумму эту он подсунул раскаявшемуся революционеру через своего старого "секретного сотрудника" Абрама Геккельмана (Abram Haeckelmann), жившего в это время в Париже под фамилией Ландэйзена.

Новую "фальшивку" в форме брошюры Рачковский счел своевременным издать в 1892 г. О ней сообщал он (и надо отметить снова post factum) директору Департамента Полиции в докладе, от 19 марта 1892 г., следующее: "Простите, Ваше Превосходительство, за долгое и вынужденное молчание, за

---

*) Traits caracteristiques de l'emigration: une impudente fanfaronade, des instincts purement bestiaux, une vie abjecte, une intolerance absolue etc. (Pase 20).

**) Под этим именем жила в изгнании Мария Николаевна Оловенникова (она же Баранникова и Ошанина).

***) 1) Le Messager de la Volonte du peuple. Evangile d'assassinats politiques. 2) Les criminels defunts judes par un criminel vivant. Extraites des biographies des assassins terroristes d'apres les publications de Geneve.

все это время я не сидел сложа руки и помимо обычных занятий и хлопот успел составить брошюру, которая была переведена на французский язык и на днях появится в свет. В этой брошюре выставляется в настоящем свете наше революционное движение и заграничная агитация со всеми ее отрицательными качествами, уродливостью и продажностью (?!). Остальная часть брошюры посвящена англичанам, которые фигурируют в ней в качестве своекорыстных, чванливых и потерявших всякий стыд и совесть фарисеев, нарушивших международные приличия в альянсе с нигилистами. Брошюра будет отпечатана в 2 тысячах экземпляров, причем около тысячи будет разослано в Лондоне: министрам, дипломатам, членам парламента, муниципалитета, высокопоставленным лицам и во все редакции лондонских газет.

"Другая тысяча предназначается для правительственных лиц во Франции, Швейцарии, Дании, Германии, Австрии и для рассылки во все Европейские и наиболее распространенные Американские журналы"*.

Рачковский оправдывает свою инициативу так: "При господствующем антагонизме к англичанам и при всеобщем негодовании к динамитным героям, под категорию которых подведены нигилисты**, наша брошюра поднимет много шума; она и положит начало моей агитации, о необходимости которой я докладывал в своем донесении"...

Брошюра называлась "Англичане и нигилисты — союзники"*** и вышла в 1899 г., на французском языке в Париже (для пущей важности Рачковский приказал напечатать на обложке: "Женева. Независимая типография").

Причина появления брошюры заключалась в возникновении в Лондоне двух весьма активных групп — английского общества "Друзей Русской Свободы" (Friends of Russian Freedom)[70] и русского "Фонда Вольной Русской Прессы в Лондоне". Автор брошюры "П. Денисов", т.е. тот же П. И. Рачковский, видел в этих организациях "сообщничество известной части английского общества с последними обломками русской террористической фракции". Англичан он пугал С.М.Кравчинским[71], чле-

*) Архив Заграничной Агентуры Департамента полиции, собственноручный черновик письма Рачковского к П. Н. Дурново от 19 марта 1892 г.

**) Как мы показываем в другом месте, Рачковский и литературным путем, в иностранных газетах, и активно, субсидируя в 1890 г. динамитную мастерскую в Париже, постарался "подвести" эмигрантов "под категорию динамитных героев".

***) "Anglais et Nihilistes Allies. — Revelations dediees a la Jeunesse russe par P. Denissow". Geneve. Imprimerie independante 1892, 41 p. couv.

ном Фонда: это "убийца шефа жандармов Мезенцева"[72], вроде тех анархистов "из банды Равашоля[73], которые совершили на днях в Париже ужасные деяния". Перечисляя взрывы, организованные членами партии Народной Воли", "Денисов" полагал, что "Равашоль с товарищами ничего не создали нового, это простые плагиаторы". Даже добывание средств для партии при помощи убийств имело свои прецеденты среди русских нигилистов. Рачковский тут же не постеснялся привести и "пример для памяти": "убийство вдовы богатого московского купца, коей любовником один нигилист стал с единственной целью перерезать ей горло и ограбить, под ложным, само собой разумеется, предлогом пополнить массу апостолов пропаганды действием".

Русскую молодежь "Денисов" пугал союзом русской революции с англичанами, "этими истинными и наследственными врагами России". К тому же "нигилизм", некогда полный самохвальства, теперь сражен, сведен на нет или во всяком случае к полному ничтожеству".

"Денисов" уверял, что деньги, собираемые заграницей Лавровым, якобы для борьбы с голодом, пойдут на революцию. Английское "Общество друзей русской свободы" организовано для подкупа нигилистов. Революционеры, "не краснея получают (от англичан) плату за свою измену в звонкой монете".

Интересно отметить, что Рачковский и в этой своей брошюре вновь с почтением цитировал свою же собственную фальшивую прокламацию того же (1892-го) года, изданную якобы "главой нигилистов" (un chef niniliste).

Англичанам, "не стыдящимся подкупать банду профессиональных убийц"*, Рачковский напоминал, что и "мы" могли бы "организовать в Ирландии и Индии не только секретные общества, но и настоящую армию "друзей свободы".

Отметим, что эта брошюра — типичная "фальшивка" Рачковского, не лишенная наивности: он хочет одновременно осуществить две разные задачи, требующие совсем разного подхода и очень деликатного решения и особого, в каждом случае, тона.

Данные Архива Заграничной Агентуры Департамента Полиции и собственноручные доклады Рачковского по начальству вполне подтвердили показания, данные мне его доверенейшим агентом в 1917 году. Вывод из всего предшествующего ясен:

---

*) К "убийцам" относил он не только С. Кравчинского (Степняка), но и "бродягу" Волховского, невропата (?) Н. Чайковского, Гармидора, Кропоткина[73], Линева, Бурцева и поляков Мендельсона и Дембского.

создание фальшивых документов, тайное размножение их и пользование заведомо лживыми сведениями были обычным и систематическим занятием Рачковского в течение всей его полицейской карьеры. Никто, кроме Рачковского, не был так подготовлен и так способен к созданию грандиозной "фальшивки "Сионских протоколов". Для Бинта создание Рачковским "Протоколов" было фактом обычным, привычным для его "шефа", к памяти которого он, до смерти своей, относился с уважением и почтением: ведь цель создания фальшивок Рачковским на протяжении 20 лет "благая" — борьба с революцией.

Глава VII. Бинт и его "Сионский документ". Его показания 1921 г.

Показания, данные мне Бинтом относительно "Сионских протоколов", заслуживают полного доверия. Я не имел ни разу случая усомниться в его правдивости. С одной стороны, это был старейший агент Заграничной Агентуры, вся жизнь которой прошла на его глазах. С другой стороны, имея точные указания кн.Львова ликвидировать иностранных служащих Агентуры с максимальной деликатностью, избегая споров и судьбищ, я — в отношении Бинта и его сослуживцев иностранцев — явился в роли исключительно легального ликвидатора служебных отношений. Никакие личные наказания ему не угрожали. По отношению к новому режиму он выражал полную лояльность и готовность продолжать службу при Временном Правительстве. Говорил он свободно. Мог налгать на людей, если бы хотел, и хотя правда вскрылась бы, все же тень на известных лиц была бы брошена. Но он этого не сделал. Вот — пример: в то время один с.-р., ныне покойный, горячо требовал у меня проверить, был ли другой с.-р., гораздо более известный, прикосновенен к охране. Он ссылался на слухи 1906-го г., когда указываемое им лицо заподозрили в связи с полицией; затем он был другом и защитником Азефа[74]; во время войны издавал в Швейцарии пораженческий орган для распространения среди военнопленных из России в лагерях в Германии; наконец, чуть ли не вел якобы переговоры о проезде его и его группы через Германию на манер Ленина, но вовремя спохватился. Домогательства эти были так настойчивы, что я не счел себя вправе уклониться от проверки. Я вызвал Бинта в генеральное консульство и допросил его о разных моментах жизни лица, которое заподозревалось товарищем по партии.

Бинт ответил: "Пораженец он, это верно, но в сношениях с немцами никогда не был заподозрен. Моральный облик его

вам известен и не очень симпатичен; от него не пахнет геранью(!!!). Но он всегда был честным революционером и врагом Охраны"... Этот отзыв меня очень подкупил, тем более что тот же Бинт передал мне (уже в 1921 г.) копию своего доклада о посещении Лениным германской миссии в Берне (в декабре 1916 г.) и письма агента, обвиняющие Троцкого в связях с австрийским генеральным штабом.

Тот же Бинт вскрыл сотни шпионских псевдонимов и рассказал об их деяниях. Многое я знал, привезя с собой из Петрограда справки, составленные мной самим и данные мне А.А.Овсянниковым и Тютчевым[75], но многое открыл мне Бинт, особенно же то, что происходило в недрах парижской "охранки", без свидетелей.

Бинт поступил на русскую службу в 1881 г., 30 лет от роду. Интересно отметить, что "благословил" его на этот шаг не кто иной, как Дантес-Геккерен, убийца Пушкина. Дантес, как местный помещик, был мэром городка Зульца в Эльзасе, а отец Бинта — там же муниципальным советником. Гимны величию и могуществу императорской России услыхал Бинт в юности из уст Дантеса. В 1870-1871 гг. он был участником франко-прусской войны. 1 января 1878 г. он стал инспектором полиции в парижской префектуре полиции.

В 1881 г. в мае месяце по просьбе К.П.Победоносцева, секретарь российского посольства М.Н.Муравьев[76*], пригласил Бинта на службу в парижское бюро тайной полиции "Священной Дружины". Бинт спросил совета Дантеса, и тот горячо порекомендовал ему согласиться.

При Рачковском Бинт стал доверенным лицом и главой наружных агентов иностранцев. Ту же роль играл он и при последних начальниках Агентуры, а в 1913 г. стал директором якобы частного розыскного бюро Бинта и Самбона[**].

Бинт был доверенейшим лицом у Рачковского. Ради "шефа" он пошел на преступление (разгром типографии), да еще на швейцарской территории, рискуя серьезным наказанием. Он первый ввел калькирование писем на непонятном языке, усовершенствовал подкуп консьержек и почтальонов (facteurs), что тоже не одобрялось нигде местными законами. Он помогал

*) Будущий восприемник во св. крещении провокатора Геккельмана (он же Гартинг), будущий министр иностранных дел.

**) "Bureau de renseignements Bint et Sambain, 51, rue de Provence Adr. telegr. Binbain". Это бюро рассылало агентов для наружного наблюдения за русскими по Франции. Ему были подчинены агенты-иностранцы в Германии, Англии, Швейцарии, Австрии, Италии и т.д. Но с докладами к "шефу" Бинт ходил не в генеральное консульство, а на конспиративную квартиру.

Геккельману в деле с динамитом, а затем пытался устроить kidnapping[77] Бурцеву. Он уплачивал деньги "секретным сотрудникам" из рук в руки (гонорар за их работу). Он охранял высоких особ (Александра III, императрицу Марию, императора Николая II, министров и т.п.) и был им известен.

Среди других тайных деяний шефа он принял участие и в создании "Сионских протоколов". Упомянул он об этом факте в 1917 г. мимоходом, перечисляя множество других "фальшивок".

В 1921 г. Бинт уточнил свои рассказы о документе, доказывавшем что в 1905 г. Рачковский хотел продолжить и углубить работу по сочинению "протоколов". На этот раз и Департамент Полиции, и Заграничная Агентура, и другие лица приняли участие в деле.

По словам Бинта, в это время Рачковский находился в Петербурге равно как и Манасевич-Мануйлов[78]. Рачковский был "главным шефом" на Фонтанке. Он прислал в Париж приказ местному "шефу Охраны". Тот вызвал Бинта к себе и приказал ехать немедленно в Германию, особенно же во Франкфурт-на-Майне, где есть магазины и букинисты, специально торгующие т. н. Judaica. Разыскать и срочно доставить в Париж нижеследующие издания: (приводу текст по-русски, а собственноручную запись Бинта (по-франц.) в примечании: "Старую книгу, содержащую сведения о ритуальных убийствах у евреев и носящую общий заголовок "Kaballa Babel".

"Эта книга в двух различных частях.

"Первая часть "Seffer Tchetzerach" (потом Бинт исправил верх строки: "Sepher Ietsiera" (седьмого века, коей автор есть Исаак Лурье, который написал ее и опубликовал (avait fait paraitre) в XVI веке, и именно:

A. В первом издании в Зальцбурге в 1577 году и B. Во втором издании во Франкфурте-на-Майне в 1584 году и это последнее издание под заглавием "Caballa de nudata Rossen Roth-a".

"Вторая часть "Socher" (потом Бинт исправил: "Sohar") ее содержание (зачеркнуто) ее автор есть Моисей Далио из Италии.

Первая редакция этой части появилась в XIII веке.

"В 1880 г. в Пржемышле (Австрия) сделали переиздание этой последней части"*.

---

* Un bouquin ren Fermant des renseignements sur les assasinats rituels chez les juifs et portant le titre general de Kaballa Babel-Ce. Bouquin est en 2 parties differentes I partie Leffer Tchetzerach (Lepher jeisiera) du 7 siecle dont l' anteur est Isaac Lourie gui l' avait e' crit et fait paraitre dans le XVI siecle et a) En premiere Edition a Salzburg en 1577 et b) En deuxieme Edition a Francfourt sut M. en 1584 etcette derniere edition sous le titre de Cabella de nudata Rossen Roth-a

На том же листке на обороте приписаны рукой же Бинта карандашом, по-видимому, адреса букинистов во Франкфурте-на-Майне: "Strausszeil 72, — Zucher Hochst. 3. — Kaufmann bernarst. 32 (?) — 66—70" и чужой рукой более точные заглавия: "Sepher Ietsiera — Sohar".

Хотя запись приказа была без даты и писана не рукой кого-либо из начальников Агентуры, тем не менее эта бумага подтвердила слова Бинта, что Департамент Полиции, во время управления им Рачковского, подготовлял в секрете какое-то противоеврейское произведение.

По показанию Бинта книги эти требовались крайне срочно. Он немедленно отправился во Франкфурте-на-Майне к еврейским букинистам, которые сказали, что книги эти крайне редки и надо их искать.

Ему снова пришлось вернуться во Франкфурт с приказом не жалеть никаких денег и купить книги во что бы то ни стало. Ему объяснили, что книги эти не "Kappelle" и не "Kabella de nudata", а "Cabbala denudata", т.е. "разоблаченная каббала".

На этот раз книжный магазин Франтц (Frantz Buchhandluhg, am Zeil) достал ему нужные книги, одну за 2000—3000 золотых франков, а за другую in 160, маленькую книгу — 800 золотых франков. Прочитать книги он не мог — латынь и еврейский. Не успел он в Париже с вокзала привезти их к шефу, как тот приказал заклеить эти тяжелые книги в конверты и послать их заказными письмами в Петербург Рачковскому, Фонтанка № 16 (адрес Департамента Полиции).

Бинт принес, по обыкновению, сдавать пакеты в почтовое отделение на ул. Гренель, недалеко от русского посольства. Почтовые чиновники смеялись и отказывались брать пакеты, как письма, уговаривая Бинта послать бандеролью, правильно объясняя, что это дешевле. Но приказ начальства был категоричен, и он уплатил по многу франков за каждый пакет. Книг было послано 2 штуки.

Я много раз переспрашивал Бинта, и каждый раз он говорил, что Рачковский был в Петербурге, что он прислал "приказ" парижскому шефу и что пакеты были посланы Рачковскому в Департамент Полиции.

Между тем Рачковский, проведший годы изгнания своего со службы в Варшаве и в Брюсселе (ему было воспрещено его

II partie Socher (Sohar) son anteur est Moise Dallio, d' italie La premiere redaction de cette partie parait an XIII siecle.

En 1880 a Przemysl (Autriche) on avait fait une reedition de cette derniere partie.

врагом, министром внутренних дел Плеве, показываться в Петербурге или в Париже под страхом высылки в Сибирь), после смерти Плеве снова вернулся на службу и оказался в Петербурге.

Призвал его на службу товарищ министра внутренних дел и Петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов[79]. 27 июля 1905 г. Рачковский был назначен вице-директором Департамента Полиции, заведывающим — на правах Директора — политической частью. За время своего директорства он прославился тремя делами. Он выписал из Парижа Гапона, этого зарвавшегося агента-провокатора, который после 9 января 1905 г. изображал из себя политического эмигранта и поручил ему "заагентурить" с.-р. Рутенберга. Эта попытка овладеть одним из вождей революционного движения кончилась убийством Гапона[80].

Затем, с помощью жандармского офицера Комиссарова[81], осенью 1905 г., в здании Департамента Полиции втайне от начальства и чиновников Департамента, Рачковский организовал печатание погромных листков, которые распространялись: в Петербурге через доктора Дубровина, в Москве — через Грингмута[82], в Вильне — через Шкотта*.

Я полагаю, что выписка Рачковским книг, упомянутых в записке Бинта, относится к эпохе пребывания Рачковского во главе Департамента (формально его начальником был директор Департамента Гарин). По-видимому, замышлялось продолжение "протоколов", благо что перед этим Нилус[83] как раз опубликовал первоначальный текст во втором издании книги своей "Великое в Малом" (1905).

По словам Бинта, в это время, как рассказывал ему его старый сослуживец В. Милевский, "Мануйлов много писал в Петербурге" (т.е. для Рачковского и для "протоколов"). "Друг Мануйлова" перевел (для Рачковского) четыре (еврейских) книги".

Очевидно, закончить продолжение "протоколов" Рачковскому не удалось.

Когда я занялся (в 1921 г.) проверкой и распутыванием сведений Бинта, я получил от В.Л.Бурцева чрезвычайно инте-

*) Уже во время первой Государственной Думы, 14 июня 1906 г. бывший директор Департамента Полиции А. А. Лопухин послал письмо министру внутренних дел Столыпину с сообщением об этом факте, а 8 июня 1906 г. князь Урусов подтвердил эти сведения и привел слова Комиссарова: "погром устроим какой угодно, угодно — на 10 человек, угодно — на 10000 человек" (т. е. с убийством соответственного числа людей).

ресный совет, показывающий, какой это блестящий и живой журналист. Он сказал: "Если Головинский работал над составлением "протоколов" в Национальной Библиотеке, нельзя ли установить, какие, именно, книги по вопросу об евреях брал он там для чтения в течение известного периода.

"Если Головинский пользовался библиотечным экземпляром книги Жоли[84] (Joly), то не оставил ли он на нем (хотя это и запрещено) пометок "от сих до сих". Совпадение ряда отчеркиваний в экземпляре Библиотеки с цитатами из книги Жоли, вскрытыми теперь корреспондентом "Таймса" (Times) и Я.Л.Делевским[85], сразу подтвердило бы, что именно в Национальной Библиотеке совершилась работа составления подлога.

К сожалению, мне не удалось установить, что читал Головинский около 1900-го. Попутно, я установил, что Головинский писал не очень много, но что "перо" у него было живое.

Перу этого Головинского принадлежат, между прочим, "История финского народа". С.-Петербург, 1901, написанная им в сотрудничестве с Н. К. Ядрышевым и представляющая из себя простую компиляцию книги Шюбергсона, вышедшей по-шведски; статьи в "Вестник Всемирной Истории" ("Столетие Государственного Совета. 1801—1901" и др.).

Главным трудом Головинского, которым продолжают пользоваться и до сих пор, был "Новый Русско-Английский и Английско-Русский Словарь", написанный им в сотрудничестве с П.М.Стадырновым в 1890-х годах и многократно переизданный фирмой Гарнье (VIII — 692 — XII — 764 с.).

Что касается второго совета Бурцева, то и в 1921-м и в 1934-м году я имел возможность просмотреть все экземпляры книги Жоли, кроме одного, и не нашел на них пометок. Но и 13 лет назад, и теперь я наткнулся на занятный факт: один экземпляр книги Жоли зачислен в Reserve и публике не выдается. Я сперва думал, что это старое распоряжение наполеоновской цензуры, сделанное в 1864 г. (что было тогда понятно, ибо это был памфлет на императора Наполеона III, изданный за границей). Но я не мог понять, почему этот запрет столь свято соблюдается администрацией эпохи III Республики.

Чиновник читального зала, у которого я просил разрешения лишь перелистать этот экземпляр, с некоторой запальчивостью мне ответил, что эта книга не будет выдана даже для обозрения, не только для занятий.

На мое равнодушное замечание, что я подам прошение директору и тот разрешит, чиновник воскликнул: "Нет! И

директор не может разрешить без согласия особой комиссии, а она этого разрешения не даст"(?!)...

Интересно знать, что это за экземпляр книги Жоли, который так усиленно скрывает не только от публики, но и от исследователей, администрация Библиотеки?!

Что касается "Сионского документа" Бинта, то я приобрел его у него еще в 1921 году. Копию его он мне обещал дать вскоре, а затем найти и оригинал, через некоторое время он признался со смущением, что он так запрятал документ что и сам найти его не может. Но обещал, что доставит его мне, как только достанет и найдет.

В апреле 1929 г. он умер и я дал вдове его денег для поездки в Эльзас в Зульц, за остатками архива Бинта. Разбирая привезенные вдовой бумаги, я случайно надавил переплет большого регистрационного журнала, и из переплета его выпал листок, которого я был номинальным собственником в течение 8 лет.

Этим временем, в 1926 году, была сделана даже попытка отнять у меня право собственности на этот таинственный листок, которого и я сам до 1929 года не видал*.

Осенью 1926 г. Бинт предложил мне купить у него за ничтожную сумму его архив, находившийся в Париже. Я не счел себя вправе сделать это за свой счет, так как с 1924-го года был представителем в Париже Русского Заграничного Исторического Архива в Праге[86], вместе с О.С.Минором[87]. Последнему я неоднократно рассказывал о "Сионском документе", который с 1921 г. мне должен Бинт. Узнавши, что Бинт предлагает мне все документы, а я направляю его с его предложением в Архив, О. С. решил, что мы не только купим у Бинта его бумаги для Праги, но и "Сионский документ" будет у него вырван, но не для меня, а для Архива. О последнем он мне, однако, не сказал, а в Прагу написал весьма конфиденциально другу своему, директору Архива В.Я.Гуревичу.

Перед подписанием запродажной Бинт попросил внести в нее его оговорку, что в 1921 г. он продал часть бумаг Бурцеву и мне и даже недодал мне одного документа.

— Ну, что вы! — добродушно сказал ему О.С. — Кто же потребует у вас для себя однажды проданное другим.

После подписи документа всеми нами тремя (О. С. и я — за Архив, Бинт — за себя) старик (О.С.Минор) сказал Бинту: "Ну,

*) Из-за его отсутствия я не мог закончить серию статей, начатую в 1921 г. в "Последних Новостях" и "Еврейской Трибуне" и посвященную "подлогам Рачковского".

а теперь, месье Бинт, пожалуйте сюда ваш "сионский документ".

— Зачем?

— "А вы только что подписались, что продали Архиву все бумаги, касающиеся Охраны, находящиеся в вашей парижской квартире". И старик радостно улыбнулся, думая, что против его юридического приема ничто не устоит.

Бинт ответил резкостью. Я заметил, что архив мы сейчас примем и вопрос о праве собственности на чужое имущество решит уже сам пражский Архив.

И, действительно, месяца через два Исторический Архив официально уведомил меня, что он не имеет никаких прав на документ и не поддерживает притязаний О.С.Минора. Мое голое право на документ было еще раз признано, но Бинт никак не мог найти его, ни в Париже, ни в Эльзасе. И только в 1929 г. оригинал дошел до меня, и я мог написать в Прагу, что немедленно, по использовании его мной в печати, я подарю оригинал "Сионского документа" Историческому Архиву.

Каково же значение этого документа? Я нашел в Национальной Библиотеке в Париже книги, которые было приказано купить Бинту.

Значение их могут оценить лишь специалисты. Я указал редакции этого сборника[88] точные их цифры и названия. Отыскание их было облегчено тем, что в записке Бинта указано было имя комментатора их в XVII веке — Knorr von Rosenroth'a (Кнорр фон Розенрот). По-видимому, из них не было взято ничего для текста "Протоколов" в редакции Нилуса и в редакции Бутми[89]. Но быть может, в них содержатся материалы, которые Рачковский [хотел использовать] для продолжения "Протоколов" (что-нибудь о притязании евреев на господство над миром, либо об употреблении христианской крови).

Какова была роль Манасевича-Мануйлова в вопросе о "Сионских протоколах" в 1905 году? И его "друга", переводившего в 1905 г. (Бинт был категоричен в этом отношении) для Рачковского древнееврейские тексты?

Тем, кто упрекнет меня, что я в 1921 г. не исследовал вопроса о "Сионских протоколах" до конца, я отвечаю: "Архив Заграничной Агентуры был запечатан в 1918 г. Маклаковым[90], имевшим на то свои основания.

По его мнению, он должен был остаться запечатанным и в 1918 году.

Когда я беседовал с Бинтом, интерес к "Протоколам" стал падать. Всем казалось, что разоблачения "Таймса", Радзивилл, Херблет, Шайла[91], отчасти и мои прикончили эту клевету на евреев. Я же вел свою журнальную анкету, за свой личный счет покупая документы без поддержки к.-л. организации или газеты. Faci quod potui[92].

Глава VIII. Не был ли автором "Протоколов" сам Нилус? — Заключение

Считаю своим долгом упомянуть о двух лицах, которые говорили мне о возможности такого положения, при котором необходимо было бы или свести до минимума, или же и вовсе отвергнуть участие Рачковского в создании "Сионских протоколов". Первым был известный русский парламентарий Федор Измайлович Родичев, умерший в Лозанне в 1933 году*.

В 1921 году я мельком встретил его в Париже и спросил его, не известно ли ему, кто был автором Сионских Протоколов?

— "Автором этой грубой подделки, — ответил Родичев, — был С.А.Нилус. Он же и пустил "Протоколы" в обращение. Кроме "Протоколов", Нилус является автором и другой не менее грубой подделки, а именно "Предсказаний Серафима Саровского"[93]. Этот монах, живший в первой половине XIX века, был при Николае II, в 1903 г., канонизован русской православной церковью. Император Николай II с семьей лично ездил в Саровскую "пустынь" на церковные торжества по этому поводу. Бывший в эту эпоху директором Департамента Полиции Министерства внутренних дел А.А.Лопухин рассказывал Ф.И. Родичеву[94] в 1906 году, что когда Николай II собирался ехать в Сарово, то от Плеве — министра иностранных дел пришла к Лопухину телеграмма с приказом прислать в Москву, где находился царь, с особым курьером предсказания Серафима Саровского, хранящиеся в архиве Департамента Полиции. В последнем никаких сведений о святом не оказалось, о чем и телеграфировали в Москву. Оттуда пришла новая телеграмма: искать нужно не в архиве Департамента Полиции (основанном

*) Родичев был членом государственной Думы всех 4 созывов (1906—1917) и членом Всероссийского учредительного Собрания.

в 1880 году), а в архиве Третьего Отделения Собственной Его Величества Канцелярии*.

Там и нашли под 1844 годом запись предсказания Серафима Саровского, якобы сделанную симбирским помещиком Мотовиловым. "Запись эта была отправлена с курьером царю**. В "Предсказаниях" будто бы говорилось о победоносной войне с Японией и о подписании мира в Токио. Прочтя эти "предсказания", император Николай II подписал указ о назначении статс-секретарем Безобразова /(6)19 мая 1903 г./ и окончательно связал себя с компанией "авантюристов реки Ялу"[95].

Какие основания были у Ф. И. Родичева утверждать, что автором обоих подделок был Нилус, я не знаю. Он добавил тогда же, что одним из этапов пересылки обеих подделок был Берлин. Когда я говорил с Родичевым, интерес к "Протоколам" шел на убыль, с ним я вскоре же не увидался и остался при изложенных выше отрывочных замечаниях.

Второе лицо, говорившее мне, что автором "Протоколов" был сам С. А.Нилус, был жандармский генерал А.И.Спиридович[96], в 1934 году. Как и все, с кем я говорил о "Протоколах", генерал Спиридович считал "Протоколы" грубой подделкой, но отклонял мысль об участии П.И.Рачковского в создании "Протоколов". Он ссылался и на то, что такой мистический вздор мог придумать только такой маньяк и мистик, как Нилус, а не Рачковский, мысливший реально. По словам генерала Спиридовича, сын Рачковского, Андрей Петрович, в декабре 1905-го года с захватывающим интересом читал "Сионские протоколы", изданные Нилусом. Отец (П.И.Рачковский) заглянул через плечо сына и спросил, что за книгу он читает. Тот сказал. П.И.Рачковский взял "Протоколы", внимательно прочитал несколько страниц и вернул книгу, не сделавши никаких замечаний.

Самому Спиридовичу Рачковский говорил как-то, что узнал о книге с удивлением.

---

*) Т. наз "III Отделение" с 1826-го по 1880-й год было органом высшей государственной полиции, вместе с Отдельным Корпусом Жандармов, а Департамент Полиции в Министерстве внутренних дел ведал лишь делами наружной полиции. В 1880 г. дела III Отделения перешли к Департаменту.

**) Эти "предсказания" упоминаются в мемуарах Витте (т. I), а вождь либеральной оппозиции 70-х гг. И. И. Петрункевич рассказывает в своих воспоминаниях, что запрос Лопухину был от министра императорского двора, который указывал при этом, что в искомой бумаге есть предсказание войны с Японией («Архив русской революции»,т.21,с.344-345).

Что касается антиеврейских книг, найденных по приказанию из Петербурга Бинтом во Франкфурте, то генерал Спиридович полагал, что эти книги были выписаны Департаментом Полиции уже в эпоху дела Бейлиса, когда заведывающим Заграничной Агентурой Департамента Полиции был уже А.А.Красильников. По словам генерала Спиридовича, Департамент Полиции прилагал все усилия, чтобы доказать, что убийство мальчика Ющинского в Киеве (1911) было совершено не ворами, боявшимися разоблачений со стороны Ющинского, а евреями, и именно с ритуальной целью; Департамент хотел снабдить и снабдил прокуратуру в Киеве и антиеврейских экспертов всей антиеврейской литературой, какую только мог найти. Этим, по мнению генерала Спиридовича, объясняется та спешность, готовность затратить любые деньги, лишь бы нужные обвинению книги были присланы в Петербург, которые были проявлены Департаментом Полиции.

Я считаю интересным признание генерала Спиридовича, что Департамент Полиции организовывал дело Бейлиса, подбирая доказательства, что ритуальные убийства всегда существовали, покупая за бешеные деньги и за народный счет антиеврейскую литературу и снабжая ею экспертов и прокуратуру.

Но я должен отметить два обстоятельства, опровергающие предположения генерала Спиридовича. Во-первых, дело Бейлиса исследовано ныне А.С.Тагером по данным архивов Департамента Полиции, Министерства юстиции, Киевского окружного суда и т.д. Результаты исследования опубликованы в 1933 г. (А.С.Тагер "Царская Россия и дело Бейлиса", Государственное Издательство 1933). Тагер всюду искал и не без успеха доказательства того, что десятки лиц из административного и судебного ведомства знали правду о деле Бейлиса и способствовали сокрытию ее. Видную роль сыграл в этом сокрытии истины и Департамент Полиции. Несомненно, что Тагер не умолчал бы о таком важном факте, как срочная выписка за любые деньги книг через Заграничную Агентуру Департамента Полиции. Между тем об этом факте у Тагера нет ни слова.

С другой стороны, после смерти Бинта в 1929 г. вдова его доставила мне письмо А.А.Красильникова, полученное ее мужем в январе 1925-го года и оставленное Бинтом без ответа. Вот что писал последний начальник Заграничной Агентуры своему бывшему подчиненному (по франц.):

"Париж, 9-1 арр., 3 января 1925 г. Дорогой месье Анри. Ваше молчание заставляет меня думать, что я не буду иметь вскоре удовольствия видеть Вас и обращаюсь к Вам за маленькой справкой.

Могли ли бы Вы припомнить и любезно сказать мне, как называлась та старая еврейская книга, которую Вы были уполномочены разыскать и которую Вам удалось найти во Франкфурте. К какому году относится это приобретение?

Большое спасибо заранее, и я надеюсь, что этот новый год, в котором я желаю Вам счастья, не пройдет без того, чтобы я имел удовольствие повидать Вас, что зависит лишь от Вас и в тот день, когда Вам заблагорассудится, Ваш А. Красильников".

Если бы заказ Департамента шел через самого Красильникова, то он помнил бы сам и эпоху его, и то, что выписаны были книги, а не книга и т. д. Запрос Красильникова объясняется тем, что в 1924 году я настойчиво напоминал Бинту о необходимости доставить, наконец, мне приобретенную мной у него еще в 1921 г. бумагу с поручением ехать, именно во Франкфурт и приобрести там определенные книги*. Бинт рассказал об этом документе Красильникову, жившему то в Париже, то в Брюсселе, а тот генералу Спиридовичу. По словам последнего, он просил Красильникова узнать, что это за книги требовались в Департамент и в какую эпоху. Генерал Спиридович подтвердил мне, что Красильников не получил от Бинта интересовавшей его справки.

Между тем Бинт показал мне в 1917 г. и подтвердил в 1921 году, что книги затребованы были Департаментом в эпоху, когда Рачковский управлял им, и что книги были отправлены "Рачковскому в Петербург". Поэтому я продолжаю думать, что Рачковский, за счет Департамента, выписывал книги, которые он считал антиеврейскими, или для погромных прокламаций, или, как говорил Бинт, для подготовки нового, расширенного и дополненного текста "Протоколов".

Возвращаясь на момент к вопросу о Нилусе. Генерал Спиридович сказал мне, что Нилус вовсе не был полупомешанным, но добросовестно заблуждающимся мистиком. Подлоги его имели определенную практическую цель. Всем (?) известны его поступки по отношению к семье Гончаровых, в которой он был так сердечно принят. У них в библиотеке нашел Нилус

*) Листок с записанным поручением Бинт, как сказано выше, вложил в переплет тетради и не мог найти сам до самой своей смерти.

и присвоил себе книги, легшие в основу "Протоколов". Генерал Спиридович не объяснил мне, кто такие Гончаровы. По-видимому, это семья сестры его жены, урожденной Озеровой, которая была замужем за Гончаровым.

На мой вопрос, мог ли бы и желал ли бы генерал Спиридович явиться на суд по вопросу о "Протоколах", или же не написал ли бы он статью о том, что ему известно о "Протоколах", он ответил, что ни являться на суд, ни писать по этому поводу он не желает; сообщает же мне отрывочные сведения, предоставляя мне принять их во внимание при писании моей статьи, так как сам он не предполагает писать когда-либо на эту тему. Равным образом, генерал Спиридович любезно обещал мне сообщить мне все, что он найдет в архиве П.И.Рачковского по делу о "Протоколах", если там что-либо о них сохранилось.

Считаю уместным сказать, что на меня все, что я слыхал о Нилусе и все, что я читал из его произведений, произвело впечатление, что С.А.Нилус был искренним фанатиком стоявшим на границе безумия, но не фальсификатором. Печатая в 1905 г. "Протоколы", он дал им подзаголовок: "Антихрист, как близкая политическая возможность" и видел в них "разгадку великой мировой тайны".

Лица, пережившие великую российскую революцию, не могут, без волнения, читать, что еще в 1909 г. Нилус писал в своем дневнике: "Наступает время, пред которым бледнеет Пугачевщина и Разиновщина"*. Нилус был, несомненно, один из тех немногочисленных современников, вроде А.А.Блока, которые чувствовали приближающуюся бурю и кричали о ней, когда большинство ничего не предвидело и не предчувствовало. В начале 1909 г. он записывал: "мой ум и сердце отказываются смотреть иначе на все мировые современные нашему веку события, как с точки зрения совершенного исполнения пророчеств Священного писания и — в частности — апокалиптических" (там же, с. 9). В том же дневнике Нилус с доверием записывает содержание явно фальшивой якобы еврейской прокламации, будто бы выпущенной в 1909 г. в Сибири (там же, с. 272). Не менее доверчиво воспринял он и "Протоколы", сразу "объяснявшие" ему все события, как результат воздействия на мир злой и таинственной коллективной воли.

---

*) "На берегу Божьей реки. — Записки православного Сергея Нилуса.[Часть 1]. Сергиев посад. Типография Свято-Троицкой Сергиевской Лавры, 1916, с.109.

Нет! Нилус не мог быть создателем грандиозной фальсификации. Рачковский — другое дело!

Меньше всего сказал я в этой статье о фактическом исполнителе заданий Рачковского — о М.В.Головинском. Но этот компилятор, довольно грубо склеивший обрывки цитат из французского памфлета 1860-х гг.[97], и не столь важен. Гораздо важнее его преступный заказчик и вдохновитель — провокатор, предатель и фальсификатор — Рачковский. Его личность я постарался осветить в общих чертах.

Когда-нибудь вскроется роль этого человека в убийстве его двух соперников — генерала Селиверстова, министра внутренних дел Плеве и в организации всероссийских погромов после манифеста 17 октября 1905 г. Тогда исполнится предсказание генерала Новицкого, сделанное еще в 1886-м году. В и этих делах как и в деле о создании "протоколов" никогда не бывших "заседаний" "Сионских мудрецов" выяснится и воссияет Правда!

"Усе минется, одна правда останется".

С. Сватиков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Г. Бинта к С. Сватикову от 1926 года. Перевод на русский язык.

Конверт: Г-ну Сватикову. (Париж 114.Ч.26.16.45
88 Бульвар Порт Ройяль. Париж 5-й. Бульвар Страсбург)

Письмо (текст): Личное и частное письмо.

Париж 13-го октября 26 г.

Господин Сватиков,

Следуя Вашей просьбе считаю своим долгом удостоверить следующее.

1. После нашей официальной встречи в 1917 г. я Вас вновь видел в начале 1921 г. в тот период, когда Вы меня просили уступить Вам кое-какие исторические материалы, относящиеся к моей службе в Охране.

2. В результате этих переговоров я Вам дал немало устных и письменных справок, в частности я Вам весной 1921 г. передал определенное количество документов из моих частных архивов.

3. Я Вам уступил все эти документы в полную собственность.

4. Большинство этих документов касалось вопросов, которые в этот период интересовали русское общественное мнение заграницей: об измене Ленина России и подозрительных связях Троцкого в Вене, равно как и некоторых других большевиков, которые играли важную роль; и, наконец, о пораженческих организациях во время войны.

5. Кроме того, я Вам сообщил устно все, что мне известно было о фальсификации Рачковского.

6. Так как Вы интересовались также вопросом о сионском протоколе, я Вам рассказал все, что я знал о действиях Рачковского и Головинского, касающихся вопроса протокола и, как доказательство моих слов, я Вам обещал доставить документ, исходящий от моего шефа и дающий мне распоряжение отправиться во Франкфурт-на-Майне для того, чтобы отыскать у книгопродавцев несколько очень древних антисемитских книг и доставить их в Департамент полиции; но, к несчастью, я не мог откопать эту бумагу, потонувшую в огромном количестве личных и официальных бумаг.

7. Так как Вы настаивали на доставке этого документа, который я Вам официально обещал, но я, находясь по делам в Майнце, специально отправился во Франкфурт-на-Майне, дабы отыскать в книжной лавке, где я покупал эти книги, след моей покупки, я там ничего не нашел, но я прекрасно знал, что этот документ у меня где-нибудь находится и я Вам много раз повторял, что я Вам его вручу, как только я его отыщу. Годы проходили, я часто отлучался из Парижа, но встретив Вас несколько раз, я Вам постоянно повторял, что я Вам вручу обещанный документ.

8. В 1926 я проделал очень серьезную болезнь и воспользовался очень долгим периодом моего выздоровления, чтобы привести немного в порядок мои бумаги, а нашел, наконец, искомый документ при проверке бумаг, которую я предпринял в Вассербурге (Эльзасе) и я

Вам тотчас же отправил почтовую открытку, чтоб Вас уведомить об этом и как только я вернулся в Париж, я Вам послал 5-го сентября 26-го года одну копию и извинился за опоздание.

Остальные мои бумаги в Вассербурге, где находится также и оригинал.

9. Через несколько дней после этого Вы явились ко мне с предложением откупить у меня все имеющиеся у меня в Париже бумаги, касающиеся Охраны. Я очень колебался, но к концу этих переговоров начал вследствие Ваших увещеваний склоняться. На следующий день после Вашего визита ко мне явился человек, назвавший себя представителем большевиков, и предложил мне две тысячи франков за позволение ознакомиться с моими архивами и в случае, если они будут найдены интересными, он собирался откупить их за гораздо более крупную сумму. Вы знаете, г-н Сватиков, что я служил русскому правительству с 1881 г., с основания русской полиции в Париже до 1917 г., являясь ее основателем и имею, следовательно, 37 лет службы за собой, что все мои сбережения, вложенные в русские ценности, пропали и что пожизненная пенсия в 300 франков в месяц мне была назначена после 29 лет службы; будучи вследствие всего этого без средств, я, несмотря на всю соблазнительность предложений большевиков, их отклонил, сказав этому человеку, что я не хочу никаких дел с ними иметь. И именно это меня больше всего побудило продать Вам коллекцию моих бумаг, находившихся в Париже, за ничтожную сумму в 1200 франков.

10. Вы мне сказали, что Вы совершаете эту покупку за счет русского Архива в Праге и Вы явились в сопровождении г-на Минора, чтоб принять купленные бумаги.

Я Вас обоих честно предупредил, что между 1917 и 1921 годами я отдал г-ну Бурцеву и г-ну Сватикову некоторое количество документов и когда составлялся контракт о вручении я просил внести специальное примечание об уступке мной документов вышеупомянутым господам, из чего явствовало бы, что те документы не могут содержаться в коллекции, проданной Архиву. Господин Минор заявил, что эта оговорка не нужна, так как ясно, что Архив не может требовать и не потребует того, что я отдал тем господам. Но в тот же вечер он в Вашем присутствии потребовал у меня оригинал того документа, копию которого я Вам послал, он два раза повторил это требование, говоря, что он нам нужен, мы его опубликуем (это сказано было по-русски, а я достаточно хорошо понимаю русский язык). Я в Вашем присутствии сказал Минору, что документ, о котором речь идет, я уступил г-ну Сватикову, уже 5 лет, как он не является моей собственностью и я был бы бесчестным человеком, если бы продал Архиву документ, который я уступил г-ну Сватикову.

Простите мне обстоятельность этого письма, но я считал нужным остановиться подробно на всех наших отношениях, начиная с 1917 г. до нынешнего дня.

Примите, г-н Сватиков, заверение моих лучших чувств

(подпись) H. Bint 3, Villa du Bel Air (XII).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, государственный деятель. В годы Первой мировой войны — председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей "Земгора". 1 марта — 8 июля 1917 г. — министр-председатель Временного правительства.

[2] Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства создана 4 марта 1917 г. с целью расследования действий бывших министров, главноуправляющих, высших должностных лиц армии и флота царской России. Председателем комиссии был назначен юрист Н.К.Муравьев. Работала до октябрьских событий 1917 г.

[3] Керенский Александр Федорович (1881—1970) — русский политический деятель, во Временном правительстве — министр юстиции (март—апрель 1917 г.), военный и морской министр (май—сентябрь 1917 г.), 8 июля – 25 октября 1917 г. – министр-председатель.

[4] Эмигрантский комитет — организация, занимавшаяся после февральской революции 1917 г. отправкой политических эмигрантов в Россию.

[5] Агафонов (Сиверский) Валериан Константинович (1865—?) — эсер, политэмигрант. После февраля 1917 г. работал в эмигрантском комитете в Париже, в комиссии по разбору архивов бывшей заграничной агентуры.

[6] Заграничная агентура Департамента полиции основана в июне 1883 г. Ее центр находился в Париже. После февраля 1917 г. Временное правительство приступило к ее ликвидации и преобразованию в военную разведку.

[7] Наружная полиция (в отличие от политической, сыскной и т.д.) занималась непосредственной охраной общественного порядка на улицах (см.: Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996, с. 39).

[8] Родзянко Михаил Владимирович (1858—1924) — один из основателей "Союза 17 октября". В 1911—1917 г. председатель Государственной Думы III, IV созывов. В феврале 1917 г. — председатель Временного комитета Государственной Думы.

[9] Дубровин Александр Иванович (1855—1918) — врач, один из организаторов черносотенного движения. Расстрелян за антисоветскую деятельность.

[10] Бинт Анри (Генри) (1853—1929) — подданный Франции, один из старейших сотрудников Заграничной Агентуры Департамента полиции (1880—1917). В 1925 г. сотрудничал с полпредством СССР в Париже.

[11] Рачковский Петр Иванович (1853—1911) — заведующий Заграничной Агентурой Департамента полиции в 1885—1902 гг.

[12] Дрюмон Эдуард Адольф (1844—1917) — французский историк, публицист, создатель газеты "Либр пароль" ("Свободное слово"). Автор антисемитских произведений.

[13] L' Okhrana generale — Департамент полиции. Образован в 1880 г. В ведении Департамента находились охранные отделения, полиция, адресные столы, пожарные команды, органы сыска. Общее руководство осуществлял товарищ министра внутренних дел, непосредственное — директор Департамента.

[14] Головинский Матвей — литератор, журналист. С 1892 — сотрудник Заграничной агентуры в Париже.

[15] Коган Шлиома-Зельман-Соломон Моисеевич (он же Семеновский, Симановский, Семенов) — сотрудник Зарубежной агентуры.

[16] Осваг (осведомительно-агитационное отделение), с января 1919 г. — Отдел пропаганды при Особом совещании - деникинское ведомство пропаганды.

[17] Драгомиров Абрам Михайлович (1868—1956) — генерал, помощник главнокомандующего Добровольческой армии и председатель Особого совещания при Главкоме Вооруженных сил Юга России (ВСЮР).

[18] Деникин Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант, политический деятель. С апреля 1918 г. — главком Добровольческой армии, главком ВСЮР. В 1920 г. сдал командование П.Н.Врангелю.

[19] Парамонов Николай Елпидифорович (1878—1952) — донской предприниматель, общественный деятель, издатель, член кадетской партии. Работал в Донском экономическом совещании у А.М.Каледина, управляющим Отделом торговли и промышленности у П.Н.Краснова. В январе — марте 1919 г. руководил деникинским Отделом пропаганды.

[20] Соколов Константин Николаевич (1882—1927) — профессор, член ЦК кадетской партии. Участвовал в работе Национального центра. С марта 1918 г. руководил Освагом, в 1920 г. — сторонник П.Н.Врангеля.

[21] Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — публицист, общественный деятель. В 1880-х был близок к народовольцам, затем к эсерам. Издатель журнала "Былое", газет "Будущее", "Общее дело". Известен разоблачениями провокаторов Департамента полиции.

[22] Радзивилл, Херблет — давали показания по делу о "Сионских протоколах". Их показания подвергались особой критике защитниками "Протоколов", ибо содержали фактические ошибки и нестыковки.

[23] Ратаев Леонид Александрович (1860—1917) — чиновник особых поручений при Департаменте полиции, руководитель Особого отдела до 1902 г. В 1902—1905 гг. возглавлял Заграничную агентуру. После отставки жил в Париже под псевдонимом Рихтер.

[24] Гартинг Аркадий Михайлович (Геккельман Абрам, он же Ландезен) — сотрудник Департамента полиции, провокатор. В 1900—1903 гг. — заведующий берлинский агентурой. В 1905—1909 гг. руководил всей Заграничной агентурой. В 1909 г. уволен в отставку.

[25] Андреев — ротмистр отдельного корпуса жандармов. В 1909 г. некоторое время был заведующим Заграничной агентурой.

[26] Красильников Александр Александрович (1864—?) — заведующий Заграничной агентурой в 1909—1917 гг. Инициатор "реформ" в агентуре. Предложил создать легальное частное сыскное бюро, настоящей целью которого должен был быть политический сыск.

[27] III отделение Собственной его императорского величества канцелярии — орган политического сыска и надзора в Российской империи в 1826—1880 гг. После упразднения III отделения его функции перешли к Департаменту полиции.

[28] Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — юрист, с 1886 г. — сенатор, в 1880—1905 гг — обер-прокурор святейшего Синода, идеолог контрреформ Александра III; "Священная дружина" (Добровольная охрана) — нелегальная организация, созданная в 1881—1882 гг. консерваторами после убийства Александра II с целью противодействия радикалам. Члены организации планировали убийства ряда видных революционеров.

[29] "Русский еврей" — еженедельное издание, выходившее в Санкт-Петербурге в 1879—1884 гг.

[30] Морозов Петр Осипович (1854—1920) — историк литературы, театровед.

[31] Тихомиров Лев Александрович (1852—1923) — в 1870—1880-х русский революционер-народник. В 1888 г. раскаялся, стал сторонником монархии.

[32] Клеточников Николай Васильевич (1846—1883) — агент Исполкома "Народной воли". С 1879 г. работал в III Отделении, предупреждал революционеров об акциях тайной полиции. В 1882 г. приговорен к вечной каторге. Умер в Петропавловской крепости.

[33] Исполнительный комитет — руководящий орган партии "Народной Воли".

[34] Бебутов Давид Осипович (1859—1916) — князь. Один из учредителей первых со времен запрета (1822 г.) масонских лож в России.

[35] Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — с 1902 г. министр внутренних дел, шеф Отдельного корпуса жандармов, сторонник жесткой линии по отношению к радикалам. Убит 15 июля 1904 г. эсером Е.Созоновым.

[36] Скандраков Александр Спиридонович (1849—1904) — служащий по жандармскому управлению, возглавлял московское охранное отделение. С 1902 г. прикомандирован к Департаменту полиции, чиновник особых поручений при министре внутренних дел.

[37] Святополк-Мирский Петр Данилович (1857—1914) — князь, генерал-адъютант. С 1900 гг. — командир отдельного корпуса жандармов. В августе 1904 — январе 1905 гг. — министр внутренних дел.

[38] Яголковский Киприан Филиппович — агент П. И. Рачковского, участвовал в акциях Заграничной агентуры. Арестован в Сербии, выдан российскому правительству, служил в охранном отделении Санкт-Петербурга.

[39] Гурович Михаил Иванович (Моисей Давыдович) (1863—1915) — провокатор с 1884 г. В 1902 г. разоблачен.(См.: „Вехи", М., 1991, стр. 112)

[40] Судейкин Георгий Порфирьевич (1850—1883) — жандармский подполковник. С начала 1881 г. — заведующий агентурой Санкт-Петербургского охранного отделения, с 1882 г. — инспектор тайной полиции. Убит народовольцами. Отец известного художника Сергея Юрьевича Судейкина.

[41] Дегаев Сергей Петрович (1857—1921) — штабс-капитан, народоволец. С 1882 г. участвовал в провокациях охраны против революционеров. В 1883 г. покаялся перед Исполкомом "Народной воли". Участвовал в убийстве Г.П.Судейкина, затем скрылся в Америку, где стал профессором математики.

[42] Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — революционер, философ, социолог, публицист. В 1883—1886 гг. — редактор "Вестника Народной воли".

[43] На улице Гренель 79 находилось русское генконсульство в Париже. Согласно особому циркуляру 1884 г. на консулов была возложена обязанность заниматься политическим сыском не только по линии МИД, но и Департамента полиции.

[44] J'ai ete estomaque! — Я был ошарашен! (Фр.)

[45] Enfin, nous le tenons! — Наконец мы его держим! (Фр.)

[46] То есть на втором этаже по принятому в русском языке счету.

[47] Жуковский Николай Иванович (1833—1895) — русский революционер, анархист. В 1869—1872 гг. — член I Интернационала, сторонник Бакунина.

[48] Элпидин Михаил Константинович (1835—1908) — русский эмигрант. В 1866—1906 гг. владел типографией в Женеве, издал первое собрание сочинений Н.Г.Чернышевского. С 1886 г. — информатор Заграничной агентуры.

[49] Рачковский обращается к директору Департамента полиции.

[50] Бах Алексей Николаевич (1857—1946) — народоволец, впоследствии эсер. Ученый-химик, академик АН СССР.

[51] Полонская (Ошанина, Оловенникова) Мария Николаевна (1853—1898) — член Исполнительного комитета "Народной воли", затем парижской "Группы старых народовольцев".

[52] Серебряков Эспер Александрович (1854—1921) — участник военной организации "Народной воли". Впоследствии эсер.

[53] "Социалист" — политическое социально-революционное обозрение, единственный номер которого издал в Женеве в июне 1889 г. Раппопорт Юдель — революционер, редактор журнала "Социалист". В 1888 г. выступил с идеей "Проекта союза русских социально-революционных групп". Арестован в 1889 г. при переходе российской границы.

[54] "Свободная Россия" — журнал, издававшийся в феврале—мае 1889 г. (вышло три номера) в Женеве под редацией В.Л.Бурцева и В.К. Дебагорий-Мокриевича. "Самоуправление" — нелегальная газета группы социалистов-федералистов, издававшаяся в 1887—1889 гг. в Женеве (вышло четыре номера). В ее создании принимали Н.К.Михайловский и В.К.Дебагорий-Мокриевич.

[55] bon vivant — счастливчик (фр.). Здесь в значении "человек, любящий жить в свое удовольствие".

[56] Георг I (1845—1913) — король Греции с 1863 г. Добивался создания "Великой Греции", способствовал вовлечению Греции в Балканские войны.

[57] Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) — в 1895—1899 гг. — министр внутренних дел, в апреле—июле 1906 г. и 1914—1916 гг. — председатель Совета министров.

[58] Гессе Петр Павлович (1846—1905) — генерал-адъютант, с 1896 г. — дежурный генерал при Николае II

[59] pere Philippe — отец Филипп (фр.) — См. о нем прим. 13 к письму Б.И.Николаевского Вере Кон.

[60] "Вольное Слово" — еженедельное издание. Выходило в 1881—1883 гг. в Женеве (62 номера) под ред. М.П.Драгоманова на средства "Священной дружины".

[61] "Общее Дело" — ежемесячная газета кружка русских эмигрантов. Вышло 112 номеров. Редактировали газету М.К.Элпидин, А.Х.Христофоров, В.А.Зайцев.

[62] "Казанский заговор" — попытка поднять восстание весной 1863 г. в Поволжье в поддержку польского восстания 1863—1864 гг. К следствию было привлечено 40 человек, 5 казнены.

[63] "Социал-демократ" — литературно-политическое обозрение группы "Освобождение труда". Выходило в Лондоне и Женеве в 1890—1892 гг. (4 книги).

[64] "Фонд Вольной Русской Прессы" — организация русских полит-эмигрантов в Лондоне в 1891— нач. XX в. Издавала "Летучие листки" при участии Н.В.Чайковского, С.М.Кравчинского и др.

[65] Нечаев Сергей Геннадьевич (1847—1882) — русский террорист, идеолог заговорщичества. Автор ультрареволюционного "Катехизиса революционера". В 1873 г. приговорен к 20 годам каторги, умер в Алексеевском равелине.

[66] Дурново Петр Николаевич (1845—1915) — в 1884—1893 гг. —

директор Департамента полиции, в 1905—1906 гг. — министр внутренних дел, с 1906 г. — член Госсовета.

[67] Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — русский революционер, литератор. Работал в Генеральном совете I Интернационала. Осужден в 1887 г. по процессу "21-го". В 1905 г. освобожден.

[68] Караулов Василий Андреевич (1854—1910) — революционер-народник.

[69] Иванов Сергей Андреевич (1859—1927) — революционер-народник, член Распорядительной комиссии "Народной воли".

[70] "Друзья Русской свободы" — английское общество, возникшее в 1890 г. Действовало как союзник русских политэмигрантов.

[71] Кравчинский Сергей Михайлович (С.Степняк) (1851—1895) — революционер-народник, писатель, один из основателей "Фонда вольной русской прессы".

[72] Мезенцев Николай Владимирович (1827—1878) — с 1876 г. — шеф жандармов. Убит С. М. Кравчинским.

[73] Равашоль Леон Леже (1860—1892) — французский анархист, террорист.

[74] Азе́ф Евно Фишелевич (1869—1918) — провокатор. В 1892—1908 г. — штатный агент охранки, одновременно с 1903 г. — руководитель Боевой организации эсеров. В 1908 г. был разоблачен.*

[75] Тютчев Николай Сергеевич (1856—1924) — революционер-народник. С 1904 г. — эсер. В 1918 г. работал в Комиссии по раскрытию секретных агентов русского политического сыска.

[76] Муравьев Михаил Николаевич (1845—1900) — граф, русский дипломат, в 1897—1900 гг. министр иностранных дел.

[77] Kidnapping — здесь: похищение (англ.).

[78] Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869—1918) — журналист, чиновник Департамента Полиции, известный авантюрист.

[79] Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) — в 1896—1905 гг. — московский обер-полицмейстер, с 11 января 1905 г. — генерал-губернатор Санкт-Петербурга.

[80] Гапон Георгий Аполлонович (1870—1906) — священник, организатор "Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга". Руководил шествием рабочих к царю 9 января1905 г. Был убит эсерами как провокатор, руководил казнью эсер Рутенберг Петр Моисеевич (1879—1942).

[81] Комиссаров Михаил Степанович (1870—?) — генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. В 1905—1909 гг. заведовал секретным отделением в Департаменте полиции, в 1905—1909 гг. работал в охранном отделении Санкт-Петербурга, с 1915 г. — в охране Г.Е.Распутина.

*См.: „Вехи", М., 1991, стр. 112

[82] Грингмут Владимир Андреевич (1851—1907) — с 1887 г. — редактор "Московских ведомостей". Один из организаторов "Союза русского народа".

[83] Нилус Сергей Александрович (1862—1929) — религиозный писатель.

[84] Жоли Морис (1829—1879) — французский адвокат, публицист, чей памфлет "Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье" (1864) был использован при изготовлении "Протоколов Сионских мудрецов". Плагиат составил около половины текста.

[85] Делевский Ю. (Юделевский Яков Лазаревич) (1868—1957). Журналист, социолог, член партии эсеров. В 1923 г. в Берлине вышла его книга. "Протоколы сионских мудрецов (История одного подлога)".

[86] Русский Заграничный Исторический архив (РЗИА) — образован в 1924 г. в Праге. В 1945 г. был захвачен СССР и большей своей частью вошел в ЦГАОР (ныне — ГАРФ).

[87] Минор Осип Соломонович (1863—1932) — революционер-народник, затем член ЦК партии эсеров. В 1917 г. — председатель Московской городской Думы. Впоследствии эмигрант, один из редакторов эсеровской "Воли России".

[88] Видимо, речь идет о редакции сборника, в котором планировалась несостоявшаяся публикация работы Сватикова.

[89] Бутми (Кацман Георгий Васильевич) (1856—?) — дворянин, литератор, один из лидеров "Союза русского народа", о текстологических особенностях осуществленных им в 1906—1907 гг. публикаций "Протоколов" см.: Дудаков С.Ю. История одного мифа. М., 1993.

[90] Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) — адвокат, один из лидеров партии конституционных демократов, депутат II—IV Государственных Дум. В 1917—1924 гг. — посол во Франции. Впоследствии Маклаков передал Архив Заграничной агентуры в Гуверовский Институт (США).

[91] Шайла дю А. М. — отставной подъесаул Войска Донского. Был знаком с Нилусом, опубликовал о нем и его роли в распространении "Протоколов" ряд статей в газете "Еврейская трибуна": "Воспоминания о С.А.Нилусе и Сионских протоколах (1909-1920)" (1921, №72,1 4 мая), "Источники подлога" (1921, № 93, 7 октября).

[92] Faci guod potui — Сделал что мог (лат).

[93] Свод соответствующих пророчеств преп. Серафима, в том числе известных по публикациям С.А.Нилуса, и нетождественного им продолжения из архива Департамента полиции (а не III отделения), см.: Угодник Божий Серафим. Валаам, 1993. Том 1. С. 167-176.

[94] Родичев Федор Измайлович (1853—1932) — юрист, один из основателей партии кадетов.

[95] Безобразов Александр Михайлович (1855—1931) — глава группы сторонников агрессивной политики на Дальнем Востоке. В 1903—1905 гг. — статс-секретарь; река Ялу (Ялуцзян — кит.) — река на границе Китая и Кореи.

[96] Спиридович Александр Иванович (1873—?) — генерал-майор отдельного корпуса жандармов. В 1906 г. стал начальником дворцовой охраны. Автор служебных пособий по истории большевиков и эсеров.

[97] Имеется в виду памфлет М. Жоли. "Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье" (1864). В 1868 г. памфлет был переиздан. См.: Сватиков С.Г. Конец сионских протоколов.//Общее Дело. 1921. № 430. 20 сентября.

Б.И.НИКОЛАЕВСКИЙ - ВЕРЕ КОН (БРОЙДО)

Публикация и примечания О.В.Будницкого

30 августа 1964

Дорогая Верочка,

письмо твое от 23 августа получил, а вчера пришло дополнительное, от 26.VIII. Ашера я не вспоминаю, Каткова знаю, равно как хорошо знаю Кристофа[1]. Последнему помогу, но я убежден, что он в архиве парижской охранки ничего не найдет, т.к. в нем о Протоколах ничего нет, - и никогда не было. Я повторяю, что Рачковский вообще к составлению Протоколов отношения не имел и иметь не мог ни на одном этапе своей карьеры. Именно в этом пункте была основа моего расхождения с остальными русскими экспертами на Бернском процессе, которые считали Рачковского закулисным вдохновителем всей кампании против "Сионских мудрецов" и на этом строили свои выступления. Начало моего расхождения с Бурцевым[2], Делевским[3], Сватиковым и др. по вопросу о роли Рачковского относятся еще ко времени писания книги об Азефе[4], когда самая тщательная проверка обвинений, которые тогда выдвигали против Рачковского, показала их необоснованность. Во время работы над историей Протоколов эта оценка роли Рачковского окрепла. Конечно, я ни в какой мере не идеализирую Рачковского. Он и прохвост, и погромщик, и все, что угодно, - но он был умным и ловким человеком, который и свою большую карьеру делал, и деньги зарабатывал в рамках поддержки большой политики Витте[5]. Основное содержание всей борьбы в Париже, для нужд которой и были созданы Протоколы, была борьба вокруг этой политики Витте и займов, которые Франция начала тогда давать России на индустриализацию последней, и политикой старой, которая главной задачей имела поддержку сельского хозяйства, т.е., конечно, хозяйства помещиков. Совсем не случайно эта борьба сомкнулась с борьбою, которая велась во Франции за основные линии ее внешней политики. Правящие круги последней полностью были за политику реванша против Германии[6], а потому искали сближения с Россией, но намечалось два типа реванша: близкий реванш военный и реванш, рассчитанный на значительное время и требовавший подготовки. Внешняя политика немедленного реванша военного была свя-

зана с политикой усиления роли военной партии во внутренних делах Франции, - планами той или иной формы военного переворота. Именно в этой последней политике большую роль играла Жюльетта Адан[7], связанная в начале своей карьеры с либеральными и даже радикальными элементами. В 80-х годах она издавала очень интересный ежемесячник, - "Нувель Ревю", ездила в Россию, где пыталась проникнуть ко двору, установила длительные связи с московскими поздними славянофилами и с антианглийскими русскими реваншистами, мечтавшими о том времени, когда русские штыки заблещут на южных склонах Памира, предвещая крушение британской империи. Александр III, после больших колебаний, встал на сторону сближения с Францией, но не для немедленной внешнеполитической авантюры, а для индустриализации России, - стал верным союзником Витте, который опирался во Франции на оппортунистов[8]. Главной силой последних было официальное масонство. Рачковский сыграл в этом повороте Александра III значительную роль. Ганзен[9], маклеровавший эту форму сближения России с Францией, в своих воспоминаниях рассказывает, что Морен-гейм (тогдашний русский посол в Париже)[10], сторонник и инспиратор Ганзена, не смог сдать доклады последнего официальным путем, т.к. русское министерство иностранных дел было против политики сближения с Францией, - и эти доклады шли через Рачковского, у которого были связи личные с кн.Оболенским, гофмаршалом[11], который передавал их царю. В этих условиях политика Рачковского не могла не быть за Витте, - он не мог не быть против и Ж.Адан, и Циона[12].

Ты говоришь о возможности, что в [18] 93 г. Рачковский был против Циона, а позднее, около 1902 г., позицию изменил. За это нет никаких данных. Выступление Рачковского против Филиппа[13] было объективно выступлением в пользу Витте. Я не говорю уже о том, что Филипп был действительно темной личностью (прямой предшественник Распутина), - но несомненно, что он был и за политику авантюр на Дальнем Востоке. Есть много оснований полагать, - точных данных нет, - что Витте так или иначе инспирировал выступление Рачковского против Филиппа. Не случайно Витте после своего назначения в октябре [19] 05 г., поставил Рачковского во главе Департамента полиции, - и совсем не случайно Плеве так поспешил с удалением Рачковского в [19] 03 г.

Все эти документы, конечно, проходили вне парижской официальной охранки. В архиве последней о них нет никаких

упоминаний. Конечно, этот архив я знаю еще очень поверхностно, - тем более, что разборку его производили люди, ничего не понимающие ни в архивной технике, ни в русской истории, и разбираться в уцелевших материалах очень трудно даже при хорошем знании эпохи, - но я не только знаю общую архивную полицейскую практику, но и имел возможность поверхностно осмотреть личный архив Рачковского, где хранилось много его личной переписки (этот архив был продан немецким антисемитам из "Вельтдинст" и, по-видимому, погиб).

Весь анализ общей обстановки решительно говорит за полную неграмотность утверждения о Рачковском, как авторе или покровителе "Протоколов", - таких автора и покровителей Протоколов надо искать совсем в другом лагере, - в лагере сторонников франко-русского сближения на путях активной антинемецкой политики. Дату 1898-99 гг. ты выводишь из косвенных данных: книга Леона Буржуа[14], выборы Лубе[15] и др. Эти данные не убедительны. Книга Буржуа действительно вышла в 97 г., но его первые выступления в этом духе относятся еще к концу 80-х гг., о необходимости на ответственные посты проводить людей, замаранных в Панаме, /одно слово нрзб./ писал еще в 93 г. и т.д. Протоколы вообще были пущены в ход несколько раз, - первый раз в /18/93-94 г., когда их в Россию привезла Юстина Дм. Глинка, помещица Черньского уезда, Тульской губ., дочь бывшего посла в Бразилии[16]. О ней данных мало, - кое-что писала радикальная французская печать в /18/82 г., когда была вскрыта ее роль в организации парижского отдела Священной Дружины[17]. Но по-настоящему ее биографии я не знаю. Ее происхождение из Черньского уезда важно потому, что в этом уезде, поблизости, было имение вел.кн. Сергея[18], а предводителем дворянства в уезде был А.Н.Сухотин, которому Глинка дала привезенный ею "перевод" Протоколов. Сухотин передал его Фил.Петр. Степанову, - из старой дворянской семьи Степановых, связанных с Самаринымиа[19] и пр. Сам Ф.П.Степанов в 1890-х гг. был прокурором Московской синодальной конторы, как он писал в своем аффидевите[20], составленном в Югославии 17 апреля 1921 г.(копия его лежит передо мною). Степанов получил эту рукопись от указанного Сухотина, соседа Степанова по имению, и сначала издал ее на гектографе в 1895 г. в количестве 100 экз., а затем, при помощи Арк. Ип. Келеповского[21] (кажется, брат известного черносотенца), тогда чиновника особых поручений при вел. кн.Сергее, напечатал в Московской губернской типографии. Экземпляр

литографированного издания оказался в Румянцевской библиотеке, в собрании Пашуканиса, - фотокопия (дефектная) была прислана из Москвы для бернского процесса, - должна иметься у меня. У меня должно иметься письмо проф. В.Строева, бывшего помощника директора Государственного архива в Петербурге, который мне сообщил, что читал в этом архиве переписку вел. кн.Сергея с Плеве , в которой Сергей просил о переиздании Протоколов, но Плеве, тогда статс-секретарь, уклонился.

Таким образом, факт издания Протоколов в 1895 г. несомненен. Повторяю, в ход их пускали несколько раз (я знаю, что было издание Бутми и затем известное издание Нилуса). Их надо было бы сопоставить, - т.к. есть любопытные варианты (есть вариант об устранении от престола слабосильных правителей, - он направлен против Николая II, которого хотела устранить в 93-94 г. партия вел.кн.Сергея, - и мать была за устранение).

Сказанное - только небольшой кусочек картины борьбы вокруг Протоколов. Рачковскому на ней места нет, - ни к созданию, ни к распространению Протоколов он отношения не имел. Существуют, - не помню, имеются ли у меня, - показания сына Рачковского, который рассказал, что около 19[07]-08 гг. отец застал его за чтением Протоколов, - и советовал не тратить время на этот вздор. Я считаю, что это правда.

Ты понимаешь, что в этих условиях мое выступление, если бы я сказал, что думаю о Рачковском, было бы ударом в спину "русским экспертам" и объективно дезорганизовало бы кампанию против Гитлера. Теперь Гитлера нет. Позднейшие находки все подтверждают мой вывод. Строить разоблачения Протоколов на основе обвинения против Рачковского - неправильно, - бороться против них можно только вскрывая полную правду о сложном переплете всех указанных интриг. Это требует большой дополнительной работы. У меня собрано много материалов, но их одних недостаточно, а кроме того, не знаю, когда до них доберусь и не знаю, все ли уцелело. Ведь я привез сюда свыше 26 тонн библиотеки и архивов, половина лежит еще не распакованной[22]. Кристоф помочь не сможет. Протоколы, думаю, снова станут актуальной вещью: в Испании создалось подобие антисемитского международного центра, выходит ряд новых изданий Протоколов, в историю последних нужно вписывать новую огромную главу о роли Протоколов при Гитлере. Интерес к последним растет. В Вашингтоне комиссия Сената приняла особую резолюцию. Здешний Еврейский рабочий

комитет просит меня написать статью, - я ведь последний оставшийся в живых русский эксперт (кажется, и не русский тоже). Изучение Протоколов становится на очередь. Я охотно помогу твоему мужу, - но до ноября никак не поспею; а главное - не вполне уверен, что все уцелело. И вообще я ведь не знаю, примет ли твой муж те выводы, которые я делаю[23], - а давать материал для обоснования неправильных выводов мне не кажется целесообразным... Таково положение, которое еще более усиливает неопределенность. Не знаю, что и посоветовать.

Пока всего доброго. Приветы твоему мужу. Жму руку.

Hoover Institution Archives. Stanford University, Stanford, California, USA. Boris Nicolaevsky Collection. Box 20. Folder 24. Машинопись. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Ашер Абрахам - американский историк, Джордж (Георгий Михайлович) Катков (1903 - 1985) - английский историк русского происхождения; Кристоф Л.- американский историк.

[2] См. прим. 21 к предыдущему тексту.

[3] См. прим. 87 к предыдущему тексту.

[4] Николаевский написал две книги о знаменитом провокаторе Е.Ф.Азефе, шефом которого одно время был Рачковский - "Конец Азефа" (Л.,1926) и "История одного предателя: террористы и политическая полиция" (Берлин, 1932). Судя по контексту, речь идет о второй из них.

[5] Витте Сергей Юльевич (1849 - 1915) - в 1892-1903 гг. занимал ключевой пост министра финансов; главной своей задачей в области экономики считал индустриализацию страны, для чего считал необходимым привлечение иностранного капитала. В 1905-1906 гг.- первый «конституционный» премьер-министр России.

[6] Имеется в виду реванш после поражения Франции в франко-прусской войне 1870-1871 гг., приведшей к образованию единой Германии и отторжению от Франции Эльзаса и Лотарингии.

[7] Адан Жюльетта (1836-1936), урожд. Ламбер - французская писательница и журналистка, влиятельная хозяйка политического салона, горячая пропагандистка франко-русского союза. В 1889 г. издала книгу "Святая Русь" ("La Sainte Russie"); на русском языке издавались ее роман "Дурнушка" (Спб.,1894) и "Воспоминания о генерале Скобелеве" (1886).

[8] Оппортунистами называли во Франции умеренных республиканцев. Термин восходит к выражению temps opportun (в удобное время), впервые употребленным лидером республиканцев Л.Гамбеттой.

[9] Неустановленное лицо.

[10] Моренгейм Артур Павлович (1824 - ?) - барон, русский посол в Париже в 1884-1897 гг.

[11] Оболенский (Оболенский-Нелединский-Мелецкой) Владимир Сергеевич - князь, флигель-адъютант, гофмаршал при Александре III.

[12] Цион Илья Фаддеевич (1842 - 1912) - крещеный еврей; профессор-физиолог, преподавал в Петербургском университете и Медико-хирургической академии; публицист реакционного направления, был близок к М.Н.Каткову. Служил чиновником особых поручений в министерстве финансов при И.А.Вышнеградском. Им же уволен в отставку по обвинению в получении взятки в 1888 г. Перебрался во Францию, где возобновил занятия публицистикой, резко критикуя экономическую политику Вышнеградского и в особенности его преемника С.Ю.Витте.

[13] Филипп (Низье-Ансельм-Вашо) (1850-1905) - французский гипнотизер и спирит; пользовался славой целителя, излечивавшего

нервные болезни. Будучи представленным царской чете в 1902 г. в Париже, произвел сильное впечатление и был приглашен в Россию. Пользовался влиянием на царское семейство. Филиппу в России присвоили от имени Военного министерства степень доктора медицинских наук, хотя врачебного диплома он не имел вовсе. Николай II пожаловал ему чин действительного статского советника. Выступление Рачковского против Филиппа (письмо императрице-матери Марии Федоровне о связях Филиппа с масонами) привело к потере им места заведующего Заграничной агентурой Департамента полиции.

[14] Буржуа Леон (1851 - 1925) - французский политический деятель, радикал; неоднократно занимал различные министерские посты, несколько раз был премьер-министром. Принимал активное участие в расследовании панамской аферы. Очевидно, имеется в виду вышедшая в Париже в 1897 г. книга Буржуа "Education de la democratie francaise, discours prononces de 1890-96" ("Воспитание французской демократии, откровенные рассуждения о 1890-96 гг.").

[15] Лубе Эмиль (1838 - 1929) - президент Франции в 1899-1906 гг.

[16] Глинка Юлиана (Юстина) Дмитриевна (1844 - 1918) - дочь дипломата, последняя должность которого - посол в Лиссабоне. Фрейлина императрицы Марии Федоровны. Увлекалась спиритизмом, была близка к известной теософке Е.П.Блаватской. В 1902 г., по-видимому, предлагала "Протоколы" сотруднику газеты "Новое время". (См.: **Кон Норман**. Благословение на геноцид. М.,1990. С.61-62).

[17] "Священная дружина" - организация, созданная после цареубийства 1 марта 1881 г. под покровительством министра двора И.И.Воронцова-Дашкова с целью самочинной борьбы против террористов; "взволнованных лоботрясов", как прозвал "дружинников" М.Е.Салтыков-Щедрин, не удовлетворяла деятельность официальной власти. Священная дружина была распущена по настоянию Департамента полиции.

[18] Сергей Александрович (1857 - 1905) - великий князь, четвертый сын Александра II, дядя Николая II, пользовавшийся в начале его царствования большим влиянием на августейшего племянника. С 1891 г. - московский генерал-губернатор, ознаменовал начало своего управления высылкой евреев из города.

[19] Старинный дворянский род, из которого вышли известные славянофилы Ю.Ф. и Д.Ф.Самарины и обер-прокурор Синода А.Д.Самарин.

[20] Аффидевит - письменное показание, данное под присягой.

[21] Келеповский Аркадий Ипполитович - впоследствии служил люблинским, лифляндским, псковским и харьковским губернатором; его брат Сергей Ипполитович (1873 - ?), землевладелец Херсонской губернии, депутат II и III Государственных Дум; входил во фракцию националистов.

[22] Собрание Б.И.Николаевского в архиве Гуверовского Института;

ныне оно разобрано и описано его вдовой А.М.Бургиной и завершившим эту работу после ее смерти М.Джекобсоном.

[23] Н.Кон при подготовке своей книги использовал многие сведения, сообщаемые по его просьбе Николаевским в письмах к В.Кон-Бройдо; однако по вопросу об "авторстве" "Протоколов" он все-таки не согласился со знаменитым архивистом."...есть довольно веские основания обвинять Рачковского в фабрикации тех фальшивок, которые впоследствии породили "Протоколы" (**Кон Норман.** Указ. соч. С.40). Что же касается Циона, причастность которого к фабрикации "Протоколов" подозревал Николаевский, то Кон считал немыслимым, чтобы "серьезный человек такого интеллектуального уровня, как Цион, мог опуститься до написания грубой антисемитской фальшивки" (там же. С.67).

ПЕРСОНАЛИИ

Роман Городницкий

Г.А.ГЕРШУНИ - «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» ЭСЕРОВСКОГО ТЕРРОРИЗМА

В истории российского революционного движения до сих пор немало "белых пятен". Однако непроясненность многих моментов биографии Г.А.Гершуни - случай поистине уникальный, между тем как этот человек являлся одним из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров (ПСР), а также, по образному выражению историков, крестным отцом эсеровского террора[1].

Григорий Андрееевич (Герш Исаак-Ицкович) Гершуни родился, согласно сведениям Департамента полиции, 17 сентября 1870 года (родные Гершуни указывали иную дату - 18 февраля 1870 года) в имении Таврово Телешевского уезда Ковенской губернии. Это имение тогда арендовали его родители - Исаак Матвеевич и Ревекка Иоакимовна. Он был их пятым ребенком. Через три года семья переехала в город Шавли Ковенской губернии, где была приписана к мещанскому сословию. По свидетельству брата Гершуни - Виктора, Григорий рос задумчивым, замкнутым и застенчивым ребенком[2]. Пяти лет его отдали в хедер и только с восьми лет стали обучать русской грамоте. В 1880 г. Гершуни поступил в приготовительный класс Шавельской гимназии. Учился он средне, никем из педагогов отмечен не был. Гимназические товарищи любили и ценили Гершуни главным образом как организатора игр, любимой из которых для него была игра в солдаты.

Любопытно, что после событий 1 марта 1881 г., когда было объявлено о смерти Александра II, Гершуни, который питал к покойному императору очень нежные чувства, проплакал почти целый день и долго не мог успокоиться[3].

После окончания 5-ти классов в 1885 г. родители решили отдать его в аптеку, где, по их мнению, он должен был сделать лучшую карьеру.

Под руководством своего дяди Гершуни учился на аптекарского ученика в посаде Сольцы Псковской губернии, затем в Старой Руссе, а 1887-88 годы провел в аптеке в Кронштадте. Насколько он был далек тогда от увлечения революционными идеями, свидетельствует тот факт, что он принял деятельное участие в устройстве вечера в пользу дома трудолюбия, за что удостоился письменной благодарности от Иоанна Кронштадтского[4].

Осенью 1888 г. в Киеве Гершуни сдал экзамен на аптекарского ученика и переехал в Петербург. Вскоре он увлекся чтением и стал тяготиться работой, которая отнимала много времени. Однако с небольшими перерывами он прослужил в разных аптеках до 1895 г. Следует заметить, что со времени отъезда из родительского дома Гершуни содержал себя сам.

В 1890 г. у него открылось кровохарканье, и он отправился на лето к родителям в Лодзь, куда они тогда переехали и где его отец служил в филиальном складе бумажных мануфактур Карла Шейблера. Болезнь длилась недолго, и вскоре Гершуни совершенно выздоровел.

В начале 1890-х Гершуни вращается в Петербурге в самых различных кругах. Среди его знакомых встречаются студенты, артисты, литераторы. Он сам пишет рассказ "Как быть", в котором описывается убийство одного из членов революционного кружка, заподозренного в провокации.

В 1895 г. Гершуни уехал в Киев и поступил вольнослушателем на курсы медицинского факультета Университета св. Владимира для получения звания провизора. В университете он увлекается философией, начинает проявляться у него и общественная жилка. В марте 1896 г. Гершуни был арестован, ему инкриминировалось участие в противоправительственном сообществе "Союзный Совет Киевских студенческих организаций и землячеств". Гершуни действительно примыкал к "Союзному Совету", но призывал его беречь силы и не устраивать никаких манифестаций ввиду возможных арестов. Но на допросах Гершуни сумел убедить жандармов, что его деятельность не носила преступного характера, и дознание о нем было прекращено.

Сдав экзамен на провизора, Гершуни в 1897 г. уехал в Петербург и занял место управляющего в одной из аптек, но вскоре решил подыскать себе такое занятие, при котором он был бы более независим. Гершуни на некоторое время уехал в Москву, работал на курсах бактериологии, затем в институте экспериментальной медицины, а весной 1898 г. приехал в Минск и открыл там химико-бактериологический кабинет. К этому времени он окончательно проникся социалистическими идеалами. Как свидетельствует его брат В.И.Гершуни, "борьбу он решил вести на два фронта: с одной стороны, легально-культурной работой поднять общий уровень масс, с другой - нелегально[5]". По его инициативе в Минске была открыта начальная школа для еврейских детей, а при ней вечерние курсы для взрослых.

При Минском обществе врачей Гершуни организовал народные чтения, и молодежь стала стекаться на них. Кроме этого, Гершуни открыл передвижной музей школьных пособий и устраивал школьные праздники для детей.

Гершуни все более и более тянется к мировоззрению, выразительницей которого раньше была "Народная воля", - он начинает оказывать технические услуги революционным группам, устраивает мастерскую станков для нелегальных типографий, создает паспортное бюро (изготовление подложных документов), нелегально переправляет революционеров за границу и т.п. Гершуни примыкает к кружку, который осенью 1899 г. принимает наименование "Рабочая партия политического освобождения России" и скоро становится центральной фигурой в этой организации.

К этому времени относится его знакомство с Е.К.Брешко-Брешковской, оказавшее на жизнь Гершуни решающее влияние. Брешко-Брешковская вспоминает, что Гершуни пользовался каждым удобным случаем, чтобы побеседовать с ней, ознакомиться ближе с условиями революционного движения, узнать ее мнение о значении террора в борьбе за политическую свободу[6].

В 1900 г. "Рабочая партия" печатает программную брошюру "Свобода", написанную спутницей его жизни Л.М.Клячко и отредактированную самим Гершуни. В брошюре доказывалась необходимость организации боевого отряда для открытой борьбы с правительством. В это время Гершуни безусловно верил, что в России удастся создать единую партию, в которой сольются все революционные силы. Убедившись впоследствии в несбыточности подобных планов, Гершуни не переставал страдать от этого[7].

В январе 1900 г. Гершуни, прибывший в Москву на фармацевтический съезд, привлек внимание полиции. За ним стали следить, выявили весь круг его минских знакомых. Вскоре, в марте 1900 г., была обнаружена нелегальная типография, а 19 июня 1900 г. на основании агентурных данных был арестован и сам Гершуни. Доставленный в Московское охранное отделение, он представил там 6 июля заявление, назвав его откровенным и чистосердечным. Однако сведения, которые давал Гершуни о себе, были откровенно лживыми и имели целью обмануть начальника московской охранки С.В.Зубатова. Отрицая свою связь с нелегальными организациями, Гершуни уверял: "С положительностью заявляю, что ни к какой партии я активно

не принадлежал, ни в каких организациях участия не принимал, в систематических деловых сношениях с революционерами не состоял"[8]. Подобное поведение никогда, в принципе, не одобрялось в радикальных кругах, и Гершуни для сохранения своей свободы пошел на нарушение неписаного кодекса революционной чести. Того же 6 июля 1900 г. Зубатов освободил Гершуни из-под стражи и, препроводив его заявление в Департамент полиции, добавил, что «"заявитель даже и в обыкновенной жизни человек "двусмысленный"»[9].

Эта история заставила Гершуни задуматься над своей дальнейшей судьбой, и он решает перейти на нелегальное положение. Это было как нельзя кстати, так как весной 1901 г. арестованная Клячко начала давать откровенные показания, в которых выявилась истинная роль Гершуни в организации противоправительственного движения. 25 апреля 1901 г. состоялось постановление об аресте Гершуни и привлечение его к дознанию. Однако уже 9 февраля 1901 г. Гершуни покинул Минск, некоторое время жил в Петербурге, а затем, перейдя на нелегальное положение, полностью отдался революционному движению, выступая в качестве представителя западных эсеровских групп на переговорах с другими организациями ПСР. Летом 1901 г. Гершуни начинает объезжать многие города России - Нижний Новгород, Самару, Саратов, Уфу, Воронеж и др. - всюду устанавливая связи и исполняя ответственные поручения. К осени 1901 г. он заручается полномочиями от многих эсеровских групп и прибывает за границу с объединительными планами, которые не замедлили реализоваться: приблизительно в декабре 1901 г. в Берлине Е.Ф.Азеф и М.Ф.Селюк, обладая всеми необходимыми полномочиями от северных групп, и Гершуни, имеющий такие же полномочия от южных групп, завершили формальное объединение ПСР. Тогда же, как пишет Чернов, Гершуни доверяет ближайшим товарищам "свои самые сокровенные планы в области террористической борьбы"[10]. Впрочем, уже в сентябре 1901 г., во время своих разъездов, Гершуни начал вербовать людей для Боевой организации (БО) и выяснять отношения эсеров "к возможным террористическим актам"[11].

Итак, созданная стараниями и тщаниями фактически одного Гершуни, БО оформилась к началу 1902 г., а официально заявила о себе после первого террористического акта, произведенного 2 апреля 1902 г.

По каким же принципам строилось любимое детище Гершуни - Боевая организация, из кого она состояла? Короткий и

ясный ответ на эти вопросы можно найти в показаниях В.М.Чернова для Судебно-следственной комиссии по делу Азефа: "Собственным центром БО, диктатором ее, в настоящем смысле этого слова, был Гершуни. Что касается остальных членов ее, то хотя число их достигало до 12-13 человек или может быть даже до 15, то они были в большинстве своем, так сказать, потенциальными членами БО, т.е. им было дано со стороны Гершуни принципиальное его согласие на участие их в террористических делах БО, причем они должны, соответственно этому, устранившись от местных дел и соблюдая величайшую конспирацию, быть готовыми в любой момент к прибытию для совершения какого-либо дела. В то же время из состава всех этих лиц двое стали его ближайшими помощниками, и им он передавал время от времени свои функции, функции организаторства. Эти лица были - Крафт, которого он называл помощником №1, и в отсутствие Крафта - Мельников"[12].

Для осуществления первого задуманного террористического акта Гершуни нашел прекрасного исполнителя. Им был юноша Степан Валерьянович Балмашев. В начале 1902 г. Балмашев проживал в Саратове, где у него были тесные связи с эсерами - Л.П.Булановым, П.П.Крафтом и др. Буланов вспоминал, что со слов Гершуни ему было известно о знакомстве последнего с Балмашевым, которое произошло в Киеве еще в 1901 г.[13] Тогда, по-видимому, и произошел между ними сговор. Гершуни выспросил у саратовских эсеров все, что им было известно о Балмашеве. Они аттестовали его как человека спокойного и выдержанного, несмотря на свою молодость. Гершуни окончательно остановил на нем свой выбор. О планах Балмашева знали в Саратове П.П.Крафт, Л.П.Буланов, С.Г.Клитчоглу. Они же снабдили его средствами для совершения террористического акта[14].

Вначале покушение было назначено на 25 или 26 марта, затем его перенесли на 2 апреля 1902 г. Балмашев поехал в Петербург, причем револьвером и отравленными пулями снабдил его Крафт. В конце марта Балмашев и проживавший вместе с ним в Выборге Гершуни разработали и уточнили все детали операции. Министр внутренних дел Сипягин был обречен. 2 апреля 1902 г. в помещение Комитета Министров явился Балмашев, переодетый в адъютантскую форму, и, выждав прибытие Сипягина, подошел к последнему со словами, что привез пакет с бумагами от великого князя Сергея Александровича и произвел в него два выстрела. Сипягин скончался через полтора

часа. После выстрелов Балмашев громко сказал: "С этими людьми так и нужно поступать"[15]. Прибывший на место происшествия управляющий делами Комитета Министров А.Н.Куломзин спросил у Балмашева: "Ведь Вы, наверное, не офицер", на что тот ответил: "Нет, офицер, так как умею стрелять"[16]. На следующий день, 3 апреля 1902 г., у Балмашева был день рождения - ему исполнялся 21 год.

Гершуни, который организовал все это предприятие (ему пришлось снова отравлять пули, так как крафтовские оказались негодными) в момент непосредственного проведения террористического акта издалека наблюдал за дверью подъезда в Мариинском дворце, куда вошел Сипягин, и скрылся, как только увидел выбегающего оттуда чиновника без фуражки[17]. Планировалось, что если это покушение будет неудачным, Балмашев совершит убийство обер-прокурора Святейшего Синода К.П.Победоносцева. У Гершуни в запасе был еще один боевик, который не приехал на акт. Гершуни так никогда и не отыскал его.

Несмотря на просьбы и уговоры высокопоставленных сановников подать прошение о помиловании, Балмашев отказался пойти на этот шаг и твердо стоял на том, что совершил акт не по молодости, а по убеждению. 26 апреля 1902 г. Санкт-Петербургский Военно-Окружной суд приговорил Балмашева к смертной казни. Его мать, М.Н.Балмашева на следующий день подала прошение о смягчении участи для сына, но оно оказалось безрезультатным: 3 мая 1902 г. в 4 часа утра Балмашева повесили во дворе Шлиссельбургской крепости. От исповеди и причастия Балмашев отказался, а увидев приблизившегося к месту казни священника, сказал: "С лицемерами иметь дело не желаю"[18].

Из всех осуществленных БО под руководством Гершуни террористических актов ликвидация Сипягина выделяется как наиболее удачное предприятие. Во-первых, был уничтожен чиновник, положение которого в правительственной иерархии было ключевым. Во-вторых, вся техническая сторона покушения была великолепно организована и, несмотря на довольно примитивное оружие убийства - револьвер, доведена до успешного завершения. В-третьих, на роль исполнителя приговора была подобрана вполне подходящая кандидатура - фанатично преданный идее освобождения народа человек, молодость которого не помешала ему мужественно принять смерть, не раскаяться и не дать откровенные показания. Своим поведением Балмашев закреплял в общественном сознании образ

героя-террориста, в чистоте помыслов которого не должно было быть ни малейших сомнений. Первое выступление БО, организованное Гершуни, так и осталось для него идеалом, на фоне которого его последующие начинания выглядят значительно более блеклыми.

Сразу вслед за убийством Сипягина Гершуни мечтал организовать новое покушение. В своих воспоминаниях он пишет, что был план убийства Победоносцева, также назначенный на 2 апреля 1902 г. К обер-прокурору Св.Синода должен был явиться террорист, переодетый в форму флигель-адъютанта. Покушение сорвалось из-за нелепой случайности: телеграф перепутал буквы фамилии адресата телеграммы, и боевик, не получив сигнала, не явился[19].

Тогда взоры Гершуни обратились на поручика артиллерии Евгения Константиновича Григорьева, с которым он познакомился весной 1901 г. в Киеве. Будучи впоследствии арестованным, Григорьев дал откровенные показания, из которых явствовало, что после переезда Григорьева в Петербург (он поступил в Михайловскую артиллерийскую академию) к нему стал регулярно наведываться Гершуни. Григорьев утверждал, что Гершуни вел с ним разговоры исключительно агитационного характера и склонил его к совершению террористического акта[20]. Гершуни же в своих мемуарах указывает, что деятельность Григорьева исчерпывалась распространением литературы среди офицеров-академистов. Более того, Гершуни пишет о невесте Григорьева - Юлии Феликсовне Юрковской (они поженились после ареста Григорьева), которая играла активную роль в их беседах и сама напрашивалась на выполнение любого боевого предприятия[21]. Впоследствии, на суде, который состоялся в феврале 1904 года, Григорьев взял всю вину на себя, выгораживая беременную жену, а Гершуни, не желая подставлять связанных с ним людей, не опроверг его ложных показаний (именно так Гершуни позднее мотивировал свое поведение на суде). Нам представляется, что свидетельства Григорьева более близки к истине. По крайней мере, М.М.Мельников так передает признание Гершуни о его методах работы с Григорьевым: «Как это делается? Придешь, поговоришь, потом опять зайдешь, поговоришь еще раз. Надо поддерживать настроение... Как же иначе, - с лукавой и самодовольной улыбкой рассуждал Гершуни"»[22].

Уже на следующий день после убийства Сипягина - 3 апреля - Гершуни пришел к Григорьевым и расписал им все детали

подготовленного акта, по свидетельству Григорьева, напомнив ему об его обещании совершить устранение "вредного" лица, наметив в качестве жертвы Победоносцева.

Назначено покушение было на 5 апреля - день похорон Сипягина. Гершуни, по словам Григорьева, заставил написать его прощальное письмо, снабдил револьвером с отравленными пулями и вырезанной на нем надписью: "Так казнят врагов народа". Предполагалось, что Григорьев выстрелит в карету, в которой будет находиться Победоносцев.

Согласно Григорьеву, 5 апреля у него не хватило решимости выстрелить, и он вернулся ни с чем. Гершуни же был весьма недоволен этими обстоятельствами, пытался разработать новый план покушения, но вскоре куда-то уехал. Гершуни продолжал иметь виды на Григорьевых и постоянно засылал к ним своих "эмиссаров". Сами же, Григорьевы, согласно высказанной ими на суде версии, более участия в антиправительственных делах не принимали и всячески старались дистанцироваться от БО вплоть до последовавшего ареста Григорьева 8 февраля 1903 г.[23] Думается, что версия Григорьева довольно правдиво отображает все то, что происходило с ним самим, но совершенно игнорирует действительную роль Юрковской.

Гершуни уверяет, что Юрковская сама рвалась на террористический акт, уговорила дать ей оружие, а Григорьев вызвался идти вслед за женой. Гершуни якобы долго их отговаривал, но в конце концов, видя их упорство, решил помочь им советами и средствами[24]. Неправдоподобность подобного объяснения очевидна. Сложно поверить, чтобы Гершуни, темпераментный, азартный, жадный до побед, мог действительно сам настаивать на отмене покушения на Победоносцева.

Гершуни раскрывает и некоторые детали разработанного плана: Григорьев должен был идти на похороны Сипягина в форме офицера и застрелить Победоносцева, Юрковская же, переодевшись гимназистом, должна была убить градоначальника Н.В.Клейгельса, когда тот явится на место происшествия[25]. Узнав, что задумка не удалась, Гершуни даже не стал выяснять причины неудачи. В целом Гершуни старается представить Григорьевых малоосведомленными в партийной жизни людьми, не членами БО, а посторонними, пожелавшими почти что случайно участвовать в убийстве представителей высшей бюрократии.

Однако членам БО Гершуни представил историю с Григорьевыми иначе. Ближайшему окружению Гершуни было известно,

что он лично разрабатывал детали покушения и не скрывал своих активных контактов с Григорьевыми именно как с членами БО.

Провальный характер этого начинания Гершуни особенно бросается в глаза. Он не разобрался в личностях людей, которым поручалось столь ответственное дело. Мельников говорит, что у него во время немногочисленных встреч сразу составилось представление о Григорьеве, впоследствии подтвердившееся и на суде: "Много было в этом человеке легкомыслия, хлестаковщины, страсти к эффектным сценам. Это завлекло его в область террористических предприятий, а когда действительность предстала пред ним в образе тюрьмы, - он не выдержал и с высоты своих фантазий быстро покатился вниз"[26]. Конечно, некоторым подлостям Григорьева (оговор бывших товарищей, несомненная неприязнь лично к Гершуни и желание его "утопить" на суде и т.д.) очень сложно найти оправдание, но все же в его поведении можно вскрыть и благородные мотивы (например, он брал всю вину на себя, выгораживая свою жену из дела 5 апреля). Григорьеву не стоило связываться с революционным движением, но и лидерам этого движения следовало бы поразмыслить, прежде чем посылать подобных людей на дело, требующее максимального напряжения всех душевных сил. В этой истории впервые выявилась недальновидность Гершуни как психолога. Заставлять Юрковскую надеть на себя мужской костюм гимназиста, который навряд ли мог скрыть ее телосложение - значило бы обратить на нее любой пристальный взгляд. Мельников абсолютно верно замечает, что в таком виде Юрковская, несомненно, приковала бы к себе внимание, и определяет весь план Гершуни в деле 5 апреля 1902 г. как "совершеннейший вздор, достойный бульварного романа"[27].

Первоначальный урон от этого провала для БО прошел незамеченным - в любом начинании случаются неудачи, особенно в такой сфере, как террор. Однако позднее, на суде, когда выяснилось, что ряд привлеченных к процессу БО лиц так или иначе отошли от революции и объективно встали на сторону Департамента полиции, престиж БО существенно покачнулся. Именно присутствие Григорьева на скамье подсудимых рядом с Гершуни, против которого он свидетельствовал, и выступления свидетельницы Юрковской, беззастенчиво лгущей, внесли немалую лепту в придание этому процессу такого позорного характера, какого не носил в будущем ни один судебный процесс над членами БО.

Вскоре после бурных апрельских событий 1902 г. Гершуни отбыл за границу. Перед отъездом он на встрече с Мельниковым в Пензе перепоручил ему вести новое дело - готовить покушение на харьковского губернатора кн. И.М.Оболенского. Мельников пишет, что Гершуни передал ему сто рублей и два браунинга, а также посоветовал не бросать работу с Григорьевыми[28]. Таким образом, поддержка, оказываемая со стороны ПСР и БО в деле подготовки потенциальных выступлений рядовым членам организации, была ничтожна.

За границей же Гершуни открыто высказывался в том смысле, что его присутствие в России необходимо, так как у Мельникова работа движется "очень слабо"[29]. Сам Мельников через два месяца получил письмо (по его мнению, инспирированное Гершуни) от саратовской эсеровской организации, в котором его спрашивали, почему дело не клеится, предлагали поторопиться и «даже грозили прислать для Григорьевых другого "учителя"»[30].

На первый взгляд кажется удивительным, почему Гершуни остановил свой выбор на достаточно незначительной фигуре царского сановника из провинциального города юга России. Но надо учесть то обстоятельство, что после убийства Сипягина охрана столиц была чрезвычайно усилена. В своих воспоминаниях Мельников приводит один, достаточно безрассудный, проект Гершуни того периода, направленный против Победоносцева. Гершуни предлагал "ездить все время по конке по Литейному взад и вперед, и когда Победоносцев будет садиться в карету, стрелять"[31]. Из этих планов, естественно, ничего не вышло, и тогда Гершуни стал ждать реакции Николая II на убийство Сипягина. Император же не высказал ни испуга, ни удивления. Это смутило Гершуни, который ждал хоть какой-то реакции. Чтобы не застопорить маховик террора, не позволять противнику расслабиться, Гершуни и остановил свой выбор на одном из губернаторов - чиновнике, проводившем репрессивную политику, устранение которого поэтому должно было вызвать сочувствие в обществе. Вдобавок губернатор был легкой мишенью - до него можно было добраться без особых хлопот, в то время как удары по фигурам из правительства требовали значительно большего напряжения сил и ресурсов, и их осуществление могло растянуться на неопределенное время.

Достаточно быстро вернувшись из-за границы, Гершуни сам взялся за воплощение этого предприятия. На этот раз он наметил в качестве исполнителя террористического акта рабочего Фому Корнеевича Качуру.

В июле 1903 г., отбывая наказание, Качура, подавая заявление о своем раскаянии, рассказал о том, как он был вовлечен в БО. В апреле 1901 г. в Екатеринославе он познакомился с А.И.Вейценфельдом, который активно снабжал его нелегальной литературой и доказывал в беседах необходимость террористической борьбы с правительством. Качура тогда увидел в эсерах своих друзей и попечителей о народном благе и высказал Вейценфельду желание примкнуть к БО и участвовать в терроре. Вейценфельд заявил, что сам он не член БО, но пообещал свести Качуру с ее представителями[32]. Только в 20-х числах июня Вейценфельду удалось вывести Качуру на Гершуни. Качура говорил о сильном воздействии, оказанном на него со стороны Гершуни, уговаривающим его убить Оболенского, чинившего насилия над крестьянами. Качура согласился после долгих колебаний и 24 июля 1902 г. прибыл в Харьков, где Гершуни уговорил его написать письма с объяснениями причин убийства Оболенского и купить револьвер, на котором сам сделал надписи "За пролитую крестьянскую кровь", "Боевая организация", "Смерть царскому палачу". Затем Гершуни 28 июля вручил Качуре приговор БО и револьвер с отравленными пулями[33].

Сам Гершуни в своих мемуарах объясняет прием Качуры в БО лишь его страстным желанием и опасением, что Качура самостоятельно пойдет на какую-нибудь нелепость[34]. По его словам, революционеры долго отговаривали Качуру, но тот стоял на своем. Кроме того, Киевский эсеровский комитет дал о Качуре самые положительные отзывы.

Представляется, что Гершуни несколько кривит душой, когда пишет о своих сомнениях, как руководителя БО, в пригодности Качуры. Конечно, справки были наведены, но и сам Гершуни с радостью ухватился за добровольца и постарался рассеять все его сомнения (к тому же Качура был хорошим стрелком). Не пишет Гершуни и о деталях организации акта. Так, незадолго до покушения Оболенский получил любовное письмо от женщины, в котором содержалась просьба прийти на свидание в городской сад "Тиволи"[35]. Именно в этом саду Гершуни поставил Качуру поджидать Оболенского, ни слова не сказав ему о том, почему губернатор должен здесь появиться.

Уже в Шлиссельбургской крепости Гершуни хвастался перед Мельниковым, что письмо Оболенскому писала знакомая Гершуни, которую не нашли, и как он был уверен, и не найдут[36]. Это придало покушению какой-то особенно пошлый характер.

Подобная организация выступлений БО, лишенная всякой доли внутреннего благородства, могла только оттолкнуть от террора сочувствующих.

В самый же день покушения 29 июля 1902 г. Гершуни находился вместе с Качурой в "Тиволи" и, увидев губернатора, применил, как он впоследствии говорил Мельникову, даже некоторое насилие по отношению к Качуре, отняв у него папиросы и выкликнув: "Теперь или никогда!"[37]. Когда Качура направился к Оболенскому, Гершуни скрылся. Качура выстрелил, но пуля лишь контузила Оболенского в шею, так как он в этот момент начал поворачиваться. После этого в револьвере обнаружилась неисправность, и, пока Качура, выбрасывая два патрона, пытался с нею справиться, его схватили. Качура на допросе 30 июля и последующих мотивировал свои действия в полном соответствии с канонами ПСР.

26 октября 1902 г. в Харькове Киевский Временный Военно-Окружной Суд приговорил Качуру к смертной казни через повешение. Однако еще 13 сентября 1902 г. кн. Оболенский обратился к императору с просьбой применить к Качуре любое наказание, кроме смертной казни, так как семье губернатора горько сознавать, что он "явится косвенной причиной смерти другого"[38]. Николай II внял прошению Оболенского и 7 ноября 1902 г. заменил смертный приговор бессрочными каторжными работами.

Качура почти целый год после покушения держался стойко. Гершуни объясняет первые откровенные показания Качуры тем, что ему была показана фотокарточка Гершуни, где тот был снят в ручных и ножных кандалах[39]. Эта версия представляется малоубедительной. Большего доверия заслуживает точка зрения Мельникова, который полагал, что Качура не был сбит с толку рассказами об уже осужденном Гершуни, а "просто в нем произошел крутой перелом, который побудил его поставить крест на всем своем прошлом"[40]. Это подтверждает и поведение Качуры во время процесса над БО в феврале 1904 г., на котором он выступил в качестве свидетеля. На нем Качура не пытался оговорить бывших товарищей, а только выразил собственное раскаяние и поддержал основной пункт своих откровенных показаний - то, что он считает революционеров вредными членами общества.

В деле 29 июля 1902 г., во-первых, выявилось то, что Гершуни был готов идти на нарушение этических принципов, свято хранимых в революционной традиции (неразборчивость в выборе

средств, обман или, точнее, сокрытие правды от участника покушения, и т.д.); во-вторых, скоропалительность в разработке и осуществлении террористических актов, присущая Гершуни. Уже "Народная воля" регулярно использовала более совершенные в боевом отношении средства борьбы. Наконец, дело 29 июля однозначно выявило психологическую неспособность Гершуни быть вербовщиком кадров для БО. Он еще раз непростительно ошибся в кандидате на роль "народного мстителя". Во главе БО был необходим человек, проницательный взгляд которого сразу бы уловил колебания Качуры, его незрелость как террориста. Качура, вовлеченный в революционное движение, был готов принести себя в жертву захватившей его идее, но не мог выдержать многолетних страданий во имя не до конца им самим усвоенных принципов. В своих воспоминаниях Гершуни замечает, что суд в феврале 1904 г., был совсем не тем процессом, о котором он мечтал[41]. Ему было понятно, что если кто и виновен в этом, то только он один.

К середине 1902 года окончательно сформировалась БО ПСР, сложились методы ее деятельности и обозначилось ее место среди других партийных структур. По словам Чернова, "ЦК указывал для БО только круг лиц, по отношению к которым она может практиковать боевые действия; ЦК имел право временно приостановить действия БО, совершенно прекратить деятельность ее, расширить круг ее деятельности или сузить, но только в пределах этих общих, чисто политических указаний ЦК имел право воздействовать на боевую организацию"[42]. В прочих отношениях, в том числе и в материальном, БО была независима.

Чернов говорит, что "ЦК, например, вовсе не должен был знать всех лиц из БО, членов ее, и не знал"[43]. Но во времена Гершуни никто вообще не знал всех членов БО, даже сами участники террористических актов. Похоже, порой и сам Гершуни точно не мог сказать, является данное лицо членом БО или нет. Любой протеррористически настроенный человек мог быть моментально принят в БО с личной санкции Гершуни, которая давалась на словах и не закреплялась более ни в одной партийной инстанции. С некоторыми из тех, кто выполнял его разноплановые поручения, Гершуни мог общаться, рассматривая их как членов БО, представляя их другим как членов БО, но сами эти люди оставались в неведении, что они приняты в знаменитую организацию. Примеры, подтверждающие это, будут приведены ниже.

"Потенциальность" членства в БО во времена Гершуни была возведена в абсолют, поэтому точно установить численность БО не видится нам возможным. Для Гершуни это представлялось весьма удобным - на него лично падала меньшая ответственность за того или иного человека, любые поступки которого могли объявляться его собственным решением.

Подобная ситуация царила и в области конкретных планов БО. Так как БО действовала технически автономно, то ЦК в целом не знал о ее детальных разработках: "отдельные лица из ЦК иногда и могли знать что-нибудь, просто по личному доверию Гершуни, который иногда советовался с кем-нибудь о делах, но это могли знать даже и не члены ЦК"[44].

Однако вывод об изначальной обособленности БО от партийных учреждений, о ее "надпартийном" характере был бы обманчиво легок. Факты говорят о другом. Сам Гершуни, один из отцов-основателей ПСР, был авторитетнейшим членом ЦК. В ЦК 1902 г. входил также Азеф, прекрасно осведомленный почти о всех делах БО. Был членом ЦК и Крафт - помощник Гершуни № 1. Думается, что члены ЦК Брешко-Брешковская и Чернов также не могли пожаловаться на плохую осведомленность о боевых мероприятиях ПСР. Получается, что почти весь состав ЦК и был реальным руководителем террористической кампании, разворачивавшейся в России в 1902-1903 гг. И, наконец, в ЦК ПСР того периода входил М.Р.Гоц, на которого возлагалась "экстраординарная функция: в случае полного провала в России на нем бы лежала задача восстановления ЦК и Боевой организации"[45].

Будучи представителем БО за границей, Гоц был всецело осведомлен о всех важнейших начинаниях Гершуни. Более того, он сам являлся активнейшим разработчиком основных направлений работы БО. Когда в марте 1903 г. Гоц был арестован в Италии и русское правительство стало требовать его выдачи, обвиняя Гоца в соучастии в деле убийства Сипягина и подготовке других политических убийств, лидеры ПСР были чрезвычайно напуганы. На выручку Гоца был послан И.А.Рубанович, имевший обширные связи с социалистами европейских стран. Опасаясь обыска в доме Гоца, члены ЦК ПСР тщательно просмотрели его вещи, и в одном из тайников нашли список имен в 12 - 15 человек. Гоц был достаточно быстро освобожден, так как ему были предъявлены обвинения в политическом, а не уголовном преступлении и не было предоставлено улик, доказывающих точку зрения царского правительства. После

этого Гоц признался Чернову, что весьма опасался за возможный обыск у себя дома, разъяснив, что найденная бумага представляла собой "список членов Боевой организации, составленный Гершуни и переданный ему на случай, если Гершуни будет арестован, чтобы Гоц мог восстановить БО, так как ее отдельные члены личной связи между собой не имели, и связь поддерживалась только через Гершуни"[46].

Итак, к середине 1902 г. БО, окончательно вставшая на ноги, перешла к организации новых покушений. А.И.Спиридович верно указывает, что Гершуни и его ближайшие товарищи по БО группируются возле Киева: там были главные конспиративные квартиры. Через Киев шла заграничная переписка для боевиков, там же обосновался к осени 1902 г. Мельников[47]. В остальные города боевики только наведывались для постановки и осуществления террористических актов. В жизни БО после дела Оболенского произошло некоторое затишье. Гершуни был погружен в мечтания, зачастую малоосуществимые и нелепые. Сразу после убийства Сипягина он задумал акцию против назначенного новым министром внутренних дел В.К.Плеве. Мельников так описывает поведение Гершуни: "Поднести Плеве жареного! Хорошо!" - любил повторять он во время обсуждения этих проектов... И говорилось это с таким пошло-сладострастным выражением лица, что становилось просто противно. Точно какой-нибудь департаментский гнуснец устраивает другому забористую, необычайную пакость и заранее с восторгом смакует все детали ее!"[48]

Носился Гершуни и с проектом взорвать здание Московского охранного отделения. Может быть, он хотел таким образом отомстить арестовавшему его в 1900 г. Зубатову, хотя убийство Зубатова не предполагалось; возможно и то, что подобный замысел внушил Гершуни Азеф, всегда мечтавший об уничтожении компрометирующих его документов. О возможных последствиях взрыва - гибели посторонних прохожих, ни в чем не повинных писцов, сторожей и т.д. - Гершуни особо не задумывался. Когда Мельников указал на это, в ответ Гершуни "начал говорить о глубоком впечатлении, которое произвел бы этот акт по всей России"[49].

Еще более характерным свидетельством страсти Гершуни к "рекламным эффектам" являлся план, который он выдвинул в сентябре 1902 г. Согласно Мельникову, Гершуни сообщил ему: «"Мы (?!) решили пустить автомобиль с динамитом прямо в подъезд Мариинского дворца и взорвать" (я опускаю уже "мы"

и то, что динамита тогда еще не было). - "Зачем же взрывать подъезд?" - "А все-таки ведь шумная история?"»[50] Лишь после указания Мельникова на то, что будут при этом перебиты министерские извозчики, находящиеся у подъезда, Гершуни прекратил обсуждение этого проекта. В излишних комментариях приведенный диалог не нуждается.

В 1902 г. в БО произошли изменения, которые фатальным образом определили всю ее дальнейшую судьбу: к ведению боевого дела Гершуни привлекает Азефа, провокатора с десятилетним стажем и одного из основателей ПСР. О своих первых шагах на террористическом поприще Азеф кратко сообщал Савинкову в 1908 г.: "О Сипягине я узнал только через несколько дней после акта, что это дело Г[ершуни], вскоре приехал Г[ершуни] ко мне, и мы сговорились с ним о совместной работе в данном направлении. План начать кампанию против Плеве уже был тогда - в апреле-мае 1902 года, одновременно был план и на Оболенского. Я тогда уезжал в июне-июле 1902 г. в Питер, а Гершуни - на юг России, где имел в виду Оболенского. Не хочу распространяться - скажу только, что, кроме Сипягинского дела, я был причастен ко всем другим...."[51] Сомневаться в искренности заявлений Азефа в данном случае не приходится - Савинков легко мог проверить все эти факты у третьих лиц (например, у Чернова).

О все более тесных контактах Азефа с Гершуни в первой половине 1902 г. рассказывает и Селюк. По поручению Гершуни Азеф начинает делать новые приготовления. "Он вошел, - пишет Селюк, - в сношения с одним русским рабочим и они сообща заготовили металлические оболочки для бомб. Предприятие это было никчемное, и тут же, в Женеве, эти оболочки надо было, за негодностью, уничтожить"[52]. Чернов упоминает, что Гершуни обсуждал с Азефом все письма, получаемые им из России, тем самым Азеф постепенно входил в курс всех боевых дел. Азеф принимал участие в обсуждении покушения на Оболенского, впоследствии он с Гершуни стал разрабатывать новый план устранения Оболенского, но "затем они перерешили этот вопрос, потому что Оболенский ходатайствовал в это время о помиловании Качуры, и они решили, что нужно отложить покушение"[53]. Азеф, стремившийся ближе подойти к руководству боевого дела, сообщал в Департамент полиции противоречивые и малоинформативные сведения о Гершуни, не позволявшие его арестовать.

О посвященности Азефа в дела БО (хотя и о ней нужно говорить условно, так как некоторые сведения Гершуни не

раскрывал никому) говорит факт его участия в единственном случившемся при Гершуни собрании руководства БО в Киеве в октябре 1902 г. Присутствовали на нем Гершуни, Крафт, Мельников и Азеф. Вокруг этой встречи существует немало домыслов. Так, Б.И.Николаевский пишет, что подробности совещания неизвестны, так как никто из участников о нем не вспомнил. Николаевский констатирует лишь факт обсуждения на встрече плана покушения на Плеве силами Е.К.Григорьева и его товарища - поручика Б.И.Надарова, которые должны были остановить карету министра и застрелить Плеве[54]. В данном случае Николаевский ошибается дважды. Во-первых, подробное описание всего хода совещания оставил Мельников, а, во-вторых, на нем не поднимался вопрос о покушении на Плеве. Сведения об этом проекте идут от Азефа, который попросту их выдумал и сообщил своему тогдашнему шефу - Л.А.Ратаеву, в донесении которого в Департамент полиции от 11 октября 1902 г. данные "факты" впервые появляются[55]. Можно предположить, что Азеф дезинформировал охранку, стремясь "утопить" Григорьева, желая избавиться от него и от всех остальных близких к Гершуни боевиков.

На совещании обсуждалась не только боевая работа - вначале шла речь о партийной типографии в России (взамен провалившейся пензенской), о транспортных делах, о распространении партийных газет. Когда же дело дошло до боевых предприятий, Азеф потребовал, чтобы Гершуни назвал всем участникам встречи имена боевиков. "Не одному же Вам это знать"[56], - настойчиво заявил Азеф. Гершуни с явной неохотой исполнил это требование - упускать нити управления БО из своих рук он не хотел. Гершуни назвал Григорьевых, "Колю", Бартошкина, еще одного-двух человек, а потом добавил: "а остальных Коля знает"[57]. Но навряд ли "Коля" - Николай Иванович Блинов - знал многих членов БО. 20-летний бывший студент Киевского университета, он был арестован в том же 1902 г. за участие в студенческих беспорядках и сослан под особый надзор полиции в Житомир. Будучи принятым в 1902 г. в БО, Блинов, в силу своей молодости и небогатого революционного опыта не мог быть компетентным связным между всеми членами БО. Скорее всего, Гершуни произнес его имя для отвода глаз, приписав ему функции, которые на него никогда не возлагались.

Что же касается 27-летнего Тимофея Семеновича Бартошкина, то тут ситуация принимает совсем буффонадный оборот. Этот Бартошкин вынырнул на процессе над БО в феврале

1904 г. в качестве свидетеля и признался, что сам выдавал себя за серьезного революционера, друга П.В.Карповича, брал у кого возможно деньги и не отдавал обратно, и т.п. Далее Бартошкин рассказал о своей встрече с Гершуни в Киеве, во время которой они затевали покушение на Зубатова, и о том, что именно он свел Гершуни с Григорьевым. Гершуни заявил в ответ, что не имел с Бартошкиным никаких дел, и хочет опровергнуть его слова "просто потому, что, прощаясь с жизнью, не хочет оставить в чьих-либо глазах на своей памяти этого незаслуженного пятна, будто бы он имел какие-нибудь революционные дела с Бартошкиным"[58]. Далее Гершуни стал уверять судей и публику, что познакомился с Бартошкиным случайно, сразу же разобрал, что это за "птица", и совершенно отвернулся от него, а покушений на Зубатова никогда не планировал. Но и Григорьев подтвердил на суде наличие довольно тесных контактов между Бартошкиным и Гершуни. Таким образом, Бартошкин, получавший деньги от Гершуни и выполнявший его поручения и лично никогда не уведомленный о своем вступлении в БО, был с легкой руки Гершуни произведен на Киевском совещании в авторитетного члена этой организации.

Мельников пишет об интересной особенности взаимоотношений между Гершуни и Азефом, раскрывшейся на киевской встрече. Между ними не было чувства дружбы и взаимоуважения, но существовала полная деловая спаянность: "Скорее всего, это были два дельца, связанные рядом общих предприятий, два дельца, из которых каждый напряженно-выжидательно следит за другим, причем перевес силы или положения оказывался на стороне Азефа"[59].

На совещании Азеф в открытую распек Гершуни за неудачную организацию дела 5 апреля 1902 г., назвав его "дурацким выходом с переодеванием"[60]. Гершуни просто передернуло после этой критики, но он промолчал. В этом эпизоде четко просматривается стремление Азефа поставить под сомнение организационные "таланты" Гершуни в глазах не столько окружающих, сколько самого Гершуни; это должно было побудить руководителя БО не организовывать боевые предприятия единолично.

Совещание окончилось распределением ролей каждого из присутствующих. Азеф стал уговаривать Мельникова взять на себя разъездную функцию для ведения боевых дел, но Мельников, ссылаясь на усталость, отказался. Тогда за ним был оставлен Киев, Азефу "вручили" все "северные" территории,

типографию и транспорт. Роли Гершуни и Крафта были неопределенного свойства - "разъезды". На этом встреча завершилась, но результат от нее был невелик, так как, по справедливому замечанию Мельникова, все выработанное на ней потом "в значительной мере перепуталось"[61].

Единственным, кто выиграл от киевского совещания, был Азеф. Он решил незамедлительно убрать своих возможных конкурентов по БО и сообщил полиции необходимые для этого сведения. Первой жертвой стал Крафт - его арестовали в Киеве в ночь на 5 ноября 1902 г. Чуть дольше продержался Мельников - его выследили в Киеве после посещения доктора В.В.Виноградова и арестовали 26 января 1903 г. во дворе, куда он, по собственному свидетельству, "зашел по небольшой надобности"[62]. В феврале 1903 г. в Петербурге был произведен обыск у Григорьева и Юрковской, и Григорьева привлекли к дознанию. Показания Григорьева позволили в ночь на 12 февраля 1903 г. задержать в Петербурге Л.А.Ремянникову - связную Гершуни по делам БО.

Эти аресты должны были парализовать деятельность БО, однако этого не произошло. Причиной этому было стремление Азефа как можно дольше не выдавать Гершуни, завоевать его полное доверие и только после своего окончательного укрепления во главе боевого дела решить дальнейшую участь Гершуни. Пока Азеф только торговался с Департаментом полиции о размерах суммы за сдачу Гершуни и продолжал, разрабатывая с последним новые террористические акты, постепенно забирать управление БО в свои руки. Гершуни тем временем указывает на Азефа, как на своего преемника по боевым делам, в случае своего возможного ареста. По свидетельству Чернова, Гершуни "уже и раньше указывал на него Михаилу Рафаиловичу [Гоцу], ему он поручает в случае ареста взять в свои руки БО"[63]. Впрочем, выбор Гершуни был обусловлен не столько нехваткой надежных кадров для террора, сколько его непоколебимой верой в революционную волю Азефа. Так, М.М.Шнеерову Азеф показался подозрительным, но когда он сообщил о своих сомнениях Гершуни, тот рассмеялся и заметил, что "если бы у нас было больше таких "шпионов", революция скорее бы пришла к счастливому концу"[64]. Вместе с Азефом Гершуни начал вербовать новых кандидатов в БО, и просителей было немало - террор как средство жертвенной борьбы за свободу России притягивал к себе в то время множество молодых сердец.

БО продолжила свою деятельность. На этот раз она выбрала своей жертвой уфимского губернатора Н.М.Богдановича. Богда-

нович должен был заплатить жизнью за свой собственный приказ: 13 марта 1903 г. с одобрения уфимского губернатора войска стреляли в толпу забастовавших рабочих Златоуста. Согласно цифрам, приведенным в эсеровской прессе, было убито 28 человек, многие скончались от ран. На сей раз Гершуни не берет на себя единолично ведение дела и работает в тандеме с Азефом. Весной 1903 г. Азеф объезжает целый ряд городов с организационными целями и в Самаре окончательно разрабатывает вместе с Гершуни план покушения.

Вскоре для проведения покушения на Богдановича в Уфу выехал сам Гершуни. Дело Богдановича - одно из самых туманных в истории эсеровского террора. Мы имеем очень мало источников, его освещающих. Арестованных по этому делу не было, расследование не дало результатов, и поэтому в фондах Департамента полиции не отложилось данных, позволяющих в точности осветить картину происшедшего. 6 мая 1903 г. Богданович был убит. Полицейским ведомствам стала известна только внешняя канва случившегося: когда губернатор, гуляя по городскому парку, повернул в отдаленную аллею, "его быстро нагнал сзади неизвестный злоумышленник, произвел в спину два выстрела из револьвера, после которых губернатор упал на бок"[65]. Покушавшимся было сделано еще шесть выстрелов, после чего он оставил рядом с телом пакет с рукописным приговором БО за златоустовские события и скрылся. Убийца не был найден.

"Революционная Россия" скупо сообщила, что "6 мая, по постановлению БО ПСР, двумя ее членами убит уфимский губернатор Н.М.Богданович"[66]. Впоследствии некоторые мемуаристы, безусловно признавая тот факт, что одним из террористов был рабочий Е.О.Дулебов, не раскрывали имени второго. Е.Е.Колосов пишет, что на месте действия тогда находились два члена БО - Дулебов и некий "Апостол"[67]. Б.И.Николаевский излагает организацию этого покушения более подробно. Согласно его версии, Гершуни, приехав в Уфу, узнал, что местные эсеры во главе с В.В.Леоновичем провели все подготовительные мероприятия и нашли двух исполнителей - Дулебова и "Апостола"; Гершуни санкционировал их план, и двое террористов, застрелив Богдановича, скрылись[68].

Однако ряд свидетельств позволяет коренным образом пересмотреть все события, связанные с делом 6 мая 1903 г. Во-первых, Савинков в своих мемуарах недвусмысленно указывает, что убийство было совершено одним Дулебовым. Савинков

близко знал Дулебова, работал с ним в БО в 1904-1905 гг., и его свидетельство, несомненно, основано на сообщениях самого Дулебова. Савинков приводит единственный документ, сохранившийся после Дулебова - его письмо, написанное перед убийством Богдановича, и дает краткую биографическую справку о Дулебове[69]. Конечно, может быть, какой-нибудь боевик и был в "запасе", когда Дулебов стрелял в Богдановича, но единственным и непосредственным исполнителем террористического акта следует считать Дулебова. Во-вторых, имеется уникальное указание Мельникова, выявляющее действительную роль Гершуни в этом деле. Оказывается, что в Уфе Гершуни в день покушения на Богдановича не был. Мельников, чьим фактологическим свидетельствам мы полностью доверяем, вспоминает, что по дороге на каторгу в 1906 г. Гершуни, проезжая через Уфу, поделился с Е.С.Созоновым следующим сообщением: "В Уфу я приехал на другой день после убийства. Вот перетрусили-то они должно быть!"[70] "Они" - это эсеры-уфимцы, с тревогой ждущие одобрения за свои действия со стороны главы БО. Соответственно, санкционировал Гершуни это покушение уже постфактум.

Конечно, вряд ли справедливо было бы упрекать Гершуни в трусости - лидер БО не был обязан быть ни на месте произведения террористического акта, ни даже в том городе, где он совершается. Однако разрабатывать его, подбирать людей, быть в курсе всех дел руководителю БО следовало бы. Получилось, что Гершуни явился уже на приготовленное и осуществленное предприятие, и просто записал его в актив БО. Поэтому трудно высказать какое-либо мнение об организационных способностях Гершуни, проявленных им в этом деле. Несомненно только, что террор стал находить сочувствие в широкой среде, и наличие БО, как таковой, играло определенную роль в направлении революционной энергии масс. Личность же самого Гершуни в деле Богдановича уже не имела никакого значения - важно было общепартийное руководство производимыми покушениями. Что же касается местного уфимского комитета, то он вполне профессионально выполнил ликвидацию Богдановича.

Дело 6 мая было последним событием в истории БО под руководством Гершуни. Следили за Гершуни давно, но всякий раз ему удавалось уходить из рук полиции. Хотя его фотографическая карточка была разослана по всем жандармским отделениям, Гершуни, благодаря недюжинным конспиративным навыкам, благополучно разъезжал почти по всей России. Исто-

рия ареста Гершуни подробно изложена в воспоминаниях А.И.Спиридовича[71], бывшего в 1903 г. начальником киевского охранного отделения, и повторять ее нет смысла. Важно только то, что этот арест в целом носил случайный характер. Мелкий провокатор А.Л.Розенберг, сообщивший полиции о приезде "важного" лица в Киев, даже не знал, кого он выдает. Азеф же не имел никакого отношения к провалу Гершуни. 13 мая 1903 г. Гершуни по пути из Саратова (куда он уехал из Уфы) был арестован, при нем были найдены прокламации БО об убийстве Богдановича и статьи о том же убийстве. На следующий день его заковали в кандалы и отправили в Петербург. Через два дня по распоряжению директора Департамента полиции А.А.Лопухина кандалы с Гершуни были сняты[72]. Процесс над ним и его товарищами (М.М.Мельников, Е.К.Григорьев, А.И.Вейценфельд и Л.А.Ремянникова) происходил с 18 по 25 февраля 1904 г. в Петербурге, в закрытом заседании Военно-окружного Суда. П.П.Крафт, сидевший в то время в Петропавловской крепости, не попал на этот процесс.

По приговору Гершуни, Мельников и Григорьев должны были быть казнены, но смертную казнь Гершуни и Мельникову заменили бессрочной каторгой, а Григорьева, просившего об отмене наказания, приговорили к четырем годам каторги. Четырехлетнюю каторгу получил и Вейценфельд, Ремянникова отделалась тремя месяцами ареста. На суде была подведена черта под работой БО времен Гершуни.

1901-1903 годы были высшим пиком революционной деятельности Гершуни. Волею судьбы он был отстранен от активного участия в политических баталиях времен первой русской революции.

Из Петропавловской крепости 1 сентября 1904 г. Гершуни перевели в Шлиссельбург, оттуда 30 января 1906 г. ненадолго увезли в Москву в Бутырскую тюрьму, затем он был отправлен на Акатуйскую каторгу.

13 октября 1906 г. Гершуни бежал с каторги. Обстоятельства этого тщательно запланированного и блестяще осуществленного предприятия описал сам Гершуни в мемуарном очерке "Мой побег"[73]. В конце 1906 г. Гершуни прибывает в Америку, где в течение 7 недель устраивает множество митингов, на которых собирает деньги на борьбу с самодержавием. По свидетельству Гершуни, за время пребывания в Америке он заработал около 170 тысяч франков[74].

В начале февраля 1907 г. Гершуни приезжает в Европу, где первым делом встречается с Азефом и обсуждает с ним все дальнейшие планы революционной работы. В результате, когда

Гершуни прибыл на открывшийся 12 февраля 1907 г. в Финляндии II съезд ПСР, он сразу заявил М.А.Натансону, который к 1907 г. сделался одним из влиятельнейших членов ЦК ПСР, о "своем намерении стать во главе боевого дела, а также и о том, что он станет не один, а вместе с Азефом и что он уже условился с ним о совместной работе"[75].

Для Гершуни II съезд ПСР стал триумфом. Перед товарищами по партии он предстал в ореоле несгибаемого борца, чье имя было навсегда занесено в святцы революционного движения. 15 февраля 1907 г. съезд завершил свою работу, сформировав ЦК ПСР из пяти человек. В его состав был избран и Гершуни. Гершуни стремился к активной работе, но ЦК решил временно "поберечь" его. Поэтому большую часть 1907 г. Гершуни провел в Финляндии, где занимался решением текущих вопросов как общепартийной жизни, так и террора. Казалось, что со временем из него вырастет лидер, "харизма" которого будет способна повести за собой всю партию эсеров. Однако к ноябрю 1907 г. Гершуни серьезно заболел - у него обнаружили саркому, и стремительное течение болезни буквально за считанные месяцы свело его в могилу. Скончался Гершуни в 12 часов ночи с 16 на 17 марта 1908 г. в кантональном цюрихском госпитале после тяжелой агонии.

* * *

Насколько национальное происхождение Гершуни предопределило выбор его жизненного пути?

Конечно, Гершуни с отроческих лет был оторван от "родовых" корней, и становление его личности протекало исключительно в российском социуме, весь его менталитет сформировался под влиянием идей, присущих российскому освободительному движению еще со времен "Народной воли".

Гершуни, как и многие его товарищи по партии, уже с юности не был тесно связан с еврейской средой, с религиозным укладом ее жизни и вряд ли испытывал какую-либо потребность в нее вернуться и жить ее заботами и стремлениями. К своим зрелым годам он не имел никаких контактов с теми, кто исповедовал иудаизм, а русский язык стал для Гершуни тем языком, на котором он выражал свои заветные мысли и чаяния.

Однако о своем еврейском происхождении Гершуни никогда не забывал и даже гордился им. Так, в письме от 15 сентября 1907 г. к брату Павлу Петровичу (который получил такое отчество после крещения в православие, правда, не вызвавшего со стороны Гершуни никакой негативной реакции) Гершуни

выражает радость по поводу рождения племянника следующими словами: "Женька-то у тебя! Так сказать, продолжатель рода! А ведь род-то наш угасает! Думал ли ты об этом? Господи Владыко! А какой род, какой род-то был! Ведь предки-то наши при скинии стояли! Да, брат, древко держали, а вот - пресекается! Подумать страшно, - близится время, все роды будут, а нашего, что при скинии стояли, да древко держали - не будет! Один он Женька и остался! Пойди-ка ты - такой маленький, а какая ему великая миссия вышла!.. Так ты помни-ка, брат, внуши ему насчет рода-то нашего, чтобы не дал угаснуть, чтобы продолжил, главное, чтобы с достаточным рвением продолжал!"[76]

Похоже, что и в рядах ПСР Гершуни оставался в достаточной мере национально "ориентированным". Он с большей легкостью сходился и доверял именно тем эсерам, которые были евреями по национальности. Среди самых близких к Гершуни лиц в ПСР мы видим М.Р.Гоца, Е.Ф.Азефа, а впоследствии и М.А.Натансона. Возможно, как раз чувство национальной корпоративности в немалой степени способствовало укоренению Азефа в руководящих верхах партии. Конечно, это не ставит под сомнение стремления Гершуни с одинаковым рвением бороться за освобождение как русского, так и еврейского народов. В целом же, общаясь с большинством членов ПСР, Гершуни совершенно не акцентировал внимания на своем происхождении и, более того, раздражался, когда ему напоминали об его еврействе. Так, Мельников вспоминал, как однажды назвал Гершуни его настоящим именем "Герш Ицкович", чем тот последний "был очень смущен и недоволен"[77].

Можно констатировать, что моменты национального сознания Гершуни не являлись доминантными в его политической деятельности. Отнюдь не национальные особенности определили весь интеллектуальный и психический склад Гершуни, а те черты его характера, которые он сам в себе воспитывал и культивировал.

Политический террор, как и всякое насилие, - явление чрезвычайно противоречивое и неоднозначное, вызывающее множество трактовок и оценок. Редко можно встретить такое количество прямо противоположных характеристик, которое получил Гершуни и как человек, и как руководитель БО. Хорошо его знавшие люди писали и высказывались о Гершуни очень по-разному.

Точка зрения представителя полицейских ведомств наиболее четко изложена у Спиридовича: "Убежденный террорист, умный, хитрый, с железной волей, Гершуни обладал исклю-

чительной способностью овладевать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая в революционный круговорот, сталкивалась с ним. Его гипнотизирующий взгляд и краткая убедительная речь покоряли ему собеседников и делали из них его горячих поклонников"[78]. Спиридович делает упор на незаурядные революционные "таланты"Гершуни. Другой "мэтр" политической полиции Зубатов крайне метко замечает: "Гершуни был художник в деле террора и мог действовать по вдохновению, без чьей-либо санкции и помощи, надобности в которых... совершенно не представлялось"[79]. Одним из объяснений столь "уважительного" отношения может служить то, что российская полиция так долго отлавливала Гершуни, что любое умаление его фигуры бросало бы тень на профессионализм жандармов.

Образцом сугубо партийной, традиционной оценки Гершуни является статья В.М.Зензинова "Гершуни - глава БО", написанная в Париже в 1932 г. Согласно ей Гершуни принимал личное участие во всех террористических актах, "делил весь риск и ответственность с непосредственными исполнителями террористических покушений, вкладывая в эти дела весь свой высокий талант организатора и на всем оставлял печать своего романтического идеализма... И - что, быть может, было всего важнее - эта печать его морального благородства и чистоты чувствовалась на всех этих страшных и трагических выступлениях"[80]. Для Зензинова Гершуни был душой террора, человеком, наносящим только героические удары в лицо врагу, при которых покушение становилось одновременно и жертвенным актом со стороны покушавшихся. Здесь облик Гершуни приобретает канонические черты и полностью сакрализуется: "...моральные принципы Г.А.Гершуни, - сообщает Зензинов, - сделались традициями эсеровского террора на все позднейшее время и на весь период его существования"[81].

Необычайно высоко ставит фигуру Гершуни и В.М.Чернов. Он так характеризует положение в ПСР, наступившее после смерти Гершуни: "Гершуни заменить было некем. Это был человек необыкновенной революционной интуиции"[82], ему одному Чернов был готов безоговорочно уступить место фактического партийного лидера. Однако Чернов щедро раздает положительные характеристики лишь рано ушедшим из жизни эсерам, тем же, кто пережил 1917 г. и отошел от черновской линии в ПСР, повезло на страницах его мемуаров значительно меньше.

В.Н.Фигнер отмечала: "Широкий ум, организаторский талант и сильная воля, несомненно, расчищали Гершуни дорогу на верхи

партии. Но за этими качествами стояло нечто другое, что сообщало ему великий нравственный авторитет. Это был аскетизм, физический и духовный... Для него революционное дело было не одно из многих дел в жизни и даже не главное дело - это было единственное его дело"[83]. Эта речь была произнесена Фигнер на вечере памяти Гершуни, и многие слова в ней могли быть продиктованы естественным чувством горечи от недавней потери. Однако в целом Фигнер говорит о Гершуни сдержанно, не выказывая больших личных восторгов в его адрес.

Б.В.Савинков видел Гершуни всего несколько раз. Но этого было достаточно, чтобы Савинков убедился в том, что Гершуни "человек большой воли и несокрушимой энергии", в разговоре с которым постепенно "выявлялась сила его логических построений и чарующее влияние его проникновенной веры в партию и социализм"[84]. Правда, преувеличенно-восторженное отношение к Гершуни существовало у Савинкова еще до встреч с ним и опиралось на рассказы М.Р.Гоца.

После получения известия о смерти Гершуни Е.С.Созонов писал: "Какой огромной величиной, каким человеком во всех отношениях казался мне Гр[игорий Гершуни]!.. Он мне казался почти воплощением того, чем человек должен быть - и будет через сотни лет"[85]. Для адекватного восприятия этой характеристики учтем наблюдение Мельникова, который заметил, что для Созонова БО являлась "той организацией, инициалы которой были для него тем же, пожалуй, чем являлись буквы I.X. для христиан в эпоху гонений"[86]. Руководитель БО был для Созонова олицетворением этой организации.

Но не всем эсерам была свойственна подобная очарованность личностью Гершуни. Встречаются и критические нотки. Так, Е.К.Брешко-Брешковская констатирует: "В Гершуни организация приобрела верного и умелого исполнителя самых серьезных поручений и, к сожалению, плохого, скорее неопытного психолога"[87]. Гершуни "был крайне неумелым в определении годности того или другого типа. Он горячо хватался за тех, кто предлагал ему себя, как решительного борца, готового сейчас же стать в ряды БО"[88]. Но этот взгляд Брешко-Брешковской, как видно из контекста ее статьи, порожден неутихающей ненавистью к Азефу, и упрек, обращенный к Гершуни, сводится к тому, что он своим авторитетом окончательно укрепил положение Азефа. Другие кадровые промахи Гершуни Брешко-Брешковская предпочитает не замечать.

Достаточно настороженная оценка содержится в письмах П.В.Карповича: "С Гр[игорием Гершуни] мы были слишком

разные люди и мы не могли быть близкими друзьями, наши отношения были хороши, я его уважал и любил, но нек[о]т[о]р[ые] черты его держали меня на извест[ном] расстоянии. Это я понял еще в Шлис[сельбурге] и довольно скоро, а потому и не пытался подходить слишком близко"[89]. Это выглядит странным, так как Карпович обычно полностью доверял товарищам по БО.

Не вполне приняли Гершуни и представители старшего поколения революционного движения, сидевшие вместе с ним в Шлиссельбургской крепости. Фигнер приводит слова М.Ф.Фроленко: "На меня Гершуни произвел впечатление необыкновенно милого, симпатичного, проникнутого, как говорится, до мозга костей революционной идеей и похожего, как мне казалось, на Иисуса по своим душевным качествам. Это был фанатик, но не русский, а восточный..."[90] За внешне благожелательными словами проглядывает несомненная дистанция между мировоззрением Фроленко и взглядами и принципами Гершуни. А Н.А.Морозов, по свидетельству Фигнер, прямо сказал, что "Гершуни не привлек его к себе, и, как характерную черту его, указал, что Гершуни приближал к себе только людей, которые подчинялись его взглядам"[91]. Ряд фактов побуждает нас признать мнение Морозова вполне убедительным.

Наконец, любопытнейшее замечание В.Л.Бурцева, проницательность которого не нуждается в излишних доказательствах. Бурцев, к сожалению, не вдаваясь в подробности, констатирует: "я лично тоже не отношусь к Гершуни так, как многие к нему относятся"[92].

Итак, в эсеровских кругах, безусловно, превалировало положительное отношение к Гершуни. Но объективного рассмотрения его фигуры в источниках, исходящих из эсеровской среды, мы практически не находим. Имя Гершуни было табуировано для любой критики, и мемуаристы, повинуясь негласному, но железному принципу партийной дисциплины, не приоткрывали завесу над истинной физиономией Гершуни. Эсеры видели в Гершуни прежде всего одного из авторитетных лидеров ПСР, руководителя БО, не наделенного никакими пороками, и Гершуни уже при жизни постепенно превратился в символ партийной чистоты и мощи. Сам он, конечно, только способствовал созданию подобного имиджа в глазах окружающих. Результатом некритического отношения к Гершуни стало вольное или невольное сокрытие фактов из его биографии, замалчивание его многих ошибок и промашек, особенно в управлении БО. Если у кого и появлялись сомнения в пра-

вильности поступков Гершуни - то их предпочитали или подавлять в себе, или не высказывать в открытую, опасаясь выносить сор из избы.

Единственным исключением в этом ряду является М.М.Мельников, чьи воспоминания имеют огромную историческую ценность.

Во-первых, Мельников писал их в 1909 году не с целью немедленного обнародования; он пытался ретроспективно обозреть свою жизнь, давая характеристику и себе, и людям, его окружавшим. Воспоминания Мельникова не являются мемуарами в точном смысле слова, а скорее представляют собой исповедь, прочесть которую автор позволил лишь Я.Л.Юделевскому с условием, что оглашению эти заметки не будут подлежать[93]. Во-вторых, обладая прекрасной памятью, Мельников стремится восстановить ход событий в том виде, в каком их запомнил, не избегая при этом давать им свои объяснения. Все собщенные Мельниковым факты достоверны и проверяются другими источниками. Присущая ему в отдельных случаях, как и любому мемуаристу, субъективность, не искажает фактической стороны событий, ибо Мельников не ставил задач оценивать конкретных людей, а представлял свое прошлое в том объеме, в каком оно сохранилось в его памяти.

Мельников полностью демифологизирует фигуру Гершуни, описывая его как очень румяного и сильно плешивого блондина, который совершенно не годился в гипнотизеры, а "влиял на боевиков, играя на их жертвенном чувстве, всегдашней готовности отдать жизнь за идею. Это чувство он старался подогревать и усиливать не магнетизмом, излучаемым из глаз, а путем разговоров, причем не прочь был затрагивать и другие чувства, вроде самолюбия, жажды шума и славы, если они казались ему ведущими к цели"[94]. Гершуни говорил с молодыми, увлекавшимися революционными идеями людьми авторитетно, с апломбом, подчеркнуто самоуверенным тоном, и его воздействие почти всегда приносило плоды. Боевики "чистого" типа бывали просто влюблены в Гершуни, так как он являлся для них олицетворением беззаветной, религиозной преданности делу. Мельников находит, что со стороны Гершуни в отношениях с ними присутствовал один холодный расчет: "для наших целей такие религиозные люди нужны"[95].

Общение с Гершуни привело Мельникова к убеждению, что это был человек с преобладающей складкой пронырливого, хитрого и часто бессовестного дельца. Мельников сознавал,

что "из хитросплетенных интриг и сети многосторонних надувательств, в которой он [Гершуни] принимал участие, он сообщал незначительную и, главное, возможно безобидную часть, давая ей совсем не то освещение, какое она имеет в действительности"[96].

Руководитель БО надеялся, что в случае ареста его помилуют, так как не смогут найти достаточных улик против него, говорив Мельникову, что после помилования человек может дождаться и амнистии, и революции, и вновь оказаться на свободе.

Подвергает Мельников критике и поведение Гершуни на суде. Многое из сказанного там Гершуни не попало в печать. Так, например, Гершуни подчеркивал, что БО борется только против злоупотреблений правительства, но не против династии; говорил о благородном отношении прокурора к подсудимым, отрицал свою принадлежность к ЦК ПСР. Когда его адвокат Н.П.Карабчевский назвал Гершуни бессильным и жалким врагом правительства, подзащитный даже не думал протестовать[97]. По объявлении ему смертного приговора Гершуни стоял "неподвижно как столб с помертвевшим лицом и жалко-расширенным выражением глаз... Он производил впечатление человека, оглушенного сильным ударом по голове"[98]. Когда подсудимых выводили, Гершуни пошел, как лунатик, за жандармами, ни с кем не простившись. Мельников считал полной фальсификацией появившийся в революционной прессе отчет о заседании суда, так как автором его был сам Гершуни, передавший на волю текст через адвокатов. Не менее строго относится Мельников к мемуарам Гершуни, полагая, что в них просматривается только стремление автора приукрасить себя. Гершуни, пишет Мельников, "очень любит выставлять свою личность в самом выгодном и даже чрезмерно выгодном свете, для этого он готов и солгать, если не опасается серьезных опровержений"[99].

В другом документе, написанном Мельниковым, - в заявлении в ЦК ПСР, - утверждается, что Гершуни был "человек, не склонный к экстазу, ловкий практик-делец, поражавший меня своей наклонностью и способностью рассчитывать буквально каждый свой шаг в видах какой-нибудь непосредственной пользы, очень хитрый, беззастенчивый в выборе средств... способный - с одной стороны, отрицать на суде решительно все, что могло бы иметь для него серьезные последствия, выставлять ПСР чем-то вроде террористической оппозиции Его Величества, - а после суда, когда уже выяснилось, что ввиду почти полного отсутствия обвинительных данных и

крайне скандального характера процесса, казней, очевидно, не будет - писать на волю письма о том, как сладко и легко умирать!"[100] Эта уверенность Гершуни в обязательном смягчении судебного приговора базировалась и на знании того, что и его брат, и его родители подавали прошение на имя царя тотчас же после окончания процесса. За несколько дней до предполагаемой казни Гершуни прямо заявил Мельникову: "Увидимся в Шлиссельбурге"[101]. Позже, и в тюрьме, и на каторге, Гершуни постоянно надеялся на освобождение, и все происходившие события воспринимал через эту призму. После выхода из Шлиссельбурга стариков-народовольцев Гершуни опасался затихания интереса общественного мнения к осужденным эсерам. Больше того, был чрезвычайно расстроен, узнав об убийстве великого князя Сергея Александровича: вместо радости от удачного устранения одного из столпов реакции бывший глава БО сказал о своих товарищах: "ведь они знали же, что этим могут нам повредить"[102]. А впоследствии Гершуни находил каждое из постановлений ЦК ПСР о приостановке террора чрезвычайно уместным и одобрял их.

Когда в сентябре 1905 г. Мельников впервые сообщил Гершуни о своих подозрениях против Азефа, Гершуни, не вникая в логический ход размышлений Мельникова, ответил ему фразой: "Теперь такое время, что я и за родного брата не поручусь"[103]. Последствия этого разговора оказались для Мельникова роковыми: Гершуни стал настраивать против него всех товарищей по заключению, а чуть позже вообще распространил версию о том, будто Мельников сошел с ума.

Об организаторских способностях Гершуни Мельников говорит коротко: "Говорят, что Г[ершу]ни был хорошим организатором. Это не совсем так. Он был хитрым и ловким дипломатом в сношениях с людьми, но что касается практической организации дел самих предприятий, то тут он обнаруживает поразительную слабость и какую-то мелодраматичность"[104]. Мельников усматривает в поведении Гершуни и большой актерский элемент, который очень многих вводил в заблуждение.

Итоговая характеристика, даваемая Мельниковым, крайне нелицеприятна: "Основа характера Г[ершу]ни: хитрость, расчетливость, никогда его не покидавшие, сильная склонность к рекламе, большое честолюбие и гипертрофированное самолюбие... очень большая склонность к "позе" и "фразе", большая предприимчивость и энергия, беззастенчивость в выборе средств, окрыляемая уверенностью: "ничего! вывернусь! и никто

ничего не узнает! " - очень большая доля бесстыдства, хотя, быть может, и меньшая, сравнительно с Азефом"[105]. Мельников, правда, находит, что в душе Гершуни жило и искание религиозных основ, но оно было заглушаемо водоворотом интриг, в который Гершуни постоянно бросался. Кроме того, в душе Гершуни "была и преданность революционному делу: как никак, а ведь он был сын угнетенного еврейского народа, хотя и стыдившийся своего еврейства"[106]. Преданности чистой идее, утверждает Мельников, было у Гершуни немного, но отрицать ее совершенно в характере Гершуни нельзя. Эти оценки Мельникова звучат явным диссонансом в общем хоре славословий в адрес Гершуни. Но необходимо также коснуться и тех домыслов в отношении Гершуни, которые свидетельствуют о слишком большом элементе личной неприязни к Гершуни со стороны Мельникова.

Мельников, например, считает, что ни Гершуни, ни Азефу никакие эсеровские организации не передавали полномочий для создания партии[107]. Однако самой большой ошибкой Мельникова мы считаем его утверждение, будто Гершуни изначально знал о двойной игре Азефа, сознательно и добровольно закрывая на нее глаза, будто Гершуни, действуя методами С.Г.Нечаева, пошел на союз с Азефом с целью способствовать падению самодержавия через Департамент полиции. Мельников предполагает, что благословил Гершуни и Азефа на эту деятельность сам С.В.Зубатов, способствовавший созданию террористической организации и рассчитывавший запугать Николая II. И Зубатов, и Гершуни, и Азеф рассчитывали, согласно Мельникову, на карьеру в условиях конституционной монархии, так как император пошел бы на дарование представительных учреждений, чтобы остановить шквал террористических актов[108]. Несложно заметить, что здесь Мельников "калькирует" историю взаимоотношений С.П.Дегаева и Г.П.Судейкина. Мельников автоматически переносит замыслы Судейкина в голову Зубатова, а порывы Дегаева приписывает Азефу и Гершуни. Однако Мельников считает все это не более чем многое объясняющей гипотезой: "Прав я или не прав, говоря, что Гершуни не мог не знать этой отвратительной игры [Азефа], не в этом вопрос... Но если бы даже я ошибался, во всяком случае, я имел самые серьезные, ничем не опровергнутые основания думать именно так, как я думал"[109].

Свое впечатление от воспоминаний Мельникова В.Л.Бурцев подытожил следующим образом: "личность Гершуни выстав-

лена так, что над всей его личностью поставлен один большой знак вопроса"[110].

Ближайший сподвижник Гершуни по боевой работе Азеф писал своей жене о нем: "Этот человек гораздо выше меня"[111]. Никого другого Азеф подобной оценки не удостоил.

Но и сегодня не представляется возможным использовать лишь одну из двух красок - черную или белую - в историческом портрете этой противоречивой фигуры, посвятившей свою жизнь не менее противоречивому ремеслу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Леонов М.И.* Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев,1987.- С.66.

[2] ГАРФ.-Ф.5881. Оп.1. Д.273. Л.2.

[3] Там же. Л.3.

[4] Там же. Л.4.

[5] *Слетов С.Н.* К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С.96.

[6] *Брешко-Брешковская Е.К.* Из воспоминаний.// Дни. 1925. № 862, 25 ноября. С.2.

[7] ГАРФ. Ф.5881. Оп.I. Д.273. Л.12.

[8] Заявление Григория Гершуни Зубатову.// Былое. 1918. №3. С.131.

[9] ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО, 1903. Оп.23I. Д.842. Л.7об.

[10] *Чернов В.М.* Перед бурей. М., 1993. С.138.

[11] ГАРФ. Ф.1699. Оп.I. Д.24 Л.11об.

[12] Из истории партии с.-р.// Новый журнал. 1970. Кн.100. С.284.

[13] *Ракитникова И.И.* К биографии Ст.В.Балмашева.//Былое. 1924. № 24 С.146.

[14] Там же.

[15] ГАРФ. Ф.102. ДП. 7-е делопроизводство, 1902. Оп.199. Д.322. Т.1. Л.82об.

[16] Там же. Л.83.

[17] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1 Д.85. Л.63.

[18] ГАРФ. Ф.102. ДП. 7-е делопроизводство, 1902. Оп.199. Д.322. Т.3. Л.70об.

[19] *Гершуни Г.А.* Из недавнего прошлого. М., 1917. С.68.

[20] Дело Гершуни или о т.н. Боевой организации. СПб., 1906. С.10.

[21] *Гершуни Г.А.* Из недавнего прошлого. С.68.

[22] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.28

[23] Дело Гершуни или о т.н. Боевой организации. СПб., 1906. С.14.

[24] *Гершуни Г.А.* Из недавнего прошлого. С.71.

[25] Там же.

[26] ГАРФ.Ф.1699.Оп.1.Д.85.Л.45.

[27] Там же. Л.66.

[28] Там же. Л.21.

[29] Из истории партии с.-р. С.299.
[30] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.21.
[31] Там же. Л.66.
[32] Дело Гершуни или о т.н. Боевой организации. С.35.
[33] Там же. С.38.
[34] *Гершуни Г.А.* Из недавнего прошлого. С.78.
[35] К делу Фомы Качуры.//Былое. 1906. № 6. С.106-107.
[36] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.29об.
[37] Там же. Л.63.
[38] ГАРФ. Ф. 102. ДП, 7-е делопроизводство, 1902. Оп.199. Д.1171. Л.55.
[39] *Гершуни Г.А.* Из недавнего прошлого. С.75.
[40] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.29.
[41] *Гершуни Г.А.* Из недавнего прошлого. С.80.
[42] Из истории партии с.- р. С.287-288.
[43] Там же. С.288.
[44] Там же.
[45] Там же. С.289.
[46] Там же. С.288.
[47] *Спиридович А.И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С.122.
[48] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.11.
[49] Там же. Л.11об.
[50] Там же. Л.66.
[51] Письма Азефа. 1893-1917. М., 1994. С.157.
[52] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.132. Л.15.
[53] Из истории партии с.-р. С.294.
[54] *Николаевский Б.И.* История одного предателя. - М., 1991. С.68.
[55] *Ратаев Л.А.* Евно Азеф.//Былое. 1917. № 2. С.196.
[56] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.14.
[57] Там же.
[58] Революционная Россия. 1904. № 47, 20 мая. С.20.
[59] ГАРФ.Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.14.
[60] Там же. Л.14об.
[61] Там же.
[62] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85 Л.18.
[63] Из истории партии с.-р. С.295.
[64] *Шнееров М.М.* Воспоминания об Азефе.//Новый журнал. 1956. Кн.46. С.128.
[65] ГАРФ. Ф.102. ДП 00, 1903. Оп.231. Д.565. Л.18.
[66] Революционная Россия. 1903. №24, 15 мая. С.1.
[67] *Горбунов Марк [Колосов Е.Е.] Б.Савинков.* Воспоминания террориста.//Каторга и ссылка. 1927. № 8. С.232.
[68] *Николаевский Б.И.* История одного предателя. С.74.
[69] *Савинков Б.В.* Воспоминания. М., 1990. С.154.
[70] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.63.
[71] *Спиридович А.И.* При царском режиме.//Архив русской революции. Берлин, 1924. Т.15. С.163-164.

[72] ГАРФ. Ф.102. ДП 00, 1903. Оп.231. Д.842. Л.218.
[73] *Гершуни Г.А.* Из недавнего прошлого. М.-Л.,1928. С.171-208.
[74] ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.273. Л.195.
[75] ГАРФ.Ф.1699. Оп.1. Д.123. Л.35.
[76] ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.273. Л.70.
[77] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.67об.
[78] *Спиридович А.И.* При царском режиме. С.161.
[79] Письмо С.В.Зубатова А.И. Спиридовичу по поводу выхода в свет его книги "Партия с.-р. и ее предшественники".//Красный архив. 1922. №2. С.281.
[80] ГАРФ. Ф.5881. Оп.2. Д.124. Л.9.
[81] Там же. Л.34.
[82] *Чернов В.М.* Перед бурей. М., 1993. С.273.
[83] *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений в семи томах. М., 1932. Т.3. С.251-252.
[84] *Савинков Б.В.* Воспоминания. С.314.
[85] Письма Егора Созонова к М.А.Прокофьевой.//Воля России. 1930. № 3. С. 241.
[86] *Мельников М.М.* Первое обвинение Азефа.//На чужой стороне. 1925. №10. С.213.
[87] *Брешко-Брешковская Е.К.* Из воспоминаний.//Дни. 1925. №865, 28 ноября. С.3.
[88] *Брешко-Брешковская Е.К.* Три провокатора: Паули, Азеф, Татаров.//Дни. 1925. №892, 31 декабря. С.2.
[89] ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.459. Лл.5об-6об.
[90] *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений в семи томах. М., 1932. Т.3. С.185.
[91] Там же. С.183.
[92] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.129. Л.117.
[93] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.72об.
[94] Там же. Л.28.
[95] Там же. Л.50 об.
[96] Там же. Л.42об.
[97] Там же. Л.34об.
[98] Там же. Л.35.
[99] Там же.
[100] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.24 Л.9об.
[101] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.85. Л.36об.
[102] Там же. Л.49.
[103] Там же. Л.44об.
[104] Там же. Л.66.
[105] Там же. Л.67.
[106] Там же. Л.67об.
[107] Там же. Л.68.
[108] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.24. Лл.12об-13.
[109] Там же. Л.14.
[110] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.129. Л.117.
[111] ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.126. Л.31.

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

БЕЛЫЕ И ЕВРЕИ

(По материалам российского посольства в Париже и личного архива В.А.Маклакова)

Публикация, вступительная статья и примечания О.В.Будницкого

Российское еврейство в годы гражданской войны пережило трагедию, сопоставимую с Хмельнитчиной и превзойденную по масштабам только в период Холокоста. Между тем ее причины и обстоятельства происшедшего изучены недостаточно. Это касается и позиции белого руководства по отношению к еврейскому населению на контролируемых им территориях. Были ли погромы следствием целенаправленной политики или объяснялись неумением (или нежеланием) военных властей противостоять настроениям "темных" масс? Кто вел эти массы за собой? Каково было отношение различных слоев населения к евреям? Менялась ли политика белого руководства по отношению к евреям на различных этапах гражданской войны? Наконец, как относилось еврейское население к антибольшевистскому движению? Пытались ли еврейские лидеры вступить в контакт с белым руководством? Влияли ли на ситуацию в России международные еврейские организации? Можно сформулировать еще немало вопросов подобного же рода.

Налицо явный дефицит работ[1], рассматривающих ситуацию "изнутри" белого движения. Публикуемые ниже документы подтверждают ошибочность отождествления всех белых с погромщиками, а всех евреев с противниками белого движения[2]. Положение было гораздо сложнее. Объективно значительная часть еврейства, связанная с торгово-промышленной деятельностью, как и многие лица "интеллигентных" профессий, должны были поддержать противников большевиков, что и произошло в действительности, вплоть до участия евреев в белых армиях. Однако вскоре эта часть еврейства оказалась в странном положении непрошеных союзников. Колоссальный рост антисемитизма в войсках даже вынудил Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России А.И.Деникина запретить принимать евреев в армию и уволить из ее рядов уже служивших там офицеров-евреев.

Российские евреи оказались в парадоксальной ситуации: с одной стороны, белое руководство сохранило все узаконения Временного правительства о равноправии евреев, с другой - их жизнь, не говоря уже о собственности, была гарантирована

менее, чем когда-либо еще. Разумеется, в разное время и в разных местах положение складывалось по-разному. Многое зависело от внутри- и, как показывает данная публикация, еще в большей степени внешнеполитического расклада сил и интересов. Многое зависело от конкретных людей и обстоятельств.

Письма российского посла в Париже Василия Маклакова могут, как мне представляется, прояснить существенные мотивы политики белых в "еврейском вопросе", так же как и отношение определенных кругов еврейства к белому движению.

Василий Алексеевич Маклаков (1869-1957), юрист по профессии, был одним из самых блестящих и популярных русских адвокатов. В 1905 году он вошел в партию кадетов и вскоре стал признанным лидером ее правого крыла. Он был депутатом трех Государственных Дум, начиная со 2-й, одной из самых заметных там фигур, многие считали его лучшим парламентским оратором. После Февральской революции Маклаков, несмотря на то, что мог рассчитывать на пост министра юстиции, получил, в конце концов, "всего лишь" назначение послом в Париж. По иронии судьбы Маклаков нанес первый визит во французское министерство иностранных дел 8 ноября 1917 года, на следующий день после большевистского переворота. Ему было суждено остаться послом несуществующего правительства.

В годы гражданской войны Маклаков играл ключевую роль в деле "дипломатического обеспечения" белого движения, которое без поддержки извне вряд ли могло долго просуществовать. Он находился в постоянном контакте с руководителями белых, дважды - в октябре 1919 и сентябре 1920 - ездил в Россию. Так что представлял положение дел в России, в том числе положение евреев, не только по рассказам очевидцев и информации официальных лиц. Безупречная репутация Маклакова и удивительная для российского политика терпимость обеспечивали его контакты с представителями всего политического спектра антибольшевистской России - от крайне правых до левых. Достаточно откровенны, по-видимому, были с ним и представители еврейства - и российского и зарубежного: напомним, что он был одним из защитников Бейлиса. Причем, по мнению большинства юристов, именно его речь сыграла решающую роль. Безыскусная, без всякой аффектации манера речи Маклакова, его умение говорить, как будто бы обращаясь лично к каждому из присяжных, безупречная аргументация оказались наиболее убедительными. После процесса Маклаков

опубликовал в "Русской мысли" статью "Спасительное предостережение (Смысл дела Бейлиса)"[3].

Однако отсюда вовсе не следует, что Маклаков был неким юдофилом. Его отношение к еврейскому вопросу было, если можно так выразиться, классически либеральным. Разумеется, он был сторонником еврейского равноправия. Однако для него это не был первоочередной вопрос. Если верить мемуаристке, Маклаков даже заявлял в кругу единомышленников: "Я - отличный кадет. Я принимаю всю программу за исключением принудительного отчуждения земли, всеобщего избирательного права и равноправия евреев"[4]. Слова о неприятии равноправия евреев следует понимать в том смысле, что Маклаков не считал необходимым ставить этот вопрос раньше других, более, по его мнению, насущных. Он воспротивился постановке вопроса о равноправии евреев в 4-й Думе, аргументируя это тем, что прежде надо ликвидировать неполноправие крестьянства. Эти обстоятельства повышают объективность свидетельств Маклакова.

Публикуемые письма извлечены из архива российского посольства в Париже и личного архива Маклакова, которые хранятся в собрании Гуверовского Института войны, революции и мира в Стэнфордском университете. В архиве посольства находятся преимущественно официальные документы. Однако часть официальной переписки, которую, по-видимому, Маклаков считал наиболее важной, он оставил у себя. Письма Маклакова, адресованные "первым лицам" "Русской Вандеи" - генералу А.И.Деникину, министру финансов деникинского правительства М.В.Бернацкому, начальнику Управления МИД в том же правительстве А.А.Нератову, главе врангелевского правительства А.В.Кривошеину, как правило, затрагивают целый ряд сюжетов. Полностью публикуются только те из них, которые целиком посвящены "еврейскому вопросу"; в остальных случаях - лишь извлечения, относящиеся к интересующей нас проблеме.

Особое место занимает письмо Маклакова послу в Вашингтоне Б.А.Бахметеву. Его деловые отношения с Бахметевым быстро переросли в дружеские, и наряду с официальной корреспонденцией Маклаков посылал ему личные письма с размышлениями и впечатлениями. Если его письма официальным лицам содержат конкретные предложения по еврейскому вопросу, причем те или иные меры аргументируются сугубо прагматически, - то в письме Бахметеву дается блестящая зарисовка настроений в белом Крыму, характеристика той почвы, на которой расцвел антисемитизм. Маклаков очень

точно определил среду, продуцирующую антисемитские идеи и ведущую за собой "темную" массу - определенные слои православного духовенства и интеллигенции.

В качестве приложения печатается письмо выдающегося философа и публициста Петра Струве, занимавшего во врангелевском правительстве пост министра иностранных дел, где дается несколько иная, чем у Маклакова, характеристика русско-еврейских отношений. Письмо Струве интересно, на наш взгляд, прежде всего с психологической стороны.

Все тексты печатаются по машинописным копиям, аутентичность которых подтверждается сопутствующими оригиналами.

Впервые они были опубликованы в издании Центра изучения и документации восточноевропейского еврейства при Иерусалимском университете, журнале "Jews in Eastern Europe" (1995, № 3 (28), в переводе на английский. Настоящая публикация является первой на языке оригинала и несколько дополнена.

Выражаем признательность Совету по международным исследованиям и научным обменам (IREX), грант которого сделал возможной работу в американских архивах, а также Российскому гуманитарному научному фонду, при поддержке которого была подготовлена публикация на языке оригинала в рамках реализации проекта 97-01-00197.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. *Штиф Н.И.* Погромы на Украине.Берлин,1922; *Черковер И.* Антисемитизм и погромы на Украине,1917-1918.Берлин,1923; *Шехтман И.* Погромы Добровольческой армии на Украине. Берлин, 1932; *Kenez Peter.* The Ideology of the White movement//Soviet Studies.1980. Vol.32. Jan. P.58-63; *Kenez Peter.* White pogroms in the Ucraine//The Wiener Library Bulletin. 1977. Vol.30. P.2-8; *Klier, John and Lambroza,* Shlomo, eds.: Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, Eng., 1992. P.293-313.

[2] *Budnitskii Oleg.* The Jews in Rostov-on-Don in 1918-1919//Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe. 1992. No.3(19).P.16-29.

[3] Русская мысль.1913.Т.XXXIV.С.135-143; См. также: Дело Бейлиса: Стенографический отчет. Киев, 1913. Т.III. С.141-155 и статью Маклакова "Значение дела Бейлиса" в одной из самых читаемых в России газет "Русские Ведомости"(№250 от 30 октября 1913).

[4] Эти слова, со ссылкой на архив члена кадетского ЦК Ариадны Тырковой, приводит В.В.Шелохаев в своей книге "Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии" (М., 1991. С.140).

№ 1

В.А.МАКЛАКОВ - А.И.ДЕНИКИНУ[1]

Париж, 3 декабря 1919 г.

Н.М.Родзянко[2] и наши донесения с большею или меньшею подробностью представят Вашему Правительству картину того, что здесь происходит; разрешите мне воспользоваться Вашим позволением и обратиться лично к Вам с двумя просьбами.

Первое - это то, о чем я говорил Вам и пишу также Бернацкому[3], это по вопросу еврейскому. Около него идет такая агитация, которая может оказаться нам прямо гибельною; Америка, сейчас к нам очень расположенная, может именно из-за этого прекратить всякую помощь Добровольческой Армии. Агитацию против Вас меньше всего ведут сами евреи, а ведут Ваши принципиальные враги, но оружие находят в еврейском вопросе. Многие из дружеских нам евреев приходят ко мне и спрашивают, что делать, как помочь. Они сами бессильны справиться с той волною негодования, которую здесь разжигают. Я хочу Вам сказать, что есть некоторые меры, которые и возможны и положительно необходимы.

Во-первых, необходимо, чтобы мы знали правду. Я убежден, что слухи о зверствах и размерах погромов преувеличены; об одних и тех же говорят по многу раз, все сгущая краски, но чтобы мы могли об этом спорить, необходимо, чтобы мы знали правду; я положительно настаиваю, чтобы после всякого погрома, если он еще когда-либо случится, нас извещали немедленно и как можно правдивее, что там было, чем погром объясняется, какие были приняты меры к предотвращению и репрессии и т.д. Можно быть уверенным, что рассказ много раз точнее действительности [так в тексте], но действительность необходимо знать, какова бы она ни была.

Вторая мера, столь же неотложная и еще более простая. Необходимо, чтобы Ваше Правительство нельзя было упрекнуть в хотя бы косвенном содействии погромной агитации. Антисемитизм достаточно силен, чтобы его каким бы то ни было способом разжигать. Между тем "Осваг"[4] в этом грешит. Я сам видел брошюры и показывал их Соколову[5] , из которых во всяком случае нельзя усмотреть, чтобы с антисемитизмом боролись. Одна такая брошюрка за границею способна произвести сенсацию, о которой Вы не сможете составить себе представления и которая набросит уже на Правительство

ответственность за все то, что делается. Было бы, напротив, полезно, чтобы именно "Осваг" издавал бы время от времени брошюры, где бы указал на все зло еврейских погромов. Насколько я знаю, подобных брошюр ни разу не было издано. Меры предупреждения, репрессии, расследования, я знаю, принимаются[6]. Прошу только обо всех их нам сюда сообщать. К этому, быть может, можно было бы добавить и еще некоторые меры, о которых пишу Бернацкому и о которых Вам расскажет Родзянко.

/. . ./

Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California, USA. Russia. Posol'stvo (France). Box 13. Folder 9.

№ 2

В.А.МАКЛАКОВ - М.В.БЕРНАЦКОМУ

Париж, 2 декабря 1919 г.

/. . ./

Я говорил с Каменкой[7] и хотя окончательного согласия он мне не дал, но не дал и отказа. Я думаю, что я уговорю его к Вам поехать. Кроме тех финансовых разъяснений, которые он может Вам дать, я буду рад этой поездке с точки зрения еврейского вопроса. Я скажу сейчас еще более определенно то, что говорил у Вас, на Юге[8]. Здесь для нас большая опасность. Те данные, которыми меня снабдили, далеко недостаточны. Агитация против Добровольческой Армии идет очень большая, и в Америке она достигает тревожных размеров. Если, быть может, Деникин, действительно, при всем желании не может предотвратить погромов, то, говорят нам здесь дружеские и истинно руссофильные евреи, вроде Эльяшева[9], сделайте какие-нибудь иные жесты, при которых погромы будут диссонансом в общей политике. Знаете ли Вы, что при всем польском юдофобстве среди должностных лиц Польши на всех ступенях довольно много евреев? Даже погромщик Петлюра[10] делал тот же жест. На ссылки о погромах они могут ответить: Вы видите, что мы не антисемиты, антисемитизм это только проявление низких страстей подонков общества или хотя бы некоторых специальных кругов. Нам же ничего подобного нельзя указать. Удаление евреев из армии является тоже мерою, показывающей, что Правительство капитулирует перед антисемитизмом[11]. Все это придает одиозную постановку еврейскому делу в России и служит большую службу нашим врагам. Я был бы очень рад, если бы приглашение Каменки было бы некоторой новой

ласточкой и, наконец, если бы Вы с ним еще раз поговорили о том, как остро и больно стоит этот вопрос.

Ibid. Машинопись. Копия.

№ 3

В.А.МАКЛАКОВ - М.В.БЕРНАЦКОМУ

Париж, 5 декабря 1919 г.

Многоуважаемый Михаил Владимирович,
/ . . . /
Вчера мы получили телеграмму Деникина Колчаку[12] о золотом запасе в Сибири, из которой ясно до какой степени Вам нужны товары или заграничная валюта. /.../ ... представитель Сионистского банка[13] приходил ко мне сегодня и подал записку, копию которой Вам прилагаю. Этот банк берется купить те товары, которые Вы ему укажете и Вам их доставит тоже в обмен за сырье. Подкладка этого предложения, которая выделяет его от прочих, та, что этим актом сионистская организация желает сделать красивый жест - помочь русскому населению от имени еврейства без каких бы то ни было спекулятивных целей. Вот потому эта организация хотела бы не обращаться ни к каким посредникам, ни своим, ни чужим, а передать товары прямо в руки Правительству. Конечно, скажу от себя, что есть большая опасность, что и при этих условиях товары до населения дойдут с накладными расходами на всевозможные взятки. Но, во всяком случае, этот Банк, по мотивам своего вмешательства, выгодно отличается от всех тех, которые ищут только немедленной и крупной наживы.
/. . ./

Ibid. Машинопись. Копия.

№ 4

В.А.МАКЛАКОВ - А.А.НЕРАТОВУ[14]

Париж, 23 декабря 1919 г.
А.А.Нератову, Г[осподину] Начальнику Управления Министерства Иностранных Дел

Милостивый Государь Анатолий Анатолиевич,
В январе 1920 года в Базеле состоится сионистская конференция, на которой будут обсуждаться исключительно сионистские вопросы, связанные с Палестиной.

На этой конференции ожидаются и делегаты южно-русских сионистов, избранные на местах. Для выезда этих делегатов требуются визы Генерального Штаба Добровольческой Армии.

По этому делу обратился ко мне известный вам Г[осподин] Пасманик[15], прося содействия. Со своей стороны я находил бы весьма полезным облегчить русским сионистам приезд на конференцию. Необходимость пойти навстречу их пожеланиям вызывается, кроме соображений общего характера еще и тем, что сионисты, как я уже сообщал в Таганрог[16], изъявили готовность, при посредстве своих банковских учреждений, оказать финансовую помощь Доброармии.

Пасманик просит по возможности ускорить выдачу виз на выезд означенных делегатов за границу и обратно. Он просил бы дать эти визы тем делегатам, выборы которых будут подтверждены в Одессе: присяжным поверенным Тривусом, доктором Шварцманом или инженером Темкиным[17], и в Ростове н/Дону - инженером Ротштейном[18]. Все делегаты от Юга России будут в числе до 20 лиц.

Примите, Милостивый Государь, уверение в отличном моем уважении и искренней преданности.

Hoover Institution Archives. Russia. Posol'stvo(France). Box 8. Folder 6. Машинопись. Копия.

№ 5

В.А.МАКЛАКОВ - Б.А.БАХМЕТЕВУ[19]

Париж, 21 октября 1920

/. . . /

Другая, не менее реальная опасность - это настроение реакционное; и с места говорю Вам, не в правительстве, а в обществе, и заметьте, в очень широком обществе, не только в среде офицерства и военных, но и в среде интеллигенции. Пока это не столько убеждение, сколько инстинкт, направленный, как всегда, на отрицание и на борьбу, не на созидание. Они, во-1-х, идут против всего, что им напоминает революцию, против всех тех партий, которые взяли ее под свое крыло; во-2-х, и Вы понимаете сами, с особенной быстротой и стихийностью превращается в антисемитизм. Антисемитизмом сейчас менее всего заражено Правительство; я воистину не ожидал, что Врангель[20] с такой ясностью будет представлять себе государственный вред

от антисемитизма. Я с полной уверенностью скажу, что там, где есть Врангель и его армия, погромов не будет; и я говорю это не сам, так думают и местные евреи, с которыми мне приходилось говорить. Врангель и смелее, и решительнее Деникина, и это знают. Наконец, и территория у него меньше, поэтому погромов государство и правительство не допустят. Но та общая волна антисемитизма, которую породил большевизм и которая захватила теперь, во-1-х, крестьянство, где его прежде не было, так как комиссары-евреи в деревне сумели развратить и крестьянство, и во 2-х, захватило и интеллигенцию, вообще совершенно нравственно расшатанную и подорванную. Эта волна антисемитизма из России переносится сюда. Но главная опасность заключается не в том, что проснулись эти инстинкты; хуже, что сейчас намечаются силы, которые ими могут воспользоваться. В этом отношении, в первую очередь я ставлю духовенство. Деятельность духовенства в Крыму приобретает сейчас своеобразно опасный характер. Во-первых, несомненно, что некоторое пробуждение религиозного чувства налицо, вернее всего, что в виде реакции против прежнего, но оно налицо. Затем на сцене появился так называемый либеральный батюшка, бывший любимец нашего либерализма, и на первом плане Востоков[21], тот самый Востоков, которому были запрещены служения Митрополитом Макарием за его выходки против Распутина, и которого мы все либералы, в особенности думские, взяли под свое покровительство. Сейчас он превратился в настоящего ярого черносотенца и юдофоба. Так что его смешивают уже с Восторговым[22]. Когда я был в Севастополе, то мне передавали о проповедях, которые духовенство произносит в церквах, а иногда даже и на площадях; говорили, будто Востоков просто призывает к погромам. Ссылались на постановление Симферопольской Городской Думы, которая обращалась к Врангелю с просьбой принять меры против подобной агитации. Произведя в пределах доступного анкету в Севастополе, я не могу не признать, что все это страшно преувеличено; у нас видят призыв к погрому в простом наименовании Троцкого Бронштейном; поэтому, с этой стороны и в этой форме обвинение есть ложь, а ссылка на постановление Симферопольской Думы меня лично ни в чем не убеждает, так как я по опыту знаю, что стоило в смысле доказательства факта постановление Государственной Думы. Однако, несомненно, что если бы не было призыва к погрому, то содержание пастырских речей все-таки же было явно реак-

ционное; все они дышали ненавистью к революции и видели корень несчастья, обрушившегося на Россию, именно в том, что Россия сделала революцию. Те, кто слышал эти проповеди, а еще больше те, которые их не слышали, а об них слышали, могли совершенно добросовестно, одни с радостью, а другие с ужасом, утверждать, что в церквах ведется реставрационная пропаганда, а отдельные намеки на роль еврейства в этой пропаганде, конечно, питают и настоящих погромщиков, да и, кроме того, и среди большевиков всегда могли найтись умные провокаторы погромов, и все это вместе взятое создавало тревожную атмосферу. Этого рода проповеди, как раз во время моего приезда, получили некоторое обострение. Высшее духовенство, т.е. епископы, почему-то такое решили назначить три дня "покаяния"; они воспользовались тем, что в субботу было Воздвижение и вот, начиная с пятницы вечером и кончая воскресеньем в церквах читалось епископское послание к пастве, в котором они перечисляли русскому народу те его грехи, за которые Бог его карает; главных грехов было 4; я их не помню всех, знаю только, что первым было забвение Бога, вторым - служение маммоне, а третьим - измена присяге во время революции, причем говорилось прямо, что Государя заставили отречься силой; четвертого пункта я не помню. Все это воззвание, конечно, не могло быть понято иначе, как доказательство явного сочувствия монархической реставрации, хотя этого прямо и не говорилось[23]. Это было до такой степени ясно, что немедленно по всему городу разнеслись слухи, что после этих трех дней покаяния откуда-то вывезут какого-то великого князя, который и будет посажен на престол. Слухи об этом ходили самые упорные и никаким опровержениям никто верить не хотел. Мне хотелось посмотреть своими глазами, какое впечатление производит чтение этого послания на слушателей; но, несмотря на все старания, я не смог войти в церковь, до того все церкви были переполнены. Я говорил с Врангелем об опасностях, которые представляют подобного рода проповеди. Он не только со мной не спорил, но сейчас же со мной согласился, согласился в том, что вообще проповеди духовенства принимают уродливую форму; я запретил, - сказал он, - печатать в газетах послание этих епископов, и, действительно, в газетах были напечатаны только краткие изложения со смягчением всех углов. Но, - говорил он, - могу ли я, барон Врангель, запретить своею властью чтение проповедей и вообще [ввести] цензуру пастырских обращений. Было бы желательно,

- говорил он, - чтобы Востоковская проповедь была обуздана самими же епископами, чтобы в среде самой же церкви пробивались другие течения, а не то, чтобы я прибегал к мерам убеждения, что вообще обнаружило бы конфликт между государственной властью и высшей церковной властью. И он настойчиво рекомендовал мне дружески поговорить с Булгаковым[24], который был моим товарищем по университету, с которым мы были в самых лучших отношениях, который был, наконец, совершенно культурным человеком и на которого он рассчитывал, как на возможного представителя такого рода культурного духовенства. Я действительно говорил с Булгаковым и после этого многое стало для меня понятным. Мы с Булгаковым встретились очень дружески и дружески разошлись, проговорив целую ночь и целое утро. Я скажу больше, мы кое до чего договорились, но все-таки между нами обнаружилась такая пропасть в исходных точках, после которой никакое соглашение не представлялось возможным. Основная позиция Булгакова все-таки же та, что у духовенства сейчас совершенно задача не политическая, не партийная, а задача воспитательная; Россия погибла именно потому, - думает он, - что народ испортился, что русская душа развратилась, и развратилась она потому, что она забыла религиозные идеалы и усвоила начала современного мировоззрения, жаждущего материальных благ, и т.д. Поэтому Булгаков думает, что духовенству нужно полностью и целиком сделать призыв к этим чувствам и настроениям народной души, не смущаясь никакими политическими, тактическими и партийными соображениями. Говоря грубо, он мне сказал, что предпочитает, чтобы Россия сделалась большевистской вся целиком, откуда она выйдет перерожденной в духе христианства, чем стала бы буржуазно-демократической, самодовольной, благоустроенной, но и забывшей Бога. Вот та исходная точка зрения, которую нужно констатировать, но нет никакой возможности оспаривать; это не поддается спору и столкнувшись здесь в этом пункте с Булгаковым, я вспомнил теоретические споры с Львом Толстым[25] - на известном пункте они прекращались. Но Булгаков совершенно признает, что государство не может стать на эту точку зрения, что у него свои задачи; он согласился со мною, хотя он мне указывал, что все эти проповеди в Крыму возможны потому, что Врангель стоит на Перекопе, а последнее мыслимо только потому, что Запад дает ему ружья; и что если бы Врангель исчез, то те чудотворные иконы, которые были привезены в

Севастополь при громадном стечении народа (я видел эту встречу), были бы исщеплены на кусочки и потом синематографы это бы показывали. Булгаков согласился и с этим, но вывод у него простой: Врангель не устоит и они будут побиты. Но что же делать. Это тоже Божеское попущение. Что же касается до того, что они своими проповедями мешают Врангелю, то в конце концов, хотя из этого и не следует, что они должны от своей точки зрения отказаться, но даже не согласен в том, чтобы духовенство ему мешало; напротив; нам, дипломатам, следует только использовать эту реакционную тенденцию духовенства, чтобы еще на больший пьедестал поставить культурность Врангеля и его сравнительный либерализм. Я не буду передавать Вам в подробностях моих разговоров с ним, как они ни интересны. Скажу только, что в области политической Булгаков против даже парламентарной монархии, он хотел бы просто возвращения к самодержавию; он признает, что никаких шансов на успех нет, но так как он не политик и не тактик, он проповедник, то этот вопрос об успехе его не касается. Что же касается до антисемитизма, то здесь я встретил, пожалуй, самый опасный вид антисемитизма; подозрение, если не говорить убеждение, что вообще всем миром владеет объединенный еврейский кагал, организованный где-то такое в Америке в коллегию и что большевизм был сознательно напущен ими на Россию. Я скажу Вам, что пока это не убеждение самого Булгакова; но у него большие сомнения, что это правда, и он настойчиво и очень подробно допрашивал меня о том, в какой мере теми данными, которыми я обладаю, можно было бы опровергнуть это представление. Он выпытывал меня о моих связях с масонством, о том, что мне приходилось там видеть и слышать, о raison d'etre[26] существования масонства т.д.; словом, я вижу, что для Булгакова, если не теперь, то в будущем, а для менее культурных епископов и в настоящее время преобладающая роль евреев среди большевистских главарей не случайность и объясняется не историческими причинами, а есть только проявление той тенденции завоевать мир, которая приписывается (евреям). Булгаков определенный противник погромов и с этой стороны признает, что проповеди Востокова, хотя и не погромные, - он это отрицает, - но могут вызывать не христианские и очень опасные чувства в массе. Он достаточно культурен, чтобы это признать, но, с другой стороны, Булгаков мог бы дать опору гораздо более опасной, я бы сказал, отжитой тенденции государства смотреть с совершенным удовлет-

ворением на самозащиту от еврейства; я бы не удивился, если бы Булгаков одобрил если не черту оседлости, то запрет вступать в государственную службу и вообще правовые ограничения еврейства. Так вот, видите ли, какие проснулись вновь тенденции среди представителей интеллигенции, так как Булгаков все-таки интеллигент. Опасность этого отлично понимают и Врангель и Кривошеин[27]. Но если здесь, заграницей, кажется, что этому легко положить предел и что нужно только окрикнуть духовенство, то стоит побывать в Крыму и видеть тамошнее общественное настроение, чтобы понимать, что простая элементарная осторожность не позволила бы относительно духовенства слишком кавалерийских мер. Эта реакционная опасность, на которую я Вам указываю, с моей точки зрения все-таки же опасна не столько в настоящее время, сколько в будущем; что бы ни говорил Булгаков, что предпочитает большевизм демократизму, и что он не считается с тактическими доводами, обращаясь только к человеческой душе и занимаясь воспитанием, это, может быть, верно для самого Булгакова, хотя и в этом я не убежден, но, конечно, нисколько не верно для большинства духовенства. Недаром, когда полоумный Восторгов стал пропагандировать план о походе на Москву без ружей и пулеметов, а только с одними иконами, крестным ходом, уверяя, что весь народ сбежится со всех сторон и что они дойдут до Москвы без единого выстрела, то когда серьезные люди указывали им все безумие и, главное, весь риск такого похода, они не стали настаивать и от него отказались. Поэтому, как только опасность большевизма станет реальной, духовенство замолчит и даже убежденные люди возьмут себя в руки. Но, подобно тому, как большевистски-правое офицерство есть опасность на случай неудач, так реакционность духовенства будет очень реальной опасностью на случай удач; и тогда, когда большевизм действительно дрогнет и начнет разваливаться, - что может быть гораздо скорее, чем кажется, - вот тогда духовная проповедь по всей России, если только она пойдет в том же направлении, может стать колоссальной опасностью с точки зрения культуры, да и вообще благопристойности. Но против этого, конечно, Врангель абсолютно бессилен; он не допустит погромов в Крыму, он даже может помешать проповедям в тех двух губерниях, где он властвует, но совладать с стихийным движением, если оно пойдет, он не сможет. Направление мысли нашего духовенства при перевороте в религиозную сторону, вообще народное настроение, конечно,

покажет демократическому Западу и Соединенным Штатам насколько с их точки зрения была бы выгоднее победа Колчака, Деникина или Врангеля, т.е. смена одной власти другой, хотя бы имеющей реакционные задатки, но все-таки же властью, понимающей обязанности государства, насколько такая победа была бы предпочтительнее стихийному крушению большевизма народной волной. Эта волна затопит многое из того, что пощадил до сих пор большевизм.

/. . ./

Hoover Institution Archives. Vasily Maklakov Collection. Box 3. Folder 8. Машинопись. Копия.

№ 6

В.А.МАКЛАКОВ - А.В.КРИВОШЕИНУ

Париж, 11 октября 1920 года

Многоуважаемый Александр Васильевич,

Только что приехал Струве[28]. Не буду ничего писать по общим политическим вопросам, тем более, что будут еще вализы в четверг и в воскресенье. К тому времени, очевидно, выяснятся и некоторые перспективы финансового характера. Сейчас пишу Вам по двум основным вопросам второстепенного характера.

/. . ./

Второй вопрос есть вопрос еврейский. Я виделся здесь с одним из самых почтенных и видных представителей еврейства, одним из тех, которые хорошо учитывают те настроения, с которыми Вам приходится считаться и которые не претендуют ни на что сверх того, что необходимо. Так, он мне говорил, например, что лично является противником участия евреев в правительстве и никогда бы не посоветовал никакому еврею итти в министры финансов. На еврейский вопрос он смотрит глазами русского человека и государственника; живя за границей, он отлично понимает, какое роковое значение для Врангеля может иметь всякое проявление антисемитизма, особенно в настоящее время, когда Америка занята выборами президента республики и когда голос еврейства, поднятый в пользу Врангеля, мог бы иметь благие практические последствия. Это один из тех людей, которые не ограничиваются словами и на слова которых положиться можно. По этим именно основаниям я и считаю своим долгом сообщить Вам мой разговор с ним. Он сводится к следующему. От Вашего

правительства, - подчеркиваю, не лично от Врангеля, который до сих пор стоит выше подозрений, но именно от Правительства, на которое здесь направляются главные стрелы, - в настоящее время ничего другого не нужно, как только чтобы было ясно, что это Правительство не только не сочувствует погромам, но и действительно их не допустит и намерено принять все меры, чтобы их не допустить. Он просил меня дать ему в этом смысле интервью, чтобы его использовать в прессе; конечно, я это сделаю, но было бы еще лучше иметь некоторые акты. Так, например, было бы хорошо, чтобы была введена в действие статья прежнего Уложения о Наказаниях 269 со знаком. Это статья, на споре против которой в свое время либеральные адвокаты делали себе карьеру, - статья, которая преследовала фабричные беспорядки, аграрные и т.д.; но в ней есть пункт, который предусматривает беспорядки на почве религиозной вражды и ее применяли к тем случаям, когда судили за еврейские погромы. Было бы полезно и в общем совсем не соблазнительно, если бы в этом общем виде эта статья была восстановлена, если она отменена или вообще, если бы о существовании ее напомнили. Она не выделила бы евреев в особое положение и не была бы направлена только против еврейских погромов, но против погромов вообще; но было бы ясно, с другой стороны, что и они под нее подходят. С другой стороны, было бы полезно, если бы были какие-нибудь декреты в порядке ли усиления уголовной кары или административной меры против газет и т.д., которая бы объявила недопустимость призывов к беспорядкам между прочим наряду с другими и на почве религиозной вражды. Все это имело бы характер для подтверждения недопустимости погромов, которой могло бы быть сейчас хорошо использовано. Затем, было бы вообще лучше, если бы были какие-либо декреты, которые, в случае насилия, сделанного одной частью населения против другой, возлагают на государство [обязанность] вознаградить потерпевших и если бы какой-нибудь акт можно было к этим жертвам приравнять, как к жертвам погромов из религиозной вражды. Словом, мысль очень ясная - рассматривать погромы с точки зрения их государственной опасности и недопустимости со всеми вытекающими из этого последствиями. В сущности здесь сейчас так нетребовательны, что считали бы это большим плюсом.

Ibid. Box 9. Folder 7. Машинопись. Копия.

№ 7

В.А.МАКЛАКОВ - А.В.КРИВОШЕИНУ

Париж, 29 октября 1920 г.

/. . ./

Трепов[29] говорил мне очень разумные вещи на тему об антисемитизме; он самым категорическим образом заявил себя врагом антисемитизма; он очень скептически смотрит на русских евреев, думая, что с ними сговориться вообще невозможно; но он думает зато, что очень легко сговориться с видными евреями Запада, которые и спокойнее смотрят на вещи и издали более здраво судят. Если, - говорил он, - сговориться с этими заграничными евреями и убедить их в том, что ни под каким видом Врангель не допустит погромов и не будет подстрекать антисемитизма, что он поймет и необходимость помощи еврейского капитала в будущем строительстве России, поймет, что оно заинтересовано, чтобы поставить Россию на ноги, если подобного рода договор (даже не договор, а просто разговор), не подлежащий никакой огласке, был бы достигнут и ему бы поверили, то тогда мы бы имели все еврейство, т.е. весь капитал, на своей стороне.

Ibid. Машинопись. Копия.

Приложение

П.Б.СТРУВЕ - Н.И.АСТРОВУ[30]

12 апреля 1921 г.

Глубокоуважаемый Николай Иванович,

Я виноват перед Вами, что не ответил тотчас на Ваше письмо. Но я надеялся на выяснение некоторых обстоятельств, да так и не дождался и потому пишу. Это относится (ожидание выяснения некоторых обстоятельств) главным образом к первой части Вашего письма, к вопросу об издании книги А.И.Деникина[31]. Конечно, книга эта будет чрезвычайно не только интересна, но и важна. (Я не сомневаюсь, что она написана превосходно.) Деникина постигла странная судьба: его признали совсем не тем, чем он был. Я до сих пор не могу без негодования

слушать о реакционности Деникина и глупой и невежественной болтовни на тему о падении режима по его реакционности. Деникин пал потому, что он не сумел или не смог разрешить военной задачи (может быть, задача была и не разрешима; не разрешил ее и Врангель, но, мне кажется, по другим причинам, субъективным и объективным, чем Деникин).

Я думаю, что книгу Деникина следовало бы издать на "национальный" счет, если бы была у нас "нация", а не были категории, руководимые личными самолюбиями. В оценке Деникина, глупой, лживой и хамской, впрочем, играют очень важную роль еврейские влияния, неспособность большинства евреев рассматривать русскую историю иначе как под углом зрения "еврейских погромов". Я все это могу писать совершенно свободно, т.к. я не деникинец и не антисемит, хотя Рысс в "Последних Новостях"[32] сделал открытие, что я еще в 1910 г. идейно обосновал русский антисемитизм (это не помешало ему после этого целые годы сотрудничать в "Русской Мысли"). Евреи рассуждают так: при Деникине были еврейские погромы, в которых повинны были и воинские части (это верно); при Деникине евреев не пускали в офицеры (это тоже верно), а потому Деникин мерзкий реакционер и его режим был реакционен. Они только неспособны понять, что ненависть к евреям проникла весь русский народ (ненависть эта почти животная даже у интеллигентов) и что это гораздо важнее и ужаснее того, что Деникин антисемит (если он таковой). Ибо с антисемитизмом, как всенародным настроением, справиться может только очень сильная власть.

Вашу статью я очень охотно помещу в "Русской Мысли"[33]. Слово "охотно" слабо выражает мое отношение. Как бы мы ни расходились в вопросах политической тактики, в оценке [пропуск в тексте] лиц, я чувствую, что у меня с Вами и Вам подобными [пропуск в тексте] нечто основное не только в мыслях, но и в чувствах, и сейчас я особенно ценю эту общность в основном и непреходящем.

Н.А.[34] и я кланяемся Софии Владимировне[35]. Я слышал, что Вы собираетесь скоро во Францию.

Искренне Вам преданный П.Струве.

Hoover Institution Archives. Petr Struve Collection. Box 4. Folder 19. Машинопись. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Деникин Антон Иванович (1872 - 1947) - генерал, один из зачинателей белого движения, командующий Добровольческой армией, затем - Главнокомандующий вооруженными силами Юга России.

[2] Родзянко Николай Михайлович (1888 - 1941) - председатель Временного комитета Всероссийского Земского Союза.

[3] Бернацкий Михаил Владимирович (1876 - в конце 2-й мир. войны) - проф. политэкономии, публицист. С 25 сентября 1917 - министр финансов Временного правительства. В 1918-1920 - министр финансов в правительствах А.И.Деникина и П.Н.Врангеля.

[4] Осваг (Осведомительное агентство) - деникинское ведомство пропаганды и информации.

[5] Соколов Константин Николаевич (1882 - 1927) - профессор-юрист, кадет. Член Особого Совещания (правительства) при Деникине, в котором курировал законодательство, а затем пропаганду.

[6] Действительно, перед лицом неизбежного разложения армии, к которому вели погромы, командование белых предприняло некоторые шаги по их предотвращению. Генерал А.М.Драгомиров доносил Деникину из Киева 20 октября 1919 года: "...Отдельные шайки бандитов начали шарить по еврейским кварталам и вымогать деньги. Несколько мерзавцев, пойманных на месте преступления, были о п р а в д а н ы военно-полевым судом... Я вытребовал к себе составы судов и разругал их так, как, кажется, еще никого никогда не ругал. . . Суд стал выносить смертные приговоры, которые все и были приведены в исполнение..." (*Деникин А.И.* Очерки русской смуты// Вопросы истории. 1994.№10. С.107). Однако принятые меры были запоздалыми и носили эпизодический характер. Погромы продолжались в других местах и после жестких показательных репрессий, предпринятых Драгомировым в Киеве. Для полноты картины добавим, что в цитированном письме Драгомиров информировал Главнокомандующего также о том, что когда большевики захватили на несколько дней Киев, "то экспансивность евреев взяла верх, и они устроили такое ликование, которое сразу показало, на чьей стороне их симпатии". Вряд ли можно было ожидать другого отношения к красным, что бы о них ни думали киевские евреи, после нескольких недель "тихого" погрома, чинимого подчиненными Драгомирова.

[7] Очевидно, речь идет о Борисе Абрамовиче Каменке (1885 - 1942), председателе Совета Азовско-Донского банка, уехавшего из России еще до Октябрьской революции, "предвидя, - по его словам, - что будет, и желая сберечь силы для дела восстановления России". Каменка имел в Париже собственный банк и оказывал кадетам финансовую помощь. В 1920 г. глава врангелевского правительства А.В.Кривошеин

предлагал Каменке пост министра финансов, однако тот отказался. (См.: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М.,1982. С.155; *Врангель П.Н.* Воспоминания. М.,1992. Ч.2. С.357).

[8] По воспоминаниям Деникина, "прибывший из Парижа осенью 1919 г. российский посол Маклаков привез также требование парижского еврейства о "торжественной декларации" и о включении в состав правительства "хотя бы одного еврея" - Деникин А.И. Указ. соч. С.120.

[9] Эльяшев Лев Ефимович (1863 - 1946) - в прошлом член московского городского комитета партии кадетов, в эмиграции входил в комитет Парижской группы партии, примыкал к П.Н.Милюкову.

[10] Петлюра Симон Васильевич (1879 - 1926) - лидер украинского националистического движения во время гражданской войны. С ноября 1918 - главнокомандующий войск Украинской народной республики, с февраля 1919 - председатель Директории (правительства) УНР. Хотя Директория торжественно провозгласила политику национальной автономии и предоставление евреям всех национально-политических прав, а также создало Министерство по еврейским делам, период ее правления ознаменовался кровавыми еврейскими погромами. Мнения историков о личной ответственности Петлюры за погромы расходятся. Петлюра был застрелен в Париже Ш.Шварцбардом, вся семья которого погибла во время погромов на Украине.

[11] Как известно, в царской армии евреям не могли присваиваться офицерские чины. Временное правительство отменило это ограничение. Некоторое количество офицеров-евреев попало в Добровольческую армию, а несколько человек совершили с ней Ледяной поход с Дона на Кубань, оказавшись в числе пользовавшихся особым уважением среди белых "первопоходников". "При последующих мобилизациях, - писал Деникин, - эти офицеры явились в полки, но офицерское общество отказалось их принять; устранены были также из частей те офицеры-евреи, которые состояли в них раньше. По жалобе одного из них - первопоходника, дважды раненого в боях, я потребовал от командующего Добровольческой армией, ген. Май-Маевского принять решительные меры против самочинных действий частей. Но меры эти разбились о пассивное сопротивление офицерской среды. Чтобы не подвергать закон заведомому попранию и людей безвинных нравственным страданиям, я вынужден был отдать приказ об оставлении офицеров-евреев в запасе". - (*Деникин А.И.* Указ. соч. С.104). Деникин не пошел на подобную меру в отношении рядовых, полагая, что это стало бы юридически ограничением в правах. По признанию Главнокомандующего войсками белых, евреи в его армии "подвергались постоянному глумлению; с ними не хотели жить в одном помещении и есть из одного котла". Солдат-евреев начальство запасных батальонов было вынуждено изолировать в отдельные роты. Массовое дезертирство и умышленно строгие требования при приеме постепенно "урегулировали" ситуацию. Правда, по утверждению

Деникина, солдаты-евреи, "рассосавшиеся" по частям, дискриминации не подвергались.

[12] Колчак Александр Васильевич (1873 - 1920) - адмирал, в конце 1918 - 1919 гг. руководитель антибольшевистских сил на Востоке, был признан Деникиным и другими лидерами белых "верховным правителем" России.

[13] Очевидно, речь идет о Еврейском колониальном банке, основанном в 1899 году в Лондоне в соответствии с решениями 1-го и 2-го Сионистского конгрессов. На 75% первых акций ЕКБ подписались русские евреи. Жест банка можно вполне оценить, учитывая, что в период первой мировой войны он понес в России тяжелые убытки. Мотивы предложения достаточно прозрачны - повлиять на политику руководства белых по отношению к российским евреям.

[14] Нератов Анатолий Анатольевич (1863 - ?) - действительный статский советник, гофмейстер, член Государственного Совета. В 1910 - 1917 - товарищ министра иностранных дел. С осени 1918 исполнял обязанности управляющего отделом иностранных дел в Особом совещании при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России.

[15] Пасманик Даниил Семенович (1869 - 1930) - кадет, активный участник сионистского движения, публицист. В 1918-1919 принимал участие в краевом правительстве в Крыму, которое опиралось на англо-французские войска и Добровольческую армию. В 1918 был избран председателем Союза евр. общин Крыма. С 1919 - в Париже, где работал в редакции газеты В.Л.Бурцева "Общее дело", в то время главного органа антибольшевистской эмиграции, получавшей финансовую поддержку от Деникина, а затем от Врангеля.

[16] В это время командование и правительственные учреждения белых размещались в Таганроге.

[17] Тривус Израиль - редактор "Еврейской мысли", официального органа одесских сионистов, в 1917 - 1918 гг.; в эмиграции - с 1923 г. член редколлегии журнала "Рассвет" в Берлине; примкнул к сионистам-ревизионистам; Шварцман Михаил - один из лидеров сионистского движения в России; в 1917-1918 гг. входил в совет Петроградской еврейской общины; затем перебрался в Одессу, вошел в центральный комитет сионистов Украины; был членом сионистской делегации на Версальской конференции; с 1923 г. член редколлегии "Рассвета";Темкин Владимир (Зеэв) (1861-1927) - ветеран сионистского движения, неоднократный участник сионистских конгрессов. В 1917 был избран в Учредительное Собрание по еврейскому национальному списку от Херсонской губернии. В 1919 г. - член центрального комитета сионистов Украины. С 1920 г. - в эмиграции в Париже. Был первым президентом всемирного совета сионистов-ревизионистов.

[18] Ротштейн И. (Ицхак?) М. - один из лидеров ростовских сионистов, был председателем делегатского съезда сионистских организаций

Дона и Северного Кавказа, состоявшегося в Ростове-на-Дону в октябре 1917 г. Один из авторов и редакторов издававшегося в Ростове "органа национальной и сионистской мысли" "Мир еврейства". Вряд ли Нератову, даже при желании, удалось помочь в реализации просьбы Пасманика в связи с начавшейся катастрофой деникинской армии.

[19] Бахметев Борис Александрович (1880 - 1951) - инженер и ученый; по политическим взглядам сначала меньшевик, затем сблизился с кадетами. В 1917 г. назначен Временным правительством послом в США. Сохранял свой пост до 1922 г.

[20] Врангель Петр Николаевич (1878 - 1928) - генерал, командующий Кавказской, затем Добровольческой армией при правлении Деникина; выступил с критикой деятельности последнего, за что был удален из армии и выслан за границу; после отставки Деникина стал его преемником на посту Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России.

[21] Востоков Владимир Игнатьевич (1868 - 1957) - протоиерей; в 1913-1916 гг. - фактически в ссылке в Коломне за выступление в печати против Г.Е.Распутина. Прославился тем, что отслужил в Москве молебен в красной ризе по случаю Февральской революции. После Октябрьской революции быстро эволюционировал к крайнему черносотенству, пропагандировал в армии Деникина погромные идеи, за что подвергался внушениям со стороны духовного и военного начальства. Аналогичную пропаганду вел в Крыму. По воспоминаниям Востокова, 22 сентября его вызвал Врангель и потребовал прекратить подобную "религиозно-патриотическую пропаганду" под угрозой высылки из Крыма. Рукопись воспоминаний Востокова хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

[22] Восторгов Иоанн Иоаннович (1864 - 1918) - протоиерей, один из основателей черносотенного "Союза русского народа"; активный противник советской власти. Расстрелян большевиками 5 сентября 1918.

[23] О монархической пропаганде духовенства Белого Крыма и об отношении к ней властей вспоминает митр. Вениамин (Федченков). См.: Журнал Московской патриархии. 1973. №7. С.101-102.

[24] Булгаков Сергей Николаевич (1871 - 1944) - публицист, философ, экономист, общественный деятель. Проделал эволюцию "от марксизма к идеализму", участник известных философско-публицистических сборников "Вехи" и "Из глубины". В июне 1918 г. принял сан священника. В июле переехал в Крым, где служил профессором политической экономии и богословия Таврического университета (Симферополь). После поражения Врангеля - протоиерей ялтинского собора. В 1922 г. выслан за границу. Работы Булгакова по еврейскому вопросу собраны в кн.: *Булгаков С.* Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991.

[25] Маклаков смолоду был знаком с Л.Н.Толстым, часто общался с ним в Москве, неоднократно бывал в Ясной Поляне, позднее не раз публиковал в эмиграции свои размышления о нем.

[26] Смысле существования (франц.).

[27] Кривошеин Александр Васильевич (1857 - 1921) - статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного Совета. В 1908-1915 - главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из ближайших сотрудников П.А.Столыпина. В начале 1920 г. заведовал продовольственным снабжением тыла у Деникина. После Новороссийской катастрофы эвакуировался в Константинополь, затем перебрался в Париж. В апреле 1920 г. по предложению Врангеля приехал в Крым и возглавил Правительство Юга России.

[28] Струве Петр Бернгардович (1870 - 1944) - один из лидеров русского либерализма, публицист, философ, экономист. Проделал эволюцию от "легального марксизма" к правому крылу либерализма. Редактор заграничного органа русских либералов "Освобождение" (1902-1905). В России редактировал наиболее авторитетный "толстый" журнал "Русская мысль". Участник сборников "Вехи" и "Из глубины". В годы гражданской войны член Особого Совещания при Деникине, заведующий "внешними сношениями" в правительстве Врангеля.

[29] Трепов Александр Федорович (1864 - 1928) - егермейстер, статс-секретарь, сенатор, член Государственного Совета. В 1916 г. - Председатель Совета министров. В период гражданской войны - в Финляндии, оказывал помощь армии генерала Н.Н.Юденича. Эмигрировал во Францию. Член Высшего монархического совета.

[30] Астров Николай Иванович (1863 - 1934) - общественный деятель, кадет. В 1917 - московский городской голова. Член Особого Совещания при Деникине, возглавлял комиссию по формированию гражданской власти. В эмиграции жил в Праге.

[31] Книга А.И.Деникина - "Очерки русской смуты" вышла в 1921 - 1926 гг. в Париже и Берлине в 5 томах.

[32] Рысс Петр Яковлевич (1870 - 1948) - публицист; "Последние новости" - наиболее популярная эмигрантская газета леволиберального направления, выходившая в Париже в 1920-1940 гг., с марта 1921 г. под редакцией П.Н.Милюкова.

[33] "Русская мысль" - в данном случае журнал, издававшийся Струве в 1921-1923 в Софии, Праге и Берлине; в 1927 г. ему удалось выпустить еще один номер в Париже.

[34] Н.А. - Нина Александровна Струве, в девичестве Герд - жена П.Б.Струве.

[35] Панина София Владимировна (1871 - 1957) - графиня, общественный деятель, член ЦК партии кадетов. С 1920 г. - гражданская жена Н.И.Астрова.

НОВЫЙ СТРОЙ:
У ВЛАСТИ И ПОД ВЛАСТЬЮ

Б. Д. Бруцкус

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПОД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Публикация и вступительная статья Е.О.Будницкого и О.В.Будницкого

Републикация избранных работ выдающегося русско-еврейского экономиста и общественного деятеля Бориса Давидовича (Бер-Дова) Бруцкуса (1874-1938) в конце 1980-х - начале 1990-х, сначала в Париже (издательство «Поиски»,1988), а затем в отечественных журналах («Новый мир», «Вопросы экономики», «ЭКО» и др.) пришлась как нельзя кстати. Еще в 1919-1922 гг. Бруцкус предсказал будущую печальную судьбу социалистической экономики и точно, вплоть до мельчайших деталей, обрисовал проблемы, с которыми столкнулся СССР 70 лет спустя. Важнейшей из статей Бруцкуса, несомненно, была работа «Социалистическое хозяйство: Теоретические мысли по поводу русского опыта», впервые опубликованная в петроградском журнале «Экономист» в 1921-1922 гг. (перепечатана в журнале «Новый мир», 1990, №8). Не случайно в 1922 г. он был выслан из Советской России по личному указанию В.И.Ленина. По-видимому, идеи Бруцкуса, убежденного «рыночника», оказали влияние на лауреата Нобелевской премии Фридриха Хайека, написавшего предисловие к одной из книг Бруцкуса, изданной на английском языке.

Бруцкус был активным деятелем еврейского национального движения; в 1902-1908 гг. он был руководителем сельскохозяйственного отдела еврейского колонизационного общества; вместе с С.М.Дубновым - одним из лидеров Фолкспартей, хотя, в отличие от установок партии, проявлял значительный интерес к поселению евреев в Палестине. После высылки из Советской России Бруцкус жил в Берлине, где продолжал заниматься научной работой и общественной деятельностью; после прихода к власти нацистов перебрался в Париж. Свои дни Бруцкус закончил в Иерусалиме, где с 1936 г. был профессором экономики сельского хозяйства Еврейского университета.

Жизни и деятельности Бруцкуса посвящен очерк В.К.Кагана «Борис Бруцкус» (Иерусалим, 1989).

Наследие Бруцкуса до сих пор целиком не собрано; многие его работы разбросаны по страницам эмигрантских журналов

и газет. Статья "Еврейское население под коммунистической властью"(1928), на наш взгляд, является одной из важнейших в "еврейском" наследии Бруцкуса, не утратив своего научного значения до сих пор.

Бруцкус прозорливо замечал, что "борьба Советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной мере борьбой против еврейского населения". Отмечая рост числа евреев среди советских служащих, он указывал на преходящий характер этого явления и на неизбежный рост антисемитизма, к которому оно приведет. Бруцкус достаточно оптимистично оценивал перспективы еврейской аграрной колонизации, но, на наш взгляд, недооценил возможные негативные политические последствия этого движения для еврейского населения.

С иронией и сарказмом писал Бруцкус о еврейском социалистическом движении, несколько опережавшем в своем развитии общерусское: "Нужен был очень большой запас столь свойственного евреям доктринаризма, чтобы в ремесленном мастере или мелком промышленнике черты оседлости, экономически слабом, граждански неравноправном, политически ничтожном, усмотреть представителя господствующего класса и чтобы узреть в борьбе с ним "освобождение рабочего класса". Во всяком случае, еврейские социалистические партии культивировали в себе специфическую ненависть к еврейскому мелкому мещанству и в борьбе с ним усматривали свое назначение". Эту психологию, по мнению Бруцкуса, унаследовала Евсекция коммунистической партии.

Интересы еврейского населения, подводил итог Бруцкус, "стоят в коренном и непримиримом противоречии с самыми основами экономической и социальной политики коммунизма". Ценность этого вывода в том, что он был сделан тогда, когда положение евреев в СССР представлялось многим верхом благополучия.

Статья печатается по тексту журнала «Современные записки» (Париж), 1928, кн.36.

* * *

На мрачном фоне русской действительности катастрофы, постигающие те или другие значительные группы населения, стали заурядными событиями. Мы к ним привыкли, наша чувствительность к ним уже давно притупилась. И если я в настоящей статье хочу привлечь внимание читателя специально к положению еврейского населения, то мне это представляется необходимым, ввиду большого значения, которое имел и имеет еврейский вопрос в политической жизни России. Вокруг него кипят страсти, и это побуждает определенные политические группы, по весьма различным и даже противоположным мотивам, в извращенном виде представлять фактическое положение еврейского населения в России; к этому представляется тем больше возможностей, что фактический материал по еврейскому вопросу лишь немногим известен и даже лишь немногим доступен.

I

Еврейские массы были заняты до революции не в сельском хозяйстве и не в крупной промышленности. Они черпали средства существования из торговли и из мелкой, преимущественно ремесленной промышленности. Из этого очевидно, что судьба еврейской массы должна была зависеть от отношения коммунистической власти к частному городскому хозяйству.

В программу НЭП'а, по Ленину, входило примирение с частным хозяйством "серьезно и надолго". Это обещание не было исполнено. Борьба с частным хозяйством и, в особенности, с начатками капитализма в нем проходит красною нитью через всю историю НЭП'а. Отношение к мелкому крестьянскому хозяйству является несколько более терпимым. Крестьянина можно более или менее коротко стричь, но обойтись без него никак нельзя, ибо пока что за его счет приходится строить то, что коммунисты именуют социализмом. Гораздо менее терпимым является отношение к частному городскому хозяйству. Частная промышленность, хотя бы и мелкая, опасна, как возможный конкурент госпромышленности. Что касается частной торговли, то она несовместима с политикой "планового хозяйства". Так как рост госпромышленности требовал широкого развития товарно-денежных отношений, то отрицательное отношение к частному городскому хозяйству не могло быть выдержанным, — за периодами относительной терпимости следуют коммунистические реакции. В настоящий момент этот реакционный припадок является настолько острым, что закон-

ным является вопрос о том, существует ли вообще еще система НЭП'а.

Если обозреть развитие НЭП'а за истекшие $7^1/_2$ лет в целом, то придется признать, что Советской власти не удалось использовать товарно-денежных отношений для преимущественного развития, так называемого, социалистического сектора народного хозяйства. Относительное значение частной торговли все время шло на убыль, а в момент обострения коммунистической реакции имело место даже и абсолютное сокращение частного городского хозяйства.

Само собой разумеется, что борьба между т.наз. социалистическим и частным хозяйством не ведется на основе fair play — это совершенно противоречило бы всем основам коммунизма. Т. наз. социалистические предприятия пользуются разного рода привилегиями и монополиями, в то время как частное хозяйство обременено тяжкими платежами и наталкивается на другие трудности. Но кроме того, советская власть никогда не стеснялась применять административные меры для устранения частного конкурента.

Едва терпимому положению частного хозяйства соответствует и угнетенное правовое положение его носителей. Коммунизм обещает совершенно ликвидировать деление населения на классы, но эта эпоха всеобщего и полного равенства наступит лишь тогда, когда будет закончена борьба за строительство социализма. А пока коммунизм отрицает не только имущественное, но и правовое равенство граждан. Вожди коммунизма не перестают клеймить принцип равенства, как "мелкобуржуазный".

В соответствии с этим юридические права граждан определяются их отношением к строительству социализма. Если коммунистической власти приходится признать известные права за массой крестьянства, то положение представителей частного городского хозяйства является чрезвычайно униженным. Кто не состоит членом какого-нибудь профессионального союза, тот является в Советской России гражданином 2-го и 3-го ранга. Если одиночкам-кустарям и представителям некоторых свободных профессий удалось в последние годы получить кое-какие права, то торговцы, лица "эксплуатирующие" наемный труд и вообще т.наз. "деклассированные", равно как и "кулаки" в деревне, являются настоящими париями коммунистического общества. Лишенные политических прав, т. е. права выбора в советы, они тем самым лишаются и гражданских прав. Те, кто в городе лишены права голоса, вынуждены платить за все коммунальные услуги: за квартиру, за освещение, за воду, во много

раз больше, чем прочие граждане. При этом все, что муниципалитеты на средства, собранные с "буржуазии", делают для удовлетворения культурных нужд населения, касается почти только членов профессиональных союзов. Больному, не состоящему в профессиональном союзе, почти невозможно попасть в общественную больницу, и сына торговца принимают в школу в самую последнюю очередь. При отсутствии прочного правопорядка "не трудящийся" чувствует себя совершенно бесправным. Что классовый суд не даст ему защиты, об этом не приходится и распространяться.

Чрезвычайно характерным для коммунистического государства является его выраженная тенденция к превращению в сословное. Торговец не только бесправен, но он поставлен в такие условия, что он не может перейти в состав другого класса. Рабочим на фабрику его не примут. Ему поставлены законные затруднения к приему в состав членов производительных товариществ. Профессиональные союзы в большинстве случаев блюдут за тем, чтобы даже частные предприниматели не принимали к себе рабочих и служащих буржуазного происхождения. Особенно характерен тот факт, что не только торговцы, не только кустари, но и дети торговцев и кустарей не регистрируются на биржах труда. Только в мае текущего года сделано было, наконец, исключение из этого жестокого правила в пользу кустарей, членов артелей. Что детей буржуазии не принимают в ВУЗы — об этом не приходится распространяться. Мы имеем, таким образом, в современной России старый сословный строй, но с другим социальным положением сословий.

Борьба Советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной мере борьбой против еврейского населения.

И до войны густая сеть городских поселений и значительное, даже избыточное, перегромождение мелкого мещанства имелись только в черте еврейской оседлости. В период чистого коммунизма города лишились почвы в разложившемся народном хозяйстве. Около 5 милл. горожан бежало в деревню. Наоборот, евреев страх перед погромами заставлял концентрироваться в городах. Благодаря этому относительная численность еврейского населения в составе городского тогда заметно повысилась. Объявлен был НЭП, и поток людей устремился обратно из деревни в город. Но возвращавшиеся преимущественно искали и находили службу в государственных предприятиях. Прежнее мещанство бросилось в кустарные промыслы, в мелкую торговлю. Всякое предпринимательство капиталис-

тического характера под коммунистической властью, при отсутствии достаточных гарантий личности и собственности, было и есть дело исключительной энергии, ловкости, оборотливости и притом дело сопряжено с немалыми опасностями. Прежний класс капиталистов, привыкший работать в условиях известного правопорядка, не в состоянии ориентироваться в новых, неимоверно тяжелых условиях. Немногочисленная новая буржуазия должна была вновь сложиться из общественных низов, и в состав ее вошли в значительном числе евреи, которые и до войны привыкли работать в сравнительно неблагоприятных правовых условиях. Таким образом, еврей не только являются теперь почти единственными представителями частного городского хозяйства на территории Украины и Белоруссии, но и в составе небольшой капиталистической верхушки столиц — Москвы, Петрограда, Харькова, где роль еврейской буржуазии была до войны довольно скромной, их участие теперь стало весьма значительным. То обстоятельство, что коммунистическая власть имеет перед собой такого оборотливого врага, как новую еврейскую буржуазию, немало затрудняет ее борьбу с ростками городского капитализма.

Однако, поскольку мы здесь интересуемся не только судьбой немногочисленных групп евреев, попавших во внутреннюю Россию, сколько судьбой еврейской массы, оставшейся в черте оседлости, нам необходимо учесть влияние еще одного фактора, определяющего ее жизнь. Таковым является еврейская Секция Коммунистической партии, коротко Евсекция.

Однако еврейское население в своей массе стояло совершенно в стороне от революционного движения фабричных рабочих, захвативших фабрики, и крестьян, захвативших землю. Еврейские пролетарские партии заняли первоначально отрицательную позицию по отношению к большевизму. В период борьбы с контрреволюцией большевики стремились создать себе опору и среди еврейского населения. Погромы контрреволюции ей эту задачу сильно облегчили. Постепенно из кругов еврейских пролетарских партий черты оседлости выделились группы сторонников коммунизма, которые и образовали Евсекцию. В городах и местечках бывшей черты оседлости ее влияние на жизнь еврейской массы является весьма значительным. Как она использовала свое влияние?

Еврейское социалистическое движение несколько опередило в своем развитии общерусское, опиралось главным образом на ремесленных подмастерьев и рабочих мелкого производств. Нужен был очень большой запас, столь свойственного евреям, доктринаризма, чтобы в ремесленном мастере или мелком

промышленнике черты оседлости, экономически слабом, гражданski неравноправном, политически ничтожном усмотреть представителя господствующего класса и чтобы узреть в борьбе с ним "освобождение рабочего класса". Во всяком случае, еврейские социалистические партии культивировали в себе специфическую ненависть к еврейскому мелкому мещанству, и в борьбе с ним усматривали свое назначение. Эту психологию унаследовала Евсекция.

Когда Ленин с объявлением НЭП'а призвал к примирению как раз с мелкой буржуазией, то его призыв меньше всего мог найти отклик в Евсекции. Действительно, что же делать Евсекции, не имеющей в своем управлении никакой территории, как не бороться с еврейским мещанством? Таким образом, Евсекция посильно противодействовала успехам НЭП'а в черте оседлости и, так как после его объявления власть коммунистической партии на местах значительно окрепла, то борьба Евсекции против еврейского мещанства была не безуспешной.

Впоследствии руководители Евсекции признавали, что их политика по отношению к еврейскому населению в начальный период НЭП'а существенно разошлась с общей политикой партии. "В союзном масштабе, - пишет председатель Евсекции А.Мережин*, - НЭП начался в 1921 г. Специально в еврейской работе, по отношению к трудящейся еврейской мелкой буржуазии НЭП начался не в 1921 г., а с запозданием"...

Только с конца 1924 г. настроения Евсекции стали меняться, и она заняла несколько более примирительную позицию по отношению к еврейскому мелкому мещанству.

Рассмотрим вкратце те перемены, которые пережила еврейская масса в связи с колебаниями коммунистической политики**.

---

* См. руководящий орган Евсекции "Der Emes" на еврейском языке от 2.X.1925 г.

** Довольно яркие картины жизни еврейской массы в революции до 1924 г. включительно даны в сборнике студенческих исследований: "Еврейское местечко в революции". Очерки под ред. В.Г.Тана-Богораза. Госизд. 1926 г. 220 стр. Книга тем интереснее, что она выдержана частью в очень наивных, частью в верноподданнических коммунистических тонах. Но самый богатый материал о положении евреев имеется в еврейской коммунистической прессе. За передовицами, прославляющими блага коммунизма, следуют часто материалы, имеющие объективное значение. Особенно ценны корреспонденции с мест. Довольно полная картина экономической жизни еврейской массы в 1924 г. на основании аутентичных выписок из коммунистической прессы дана в небольшой, но весьма содержательной еврейской брошюре Я.Лещинского: "Правда о евреях в России" (Der Emes wegn di idn in Rusland), изд. "Jalkut" Berlin 1925, стр. 64. Автор этих строк имел также возможность использовать богатое собрание материалов Н.Ю.Гергеля, которое последний любезно предоставил ему для ознакомления еще до опубликования.

II

Частное хозяйство встречало наименьшие препятствия для своего развития со стороны коммунистической власти как раз в первые $2^1/_2$ года НЭП'а. Большевики чувствовали себя несколько пришибленными неудачами на экономическом фронте. Ни государственная промышленность, ни государственная торговля, ни коммунизированная кооперация не были еще налажены и народное хозяйство восстанавливалось с некоторым частнохозяйственным креном.

Однако еврейское население б. черты оседлости довольно плохо использовало этот период. Ему нелегко было оправиться после гражданской войны и погромов. Неурожай 1921 г. поразил не одно только Поволжье, — он распространился на весь степной район вплоть до Днестра. Со своей стороны и Евсекция заботилась о том, чтобы еврейское мещанство не могло оправиться. Не имея возможности окончательно остановить восстановление частной торговли, Евсекция направила свои главные усилия на то, чтобы, используя флаг профессиональных союзов, воспрепятствовать восстановлению частной промышленности. Хозяевам ставились такие заведомо неисполнимые условия, что содержание мастеров и учеников становилось невозможным. Однако и одиночные мастера не были гарантированы от вмешательства Евсекции, которая под флагом профессиональных союзов нормировала продолжительность и условия их работы.

Деятельность Евсекции в то время не вполне совпадала с общей партийной линией. Поэтому для нее было особенно желанным возникновение в конце 1923 г. первой коммунистической реакции, продолжавшейся до весны 1925 г. Евсекция использовала этот период для того, чтобы завершить экспроприацию еврейского мещанства, которую она не успела закончить в короткий период господства в черте оседлости "военного коммунизма".

В то время как в столицах народившиеся было представители крупного капитала были изъяты с помощью ГПУ и сосланы в Нарым, был дан общий лозунг по стране — путем произвольного исчисления налогов приостановить развитие частного хозяйства. Советская налоговая система к концу 1923 г. более или менее сложилась. Налоги были тяжелы и рассчитаны на то, чтобы затруднить конкуренцию частной торговли с покровительствуемой кооперацией. Но еще более тяжек был произвол

невежественной фининспектуры. Невзнос налога влечет за собой высокие пени, опись имущества и арест. Оптовая и лавочная торговля была в 1924 г. в черте оседлости разгромлена, осталась почти только мелкая базарная торговля.

Но и ремесло было поставлено в те же условия и было отягчено теми же налогами. У ремесленников реквизировали их последние инструменты, их сырье, принадлежавшее часто заказчику-крестьянину. Особенно печально стало положение молодежи, которой за разрушением ремесленного ученичества решительно нечего было делать. "Молодежь ходит без дела" (di jugent geit arum pust un pas), есть обычный рефрен всех корреспонденций с мест в еврейской коммунистической прессе.

Самое еврейское равноправие превратилось в фикцию. Более 2/3 еврейского населения не имели права голоса в совете, следовательно это большинство было во всяком случае не менее бесправно, чем оно было под старым режимом. Только его бесправие определялось теперь не по религиозному, а по социальному признаку.

Поскольку сведения о крайне печальном положении еврейского населения просачивались в еврейскую прессу за границей, Евсекция пустила в оборот теорию, которая была подхвачена сочувствующими и должна была обелить Советскую власть. Не отрицая затруднительного положения части еврейского населения, Евсекция и сочувствующие коммунизму возлагали ответственность за это на старый режим, который будто бы препятствовал евреям заниматься производительным, т. е. по толкованию коммунистов, физическим трудом. Поскольку евреи и теперь занимаются "непроизводительным трудом", им приходится страдать. Советская власть здесь ни при чем.

В действительности положение было как раз обратное. С уничтожением еврейской мелкой промышленности и с увеличением затруднений по содержанию подмастерьев и учеников, класс еврейских рабочих почти исчез. Те, кто остались при своей специальности, превратились в т.наз. "квартирников" в лице работающих у себя дома на скупщика в самой неблагоприятной обстановке и за нищенское вознаграждение. Как раз под старым режимом, вследствие постепенного развития русского народного хозяйства и углубления хозяйственных связей между чертой оседлости и внутренней Россией, численность избыточных еврейских мелких посредников все время сокращалась, и профессиональный состав еврейской массы становился более разнородным. Теперь наоборот, еврейское насе-

ление опять превращалось в массу мелких посредников, не имеющих под собой никакой экономической почвы.

По соображениям не столько, по-видимому, внутренней, сколько внешней политики и Советская власть заинтересовалась наконец судьбой еврейской массы в бывшей черте оседлости, и вот тогда в конце 1924 г. возник проект спасения еврейского населения путем колонизации. Вскоре казавшееся безнадежным положение еврейской массы стало действительно несколько улучшаться. Но этим улучшением она обязана была, конечно, не начавшейся систематической колонизации, [а] некоторому перелому — в общей политике Советской власти.

Весной 1925 г. Советская власть перешла к более примирительной тактике по отношению к частному, в особенности, мелкому хозяйству. Это был короткий период т.наз. Нео-Нэпа, продолжавшийся примерно $1^1/_2$ года, до осени 1926 г. 15 апреля 1925 г. были сделаны значительные налоговые льготы, сначала только для мелких кустарей (под кустарями разумеют также теперь и ремесленников), которые по декрету от 13 мая того же года были распространены и на городских кустарей.

Что касается торгового класса, то формально налоговые льготы были даны лишь уличным торговцам. Была также освобождена от налогов торговля на деревенских ярмарках. Что касается более крупных видов торговли, то они не получили льгот, но фининспекторам было предложено ввести свою деятельность в законные рамки. Систематическое строительство пользующейся всякими привилегиями государственной, т.наз. кооперативной торговли продолжалось.

Правовое положение мелкого мещанства также испытало некоторое улучшение. Согласно Инструкции о выборах в Советы от осени 1925 г., ремесленники, имеющие не более 3 учеников и не более одного подмастерья, получили право голоса. Получила также право голоса самая низшая группа торговцев, занимающаяся торговлей вразнос. В силу новой инструкции значительно большая часть еврейского населения получила политические, а следовательно, и кое-какие гражданские права.

Указанные реформы несколько облегчили положение еврейской массы. К тому же в Евсекции одержали с того времени верх течения, которые занимают более примирительную позицию по отношению к мещанству.

Помимо полученных льгот для еврейского населения имел значение совершившийся тогда общий подъем русского народного хозяйства. Окончательная замена натурального обложения

крестьянства денежным, стабилизация валюты и хороший урожай 1925 г. привели к быстрому росту товарно-денежных отношений, который пошел на пользу еврейскому населению.

Больше всего имели возможность поправиться еврейские ремесленники. Они проявили большую энергию. Они создали в черте оседлости сеть защищающих их интересы кустарных обществ. Стали восстанавливаться прекрасно функционировавшие в городах и местечках черты оседлости, как и до войны, ссудно-сберегательные товарищества. Стало было опять возрождаться ремесленное ученичество, и ремесленники стали принимать подмастерьев.

Хотя частная торговля и продолжала отступать перед государственной и кооперативной, но все же и она использовала общий подъем менового хозяйства. Много торговцев занялось скупкой зерна и других сельскохозяйственных продуктов.

Быстро стала развиваться в обеих западных республиках и мелкая промышленность, мукомольная, маслобойная, табачная, кожевенная, успешно конкурируя за сырье с государственной промышленностью.

Но, конечно, решительно перелома в жизни еврейской массы за $1^1/_2$ года наступить не могло.

В докладе секретаря Евсекции, Чемеринского, представленном им в декабре того же года Всесоюзному Совещанию Евсекции и посвященном "революционным достижениям" еврейского населения мы читаем следующее: "Но положение большей части еврейского населения не только не улучшилось, оно даже несколько ухудшилось. К этой категории относится большая часть кустарей, мелкие торговцы и пр. Деклассированная часть еврейского населения и мелкие торговцы живут в очень тяжелых условиях и без всяких видов на лучшее будущее".

Когда Чемеринский докладывал это Евсекции**, Россия уже вступила во второй период коммунистической реакции, переходящий в настоящий момент в полный разгром НЭП'а. Реакция началась с удаления частника из торговли зерном. Затем последовали запреты скупки кож, масличных семян, табака. В связи с этим шло изъятие у частников мельниц, закрытие частных маслобоен, кожевенных заводов, табачных фабрик. Летом 1927 г.

---

* "Der Emes", 20.XI.1926 г.

** Всесоюзное Совещание еврейских секций ВКП(б), М. 1927, стр. 55, 56 (по-еврейски).

началось нормирование цен в частной торговле. Принуждение торговать по нормированным ценам привело к массовых арестам торговцев и к ликвидации важнейших отраслей частной торговли, как-то мануфактурной, лесной и др. На 1927—1928 г. на Украине уже было выбрано на 1/3 меньше торговых патентов, нежели в предшествовавшем году, и сокращение частной торговли вследствие чрезвычайного обострения произвола фининспектуры продолжается.

Правовое положение представителей частного хозяйства испытало также в конце 1926 г. резкое ухудшение. Согласно выборной инструкции от осени 1926 г. не только лишены права выбора в советы все торговцы, но и все, кто за истекшие пять лет когда-либо занимался торговлей. Лишены права голоса почти все ремесленники, пользующиеся наемным трудом. Таким образом, уже тогда не менее 40% еврейского населения оказались в категории бесправных. Но кроме того, эта инструкция вызвала опять дезорганизацию ремесла. Ремесленники поотпускали своих подмастерьев, и не только их, но и учеников, ибо их содержание вызывает вымогательство со стороны фининспектуры.

Развитие коммунистической реакции в текущем году превращается в массовую ликвидацию частных и торговых и промышленных предприятий*. Разгром частной торговли имеет роковое значение и для ремесла, которое всегда запасалось сырьем у частных торговцев. Государственная торговля считает себя обязанной снабжать сырьем в лучшем случае только ремесленные артели, но и эту обязанность она выполняет крайне неудовлетворительно. После предоставления ремесленникам в 1925 г. кое-каких льгот, число еврейских ремесленников сильно возросло. Теперь большая часть ремесленников из-за недостатка в сырье осталась без работы. Известный еврейский крайний коммунист Сударский, обследовавший положение еврейского населения на Волыни и в Тульчинском округе, сообщает**, что, согласно определению местных кустарных обществ, до 80% ремесленников сидят за отсутствием сырья без работы.

---

* В статье Б. Слуцкого "Больше внимания местечку" ("Der Emes" от 4 мая т. г.) указывается, что местные власти так стремительно позакрывали частные стеклянные заводы в Киевском округе, что не только 500 человек рабочих остались без дела, но даже погибло немало стекла в деле.

**"Трибуна еврейской советской общественности" от 1 мая 1928 г.

Нажим на крестьянство, произведенный истекшей зимой, распространился также и на местечки. Они были обязаны в порядке "добровольного" самообложения внести дополнительно 35% к сумме подоходного налога. Повышены также платежи за квартиру в жалких национализированных лачугах в местечках. Новые платежи возложены на бывшую "буржуазию", не считаясь с тем, что она давным-давно уже обобрана*.

Еврейское население отброшено теперь даже в более жалкое положение, чем то, в котором оно было в 1924 г. На этот раз, впрочем, Евсекция уже не скрывает создавшегося печального положения, как она это делала в 1924 г. Пленум Евсекции Украины, заседавший 24—26 февраля тек. г., принял следующую резолюцию о положении еврейского населения в местечках**.

"Пленум" констатировал, что положение еврейской бедноты в местечках за последние месяцы ухудшилось. Процесс выталкивания еврейского лавочника и посредника через кооперацию и государственную торговлю усилился. Безработица среди кустарей и ремесленников усилилась. Теперешний кризис местечковой экономики глубокий и серьезный. Один докладчик на съезде крестьян в Белоруссии выразился определеннее***: "Местечковое население состоит из бедняков, которые трижды в день умирают с голоду".

Таковы последствия нового разгрома НЭП'а для массы еврейского населения.

III

В предыдущем мы рассматривали экономическое положение еврейского населения, как зависимое от положения частного городского хозяйства. Однако так ли это? Разве революция не открыла перед еврейским населением новых возможностей? Разве в связи с обретенным равноправием у них нет "революционных завоеваний"? Такие новые возможности действительно открылись перед еврейским населением. Задача состоит только в их правильной оценке.

---

* В цитированной статье Б. Слуцкого деятельность местечковой власти характеризуется как "идиотизм" и даже как преступление. Автор убежден, что это безобразие произошло лишь потому, что добродетельная уездная власть не доглядела, что он редко заглядывает в местечки.

** Харьковская газета "Der Stern", от 1.III.1928 г.

*** "Der Emes" от 26.I.1928 года.

То, что вовне стоящим более всего бросается в глаза, это появление значительного количества евреев советских служащих и притом часто на весьма высоких постах. Из этого делаются нередко выводы, будто евреи и только они вышли из революции с выигрышем.

Первое появление евреев на высоких постах относится к начальным стадиям коммунистической революции, когда немногочисленные интеллигенты, входившие в состав партийной верхушки большевиков, в немалой части и евреи, распределили между собой важнейшие функции государственного управления. Кроме того, ввиду саботажа и политической ненадежности старого чиновничества и интеллигенции, Ленин поставил перед партией определенную задачу создания из общественных низов новых кадров государственных служащих. Довольно многочисленная еврейская полуинтеллигенция, а также и еврейский рабочий класс, среди которых немало людей со сметкой, выделили тогда из себя заметную часть коммунистических комиссаров. Отсутствие у них связей с контрреволюцией делало их надежными.

Появление первых, по большей части очень молодых, еврейских комиссаров, которые были совершенно чужды населению и, подобно своим русским товарищам, ни морально, ни интеллектуально не были подготовлены для несения тех ответственных обязанностей, которые на них были возложены, — появление их в момент, когда Советская власть грубейшее насилие считала нормальным методом управления, оставило глубокий след в психологии народных масс. Большевизм поднял тогда на верхи незрелые и нередко преступные элементы населения и в русских массах был сделан ядовитый посев антисемитизма, со злыми последствиями коего всему еврейскому населению придется считаться очень долгие годы.

Однако вскоре появился и другой тип еврейского советского служащего. Когда русская интеллигенция убедилась, что большевизм, к сожалению, не является скоро преходящим бедствием и когда в то же время с объявлением НЭП'а приемы управления приняли несколько более нормальный характер, она пошла на службу Советской власти, тем более что никакого другого исхода для нее и не было. Еврейская интеллигенция до революции не была служилой. Она или работала в частных предприятиях, своих или чужих, или занималась свободными профессиями. Так как коммунистическое государство исполняет важные экономические функции, то еврейская интеллигенция,

более причастная к экономической жизни, была очень желанной для многих ведомств.

Таким образом, появились значительные кадры еврейской интеллигенции на советской службе. Эта служилая интеллигенция, русская или инородческая, работает в значительной своей части добросовестно и служит не большевикам, а России. Благодаря труду этой интеллигенции, подчас в неимоверно тяжких условиях, спасено немало экономических и культурных ценностей России, несмотря на глубокие дефекты варварского режима. Благодаря им страна прошла немалый путь в поправлении и восстановлении ее экономической и культурной мощи.

Но во всяком случае, если не говорить о небольшом меньшинстве коммунистов, то большинство еврейских служащих выходит не из еврейской массы, а из верхов еврейского населения. Число еврейских служащих в последнее время сокращалось не только ввиду режима экономии, но и ввиду проведения украинизации и белоруссизации двух западных республик. Евреи, как горожане, большей частью не говорили ни на украинском, ни на белорусском наречии, и благодаря этому многие из них потеряли там службу. На основании статистики профессиональных союзов число еврейских служащих достигает 180000 человек*. Служащие евреи составляют 8% из общей численности; эта цифра значительно выше процента евреев в составе общего населения, но примерно соответствует их относительной численности в составе городского населения. Еврейских служащих особенно много в комиссариатах, исполняющих экономические функции.

Можно ли считать, что появление класса еврейских служащих является ценным революционным завоеванием для еврейского населения? По этому поводу приходится высказать большие сомнения. Конечно, евреи, коммунисты, поднявшиеся с низов, чувствуют себя, может быть, на своих высоких постах не плохо; для них это большое достижение**. Но для боль-

* Так как самым благородным сословием в современной России считаются промышленные рабочие, то статистика Евсекции обычно перечисляет часть еврейских служащих в рабочих. Цифры секции (в уже указанном докладе Чемеринского) подлежат исправлению. Мы следуем здесь исправленному исчислению г. И.Ю.Гергеля.

** По подсчету от января 1927 года общее число коммунистов в СССР было 1122874, в том числе евреев 45342, или 4%. Таким образом, относительное число евреев-коммунистов больше, чем имеется евреев в составе населения. Но коммунистическая партия почти исключительно городская, и процент евреев-коммунистов вдвое ниже, чем процент евреев в составе городского населения.

шинства еврейских служащих, вышедших из верхов еврейского общества, этого ни в коем случае нельзя сказать. Эти группы в своих ли предприятиях, в чужих ли капиталистических предприятиях или в свободных профессиях были материально лучше поставлены, чем на советской службе. О моральном самочувствии интеллигенции у монопольного работодателя, коммунистического государства, и под руководством и контролем коммунистов, состоящих в значительной части из самоуверенных и мало культурных молодых людей, не приходится распространяться. Верхи еврейского населения при своем вынужденном переходе на советскую службу, конечно, не выиграли, а потеряли.

С точки зрения политических интересов еврейского населения массовое появление еврейских служащих является также минусом. Очень распространена такая идея, что тогда, когда все станут слугами всеобъемлющего государства, тогда кончится и антисемитизм. Русский опыт доказал ошибочность и этой идеи. Служащие, все равно буржуазного или коммунистического государства, образуют и внутри и вовне известную иерархию; при этом легко возникают трения и внутри ее, и в ее отношениях к населению. Вдвинутые в эту иерархию евреи должны проявлять совершенно исключительный такт, чтобы не вызвать вокруг себя зависти и неудовольствия. Массовое появление евреев служащих, даже независимо от качеств, должно было не ослабить, а усилить антисемитизм и в составе служащих и в интеллигенции. Сейчас еврейской интеллигенции некуда деваться. Но если бы в России условия для частнохозяйственной деятельности улучшились, конечно, большинство еврейских служащих побросали бы свою службу. И с точки зрения политических интересов еврейского населения, это было бы весьма желательно.

Другое революционное достижение, о котором Евсекция любит распространяться, это будто бы рост еврейского рабочего класса. Для того, чтобы быть более убедительной, ее статистика зачисляет часть еврейских служащих в рабочих. В действительности число еврейских рабочих, включая и безработных, было меньше числа служащих; его определяли в 1927 г. в 140 тыс. человек. Ввиду разрушения той мелкой промышленности черты оседлости, в которой был раньше занят еврейский рабочий, ввиду боязни еврейских ремесленников пользоваться трудом подмастерьев, численность евреев рабочих не возросла, а сократилась в результате революции.

Но "евсеки" подчеркивают, что еврейские рабочие теперь в гораздо большей мере, чем это было до войны, заняты в крупном производстве, а следовательно, они причастны и к тем привилегиям, которыми пользуются рабочие госпромышленности. Действительно, среди, в общем, сократившегося еврейского рабочего класса теперь около одной трети работает в крупных государственных предприятиях и частью в таких отраслях, как металлургия, сахарная промышленность, в которых евреи раньше не работали.

Необходимо, однако, заметить, что проникновение значительного контингента еврейских рабочих в крупную промышленность есть единовременное событие, имевшее место в 1925—1926 г. Оно едва ли повторится. До 1925—1926 г. русская промышленность восстанавливалась за счет прежних кадров квалифицированных рабочих, бежавших от голода в деревню и теперь тянувшихся обратно в город. К означенному году, однако, контингент старых рабочих был исчерпан, а между тем в 1925—1926 г. намечено было увеличение производства на 40%. И вот в первые 10 месяцев 1925—1926 г. госпромышленность увеличила контингент своих рабочих на 453 тыс. человек. Тогда пришлось принять на фабрики большие кадры неквалифицированных рабочих, и в числе их удалось проникнуть на фабрики и довольно значительному количеству еврейской молодежи. К 1926—1927-му хозяйственному году буржуазное население было исчерпано, и в связи с этим развертывание госпромышленности замедлилось. За первые 10 месяцев 1926—1927 года число рабочих возросло всего лишь на 107 тыс., а за 1927—1928 по проектам Госплана число рабочих должно возрасти всего лишь на 50 тыс.

При громадном переполнении городов безработными — еврейской молодежи, которой часто еще помехой является буржуазное происхождение, больше не удастся попасть в кадры привилегированного сословия.

При идущей теперь рационализации производства еврейские рабочие часто теряют работу вообще, среди еврейских рабочих много безработных. Так на 1 марта 1927 г. евреи составляли на Украине 12,1% всех членов профессиональных союзов, а среди безработных они составляли 23,3%*. Таким образом, если рабочий класс занял в России привилегированное положение, то это очень мало касается массы еврейского населения.

* Кипер. Десять лет октября. Киев. 1927 г., стр. 48 (по-еврейски).

Но, впрочем, Советская власть не придает особенно большого значения привлечению евреев на фабрики, как средству улучшения положения еврейской массы. Он заявляет urbi et orbi, что она нашла другой путь для радикального решения как проблемы еврейской нужды, так и еврейского вопроса вообще. Она обещает посадить все избыточное еврейское население на землю и даже создать еврейскую республику.

IV

Мы уже имели случай указать, что в том массовом бегстве городского населения в деревню, которое имело место после октябрьского переворота, евреи не могли принять участия. Не участвуя активно в аграрной революции, еврейское население местечек все же нередко пыталось при общем дележе земли между крестьянами получить небольшие участки ее, чтобы обеспечить себя продовольствием в это голодное время. Крестьянство часто признавало правомерность претензий и местечкового еврейского населения на землю. Даже в такой малоземельной и погромной губернии, как Подольская, можно указать много десятков местечек, которые во время аграрной революции получили, по большей части правда довольно скромные, участки земли. Были случаи, когда крестьяне даже с угрозами навязывали евреям землю, требуя, чтобы они разделили с ними ответственность за аграрную революцию. В других случаях группы евреев, объединившись в коммуны, получали землю от земельных Отделов из участков, оставшихся после наделения крестьян. В Белоруссии, где погромов не было и где евреи решались оставлять местечки, кое-где им были предоставлены для устройства покровительствуемых тогда коммун разгромленные и разоренные усадьбы бывших помещичьих имений. Но, в общем, приобретения евреев в аграрной революции были все-таки скромны. Они не могли заметно облегчить бедственного положения еврейской массы*.

* В Бессарабии, где известная часть еврейского населения была издавна причастна к сельскому хозяйству (табаководы, виноградари, арендаторы, служащие в имениях), оно получило в результате аграрной революции относительно больше земли, чем в России. Румынское правительство узаконило аграрную реформу. Хотя румынское правительство трудно заподозрить в филосемитизме, все же оно признало право и известной части еврейского населения на получение наделов частью под полевую, частью только под садовую и виноградную культуру. Из 1 милл. дес. земли, которые потеряли помещики, около 20 тыс. перешло в руки еврейского населения. Необходимо заметить, что экономическое благосостояние бессарабских евреев также совершенно подорвано разрывом связей с Россией.

Между тем в степном районе Украины, где до революции размеры помещичьего землевладения были очень значительны и где крестьянское население сравнительно реже, чем на севере, лежало втуне около $1^1/_2$ милл. дес. земли. С осени 1922 г., когда голодное бедствие было преодолено, туда на свободные земли потянулись крестьяне из северной Украины. Решились искать землю и группы местечковых евреев. В течение 1922—1924 года около 2000 еврейских семейств по собственной инициативе решились двинуться в степи. Часть их стала устраиваться на земле при старых, сильно запустевших от погромов и голода еврейских колониях, часть в западной части Одесской губернии, часть перебралась в Крымские степи. При очень скромных средствах еврейских переселенцев и при малой подготовленности к новой профессии, дело устройства хозяйства в степях было для них исключительно трудным и рискованным делом. Но переселенцы мужественно переносили все лишения и с упорством строили свои хозяйства. Слух о том, что в степной Украине можно получить землю, быстро разнесся по всем местечкам северной Украины и Белоруссии, и стали образовываться группы семейств, готовых пойти пахать землю в степях. Не подлежит сомнению, что это неупорядоченное движение должно было закончиться катастрофой, — большинство переселенцев, вероятно, разорилось бы и даже погибло в степях*.

Этому переселенческому движению, однако, посчастливилось. Совершенно неожиданно Советская власть им сильно заинтересовалась, она решилась его поддержать и упорядочить. Был создан осенью 1924 г. Правительственный Комитет по Землеустройству Трудящихся Евреев (Комзет). Было создано Общество (конечно, руководимое коммунистами) по Землеустройству Трудящихся Евреев (Озет), во главе коего встал пресловутый Ларин. "Комзет" заявил, что он ориентируется на устройство на земле в ближайшие 10 лет не более не менее, как 100 000 еврейских семейств. В виде особой льготы было разрешено включать в переселенческие группы и не трудящихся евреев.

---

* Секретарь Евсекции Кипер летом 1924 г. объездил некоторые новые поселения. Видя положение переселенцев, он поставил им вопрос: "Зачем вы перевозите ваши семьи, когда вам самим негде жить, когда у вас для них нет угла? Почему вы не посоветуете тем, кто сидит еще в местечке, чтобы они пока со своими семьями не трогались с места? Чем объяснить, что в то время, когда вы так сильно мучаетесь, находятся все новые охотники переселяться? Ответ получился такой: "Нечего терять. Все равно в местечке остается умереть с голоду" ("Emes" 16.VII.1924 г. № 159).

Была развита большая агитация в еврейских кругах за границей, говорилось о миллионах десятин, которые будут предоставлены еврейскому населению, намекали на еврейскую автономную республику. Все это при условии, если заграничные еврейские благотворительные организации согласятся вложить в это дело спасения своих единоверцев значительные средства.

Конечно, нет никаких оснований предполагать, что коммунистическое правительство вдруг вдохновилось старой идеей правительств Александра I и Николая I — устройства на земле еврейского населения. Ни строительство социализма, ни мировая революция от этого предприятия, как такового, ничего выиграть не могут. Причина исключительного интереса, неожиданно проявленного Советской властью к еврейской колонизации, конечно, политическая. Советская власть в погоне за кредитами ищет постоянно симпатий в кругах иностранной буржуазии и она очень дорожит отношением к себе еврейской заграничной буржуазии. То обстоятельство, что с укреплением Советской власти погромы прекратились, не могло не произвести чрезвычайно благоприятного впечатления на евреев за границей. Это завоевало Советской власти немало симпатий. В особенности это следует сказать про многочисленное еврейское население Северо-Американских Штатов, которое состоит в значительной своей части из эмигрантов и которое поэтому сильно реагирует на то, что происходит с их соплеменниками в Восточной Европе. Однако вести об отчаянном экономическом положении еврейского населения под коммунистическим режимом стали раскрывать глаза заграничным евреям на сущность этого режима. Кроме того, весьма влиятельная еврейская социал-демократическая пресса Нью-Йорка была по внутрипартийным соображениям настроена отрицательно к Советской власти. Широкая постановка еврейской колонизации была подходящим средством для того, чтобы подогреть симпатии широких сфер еврейского общества к Советской власти.

Дело в том, что идея превращения евреев в земледельцев, родившаяся в конце 18-го века в голове некоторых передовых политических деятелей старой Польши, перенесенная ими затем в среду русской бюрократии и приведшая к целому ряду колонизационных опытов Александра I и Николая I, до сих пор осталась весьма популярной в широких кругах еврейского общества. Советская власть, выбрасывая этот лозунг, могла рассчитывать на верный успех.

Этот лозунг был также подходящим и для руководителей еврейской благотворительности. Под впечатлением катастроф, свалившихся на восточноевропейских евреев и, в особенности, кровавых погромов, американские евреи собрали в 1921—1922 гг. громадные суммы (свыше 50 милл. дол.). Эти суммы были затрачены под флагом Ара, главным образом в России на помощь погромленным, на спасение южно-русских городов и поволжского крестьянства. Но интерес к Европе ослабел, пожертвования перестали притекать, и к 1924 г. руководящий орган еврейско-американской благотворительности Joint Distribution Committee вынужден был ликвидировать работу в Европе. Между тем экономическое положение не только русских евреев, но и еврейского населения лимитрофов оставалось весьма тяжелым. Чтобы вновь собрать крупные суммы, надо было, как выражаются в Штатах, сделать "бум". Колонизация и стала для еврейской благотворительности этим "бумом". Под лозунгом колонизации действительно удалось опять несколько оживить сборы. Благодаря вмешательству "Комзета" и деятельности еврейских благотворительных организаций, главным образом Joint'a, непосредственно руководящих делом устройства переселенцев на новых местах, беспорядочное движение еврейских переселенцев превратилось в систематическую колонизацию. За первые три года — систематической колонизации 1925—1927 — стали устраивать свои хозяйства без малого 12 000 новых переселенческих семейств. Они направлены, главным образом, в район старых еврейских колоний Херсонского и Криворожского округа, а также в северные степные округа Крыма, Джанкойский и Евпаторийский.

Указанный размер колонизации не соответствует имеющимся у еврейских организаций средствам. Вследствие этого переселенцы, приезжая на место, должны ютиться в легких бараках и даже палатках, одновременно запахивая землю и строя жилища. На зиму за недостатком жилищ значительная часть переселенцев вынуждена возвращаться в местечки. Указанные 12 000 семейств далеко еще не устроены; значительная часть еще не имеет жилищ и все они не имеют еще достаточно инвентаря. Неблагоприятные условия водоснабжения в крымских степях создают также немало трудностей. Пройдет еще немало лет, пока переселенцы окончательно станут на собственные ноги. Ввиду этого означенный темп колонизации, по 4 тыс. семейств в год, ни в коем случае не удастся удержать.

Устройство собственного хозяйства в степях связано для переселенцев с большими лишениями, не говоря уже о необхо-

димости сломать все свои привычки. Тем не менее по имеющимся сведениям дело подвигается удовлетворительно. Переселенцы проявляют большую выносливость и большое упорство. Для них устройство на земле в качестве крестьян является исходом из совершенно безнадежного положения, в которое они поставлены политикой Советской власти в местечке; они являются избранными из многих, желающих вырваться из мучительного положения. Не обладая крестьянской рутиной, еврейские колонисты зато охотно прислушиваются к указаниям агрономов и пытаются создать более прогрессивный тип хозяйства, чем обычный тип крестьянского хозяйства*.

Не подлежит, конечно, сомнению, что проект поселения на земле в течение ближайших 10 лет 100 тыс. семейств в указанном размере совершенно неосуществим.

Прежде всего это предприятие и слишком сложное и слишком дорогое. В южных степях с их весьма тяжелыми почвами и засушливым климатом жизнеспособны только хозяйства, хорошо оборудованные инвентарем и постройками. Неподготовленность колонизационного материала создает, конечно, немало дополнительных трудностей. Собственные средства переселенцев ничтожны, и колонизация, таким образом, должна вестись за счет еврейских благотворительных организаций; это ставит колонизацию в узкие рамки тем более, что эти организации имеют много других обязанностей.

Но помимо недостатка средств препятствием для осуществления плана должен явиться недостаток в земле, подготовленной для колонизационных целей. В стране, в которой крестьянство во многих районах страдает от аграрного перенаселения и рвется на новые места, нельзя выделить миллионов десятин для колонизации неземледельческого населения. Этого, повидимому, не предполагала делать и Советская власть, и грандиозный проект о колонизации 100 тыс. еврейских семейств

---

* Во главе т. наз. Агро-Джойнта, органа Joint'а по еврейской колонизации в России, стоит известный американский агроном, который до войны создал по поручению южно-русских земств организацию для перенесения в Россию технических достижений американского сельского хозяйства. В настоящее время он эту работу продолжает на поприще еврейской колонизации. Работа этого агронома сначала по реконструкции старых еврейских колоний, а затем по созданию новых, имела известное значение для распространения в степном районе Украины артезианского бурения (без этого засушливые земли Крыма не могли быть использованы), тракторной обработки, засухоустойчивых растений, посева трав и других усовершенствованных приемов культуры.

преследовал, по-видимому, чисто агитационные цели. Уже на съезде "Озета" в ноябре 1926 г. его председатель Ларин заявил в программной речи, что Советская власть может предоставить в Европейской России для поселения евреев лишь небольшую часть наличного колонизационного фонда, максимум для 20 000 семейств. А для остальных 80 тыс. семейств надо создать колонизационный фонд с помощью мелиораций или разыскать его где-то в Азиатской России.

"Комзет" пошел вторым путем. В настоящем году он развивает большую агитацию в том смысле, что в Амурской области разыскана территория, весьма подходящая для еврейской колонизации, и что там будет основана автономная еврейская социалистическая республика, которая давно обещана, и в создании коей, как новой опоры своего влияния, Евсекция сильно заинтересована. Эта территория есть Биро-Биджанский район.

Колонизация Амурской области вследствие неблагоприятного климата, сильной заболоченности почвы и свирепствующего здесь "гнуса" (мошкары) сопряжена с совершенно исключительными трудностями; невозможно себе представить, чтобы выходцы из еврейских местечек справились с такой задачей.

Когда "евсекам" указывают на эти затруднения, они их не отрицают, но они говорят, что положение еврейского населения настолько тяжело, что за охотниками поехать в Биро-Биджан дело не станет. Хотя это и звучит цинично в устах людей, которые сами повинны в настоящем бедственном положении еврейского населения, но по существу представители Евсекции правы. За охотниками поехать в дебри Биро-Биджана среди евреев дело не станет. Уже весной т[екущего] г[ода] туда отправлено 600, по-видимому, хорошо подобранных работников, причем кандидатов было во много раз больше. Но если еврейские переселенцы на юге России более или менее справляются со своей задачей, то судьба еврейских переселенцев в Биро-Биджан является весьма сомнительной.

Проблема еврейской колонизации в России обсуждается в зарубежной прессе обычно только с политической точки зрения и отношение к ней зарубежной публицистики установилось отрицательное*. Не претендуя исчерпать вопрос, мы считаем необходимым здесь остановиться лишь на двух моментах.

---

* *Примеч. Редакции.* Именно с политической точки зрения относятся отрицательно к политической стороне еврейской колонизации и "Соврем. Записки".

Прежде всего, каковы бы ни были политические цели, для которых Советская власть в порядке агитации пытается использовать движение, спонтанно возникшее среди еврейской массы, последнее этим еще не может быть скомпрометировано. Для тех групп еврейского населения, которые решились осесть на землю, это является совершенно естественной правомерной попыткой вырваться из того тягостного, и материального и морального, положения, в которое их поставила Советская власть.

Неправильным представляется также утверждение некоторых зарубежных публицистов, что будто бы с точки зрения русского крестьянина поселение еврея на земле является само по себе чем-то неправомерным, каким-то захватом чужого добра*. Можно как угодно оценивать русскую аграрную революцию, но не подлежит сомнению, что крестьянство стремилось вложить в свои действия известный правовой принцип. Оно знало, что оно разрушает старый порядок, и готово было дать каждому место в новом создаваемом им мужицком мире. Во время аграрной революции крестьянство готово было дать землю по норме всякому, кто желает на ней трудиться, будь это помещик, священник, мещанин или бежавший из города рабочий. Никакого исключительного отношения к евреям в аграрной революции нельзя было заметить. Подавляющая масса еврейского населения, правда, не использовала ее. Но эта масса была далека от сельского хозяйства и не претендовала на землю. Но там, где еврейское население интересовалось землей, оно ее очень нередко получало. Мы уже имели случай на это указать. Если бы отношение местных крестьян к еврейским переселенцам было бы враждебным, то еврейское переселенческое движение не могло бы даже и возникнуть. Первые пионеры еврейского переселенческого движения вышли из разгромленных местечек Украины; к погромным опасностям они относятся, конечно, очень чутко, из 600 семейств, которые еще в 1922 и 1923 г., когда страна еще едва успокоилась, стали оседать в западной части Херсонской губернии, большая часть ютилась у крестьян в соседних деревнях и оттуда не без помощи последних налаживала свое хозяйство.

* Эта точка зрения с большим пафосом защищается в "Записке о проектах колонизации евреями земель в России", изданной в 1926 г. "Отечественным объединением русских евреев заграницей".

Как же нечто подобное могло бы случиться, если бы отношение крестьян к еврейским поселенцам было таково, как его рисуют многие зарубежные публицисты?**

Из сказанного, конечно, не следует, что еврейская колонизация не может быть использована для антисемитской агитации. Но, к сожалению, после 10 лет хозяйничанья большевиков и их еврейских комиссаров, для этого найдутся более благодарные темы, чем поселение на земле после великой революции, потрясшей все основы прежней жизни, незначительной на громадный русский масштаб группы еврейского населения, спасавшегося из невыносимого положения.

Однако, как ни оценивать движение евреев на землю, все равно из сказанного с полной несомненностью вытекает тот вывод, что сложное и дорогое дело еврейской колонизации ни в коем случае нельзя рассматривать, как средство для улучшения экономического положения еврейской массы. Если бы оно продолжалось даже в том же объеме 4000 семейств в год (а мы считаем это неосуществимым), то это составило бы лишь половину прироста еврейского населения России, если таковой определять по $1^1/_2\%$ в год.

V

Мы рассмотрели "революционные достижения" еврейского населения. Мы могли убедиться в том, что наше исходное положение, что судьбы еврейской массы находятся в полной зависимости от политики Советской власти по отношению к частному городскому хозяйству, правильно. Появление значительного числа евреев — советских служащих является достижением сомнительным и с экономической, и с политической точки зрения. Евреев фабричных рабочих немного, и при замедленном темпе индустриализации число их не может значительно увеличиться. Колонизация же по выясненным причинам не может получить значительного развития. По имеющимся приблизительным подсчетам около 2/3 еврейского

** В рецензии на книгу Чериковера о погромах на Украине, напечатанной в "Голосе Минувшего", г. Мельгунов поторопился признать, что погромное движение было всенародным. В действительности кровавые погромы 1918—1920 г. на Украине были произведены вооруженными отрядами разложившихся армий, а украинское крестьянство, несмотря на соблазны, было к ним весьма мало причастно. Поэтому и добрососедское отношение украинских крестьян к еврейским поселенцам не представляет ничего неожиданного.

населения жили в 1927 году торговлей и ремеслом. В черте оседлости эта доля еще больше. Так как политика Советской власти остается неизменно враждебной частному городскому хозяйству, то неизменно печальным остается и положение еврейской массы. А в периоды обострения коммунистической реакции, как сейчас, оно становится даже отчаянным. Если бы настоящий курс мог долго продержаться (что мы считаем исключенным), то это грозило бы окончательным вымиранием значительной части еврейского населения.

Таково истинное положение еврейской массы в России. Но оно затемняется перед общественным мнением с двух сторон.

Перед русским обществом положение евреев в современной России ложно освещается со стороны крайних правых кругов. Типичным представителем их является В.Шульгин со своей нашумевшей книгой "Три столицы". По существу В.Шульгин доволен современной Россией. "Все по-старому, только немного хуже" — такой отзыв является под пером консерватора похвалой. Что же завоевало сердце Шульгина? Конечно, наличие сильной, неограниченной сильной власти. В сущности В.Шульгин готов помириться с основами социальной организации современной России; надо только скинуть теперешних властителей и сесть на готовое, на их места. Несмотря на кое-какие неискренние оговорки, Шульгин путь к победе намечает через всероссийский еврейский погром. Ввиду этого русская революция объявляется еврейской, коммунистическая власть оказывается еврейской и евреи оказываются в Советской России благоденствующей частью населения. Книга была встречена правой зарубежной прессой с восторгом, сменившимся, правда, некоторым смущением, когда выяснилось, что ее содержание удостоилось одобрения со стороны ГПУ.

Одновременно в еврейской среде положение еврейского населения затемняется небольшой группой еврейских радикалов. Они в свое время с большевиками поссорились. Но теперь они готовы помириться. Их тянет то, что, по их мнению, большевики все-таки строят социализм, строят "новый мир". Организация власти им, правда, не по душе, хотели бы и демократию и свободы. Но это понемножку приложится само собой, когда социализм будет совсем готов. И вот они пока стараются реабилитировать большевизм не столько перед русскими евреями за рубежом (это дело трудное), сколько перед иностранными, которые в русских делах мало разбираются.

Правда, эти радикалы не говорят, что еврейской массе хорошо живется в России, — в еврейском обществе этому не поверят. Но они утверждают, что большевики совершенно неповинны в еврейских злоключениях.

Разрушена мелкая промышленность, которой жила еврейская масса. Но еще Маркс указал, что крупная промышленность убивает мелкую. Разрушена частная торговля. Но что же делать, когда она есть низшая хозяйственная форма, которая неминуемо должна отступить перед высшей формой, — перед советской кооперацией? Частная торговля вообще является ведь "непроизводительным" занятием и ее ликвидация принципиально желательна.

Советская власть не только дает евреям равноправие, она открыла перед ними широкие возможности для занятия "производительным" трудом. Теперешнее правительство СССР, и единственно оно, находится на правильном пути окончательного и радикального решения еврейского вопроса. Положение еврейской массы остается тяжелым, но оно в рамках успешно насаждаемого социализма улучшается с каждым днем. Per aspera ad astra.

В противоположность утверждениям русских правых кругов и группы еврейских радикалов мы в предыдущем, думается нам, доказали, что интересы еврейского населения стоят в коренном и непримиримом противоречии с самыми основами экономической и социальной политики коммунизма. И в этом отношении между интересами еврейского населения и России как единства существует полная гармония, ибо и Россия едва ли выиграла бы что-либо, если бы при сохранении существующей в ней экономической и административной системы во главе ее стала какая-либо другая группа. В конечном счете правительство соответствует действующей экономической системе, а потому путем ее решительной ликвидации Россия могла бы выбраться из той ямы, в которую ее ввергла октябрьская революция.

Л.Кричевский

ЕВРЕИ В АППАРАТЕ ВЧК—ОГПУ В 20-е ГОДЫ

Среди социальных и национальных сдвигов, вызванных революцией, мировой и гражданской войнами, политикой нового руководства страны, одним из наиболее заметных был приток в города, государственный и партийный аппарат представителей этнических групп, до революции признававшихся властями как инородцы, а после нее получивших наименование "национальные меньшинства".

Исключительно важной роли, которую сыграли национальные меньшинства в революции, гражданской войне, партии большевиков, способствовал ряд факторов. Первым был постоянно декларировавшийся интернационализм большевиков, естественным образом проистекавший из их классового подхода к общественной организации, из их нацеленности на мировую революцию. Вторым существенным фактором, обусловившим взаимную привлекательность друг для друга российского большевизма и национальных меньшинств, явилась недостаточная поддержка новой власти со стороны русской интеллигенции[1]. Следует признать, что в глазах очень многих очевидцев революции внутри страны и тех, кто следил за ней из-за рубежа, характер большевистской революции и новой власти очень быстро стал отождествляться с национальной принадлежностью отдельных ее вождей и деятелей.

Олицетворением новой власти были не только ее отдельные представители. Чаще всего она отождествлялась со своим карательным органом — ЧК. А такая параллель еще больше укрепляла во мнении о неместном, привнесенном извне характере революции, чьи интересы защищал орган, в котором инородцы играли столь заметные роли.

Не отличавшийся национальными предрассудками русский историк-социалист С.П.Мельгунов, автор книги "Красный террор в России...", назвал ВЧК "чужеземной опричниной", где особое положение занимают латыши[2]. Сегодняшние русские националисты переиначили заглавие книги Мельгунова и говорят о послереволюционном "сионистском терроре в России", имея в виду в первую очередь роль евреев в советских карательных органах.

И русские эмигранты первой волны, и нынешние националисты, говоря об "инородцах в ЧК", по-разному подчеркивали

и подчеркивают свое неприятие большевизма, одержавшего в 1917 г. верх в России и победившего (если мы позволим себе соединить эти две точки зрения) в результате "еврейского заговора" при поддержке "латышских штыков".

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с августа 1918 г. — ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности) при Совнаркоме под председательством Ф.Э.Дзержинского была организована 7(20) декабря 1917 г. в Петрограде. В марте 1918 г. ВЧК вместе со всеми центральными органами государства переезжает в Москву.

В феврале 1922 г., с окончанием гражданской войны ВЧК трансформировалось в Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. Предполагалось, что новая политическая, военная и экономическая обстановка, связанная с завершением войны и переходом к нэпу, требует и нового качества карательного органа советской власти. Руководство РСФСР декларировало отказ от широкомасштабного террора прежних лет и необходимость ограничения функций и компетенции ГПУ исключительно политическими задачами. Однако появление ГПУ (преобразованного в ноябре 1923 г., после создания СССР, в Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР) не означало серьезного изменения функций карательного органа, закаленного в годы террора, и теперь переходившего на новые методы работы. Как и ВЧК, ГПУ—ОГПУ оставалось "железным кулаком" революции с достаточно широкими полномочиями.

Предметом нашего внимания стало участие евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ в период до конца 1920-х гг. В этот период сошел на нет тот эффект, который революция произвела в социокультурном сознании общества, утерял свою остроту и элемент чрезвычайности. ОГПУ как карательный орган стал постоянно действующим фактором общественного бытия, одной из составных частей установившегося режима. Проблема роли и места евреев (как и представителей других национальных меньшинств) в советском аппарате еще не становилась предметом специального исследования. Вопрос участия евреев в деятельности органов ВЧК—ОГПУ в общих чертах затрагивался в работах зарубежных историков советского еврейства[3].

"Заметное участие евреев в большевистском режиме драматизировалось большим числом евреев в ЧК. Причины популярности среди евреев службы в ЧК не совсем ясны, но поскольку

евреев едва ли можно было подозревать в преданности царскому режиму, они считались надежными противниками белых",— полагает американский историк; на его взгляд, служба в ЧК привлекала многих молодых евреев, стремившихся отомстить за погромы и т.п.; с другой стороны, "поскольку ЧК была органом большевистской власти, вызывавшим наибольшую ненависть и страх, антиеврейские чувства возрастали в прямой пропорции к террору ЧК"[4].

Доступная западным исследователям литература и опубликованные источники лишь в малой степени раскрывают степень участия евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ. Для плодотворной разработки данной темы наиболее важными, несомненно, являются архивные материалы.

Наиболее ранние из них относятся к деятельности Комиссии по проверке служащих и сотрудников советских учреждений при ВЦИК. Комиссия, работавшая в 1918—1919 гг., провела в сентябре 1918 г. перепись работников советских учреждений Москвы. Анализ первичных материалов переписи по ВЧК — 781 анкета ее сотрудников и служащих — позволяет представить структуру этого органа, социальный облик работников, источники формирования кадров и, по ряду косвенных данных, национальный состав аппарата ВЧК на первом этапе ее деятельности[5].

В фондах центральных партийных органов, хранящихся ныне в РЦХИДНИ (Политбюро, Секретариата, отделов ЦК коммунистической партии[6]) находится — переписка ЦК с ВЧК—ОГПУ по кадровым вопросам; доклады руководителей органа безопасности о состоянии кадров вверенного им учреждения; различные списки, содержащие сведения о национальном и социальном происхождении, профессии, образовании, стаже в партии и в органах ЧК сотрудников и руководителей советских карательных органов; статистические сведения об их личном составе.

Особый интерес представляют протоколы заседаний комиссий по проверке и чистке членов партии в аппарате ОГПУ, относящиеся к 1925 и 1929—1930 гг. и хранящаяся в фонде Центральной контрольной комиссии ЦК РКП(б)[7]. (Уже с начала 20-х ни один беспартийный не мог занимать в аппарате ЧК ответственной должности.) Протоколы дают широкое представление о характере чекистских кадров, их социальном и национальном составе, взаимоотношениях между сотрудниками внутри коллектива.

Проблему особенностей национального состава аппарата ВЧК—ОГПУ на первый взгляд можно было бы легко свести к вопросу участия различных этнических групп российского населения в аппарате советской власти. Подобный подход был бы верен, если бы ЧК можно было поставить рядом с любым другим советским, партийным, хозяйственным учреждением или даже с Красной Армией. Однако такое сопоставление представляется не вполне правомерным.

В отличие от любых других советских органов и учреждений, ЧК с первых же дней своего существования, а особенно после объявления красного террора осенью 1918 г., стала объектом массовой неприязни. ЧК боялись и не любили не только противники большевизма, что было вполне естественным. В самой партии, чаще всего среди рядовых ее членов, большевиков со стажем, укоренилась глубокая антипатия к карательному органу и, как следствие, к его сотрудникам. Неприятие ЧК и ее методов нередко приводило к неприятию новой власти. И в этом нет ничего удивительного. Многие в Советской России, начиная от Ленина, заявившего, что "хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист"[8], и заканчивая рядовыми обывателями, полагавшими, что понятия "коммунист" и "чекист" мало чем друг от друга отличаются[9], видели в ЧК олицетворение большевистского режима.

Чекисты и сами осознавали свое особое положение в обществе: "Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех"[10]. Ряд свидетельств говорит и о том, что в чекистской среде очень быстро возник комплекс самоуничижения. Свою статью в "Известиях", посвященную 5-летию ВЧК—ГПУ, М.И.Лацис симптоматично озаглавил "Чернорабочие революции", нарисовав образ самоотверженных чекистов, вынужденных выполнять самую черную, но необходимую работу[11]. В 1921 г. чекисты из далекой Кушки жаловались в ЦК партии на повсеместное презрение к сотрудникам карательных органов со стороны других коммунистов и призывали к уважению к себе как к "мученикам революции"[12].

Что привлекало людей на службу в эту организацию? Можно, конечно, предположить, что среди чекистов попадались революционные романтики, идеалисты, настоящие фанатики своего дела. Но большинство источников свидетельствует, что таких людей в ЧК было ничтожно мало, а по мере развития системы органов госбезопасности разговоры о чистом энтузиазме их

сотрудников вообще теряют смысл. Многие попадали на работу в ЧК по направлениям партийных и советских организаций, из действующей армии. При всех недостатках чекистской службы существовали достаточно сильные стимулы, которые привлекли к ней многих людей делать выбор в пользу этой работы.

Работники ЧК освобождались от призыва в армию, приравниваясь к мобилизованным на фронт, а позже считаясь военнослужащими действующей Красной Армии[13]. Чекисты получали оклады, превышавшие зарплаты красноармейцев и сотрудников большинства советских учреждений, продовольственные и промышленные пайки[14]. Меньшевик Григорий Аронсон, сидевший в ЧК в Витебске, Орле и Москве в 1918—1921 гг., наблюдал чекистов вблизи и пришел к таким выводам о причинах, приводивших рядовых сотрудников на службу в карательный орган: "Кто освободился таким путем от мобилизации на фронт, кто соблазнился двумя фунтами хлеба в день и жалованьем, кого потянуло русское озорство, а кто по неспособности к производительному труду пошел в чекисты. Одному льстит, что его сверстники, с которыми он в детстве играл в гайки, сейчас его побаиваются, а другого прельстила легкая жизнь и безнаказанность человека с ружьем"[15].

Мотивы могли быть и другими. Часто они зависели от социальных, национальных и культурных факторов.

Особенности этнического состава сотрудников ВЧК—ОГПУ довольно быстро стали обращать на себя внимание. Очевидцы свидетельствуют, что представители нерусских народов с самого начала заняли в этой организации очень заметное место. С.П.Мельгунов отмечает:

"Только в одной ВЧК непосредственных служащих в 1919 г. было более 2000, из них три четверти латышей. Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях ЧК. Они служат здесь целыми семьями и являются самыми верными адептами нового коммунистического строя"... Латыши и латышки, зачастую не владея русским языком, ведут иногда допросы, производят обыски, пишут протоколы и т.д.[16].

Активистка партии левых эсеров А.А.Измайлович, находившаяся в московской тюрьме ЧК, вспоминала: "Вся администрация — почти сплошь латыши. Этот революционный когда-то народ теперь специализировался на отхожем промысле шпионства, тюремной охране, провокации и палачестве[17]. В воспоминаниях П.Е.Мельгуновой-Степановой слово "латыш" незаметно превращается в синоним слова "чекист"[18]. Гр. Арон-

сон вспоминает суету, которая царила среди чекистского начальства в преддверии годовщины революции, на которую ожидалась амнистия: "По коридорам забегали... следователи, большей частью латыши или евреи, студенты, изредка женщины..."[19]. Философ Лев Шестов идет еще дальше, обобщая сложившиеся впечатления от латышского "засилья" в ЧК: "Все знают, как работают латышские чрезвычайки..."[20].

Мнение о широком участии евреев в органах ЧК было также весьма распространено, однако не столь ярко отразилось в воспоминаниях современников[21]. Причин здесь может быть несколько.

С одной стороны, наличие евреев в ЧК могло быть не столь заметным в первые месяцы революции. Так, американская журналистка Луиза Брайант, супруга Джона Рида, после своего очередного посещения России в 1921 г. писала: "Все важные посты в Чека занимали и до сих пор занимают латыши и поляки с безукоризненным революционным прошлым. Евреи там едва заметны"[22].

С другой стороны, авторы большинства известных воспоминаний об этом периоде — антибольшевистски настроенные социалисты, члены партий с весьма заметным членством еврейской интеллигенции. В этой среде подобное обращение к "еврейской теме", вполне вероятно, могло вызвать "непонимание".

Представления о большом количестве евреев в ЧК тем не менее бытовали весьма и весьма широко. Небезынтересно вчитаться в строки есенинской поэмы "Страна негодяев", где фигурирует комиссар с "говорящей" фамилией Чекистов.

Слушай, Чекистов!
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил за границей.
Все равно в Могилеве твой дом.

Чекистов: Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей.
А как обладающий даром

Укрощать дураков и зверей,
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет.
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы божии,
Да я бы их давно-давно
Перестроил в места отхожие...[23]

Комиссар из "Страны негодяев" — это собирательный образ еврея-коммуниста, презирающего все русское. Есенину кажется ясным, почему инородцы пришли в революцию. Они не чувствуют своей связи с русским "народом-дикарем", им чужды русская земля, культура, русская духовность. Приобщение к власти дает этим людям возможность "укрощать" русских "зверей".

Современники давали разные объяснения большому количеству представителей нерусских меньшинств в ЧК. С.П.Мельгунов, ссылаясь на бюллетень левых эсеров, так объясняет тягу в ЧК со стороны латышей: "В Москву из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу"[24]. Луиза Брайант полагает, что русские занимали в ЧК только незначительные должности, а латыши и поляки были там на первых ролях, поскольку, как ей казалось, русские "больше склонны к взяточничеству и легче поддаются влиянию"[25].

Горький, вообще считавшийся юдофилом, очень болезненно воспринимал рост антисемитских настроений в послереволюционной России и одну из причин этого видел в сотрудничестве евреев в органах ЧК. В мае 1922 г., в интервью корреспонденту нью-йоркской еврейской социалистической газеты "Форвертс" Якову Лещинскому Горький сказал: "Я верю, что назначение евреев на опаснейшие и ответственные посты часто можно объяснить провокацией, так как в ЧК удалось пролезть многим черносотенцам,.. реакционные должностные лица постарались, чтобы евреи были назначены на опаснейшие и неприятнейшие посты"[26].

С первых же дней работы ВЧК столкнулась с серьезными проблемами комплектования своих кадров. В отличие от большинства государственных органов, ВЧК не могла рассчитывать на помощь в работе со стороны старых специалистов. (Известное мнение о широком сотрудничестве в органах ЧК работников дореволюционных жандармских и полицейских учреждений

не подтверждается имеющимися источниками.) Вынужденный отказ от привлечения дореволюционных кадров являлся, с точки зрения властей, положительным моментом и позволял укомплектовать аппарат карательных учреждений "здоровыми" социальными элементами и партийной прослойкой.

Первый историк ЧК М.Лацис отмечал, что на Чрезвычайные Комиссии нельзя смотреть "как на учреждения, составленные из наемных лиц, работающих для получения средств к существованию"[27]. Сама ВЧК разъясняла, что в отсутствие правовых законов в эпоху гражданской войны правильно подобранный состав сотрудников ЧК является "единственной гарантией законности"[28].

Отсутствие квалифицированных специалистов в карательных органах создавало на всем протяжении 1920-х особые проблемы для ВЧК—ОГПУ. Одной из причин постоянно испытываемого ВЧК—ОГПУ кадрового дефицита была невысокая популярность этих органов и службы в них среди членов партии. Партийные и советские структуры нередко отказывали органам ЧК—ГПУ в какой-либо поддержке[29]. Коммунисты в армии не хотели помогать Особым отделам — армейским подразделениям ЧК; несмотря на соответствующие директивы, отказывались становиться их осведомителями[30].

Другой причиной постоянного некомплекта в ЧК—ГПУ было отсутствие необходимого количества лиц, преданных революции и одновременно имеющих достаточный уровень хотя бы общего образования.

Постоянный кадровый кризис в органах ЧК следует иметь в виду при анализе статистических данных, отражающих национальные особенности их аппарата

В сентябре 1918 г. в аппарате ВЧК в Москве работал 781 сотрудник. Из национальных меньшинств там преобладали следующие:

Таблица 1

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ОСНОВНЫХ НАЦ. МЕНЬШИНСТВ В АППАРАТЕ ВЧК НА 25.09.1918 г.[31]

Национальность	Количество	% от общ. числа сотрудников
Латыши	278	35,6
Поляки	49	6,3
Евреи	29	3,7

Административно-управленческий аппарат ВЧК и активная часть ответственных сотрудников (начальники и секретари отделов, комиссары, следователи и их заместители, инструкторы и пр.) составили в 1918 г. 220 человек — около 28% всех работников. Представительство евреев и других национальных меньшинств в этой группе работников ВЧК выглядело следующим образом:

Таблица 2

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СРЕДИ ОТВЕТСТВЕННЫХ И АКТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ ВЧК НА 25.09.1918 г.[32]

Национальность	Количество	% сотрудников данной категории	% сотрудников данной национальности
Латыши	116	52,7	41,7
Поляки	19	8,6	38,8
Евреи	19	8,6	65,5

Из таблиц 1 и 2 видно, что доля каждого из национальных меньшинств среди ответственных и активных сотрудников ВЧК возросла по сравнению с долей этих национальностей среди общего числа работников Комиссии почти на 25%, в том числе евреев — более чем в 2 раза.

Особое место среди всех ответственных сотрудников ВЧК с первых дней деятельности этого органа занимали комиссары и следователи. В сентябре 1918 г. на этих наиболее важных должностях находилось 112 работников аппарата ВЧК (70 комиссаров, 42 следователя и заместителя следователя). Каков же был национальный состав этих категорий чекистов?

Таблица 3

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОМИССАРОВ ВЧК НА 25.09.1918 г.

Национальность	Количество	% от общ. числа комиссаров
Латыши	38	54,3
Русские	22	31,4
Поляки	7	10,0
Евреи	3	4,3

Таблица 4

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ЗАМ. СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВЧК НА 25.09.1918 г.

Национальность	Количество	% от общ. числа
Латыши	14	33,3
Русские	13	30,9
Евреи	8	19,1
Поляки	7	16,7

Видно, что среди следователей-чекистов заметно возросла доля евреев. Можно предположить, что такая работа требовала наибольшей квалификации, и этим требованиям, благодаря своему более высокому образовательному цензу, часто могли отвечать именно евреи.

Примечательно, что из 12 следователей отдела по борьбе с контрреволюцией — наиболее важного в структуре ВЧК — половину составляли евреи. У заметной части сотрудников-евреев в графе анкеты переписи служащих ВЧК в ответе на вопрос о последнем месте работы указаны учреждения, находившиеся в местах традиционного проживания евреев (Одесса, Могилев, Мстислав, Смоленск и пр.). Можно предположить, что значительная часть чекистов-евреев первого поколения происходила из бывшей черты оседлости и соседних с ней районов.

Интересны данные о партийности чекистов-евреев в 1918 г. Обращает на себя внимание высокий для ВЧК процент беспартийных среди них — 28,6%. Среди латышей процент беспартийных самый низкий среди всех национальностей, представленных в аппарате ВЧК, — 10,4%.

Данные, приводимые в анкетах работников ВЧК переписи 1918 г., позволяют сделать некоторые выводы об источниках формирования ее кадров. Наиболее важную роль при приеме на службу в ЧК в эти годы играли личные рекомендации, которые в некоторых случаях могли облекаться в форму рекомендаций какой-либо партийной или советской инстанции. Кадровый дефицит мог восполняться при помощи личных связей сотрудников ЧК. Именно эта система личных рекомендаций способна в значительной степени объяснить весьма заметное представительство в этом органе латышей и, в мень-

шей степени, евреев. В анкетах служащих и сотрудников — латышей можно найти десятки подтверждений того, что родственники рекомендовали друг друга для работы в ВЧК и переезжали в Москву целыми семьями. Такая "клановость", характерная почти исключительно для латышей, могла быть связана не только со стремлением устроить родственников и знакомых на хорошее место в Москву, но с и желанием вывезти их из оккупированной в тот момент немцами Латвии[33]. (В анкетах есть многочисленные примеры того, как родственники рекомендовались на технические должности судомоек, сапожников, горничных, кухарок ВЧК.) Отсюда постоянно высокое представительство латышей во всех звеньях структуры ВЧК.

Представительство других национальных меньшинств также в немалой степени было обусловлено этой системой формирования кадров. Сотрудники-поляки рекомендовали своих товарищей по польской социал-демократии. Очевидно, подобная практика имела место и в ряде случаев с чекистами-евреями.

Интересные сведения можно почерпнуть из статистических материалов о личном составе секретных отделов губернских чрезвычайных комиссий на июнь-июль 1920 г. (в 1919 г. секретные отделы пришли на смену отделам по борьбе с контрреволюцией), проводя в центре и провинции борьбу с антикоммунистическими организациями и политическими партиями, надзор над духовенством и т.п.). Сведения о национальном составе секретных отделов — самого активного звена в структуре органов ЧК — рисуют следующую картину (1805 сотрудников по 32 губерниям.):

Таблица 5

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЕКРЕТНЫХ ОТДЕЛОВ 32 ГУБЧК ПО СОСТОЯНИЮ НА ЛЕТО 1920 г.[34]

Национальность	Количество	% от общ. числа сотрудников СО
Русские	1357	75,2
Латыши	137	7,6
Евреи	102	5,6
Поляки	34	1,9
Украинцы	15	0,8
Белорусы	11	0,6
Литовцы	10	0,6
Эстонцы	9	0,5
Венгры	9	0,5

Еще один важный показатель, отраженный в сведениях о личном составе секретных отделов местных ЧК, — образовательный ценз. В средней школе обучались 12,5% чекистов секретных отделов; закончили курс средней школы — 13,7%; обучались в высших учебных заведениях — 1,1%; получили высшее образование — 0,8%[35]. Эти данные подтверждают, насколько остро нуждалась ЧК в образованных кадрах.

Мы имеем возможность сравнить данные о национальном составе секретных отделов в середине 1920 г. с аналогичными цифрами по примерно 50 тысячам сотрудников всех губернских ЧК на конец 1920 г.:

Таблица 6

ДОЛЯ ОСНОВНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В СОСТАВЕ ГУБЧК ПО СОСТОЯНИЮ НА КОНЕЦ 1920 г.[36]

Национальность	% от общ. числа сотрудников ГубЧК
Русские	77,3
Евреи	9,1
Латыши	3,5
Украинцы	3,1
Поляки	1,7
Немцы	0,6
Белорусы	0,5

Заметные отличия доли различных национальностей в составе местных органов ЧК по сравнению с центральным аппаратом объясняются особенностями их расселения по территории Советской России. Так, например, основными центрами латышской диаспоры в России, сложившимися уже к 1915 г., к началу немецкой оккупации Латвии, были Москва, Петроград, Харьков, Поволжье и Сибирь[37]. Еврейское население концентрировалось в первые послереволюционные годы в основном на Украине, в Белоруссии, Москве и западных губерниях Центральной России, составляя в некоторых районах Западного края до 50% городского населения. В общем по стране, и особенно в регионах своего массового сосредоточения, еврейское население было гораздо более многочисленным, чем латышское. Отсюда — значительная разница в средних показателях представительства евреев и латышей в органах ЧК в центре и на периферии.

Говоря об удельном весе евреев и других национальностей в центральных и местных органах ЧК, следует принять во внимание не только долю этих национальностей в населении, но и их долю в рядах РКП (б). Последний показатель ярче других может проиллюстрировать степень вовлеченности отдельных национальных групп в революционный процесс. Обратимся к данным о представительстве ряда национальностей в населении страны и среди членов РКП(б) в 1920—1922 гг.:

Таблица 7

ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В НАСЕЛЕНИИ СССР И В СОСТАВЕ РКП(Б)
(по данным переписи населения 1920 г. в партийной переписи 1922 г.[38])

Национальность	% в населении СССР	% от всех членов РКП	Членов РКП на тысячу чел.
Русские	55,00	72,00	3,80
Украинцы	18,20	5,88	0,94
Белорусы	2,55	1,47	1,67
Евреи	2,11	5,20	7,20
Немцы	0,87	0,59	1,98
Поляки	0,40	1,50	10,80
Латыши	0,09	2,53	78,00
Эстонцы	0,09	0,53	16,30
Финны	0,09	0,25	7,96
Литовцы	0,03	0,39	32,80

Видно, что национальные меньшинства, чьи этнические территории оказались за пределами советского государства, отличались очень активным участием в партии коммунистов. Первое место принадлежало латышам, 7,8% которых были членами РКП(б). Это отчасти также объясняет заметное представительство латышей в ЧК. Процент коммунистов-евреев также превышал их долю в населении страны, что может среди прочего объясняться высоким уровнем их урбанизированности.

Преобразование ВЧК в ГПУ не сразу сказалось на характере и составе аппарата органов государственной безопасности. Общий штат ГПУ на первых порах остался точно таким же, каким был штат ВЧК (без войсковых частей) в конце ее существования, — 105000 человек[39].

Таблица 8

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ РУКОВОДСТВА ОГПУ НА 15.11.1923 г.[40]

Национальность	Количество	% в руководстве ОГПУ
Русские	54	56,3
Евреи	15	15,7
Латыши	12	12,5
Поляки	10	10,4
Литовцы	2	2,1
Немцы	1	1,0
Эстонцы	1	1,0
Швейцарцы	1	1,0

Обращает на себя внимание весьма заметная доля евреев в высшем руководстве и секретариате Коллегии ОГПУ — 4 из восьми сотрудников этих звеньев руководства были евреями, что может быть объяснено, в частности, требованиями к образовательному уровню руководителей ОГПУ.

Таблица 9

ЛИЦА СО СРЕДНИМ И ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В РУКОВОДСТВЕ ОГПУ (ПО НАЦИОНАЛЬНОСТЯМ) НА 15.11.1923 г.[41]

Образование	Национальность	Количество	% от лиц с данным образованием
Среднее			
	Русские	15	45,4
	Евреи	9	27,3
	Поляки	6	18,2
	Латыши	3	9,1
	Всего:	33	100,0
Высшее			
	Русские	13	65,0
	Евреи	5	25,0
	Поляки	2	10,0
	Всего:	20	100,0

14 из 15 евреев в руководстве аппарата ОГПУ имели среднее и высшее образование (93%), у поляков этот показатель — 8 из 10 (80%), у русских — 28 из 54 (52%), у латышей — 3 из 12 (25%). Эти пропорции в значительной степени способны объяснить те изменения в национальной структуре аппарата, которые происходили по мере роста требований, предъявляемых к карательным органам в 1920-х.

Можно сказать, что в эти годы сотрудники-евреи являли собой наиболее образованную прослойку аппарата ОГПИ: поляки — наиболее надежную в партийном отношении (половина членов партии с дореволюционным стажем в руководстве ОГПУ — поляки); латыши — наиболее опытную в боевом отношении и преданную, в силу специфики своего положения в Советской России, группу чекистов.

Отмеченные тенденции были достаточно устойчивыми и сохраняли свою силу на протяжении 1920-х. В этом убеждает один из наиболее полных и достоверных из имеющихся в нашем распоряжении источников — статистическая ведомость личного состава сотрудников ОГПУ, составленная отделением личного состава Административно-организационного отдела ОГПУ в мае 1924 г. Среди прочих ведомость приводит данные о национальном составе центрального аппарата ОГПУ:

Таблица 10

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА ОГПУ НА 1.05.1924 г.[42]

Национальность	Количество	% в аппарате ОГПУ
Русские	1670	69,53
Латыши	208	8,66
Евреи	204	8,49
Поляки	90	3,75
Белорусы	80	3,33
Украинцы	66	2,75
Венгры*	20	0,83
Татары	12	0,50
Эстонцы	12	0,50
Немцы	11	0,46
Армяне	8	0,33
Литовцы	7	0,29
Чуваши	5	0,21
Мадьяры*	3	0,13
Финны	2	0,08
Шведы	2	0,08
Англичане	1	0,04
Итальянцы	1	0,04
Всего:	2402	100,00

* Так в документе.

На фоне постоянного роста численности аппарата ОГПУ в нем в общем сохранялась доля различных этнических мень-

шинств, установившаяся в этом учреждении в начале 1920-х. При этом в первой половине 1920-х доля национальных меньшинств среди ответственных работников ГПУ была достаточно велика, хотя и стали значительно ниже, чем в аппарате ВЧК. Об этом можно судить на основании анализа данных персонального состава руководящего и среднего звена аппарата ГПУ в 1922 г.:

Таблица 11

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ ГПУ В 1922 г.

Национальность	Количество	% среди ответственных сотрудников
Русские	188	54,3
Латыши	69	19,8
Евреи	41	11,5
Поляки	34	9,8
Украинцы	5	1,4
Немцы	4	1,1
Литовцы	2	0,6
Венгры, румыны, эстонцы, швейцарцы, французы	по 1	по 0,3
Всего:	348	100,0

Вторая половина 1920-х гг. отмечена заметным снижением общей доли национальных меньшинств в аппарате ОГПУ. В 1925 г. коммунисты ячейки ОГПУ следующим образом распределялись по национальностям:

Таблица 12

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЯЧЕЙКИ РКП(Б) ОГПУ В ЯНВАРЕ 1925 г.[44]

Национальность	Количество	%	Из них отв. работников	% от отв. работников
Русские	651	66,5	364	65,4
Латыши	164	16,7	75	13,5
Евреи	74	7,6	51	9,1
Поляки	60	6,1	47	8,4
Другие	31	3,1	19	3,6
Всего:	980	100,0	556	100,0

Снижалась не только общая доля национальных меньшинств, но и доля отдельных национальностей в аппарате ОГПУ. Наиболее заметно уменьшение доли латышей, начиная с середины 1920-х, хотя на отдельных должностях, в том числе и руководящих, латышские кадры еще сохраняли свое влияние. Вот, например, как были представлены национальные меньшинства среди начальников 102 окружных отделов ОГПУ на территории РСФСР, Украины (включая Молдавскую АССР) и Белоруссии в 1927 г.:

Таблица 13

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СРЕДИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОКРУЖНЫХ ОТДЕЛОВ ОГПУ НА 10.02.1927 г.[45]

Национальность	Количество	% к общему числу начальников окружных отделов
Евреи	15	14,7
Латыши	11	10,8
Поляки	6	5,9
Немцы	2	2,0
Грузины	1	1,0
Французы	1	1,0

Высокий процент евреев в этом списке может объясняться тем, что свыше трети окружных отделов, о которых приведены данные, находилось в местах традиционного проживания евреев. 10 из 15 отделов, возглавлявшихся евреями, располагались на территории Украины. Уменьшение доли латышей здесь еще не так заметно.

Однако в том же 1927 г. из 34 ведущих сотрудников ОГПУ латыши оказались лишь на четвертом месте среди награжденных орденами Красного Знамени в связи с 10-летием органов ЧК. В список награжденных включили руководителей центрального аппарата и ряда местных органов ОГПУ. Вот как распределялись награжденные по национальностям: русские — 15 чел. (44,1%), евреи — 8 (23,5%), поляки — 5 (14,7%), латыши — 3 (8,8%), представители мусульманских народов — 2 (5,9%), грузины — 1 (3%)[46].

Анализ социального облика и биографий евреев, работавших в ЧК, добавляет еще один штрих к этой картине. Соответствующие выводы позволяют сделать данные переписи работни-

ков ВЧК. 1918 г. и протоколы чисток партийной ячейки ОГПУ 1925 и 1929/30 гг.[47]. Среди сотрудников карательного аппарата мы встречаем уроженцев мест традиционного проживания евреев — Украины, Белоруссии, Бессарабии, Польши, Галиции. Их родители занимались наиболее характерными для еврейского населения видами деятельности (ремесленники, мелкие торговцы, рабочие низкой квалификации, приказчики, купцы, служащие, страховые агенты). Единственная группа еврейского населения, не представленная сколько-нибудь заметно в аппарате ЧК—ГПУ, — выходцы из семей раввинов. Многие будущие чекисты обучались в хедерах. Большинство имели хотя бы неполное среднее образование; немало и таких, кто получил университетское образование в России или Западной Европе. У тех, кто успел поработать до революции, спектр занятий весьма широк, — от сплавщиков леса до учеников аптекаря, гимназических репетиторов и бухгалтеров. Многие евреи приходили в центральный аппарат из местных органов ЧК—ГПУ, местных советов, Красной Армии, советских вузов.

Отдельную группу составляли евреи-реэмигранты, работавшие в аппарате ГПУ. Покинувшие Россию до революции и вернувшиеся после октября 1917 г., многие из них были людьми авантюрного склада. Ярким примером может служить некий Б.М.Розенберг, уехавший в Австралию вместе с отцом (ставшим в этой стране золотоискателем), 12 лет проработавший на консервном заводе и в помощниках у садовника, нелегально вернувшийся в СССР через Китай в 1924 г. и принятый в скором времени на работу в ОГПУ. Подобных людей было немного, но они выделялись среди других знанием многих иностранных языков и неординарными биографиями.

Сотрудники-евреи могли владеть сразу несколькими языками. (Так, например, уроженец Варшавы или Галиции мог владеть польским, русским, немецким и идишем.) Эти знания особенно привлекали руководство Иностранного и Информационного отделов ГПУ.

Интересно, что значительная часть тех чекистов-евреев, кто по возрасту мог быть политически активными еще до революции, вплоть до начала 1920-х являлись членами небольшевистских партий. В 1929—1930 гг. эти люди составили около 30% евреев — членов ВКП(б), служивших в аппарате ОГПУ. Более половины из них (16%) в разные годы были членами

еврейских партий: Бунда, Еврейской социал-демократической рабочей партии "Поалей Цион", левой сионистской партии "Цеирей Цион". Из других небольшевистских партий евреи — сотрудники ГПУ ранее состояли в партиях эсеров, украинских левых эсеров-боротьбистов, анархистов-коммунистов, Польской социалистической партии (ППС-левица).

Несмотря на высокий процент бывших членов национальных партий, чекисты-евреи, судя по имеющимся данным, не были особенно тесно связаны со своей национальной средой, не являлись членами Еврейских секций РКП (б) и не стремились сотрудничать в еврейских учреждениях. Отметим, что степень знания родного языка евреями — сотрудниками ГПУ, определяющая уровень их аккультурации, вполне сравнима с этим показателем для евреев предреволюционной России. В 1924 г. из 204 евреев, служивших в аппарате ОГПУ, языком идиш владели 190 человек, то есть 93%[48].

Достаточно сложно определить, как рассматривали себя с национальной точки зрения сами чекисты-евреи. Один из источников позволяет лишь отчасти осветить этот вопрос. В апреле 1919 г. заведующий Инструкторским отделом ВЧК Г.С.Мороз составил и передал в ЦК РКП(б) доклад "О положении еврейских масс в Западном крае". Незадолго до этого Мороз оказался первым евреем, назначенным членом Коллегии ВЧК[49]. По делам службы ему пришлось за короткий срок посетить ряд городов и местечек Западной области (западные районы РСФСР и Восточная Белоруссия). Столкнувшись с повсеместными проявлениями антисемитизма, Мороз убеждает ЦК партии в необходимости принять меры для борьбы с ним. Член Коллегии ВЧК обращает внимание на тяжелое экономическое положение евреев, предлагает шаги по его улучшению (помощь еврейским организациям в поселении евреев на землю), призывает к проведению соответствующей агитации и пропаганды, рекомендует провести кадровые перестановки, официально убрав евреев в городах бывшей черты оседлости, наиболее зараженных антисемитизмом, с ответственных "комиссарских" постов, советует влить евреев-коммунистов в ряды Красной Армии в качестве рядовых и т.д. Для нас наибольший интерес представляет заключительная часть документа, в которой Г.С.Мороз стремится объяснить причины, побудившие его написать и отправить в ЦК доклад, не имеющий непосред-

ственного отношения к его служебным обязанностям: "Думаю, что настоящий доклад не вызовет обвинений меня в чем-либо. Нахожу нужным отметить, что сам я — еврей, работавший и работающий все время среди еврейского пролетариата, с коим я связан тесными узами. Как бы мне не хотелось писать обо всем изложенном, но преданность Революции подсказывает мне это сделать[50].

Характерно, что член руководства одного из самых влиятельных учреждений страны должен оправдывать свое вынужденное обращение к еврейской теме и разъяснять свой интерес в этой области, дабы не быть неверно понятым в ЦК РКП(б).

Проблема присутствия евреев на "комиссарских" постах, в том числе и в ЧК, волновала не только члена Коллегии ВЧК. В Киевской ЧК в 1918 г. образовалась оппозиция евреям, "в результате чего последовала команда не назначать более евреев на видные должности, а в агитационных целях приказывалось расстрелять кого-либо из евреев, что и было сделано[51]. Известна позиция по вопросу о представительстве евреев в ЧК и в различных советских органах Л.Троцкого, полагавшего, что присутствие заметного числа инородцев среди советских работников дает повод для широкой шовинистической агитации против советской власти[52].

На заседании Политбюро 18 апреля 1919 г. в присутствии Ленина, Крестинского и Сталина Троцкий поднял вопрос о представительстве национальных меньшинств в советских учреждениях и ЧК: "Огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи... процент их на самом фронте сравнительно невелик и... по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик сильнейшая шовинистическая агитация... Необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом[53]. По этому вопросу участники заседания Политбюро постановили: "Предложить т.Троцкому и Смилге составить соответствующий доклад и сообщить этот доклад как директиву ЦК комиссиям, распределяющим силы между центральными и местными организациями и фронтом[54].

Однако данные о том, что такая директива ЦК была издана, отсутствуют. Вероятно, Троцкий несколько сгущал краски, гово-

ря об огромном проценте работников-евреев (в том числе и в ЧК). Представляется верным вывод о том, что подобная "озабоченность" Троцкого этим вопросом может быть объяснена главным образом "еврейским комплексом" самого Троцкого[55].

Очевидно, что отдельные попытки регулировать национальный состав центральных и местных учреждений и органов госбезопасности не доводились до конца и не смогли, судя по имеющимся источникам, серьезно повлиять на этническую структуру советских учреждений, в том числе и на представительство евреев в аппарате органов ЧК.

У нас нет достаточных сведений, чтобы ответить, как относилось к чекистам, представлявшим национальные меньшинства, руководство ВЧК—ОГПУ, в частности Ф.Э.Дзержинский. Из анкет переписи служащих ВЧК 1918 г. известно, что некоторым сотрудникам-полякам, которых Дзержинский, очевидно, знал по более ранней деятельности, председатель ВЧК сам давал рекомендации на службу.

Вероятно, Дзержинский ценил своих ближайших сотрудников-евреев. Из четырех помощников Дзержинского на посту председателя ОГПУ трое были евреями — второй заместитель председателя Г.Г.Ягода, секретарь председателя В.Л.Герсон и особоуполномоченный при председателе М.М.Луцкий. Дзержинский должен был обладать собственным мнением о евреях — свои юность и молодость он провел в Вильно и Ковно с их многочисленным еврейским населением, а в его идейном развитии определенную роль сыграла полемика с Бундом, которую вел молодой социал-демократ Дзержинский. В молодые годы он был близко знаком с многими деятелями Бунда — одной из самых влиятельных социалистических организаций в Литве и Польше. В автобиографии Дзержинского можно встретить ряд свидетельств того, как бундовцы и даже еврейские контрабандисты неоднократно помогали молодому Дзержинскому бежать за границу — организовывали переправы, доставали документы, устраивали на квартиры и т. п.[56].

Сохранилось несколько документов, проливающих свет на отношение Дзержинского к евреям вообще и косвенным образом — на отношение главы ВЧК к евреям, работавшим у него в аппарате.

В марте 1924 г. Дзержинский пишет записку своим заместителям по ОГПУ В. Менжинскому и Г.Ягоде, непосредственно

касавшуюся вопроса о преследовании сионистов. Поводом к ее написанию, как отмечает сам Дзержинский, послужило его знакомство с сионистскими материалами (вероятно, нелегальными изданиями действовавших в СССР групп сионистов, присланными одним из подразделений ОГПУ для сведения председателю). Дзержинский заявляет, что не считает разумным преследование сионистов — оно делает их только опаснее для властей, давая повод для шума и криков, которые долетают "до банкиров и "евреев" всех стран и навредят нам немало"[57]. Руководитель ОГПУ полагает, что деятельность сионистов для советской власти не опасна, поскольку находит отклик только среди "еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции" (отметим, что речь идет об СССР 1924 г.). "Программа сионистов нам не опасна, — прямо пишет Дзержинский, — наоборот, считаю [ее] полезной"[58]. А дальше он делает несколько неожиданное (для одного из первых людей в государстве) заявление: "Я когда-то был ассимилятором, но это "детская болезнь". Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент [евреев], хватит. Остальные должны быть сионистами. И мы им не должны в этом мешать, под условием не вмешиваться в политику нашу. Ругать евсекцию разрешить, то же и евсекции". Дзержинский иронично заключает: "Пойти также сионистам навстречу и стараться давать не им должности, а считающим СССР, а не Палестину своей родиной"[59].

В этой записке Дзержинский демонстрирует, что ему не чужд распространенный набор стереотипов относительно евреев, их роли в обществе и их "истинной сущности". Дзержинского явно раздражают еврейские массы вообще и еврейские коммунисты в частности ("ругать евсекцию разрешить"). Он просто не доверяет евреям, подозревая большинство их в нелояльности советскому строю. У нас нет оснований считать, что подобная позиция председателя ВЧК—ОГПУ когда-либо проявлялась в практических действиях по формированию аппарата вверенного ему органа. В то же время нельзя сказать, чтобы Дзержинский совершенно забывал о еврействе своих даже ближайших сотрудников. Записка, о которой шла речь выше, адресована двум его заместителям — В.Менжинскому и Г.Ягоде. В последние годы своей жизни (Дзержинский умер в 1926 г.) он, будучи загруженным еще и на постах наркома путей

сообщения, а затем председателя ВСНХ СССР, фактически перепоручил руководство ОГПУ своему первому заместителю Менжинскому, часто посылая тому записки по разным вопросам деятельности органов безопасности. Цитированная выше записка первоначально также была адресована "т.Менжинскому". Слова "и т.Ягоде" появились, судя по почерку, уже после того, как Дзержинский закончил писать этот документ. В компетенцию второго заместителя председателя ОГПУ не входили вопросы определения или изменения политической линии карательного органа. Дзержинский, вероятно, посчитал, что Ягоде как еврею будет небезынтересно и полезно ознакомиться с мнением своего руководителя о сионизме и евреях.

Попытки анализа социального состава представителей еврейского меньшинства, находившихся на службе в ЧК—ГПУ, позволяют сделать некоторые выводы. Чекисты-евреи широко представляли основные социальные группы еврейского населения России. В то же время о латышах в ЧК этого сказать нельзя, что объясняется особенностями состава латышского населения, оказавшегося на территории России в годы мировой войны и революции. Этими же особенностями латышской диаспоры в России можно объяснить внутриэтническую сплоченность кадров латышей, находившихся на службе в ЧК—ГПУ. Важную роль в работе и быту чекистов-латышей играл латышский язык, в аппарате ВЧК активно функционировала латышская секция РКП(б).

Напротив, чекисты-евреи, будучи выходцами из традиционной национальной среды, попадая на службу в советские учреждения, в том числе и в ЧК, постепенно утрачивали многие черты национального сознания и быта. В послереволюционные годы "национальное", "традиционное" в еврейской среде чаще рассматривалось как пережиток старого времени, а отказ от него обещал новые возможности в интернационализированном советском обществе. Двойственность положения евреев в Советской России сказывалась в том, что обращение к еврейским проблемам часто могло рассматриваться как проявление национализма, поэтому чекисты-евреи не стремились к национальной самоидентификации.

В 1930-х советские карательные органы, их цели и задачи формы и методы работы претерпели заметные изменения. Изменения коснулись структуры аппарата органов ОГПУ, во-

шедших под названием Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) и его местных органов в состав НКВД (с 1934 г.), повлияв и на характер этнического состава этого аппарата. Первая половина 30-х характеризуется увеличением роли евреев в аппарате государственной безопасности. Оно было тем более заметным, что проходило на фоне снижения роли и численности в аппарате латышских кадров, многие из которых пришли на службу советской власти с первой революционной волной. К весне 1937 г. национальный состав местных органов госбезопасности (без ГУГБ) выглядел так (приводим первые десять позиций): русские — 15 570 человек (65%), украинцы — 2509 (10,5%), евреи — 1776 (7,4%), белорусы — 980 (4,1%), армяне — 426 (1,8%), татары — 363 (1,5%), грузины — 298 (1,2%), латыши — 256 (1,1%), казахи — 169 (0,74%), поляки — 144 человека (0,60%)[60].

Изменения второй половины 30-х были связаны с волной репрессий, обрушившихся на НКВД после крупных политических процессов 1936—1937 гг. Так, были арестованы и уничтожены почти все начальники управлений НКВД, их заместители, следователи — все принимавшие непосредственное участие в подготовке и проведении московских процессов 1936 г. знали или могли знать тайны этих процессов, хорошо разбирались в механике набиравшей невиданные обороты репрессивной машины. По делам арестованных сотрудников НКВД обычно не велось никакого серьезного следствия. Стандартными были обвинения в троцкизме и шпионаже, за которыми следовал расстрел без суда.

Первые крупные репрессии внутри аппарата НКВД существенно повлияли на национальный состав карательных органов. Характерно, что в ходе этих репрессий национальное происхождение сыграло в судьбе многих чекистов роковую роль. А.Орлов (Л.Фельдбин), являвшийся в 30-х резидентом советской разведки в ряде стран Западной Европы и укрывшийся в 1938 г. в США, свидетельствовал: "Тем сотрудникам, кто был или считался польского происхождения, объявляли, что они польские шпионы, латышам — что они шпионы Латвии, русским — что они шпионы Германии, Англии, Франции"[61].

Судя по имеющимся данным, одним из немногих национальных меньшинств, принадлежность к которому в конце 30-х не являлась для сотрудника НКВД "составом преступления", были

евреи. В органах госбезопасности еще не действовали те установки по национальной и кадровой политике, которые стали характерны для всего советского общества в конце 40-х — начале 50-х. Этот факт способен объяснить существовавшую накануне наиболее массовых репрессий картину национального состава руководящих органов НКВД. Представление об этой картине может дать список награжденных к 20-летию ВЧК—ОГПУ—НКВД их 407 ответственных сотрудников, опубликованный в центральной печати[62]. Среди награжденных — 56 евреев (13,8%), 7 латышей (1,7%), 5 армян (1,2%).

Новая волна репрессий 1938—1939 гг. практически смела старые чексистские кадры, значительно изменив соотношение национальных меньшинств в аппарате государственной безопасности. К началу 1940 г. национальный состав центрального аппарата НКВД имел следующий вид: русских — 3073 человека (84%), украинцев — 221 (6%), евреев — 189 (5%), белорусов — 46 (1,25%), армян — 41 (1,1%), грузин — 24 (0,74%), татар — 20 (0,5%), прочих — менее 0,5%[63]. На протяжении 1940-х роль евреев в карательных органах оставалась весьма заметной и сошла на нет лишь в послевоенные годы, в ходе кампании по борьбе с космополитизмом.

Итак, на начальном этапе деятельности караульных органов, в эпоху красного террора, национальные меньшинства составляли около 50% центрального аппарата ВЧК. При этом доля национальных меньшинств на ответственных должностях в аппарате достигала 70%. Национальные кадры занимали должности, не пользовавшиеся особенной популярностью в партии большевиков. Возможно, евреи и представители других национальных меньшинств были в меньшей степени подвержены общему негативному настрою по отношению к ЧК.

Постепенно к середине 20-х доля представителей национальных меньшинств в аппарате снизилась. В целом по ОГПУ этот показатель упал до 30—35%, а в руководстве и среди ответственных работников — до 40—45%. Отмечалось уменьшение процента латышей и увеличение процента евреев. Снижение роли латышей в ОГПУ к концу 20-х объясняется в первую очередь отсутствием притока свежих латышских кадров при постоянном росте аппарата[64]. Напротив, 20-е были временем значительного притока еврейских кадров в органы ОГПУ. Этот период характеризуется активным включением евреев в социа-

листическое строительство. Наблюдался их массовый приток в крупные города. Евреи стремились реализовать свои возможности, не востребованные в дореволюционный период. С учетом углублявшейся профессионализации органов госбезопасности евреи часто лучше других отвечали требованиям, предъявлявшимся к кадрам ОГПУ в новых условиях. При этом интересно отметить, что годы увеличения роли евреев в аппарате ОГПУ были и временем борьбы с оппозицией, имевшей определенный антисемитский подтекст[65].

Руководители партии и самих карательных органов обращали внимание на несбалансированное представительство национальных меньшинств (особенно в местных органах) и на использование этого факта для ведения шовинистической пропаганды, но не предпринимали достаточно настойчивых попыток, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. Изменение в представительстве евреев, латышей и других национальных меньшинств в органах государственной безопасности являлось не результатом целенаправленной кадровой политики, а следствием объективных социальных изменений в советском обществе.

Евреи и другие национальные меньшинства, представленные в аппарате ЧК—ГПУ, могут быть по-разному охарактеризованы с точки зрения их социального облика и степени связей внутри своей национальной общности. Так, чекисты-латыши представляли собой достаточно сплоченную в национальном, сравнительно однородную в социальном отношении группу. В то же время сотрудники ВЧК — евреи в меньшей степени стремились к открытой национальной самоидентификации и представляли собой пеструю, весьма репрезентативную для своей национальности социальную группу.

Участие евреев в деятельности ВЧК—ОГПУ не может быть истолковано как национальный феномен. С одной стороны, это явление стало результатом социальных, политических и культурных процессов, происходивших в среде российского еврейства в пред- и послереволюционные годы. С другой стороны, свою роль сыграли особенности формирования аппарата карательных органов (кадровые сложности, невозможность привлечения старых специалистов, система личных рекомендаций). При этом в 20-е доля евреев в аппарате ВЧК—ОГПУ, как правило, была сравнима с их долей в партии большевиков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Наиболее часто в этой связи вспоминают высказывания В. Ленина о евреях, которые спасли революцию, "саботировав саботаж чиновников". *См.: Ленин В.И.* О еврейском вопросе в России. [Запорожье], 1924. С. 17.

[2] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России: 1918—1923. 5-е изд. М., 1990. С. 177.

[3] См.: *Schapiro L.* The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement //The Slavonic & East European Review. 1961. XL; *Gitelman Z.* Jewish Nationality and Soviet Politics. Princeton, 1972; *Nedava J.* Trotsky and the Jews. Philadelphia, 1972.

[4] *Gitelman Z*, Jewish Nationality and Soviet Politics. P. 117.

[5] ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Ед. хр. 10. Анкеты не содержат прямых указаний на национальность сотрудников. Выводы о национальности анкетируемых делались на основании Ф. И. О. сотрудников в совокупности с анализом фактов их биографий, изложенных в ответах на вышеуказанные вопросы, данных о семейном положении, составе семьи опрашиваемого (место жительства членов семьи). В отдельных случаях в качестве контрольных использовались данные анализа степени грамотности, особенностей орфографии и почерка сотрудников. В большинстве проанализированных источников, содержащих сведения о персональном составе аппарата ВЧК—ОГПУ (анкеты переписей, списки и ведомости работников, протоколы заседаний комиссий по проведению чистки партийных ячеек, сведения о личном составе и т.п.), отсутствуют данные об этническом происхождении. Выявляя национальный состав аппарата, мы прежде всего руководствовались критериями, применяемыми в отечественной исторической демографии. Учитывались фамилия, имя, отчество, место рождения, социальная принадлежность. Очевидно, полной точности в таких условиях добиться не дается. По вышеуказанным признакам легче идентифицируются представители таких национальных меньшинств, как евреи, латыши, венгры. Степень достоверности анализа зависит от полноты различных данных, приведенных в отдельных источниках. Так, например, наиболее точные выводы можно сделать на основе биографий чекистов, содержащихся в протоколах заседаний проверочных комиссий, проводивших чистку ячейки ВКП(б) в ОГПУ (1925, 1929/30 гг.). Во всех случаях потушенные данные сопоставлялись друг с другом, а также с данными иных, в том числе и опубликованных, источников.

[6] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3, 4, 7, 34, 65. 66с, 68, 74, 84.

[7] Там же. Ф. 613. Оп. 2.

[8] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 279.

[9] *Терне А.* В царстве Ленина. Очерки современной жизни в РСФСР, 2-е изд. Berlin, 1922. С. 57.

[10] Красный меч. Орган Политотдела Особого корпуса войск Всеукраинской ЧК. 18 авг 1919. (Цит. по: ВЧК—ГПУ: Сб. документов. Bencon, VT, 1989. С. 65).

[11] Известия. 1922. 17 дек.

[12] Правда для служебного пользования: Из документов личного архива Ф. Дзержинского, 1918—1921 // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 1. М., 1992. С 45.

[13] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Ед. хр. 194. л. 9; Из истории ВЧК. 1917—1921 гг.: Сб. документов. М., 1958. С. 216. 409.

[14] *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России: 1917—1922// Отечественная история. 1993. № 6. С. 51.

[15] *Аронсон Гр.* На заре красного террора. Berlin, 1929. С. 155.

[16] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России... С. 177.

[17] *Измайлович А.А.* Семь недель в ВЧК // Кремль за решеткой: Подпольная Россия. Berlin, 1922. С. 120.

[18] *Мельгунова-Степанова П. Е.* Где не слышно смеха... Типы, нравы и быт ЧК: Отрывки из воспоминаний 1917—1922. Paris, 1928. С. 10. 12, 24, 40, 71, 93, 24.

[19] *Аронсон Гр.* На заре красного террора. С. 68.

[20] *Шестов Л.* Что такое большевизм. Berlin, 1920. С. 16.

[21] Мы в данном случае не касаемся мнений антисемитски настроенных как противников, так и сторонников большевизма, для которых любой факт участия евреев в революционном движении, коммунистической партии. ЧК и пр. либо служил лишним оправданием своего неприятия евреев, либо вызывал желание избавиться от "еврейского влияния" в революции.

[22] *Bryant L* Mirrors of Moscow. N. Y., 1923. P. 52. Отметим, что упоминание евреев в этом отрывке выглядит не вполне логичным (автор не говорит ни слова о евреях ни до ни после этой фразы). Вероятно, его появление связано с распространенным и в России, и за границей впечатлением о засилии евреев в ЧК. Брайант, убедившись в преувеличенности подобного представления, постаралась его развеять.

[23] *Есенин С.А.* Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1978. Т. 3. С.113—114.

[24] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России... С. 177.

[25] *Bryant L* Mirrors of Moscow. P. 52.

[26] РЦХИДНИ. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 62. л. 175.

[27] *Лацис М.* Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией. М.,1921. С. 12.

[28] *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России... С. 52.

[29] В октябре 1918 г. ЦК РКП(б) направил всем губкомам партии письмо, в котором сообщалось, что после объявления красного террора "под влиянием... страха и воплей пострадавшей буржуазии в целом ряде Советских учреждений... и даже, что очень печально, среди отдельных членов нашей партии начался поход против ЧК"

(РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Ед. хр. 194. Л. 20). На Всероссийском съезде председателей губернских ЧК летом 1919 г. одним из важнейших пунктов был вопрос, "как отразился поход против Чрезвычайных комиссий со стороны местных Советских организаций" (там же. Оп. 66. Ед. хр. 65. Л. 138). Судя по имеющимся данным, преобразование ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. не смогло серьезно повлиять на изменение отношения в партии, в обществе к этому органу. Накануне открытия X Всероссийского съезда Советов заместитель председателя ГПУ И. Уншлихт просил Секретаря ЦК И.Сталина включить в повестку дня съезда доклад о деятельности и задачах ГПУ, поскольку "широкие круги партийных и советских работников недостаточно ориентируются в новых методах работы ГПУ, отсутствует тесная связь между другими советскими органами и ГПУ, отсутствует сознание необходимости всяческой поддержки органов ГПУ" (там же. Оп. 84. Ед. хр. 397. Л. 146).

[30] Там же. Ед. хр. 114. Данные приводятся в Сводке сведений с мест по исполнению циркулярного письма ЦК РКП от 2 марта 1920 г., обязывающего коммунистов в армии быть осведомителями Особотделов. Общее настроение по России — "коммунисты не желают быть осведомителями" (Л. 23).

[31] Здесь и далее все данные по аппарату ВЧК на 25.09.1918 г. рассчитаны по материалам переписи служащих ВЧК (ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Ед. хр. 10). Представители шести других национальных меньшинств составили в сумме около 4% сотрудников.

[32] Представители других национальных меньшинств составили в сумме около 2% ответственных сотрудников ВЧК.

[33] По Брестскому договору (март 1918 г.) большая часть территории Латвии была фактически поглощена Германией.

[34] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Ед. хр. 144. Л. 38. Представители 14 других национальностей составляли в сумме 6,7% от общего числа работников местных секретных отделов.

[35] Там же.

[36] Обзор деятельности ВЧК за 4 года. С. 271—272. (Цит. по: *Литвина А.Л.* "Красный и белый террор в России..." (С. 61, прим. 64).

[37] *Варава М.К.* К вопросу о численности латышей в России в 1918—1926 годах // Коммунист Советской Латвии. 1990. № 11—12. С. 140.

[38] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 7. Ед. хр. 92. Л. 1, 16. Данные переписи населения 1920 г..в границах СССР 1922 г. (без учета Дальнего Востока и Якутии). При известной ущербности результатов первой советской переписи населения ими оперировали организаторы партийной переписи 1922 г.

[39] Там же. Оп. 84. Ед. хр. 397. лл. 16, 96. (Штатное количество сотрудников ВЧК по состоянию на 14 февраля1922 г.; штат ГПУ по состоянию на 10 мая 1922 г.).

[40] Там же. Оп. 34. Ед. хр. 342. Лл. 14—17. (Сведения по руководству ОГПУ /15 отделов. Коллегия и секретариат Коллегии/ из 96 человек).

[41] Там же.

[42] Там же. Оп 68. Ед. хр. 532. Л. 159.

[43] Там же. Лл. 230—238.

[44] Там же. Ф. 613. Оп. 2. Ед. хр. 15. Подсчет приведен по материалам Протоколов заседаний проверочной комиссии ЦКК РКП(б) по проверке членов и кандидатов РКП(б) ячейки ОГПУ от 5—31 января 1925 г.

[45] Там же. Оп. 68. Ед. хр. 632. Лл. 2—9.

[46] Известия. 1927. 18 дек.

[47] ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Ед. хр. 10; РЦХИДНИ. Ф. 613. Оп. 2. Ед. хр. 15, 24, 25.

[48] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Ед. хр. 632. Л. 159.

[49] Из истории ВЧК: 1917—1921 гг. С. 266—267.

[50] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 66. Ед. хр. 65. Лл. 27—27об.

[51] Свидетельство опубликовано в книге М. Агурского "Идеология национал-большевизма" (Paris. 1980. С. 238) со ссылкой на эмигрантский журнал "На чужой стороне" (1925. Т. IX).

[52] *Роговин В.Л.* Д. Троцкий об антисемитизме // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 2. С. 92—93.

[53] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1.

[54] Там же.

[55] *Nedava J.* Trotsky and the Jews. P. 122.

[56] *Дзержинский Ф. Э.* Автобиография // Чекисты. Л., 1977. С. 27.

[57] РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 326. Л. 2.

[58] Там же. Это замечание Дзержинского вступает в противоречие с представлениями о практическом вреде сионизма для советской власти, изложенными в секретном циркуляре "Всем местным ЧК", изданном 1 июня 1920 г.: "...Сионизм, охватывающий почти всю еврейскую интеллигенцию, если бы ему суждено было осуществиться, немедленно лишил бы нас огромнейших кадров, необходимых для воссоздания нашего народного хозяйства... которыми при нашей бедности приходится до поры до времени дорожить" (ВЧК—ГПУ: Сб. документов. С. 126—127). Возможно, впрочем, Дзержинский считал, что то время, когда этими кадрами можно не дорожить, к 1924 г. уже наступило.

[59] РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 326. Л. 2.

[60] *Кокурин А.И., Петров Н.В.* НКВД: структура, функции, кадры// Свободная мысль. 1997. № 6. С.118.

[61] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 214.

[62] Известия. 1937. 20 дек.

[63] *Кокурин А.И., Петров Н.В.* НКВД.// Свободная мысль. 1997. № 6. С.113.

[64] Количество латышей в СССР в эти годы неуклонно снижалось. В 1920 г. в России проживало около 290 тыс. латышей. С 1920 по 1926 г. в Латвию реэвакуировалось около 138 тыс. латышей. По данным всесоюзной переписи населения, в 1926 г. в стране проживало 151 410 латышей (*Варава М.К.* К вопросу о численности латышей. С. 141—142).

[65] См.: *Роговин В.Л.* Д. Троцкий об антисемитизме. С. 90—192.

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Олег Будницкий

"ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС" В ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1920—1930-х*

Роль евреев в русской революции и — шире — в судьбе России как никогда активно дебатировалась на страницах русской и русско-еврейской печати в 1920—1930-е. Поговорить было о чем. С одной стороны, бесспорным фактом является заметная роль, которую сыграли евреи в русской смуте 1917-го и последующих лет. С другой — революция обернулась катастрофой для сотен тысяч евреев, ставших жертвами невиданных по масштабам для той поры погромов. Еще одним фактором, стимулировавшим обсуждение "еврейского вопроса", стало широкое распространение антисемитской литературы, объявлявшей крушение императорской России следствием международного еврейского заговора.

Прошли десятилетия. И мы стали свидетелями (и участниками) дискуссий на ту же тему. Правда, дискуссии временами напоминают балаган, а интеллектуальный уровень их заметно уступает аналогичной полемике 1920—1930-х. Есть смысл "повторить пройденное" и обратиться к работам публицистов того времени. Тем более что их размышления по "еврейскому вопросу" разбросаны по страницам редчайших сейчас эмигрантских изданий и неизвестны не только "широкому", но и "узкому" (профессиональному) кругу наших современников.

К "еврейскому вопросу" неоднократно обращался признанный лидер русского либерализма и, что в данном случае не менее важно, профессиональный историк Павел Николаевич Милюков. Для Милюкова "еврейский вопрос" — прежде всего вопрос политический. Такое его понимание, в известном смысле классическое для русского либерализма, Милюков сформулировал еще до революции, в статье "Еврейский вопрос в России", опубликованной в известном сборнике "Щит"в разгар разнузданной антисемитской кампании, инспирированной властями после начала первой мировой войны.

Милюков писал, что "у нас в России еврейский вопрос есть, прежде всего, вопрос о частноправовых последствиях религиоз-

---

* Статья написана в период действия гранта, предоставленного автору Международной ассоциацией иудаики и еврейской культуры, и впервые опубликована в «Вестнике еврейского университета в Москве» (1994. №3 (7)). В настоящем издании печатается с исправлениями и дополнениями.

ного и национального неравенства евреев. Он есть лишь часть вопроса о нашем общем неравенстве и об отсутствии наших общих гражданских свобод. Вопрос о еврейском равноправии в России есть вопрос о равноправии всех граждан вообще. Отсюда видно, почему антисемитские партии в России имеют гораздо более широкий политический смысл и значение, чем антисемитские партии Запада. У нас они почти сливаются с партиями вообще антиконституционными, и антиконституционализм служит знаменем того старого строя, с которым мы до сих пор тщетно стремимся разделаться. Вот почему еврейский вопрос в русском обществе и политической жизни занимает такое видное место. Моменты борьбы за равноправие общее и за равноправие национальное здесь совпали. Поэтому еврейский вопрос и выдвинулся в нашей политической жизни на первое место"[1].

В то же время Милюков отмечал, что антисемитские тенденции парадоксальным образом усилились именно в "конституционную" эпоху, в период борьбы за голоса избирателей на выборах в Государственную думу. Если раньше проблема евреев решалась бюрократией в тиши канцелярий, исходя из соображений государственной пользы (разумеется, в понимании бюрократии), то теперь, когда "народ был призван к участию в государственной жизни, явилась и потребность влиять на него в известном смысле. Надо было обработать массу, воздействовать на ее мысль и волю. Официозный антисемитизм есть простейший способ удовлетворения этой потребности, упрощенная попытка взнуздать массы, подсказать им те чувства, те побуждения, тот характер взглядов и способ действий, которые нужны тем, кто играет на этих струнах... Итак, антисемитизм нового типа, как это ни странно на первый взгляд, является приобретением конституционной эпохи. Он является ответом на потребность в применении новых средств массового воздействия".

Напомнив известное изречение Бисмарка, что антисемитизм — это "социализм дураков", Милюков, развивая эту мысль, писал: "Для того, чтобы бороться с социализмом умных людей, нужно темных людей взять в свои руки и поманить их призраком социального улучшения их быта, показавши им мнимого врага вместо действительного. И антисемитизм говорит темной массе: вот твой враг, борись с евреями, и ты добудешь социальные улучшения..."

Справедливо указав на использование антисемитизма при создании социальных партий нового типа на Западе, в частности

в Австрии, Милюков отметил, что в России масса недостаточно подготовлена, чтобы "оценить непосредственно социальный аргумент, хотя бы и преподносимый в упрощенной форме. У нас антисемитизм принужден облекать этот аргумент в еще более доступную форму, обращаясь к наиболее элементарным страстям и инстинктам... У нас антисемитизм есть средство создать в массах национализм определенного типа. Для этой-то цели наши антисемиты ставят своей задачей играть на струнах расовой и религиозной ненависти".

Милюков обратил внимание еще на одну "задачу" антисемитизма: воздействовать на власть. "Если массы нужно приобрести, то власть нужно запугать. И создается новый вариант антисемитской легенды: легенда о еврее — создателе русской революции. Это он создал русское освободительное движение, это он работал в печати, он работал в революционных организациях, он ходил с красными флагами... Русский человек, который бы этому поверил, показал бы тем, что он не уважает русский народ. Сказать, что только еврей мог помочь русскому народу освободиться, это значит сказать, что без еврея русский народ не вышел бы на путь собственного освобождения. Нет, как я ни уважаю исключительную талантливость еврейского народа, но я не откажу русскому народу в способности своими силами участвовать в собственном освобождении".

Рассмотрел Милюков и другую сторону проблемы — "зависимость" российских евреев от освободительного движения, в чем, "разумеется, не может быть никаких сомнений. Не только то обстоятельство, что еврейская масса более образованна, что она прошла ту или иную школу, что она не подвержена алкоголизму — и по всем этим причинам стоит выше по самосознанию, должно было побудить ее понять важность для нее освободительного движения. К тому же привело ее и то обстоятельство, что речь тут идет о приобретении таких элементарных прав, значение которых близко и понятно каждому. Вот почему всю еврейскую массу можно, действительно, записать в ряды сторонников русского освободительного движения".

Лидер кадетов здесь же предостерегает "инородцев" от разрыва с русским освободительным движением, от сосредоточения на борьбе только за свои национальные цели: "Не следует увлекаться национализмами до тех пор, пока не разрешен общеимперский вопрос российского освобождения"[2].

Многие рассуждения Милюкова о политической природе антисемитизма, о разыгрывании еврейской карты партиями

определенной ориентации представляются справедливыми для России не только начала века, но и нашего времени. В его статье наиболее последовательно изложена либеральная концепция "еврейского вопроса", оставшаяся в принципе без особых изменений не только в послереволюционный период, но и десятилетия спустя — со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Сильные стороны очевидны — профессиональный социально-политический анализ и безусловное признание права евреев на равноправие и реализацию их национальных и религиозных потребностей.

Менее очевидны слабости: во-первых, Милюков обходит вопрос о том, почему именно антисемитизм послужил основой для консолидации антидемократических и антилиберальных партий, почему народные массы столь легко и охотно поддержали именно антисемитскую пропаганду (и не только пропаганду)?

Во-вторых, Милюкову явно была свойственна недооценка национального фактора. Его отеческий совет не увлекаться "национализмами" вряд ли мог быть понят национально ориентированными евреями в условиях массированного наступления на еврейство в годы первой мировой войны. Те же евреи, которые порвали с религиозными и культурными традициями своего народа, обычно "проскакивали" гораздо дальше либерализма — к социалистическому или коммунистическому интернационализму.

Аналогичных взглядов Милюков придерживался и после революции. В интервью Д. Шубу, которое он дал в 1921 г., Милюков говорил, что погромы при Деникине и при Петлюре "были искусственно вызваны некоторыми реакционными кругами. Там, где во главе антибольшевистских восстаний стояли не крайние правые, как, например, в Кронштадте... или в крестьянском восстании в Тамбовской губернии, или в волжском районе, или на Дону, еврейское население ничуть не пострадало, несмотря на то, что там теперь сосредоточено значительное число евреев".

На вопрос интервьюера: "Думаете ли Вы, что еврейский народ имеет будущее в России?", Милюков ответил: "Несомненно. Россия не останется навсегда большевистской, как и не вернется к царскому самодержавию. Россия будет демократической республикой. Хаос в конце концов исчезнет, и когда установится более или менее нормальная жизнь, евреи будут играть большую роль в экономике, политической и культурной

жизни страны. Судьба евреев в России тесно связана с победой в России демократии. В демократической России евреи, как и все национальности, будут чувствовать себя свободными и равноправными гражданами"[3].

В начале 1920-х Милюков (кстати, "заработавший" у антисемитов прозвище "Милюковер") напечатал ряд статей против антисемитизма, и в особенности против одной из самых громких антисемитских фальшивок — "Протоколов сионских мудрецов". Сейчас даже как-то неприлично писать об этом навязшем в зубах сюжете. Однако нас интересуют не сами по себе "Протоколы" — вопрос об их подложности давно выяснен наукой, и нет смысла к нему возвращаться. Интереснее другое — "Протоколы" как феномен массового сознания, а также мысли о русско-еврейских отношениях, о "еврейском вопросе" в России, которые высказывали видные историки, философы, публицисты.

В 1922 г. Милюков написал предисловие к брошюре "Правда о "сионских протоколах". В брошюре в переводе на русский язык были перепечатаны статьи из английской газеты "Таймс", в которых рассказывалось о находке одного из корреспондентов газеты "первоисточника" "Протоколов" — памфлета М.Жоли против Наполеона III. Это сенсационное по тем временам открытие давало прочную основу для разоблачения фальшивки — от логических аргументов критики "Протоколов" могли перейти к текстологии.

В предисловии Милюков объяснял, почему после "второй революции" (имеется в виду революция 1917 г.: в отличие от советской историографии, разглядевшей в 1917 г. две революции, Февральскую и Октябрьскую, Милюков эти события рассматривал как единый процесс) работу русской охранки ожидал блестящий успех: "Великий всемирный заговор премудрых старейшин Израиля, решивших гораздо раньше Людендорфа наслать на Россию революцию и революционного диктатора, — разве не было это точным предсказанием пришествия Ленина и большевиков?"[4]. Проследил он и географию распространения "Протоколов" в России и за границей, справедливо расценивая их как своеобразную "лакмусовую бумажку" антисемитизма: "Будущий историк, которому захочется проследить историю и разветвления русского и заграничного антисемитизма, сможет прекрасно сделать это по истории распространения "Сионских протоколов", сделавшихся своего рода библией реакционного

антисемитизма из Новочеркасска в Ростов, оттуда, вместе с Освагом[5] и с еврейскими погромами, в Харьков и в Киев, потом, при содействии гг. Малахова, Востокова, Ножина[6] и т.д., в Крым при Врангеле, а из Крыма с русской эмиграцией в Константинополь, Софию и Белград, — еще раньше, при посредстве заграничных изданий и реакционных издательств, во Францию и Англию, даже в Америку; вот направление триумфального шествия произведения гг. Головинского и Манусевича-Мануйлова[7]. Всюду этот продукт ненависти и мракобесия заносил свои ядовитые семена, сообщая разбуженным революционными эксцессами шовинистическим инстинктам идеологическое и философско-историческое обоснование"[8].

В следующем году Милюков вновь обратился к тому же сюжету. На этот раз поводом послужил выход в свет книги Ю.Делевского (псевдоним; настоящее имя автора — Я.Л.Юделевский) "Протоколы сионских мудрецов" (История одного подлога)"[9]. Милюков напечатал на нее рецензию в еженедельнике "Еврейская трибуна", выходившем на русском и французском языках в Париже с 1920 по 1924 г. "Есть несомненная связь, — писал Милюков, — между содержанием политической пропаганды — и нравственным и умственным уровнем тех, кто ее ведет и для кого она предназначается. Есть такое содержание, которое может быть преподносимо только в демагогической форме, но есть такая нравственная и умственная среда, которую легче всего возбудить крикливыми призывами к ненависти, подкрепляемыми аргументами, рассчитанными на круглое невежество. Хотите понять психологию этой среды, измерить ее пределы, взвесить ее побуждения? Читайте литературу, которая специально для нее предназначается. Как красящее вещество, выделяющее отчетливо тончайшие жилки в микроскопическом препарате, эта литература вам покажет, кто ее читатели, сколько их, где они, каким чувствам они доступны, какие мысли шевелятся под их черепом".

Для Милюкова "Протоколы" интересны прежде всего как один из таких "ярких проявителей степени общественной грамотности и честности той среды, в которой этот грубый фальсификат распространяется и имеет успех. Я употребляю настоящее время, — подчеркивал он, — а не прошедшее, потому что для этой среды напрасны доказательства, что "Протоколы" есть не более как жалкая компиляция, сочиненная по полицейскому заказу. Те, для кого предназначается легенда и сказка явно лубочного чекана, те, обыкновенно, не читают специаль-

ных трудов фольклористов, тщательно изучающих литературную историю легенды и сказки и вскрывающих их первоисточники".

Прошли десятилетия, а мы вновь употребляем настоящее время в отношении "Протоколов". Говорит это, увы, о том, что по-прежнему существует среда для их распространения. Впрочем, и Милюков не заблуждался на этот счет. Задаваясь вопросом, поведет ли "разоблачение грубой фальсификации "Протоколов" к отказу черных пропагандистов и агитаторов от пользования ими?", он приходил к выводу, что "прямых ссылок на них, наверное, станет теперь меньше. Но с идеями, распространяемыми "Протоколами", борьба далеко не кончена. Она будет так же длительна и должна быть так же упорна, как борьба с человеческим невежеством и с националистической зоологической злобой"[10].

Не последнюю роль в той действительно зоологической ненависти, которую питали к Милюкову — лидеру и символу либерализма — российские правые, играла его последовательная позиция в "еврейском вопросе". Думаю, не случайно покушение на него в Берлине в 1922 г. совершили П.Н.Шабельский-Борк и С.Таборицкий — не "просто" монархисты, а "по совместительству" еще и редакторы черносотенного журнала "Луч света"[11]. Как неслучайным было и то, что Шабельский-Борк, приговоренный к 14-ти годам каторги (при покушении погиб В.Д. Набоков, отец знаменитого писателя, закрывший собой Милюкова), просидел в тюрьме недолго, а когда к власти пришли нацисты, стал получать пенсию от ведомства Альфреда Розенберга. Однако ни покушение, ни постоянные угрозы не запугали Милюкова, и в 1935 г. он выступил в качестве свидетеля на Бернском процессе, направленном против швейцарских нацистов — распространителей "Протоколов". Суд признал в конце концов "Протоколы" фальшивкой и плагиатом.

В начале 1920-х в Берлине вышла брошюра, в названии которой сформулирована едва ли не главная проблема эмигрантских дискуссий, — "Большевики и евреи". Автором ее был товарищ Милюкова по кадетской партии, один из лучших ораторов, депутат Государственной думы всех созывов Федор Измайлович Родичев[12]. Тот самый Родичев, которому принадлежала знаменитая фраза о "столыпинском галстуке", цитировавшаяся в советских учебниках истории без упоминания автора; правда, Родичеву пришлось извиняться за нее перед премьером П.А.Столыпиным, считавшим, что он исполняет функцию не вешателя, а врача. Подход Родичева к заявленной им проблеме

скорее культурологический, нежели политический. Он с порога отвергает тезис об особой роли евреев в революции: "Большевики — это власть жидов, говорят нам. Откуда это? Большевиков вознесла к власти разлагающаяся армия, а не евреи. Не евреи убивали в Петрограде защищавших временное правительство юнкеров. Не евреи бомбардировали Москву. — Матросы убийцы, плававшие не по морю, а по крови офицеров, — не евреи. Убийцы, большевизма ради, во всех уездных городах и особенно весях земли русской — не евреи. Те, кто по призыву Ленина бросились на грабеж усадеб и убивали по системе и с наслаждением... — не евреи, а подлинные русские обыватели".

Коснувшись мимоходом "Протоколов", Родичев совершенно справедливо заметил, что дело не в содержании этой книжки. Дело в том, что "она показывает уровень развития и понимания русских верхов, русских реакционных кругов. Как мы все ошибались относительно определения умственного возраста России. Если иные не ошибались насчет русского крестьянства, живущего умом средних веков, верующего, что через бинокль можно пускать холеру, думающего, что немец на аэроплане приезжает в Тамбовскую губернию воровать снопы, то относительно верхов ошибались все... Разве история темного круга, завладевшего Николаем II и его женой, история Распутина, даже убийства Распутина, разве они не дают вам картины темного средневековья. Это среда жидоедства, так же, как среда веры в масонский заговор, в колдунов, кончину мира, черта с рогами или без рогов". Отсюда Родичев делал жесткий вывод: "Антисемитизм верхов, так же как и низов, имеет одни и те же корни — темноту непонимания, силу темных страстей и зоологических инстинктов, неспособность критического анализа".

Родичев отрицал марксистский подход, объяснявший антисемитизм экономическими причинами. Они имеют некоторое значение только тогда, когда «действие этих причин отражается в темном некритическом сознании. Антисемитизм — продукт темной, средневековой, ограниченной психологии. Позитивист сказал бы: антисемитизм свойствен народу, находящемуся в теологической фазе развития, когда верят в добрых и злых духов, творящих всю жизнь, когда верят, что есть народы избранные и отверженные, когда верят в мгновенное перерождение народов, в насильственные революции, когда думают, что насилием и убийством можно ввести благосостояние... Весь мир рисуется тогда людям как сказка, как легенда. Эта психологическая почва

одна для большевизма и антисемитизма — темная страсть и неспособность критики".

Но если большевизм и антисемитизм произрастают на одной почве, как тогда объяснить активное участие евреев в революции? И как может сочетаться антисемитизм с доктриной интернационализма? Родичев не ставит подобных вопросов. В то же время он отмечает, что "если много евреев в большевиках, то ведь не меньше их в числе гонимых большевиками", и даже среди борцов против большевизма, — достаточно назвать имена Каннегиссера (убийцы Урицкого) и Каплан, чьи "еврейские сердца горели ненавистью к большевистской тирании". Трещина, расколовшая Россию, прошла и по "русским евреям".

Родичев высказывает убеждение, что большевизм не может принести блага еврейству. Большевики "разорили буржуазию, остановили промышленность, пролетариат оставили без работы. торговлю запретили, как преступный промысел, погромы прошли по еврейским городам — и, говорят, это все еврейское господство. — Большевизм — это еврейский заговор? — Если все, что случилось, дело рук еврейства, — правильнее было бы сказать, что это не господство евреев, а их самоубийство"[13]. Аналогичные мысли позднее выскажет известный экономист и публицист Борис Дмитриевич (Бер-Дов) Бруцкус, заметивший, что "борьба Советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной мере борьбой против еврейского населения"[14].

Однако вряд ли это понимали те евреи, которые, порвав с традициями своего народа, видели решение "еврейского вопроса" в большевистском интернационализме. Вряд ли кому-нибудь из них попались на глаза пророческие строки Родичева: "Пусть большевики имеют в Советах своих многочисленных евреев, — их толпа, их армия, идущая с криком — грабь награбленное, будут делать погромы, будут грабить и еврея. "Еврей же — буржуй по преимуществу — его надо додушить!.." И большевики громят евреев в западнорусских городах... Когда большевики вопят "додушить буржуазию", нет между ними и черной сотней, орущей "бей жида", — никакой разницы". То, что Родичев был здесь абсолютно прав, засвидетельствовал хотя бы Исаак Бабель, проделавший путь по этим самым "западнорусским" городам вместе с Конармией.

Отметим, кстати, что впоследствии, когда буржуазию, а затем кулачество "додушили" и объектов для классовой ненависти не осталось, дошла очередь и до евреев. Тогда (в конце 1940-х)

разница между большевиками и черносотенцами исчезла не только на деле, но и на словах. Чтобы это предвидеть, надо было всего-навсего уметь отделять шелуху слов от реальной политики, то есть не быть слепым.

Убежденный либерал, Родичев упорно старался втолковать своему народу и его вождям, что нельзя перекладывать ответственность за свои беды на "инородцев", как нельзя опираться в борьбе против большевиков на темные инстинкты толпы — на этом поле большевиков не переиграешь. «Люди возвращаются к прежней ненависти, так же, как возвращаются к прежней любви, — объяснял Родичев взрыв антисемитизма в годы революции.— Чего искать виновников всех бед, когда старые под рукой? Русский мужик никогда не повинен в своем грехе. Он не сам виноват — его "лукавый попутал"».

Но пока "в противобольшевистском стане живет восторг жидоедства и погрома, не будет победы над большевиками... Ибо чувство погромщика это стихия большевизма. Большевики имеют за себя дурные страсти народа. И на этой почве их не превзойдешь, их не осилишь... Темное одушевление мести, насилия и грабежа не дает победы. Ибо победа разрушит армию, одержимую этим чувством: вспомните судьбы Деникинской армии", — напоминал Родичев. Антисемитизм не менее опасен для России, чем большевизм, предостерегал Родичев: "В грабеже большевиков и погроме жидоедов уничтожается не только имущество людей, уничтожаются общественные связи, тот строй, благодаря которому держится культура. Национальная вражда, так же как и классовая, ведет к одичанию, к рабству". Но где же выход? "Только движение к чужой свободе, только сознание права, сознательное чувство справедливости может останавливать погромное чувство разнузданной толпы. Поэтому, когда ненавидящий свободу Ленин-Ульянов объявляет, что свобода — буржуазная выдумка, он создает почву для погромов". Осилить большевиков можно, только "имея за себя правосознание народа. Надо идти на них во имя права, и надо не только словами, надо действиями показать себя не только народолюбцами, но и правдолюбцами".

Читая эти абсолютно справедливые и столь же нереалистичные в условиях тогдашней действительности пожелания, понимаешь, почему либерализм (с присущей ему религиозной и национальной толерантностью) был обречен в России на поражение. Имеет ли он шансы сегодня?

Немалое место еврейская тема занимала в публицистике и общественной деятельности Владимира Бурцева. Бурцев был

революционером еще с народовольческим стажем, успевшим изведать и заключение в Петропавловской крепости, и ссылку в Сибирь, и даже британскую каторжную тюрьму, — в последнюю он угодил за пропаганду терроризма. Но после июльских событий 1917 г. в Петрограде этот последовательный революционер стал одним из инициаторов антибольшевистской кампании, обвиняя Ленина и его товарищей в связях с немцами. В результате он оказался первым, кого арестовала новая власть 25 октября 1917 г. Освободившись из большевистской тюрьмы, Бурцев бежал за границу, возобновил в Париже издание своей газеты "Общее дело", на страницах которой призывал сплотиться под знаменами Колчака и Деникина для общей борьбы с большевиками, позабыв на время о расхождениях партийных программ. В 1921 г. он был избран товарищем председателя Русского национального комитета, безуспешно пытался сплотить различные эмигрантские группы на антибольшевистской платформе. Особый вес слову Бурцева придавала его репутация историка, — он был издателем и редактором первого русского историко-революционного журнала "Былое". И в еще большей степени слава "Шерлока Холмса русской революции" — именно он разоблачил "великого провокатора" Евно Азефа и еще десятка три провокаторов в различных революционных партиях. Столь же безупречно он провел расследование о происхождении "Протоколов" и после выхода в 1938 г. в Париже его книги на эту тему проблему можно было бы считать окончательно закрытой, если бы она сводилась только к логике и научной добросовестности.

В годы гражданской войны Бурцев выступил на страницах "Общего дела" против отождествления большевизма с еврейством. Анализируя национальный состав петроградской организации РКП (б), он показал, что евреи составляют в ней 2,6% (при общей доле в населении Петрограда 1,8%), в то время как русские — 74,2% и 92,6%, латыши — 10,6% и 0,7%, поляки — 6,3% и 4,2%. Приведенные цифры, писал Бурцев, "рассеивают распространяемые повсюду легенды о подавляющем количестве евреев в большевистских организациях"[17].

На публикации английского журналиста Р.Вильтона в "Таймс" об убийстве последнего российского царя, в которых подчеркивалась роль евреев, Бурцев отозвался статьей, в которой настаивал: большевизм — явление русское и дело не в национальной принадлежности конкретных исполнителей[18]. Позднее Бурцев писал: "Среди большевиков нет евреев — есть только интернационалисты".

Во время поездок в Россию в 1919 и 1920 гг., при личных встречах с А.И.Деникиным и П.Н.Врангелем, Бурцев обращал их внимание на разгул антисемитизма среди "добровольцев", на широкое распространение антисемитской литературы, в особенности "Протоколов сионских мудрецов". Бурцев вспоминал: "если в официальных военных сферах Добровольческой армии на Кавказе я не встречал сочувствия к антисемитизму и, в частности, к "Протоколам", то не встречал я там и должного понимания опасности антисемитской пропаганды и распространения "Протоколов". Военные власти не вели борьбы с антисемитами, которая могла бы положить конец их преступной деятельности, и поэтому антисемиты действовали открыто. Они разлагали армию и компрометировали дело борьбы с большевиками — и таким образом расчищали им дорогу". Бурцев вспоминал, что первый же крупный военный чин, с которым он встретился в "белой" России, комендант Севастополя генерал Субботин, вручил ему только что переизданные "Протоколы" и советовал использовать их в "Общем деле"[20].

Почти двадцать лет спустя Бурцев писал Деникину по случаю выхода своей книги о "Протоколах": "Что касается страшного вопроса русской жизни — еврейского — и страшного и в то же время глупейшего вопроса о "Протоколах", то Вы, быть может, не согласитесь со мной, если не по тем выводам, к которым я прихожу, то по значительности этого вопроса и в прошлом и в настоящем времени... Я убежден, что еврейский вопрос, неправильно поставленный, нанес освободительному антибольшевистскому движению страшный вред. Глупые "Протоколы", несмотря на свою ничтожность, и в России в Добровольческий период нашей борьбы с большевиками, и [в] Германии, как и в других странах, играли и играют огромную роль. С ними нужна упорная борьба. Вот к этому сводится смысл издания моей книги... О прошлом надо сказать правду о том, какое было у нас отношение к "Протоколам" (замечательно это бурцевское "у нас" — Владимир Львович брал на себя ответственность за то, что творилось в лагере, который он поддерживал: хотя лично он как раз сделал больше, чем кто-либо из русских людей, для разоблачения фальшивки. — *О.Б.*). А для настоящего времени надо ярко высказать свое отношение к ним как к преступному явлению... Я охотно процитировал в своей книге все, что говорилось раньше о борьбе с "Протоколами", а также оборвал нелепости антисемитов. Надо нам избавиться от этих кандалов. Ими пользуются большевики для

борьбы с нами и в России, и за границей"[21].

Эта книга Бурцева действительно стала вершиной его многолетней борьбы против антисемитизма. В 1921 г. он печатает статью известного историка, в 1917 г. — специального комиссара Временного правительства по ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции С.Г.Сватикова, в которой рассказывалось о причастности бывшего шефа заграничной охранки П.И.Рачковского к созданию "Протоколов"[22].

Борьба Бурцева против антисемитизма послужила одной из причин краха его газеты. В 1922 г., вспоминал он, "в самое тяжелое для меня время в редакцию "Общего дела", когда надо было его спасать, пришли известные русские националисты и поставили мне условием, чтобы я расстался с Пасмаником[23] (был активным сотрудником редакции. — *О.Б.*) и прекратил борьбу по поводу "Сионских Протоколов". Разумеется, я не согласился ни с тем, ни с другим условием и на много лет должен был прекратить издание "Общего дела"[24].

В 1934 г. Бурцев принял участие в качестве свидетеля обвинения в Бернском процессе по поводу "Сионских протоколов". Дело по обвинению швейцарских нацистов в распространении "Протоколов" возбудили местные еврейские общины... главными обвиняемыми по этому делу были, разумеется, не какие-то мало кому и в Швейцарии известные швейцарцы, издававшие и распространявшие «"Протоколы", — писал Бурцев, — а немецкое правительство национал-социалистов в Берлине, предпринявших во всем мире в широчайших размерах пропаганду "Протоколов"»[25]. Вместе с Бурцевым свидетелями обвинения выступили будущий президент Израиля Хаим Вейцман, С.Г.Сватиков, как уже говорилось[25] — П.Н.Милюков, Б.И.Николаевский, Г.Б.Слиозберг[26] и др. Суд признал "Протоколы" "подделкой, плагиатом и бессмыслицей".

Наконец, в 1938 году Бурцев издает в Париже исследование "Протоколы сионских мудрецов" — доказанный подлог", с красноречивым подзаголовком: "Рачковский сфабриковал "Протоколы сионских мудрецов", а Гитлер придал им мировую известность". Очевидно, что для Бурцева разоблачение происхождения ядовитой фальшивки имело не только академический интерес. Это был его личный вклад в борьбу против антисемитизма и нацистской опасности.

В статье (по-видимому, оставшейся неопубликованной при жизни автора) "Борьба с антисемитизмом — мировая задача" Бурцев писал, что борьбу с нацистами "евреи не могут вести

одни. В ней не могут не быть заинтересованы все народы. Им диктуют ее не только принципы права, справедливости, демократии, вошедшие в плоть и кровь демократии повсюду. Но она является жизненным интересом для самих народов. Мир впредь не может жить нормальной жизнью, если где-нибудь будут совершаться гонения на какие-нибудь народы или национальности, подобно тому, какие сейчас приходится переживать евреям. Изуверство над одним народом или нациями неизбежно отражается на жизни всех других стран"[27].

Антинацистская деятельность Бурцева и в особенности выход в свет его книги о "Протоколах" повлекли за собой травлю со стороны гитлеровских спецслужб, действовавших под "крышей" информационной "Мировой службы". В бюллетене "Мировой службы" № IV/7 от 1 апреля 1939 г. его назвали "пресловутым русским революционером и масоном", а взбесило нацистов то, что "не так давно Париж был затоплен множеством экземпляров брошюры, в которых ложных утверждений больше, чем слов", то есть бурцевскими "Протоколами". Шеф "Мировой службы" полковник Ульрих Флейшауэр, неудачно выступивший на Бернском процессе в качестве эксперта, решил задним числом взять реванш и напечатал в этом же бюллетене статью "Свидетель Бурцев, я обвиняю Вас в преднамеренной лжи". Немцы намеревались выпустить, в опровержение приговора суда, от 8 до 13 томов документов и материалов, доказывающих подлинность "Протоколов"[28].

В другое время Бурцев не оставил бы нацистские нападки без ответа. Но время слов прошло, заговорили пушки и пулеметы. Франция была оккупирована немцами. Бурцева допрашивали в гестапо, но, по-видимому в связи с преклонным возрастом (ему уже было под 80), отпустили.

Бурцев хотел придать своей книге значение не просто исторического исследования, навсегда "закрывающего" проблему "Протоколов", но и своеобразного манифеста русской эмиграции по "еврейскому вопросу" или, по крайней мере, по вопросу о "Протоколах". В его архиве, среди подготовительных материалов к книге, сохранился следующий фрагмент: "Мне предлагают от имени имеющихся в виду издателей придать брошюре значение полу-русское и полу-еврейское, чтобы при составлении ее было вето и у меня, и у одного из еврейских писателей. Но я считаю его совершенно ошибочным. Брошюра о "Сионских протоколах" будет иметь особое значение, если она составлена против русских охранников и реакционеров

русскими их противниками, в данном случае мной, как товарищем председателя Русского национального комитета, и чтобы предисловие было председателя Нац[ионального]комитета Карташева, чтобы мы могли взять ответственность за всю брошюру"[29].

Бурцев намеревался обратиться за предисловием к Карташеву не случайно — и не только из-за его "должности", скорее символической, нежели влиятельной. Карташев был видным православным богословом и историком церкви, не раз оставлявшим ученые занятия ради политической деятельности, одним из лидеров партии кадетов, после Февральской революции — обер-прокурором Святейшего Синода, а после его упразднения — министром вероисповеданий Временного правительства. Он участвовал в белом движении, в эмиграции возглавлял с 1921 г. Русский национальный комитет, целью которого было объединение всех эмигрантских течений и групп для борьбы с большевиками. Его перу принадлежали сотни научных и богословских статей, несколько книг[30].

Особый интерес представляет сочетание в одном лице либерального интеллигента и православного мыслителя, позволяющее глубже понять корни благородного и в то же время двойственного отношения русской национально ориентированной интеллигенции к "еврейскому вопросу".

Еще до революции Карташев опубликовал в третьем, дополненном издании сборника "Щит" статью "Избранные и помилованные", в которой изложил христианские аргументы против антисемитизма. Он считал, что "религиозно-положительное, религиозно-любовное отношение к еврейству для христиан безусловно обязательно. В особенности для христиан, не индивидуально, а церковно верующих. Обязательно не в силу морали, совпадающей с понятием гуманности, а по чисто религиозным основаниям. Оно — прямой вывод из правильного сознания и ощущения связи Ветхого завета с Новым". Карташев напоминал, что "церковь мыслится и переживается как тело Христово. Мессия от семени Давидова стал телом, таинственно вкушаемым всяким членом церкви. Через человечество Христа верующий в Него кровно роднится с Израилем. Еврейские праотцы становятся его праотцами, еврейская история — священной историей. Судьбы израильской национальности — судьбами таинственно-религиозными... Сион, Иерусалим и вся земля обетованная так же святы для христианина, как и для еврея. И закон и пророки есть материализованное слово Божие для того

и для другого. Ветхий завет для христианина есть святое наследство, доставшееся ему от предков".

Карташев отвергал традицию, идущую еще западного средневековья, разделения библейских и современных евреев. "Еврей — вот этот самый пейсатый и лапсердачный талмудист, твердящий ежедневно "шема", еврей — есть как-никак "родственник Божий", пусть отверженный, пусть гонимый и истязуемый Богом по пророчествам, но все же почему-то "избранный". Этой тайны не смеет отвергнуть ни один христианин, хотя бы самого черного толка..." Карташев указывал на Вл. Соловьева, в лице которого "связь догмата Богочеловечества с отношением к еврейству только ярче познается. Великий схоласт догмата Богочеловечества, он был и его великим мистом, а через то и великим христианским юдофилом. Здесь не случайный, не наносной интеллигентский либерализм на церковнике, а логически неизбежный плод разгоревшейся племенем живой церковной веры".

Проанализировав 11-ю главу послания апостола Павла к римской общине, на которую, по словам Карташева, достаточно указать пальцем, "чтобы всякий верующий из толпы присмирел и отбросил в разряд грехов свою житейскую вражду к евреям". Он писал в заключение своей статьи: "Слова Священного Писания для христианина непререкаемы. Их должно принять к руководству и исполнению и почаще вспоминать, что "отверженный" Израиль есть предопределенный Богом брат наш по вере в будущем, а по прошлому — брат старейший, "избранный, призванный и возлюбленный", как культурная маслина взращенный в саду Божьем, от "святости и благородства" которой и мы напитались, а не наоборот. "Не высокоумствуй, но бойся" — вот практический совет энтузиаста-апостола христианину в будничных отношениях к евреям. "Бойся" суда Божия, который не пощадит тебя за твои грехи и который возвратит в определенный час своему первородному сыну непреложно обещанные дары и милости, "якоже клятся Аврааму, Исааку и Иакову и семени его даже до века": "и таким образом весь Израиль будет спасен"[31].

В 1923 г., уже в эмиграции, Карташев написал предисловие к уже упоминавшейся книге Ю.Делевского. Он не рассматривал вопрос по существу, поскольку то, "что этот постыдный для человеческой истории апокрифы есть фальсификация — ясно априори для всякого мало-мальски направленного наукой интеллекта". Пафос Карташева в другом — в призыве русского

народа к покаянию и к предостережению его от поисков виноватых в том, что случилось с Россией "на стороне". "Если мы, русские, — обращается Карташев к соотечественникам, — позволяем себе думать, что мы взысканы милостью Божьей среди народов земли, отмечены немалыми дарами и высоким призванием, то, очевидно, велики наши преступления пред любовью Отчей, если мы так страшно наказаны". Он подчеркивал значение нравственно-духовного фактора как обязательного условия возрождения России: "Если только гигант-народ не сможет духовным напряжением свергнуть с себя двойную кору до- и послереволюционных преступлений, Россия не воскреснет". Первый шаг, преддверие к духовному возрождению — это покаяние, "то есть беспощадное осознание и исповедание своих преступлений". В обстановке, которая в сознании верующих переживается как апокалипсическая. "Поддельный апокалипсис", подобный "Протоколам", "может быть ядовито соблазняющим". И для русской Церкви жизненно важно разъяснять ложь "Сионских протоколов" "своим пасомым", а также самой "защититься от навязываемого ей со стороны мирских политиканствующих элементов порока погромного антисемитизма". "Когда в эту критическую минуту бытия народного находятся лица и партии, которые думают добиться каких-либо созидательных, а не разрушительных результатов путем применения все тех же порочных средств, до- и послереволюционных, какими уже раз загублена Россия, мы должны им сказать: "руки прочь, осквернители!".

Правда, Карташев тут же оговаривался, что разоблачение "Протоколов" не снимает "мирового еврейского вопроса по существу". Признавал он также, что "у русской Церкви и принадлежащего к ней русского народа есть и могут быть свои конфликты с еврейством, как с иной национальностью и иной религией", но "пусть они протекают чистыми путями состязания духовных и моральных сил"[32]. О сути этих конфликтов он не упоминал.

Так или иначе, Бурцев обратился с просьбой о предисловии к своей книге именно к Карташеву далеко не случайно. Предисловие Карташев написал, и его текст сохранился среди бумаг Бурцева. Но света оно не увидело. Неясно, что послужило тому виной — технические ли причины, или же Бурцеву что-то не понравилось в трактовке Карташевым "еврейского вопроса". Настораживает, во всяком случае, что в письме к нему

Бурцева говорилось: "Как жаль, что я не видел Вас после того, как Вы передали мне рукопись Вашего предисловия к "Сионским протоколам". Мы легко бы тогда с Вами устранили кое-какие недоразумения. И мои издатели, и я — мы не имели в виду поднимать какие-нибудь спорные вопросы об еврействе..."[33]

Как и за пятнадцать лет до этого, Карташев писал в своем предисловии, что "человек здравого смысла, доброй воли и небольшой научной дисциплины просто не может даже серьезно обсуждать вопрос о подлинности этого полицейско-публицистического подлога, в своем роде талантливого, ибо заразительного для невежд". Повторил он, на этот раз в более отчетливой форме, и свою мысль о том, что "из легкой победы над фальсификаторами "Протоколов" нечестно делать "дешевый адвокатский софизм". "Прочищая глаза невежд от пыли "Протоколов", недопустимо этим вновь засорять зрение, делая вид, будто этим снимается еврейский вопрос".

По мнению Карташева, "погромщики и наветники" крайне затрудняют здравую и честную постановку "еврейского вопроса", оглупляют его и сводят к абсурду. "Они сбивают с толку и самих евреев, все время выдвигающих свою "угнетенную невинность" и ждущих от всех только сострадания и какого-то обязательного противоестественного юдофильства. Между тем это фальшь и недоразумение. Еврейство есть великая мировая нация. Для этого утверждения богослову и историку достаточно одного факта дарования миру Библии и порождения трех монотеистических религий. Нация, играющая огромную, непропорциональную своему статистическому меньшинству роль в мировом хозяйстве, мировой политике и мировой культуре; нация, превзошедшая всех своим национальным самоутверждением вопреки тысячелетиям рассеяния... Это хотя и не территориальная, но своего рода великая держава. Не объект филантропического сострадания, а равноправный субъект в мировом состязании великих наций. Все нации разделяют и славу, и падения, и счастье, и несчастье своих народов. Такова же судьба и еврейства...".

Завершал свое предисловие Карташев небесспорными, как минимум, рассуждениями о том, что "всякий волен быть англофилом или англофобом, германофилом или германофобом, славянофилом или славянофобом. Так же точно и —

юдофилом или юдофобом. Право на "фильство" и "фобство" есть одна из великих свобод в международных отношениях. Водворению этой свободы с ее прямотой и честностью мешают юдофобы невежественного и грязного цеха"[34].

Полностью разделяя мысль о том, что нечего евреям строить из себя "угнетенную невинность" и ожидать ото всех обязательного юдофильства, отмечу, что его рассуждения о евреях как о равноправном субъекте в "состязании" великих наций для того времени были явно несостоятельны: в отличие от других "исторических" народов евреи не имели своего государства!

Карташев отрицает "погромный" антисемитизм, что предполагает возможность существования иного, не погромного, допускает право на славяно-, германо- и прочие "фобии". Очевидно, что здесь либеральные принципы Карташева-политика вступают в противоречие с миросозерцанием православного теолога, предполагающего право русского народа вступать в конфликт и предъявлять претензии людям другой национальности другого вероисповедания.

Но где граница этих конфликтов? Ответ Карташева ясен: насилие. Его он категорически не приемлет. Однако в чем гарантии, что другие не пойдут дальше теологических споров и не пожелают разрешить противоречия между народами не на страницах ученых трудов, а при помощи силы? Тем более если она на их стороне. И не несет ли ответственности за возможное насилие тот, кто признал право как любить, так и ненавидеть другого за то, что он другой? Во всяком случае, признание, вполне теоретическое, права на юдофобство в Европе 1938 г. было явно не ко времени. Скорее всего именно поэтому Бурцев предпочел оставить текст Карташева в своем архиве.

Рассмотренные сюжеты отнюдь не исчерпывают заявленную в ее заглавии проблему. Остаются невостребованными сотни текстов десятков интересных авторов, посвященных "еврейскому вопросу" и затерянных на страницах эмигрантской печати.

Конечно, история вряд ли кого-нибудь способна научить или предостеречь. И все же в условиях новой "русской смуты", в которую, как водится, оказались глубоко вовлеченными российские евреи, не грех прислушаться к этим голосам из прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Милюков П.Н.* Еврейский вопрос в России// Щит: Лит. сб./Под ред. Л.Андреева, М.Горького и Ф.Сологуба. М., 1915. С. 140.

[2] Там же. С. 144—147.

[3] *Шуб. Д.* Из давних лет // Новый журнал. Нью-Йорк, 1971. Кн. 105. С.237.

[4] Правда о "сионских протоколах". Литературный подлог. Разоблачения газеты "The Thimes" (Таймс) / С предисл. П. Н. Милюкова. Париж. 1922. С. 9. 10. (В брошюре были перепечатаны статьи Филиппа Грейвса, опубликованные в "Таймс" 16, 17 и 18 августа 1921 г. В них излагалась история находки редкого издания памфлета Мориса Жоли "Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Политика Макиавелли в XIX в.", послужившего, как показал текстологический анализ, литературным источником при фабрикации "Протоколов".)

[5] ОСВАГ — Осведомительно-агитационное агентство — деникинское ведомство пропаганды, нередко грешившее антисемитской "продукцией".

[6] Востоков Владимир Игнатьевич (1868—1957) — протоиерей, пропагандировавший в армии Деникина погромные идеи "Союза русского народа"; Малахов и Ножин — лица неустановленные.

[7] Головинский Матвей — писатель и журналист, с 1892 г. заграничный агент охранки, жил в Париже. Участвовал в изготовлении "Протоколов"; Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869—1918) — журналист, сотрудник охранки, политический аферист.

[8] *Милюков П.Н.* Предисловие // Правда о "сионских протоколах". С. 9—10.

[9] *Делевский Ю.* "Протоколы сионских мудрецов" (История одного подлога), Берлин, 1923. Юделевский Яков Лазаревич (1870—1957) — публицист эсеровского толка, после 1917 г. — в эмиграции.

[10] *Милюков П.Н.* Нищета антисемитизма // Еврейская трибуна. Париж, 1923. № 8 (61). С. 2-3.

[11] Выходил в Берлине с 1919 г. В нем были перепечатаны "Протоколы".

[12] Родичев Федор Измайлович (1853—1932) — юрист, один из основателей и член ЦК партии кадетов. В эмиграции примыкал к группе Милюкова.

[13] *Родичев Ф.И.* Большевики и евреи. Берлин. (Б. г.] С. 5—20.

[14] *Бруцкус Б.Л.* Еврейское население под коммунистической властью // Современные записки. Париж. 1928. № 36. С. 511. 530—531. (Перепечатывается в настоящем сборнике.)

[15] *Родичев Ф.И.* Большевики и евреи. С. 20—21.

[16] Бурцев Владимир Львович (1861—1942) — публицист, историк, издатель, общественный деятель. Подробнее о нем см. в моей статье, предваряющей публикацию из его архива. (Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отечественная история. 1992. № 6); см. также: *Будницкий О.В.* Бурцев Владимир Львович // Политические деятели

России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 52—53.

[17] *Бурцев В.* Евреи и большевизм // Общее дело. Париж. 1919. № 61.

[18] *Бурцев В.* Истинные убийцы Николая II — Ленин и его товарищи // Общее дело. 1920. № 93. ;

[19] *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами; "Протоколы сионских мудрецов" — доказанный подлог. М., 1991. С. 259.

[20] Там же. С.274—275.

[21] Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отечественная история. 1992. №6. С. 119.

[22] *Сватиков С.Г.* Рачковский и его подлоги // Общее дело. 1921. № 393.

[23] Пасманик Даниил Семенович (1869—1930) — кадет, сотрудничал в редакциях журналов "Еврейская жизнь". "Рассвет", участвовал в издании "Еврейской энциклопедии". С 1919 г. — в эмиграции. Один из авторов известного сборника "Россия и евреи" (Берлин, 1923). Выпустил книги: "Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)" (Париж, 1923),"Революционные годы в Крыму" (Париж, 1926).

[24] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 802. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 10.

[25] *Бурцев Б.Л.* В погоне за провокаторами... С. 300—301.

[26] Николаевский Борис Иванович (1887—1966) — меньшевик, с 1920 г. — член ЦК этой партии. В 1922 г. выслан за границу. Редактировал "Социалистический вестник". Историк и собиратель материалов по истории революционного движения. Автор более 500 научных и публицистических работ. Готовил книгу о "Протоколах". Часть собранных им материалов отложилась в архиве Бурцева в ГАРФ; Слиозберг Генрих Борисович (1863—1937) — адвокат, член Еврейского политического бюро при евреях — депутатах IV Государственной думы, член Президиума Временного Национального совета по созыву Еврейского съезда в 1917 г. С 1920 г. — в эмиграции. Автор воспоминаний "Дела минувших дней. Записки русского еврея" (Т. 1—3. Париж, 1933—1934).

[27] ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2.

[28] Там же. Ед. хр. 31. Л. 123—127.

[29] Там же. Л. 265.

[30] Карташев Антон Владимирович (1875—1960), его главный труд — "Очерки по истории русской церкви", не раз переизданные в последние годы в России.

[31] *Карташев А.В.* Избранные и помилованные // Щит. Изд-е 3-е. М.,1916. С. 110—115.

[32] *Карташев А.В.* Предисловие //Делевский Ю. "Протоколы сионских мудрецов". С. 5—9.

[33] ГАРФ. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 89.

[34] Там же. Ед. хр. 31. Л. 417, 418, 420—421.

"ОСТАВИМ СВЯТОЧНЫЕ ТЕМЫ И ПЕРЕЙДЕМ К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ"
(Из переписки В.А.Маклакова и В.В.Шульгина)

Публикация, вступительная статья и примечания О.В.Будницкого

Переписка Василия Алексеевича Маклакова и Василия Витальевича Шульгина[1] началась в 1921 году и продолжалась более или менее регулярно до начала 1930-х. В России их многое разъединяло; если Маклаков был правым кадетом, то Шульгин просто правым, убежденным монархистом, националистом и идейным антисемитом. Маклаков был думской "звездой"; его речи, как правило, становились событием. Шульгин также был не из последних думских ораторов; славился язвительностью и умением вывести противника из себя.

Много лет спустя, можно сказать, несколько эпох спустя, в 1970 году, Шульгин надиктовал воспоминания о 1917-1919 годах. Вспомнил он и о Маклакове, совершив экскурс в "думские" годы: "Мне всегда нравилось в Маклакове отсутствие крайностей фанатизма. С ним можно было говорить по любому предмету, и он никогда не лез на стену, пытаясь что-либо доказать... между нами установилась манера спорить, которая устраивала нас обоих. Симпатия к противнику - одно из тех чувств, которое важно во все времена, но, может быть, никогда оно не было так нужно, как сейчас". "Маклаков был один из светлых умов, какие я знал, - замечал Шульгин. - Как очень умный человек, Маклаков не мог быть крайним. Когда ум побеждает страстность, то он видит и свет, и тени в каждом явлении"[2].

Временами их позиции сближались: например, в период "дела Бейлиса" Шульгин поначалу подписал в Думе запрос крайне правых от 29 апреля 1911 г. об убийстве Андрея Ющинского. Правые, разумеется, усматривали в случившемся ритуальное убийство. Однако, убедившись, что дело шито белыми нитками, Шульгин опубликовал в "Киевлянине" в первый же день процесса статью, в которой назвал сфабрикованными все улики против Бейлиса[3]. Номер был конфискован, впервые за 50-летнюю историю газеты, успевшие разойтись экземпляры перепродавались по 10 руб. Шульгин был приговорен к трехмесячному аресту "за клевету на лиц прокурорского надзора", но сидеть ему не пришлось: помиловал царь. Знал бы Николай II, что именно убежденный монархист Шульгин вместе с ненавистным царской семье А.И.Гучковым три с половиной года спустя приедет принимать его отречение...

В годы первой мировой войны позиции либералов и части правых сблизились: и те и другие считали, что надо оставить партийные распри и совместно работать на дело защиты отечества. Так Маклаков и Шульгин, каждый вместе со своими единомышленниками, оказались в составе Прогрессивного блока. Если Маклаков встретил Февральскую революцию без восторга, то что уж говорить о Шульгине! Лучше всего свое настроение изобразил он сам: "Пулеметов - вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя..."[4]

К этому времени личные отношения Маклакова и Шульгина стали, пожалуй, уже приятельскими. Во всяком случае, 26 февраля 1917 г. Шульгин вместе с П.Б.Струве "запросто" отправляется на квартиру Маклакова узнать, что происходит; происходила, как оказалось, революция. В августе того же года после Московского Государственного совещания Шульгин был зван в имение Маклакова под Москвой, где "очень уютно" провел день в обществе Василия Алексеевича и его сестры Марии Алексеевны. В сентябре Шульгин по телеграмме Маклакова приезжает в Петроград: назначенный послом во Францию Маклаков хотел перед отъездом повидаться и условиться о поддержании связи в будущем.

В годы гражданской войны Шульгин принимает активнейшее участие в белом движении; он - один из его идеологов и организаторов Добровольческой армии. Он же стал создателем и руководителем разведывательной организации "Азбука", действовавшей параллельно официальным структурам и, по-видимому, более эффективно[5].

О взглядах Маклакова на "еврейский вопрос" - классически либеральных и вполне прагматических - свидетельствуют опубликованные выше его письма руководителям белого движения и послу в Вашингтоне Б.А.Бахметеву. Что же касается Шульгина - его антисемитизм еще более усилился в годы гражданской войны. Он не призывал к погромам. Более того, в первом же номере "Киевлянина", вышедшем после занятия Киева деникинцами, 21 августа 1919 г., в статье "Мне отмщение и аз воздам" проводил мысль, что "суд над злодеями должен быть суровым и будет таковым, но самосуд недопустим". Объективно это было предостережение против еврейского погрома, который, по словам Шульгина, "мог разыграться каждую минуту".

Однако Шульгин "с пониманием" отнесся к погромам; он считал, что еврейство несет ответственность за преступления

большевиков, ибо евреи являются становым хребтом коммунистической партии. В дни "тихого погрома" в Киеве, осуществлявшегося по ночам неуправляемыми "добровольцами", Шульгин опубликовал знаменитую статью "Пытка страхом" ("Киевлянин", 8 октября 1919 г.), своеобразный манифест идейного антисемитизма. Выступая от лица русского населения, Шульгин задавался вопросом, "научатся ли в эти страшные ночи чему-нибудь евреи". С его точки зрения перед евреями было две дороги: одна - признать свою вину в разрушении государства, "не ими созданного", и покаяться; другая - "отрицать и обвинять всех, кроме самих себя". "От того, - заключал Шульгин, - какой дорогой они пойдут, будет зависеть их судьба. Ужели же и "пытка страхом" не укажет им верного пути?"[6]

Нет нужды ломиться в открытую дверь и доказывать, что сотни тысяч вырезанных, искалеченных, ограбленных петлюровцами и "добровольцами" местечковых, в основном, евреев, никакого понятия не имели о Марксе и его идеях и состояли с Троцким-Бронштейном примерно в таких же отношениях, как Шульгин - с Ульяновым-Лениным. В нашу задачу не входит подробный разбор взглядов Шульгина и критика его антисемитских построений. Тем более что в значительной степени это взял на себя его приятель и оппонент, блистательный стилист Маклаков.

Особый интерес публикуемой ниже переписке придает то, что спор между собой ведут заведомые русские патриоты: правый националист Шульгин и, если так можно выразиться, либеральный, просвещенный националист Маклаков. Важно, что дискуссия велась "не для печати", вполне откровенно. Наконец, весьма любопытен механизм "мономании" (выражение Маклакова), овладевшей Шульгиным, конечно, еще до 1917 года, но достигшей высшего накала после нее. "Мономания" заключалась в том, что причину всех бед России Шульгин видел в злой и разрушительной воле еврейства. Случай Шульгина любопытен тем, что человек он был искренний. Для него антисемитизм - не способ достижения тех или иных целей: это глубокое и "выстраданное" убеждение. Причем, как нередко бывает, Шульгин не был "зоологическим" антисемитом. Отдельно взятый еврей мог быть его приятелем; однако еврейство в целом представлялось ему угрожающей силой. Серьезные подозрения были у него и относительно масонства. Однако же один масон и, по его мнению, высокой степени (что соответствовало действительности)[7], стал другом Шульгина - это был не кто иной, как Василий Алексеевич Маклаков.

Переписка между Шульгиным и Маклаковым началась в 1920-е по инициативе последнего. Маклаков написал Шульгину "наудачу" в Константинополь 9 февраля 1921 г. Вскоре Маклаков получил ответ. Если Маклаков почти безвыездно жил в Париже, то Шульгина после Турции занесло в Германию, потом в Югославию. Временами переписка была регулярной и интенсивной, временами прекращалась на несколько месяцев. Обсуждали прошлое - революцию; настоящее - судьбу и задачи эмиграции; как водится, речь шла о том, кто виноват и что делать. В 1923 г. Шульгин гостил у Маклакова в Париже, жил в здании посольства на улице Гренель. Переписка насыщена информацией, шутливой пикировкой, нередко и серьезными дискуссиями - например, о Льве Толстом, к которому был в свое время вхож Маклаков и которого (точнее, его учение) терпеть не мог Шульгин.

"Еврейский вопрос" до поры не обсуждался. Видимо, оба старались не затрагивать проблему, по которой было немного шансов найти взаимопонимание. Первым не выдержал Шульгин. В ответ на статьи Маклакова в одном из французских журналов в 1925 году, посвященные предыстории русской революции, где автор ни словом не обмолвился о "еврейском факторе" революции, Шульгин предложил свою версию событий. Изложил он ее в не предназначавшейся для печати статье, отосланной Маклакову. В интерпретации Шульгина главными причинами революции оказались национальные противоречия, преимущественно — разрушительная деятельность еврейства.

Маклаков, в присущей ему манере, вроде бы признал многие аргументы и наблюдения Шульгина справедливыми, но свои взгляды никак не откорректировал : "мне вовсе не нужно было говорить об еврейском вопросе; его роль настолько второстепенная, что я убежден, что если вычеркнуть даже всех евреев, то в главных чертах революция совершилась бы точно таким же способом, как она совершилась". На том обсуждение "еврейского вопроса" и застопорилось, чтобы возобновиться почти через пять лет.

В промежутке произошло многое. В 1925-1926 годах Шульгин съездил в Россию при помощи нелегальной антисоветской организации "Трест", как ему казалось (на деле же — под полным контролем ОГПУ); столь отчаянная поездка объяснялась не только политическими, но и личными мотивами: Шульгин надеялся отыскать пропавшего без вести сына. Сына он не нашел; но поездка внушила ему определенный оптимизм. Он усмотрел перерождение власти и общества; с удовлетворением

отметил массовые антисемитские настроения. Шульгин проницательно заметил, что "под жидами" формируется новый слой властителей, который истребит со временем нынешних. В этом он оказался прав; только говорить надо, видимо, не о размежевании по национальному принципу в большевистских верхах, а об отстранении от власти в недалеком будущем партийных "интеллигентов". Еврейское происхождение многих из них было умело использовано противниками, прежде всего Сталиным. Уже отмечалось, что в борьбе со своими оппонентами - Троцким (Бронштейном), Зиновьевым (Радомысльским) и Каменевым (Розенфельдом) - генсек опирался, в числе прочего, и на антисемитские настроения партийных низов[8]. Шульгин предвидел еврейские погромы; однако не был от этого в восторге. В разговоре с одним из руководителей "Треста", Якушевым, заявил, что считает "погромное разрешение еврейского вопроса великим бедствием для будущей России со многих точек зрения"[9].

По итогам своей поездки Шульгин выпустил в 1927 году нашумевшую книгу "Три столицы". Каков же был конфуз, когда выяснилось, что текст книги предварительно побывал в Москве, где ее процензуровали "друзья" Шульгина по "Тресту". Много лет спустя он признавался, что «кроме подписи автора, т.е. "В.Шульгин", под этой книгой можно прочесть невидимую, но неизгладимую ремарку: "Печатать разрешаю" Ф.Дзержинский"»[10].

Политическая репутация Шульгина оказалась сильно подмоченной. Только и оставалось, что написать книгу по "еврейскому вопросу". Такой книгой стал трактат, озаглавленный Шульгиным "Что нам в них не нравится" (1929), с подзаголовком "Об антисемитизме в России". Книга по меньшей мере дважды была переиздана его единомышленниками (или считающими себя таковыми) в России в 1992 и 1993 годах массовым тиражом и разошлась весьма быстро. Она доступна современному читателю, что освобождает нас от необходимости пересказывать ее содержание.

Скажем лишь о контексте, в котором эта книга появилась. Одной из главных тем эмигрантской печати в 1920-е был вопрос о причинах русской революции. Искали виноватых. Редко кто решался посмотреть критически на собственные действия. Либералы видели причину прихода к власти большевиков в неумной политике правых; социалисты - в коварстве большевистских заговорщиков; правые винили либералов, бездумно раскачивавших государство и дискредитировавших своей бол-

товней "историческую" власть, которая одна только и могла сдержать разрушительные силы, таившиеся в народе. Разумеется, со стороны правых и многих значительно "поправевших" за годы революции доставалось евреям. Выходили десятки антисемитских брошюр и книг, страницы многих газет и журналов буквально сочились ненавистью по отношению к евреям.

Этой антисемитской пропаганде противостояла либеральная и демократическая печать. Против антисемитизма и сведения проблемы русской революции к "еврейскому вопросу" выступили П.Н.Милюков, Ф.И.Родичев, В.Л.Бурцев, С.Г.Сватиков, Б.И.Николаевский и многие другие русские публицисты, принадлежавшие к различным партиям и направлениям.

Но ведь революция вышибла из страны и тысячи евреев, в том числе принимавших активное участие в борьбе против большевиков, отведавших большевистских тюрем и лагерей. Как вели себя "пишущие" евреи, решавшиеся говорить от имени своего народа? Одни стали отмываться от чужих грехов, как, например, публицисты парижской "Еврейской трибуны", издававшейся М.М.Винавером[11]; другие - каяться в чужих грехах, подобно авторам сборника "Россия и евреи"[12]. Статьи из этого сборника с удовольствием цитировал Шульгин.

Самое любопытное, что возникла некая форма ранее немыслимого диалога между идейными антисемитами и той частью еврейства, которая связывала свое будущее с Россией. Другая часть, не собиравшаяся возвращаться и стремившаяся либо возродить еврейское государство, либо интегрироваться в жизнь принявших их стран, просто игнорировала эти дебаты.

В Париже 27 мая 1928 г. прошел даже диспут об антисемитизме, на который был приглашен Шульгин. Он не смог приехать, но в ответ на призыв "честным антисемитам" (прозвучавший в статье-отчете о диспуте) откровенно высказать, что же им не нравится в евреях, написал книгу.

Автор призыва, журналист С.Л.Поляков-Литовцев, надеялся, что такой диалог мог бы принести "действительную пользу и евреям, и русским - России..."[13] Шульгин, в общем, считал так же и попытался объяснить евреям, чем же они так досадили ему и его единомышленникам. А также указать евреям путь к исправлению.

Вряд ли злобно-ерническая книга Шульгина могла заставить хоть одного еврея всерьез воспринимать аргументы ее автора. Между тем Шульгин на самом деле хотел что-то объяснить евреям и найти путь для цивилизованного разрешения еврей-

ского вопроса в России. Правда, обязанность "исправиться" он возлагал только на евреев. Замечательно его послесловие к своей книге, где Шульгин кратко характеризовал русских и евреев: "Хотя мы сами злы, как демоны, и слабы, как дети, но нравятся нам Сила и Добро. Мы и друг друга ненавидим именно за то, что во всех нас - бессильное зло. Вы - *уже сильны; научитесь быть добрыми, и вы нам понравитесь...*" [14]

Последнее пожелание свидетельствует, что антисемитизм политический у Шульгина вполне сочетался с антисемитизмом, по его же терминологии, трансцендентальным или иррациональным. Маклаков же подходил к еврейскому вопросу с вполне рационалистических позиций.

Это создавало необходимую разность потенциалов, обеспечивавшую напряженность спора. Это был именно спор, а не перебранка - каждый из корреспондентов хотел объяснить оппоненту свою позицию и если возможно - убедить в своей правоте. Принципиальность затронутых проблем и высокий литературный уровень эпистолярного диалога побудили Шульгина предложить Маклакову напечатать, после определенной переработки, их переписку отдельной книгой. Маклаков отказался, мотивируя, в частности, тем, что если это печатать, то получится не переписка, а просто публицистика; к тому же считал возможным говорить об еврейском вопросе "только в очень интимной и дружеской компании".

Получилась, действительно, публицистика, и публицистика весьма любопытная. Срок давности - сорок лет прошло после смерти Маклакова - позволяют опубликовать ту "интимную" переписку, которую он не хотел в 1930-м предавать гласности. Такова судьба "публичных" политиков - рано или поздно их письма и дневники становятся достоянием всех. Подозреваю, что они и сами понимали возможность и даже неизбежность этого - иначе зачем передавали свои материалы в архивы, в которых имеют обыкновение копаться любопытные историки?

Публикуемые ниже тексты сохранились в личном фонде В.А.Маклакова, находящемся в архиве Гуверовского Института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Калифорния, США). В подборку включены только те тексты из обширной переписки Маклакова и Шульгина, в которых затрагивается "еврейский вопрос". Письма Шульгина печатаются по машинописным подлинникам, Маклакова - по машинописным копиям. Публикатором исправлены очевидные описки.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 97-01-00197).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Маклакове и его отношении к еврейскому вопросу см. предисловие к публикации "Белые и евреи" в настоящем сборнике; Шульгин Василий Витальевич (1878-1976) - помещик, по образованию юрист; публицист, затем редактор газеты правонационалистического направления "Киевлянин"; депутат 2-4-й Государственных Дум. В 1918-1920 - один из идеологов и активный участник белого движения. С 1920 г. в эмиграции. В декабре 1944 г. арестован в Югославии советскими органами безопасности, в январе следующего года доставлен в Москву. Приговорен к 25 годам тюремного заключения, которые отбывал во Владимирской тюрьме. В 1956 г. освобожден. После освобождения жил во Владимире. Научная биография Шульгина до сих пор не написана. Некоторые сведения о его жизни и взглядах можно почерпнуть в "разоблачительной" книжке Д.О.Заславского"Рыцарь черной сотни В.В.Шульгин"(Л.,1925) и в апологетических текстах Дм.Жукова, сопровождавших републикации книг Шульгина "Дни; 1920" (М.,1989) и "Три столицы"(М.,1991).

[2] *Шульгин В.В.* 1917-1919 / Предисл. и публикация Р.Г.Краснюкова // Лица: Биографический альманах. М.-СПб.,1994. Т.5. С.172,169.

[3] Шульгин, в частности, писал: "Обвинительный акт по делу Бейлиса является не обвинением этого человека, это есть обвинение целого народа в одном из самых тяжких преступлений, это есть обвинение целой религии в одном из самых позорных суеверий. При таких обстоятельствах, будучи под контролем миллионов умов, русская юстиция должна быть особенно осторожной и употребить все силы, чтобы оказаться на высоте своего положения... Не надо быть юристом, надо просто быть здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который любой защитник разобьет шутя..." (Цит. по: Шульгин В.В. Дни; 1920. М.,1989. С.26-27).

[4] *Шульгин В.В.* Дни;1920. С.181-182.

[5] О деятельности "Азбуки" см. подготовленную В.Г.Бортневским публикацию (Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Спб.,1993. Кн.4.С.160-193).

[6] *Шульгин В.В.* "Что НАМ в НИХ не нравится..." Спб.,1992. С.75, 81-82.

[7] См.: Серков А.И. История русского масонства, 1845—1945. СПб., 1997 (по именному указателю).

[8] См.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris, 1980. С.224-227, 238-245.

[9] *Шульгин В.В.* Три столицы. М., 1991. С.478.

[10] Там же. С. 455.

[11] Винавер Максим Моисеевич (1862 или 1863—1926) - один из лидеров партии кадетов; играл ведущую роль в ряде еврейских политических и просветительских организаций. В эмиграции основал

журнал "Еврейская трибуна"(Париж,1921-1924), посвященный в основном борьбе с антисемитизмом.

[12] "Россия и евреи" - сборник статей, выпущенный в Берлине в 1923 году группой видных еврейских публицистов и философов - И.М.Бикерманом, Д.С.Пасмаником, Г.А.Ландау, Д.О.Линским и др., в котором авторы признавали ответственность за участие евреев в русской революции и обвиняли евреев, не принявших революцию, в недостаточно активном участии в антибольшевистском движении.*

[13] *С.Литовцев.* Диспут об антисемитизме//"Последние новости". 1928. 29 мая.

[14] *Шульгин В.В.* Что НАМ в НИХ не нравится. С.222.

* См.: Семен Резник. „Вместе или врозь". М., 2003. Глава „Революционное движение" (в частности, стр. 143-148).

В. В. Шульгин

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СТАТЬИ

В.А.Маклаков написал большую статью, напечатанную в нескольких номерах парижского журнала "..."[1]

Статья посвящена событиям в России и представляет из себя опыт ознакомления французской публики с теми обстоятельствами, при которых, если так можно выразиться, Россия дошла до жизни такой. Эта статья является, по-видимому, началом большого труда, который будет иметь оригинальную хронологию, противоестественную, по выражению автора, а именно: сначала излагается конец, а потом начало. То, что напечатано до сих пор в журнале, есть изложение именно конца.

* * *

С внешней стороны статья написана блестяще. Ученик Плевако[2], лучший в России парламентский оратор, В. А. Маклаков ничего не проигрывает, когда признанный свой дар красноречия променял на перо публициста. Не оказывает на него никакого ослабляющего влияния и французский язык, которым он, по-видимому, владеет в равной степени с русским.

Что же касается внутреннего своего содержания, то статья В. А.Маклакова вызывает на очень серьезные размышления.

Впрочем, в этой статье есть как бы две части. Одна касается изображения, она является непосредственным изображением событий 1917 года. Это изображение очень близко к действительности. Хотя автор, говоря вообще, избегает картинного способа передачи, но здесь некоторые личные впечатления оживляют рассказ политика до степени почти художественного изображения. Общий же процесс уловлен верно и в большой мере беспристрастно.

Вторая часть статьи как бы предвосхищает будущее изложение, ибо она как бы является ключом к происходящему, попутными объяснениями, ссылками на прошлое, комментариями и выводами.

Третий предмет статьи, это изложение всего того, что было после большевистского переворота. Здесь изложение переходит в схематичность, в так сказать чертежное изображение процесса развивавшегося в России. Это, впрочем, вполне понятно. Как известно, В.А.Маклаков был назначен Временным Правитель-

ством послом в Париж и покинул Россию перед самым большевистским переворотом.

* * *

Я хочу говорить о том, в чем я чувствую свое крупное расхождение с В.А.Маклаковым. Мы положительно совершенно разно смотрим на основные причины, приведшие Россию к крушению.

В.А.Маклаков дает катастрофе исключительно политическое объяснение. Общее впечатление от его статьи остается такое, что если бы русское правительство было бы умнее, то крушения бы не произошло.

Это объяснение верно в том смысле, что если бы русское правительство выиграло бы войну, а способом выиграть войну были бы уступки так сказать серединной психологии русской мыслящей среды, то катастрофы бы не произошло. В числе всех орудий победить Германию могли бы быть всевозможные уступки, данные вовремя. Привели ли бы они к результатам или нет, судить сейчас трудно. Но переносить центр тяжести вопроса именно на эту сторону, является совершенно неправильным.

На мой взгляд, причины лежат гораздо глубже.

* * *

В.А.Маклаков воспитан в той школе, которая очень малое значение придает вопросам национальным и расовым. Это, впрочем, типичная особенность великорусской [народности].

По какой причине это происходит, углубляться не стоит. Несомненно одно, что, продвигаясь с Запада на Восток, по Европе и Азии, мы видим постепенно ослабление национальных чувств, черт и психологии. Национализм почти совершенно исчезает в Сибири, пока не утыкается в Японию, которая является огромным аккумулятором национальной энергии. Москва собственно никогда не знала внутренней национальной борьбы и потому оказалась совершенно неустойчивой в этих вопросах и очень легко поддающейся, подавляемой всяким чужим национализмом. Как это ни звучит дико и странно, но в период, предшествовавший катастрофе в России, самым денационализованным элементом были сами русские (главным образом великороссы).

Поэтому вопросы взаимного сожительства национальностей,

их взаимоотношений, их борьбы, сознательной, а главным образом бессознательной, совершенно не входили в поле зрения нашей северной московско-петроградской политической школы. Если не считать славянофилов, скорее вредных, чем полезных для национального дела утопистов, к тому же очень быстро сданных в архив, и не имевших ровно никакого влияния на русское общество XX века, ни Москва, ни Петроград не дали никакого русского национального начинания, ни в виде политической партии, ни в виде ученой школы, ни в виде литературного или художественного направления. И вот где лежит причина, почему вопросы национального свойства так совершенно неизучены и в поле зрения серьезных политических мыслителей совершенно не входят. Они любят толковать с кондачка в последнее время в эмиграции, но превращают серьезное дело в балаган, где кроме слова "жид" или тупых насмешек над украинцами ничего не услышишь.

По существу национальный вопрос в России еще не трактовался.

* * *

Я не имею ни малейшей претензии разрабатывать его в газетных статьях. Я пишу только по поводу статьи В.А.Маклакова, и моя единственная цель - обратить внимание как автора, так и интересующихся этим вопросом близких к нему кругов, какую громадную ошибку они делают, когда, излагая причины, приведшие Россию к катастрофе, совершенно замалчивают самые серьезные факторы российской действительности.

Так, например, в своей статье В.А.Маклаков ни разу не упоминает о евреях. Не только там, где он роняет отрывочные замечания, относительно предшествующей эпохи, например, о революции 1905 года, но даже излагая почти современный процесс, т. е. с 1917 года по 1924, он ни разу не указывает французскому читателю, что в России существует шесть миллионов евреев, которые сыграли огромную роль, как в самом возникновении, так в особенности в укреплении большевистского строя. У Маклакова фигурируют социалисты-большевики и меньшевики и коммунисты. Каков же национальный состав этих господ не дается никакого разъяснения. Но так как дело происходит в России и пишет об этом русский посол только что покинувший [...][3] то у французского читателя непременно

останется впечатление, что все эти социалисты и коммунисты чистокровные русские. И если он не имеет добавочных сведений, то из статьи Маклакова французский читатель никогда не узнает, что Россия, которую французы упорно продолжают называет Россией, хотя она только СССР, находится совершенно в еврейских руках.

И это ошибка, большая ошибка, со стороны автора. Если... если не наоборот.

* * *

Я уже говорил выше, что северная русская интеллигенция, к концу XIX века совершенно утеряла русский национализм. Это сказалось с поразительной ясностью в Японскую войну, когда пораженчество, желание, чтобы Япония разбила Россию, было весьма распространенным явлением в Москве и Петрограде. Вследствие этих своих качеств северная русская интеллигенция страшно легко подпала под еврейское влияние.

Если бы я говорил для французских читателей, то здесь я должен был бы объяснить, что так называемая черта оседлости в России, сдерживавшая еврейство в южных и западных губерниях, существовала только для еврейских низов. Всякий еврей, окончивший университет, или даже зубоврачебные курсы и кроме того все крупное купечество, то есть купцы первой гильдии, имело право свободного жительства повсеместно. Существовали еще некоторые запреты относительно столиц, но их легко обходили. Таким образом, наиболее образованная и даровитая часть еврейства, осадила наши столицы, а также и другие выдающиеся пункты. В результате этого были постепенный захват части торговых предприятий, а в особенности либеральных профессий и печати. При помощи печати, еврейство навело форменный террор на северную русскую интеллигенцию.

Это сказывается и до сих пор. Я знаю многих людей, которые освободились от политических и социальных предрассудков, коими они были опутаны до революции, но которые до сих пор трепещут при одной мысли, как бы их не причислили к антисемитам. И знал других, которые, зажмурив глаза, перепрыгнули через этот Рубикон и, очутившись в непривычной для них обстановке, утеряли всякое чувство меры.

Одним словом, к еврейскому вопросу северному русскому интеллигенту отнестись спокойно, не воспевая евреев, как гонимое племя, не призывая их вырезать поголовно, почти

что невозможно. И даже более того. Есть слово, которое сильнее всего остального: говорить об евреях, объяснять что-нибудь евреями, считать их факторами во всем том, что произошло, происходит и будет происходить — просто неприлично. Неприлично и баста.

Не знаю. Руководился ли В.А.Маклаков этими чувствами или нет. Не думаю. Мне кажется, что если бы он писал по-русски и для русских он сделал бы соответствующий учет того, чего уже сейчас не замечать нельзя. В значительной мере русская интеллигенция освободилась от прежнего гипноза. По еврейскому вопросу стало возможно говорить в русской печати.

Если Маклаков этого не делает во французском журнале, то приходится предположить другое и, пожалуй горшее: говорить нельзя по еврейскому вопросу во французской печати.

Приходится предположить, что Франция находится сейчас под тем же запретом, под каким еще недавно была Россия. Какими силами это достигнуто недостаточно ясно. Влияние еврейства во Франции не сказывается на поверхности с такой очевидностью, как, например, в России. Но нельзя отрицать факт: какими-то мерами французская печать доведена до того состояния, что обвинять в чем-нибудь евреев считается неприличным. Это прочно задолблено в сознание газетного французского мира и этим очевидно руководился Маклаков, когда, давая французскому читателю очерк обвала России, он ни одним словом не упомянул об одном из серьезнейших факторов этого крушения — о роли еврейства.

* * *

Может быть, В.А.Маклаков поступает весьма мудро. Если бы он затронул евреев, его статью французский журнал не поместил бы. А если бы он ее не поместил, то французский читатель не узнал бы и той полуправды, которую Маклаков рассказал ему о России. Между тем вдолбить в его сознание и эту полуправду в высшей степени полезно. Маклаков в высшей степени правильно рисует, что сделано. Он только избегает персонального вопроса: кто сделал. Но надо думать, что со временем под условным термином — коммунисты, будет подведен шифр, псевдонимы разоблачены. По схеме Маклакова это будет гораздо легче сделать, чем если бы ее не было. Чтобы это доказать, я позволю себе сделать маленькую передержку. Совсем крохотную — несколько ударов карандаша, едва заметную ретушь.

В ниже следующей выдержке из В. А. Маклакова я сделаю только следующие изменения: везде, где Маклаков пишет коммунисты или коммунистический, я буду писать евреи и еврейский. И читатель убедится и при этом ничтожном изменении, Маклаковская схема может удовлетворить самых ярых антисемитов, глубоко убежденных, что крушение России есть дело рук исключительно евреев.

На странице 626 журнала [пропуск в тексте] Маклаков пишет следующее:

Все замененные мной слова в этой выдержке обозначены курсивом: "Применение к жизни социалистической программы по настоящий день привело только к одному: к созданию государства, в котором *евреи* стали паразитической аристократией, которая заставляет других работать на них.

Это положение совершенно противоположное социалистическому идеалу могло быть терпимо, пока мировая революция казалась близкой; русские крестьяне казалось страдали именно для этой цели. Можно было доказывать, что власть где-нибудь на земном шаре должна была быть в руках *еврейства*, для того, чтобы все силы и средства какого-нибудь государства были предоставлены в распоряжение мировой революции. Но с тех пор, как стало очевидно, что по крайней мере в настоящее время мировая революция не удалась, какое оправдание можно привести этому странному социализму, царящему в России? Не следовало ли бы вернуться к прежней большевистской концепции, т. е. к программе "демократической буржуазии"? Известные уступки в этом направлении и были сделаны. Но ошибки выбывают свои последствия; не всегда есть возможность их исправлять. Опыт *еврейского* владычества, навязанного силой, принес свои плоды. Если террор и насилие были бы применены только против известного меньшинства, только против богатых и знатных, это насилие могло бы быть прощено массами. Но *еврейская власть* своей политикой подняла против себя именно массы; это именно благосостояние масс, привычки масс были затронуты этой политикой. Эта власть, чтобы удержаться, должна была повсюду опереться на *евреев*, сделать из них не только новую аристократию, но инструмент господства и полицейскую организацию. И в свою очередь *евреи* теперь держат правительство в своих руках. Если бы народные комиссары захотели бы изменить свою политику, полицейская организация, аппарат принуждения, чека (или главное политическое управление) этого не допустило бы. А если бы чека и согла-

силось, то *еврейские массы* возмутились бы. Всеобщая ненависть, которая окружает *евреев,* еще больше чем привилегии, которыми они пользуются, делают из них наивернейшую опору правительства в его борьбе со страной, над которой оно господствует. Но зато они не позволяют правительству переменить систему; они понимают, что они были бы все сметены всеобщей ненавистью. В этих условиях изменить программу и вместо гегемонии *евреев* поставить во главе буржуазную демократию, преклониться перед желаниями крестьянской массы, сделать их господами государства, это значило бы предать *евреев*; их вожди не смеют этого; они должны рискнуть своей головой, если хотели бы спасти страну.

Итак, им остается только продолжать в том же направлении. Это не является невозможным. Организованное и вооруженное меньшинство имеет много преимуществ в его борьбе с массами. *Евреи* прибегают к испытанным средствам всякой диктатуры; к этому они прибавляют собственный опыт бывших конспираторов; они знают как свергают режимы и как их защищают. Теперь они уничтожают не представителей прежних господствующих классов; они бьют по крестьянству, недовольство которого растет, по рабочим, которые делают стачки, по интеллигентам, которых они подозревают, вплоть до своих старых товарищей социалистов, осуждающих их. Зачем им стесняться, если их сторонники в Европе находят это вполне естественным.

Но *еврейское* правительство не может быть сильнее, чем экономические законы. Его не удалось свергнуть, он погибает под результатами своей победы. *Еврейское* царство стоит слишком дорого. Его нельзя удержать исключительно на спине мужиков. *Еврейский* режим умеет потреблять, но не умеет производить. Он мог жить на сбережения страны; но всему приходит конец. Мировая революция заставляет себя слишком долго ждать. Принимаются предосторожности, чтобы еще продержаться: уменьшают расходы, закрывают школы, но этого недостаточно — разоренная страна больше не покупает. Промышленность работает в чистый убыток, безработица увеличивается с каждым днем. Остается последнее прибежище всех разоряющихся — кредит. В этом вся программа настоящей минуты. *Еврейское* правительство, находящееся в войне с капиталистами, не стесняется, однако, умолять последних о помощи; *евреи* столько раз были обслуживаемы своими противниками, что надежда благополучно выйти из положения и в этот раз не покидает их. Они пытаются соблазнять надеждами на преиму-

щества; они шантажируют и если это надо — они угрожают, их братья — *евреи*, рассеянные по всей Европе, помогают им в их усилиях"...

* * *

Из предыдущего ясно, как мало нужно, чтобы перевести Маклаковскую схему, в которой нет ни одного слова об евреях, на чисто антисемитские рельсы, где все объясняется исключительно евреями.

И может быть такая легкая передержка изображения происшедшего в России, как следствия только еврейских происков, и нужна в противовес другой крайности. Крайность же эта велика или, как теперь принято говорить, бескрайна. Она бескрайна потому, что как я указывал выше, Франция, а может быть и весь мир, находятся сейчас в том же духовном рабстве, в котором так еще недавно пребывала вся русская интеллигенция. Для нее высшим законом было искаженное изречение из священного писания: всякий грех может быть прощен, но хула на евреев не прощается.

* * *

Хотя о том, то я хочу сказать ниже, не следовало бы говорить "по поводу", но так как в этом лучшем из миров никогда не делается то, что следует, то я все-таки скажу.

Я тоже имею свою схему. Она очень проста и очень сложна. Если в нее углубиться, можно написать тома исследований. Если ее принять с кондачка — получится пошлость. Но ведь разве не все так. От великого до тошнительного только четверть шага. И будь что будет, я свою схему высказываю.

* * *

Когда разразилась японская война, в известной среде русского общества, которая раньше болела квасным патриотизмом и была еще при Тургеневе убеждена, что мы весь мир "шапками закидаем", в этой среде была распространена пошлая острота: "Ну что такое японцы — макаки". Для не знающих естественной истории поясняю, что макаки — это род обезьян.

На это будто бы однажды престарелый М.И.Драгомиров, киевский генерал-губернатор и командующий войсками округа[4], хорошо знавший русскую армию с ее достоинствами и недостатками, однажды сказал: "Они то макаки, да мы то — кое-каки".

В этой фразе слишком много мысли для такого малого количества слов. Драгомиров как бы предсказал судьбу японской кампании. Огромная русская армия, которая казалось раздавит как комара маленькую Японию, была поведена в бой по всем принципам "кое-какства"... Нового способа ведения войны не знали. В первом бою под Тюринченом прорывались сомкнутыми колоннами с музыкантами впереди. Пулеметов не имели вовсе. Обо всяких разрывных снарядах, объединявшихся тогда под именем "шимозы", не имели понятия, почему тот же Драгомиров пробурчал однажды — они нас шимозами, а мы их молебнами; в бой шли в белых рубахах, не подозревая, что на свете существуют защитные цвета и что самое скверное, — перевооружали артиллерию во время войны. Начали же морскую войну тем, что в первый же день объявления войны, прозевали японские миноносцы и позволили им войти в свою собственную гавань, вывести из строя три больших корабля и безнаказанно уйти.

Впрочем, это пышно-расцветшее "кое-какство" сказалось во всей нашей дальневосточной политике. Неизвестно для чего мы влезли в Корею, кое-как, по небрежности затронули Японию, о которой не имели ни малейшего представления, ибо разведка велась тоже кое-как, и затем полезли в войну, хотя, как показал опыт, к войне были совершенно не готовы. Между тем войны ничего не стоило избежать, или по крайней мере оттянуть. Но ведь японцы с обезьяньей точностью, до последнего винтика скопировавшие лучшую армию в мире — немцев, конечно были макаки. В конце концов точные обезьяны разбили гениальных кое-каков.

* * *

Надо всегда отдавать себе отчет, что "кое-какство", т.е. небрежность, неточность, недобросовестность — есть один из основных факторов русского народа. Кто хочет ему добра, кто его любит, непременно должен с этим считаться и никогда этого не забывать.

Второй фактор тоже не из веселых. Среди русской интеллигенции, в силу причин, о которых не стоит сейчас говорить, огромный процент озлобленных. Эти люди ненавидят всех и вся. С огромной страстностью они втираются во всякое дело, но исключительно для того, чтобы его испортить. Они ненавидят всякое творчество и живут только разрушением. Недаром

Россия родина всяких анархических учений. Инстинкт разрушения глубоко сидит в значительной части русских и превращает [в] мартиролог жизнь всех людей, которые хотят что-то сделать полезное. Злобная оппозиция вырастает в России прямо из камней мостовой. Было бы слишком долго объяснять отчего это происходит, но это факт.

К этой категории злобно озлобленных, категории дающей фалангу бомбистов, террористов, а также всяких желчных господинчиков, вставляющих палки во все колеса, примыкают большие отряды зубоскалов, которые делают то же дело разрушения, но только в форме, казалось бы безобидной. Но это только кажется. В России высмеивают все и даже то, над чем ни один другой народ не смеется.

Об озлобленных и зубоскалах да памятует всякий, кто желал бы что-нибудь делать в России.

Я видел в своей жизни этому поразительный пример. Судьба послала последнему русскому Государю — Столыпина. И никогда в моей жизни не изгладится отвратительное впечатление, как вся свора озлобленных и зубоскалов набросилась на этого человека, который вел трагическую борьбу за спасение своего отечества.

* * *

Еще есть одна почтенная порода: утописты. Едва ли какая-нибудь страна страдала так от мечтателей, как родина Пушкина. "Я вижу вы мечтательны ужасно" (Евгений Онегин).

Эти мечты о мироперeустройстве от Бакунина до Льва Толстого зловещими хищными птицами кружили над Россией. Всякому реальному шагу вперед они противопоставляли химеры и разрушали творческую волю разлагающим действием миража. Волшебная палочка [—] это была необходимая принадлежность всех этих русских квази-философов. Примитивный рассудок всегда имеет наклонность все сводить к какой-нибудь одной идее. Одни воображают, что стоит появиться в России конституции и будет рай; другие Эдема ждали от социализма; третьи воображали, что стоит овладеть Константинополем и Россия процветет; четвертые, как Розанов, полагали, что все дело в разводе[5]: стоит облегчить развод — и все будет прекрасно; иные то же самое приписывали освобождению печати от цензуры; а некоторые были помешаны на еврейском вопросе — причем двояко: маньяки первого сорта полагали, что всеобщее блаженство воцарится как только отменят черту оседлости и процент

в университетах, а маньяки второго сорта были твердо убеждены, что счастье святой православной Руси, христианского государства и народа-Богоносца состоит в том, чтобы вырезать всех жидов начисто; славянофилы утопией самобытности русского народа, канонизировали поземельную общину, утвердив таким образом в России социализм высочайшего образца; в этом с ними сходились их противники, во всем остальном интернационалисты, социалисты, поклонники великого апостола Карла Маркса. Этот нестройный хор время от времени показывали дикие фанфары анархистов, которые предлагали сначала все сжечь, существующее в мире, а там видно будет. Один из декабристов еще предлагал пустить красного петуха со всех четырех сторон Петербурга и выкатить водку войскам, а там будет ясно, что делать дальше; но совершенно это же самое предлагал и Лев Толстой, но по неспособности продумать до конца свои теории не сознавал практических результатов своих поучений.

К этой огромной клике чистых утопистов постоянно примазывались озлобленные и союз мечтателя с желчью напоенным человеком вставал над Россией грозной тенью.

* * *

А кроме того было достаточное количество просто негодяев. Но еще больше было средних людей, которые могли пойти и за добром и за злом, куда так сказать легче, удобнее, моднее. Мода, т.е. психические эпидемии, для людей этого сорта являются категорическим императивом, которому сопротивляться они не в состоянии.

* * *

Разумеется все эти элементы есть в каждом народе. И весь вопрос только в пропорции. Вопрос не в большинстве или в меньшинстве, вопрос исключительно в том, чья психическая сила больше. Разумеется и в русском народе всегда было известное количество добросовестных порядочных людей, а также людей, которые умом или инстинктом понимали, что надо делать. Никакая нация, никакое человеческое общество не может существовать, если психическая сила этого рода людей оказывается меньше, чем психическая сила тех, кто работает на разрушение.

Но это именно и случилось в России.

* * *

Однако весьма возможно, что русский народ пережил бы свою болезнь (болезнь, как я указал выше, состояла в непомерном развитии "кое-каков", озлобленных и утопистов) без катастрофы, если бы не два, сопутствующих этой болезни обстоятельства.

Эти обстоятельства были: евреи и немцы. Главная ошибка тех, кто вел русскую нацию, состояла в том, что, не рассчитав своих сил, вели борьбу одновременно с этими двумя исключительной мощности расами.

Теперь можно сказать почти с уверенностью, что, объявив войну Германии, надо было помириться с еврейством. Или наоборот, продолжая борьбу с еврейством, надо было ни в коем случае не допускать войны с Германией. Для этого надо было пожертвовать нашими интересами на Балканах и может быть многими другими. Надо было пустить немцев в Азию, предоставив им Багдадскую дорогу[6] и все то, что они хотели, или наоборот, надо было с самого начала войны, или даже гораздо раньше, когда выяснилась ее неизбежность, дать еврейству равноправие, которого оно добивалось, и использовать всю его огромную психическую силу на защиту России, которая с минуты объявления равноправия стала бы для евреев землей обетованной.

Но этого не поняли. Мы хотели объять необъятное, быть победителями на всех фронтах, совершенно не подсчитав своих сил. В этом, впрочем, сказалось только в высшей степени подчеркнутое наше обычное "кое-какство". Наиболее яркое проявление сего качества можно было наблюдать, когда военный министр Владимир Александрович Сухомлинов закатил перед самой войной ошеломляющую статью в "Биржевых Ведомостях" под заглавием "Мы готовы"[7]. Это в то самое время, когда он, по его собственным словам, твердо знал, что мы не только не готовы, но что самые элементарные реформы совершенно необходимые для русской армии могли быть закончены только в 1916 году.

Мы это твердо знали и все-таки полезли на "авось", "небось" и "ничего". Результат и был соответственный: ничего от России и не осталось.

* * *

Силу еврейства понимали плохо. Я отлично помню свой разговор с редактором-издателем "Нового Времени" Алексеем Алексеевичем Суворины[8], который имел место в 1907 или

1908 году. Как известно Суворин не был заражен либеральными идеями, наоборот это был важнейший консервативный орган в России, имевший серьезнейшее влияние в правительственных кругах. Вернее даже сказать наоборот, "Новое Время" было рупором правительства.

Суворин принял меня ночью по своему обыкновению: он вставал в 8 часов вечера и ложился утром. Это был высокий, совершенно белый старик, производивший впечатление. Я говорил с ним по поводу одной своей полу-политической, полу-литературной вещи под названием "Еврейка", которую я ему прислал для прочтения. Он сказал мне, что это не беллетристика, а передовая статья, в чем я был с ним вполне согласен. Но относительно самого существа предмета мы разошлись. Он не понимал силы еврейства и важности вопроса. Резюме его жидопонимания сводилось к следующему:

— Вы напрасно придаете такое значение еврейскому вопросу. В конце концов это вопросы чисто местные, ваши юго-западные. Это вопрос отнюдь не всероссийского масштаба.

Так были слепы люди. К этому надо прибавить, что в это же самое время "Новое Время" было наполнено статьями о Финляндии и финляндскому вопросу придавало сверхвсероссийское значение. А уж этот вопрос действительно был чисто местный и муссировался главным образом потому, что петербуржцы оскорблялись: как они, именитые петербуржцы, не пользуются правами в Финляндии, куда они привыкли ездить на дачу. Надо сказать, что по финляндским законам русские имели в Финляндии меньше прав, чем евреи в России[9].

Впоследствии "Новое Время" занялось еврейским вопросом. Но сделало оно это так неумело, как обыкновенно бывает с неофитами и между прочим с большой страстностью ввязалось в Бейлисовский процесс. Последний же из всех антисемитских предприятий был самым глупым, ибо достиг совершенно обратной поставленной цели.

Меж тем не надо было особой вдумчивости, чтобы увидеть нарастающую силу еврейства. Для этого надо было только пристально рассмотреть процесс завоевания евреями русской печати. В Государственной Думе ложу журналистов называли не иначе, как "черта оседлости" и это отнюдь не было преувеличением. Оставляя для вывески несколько крупных русских имен, которым они крупно платили, евреи овладели русской печатью по всей линии. Против этого штурма держались "Новое Время" в столице и "Киевлянин" в Киеве. О "Московских Ведомостях" не стоит упоминать, ибо их никто не читал.

Остальная же печать, влиятельная кадетская "Речь" в Петербурге, профессорская "Русские Ведомости" в Москве, Сытинское "Русское Слово" в Москве же было в полуплену еврейском в смысле персональном и в полном иудейском пленении в смысле духовном. Что же касается провинциальных изданий, как например очень сильная "Киевская Мысль", то, издаваясь поляком Лубковским, она была совершенно в еврейских руках. То же самое было в Харькове, то же самое было в Одессе, то же самое было в Ростове-на-Дону.

Во всей российской печати за исключением "Нового Времени" и "Киевлянина" нельзя было поместить ни одной строчки, которая бы трактовала еврейский вопрос по существу. Можно было только приплясывать маюфес с восхищением на лице и бия себя в грудь, плакать над бедствиями еврейского народа под игом самодержавия. Человека, который осмелился бы написать хоть что-нибудь приближающееся к истине, немедленно производили в погромщики. А это слово евреи сумели сделать таким страшным и непереносимым для русского интеллигента, что он готов был продать жену, детей и отречься от отца с матерью, лишь бы не подвергнуться позорному клеймению.

Дурацкий процесс Бейлиса мог бы, однако, послужить к просветлению мозгов. Мог ли какой бы то ни было другой народ собрать в залу киевского суда корреспондентов всего мира. Можно ли себе представить, чтобы сенсационнейший процесс, какой только можно себе вообразить, который касался бы какой угодно нации, мог привлечь на провинциальный русский город внимание всего земного шара. Это могли сделать только евреи. И для зрячих людей это была репетиция сплоченности и огромной мощи евреев во всех странах. Один за всех и все за одного.

К этому надо прибавить, что в России проживало от 6 до 8 миллионов евреев, т. е. большая половина евреев, имеющаяся на всем земном шаре. Преступно было с государственной точки зрения не отдавать себе отчета в том, что такое евреи.

Как я уже говорил выше, кое-кто уже начал понимать это и в столицах, но методы борьбы, вроде Бейлисовского процесса были нелепы. Только один Столыпин отдавал себе отчет в том, что такое еврейство и как с ним бороться. Он [понимал] что необходимы органические меры. Меры такого же масштаба и размаха, какой был осуществлен им в крестьянском, вернее земельном вопросе. Мысль его сосредотачивалась на двух пред-

метах: печать и кредит. Но относительно печати ему не удалось ничего почти сделать, в этом отношении недоставало творческой мысли, ибо субсидирование казной некоторых изданий ни к чему не приводило. Надо было создать плеяду русских писателей и издателей свободных от еврейского засилья, но это было не так просто. Этот вопрос тесно соприкасался с вопросом облегчения для русских государственного кредита, близкого по своей идее к мелиоративному кредиту[10]. Смерть от еврейской пули застала Столыпина именно в ту эпоху, когда он разрабатывал органические меры в этом направлении. По странному стечению обстоятельств эта идея называлась национализацией кредита. Впоследствии евреи, овладев Россией при большевиках, воспользовались этим же термином, национализировав в свою пользу все богатства России и русских.

* * *

Так докатились мы до войны. Горсточка людей добросовестных и творческих беспомощно боролась с лавиной бессовестности, озлобленности и мечтательности. Внутри России компактный, все за одного, один за всех, обладающий огромной психической силой, вытренированный нервной работой в течение тысячелетий, настойчивый и хищный, яростно озлобленный своим бесправным положением, сторожил Россию внутренний враг. А к этому прибавилась война с самым мощным в мире врагом внешним.

* * *

Россия не выдержала этого стечения обстоятельств, т. е. собственной глубокой болезни русского народа и столкновения с двумя сильнейшими противниками. И вот какова по-моему причина крушения.

В происшедшей борьбе Германия уничтожила Россию, но в свою очередь была побеждена французами и англичанами. Но в процессе войны был сломлен и побежден только русский народ, а вовсе не остальные племена, входившие в его состав и в особенности народ еврейский.

Поражение русского народа сказалось в том, что всеразрушительный элемент, т. е. недобросовестный и бессовестный, злобствующие и утописты получили огромную силу, какая всегда развивается при поражениях, и совершенно залили горсточку порядочных честных и способных к делу людей. Началась война

всех против всех, русский народ в братоубийственной войне стал истреблять друг друга. Но все это было следствием давно подготовлявшейся какого-то психического недуга, который под влиянием поражения дал взрыв.

Еврейский же народ, этим недугом не пораженный, совершенно не зная внутренней борьбы между собой, крепко объединенный сознательным и бессознательным стремлением к господству, выбился в этой каше на поверхность.

Иначе быть не могло. Компактное твердое тело непременно выплывет на поверхность мутной воды и будет господствовать над волнами, которые выталкивают его наверх, в силу законов природы.

* * *

Вот какова моя схема... Политические причины, на которые указывает Маклаков, были только мелочью, были только признаком, были только то, что высокая температура у больного. Причина же катастрофы в России состояла в столкновении трех рас: заболевшей русской, не сумевшей справиться со своими задачами на одной шестой части суши, деятельной германской, желавшей непременно продвинуться на восток и вытеснить ленивую и женственную славянскую расу с плодороднейшей в мире равнины и, наконец, еврейской, созревшей к гигантскому хищному прыжку, на хребет того народа, который изнемог бы в борьбе.

К великому нашему несчастью таким народом оказался народ русский.

Архив Гуверовского Института войны, революции и мира (далее - АГИ), Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния, США. Собрание В.А.Маклакова. Коробка 22. Папка 24. Машинопись. Подлинник.

№1

В. А. МАКЛАКОВ - В.В.ШУЛЬГИНУ

Париж, 5-го марта 1925 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Ваш вопрос к моей сестре[11] меня устыдил; но я все-таки не виноват; я не хотел посылать Вам простой расписки в получении, а хотел написать на Вас анти-критику. Это не так легко сделать среди здешней суеты и Вы увидите, что я все-таки отвечаю скорее, чем это обыкновенно делаете Вы.

Раз Вы свою статью не печатаете, то я воздержусь от каких бы то ни было замечаний по ее форме. Совершенно соглашаюсь с Вами, что в этом виде статья неприемлема; трудно даже представить себе, куда бы Вы ее поместили в газете или в журнале. Поэтому не буду смотреть на нее, как на статью, а просто как на несколько мыслей, которые Вы случайно обронили и на которые мне хочется Вам ответить.

Если бы мне нужно было защищаться и оправдываться, я сказал бы Вам, что Вы судите меня преждевременно. То, что Вы прочли, есть только введение; правда в этом введении я иногда делал исторические экскурсии, но делал это только для того, чтобы быть понятней. Но во всяком случае судить о моем понимании всего русского процесса по этому введению — преждевременно и думать, что я все свел к одной политической борьбе, не совсем основательно. Но это все замечания, которые я мог бы сделать; я их все-таки не делаю, потому что если только я напишу то, что собирался, Вы увидите все-таки, что подход к событиям у меня совсем иной, чем у Вас, что я от этого подхода не отказываюсь и более того я и не считаю его таким поверхностным, как Вы.

Не забегая вперед, я все-таки же скажу Вам, как я понимаю историю политического процесса в России. В России до сих пор был порядок просвещенной олигархии; мои друзья проклятли бы меня за такое определение, вернее за слово просвещенной. Но я все-таки же это определение поддерживаю. В России было более или менее образованное меньшинство, которое правило громадной необразованной и дикой массой. Все центральное управление, т. е. вся большая политика сосредоточивалась в руках этого меньшинства. Никакого влияния на него наш мужик не оказывал. Может быть именно благодаря этому в некоторых отношениях наша политика была и мудрее и дальновидней чем та, до которой мог бы подняться мужик. В такой громадной стране, как Россия, с такой громадной дистан-

цией между верхами и низами иное управление невозможно. Но только с Россией произошло то, что всегда происходит с олигархией. Олигархия расслаивается, разделяется на социальные классы и политические партии, которые грызутся между собой и, что самое главное, в помощь себе в своей маленькой борьбе приглашают эти молчаливые массы. Это делается тем легче, что сама олигархия не неподвижна и не замкнута, что в нее проникают те культурные элементы массы, которые в свою очередь успевают от нее отслоиться, словом, что в этой правящей олигархии создается такая рознь, что олигархия перестает сознавать свое единство, свою солидарность и свое общее привилегированное положение. Наша правая олигархия давно раскололась. Не только на Кривошеинских[12] "мы" и "они", но и на представительство старого дворянства с его земельными воспоминаниями, новую буржуазию и вдобавок еще интеллигенцию. Так вот, когда эта олигархия передралась, то она начала для успеха своей внутренней борьбы привлекать массу. Левые элементы настаивали на всеобщем избирательном праве и раздразнивали мужика, суля ему помещичью землю, но и представители старого строя, уповая на мужицкий консерватизм, в избирательном законе 11-го декабря привлекли мужика к управлению всем государством[13]. Одним словом я хочу сказать, что основной характер русской политики был именно крах олигархии; когда олигархия кракнула, тогда русская необразованная деревня выступила на сцену и получилось то, что получилось. Для меня в этом был смысл процесса; а вина нашей олигархии в том, что она не сумела продолжать быть олигархией, разумно воспитывая массу и привлекая к самоуправлению только тех, кто для этого самоуправления был достаточно воспитан. Это вина олигархии, взятой в целом, но если мы посмотрим на нее в отдельности, то увидим, что среди этой олигархии были элементы, которые по своей глупости хотели сохранять монополию власти вместо того, чтобы делить ее с другими частями той же олигархии, а вместе с тем и другая ее часть, которая благодаря своему положению вечной оппозиции, находящейся не у дела, совершенно забывая о том, что она все-таки часть привилегированной олигархии, вела с монополистами беспощадную борьбу. Вот Вам схематическое изображение русского процесса, который в общих своих чертах совпадает с аналогичными процессами других стран, с крахом Римской Империи, с крахом греческих республик и т. п. Это бывает везде, где целая нация в совокупности еще не может собой

самоуправляться, а ее привилегированное и образованное меньшинство оказывается негодным для руководящей роли, прежде всего потому, что ведет борьбу в своей собственной среде.

Вы указываете на некоторые национальные свойства русского народа; я не буду их оспаривать, в них много правды; но для меня все эти свойства гораздо более производны, чем прирожденны; и производны как раз из того политического строя, который в России сложился. Вы указываете на кое-какство; но разве это не характерное свойство всех тех людей, которые не обязаны жить интенсивной жизнью, потому что в их распоряжении много дарового и дешевого труда. Этим свойством отличались и рабовладельцы древних республик и крепостные помещики и, как это ни покажется Вам странным, наши военачальники последнего времени. Я вспоминаю слова одного военного доктора, который говорил мне на войне: "там, где обыкновенному человеку нужно три или четыре человека рабочих, там в войсках наряжают 500 человек нижних чинов. Раз в распоряжении власти находится такое количество даровой силы, она не умеет ни считать гроши, ни экономить эти силы; к скупости и бережливости у нас относятся как к пороку; ее стыдятся. Все это элементы старого барства, свойственного вовсе не одним только барам, а просто целой стране, которая привыкла жить кое-как, потому что кто-то на нее работает. Возьмите другое свойство — озлобленность. Это уже прямое последствие ошибок правящей олигархии, которая относилась ревниво к своей власти, не желала ее делить с другими и элементы готовые для совместной государственной работы отгоняла в разряд никудышников, завистников и критиков. А наконец отсутствие положительной работы и состояние оппозиции развивает мечтательность и утопизм. Словом все национальные русские черты, которые вдобавок Вы приписываете только великорусам, я ставлю на счет не их характера, а исторически сложившегося режима. У активно правящего меньшинства кое-какство, а у большинства устраненного от дела озлобленность и утопизм. Задача 20-го века России была перевести ее на другие рельсы, на рельсы всей западной Европы, где в большей или меньшей степени, но все участвуют в строительстве государства, где если и существует правящая олигархия, то ее господство зависит только от того, в какой мере она сумеет обмануть громадную и невежественную массу. Но за этой массой остается всегда решающий голос.

Так я понимаю русский процесс. Вы ставите вместо всего национальный вопрос и упрекаете меня в том, что я об нем не

говорил. Национальному вопросу я придаю в России громадное значение, но совсем не в том смысле, как Вы. Я считаю, что одним из коренных грехов нашего великорусского правительства было небрежение к этому вопросу, непонимание того, что Россия страна разноязычная и разноплеменная. Национальный вопрос один из тех, и это Вы правильно указываете, который будет разрешен революцией. Будет ли Россия федерацией или централистическим государством с широкими автономиями — это деталь, но за национальностями будут ухаживать, а не будет с ними бороться. Но я не подвожу в эту схему того, что для Вас самое важное, т.е. вопроса еврейского. В этом отношении я, впрочем, не одинок; я помню, как, впрочем, вероятно и Вы, знаменитые статьи Чичерина о польском и еврейском вопросе[14]; он признавал наличность вопроса польского, но не признавал вовсе вопроса еврейского. И это потому, что у Польши была территория, у евреев же ее нет; если такая территория как будто бы и была, то исключительно по нашей собственной вине — из-за черты оседлости. Еврейский вопрос не имел ничего общего с вопросом национальностей, да, впрочем, и Вы кажется его так не трактуете. В Вашей схеме Вы выводите евреев, как представителей озлобленности; тут Вы, конечно, правы; но этот вопрос не национальный, а неизбежное последствие нашей глупой политики. Черта оседлости с теми изъятиями, которые для нее делались в пользу образования и в пользу богатства, искусственно создавала чрезмерный процент богатых и образованных евреев среди всего еврейства, которые не могли не чувствовать очень больно и бесправие своих современников и свое собственное униженное положение. Поэтому нет ничего удивительного в том, что количество недовольных и озлобленных в еврействе было больше, чем где-либо и при этом среди них было больше всего интеллигентов. За это тоже спасибо черте оседлости. Я хорошо знаю, что евреи не очень ассимилируются с другими народностями, но, однако, я наблюдаю евреев во Франции и ничего подобного с психологией русского еврейства здесь нет. И еще меньше его в Англии. Таким образом, наблюдая развитие русской революции, я мог бы Вам сказать то, что сказал Лаплас Наполеону о Боге: "для объяснения того, что происходит в мире, я не нуждался в этой гипотезе", точно также, для того чтобы понять, как развилась революция в России, мне вовсе ненужно было говорить об еврейском вопросе; его роль настолько второстепенная, что я убежден, что если вычеркнуть даже всех евреев, то в главных

чертах революция совершилась бы точно таким же способом, как она совершилась.

С Вашей точки зрения причина революции — это еврейство и германство. Готов с этим согласиться, но вот в каком смысле. Столкновение с германством, т.е. война потребовала от России такого напряжения, которого при ее кое-какском устройстве и кое-какских привычках, она дать не могла. Столкновение германства с Россией, если бы оно совершилось в чистом виде, просто дало бы победу германству, как более культурному и совершенному режиму. Благодаря тому, что война была европейской и победительница Германия была разбита, с Россией случилось то, что случилось, т. е. что не более совершенный режим навел в ней порядок ценой утраты ею хотя бы и временно независимости, а Россия оказалась предоставленной самой себе, т.е. усмотрению своего негосударственного и некультурного большинства, которое как всякое большинство создает диктатора, который это же большинство притесняет. Что же касается до роли еврейства в этой борьбе, то она только символическая; по еврейству Вы могли судить о тех вредных антигосударственных настроениях, основанных и на злобе, и на отсутствии нужного патриотизма, и на фантазерстве, которое свойственно было вообще русской оппозиции, но которое может быть только резче выражалось или более привлекало внимание в еврействе. Россия в момент столкновения с Германией не имела сплоченного и солидарного правящего меньшинства, а передралась между собой, и в этой драке и Вы и я так же повинны, как Неселович и Фридман[15]. А наконец последнее слово: Вы находите, что побежденным оказалось одно великорусское племя, а все другие попали в победителей. Правы Вы только в том смысле, что все другие национальности приобретут нечто, как национальности. Великорусское же племя или вообще, как принято говорить, российский народ приобретет только то, что он станет демократией, что на горьком опыте он научится тому, чего у него не было — и государственному смыслу и сознательному отношению к власти. Россия завтрашнего дня будет страной менее культурной и менее интересной и симпатичной, чем Россия вчерашнего дня. Общий уровень ее понизится, ибо просвещенная олигархия в ней уже не будет олигархией. Господствовать в ней будет мужик, кулак, а не кое-какский барин и интеллигент. И она будет страной настолько нищей, что наши барские замашки сами собой от нас отвалятся. Словом, с Россией произойдет то же перерождение, которое было после эмансипации, когда вместо барских поместий появились

повсюду мужицкие общины, наделы, общая производительность пала, но социальный порядок стал прочнее. Вот Вам и все, что имею Вам возразить; если бы мы поглубже покопали этот вопрос, то разница между нами оказалась бы еще меньшей чем кажется.

АГИ. Собр. В.А.Маклакова. 13-11.

№2

В.В.ШУЛЬГИН - В.А.МАКЛАКОВУ

28 мая 1925

Дорогой Василий Алексеевич,

Пишу сам, а потому так скверно — простите не писал так долго вот по какой причине.

Последнее Ваше письмо затрагивало в коротких словах бесконечный еврейский вопрос. Когда я стал Вам отвечать, я почувствовал, что необходимо написать целое сочинение, какое, впрочем, в виде письма бесцельно, ибо если вас не убедили, или вернее не расшевелили в вас желание пересмотреть ту допотопную рутину, каковую кадеты выдавали за премудрость по еврейскому вопросу, не расшевелили русские события, то, разумеется, мое письмо не вырвет Вас из бездны, на дне которой Вы копошитесь... Погибайте, несчастный, ибо Вы хуже, чем Фома Неверный, Вы — Василий Темный. Кто-то Вас околдовал, пустил темной воды в светлые глаза, просите Марию Алексеевну, чтобы молилась за Вас Господу Богу, чтобы он вернул Вам зрение...

Как бы там ни было, Ваше письмо было толчком, которое было заставило меня взяться за работу... Ибо если нет надежды спасти Вас, то этого нельзя сказать о многих других, которые еще способны увидеть свет... Но немощен дух мой... Как только начинаешь заниматься чем-нибудь толковым, отвлекут на какую-нибудь ерунду... Надо бы уйти в пещеру да жена, дети... Так и идет день за днем, и великое произведение не может родиться.

Однако можете быть уверены, что как только иное явится, Вы его получите и тогда все Ваши страшные заблуждения отразятся перед Вами в беспощадном зеркале правды. Этот день будет для Вас ужасен. Живите же и пользуйтесь жизнью, пока Ваш час не пробил.

С антижидовским приветом

Ваш В. В.

АГИ. Собр. В.А.Маклакова. 13-11.

№3

В. А. МАКЛАКОВ - В.В.ШУЛЬГИНУ

Париж, 5-го июня 1925 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Получил Ваше письмо без подписи и даже не сразу догадался, что это Вы; наша переписка перешла в то состояние, когда уже никакого мысленного контакта не сохраняется; мне пришлось бы доставать мое письмо к Вам и перечитывать, чтобы дать себе отчет, какая Вас муха укусила. Но очевидно дело не в том, что я Вам написал, а в том, что Вы сейчас стали мономаном и находитесь под влиянием навязчивой идеи, которая исключает все остальное. Мне такие состояния мономании довольно понятны и, если хотите, они необходимы даже, чтобы какую-либо одну сторону дела передумать до конца и рассмотреть под умственным микроскопом. По-видимому, необходимо влюбиться в женщину, чтобы разглядеть ее как следует, и заметить в ней все, что стоит замечать. Но только этот вид мономании так же не обеспечивает справедливости, как и все остальное, как и Ваша теперешняя мономания. Даже не читая той Вашей книги, которой Вы грозитесь и которой Вы меня хватите по уху, как медведь, я заранее уверен, что в ней найду; я не найду в ней неправды и лжи, этого Вы не сумеете, ибо в этом отношении Вы подобны Валаамовой ослице и не сумеете заставить себя лгать. Но так как Ваша книга будет не полна, будет посвящена только одной стороне дела, только одной мысли, то она конечно исказит все перспективы; ведь это будет совершенно то ж самое, если бы мы неуспех нашей революции объяснили тем, что Князь Львов был слаб или Керенский[16] болтлив, или даже неуспех нашей войны в 1915 г. приписали только отсутствию в данный момент нужных снарядов. Тот может быть делал плохое дело, кто в известный момент вопил о недостатке снарядов, забывая о других причинах, только потому его голос и услышали, но было бы все-таки совершенно ошибочно, если бы мы из-за недостатка снарядов и вооружения забыли о всех других ближайших и отдаленных причинах наших неудач.

Вы скорбите о моей неисправимости, если революция мне не открыла глаза. Она мне открыла глаза на очень многое; много из того, что казалось у нас здоровым и прочным в России, совсем не были ни прочно, ни здорово. Во многих наших

кадетских и не только кадетских близорукостях и легковесностях я раскаиваюсь, поскольку это слово уместно. Но именно потому, что в моих глазах становятся сейчас так ясно все те пропасти, которые были под нашими глазами, вся совокупность наших болезней, не только интеллигентских, но и чисто национальных, вскормленных веками ненормальных отношений в социальном организме, именно потому, что я вижу, как все части нашей машины были разлажены, мне представляется так непонятным и ошибочным Ваше желание свести все к еврейскому вопросу. А скажу Вам более того: я насмотрелся и на заграницу и здесь кое-чему научился. Готов признать, что и здесь в некоторых отношениях может стоять еврейский вопрос, или по крайней мере находятся люди, которые о нем говорят. Но когда я смотрю на то, как он здесь ставится и разрешается, вообще какое он имеет и может иметь влияние на здешнюю жизнь, и вспоминаю с этим черту оседлости и процент, то мне становится совершенно понятно, до какой степени, обвиняя еврейский вопрос за революцию, мы путаем следствие с причиной. Есть целый ряд вопросов, общих всем странам; но только в каждой стране его решают по-своему и с различными последствиями; к этому вопросу относятся и вопросы демократии вообще, и образования, и свободы рассуждения и национальности и многие другие; к ним относится еврейский вопрос, поскольку он был вопросом своеобразным в силу своеобразного положения этой нации. Мы одни ухитрились сделать из него такую сложную проблему и смотреть на него так трагически, как будто государство рушилось от того, что не соблюдалась черта оседлости или была превышена процентная норма. Но ведь в свое время нам казалось, что если в какой-либо газете была бы напечатана критика не то чтобы на государя, но министра, то от этого тоже потряслось бы государство. Насмотревшись на Европу, на то, чем государство может быть прочно и сильно и чем оно слабо, что для него опасно или нет, я никак не могу прийти к заключению, чтобы политика антисемитизма не только государственного, но даже общественного в какой-либо мере укрепляла государственную мощь. Все это у нас переживания старого, недалеко ушедшие от тех, кто искренне утверждал и в некоторых отношениях были правы, что образование развращает народ и что грамотный рабочий много хуже безграмотного. Во всем этом была доля правды, но когда мы подлаживали нашу политику к подобного рода правде, то мы довели государство до взрыва; и сейчас после того, что

произошло после той атмосферы, в которой живет Россия, этого рода правды подносить будет уже невозможно; они просто будут смешны; я охотно верю, что в будущем национальном правительстве не будет 80% евреев; и нисколько об этом жалеть не стану; но думать, что можно было бы сейчас свернуть Россию к неравноправию, как процентным запретам и гонениям и, что подобного рода теории можно было бы защищать даже перед антисемитской аудиторией — значит по-моему делать большую ошибку чем то, в которой Вы нас упрекаете, и проглядеть не урок до-, но урок после-революционного времени, и вообще я думаю, что Вы вашу мысль направили в переулок, который кончается тупиком. А затем я Вам никакой книгой не грожусь, но Вашу буду ждать с интересом.

АГИ. Собр.В.А.Маклакова.13-11.

№4

В.В.ШУЛЬГИН - В.А.МАКЛАКОВУ

17 дек[абря] 1929

Bouluris s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич

Простите, что так долго не отвечал: причина — разные неурядицы жизненного характера, о чем не стоит Вас оповещать, ибо Вам это неинтересно.

На счет Ковердыы[17]: Я думаю, что Вы правы если только ко времени ожидаемой главы Беседовский[18] сам себя не похоронит в Последних Известиях[19].

Ваши Труды: Конечно, я Вам во многом завидую. Вы пишете так же блестяще, как и говорите. Но не потому-то есть не из зависти, я Вас "замалчиваю" (Кстати "Из Прошлого"[20], оттиски я получил, благодарил, своевременно прочел и перечел). А потому, что между нами, кроме несоизмеримости дарований (кондитерствую), есть существенное расхождение и такого сорта, что оно так сказать пророческое: если мы доживем до лучших времен, то эти времена будут испорчены этой трещиной, которая расколет будущую Россию сверху донизу. Увы, мы с Вами будем по разные стороны этого рва, хотя оба будем белыми воронами каждый в своем стане по принадлежности. Мы будем возмущаться неправдой своих единомышленников, но все же будем среди них оставаться, ибо другой берег будет нам казаться еще более уклоняющимся от истины. Ров этот вырыл

и будет расширять его с каждым новым днем еврейский вопрос. И именно по этой причине Вы меня тоже "замалчиваете" и даже больше, чем я Вас. Вы мне прислали "предисловие", я Вам преподнес целую книгу[21], но ни одного слова по поводу оной из Вас не выцедилось.

Теперь скажу Вам следующее. Ваша работа будет, конечно, так же превосходна и захватывающе интересна, как и ее начало. И главная ее прелесть, что составляло тайну Вашего обаяния и в Думе, это поза, которая как нельзя более идет к стилю Вашей красоты и которая хорошо определяется изречением Сийеса, которое Вы цитируете. Ils veulent etre libres et ne janent ras etre justes[22]. Вы же именно всеми своими манерами в оценке событий и в квалификации своих политических противников и друзей неопровержимо доказываете слушателям и читателям своим, что умеете быть Juste и более того, что Veritas[23] есть настоящая Ваша любовь, от которой Вы не откажетесь никогда и ни при каких условиях, единственная красивая женщина, которой Вы не изменяли и не измените. Препарированный такими Вашими конструкциями слушатель и читатель в высшей степени располагается Вам доверять: он незаметно для самого себя теряет по отношению к Вам всякий свой внутренний отпор и послушно идет туда, куда Вы его ведете. И это тем более опасно, что все это Вы делаете совершенно искренне. Вы и сами убеждены, что Вы сделали решительно все, чтобы быть беспристрастным и справедливым и что, следовательно, протиснутый через ущелья широчайшей терпимости вывод Ваш есть наибольшее из возможных приближение к истине. Но... но по существу дела весь этот упоительный аромат неподкупного анализа и тончайшего ума Вашего, есть только — наркоз. Анестезирующее средство, которым Вы усыпляете прежде всего себя самого, а потом и других. Да, это так и вот почему. Есть области, утверждения или верования, навыки, привычки, назовите, как хотите, которые в данное время живут в Вас, как некие категорические императивы. Их Вы никогда не подвергаете анализу острейшего ума Вашего, а стрелы противников, бьющие в эти области, Вы оставляете без ответа.

Так, во времена Думы, в Вас сидел такой категорический императив: *все-таки*, несмотря ни на что, надо бороться с существующим Строем. И Ваши стрелы в этом направлении были ничуть не слабее (а может, и действительнее) оттого, что Вы с превеликим беспристрастием наносили удары только именно в те места, которые побить следовало. Но самая мысль нанести

удар происходила *из мотивов предрешенных*. И вот эти Ваши, аксиомные для Вас в данное время, положения Вы никогда, при всем беспристрастии и анализировочности, не разбирали и не подвергали обсуждению - тогда.

Но зато Вы подвергаете эти основные вещи обсуждению *теперь*. Таким образом Вы и сами, оказывается, были подвержены тому закону войны, который Вы сейчас в Вашем очерке с таким искрометным талантом разоблачили. Вы *воевали* и в то время, как шел бой, не подвергали обсуждению, а тем паче сомнению, цели и причины войны. Вы только рекомендовали и тогда более гуманные способы обращения с противником, то есть Вы были против отрезания носов и ушей, но Вы никогда не произносили того, что пишите теперь и что обозначало бы: "вложите мечи в ножны и ищите других способов, ибо нужна *не борьба, а сотрудничество с властью"*.

Я это пишу вот к чему. Сейчас, мне кажется, Вы повторяете то, что уже было, но только в новом аспекте. По-прежнему Вы рассыпаете без счету жемчужины беспристрастия к противникам строгого отношения к единомышленникам и к самому себе. И читать Вас — одно удовольствие, как в былое время — Вас слушать. Если Вы какой-нибудь предмет затронули, Вам даже не хочется возражать, — так неуязвимо дву- и даже многосторонне Вы его излагаете. Вы не способны сказать неправду или даже просто преувеличивать. Но... но относительно тех областей, где все еще по какой-то причине действует категорический императив... Вы молчите. Так, излагая перипетии всего того, что мы пережили, Вы совершенно обходите еврейский и за одно и другие национальные вопросы. У Вас Россия выходит какой-то *совершенно русской*. Были правые, либералы, революционеры. "При чем тут вероисповедание?"

По сей причине Ваше изложение, несмотря на всю его чарующую объективность, справедливость и правдивость в тысячи и одной области, все же по существу страдает крайней односторонностью, ибо в него совершенно не входит описание того, как действовали на русскую историю национальные факторы вообще и в частности наличие в России одной из могущественнейших по своим психическим качествам нации еврейской, которая русский исторический строй возненавидела ненавистью, совершенно не соответствовавшей "преследованиям", за каковое несоответствие злобы с "гонениями", она, то есть нация, теперь и наказуется.

Но, разумеется, если бы это мое скромное мнение, которое для Вас должно быть ясно, если Вы прочли мою книгу (на что,

впрочем, не очень надеюсь), было только моим мнением, Вы могли бы на него не обращать никакого внимания, как можете пренебрегать и пророчеством Достоевского[24], потому что это было давно, хотя и вследствие сего оно тем более выразительно. Однако мое мировоззрение, при всей его, допустим, несостоятельности, никак нельзя считать мнением изолированным. Сейчас как будто все уже признают наличие грозного для евреев и для нас русских антисемитизма на пространстве "одной шестой", а следовательно возможность, которая была в былое время, считать или изображать этого рода настроения, как изуверство кучки людей, преимущественно южнорусского происхождения, ныне отпадает. Как я пишу в своей книге "малороссийские" настроения распространились на всю территорию россов. Если эти воззрения ошибочны, с Вашей точки зрения, то тем более смысла их опровергать и с ними бороться, так как они являются грозной опасностью завтрашнего дня. Чтобы быть с Вами искренним до конца, скажу, что я Ваше молчание (поговорка говорит: "молчание еще не есть знак согласия; но если кто молчит, когда он может и обязан говорить, консентире видетур (consentire videtur)[25]", Ваше молчание я толкую так: Василий Алексеевич отлично все знает и понимает; но так как "война продолжается", причем сейчас усыновленные и любимые дети либерализма подвергаются страшной опасности, то он не хочет увеличивать эту опасность признанием несомненных фактов; отрицать же их он тоже не желает по этой-то причине и обходит сей роковой вопрос.

Я сейчас не буду распространяться на тему, что выгоднее "признать и покаяться" (эту тактику Вы избрали для целого ряда областей) или же умалчивать. И вообще я не беру на себя смелости в чем-либо Вас убеждать, тем более, что, прислав Вам свою книгу, я тем самым изложил Вам свое мнение достаточно длинно, чтобы еще дольше Вас мучать своими домыслами. Но я только обращаю Ваше внимание; если есть область, о которой еще нельзя говорить, то значит время для истинно объективного изложения еще не приспело. Разумеется, это мое соображение отпадает, если я ошибаюсь в толковании Вашего умолчания, Ваше игнорирование еврейского вопроса в России есть следствие Вашего непреклонного убеждения, что этот вопрос играл в революционном процессе ничтожную роль. Если это так, то я должен буду признать, что Вы как и в освободи-

тельную эпоху 1905-го, подчинены сейчас в своих верованиях некому категорическому императиву, некому аксиомическому гипнозу, для меня непонятному, ибо я также аксиомически убежден, что еврейский вопрос сыграл великую роль в событиях. Но в этом случае Вы останетесь неразгаданным иероглифом не только для меня, но и для великого множества русских и иностранцев (начиная с Ницше и кончая Черчилем[26]), которые одни предвидели, а другие констатировали огромную роль еврейства в мировом и специально русском масштабе. Ваша речь до сердца очень многих таких людей не дойдет, ибо каждый из них, читая Вас, будет задавать себе вопрос: "почему этот умнейший и даровитейший человек, зоркость которого может стать провербиальной[27], равно как и мастерство и полнота изложения, почему этот многограннейший мозг не увидел той грани, которая можно сказать ясна была и полуслепым?" Вот почему я думаю, что Вам следовало бы поднять перчатку, брошенную мной евреям (по их же провокации), перчатку, которую они не посмели поднять, применив ко мне привычный им в таких случаях херим, то есть бойкот. Я думаю, что Вам следовало бы раскатать Шульгина так, чтобы и пера не осталось от нагроможденного им построения, и доказать урби эт орби[28] то, что Вы как-то мне сказали или написали: "я не нуждаюсь в этой гипотезе для объяснения перипетий русской революции".

Вот, дорогой Василий Алексеевич, почему я Вас "замалчиваю". Это замалчивание пока что остается "между нами", потому что вследствие футбола, которому (от нечего делать, должно быть) предались Гукасов-Струве[29], я выведен в безгласные. Я могу молчать, потому что не обязан говорить. Но, если бы я сейчас был бы в роли хотя бы редактора листка "Киевлянин в Париже", я обязан был бы печатно сказать в более ловкой форме, чем я это делаю в настоящем письме, мое посильное мнение о Маклакове-историке. Да минует меня чаша сия. А может быть, Вы подымете перчатку? Тогда я, может быть, если Вы меня убедите в особенности, отвечу новой книгой, и эта "томная" корреспонденция, быть может, внесет "атомную" долю света в вопрос.

Пока же кончаю, иначе Вы сами бросите читать.

Ваш В.В.

АГИ. Собр.В.А.Маклакова. 13-15.

№5

В.А.МАКЛАКОВ - В.В.ШУЛЬГИНУ

Париж, 23-го декабря 1929

Дорогой Василий Витальевич,

Вот это как раз то, что мне нужно. Вы очень ошибаетесь, предполагая, что я ждал от Вас печатного выступления, хотя в "России и Славянство"[30] я иногда видел Ваши статьи. Но я хотел от Вас не печатной полемики, ни непечатных отзывов, а той дружеской беседы, которая гораздо интереснее публичной критики; это должно Вам кроме того показать насколько я Вашим мнением дорожу. Теперь, раз Вы мне ответили, исправлю и свои погрешности перед Вами, хотя они не так велики как Вы думаете.

Вы меня упрекнули за то, что я ничего не написал Вам о Вашей книге; во-первых, это неправда, я отлично помню, что я Вам написал, хотя кажется от руки, остается предположить, что либо Вы не получили письма, что возможно, либо в моем почерке прочли совсем не то, о чем я Вам писал. Как бы то ни было греха молчания за вами я не считаю, но охотно признаю, что написал я мимоходом, общее впечатление и потому воспользуюсь Вашим теперешним письмом, чтобы написать Вам побольше. Во всяком случае будет не для печати, совершенно конфиденциально и материалом, который я Вам дам, я Вам разрешаю воспользоваться разве для моего некролога, если Вам придет в голову его написать.

Я заодно буду писать Вам и об Вашей книге и о себе, так как оба вопроса тесно связаны с Вами самим и потому перехожу сразу к основной теме: потому я не говорю ничего об еврейском вопросе.

На это у меня есть два ответа, из которых один Вы проводите уже сами. Я имел случай Вам написать, и Вы это вспомнили, что для объяснения событий в России еврейский вопрос мне вовсе ненужен. Это я Вам повторю и сейчас. Это вовсе не значит, что он никакой роли в событиях не играл и притом роли отрицательной, а просто, что сравнительно с общими причинами катастрофы, эта причина была поистине квантитэ нэглижабль[31]. Представьте себе, что мы стали бы разбирать, почему человек заболел холерой, когда он жил в абсолютно гигиенических условиях. Помнится так было со смертью П.И.Чай-

ковского; и вот оказалось, что однажды он вычистил зубы некипяченой водой и все поняли, что именно в этом причина болезни; это может быть правда, но если заболел бы человек живущий в грязи, среди больных, систематически евший сырые фрукты и пивший сырую воду; стали бы мы указывать, что причина болезни то, что он чистит зубы некипяченой водой. Ясно, что наряду с другими причинами чистка зубов роли не играет, хотя это вовсе не означает, что ее можно было одобрить и разрешить. Продолжив сравнение, я скажу, что ведь и самый вред этой чистки объяснялся более всего общей гигиенической обстановкой, что этот вред только продукт этой обстановки. Так было и с еврейским вопросом в России. Опасность этого вопроса и вред еврейского влияния может быть только потому и сказывались, что он падал на такую подготовленную почву; да и самый его вред был в том, что он явился каналом, через который действовала общая зараза. И вот разбирая основные причины и глубокие причины, заложенные в главных действующих силах и в правительстве и в обществе и в консерваторах и в либералах, находя что именно они виноваты и что каждой из этих сил нужно исповедовать свои грехи, я просто считал бы диверсией, оптическим обманом, если бы мы наряду с ними говорили об еврейском вопросе. Это вот первая причина, о которой Вы уже слушали от меня. Но скажу Вам и другое.

Вторая причина характера тактического, но чтобы Вы ее лучше усвоили, расскажу Вам анекдот, который не безынтересен, так как он имеет некоторое касательство к Вашей книге. Года два тому назад, если не ошибаюсь, в одном очень закрытом обществе, предоставляю Вам догадываться, если хотите, в каком был прочитан одним очень хорошим, умным евреем доклад о еврейском вопросе в России с еврейской точки зрения[32]; он рассказывал очень убедительно еврейский мартиролог и все те мытарства, которым подвергался еврейский мальчик и юноша, сталкиваясь то с чертой оседлости, процентной нормой и т. п.; рассказывал и о том, что не наблюдая в русском обществе, по крайней мере в обществе простых людей, никакого фобства, это еврейское юношество приходило к заключению, что все напасти на них идут исключительно от правительства и потому учились этому роковому предположению — народ и власть, которое лежало в основе многих наших неудач. Этот еврей рассказывал и о позднейшем времени, когда русское общество подошло ближе к власти, когда антисемитизм стал замечаться в общественных настроениях, говорил о тяже-

лых переживаниях и разочарованиях еврейства в эту эпоху. Повторяю, что доклад был очень благожелательный, разумный и правдивый. Я ушел перед началом прений, но во время перерыва, беседуя по поводу доклада, я высказал пожелание, чтобы наряду с этим докладом о еврейском вопросе с еврейской точки зрения в том же самом обществе был бы прочитан обратный доклад об еврейском вопросе с русской точки зрения и чтобы какой-либо русский не антисемит по профессии и по склонностям с откровенностью и честностью сказал бы, в чем русские люди упрекают еврейство. Я указывал, что если это сделать без демагогии, без прессы и публики, а в том замкнутом кружке, где происходил разговор, то это могло бы быть очень полезно, ибо вопреки Тютчеву, изреченная мысль есть не ложь, но напротив часто обличает то, что в ней есть ложного. При этом разговоре был и Поляков[33], он стал просить меня пояснить, что я подразумеваю под нашим недовольством евреями. Я указывал тогда, как пример, на тот факт, что русские в громадном количестве работают здесь на самых отвратительных службах, начиная с Рено и кончая лакеями в ресторанах, что процент евреев на этих работах несравненно меньше, а напротив мы их видим на разных культурных должностях и службах; что приходя на какие-нибудь русские увеселения балы и концерты, мы на каждую сотню евреев насчитываем 2—3 человека русских-христиан; такая превратность нашей судьбы в сравнение с ними вызывает и зависть и другие чувства того же характера. Конечно все это возможно объяснить их большой практичностью и поддержкой, которую они друг другу оказывают, настойчивостью и вообще многими свойствами, но факт недовольства все остается и его нельзя скрыть. На это Поляков отвечал мне необычайно пошлыми возражениями, которые показывали, что он просто не понимает никакой психологической законности нашего недовольства. Конечно, мы ни до чего не договорились. Но, как это часто бывает, мои замечания безрезультатно не остались; именно результатом этого был тот публичный вызов сделанный Поляковым, который породил Вашу книгу. Вызов был конечно не о книге, а о митинге и меня приходили тоже звать выступать на этом митинге, но митинг на эту тему был уже полным искажением моей мысли; для меня было очевидно, что из митинга ничего умного выйти не может и, что вопрос, который можно было поставить в интимной и друг другу верившей среде, был бы колоссальной ошибкой, если его ставить при публике; потому от митинга я отклонился.

Вмешивание широкой публики в этот спор, происходит ли оно путем митинга или путем выпуска в свет такой книги как Ваша, имеет ту роковую сторону, что впутывают в этот спор людей и из того и из противоположного лагеря, разговаривать с которыми бесполезно; между тем всего больше именно это бесполезное препирательство между ними и создает еврейский вопрос в его настоящей форме.

Есть два сорта людей, с которыми я не могу разговаривать: это во-первых, те антисемиты, которых Вы по своей терминологии называете зоологическими. Я не могу разговаривать с ними, именно потому что отлично их понимаю и даже более того, в отличие от Вас, я пожалуй их настроение разделяю. Лично мне еврейский облик несимпатичен и думаю, что большинству из нас; недаром когда мы хотим похвалить еврея, мы говорим, что он на еврея не похож; еврейский облик даже физически часто смешон, а если не смешон, то неприятен. Я совершенно не знаю евреев, ни мужчин, ни женщин, которым бы шло на пользу именно то, что они типичные евреи. Этот инстинкт такой же неразумный и такой же неотразимый, как и то, что белым не нравятся негры. Но что же из этого следует. Помните, в Думе я один раз отстаивал право каждого быть антисемитом[34]. Я это и сейчас признаю; нельзя заставить себя любить то, что не нравится. Нужно просто в этой нелюбви признаться, можно ею возмущаться, можно над ней пошутить и затем помнить о ней, так как она способна здравые и нормальные понятия затемнить. Но мы видим на деле другое: люди, которые страдают этой слабостью, на основании ее и только ее строят все свое мировоззрение. Опять-таки это свойственно человеческой слабости, мы по-разному относимся к людям, которые нам симпатичны и несимпатичны; то что в одних мы встречаем с добродушной насмешкой, в других злобно осуждаем. Все мы готтентоты; и это сказывается и в личных отношениях и в партийных; вспомните на минутку, как мы относились к убийству из-за угла Герценштейна и адмирала Чагина[35], только потому что один был наш, а другой чужой. Мы не верим никакой клевете на любимого и приятного нам человека и наоборот с радостью подхватываем всякий вздор против того, кто нам несимпатичен. Добрая половина антисемитских аргументов вся выросла на этой почве; мы верим всякой клевете и всякому нареканию только потому, что они нам несимпатичны. Вот это меня не только раздражает, но глубоко возмущает; когда Вы покопаетесь, что лежит в основе и легковерия и

озлобленности, то находите это зоологией и затем, как часто бывает в споре, когда Вы это обнажили, то человек с необычайным добродушием и самодовольством признается: да это правда, но они мне несимпатичны и я ничего не могу поделать, я всему верю; но покуда он в этом признается, антисемит упорно стоит на своих утверждениях, отстаивает всякий вздор и спор с ним в этих условиях очевидно бесполезен, как всякий спор о чувствах и отвратителен так как он весь построен на неискренности. Вот Вам очень большая полоса людей, с которыми, если возможно, я больше не спорю.

Но и в семитическом, в еврейском лагере есть тоже категория людей, которые меня раздражают и с которыми спорить я не могу; это все те люди, которые приходят в искреннее негодование при малейшем нападке на евреев, которые видят оскорбление их национальности в предпочтении нами своей собственной, которые засчитывают в разряд антисемита всех тех, кто не разделяет их мнения о себе, а всякого антисемита считают погромщиком. Пусть это настроение создалось исторически на почве многовековых несправедливостей, которыми еврейство было окружено. Когда я вижу эту претензию, еврейский агрессивный национализм, в моих глазах вполне оправданный их историей и культурой и талантом, но который я не могу переваривать, когда его навязывают другим, то я испытываю такое же негодующее чувство, когда говорю с неискренним антисемитом. Я никогда не забуду одного интересного вечера в Петербурге, когда на квартире Винавера[36] был, не помню по какому поводу, ужин и собеседование выдающихся евреев и заведомых русских не антисемитов. Я помню эту нетерпимость и требовательность еврейства, чтобы мы, русские-христиане, не смели предпочитать свою культуру и себя им. Калманович[37], один из тех евреев, которого я глубоко любил и уважал, провоцировал меня говорить, хотя я не хотел и я оказался тогда белой вороной в этом лагере, так как вполне разошелся и с Шингаревым[38] и другими ораторами. Но когда мы с этого ужина ушли, многие молчавшие мне выражали сочувствие. Вот это другая позиция, другая психология, которую я тоже не перевариваю, хотя и могу понять ее психологию.

Столкновение этих двух психологий, спор между ними, спор где аргументы не при чем, потому что все дело в одном настроении, и делает всякий публичный спор по еврейскому вопросу бесполезным и даже глубоко вредным. Вы знаете, что иногда люди в момент раздражения и спора должны перестать

говорить, ибо они ничего не скажут умного и даже честного, они непременно наговорят лишнее, в чем раскаются. Попытка разобрать объективно еврейский вопрос сейчас, вытянуть на авансцену представителей этих настроений, кроме взаимной горечи и раздражения о споре, в этих условиях ничего не оставит. А между тем и тут я совершенно согласен с Вами, что давно пора ввести еврейский вопрос в те настоящие рамки спокойного и объективного размежевания и формулировки, притязаний друг к другу, который никогда не делался.

Как пишут в серьезных книгах, после этих предварительных замечаний, я должен был бы перейти к Вашей книге; но я думаю, что после того, что я сказал, это можно сделать очень кратко. Ибо поскольку от Вашей книги я ожидал бы такой постановки вопроса, постольку она своей цели не достигла.

И тут дело не только в том, что раз Вы вынесли спор на улицу. Вы сейчас же столкнулись с этими крайностями, которых все равно Вы не в чем не убедите. Беда хуже. Хотели ли Вы этого или не хотели, говоря на публике, при все желании объективности, Вы заразились ее настроениями. Я как адвокат и депутат замечал, что мы можем публику презирать и с ней не считаться, но ее молчаливое присутствие при спорах все же на нас влияет; и вот это вредное влияние улицы я вижу и на Вашей книге.

Если отнестись к ней совершенно беспристрастно, т. е. прощать отдельные словесные неловкости и ошибочные аргументы, то с очень многим я в Вашей книге согласен; потому что, как это ни странно, вопреки пословице, Вы начали за упокой, а кончили за здравие. Многие евреи и юдофилы не пойдут далее первых страниц и я их понимаю, но если почитать книгу до конца, взять те практические выводы, которые Вы в своей книге делаете, то я почти во всем с Вами согласен; я думаю, что Вы близко подошли к тому как нужно ставить вопрос. Но роковое значение улицы сказалось на том, что в половине книги совершенно произвольные и тенденциозные обобщения явно вопиющих несправедливостей; все они варианты на знаменитую Столыпинскую фразу: в политике нет мести, но есть последствия. И то, что нужно воспринимать как последствия и заслуженное, Вы выставляете, как дьявольский план отмщения. В этом масса несправедливости. А такая несправедливость при этом обобщении может законно возмущать. Помню Плевако сказал в одной из своих речей: на целую нацию клеветать — это богохульство. А самое дурное и вредное, что в этих Ваших

обобщениях, где Вы может только диалектически, для целей полемики заостряете вопрос, как принято говорить, в этих Ваших обобщениях все эти антисемиты, о которых я Вам раньше говорил, найдут не только моральную опору, и авторитетную ссылку, но и повод для самого отвратительного гоготания. Я бы взялся Вам, если бы было время вычеркнуть из Вашей книги всего несколько десятков страниц, чтобы вытравить эту дурную сторону без всякого ущерба для ее серьезного интереса. Правда, тогда она и не имела бы столько уличных поклонников, которые в ней только это и заметили; но ведь Вас я знаю и Вы их не ищете.

Но вот и другое последствие того же самого. Ведь по замыслу Ваша книга есть обращение к евреям, попытка их убедить, им открыть глаза на их же недостатки. Эта попытка и почтенная и своевременная. Но разве Вы не чувствуете, что когда Вы к ним обращаетесь, то вкладывать Ваши аргументы в такую рамку, значит как будто нарочно закрывать всякий доступ к их уму и сердцу. Ведь это и произошло, да иначе и быть не могло. Некоторые Ваши аргументы так [пропуск в тексте] своей несправедливостью и произвольностью, что люди не стали дальше читать. Должен Вам сказать, что я слышал с их стороны о Вашей книге самые идиотские и несправедливые отзывы. Но виню за эти отзывы Вас.

И вот последнее заключение, с которым заранее прошу извинения. Знаете, что меня лично помимо всего более коробило. Это умышленно вульгарный тон Вашей книги, все эти умышленные словечки, которыми обыкновенно не говорят серьезные, особенно трагические вещи. А ведь Вы говорили о трагедии. То, что можно написать в дружеском письме, в веселой беседе, то не идет в летр дэ фер пар[39], когда извещают о смерти, или где выражают соболезнование о покойнике. А ведь книга почему-то написана этим языком, как будто Вы нарочно говорите об этом вопросе по выражению французов пар дессю лю жамб[40]. Но что меня только коробит, как погрешность литературного вкуса, столь на Вас непохожего, то других оскорбляет. И я опять Вас спрошу: если Вашей целью было разъяснение и примирение — то зачем Вы так поступали.

На этом я кончаю; повторяю, что я в общем сочувствую цели этой книги и многим ее положениям; многое, что Вы сказали мне самому не приходило в голову и с чем я могу согласиться. Но эта цель была исполнена плохо; все что было в Вашей книге ценного и нового все заслонилось этим старым

и вредным. И тут я Вам скажу: именно Вам нужно было писать ее иначе. Если бы выводом Вашей книги была шмаковщизна или дрюмонщизна[41], то я бы все понял, это было бы последовательно. Именно потому что Ваши выводы в общем для евреев благоприятны, приемлемы, во всяком случае могли бы быть тем, что называется базой для переговоров, то подход к этим выводам неудачен. Вот Вам мое искреннее мнение. Конечно я Вас ни в чем не убедил. Да конечно я и не мог бы высказать его печатно, ибо — я в этом не сомневаюсь — если бы мое теперешнее письмо стало достоянием гласности, то наши антисемиты нашли бы, что я куплен евреями, а евреи, что я ничем не отличаюсь от погромщиков. Ведь это сцилла и харибда еврейского вопроса и тот, кто хочет о нем говорить для дела, должен уметь проехать между двух крайностей или лучше тогда о нем вовсе не говорить. Я мог бы сказать еще очень многое, но полагаю, что этого совершенно достаточно, чтобы Вы от всей души меня обругали.

АГИ. Собр. В.А.Маклакова. 13-15.

№6

В.В.ШУЛЬГИН - В.А.МАКЛАКОВУ

15 января 1930 года

Булурис сюр Мер

Дорогой Василий Алексеевич.

Во-первых строках моего письма поздравляю Вас с Новым Годом Русским (с басурманским, кажись, уже поздравлял). По хитрости Вашей и увертливости так я из Вас и не выудил астрологического предсказания на 1930 год. Между тем есть очень удобная форма, которую именно к уже наступившему году применил некий ученый звездочет, настолько известный, что имя его я забыл, но проживающий у Вас там, в Париже, а значит Вы его должны знать. Он сказал: "Может быть звезды ошибаются. Но никогда они еще не предсказывали с такой определенностью некоторых событий, а именно великих потрясений в России в первые месяцы 1930 года. Звезды несомненно говорят. И если на этот раз они ошибутся, то это будет обозначать, что их предсказания вообще ничего не стоят". Так и Вы бы могли что-нибудь сказать с тем, чтобы если этого не про-

изошло, объяснить: "Я же Вам говорил, что и звезды могут ошибаться".

Но так как Вы этого не пожелали, то оставим святочные темы, гадальческие и перейдем к еврейскому вопросу.

Ваше письмо в высшей степени интересно. И не думайте, пожалуйста, что я настолько гиппопотам, что способен обидеться на Ваше суждение о моей книжке. Ваше мнение, что книга написана в несколько балаганном тоне, вполне обосновано. Я не могу сказать, чтобы я это сделал нарочно, что конечно еще хуже. Но зато теперь я могу, после Вашего указания, объяснить себе, почему так вышло.

Если хотите, балаган тут был, пожалуй, вполне натурален. Ибо он явился ответом на балаганное же выступление. Ну скажите, разве не балаган устраивать митинг по еврейскому вопросу при современных нам обстоятельствах? Вы отлично сами это почувствовали и на сей митинг не пошли, хотя он собственно, как оказывается нарочито для Вас и был устроен. Ваша историческая справка, как все это произошло, доставила мне несколько веселых минут. Так это значит — Вы, знаменитый честный антисемит, которого визировал и провоцировал Поляков-Литовцев. А я, как дурак, принял на свой счет не понимая, что до такой высокой чести, чтобы быть в еврейских глазах честным, мне еще далеко, как до рекордной высоты. И "обозвался казак на солодком меду". Впрочем Вы, как кацап, ничего не поймете в этой песенке, которая начинается так: "И шумыть, и гуде, дрибный дождык иде; а кто ж мене, молодую, тай да дому доведе?" Вот я, галантный Пацюк, и обозвался, чтобы довести прекрасную Эсфирь. Но оказывается невпопад. Однако Вы сами виноваты. Как Вам известно, в известных случаях, когда молчат те, кому должно говорить, камни вопиют. Я и разыграл роль камня. Что же Вы хотите от булыжника? Чтобы он Вам говорил фаянсовым языком?

Итак дело началось с митинга, т. е. с балагана. Затем последовало балаганное же письмо Полякова-Литовцева, которое и было непосредственно причиной моей книги. Правильно или неправильно, но огромное количество людей основывает свой антисемитизм в настоящее время на том, что в морях пролитой крови и во всех прочих ужасах виновны де иудеи. Правильно или неправильно, но в душах этих людей скорбь и ад. И вот один из подозреваемых в убийствах отца, брата, матери, детей выходит перед строем одетых в траур людей и спрашивает с развязным видом: "Скажите, пожалуйста, что

вам собственно говоря в нас не нравится?" Как можно ответить на такой вопрос. Надо признать в нем шута (а шутам, как известно многое прощается даже при высочайших дворах); но тогда и приходится разговаривать с ним, как с шутом. Или же признать его за серьезного человека. Но тогда пришлось бы начать с окрика: "Измени сначала maniere de parler[42], пойми сначала, что ты стоишь у раскрытых могил; тогда мы будем с тобой разговаривать".

Я избрал первое, признал Литовцева-Полякова местечковым Митрофанушкой, и в таком тоне с ним разговаривал. Это причина; хотя, быть может и недостаточная. Быть может, надо было пренебречь бесчувствием Литовцева-Полякова и, раз взявшись за еврейский вопрос, отвечать не Полякову, и не Литовцеву, а собирательному еврею и отвечать в стиле Исаи, Иезекеиля и прочих еврейских обличителей.

Вот это то, что касается тона книги. Вы правильно говорите, что, вероятно, многие евреи ее не дочитали. Но с другой стороны, примите во внимание altere pars[43]. Несомненно, что я писал для евреев. Но евреи от этой книжки отвернулись и мало того наложили на нее херим. Однако, природа не терпит пустоты. После того, как от нее отвернулись евреи, ее прочли русские. И до сих пор ее усиленно читают те, для кого она не предназначалась. И вот тут-то, если не вульгарный тон, то кое-что другое, что есть в этой книге и что так задевает евреев, пригодилось. Ведь русские тоже не дочитали бы этой книги, если бы они не почувствовали в авторе человека, который вместе с ними перестрадал вопрос. Может быть, этот человек, как начавший размышлять раньше некоторых других, прошел несколько дальше, а потому смотрит несколько мягче, но во всяком случае этим русским читателям ясно, что автор шел их путем; что ему знакомы их чувства и даже сокровенные извилины их мыслей и тысячу одно искушение этого пути. И почувствовавши это, этим русским читателям может быть было интересно узнать, до чего же этот близкий им человек в конце концов додумался. И даже далее того: быть может, эти "дочитавшие русские" отнеслись с некоторым доверием к заключительным мыслям автора, к той последней точке, до которой он дошел. Последняя же эта точка Вам совершенно ясна и как я вижу из всего Вашего письма, Вами разделяется. Она есть: посильное умягчение сердец.

Таким образом, помимо всякой ложной скромности, я вполне принимая Ваше суждение, что книга написана неудачно,

так как она писалась для евреев, нахожу, что она написана правильно, если признать, что ее читателями оказались русские. Ибо, как я уже говорил выше, русские ее дочитывают до конца. И если вообще слово человеческое имеет какую-либо силу, то они и мои последние заключительные мысли воспринимают и, может быть, чуть-чуть смягчаются.

Теперь, значит, долг за Вами. Исходя *приблизительно* из одинаковых мыслей и полагая, что эти мысли могли бы быть какой-то базой для каких-то переговоров, для какой-то "третьей" Гаагской конференции[44], Вы должны были бы теперь написать такую же книгу, но так, *чтобы ее прочли евреи*. Таким образом две тучи, столкновение которых сулит миру продолжительный период страшных потрясений, были бы тихонько и исподволь подталкиваемые друг к другу, с менее зверскими, несправедливыми и эгоистическими чувствами.

Ни один пророк не был понят своими современниками именно потому, что они все говорили на "пророчьем" языке, т. е. были страшно далеки от окружающей их стихии. Их понимали и оценивали через века, и в этом их непереходящее значение. Но те люди, которые оказывали влияние на свое же поколение, те, хотя иногда внушали окружающей стихии мысли ей несвойственные, но всегда говорили с ней ее языком. И вот, быть может, раз нам приходится с Вами быть по разные стороны барьера, именно и надо говорить разными языками (хотя и то же самое, по существу), в зависимости от того, к какой публике обращаешься.

Это вообще. В частности у меня есть некоторые вопросы, на которые при случае Вы, может быть, ответите. Вы пишете: "И то, что нужно воспринимать, как последствия, и заслуженные, Вы выставляете, как дьявольский план отмщения. В этом много несправедливости. А такая несправедливость при этих обобщениях может законно возмущать. Помню Плевако сказал в одной из своих речей: "На целую нацию клеветать — богохульство".

Если бы Плевако жил в наши времена, то, вероятно, он должен был бы разразиться страстной филиппикой по адресу тех французов, которые называли всех немцев "бошами". Он должен был бы самим искренним образом возмущаться клеветой на целую нацию немцев. Но бедный Плевако попал бы при сем в совершенно порочный круг. Ибо называют немцев бошами, т. е. клевещут на целую нацию, *все французы*. Таким образом, Плевако приписав всем французам способность клеве-

тать на целую нацию, сам принужден был бы оклеветать нацию французскую, т. е. совершить богохульство. В такое точно положение он попал бы в Германии, только пожалуй еще в более неразбавленном виде. И таким образом, блуждая в мире, он не выходил бы из припадков обличения, а вместе с тем самому себе противореча. Ибо поставленный перед лицом факта, что *целая нация совершает одно и то же плохое дело*, он должен был бы такое поведение нации *констатировать*. А это по его определению было бы клеветой и богохульством.

С моей же точки зрения, что клеветать на одного человека, что на целую нацию, приблизительно безразлично. Вообще не следует клеветать. Но если можно высказывать неблагоприятные суждения об одном человеке, то можно высказывать его и о множестве людей, т.е. о нации. В Вас, как и в Плевако, все-таки сказывается какая то демократическая подоплека. Короли по конституционной фикции признаются безответственными. Но каждый знает, что это есть только фикция, введенная для удобства. Относительно же его величества народа демократическая доктрина устанавливает непогрешимость вроде папской, т. е. *по существу*. Отдельные люди могут совершать преступления; но целый народ ничего дурного совершать не может.

Как Вам известно, есть совершенно противоположная доктрина, которая полагает, что опасности искушений существуют и для целого народа. И даже более того: целый народ очень часто преступнее отдельных его членов. И даже, собственно говоря, логически рассуждая, целый народ может иметь только некую среднюю мораль. Эта средняя мораль может быть выше поведения уголовных элементов, но ниже мировоззрения просто порядочных людей. Ибо порядочные люди именно потому и называются порядочными и выделяются из других, что их сравнительно немного. Вот эта средняя мораль народа и является мерилом его относительного достоинства. И потому могут быть народы лучше и хуже. Высказывать свое мнение, что этот народ хуже, а другой лучше, *хотя бы таковое мнение и было бы совершенно неверным*, не значит клеветать, если таковое мнение высказывается bona fide[45].

Теперь у меня к Вам вопрос: по какому поводу Вы вспомнили Плевакинскую формулу? В чем Вы усматриваете мою клевету на еврейский народ, приравнимую к богохульству? (В скобках должен сказать, что в пылу ораторского красноречия сам Плевако *несомненно совершил богохульство*, когда он хулу на народ,

каков бы сей народ ни был, приравнял к хуле на Бога. Это хороший пример того, как опасно перегибать палку). По-видимому, моя клевета — в том, что я выставляю "как дьявольский план отмщения заслуженные последствия".

Тут у нас будет размолвка на тему: каковы были эти последствия и в какой мере они были заслуженные. Если в мере "око за око", то я все же остаюсь при том мнении, что за каждый еврейский зуб нам повыбивали "все тридцать два", как говорил Стахович про Плевицкую[46], в некотором роде представляя ее своим друзьям. Таким образом боюсь, что при оценке того зла, которое причинила Россия евреям и, наоборот, евреи — России, пришлось бы очень долго и упорно торговаться с цифрами и всякими иными прочими доказательствами и оказательствами в руках.

Что же касается «дьявольского плана отмщения», то, насколько мне помнится, я избежал этой гипотезы "как таковой" (по бессмертному словоупотреблению Бадьяна[47]). Наоборот, на великом количестве страниц я беспомощно вопрошал и себя самого, и всех, кому не лень было меня читать, есть ли тайное еврейское правительство, как утверждают масонообличители, или же евреи действуют солидарно только потому, что они характеризуются песенкой: "Мы все брат на брат похожи, как две туфли с одной кожи..." Не получив ответа ни от кого, я так беспомощно и замолк. Не ответив же на этот вопрос, я естественно не мог говорить о дьявольском плане отмщения, ибо, для того чтобы говорить о нем, надо чтобы был бы кто-нибудь, кому можно его, т. е. план приписать. Приписать же дьявольский план отмщения *целой нации*, вот это было бы если бы не клевета, то во всяком случае нелепость. Ибо никакого плана, конечно, нация, "как таковая", составить не может.

А совсем другое дело, что *целая нация горела чувствами мщения* и что эти чувства вылились в целом ряде мстительных действий. Но эти действия (пока не будет доказано противного) предпринимались или отдельными евреями, или группами евреев, а не целой нацией. Целая нация только бешено злилась и готова была зубами терзать своих врагов. Вот это так. *И на этом я стою.* Евреи злились на русских точно так же, как французы на бошей, а боши на французов. Утверждение это мое может быть верно или неверно, но согласитесь, что ничего клеветнического в нем нет.

Но я иду дальше. Я утверждаю, что на этих мстительных чувствах воспитывали еврейскую массу евреи политики. Вот

почему я на них возлагаю главную ответственность. Ведомые иначе, все эти местечковые евреи, к которым мое сердце лежит, вероятно, больше, чем Ваше, чувствовали и действовали бы совершенно иначе.

Вот Вам свежее доказательство. В город Ригу за последнее время несколько раз приезжали казацкие хоры. Еврейская масса с восторгом ходила на эти концерты, слушала казаков и платила деньги за билеты. Тут было много естественного и *благостного* забвения с обеих сторон. Но этого не стерпели еврейские политики. Не угодно ли Вам прочесть следующую выдержку, которая мне прислана неизвестным мне лицом, указывающим однако, что он с интересом прочел мою книгу и что мне вероятно надлежит знать о нижеследующей статье.

В местной газете "Фриморген" "известный журналист" М.Герц пишет: "Казаки опять в Риге. Слишком частые гости они у нас. Вчера с Дона, сегодня с Кубани. Раньше, когда казаки появлялись в нашем городе, у населения застывала кровь в жилах. Сегодня бегут смотреть на них, как на "чудо". Латвийская пресса подняла свой голос против этих "героев". Кто бы раньше мог вообразить, что тех, которые так "геройски отстаивали" Ригу против всех "врагов" Царя батюшки и Неделимой великой России, будут здесь встречать с таким "восхищением". Раньше, когда появлялись казаки, всюду закрывали окна, запирали болтами двери, дети прятались и в страхе жались к матерям. А сегодня, кажется, все это вдруг забыто. Сегодня этот самый казак сменил свою "нагайку" на ноты, и еврейская публика идет и платит дорого за билеты, чтобы взглянуть на кроваво-красные лампасы на их шароварах. Не было бы ли необходимо над всем этим еврейской публике задуматься?"

Я лично думаю, что если бы еврейская публика, не "задумываясь" устроила бы хорошенький погром своим Герцам и прочим набитым дуракам, которые пишут в еврейских и нееврейских газетах, то это сильно уменьшило бы опасность еврейских погромов со стороны "кроваво-красных лампасов" и прочих безлампасных штанов d'origine russe[48].

Кончаю, потому что нет никакой возможности говорить об этом вопрос в одном письме и даже вообще в письмах. Поневоле приходится писать книги. И только напоминаю Вам еще раз, что как-то к этому вопросу подходить надо. Ибо бессловесное его обсуждение (безгласная злоба в тайниках душ человеческих) безусловно опаснее всяческих высказанных громко мыслей.

Ибо публично высказанная мысль всегда будет мягче и гуманнее смягчаемая чувством стыда за свою "звериность", которое чувство есть мощная сдерживающая сила жизни общественной.

Ваш В.В.

АГИ. Собр. В.А.Маклакова. 13-16.

№7

В.А.МАКЛАКОВ - В.В.ШУЛЬГИНУ

Париж, 25-го января 1930 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Ваше письмо давно требовало ответа; но как это всегда бывает, я не отвечал потому что хотел ответить обстоятельней; а тут было много разных дел. Если Вы читаете русские газеты, то может быть до Вашего сведения дошло, что в жизни беженцев совершился некоторый переворот, значение которого конечно преувеличивают. Но этот переворот был все-таки достигнут нами, в том числе и мной; его осуществление требует еще много дополнительной работы, на которую уходит и время и внимание. Достаточно Вам сказать, что диктую Вам письмо утром, днем имею заседание Эмигрантского Комитета[49], а вечером в зале Гаво должен буду представлять русскую эмиграцию и говорить торжественную речь по французскому адресу. Из всего этого может найти не только смягчающие вину обстоятельства, что я Вам долго не отвечал, но и тому что письмо будет недостаточно обстоятельным.

Меня с самого начала в Вашем письме задела не в дурном смысле одна Ваша фраза, которая и будет центром письма, но раньше все-таки же хочу сказать и о другом.

Вы с большой ловкостью почти адвокатски вывернулись из неприятного положения, т. е. дали ему очень благовидное оправдание; Вы говорите, "я балаганил поневоле, чтобы не разозлиться"; ибо не могу же я серьезно допустить, чтобы (цитирую Вас дословно) один из [подозреваемых в] убийствах отца, брата, матери, жены и детей выходит перед [строем] одетых в траур людей и спрашивает с развязным видом: скажите, пожалуйста, что Вам собственно говоря в нас не нравится". Это картинное изображение должно было объяснить, почему Вы

не могли говорить серьезно, а стали балаганить. Но посмотрите на вопрос несколько объективней. Почему Вы в чем-то подозреваете Полякова; за ним лично Вы никакой вины не признаете; если бы Вы подозревали его самого в убийстве жены, детей и т.п., то Вы не только не стали бы с ним балаганить, но вероятно не стали бы с ним разговаривать. Подозрение легло на него только в силу солидарной национальной ответственности; некоторые евреи убивали мою жену и детей, а следовательно и Вы в этом обвиняетесь. Вот Ваше рассуждение; не проводите эту мысль до конца; ведь некоторые люди не только во время погромов убивали и насиловали евреев, обвиняли их в ритуальных убийствах, но и завели такие правила, в государстве, которых Вы сами не можете не считать гнусными, и однако Вы бы возмутились, если бы во всех таких преступлениях обвиняли всякого русского. И вот тут и сказывается недостаток объективности; солидарность так солидарность, обобщение так обобщение. И если Вы понимаете, что мы можем возмущаться, когда нас называют погромщиками, то мы и не имеем права подозревать в убийстве наших всякого еврея. Все это я привожу только как образчик некоторой непоследовательности, которая все-таки многое объясняет.

Теперь второе предварительное замечание. Вы не без остроумия хотите возложить на меня обязанность, которую сами не исполнили, написать книгу для евреев. Вашу книгу, говорите Вы, прочтут русские, а не евреи. Но в результате Вы этим русским привьете некоторые здравые мысли, изложенные в конце книги, а потому Вы предлагаете мне написать книгу для евреев и чтобы она не была аналогична Вашей, я вначале должен был бы засвидетельствовать свое юдофильство, а в конце концов приподнести им спасительное нравоучение, объяснение, что мне в них не нравится. Я уже объяснял Вам почему я писание книги на эти темы не считаю полезным; и во всяком случае я такими проектами не увлекаюсь. Но в одном с Вами согласен, на евреев только такая книга и могла подействовать, и для того кто ставил бы своей задачей вызвать в евреях доброе чувство, а может быть и сознание вины, для этого нужно было идти именно этим путем. Но ведь, милый мой огурчик, Вы то сами, когда писали книгу, именно так и поставили свою задачу, ведь Вы-то писали ее для евреев в виде обращения к ним, почему же поставив задачу так, Вы исполнили ее таким образом,

что евреи не стали читать, как Вы и сами это признаете. Я вправе Вам тогда заметить, что поставленной цели Вы не достигли и что в этом Вы сами виноваты. Это ведь только и требовалось доказать моей критикой и Ваше предложение написать другую книгу только для меня есть признание, что Вы написали не то, что хотели, а это как говорят в учебниках схоластики [пропуск в тексте]. Но разрешите мне не покидать Вас на полдороги; я не согласен и с тем, чтобы Ваша книга была полезна для русских, ибо в первой половине книги, которая как раз достигала юдофобского сердца. Вы так польстили этому настроению и их оправдываете, что когда русские доходят до конца Вашей книги, то она на них никакого впечатления не производит. Ведь люди рассуждают упрощенно. Когда в былое время я в Думе, желая в чем-либо поколебать правые партии, начинал с нескольких комплиментов им, чтобы расположить в свою сторону (пользуюсь Вашей характеристикой моих выступлений), потом повести их за собой, то я должен был эту предварительную подготовку сделать в тех тесных пределах, которые нужны для того, чтобы найти общий язык. Иначе никто за Вами не пойдет, да и Вы сами с задачей не справитесь. Представьте себя, что кто-либо перед толпой полной погромного настроения выступил бы с речью, где перечислил все еврейские грехи и преступления до ритуальных убийств включительно, а затем бы прибавил, что несмотря на все это погром явление нежелательное; мог ли бы он рассчитывать этим приемом достигнуть желательных результатов. Вот почему и получилось в конце концов: евреи Вашей книги не прочитали, а русские сделали из нее совсем не те выводы, которые Вы бы хотели.

Но все это были предварительные замечания, которые предлагаю Вашему беспристрастному вниманию; задели же Вы меня совсем не тем, а своим рассуждением о фразе Плевако "на целую нацию клеветать богохульство".

И вот тут я должен представить Вам объяснение. И мое первое объяснение заключается в том, что острота Вашего зрения здесь Вас не покинула. Когда я диктовал эту фразу я очень хорошо понимал, что это фраза и неудачная, но я не мог ее изменить просто из добросовестности, она была сказана именно так: я помню то дело, в котором Плевако ее произнес. Это было убийство помещиком ростовщика еврея, по фамилии кажется Энгели. Плевако, говоря эту фразу, как будто снимал с себя подозрение, что он будет обвинять все еврейство, но тут же немедленно за этой фразой стал отмечать некоторые еврей-

ские черты, которые могли объяснить почему помещик разоренный евреем заимодавцем в конце концов не стерпел и его убил. И вот Плевако одобряя некоторые специальные еврейские черты, сами по себе неотрицательные, их любовь к деньгам, их жадность, их умение скапливать деньги, в то время как наши помещики их умеют только прокучивать, отмечая все эти черточки в общем неотрицательные, сам по себе Плевако хотел все-таки отмежеваться от слишком последовательных, беспощадных и прямолинейных юдофобов, которые видят в евреях соединение всех грехов и пороков. Когда Плевако говорил эту фразу, то в контексте его смысл — резон д'этр — был совершенно понятен. Но, если взять ее одну, то конечно выходит бессмыслица. И прежде всего самое слово: "клеветать", вопрос решает, как Вы правильно говорите: клеветать нельзя ни на целую нацию, ни на одного человека и может быть было бы точнее говорить не слово "клеветать", а слово обвинять, т.е. восстать против допущения, что целая нация может быть в чем-либо виновата. Пусть в Содоме и Гоморе не нашлось четырех праведников, но ведь даже мстительный Егова не только соглашался пощадить Гомору, если найдется там четыре праведника, но ведь вывел из нее Ноя. И Плевако мог бы сказать и мог бы развить мысль, что обвинение целой нации, как таковой, допускается только в те моменты отчаяния, когда, как Вы правильно говорите, поголовно подозревали и ругали всех бошей. Все Ваши рассуждения на эту тему совершенно справедливы и я Вам могу только повторить свое оправдание, что у меня даже было инстинктивно побуждение переиначить фразу Плевако и сказать ее: "целую нацию обвинять — богохульство". А богохульство это потому, что если верить в Бога, то нельзя допускать безразборчивой и солидарной ответственности одного за всех. Все это условности, которые мы больно чувствовали во время войны по отношению к немцам; и ведь мы же, и Вы в том числе, превосходно знаете, что среди евреев есть люди совершенно святые, стоящие вне какого бы то ни было упрека и которых с вашей стороны грешно забывать, когда мы говорим об еврействе вообще. Но тут уже я возвращаюсь к тому самому возражению, которое проводил когда говорил о Полякове.

И последнее слово, не потому чтобы я считал вопрос исчерпанным, а потому что нужно когда-нибудь кончать. В моей памяти осталось как я был в Ясной Поляне и туда приехали в день рождения Толстого А.А.Столыпин и Э.Ухтомский[50] и привезли с собой как новинку статью Бориса Чичерина по польско-еврейскому вопросу, которая должна была быть напе-

чатана в Петербургских Ведомостях. Эти статьи там читались, обе они были письмом ректору Киевского университета Ренненкампфу[51]. И статья Чичерина об евреях начиналась так: "Вы находите, писал Чичерин, что еврейский вопрос труднее Польского, я же думаю, как раз наоборот; в вопросе польском есть трудно разрешимая сторона, об уничтоженном когда-то Россией польском государстве, но вернуть Польше государство, разрешить этого вопроса нельзя, а какой же есть вопрос еврейский; я никакого вопроса не вижу; евреи не претендуют иметь особого государства в России и наоборот того тяготятся, что искусственными мерами создана какая-то иудея в Северо-Западном Крае. И что они собственными своими свойствами, трудолюбием и настойчивостью, самодеятельностью и солидарностью иногда побивают русские элементы и возбуждают их зависть, то с каких же пор государство может карать ту удачу, которая является в результате способности и труда. Никакого еврейского вопроса не существует, писал Чичерин, ибо он существует только в тех нелепых попытках государства, которыми оно хочет бороться естественным ходом жизни". Помните ли Вы, что и Катков[52] в свое время был против каких бы то ни было ограничительных мер против евреев. Мы знаем к несчастью, что не только у нашего государства, но и у нашего народа была та примитивная психология, по которой выдающиеся возбуждали досаду и нам хотелось всех поравнять; из этой психологии выросла и наша анти-Финляндская политика и наша кадетская аграрная программа[53]. Ею, конечно, не исчерпывается все отношение к евреям, но доля в этом отношении принадлежит и этой психологии, а поскольку эта доля есть, эта психология настолько уродлива, что делать ей какие бы то ни было уступки не только нежелательно, но и опасно.

АГИ. Собр. В.А.Маклакова. 13-16.

№8

В.В.ШУЛЬГИН - В.А.МАКЛАКОВУ

3 февраля 1930 года. *Булурис сюр Мер*

Дорогой Василий Алексеевич.

Ваше письмо от 25 января получил. Давайте условимся раз навсегда. Когда я Вам пишу пространное письмо по таким долгодействующим вопросам, как еврейский и тому подобные,

то я отнюдь не претендую на немедленный ответ. Нет ничего несноснее переписки, ставшей в тягость. Поэтому я от сего дня выдаю Вам индульгенцию на всевозможнейшие опоздания, вызываемые ходом дел, а не злокозненностью. И о таковом же отпущении грехов прошу и для себя, ибо, хотя это может показаться Вам странным, но и я, сидя в своей глуши, все же иногда становлюсь в тупик перед невозможностью сделать все то, что надо бы сделать, - я говорю в смысле чистописания.

Итак, чтобы сразу же создать прецедент, без которого Вы, парламентарии, не можете ступить ни шагу, я посылаю Вам при сем статью о Московском Университете, на которую не требуется с Вашей стороны никакого ответа, кроме одного: после прочтения или непрочтения вернуть ее мне. Я увидел Вашу речь в "Возрождении"[54] и решил поделиться с Вами злобными мыслями относительно Вашей Alma Mater.

Пожалуйста, не отвечайте мне в спешном порядке и на дальнейшее. Я намерен продолжать дискуссию по еврейскому вопросу, потому что спорить с Вами весьма приятное удовольствие, тем более когда представляется случай как-нибудь поддеть обычно неуязвимую аргументацию Вашу.

Вы находите неправильным, что я, так сказать, применил к Полякову вины, в которых во всяком случае он лично не виноват. Но здесь, мне кажется, Вы делаете некоторое логическое упущение. Разве Поляков спрашивал, что *в нем лично* "нам" не нравится? Вы, конечно, помните, что он говорил о евреях вообще. А раз он говорил от лица вообще евреев, то я и ощутил: все то, что сделано евреями за истекшие годы, как будто их совершенно не касается. И не один Поляков, а все они устами Полякова спрашивают с младенческим видом: "Ну что же в нас плохого?" Если бы это была с их стороны действительно младенческая наивность, то, пожалуй, можно было бы отнестись к ним, как к малым сим. Но так как они *не могут не знать всего*, что наделали, то такой вопрос, или вернее сказать в такой форме вопрос, я и ощутил, как наглость. Вот почему и вышел *такой* тон.

То есть я думаю, что это так. Это мое предположение. А если не так, то почему? Какая причина? Я не могу сказать, чтобы у меня была *вообще* потребность разговаривать с людьми таким тоном. Но должен сказать, что у меня всегда было непреодолимое желание разговаривать самым презрительным тоном с наглецами. И это потому, что это единственный отпор, который они понимают. Это, впрочем, касается не только одних

евреев. Вы, может быть, припомните, что во второй, да и в третьей, Государственной Думе я имел несчастную особенность доводить своих политических противников до неописуемой ярости именно этим свойством. И если хотите, это прием правильный. Довести противника до бешенства, сохранив самому хладнокровие, есть один из методов борьбы. Вот откуда я думаю и происходит эта манера *по существу*.

Как Вы знаете, у евреев и у тех, кто вполне их тактику перенял, то есть у наших революционеров, один из основных способов достижения своей цели, есть *психическое запугивание*. Они набрасываются всей массой, все разом, и так оглушительно твердят что-нибудь одно "в ударном порядке", что действительно стены рушатся, как еще было при Иисусе Навине. В наше время это происходило таким образом, что люди без борьбы, просто оглушенные, потерявшиеся, сдают самые основные позиции. Сдав их, они затем беспомощно защищают какие-то мелочи. Когда человек находится в этом самуме и желает ему противостоять, то первое правило есть: тем, кто желает действовать психическим насилием, отвечать отпором на каждое утверждение, только потому, что оно от насильников исходит. Раз вы насильники, то ваше слово для нас не существует. Научитесь убеждать, потеряв надежду покорить нас гвалтом, тогда мы можем вас уважать. *Но не раньше.* Вот насколько я понимаю самые глубинные истоки моего действительно глубокого презрения ко всякой еврейской аргументации. Ибо они аргументируют только для виду. На самом деле их единственный аргумент это угрозы. На угрозу, как известно, есть только два ответа: 1) презрение; 2) предупредительный удар.

Но я забрался так глубоко, как собственно говоря не вынуждается вопросом. Мое поведение объяснимо и я уже его объяснял, оставаясь и в верхних слоях бурного моря. Итак, я отвечал Полякову, который меня спросил обо всех евреях. А ежели бы он меня спросил относительно самого себя, в чем я его считаю виновным, то я бы ему ответил. Я Вас считаю виновным, г.Поляков, в пособничестве и подстрекательстве. Ибо, разумеется, Поляков лично никого не убивал, но атмосферу свирепой ненависти к русской власти (а русская власть была не менее русским созданием, чем еврейские кагалы или, как они в старину назывались, синедрионами, еврейскими судилищами) создавал не хуже других. В этом смысле он разделяет в известной мере ответственность с остальными евреями.

Вы скажете, что делали это не только евреи, но и другие национальности, в том числе и русские. Но ведь Поляков спрашивал, что нам в евреях не нравится. Если хотите, нам в евреях не нравится совершенно то же, что не нравится в русских революционерах. Если хотите, я скажу больше: мне русские революционеры *больше не нравятся,* чем еврейские. Их поведение я нахожу менее извинительным и кажется никогда этого не скрывал. Разница между евреями и русскими революционерами только та, что р[усские] р[еволюционеры] без евр[еев]-р[еволюционеров] были слабы. Они могли убить Александра II, но российской державы им перевернуть не удалось бы. В последнюю же эпоху, по крайней мере в наших краях, евреи так густо окрасили чека и прочие другие учреждения большевистские, что русская роль потускнела. Кроме того, при всей русской никчемности, на одного русского революционера приходилось все-таки большое количество русских, которые выполняли свой долг перед государством. И в неудачную Манчжурскую кампанию они десятками тысяч устилали Дальний Восток, и в мировую войну без счета отдавали свои жизни и принесли России кой-какие и славные страницы. Точно так же, когда разразилась революция, все-таки русские составили и ядро и массу белого движения, в том числе казачество, которое было его основой в смысле численности. Следовательно, совершенно уравнивая еврейских революционеров и русских и даже считая последних хуже первых, мы можем русским революционерам противопоставить русских не революционеров. Что же касается евреев, то, конечно, не все бросали бомбы и не все убивали. Но ненавидели нас (я говорю нас, потому что каждый, кто старался отстоять Россию, назывался ими погромщиком и подвергался свирепой травле) почти все.

Эту мысль я и старался провести в своей книге. И я думаю и по сю пору, что пока евреи не признают своей вины, подстрекательства и пособничества *в полном объеме*, до той поры трудно до чего-нибудь договориться. Потому что это правда. И запирательство в этой правде ужасно раздражает, как всякое отрицание истины.

Когда я говорю о еврействе, я, быть может, делаю большую ошибку, что каждый раз не прибавляю "политическое еврейство". Все эти местечковые жидочки, они только частично были захвачены и отравлены свирепой ненавистью. Они, конечно,

страдали от черты оседлости, от стеснений, от того, что полиции приходилось давать взятки и всего прочего, но так как это были люди практической жизни, то они отлично при всем том понимали, что все ж таки они при всех стеснениях "хлеб кушают". И так как они вместе с тем, как люди коммерческие, имели некоторые связи с заграницей, то они знали, что и без равноправия многим евреям жилось в России весьма недурно, не хуже, чем в других странах, равноправных. Эта толща еврейская, с нею кое-как можно было иметь дело. Постепенно, разумно можно было бы вводить их в общегражданскую жизнь. Когда я говорю об известной *вине всего еврейства*, то я говорю о политическом еврействе. И конечно в этом смысле всякие евреи типа Винавера, Гессена[55] и других несут на себе очень серьезный груз ответственности. *Им, несомненно, было бы выгодно это признать.* По-моему, даже неизмеримо выгодно. Я думаю, что, запираясь, они поступают так же глупо, как Милюков, который твердит явный вздор, не признавая никаких вин за кадетской партией только потому, что он ею когда-то руководил. *Вы избрали в этом отношении благую участь.* Вы имели смелость сказать и признать, что все мы люди, все мы человеки, Единый Бог - без греха. И вот почему я считаю, что Ваша позиция была бы сильна, если бы Вы пожелали обратиться со словом увещания к нераскаянному жидовству. Они не могли бы бросить Вам упрек: "обличитель, прежде покайся сам". *Вы уже покаялись*[56].

Уверяю Вас, что в покаянии гвоздь вопроса, как он стал сейчас.

Кончаю это письмо (и так уже слишком длинное) следующим предложением, на которое, конечно, тоже не жду немедленного ответа.

Вы упомянули о переписке Чичерина и Ренненкампфа. Я не помню, печатались ли письма Чичерина в "Киевлянине". Но отвечал ему Ренненкампф именно на страницах этой газеты. Во всяком случае я видел у нас в Киеве, в книжном шкафу, переплетенную брошюрку, в которой были напечатаны письма обоих профессоров[57]. Другими словами, "переписка", если не друзей, то политических противников, которые могли обменяться друг с другом по еврейскому вопросу членораздельной речью вместо звериного воя, в сих случаях обычно употребляемого.

В то время эта переписка не произвела большого впечатления, главным образом потому, что все были заранее согласны

с Чичериным, так как либерализм был в большом ходу. Теперь положение обратное: я думаю, что в России все были бы согласны с Ренненкампфом и даже далеко превзошли бы его в анти-чичеринских суждениях. Но здесь в эмиграции обе стороны были бы, пожалуй, выслушаны с одинаковым вниманием - по принадлежности. Теперь, прежде чем приступить к конкретному предложению, которое Вы может быть угадываете, позвольте Вас уличить в одной маленькой непоследовательности.

Вы мне пишете: может быть, русские и прочтут вас до конца, но они воспримут только первую часть книги, так сказать, поджигательную и останутся глухи ко второй части, успокоительной. Но затем Вы признаете, что если бы писать книгу вразумительную для евреев, то все же надо было бы придерживаться именно этого рецепта. Вызвать сначала в евреях доброе чувство, заговорив с ними на понятном для них языке, и тогда вторая часть книги могла бы на них подействовать и привести их к сознанию известной вины. Но, рассуждая вполне по Вашему, я мог бы возразить Вам, что евреи, прочтя первую часть, утвердились бы в уверенности, что они такие хорошие, и остались бы совершенно глухи к призывам второй части книги: "покайтесь, о грешники". Посему либо и моя проповедь подействует на кого-то из русских, и тогда аналогичная проповедь, допустим - Ваша, подействует на евреев; либо ни того, ни другого.

Итак, в виде вывода из всего вышеизложенного, не думаете ли Вы, что пожалуй было бы во благовремении возобновить дуэль "Чичерин-Ренненкампф" в подновленном виде "Маклаков - Шульгин"? Конечно, для сей цели совершенно не годятся те письма, которыми мы до сих пор обменивались, но если бы принципиально это было решено, то форму мы бы нашли. Разумеется, материал так велик, что из этого вышла бы книга. Но тем лучше. Мы бы ее издали, и надо думать, *на этот раз*, ее прочли бы обе стороны. Такой диспут, полагаю, был бы во много раз интереснее, а главное полезнее, того митинга, на который Вас звали.

Вуала. Разумеется я не жду на сие письмо скорого ответа.

Ваш [подпись]
P.S. Кутепов, Кутепов...[58]

АГИ. Собр. В.А.Маклакова. 13-16.

№9

В.А.МАКЛАКОВ - В.В.ШУЛЬГИНУ

Париж, 12-го февраля 1930 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Во-первых, возвращаю Вам Вашу рукопись, содержание коей не одобряю[59]; скажу Вам то же, что и по еврейскому вопросу; крупица правды, которая в этой рукописи есть, вся утонула в преувеличениях, балаганстве, а крупица правды, конечно, есть и хотя бы по случаю юбилея едва ли своевременно выволакивать ее на свет, однако так как всякая правда интересна, а та, которая идет против общественного мнения, вдвое, то статья могла бы быть при других условиях и при другом исполнении очень любопытна [...]

Что же касается Вашего гнусного предложения о напечатаньи нашей корреспонденции, то от него мне уклониться очень легко; Вы впрочем и сами согласия не ждете. Поскольку я всегда рад обмениваться откровенными письмами со своими друзьями, особенно, если они люди умные, а главное честные, постольку же публичные выступления, которые читает вся публика, в том числе та, для которой переписка не предназначается, никогда меня не соблазняли; в данном же вопросе, как я Вам писал, я как раз Вам и указывал на то, что об еврейском вопросе можно говорить только в очень интимной и дружеской компании; Вы же предлагаете мне все это напечатать. Тогда будем говорить правду; если это печатается, то это не переписка, а это просто публицистика, в форме переписки; форма совершенно неважна, ведь и романы пишут в виде дневников и даже чужих писем; Вы просто меня стараетесь соблазнить идти по Вашей дорожке и написать свою книжку об еврейском вопросе; слуга копырнейший, как говорил Пушкин; если бы я жил в Булюрисе, не видел бы людей, не имел бы занятий, имел бы 24 часа в сутки и не знал бы на что их девать, я бы тогда может быть с горя или запил или написал книжку на еврейскую тему. Здесь же я могу найти занятия более подходящие к моим вкусам, я сказал бы также к моему возрасту, если бы в этом пункте не было как раз наоборот [...]

АГИ. Собр. В.А.Маклакова. 13-16.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Название журнала пропущено в тексте. Очевидно, речь идет о статье Маклакова «Vers La Revolution / La Russie de 1900 A 1917», опубликованной в сентябре 1924 г. в журнале "La Revue de Paris".

[2] Маклаков начинал свою адвокатскую карьеру в качестве помощника прославленного судебного оратора Федора Никифоровича Плевако (1843—1908).

[3] Пропуск в тексте. Вероятно, следует читать "только что оставивший свой пост". Маклаков был вынужден покинуть посольский особняк на улице Гренелль после признания СССР Францией в 1924 г.

[4] Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905) — генерал, военный теоретик.

[5] Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — рус. писатель и философ; посвятил ряд работ проблемам семьи, в том числе проблеме развода, весьма актуальной для него лично; его первая жена не давала Розанову развода, со второй он был обвенчан тайно; таким образом, пятеро его детей от второго брака формально являлись незаконнорожденными.

[6] Багдадская железная дорога, соединяющая Босфор с Персидским заливом; в конце XIX — начале XX в. концессия на строительство этой стратегически важной дороги, которая должна была проходить по территории Османской империи, стала объектом острой борьбы между великими державами.

[7] Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — военный министр в 1909— 1915 гг.; был смещен со своего поста, арестован и в 1917 г. приговорен к пожизненному заключению.

[8] Суворин Алексей Алексеевич — журналист, был длительное время фактическим руководителем петербургской газеты "Новое время", наиболее популярного консервативного органа в России; похоже, однако, что Шульгин ошибся в отчестве и пишет на самом деле об отце А. А. Суворина — Алексее Сергеевиче Суворине (1834—1912) — издателе "Нового времени" с 1876 г., известном консервативном публицисте. В более поздних воспоминаниях о событиях 1917-1919 гг., Шульгин упомянул также о визите к «старику Суворину» нескольких членов Государственной Думы правой ориентации. Их интересовало, почему в отчетах «Нового времени» о заседаниях Государственной Думы «на первый план выпячиваются левые и левоватые ораторы». «Суворин ответил: — Я держу в Государственной Думе трех корреспондентов: профессора Пиленко, Ксюнина и Суходрева. Что же они там делают? Мы объяснили: — Пиленко пишет не отчеты о заседаниях, а интересные статьи по поводу заседаний. Ксюнин обычно приходит к концу заседаний, поэтому он спрашивает у «черты оседлости», что они написали, и оттуда что-то выкраивает для «Нового

времени». Суходрев занимается исключительно интервью. Чтобы он не перепутал, мы сами пишем эти интервью. Вы их печатаете в «Новом времени», а Суходрев получает гонорар. Старик Суворин рассердился и стал браниться. — Что я поделаю. Вот они наши русские, — заключил он». «Евреи овладели печатью не благодаря своим порокам, а благодаря своим добродетелям, — говорил много лет спустя Шульгин. — Как работники пера они были неутомимы и добросовестны... русские журналисты, не лишенные даровитости, были лишены моральных качеств. А евреи, очень неприятные в некоторых отношениях, в делах были людьми дельными». (Лица: Биографический альманах. М; СПб., 1994. Вып.5. С.131, 130,133).

[9] Финляндия входила в состав Российской империи на правах автономии; финляндские "вольности" служили объектом постоянных посягательств со стороны правительства и, в еще большей степени, со стороны правых в Государственной Думе.

[10] Здесь — кредит, даваемый с целью улучшения качества земель; Крестьянский банк выдавал по положению ссуды только православным.

[11] Сестра Маклакова, Мария Алексеевна, жила вместе с братом и выполняла при нем функции секретаря.

[12] Кривошеин Александр Васильевич (1857—1921) — статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного Совета. В 1908—1915 — главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из ближайших сотрудников П.А.Столыпина.

[13] Рассчитывая на консерватизм крестьянства, законом от 11 декабря 1905 г. правительство создало такую избирательную систему, при которой депутаты от крестьян получали решающую роль в Думе. Крестьяне же в основном отдали свои голоса кадетам и партиям левее их. 3 июня 1907 г. избирательный закон был изменен без одобрения этого Государственной Думой, т.е. фактически произошел государственный переворот.

[14] Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, историк, философ и публицист. Маклаков имеет в виду его статьи "Польский и еврейский вопросы: Ответ на открытые письма Н.К.Ренненкампфа" (Берлин, 1899).

[15] Фридман Нафталь Маркович (1863 — 1921) и Нисселович Лазарь Нисселевич (1858—1914) — кадеты, депутаты 3-й Государственной Думы.

[16] Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, первый глава Временного правительства, которого в июле 1917 г. сменил А.Ф.Керенский.

[17] Коверда Борис — русский эмигрант, застрелил в Варшаве 7 июня 1927 г. полпреда СССР П. Л. Войкова.

[18] Беседовский Григорий З. — сотрудник советского полпредства в Париже, "невозвращенец". Выступил в эмигрантской печати с рядом разоблачительных статей; издавал недолгое время собственный журнал "Борьба".

[19] Так в тексте; вероятно, речь идет о наиболее популярной эмигрантской газете «Последние новости».

[20] Под таким названием печатались в парижских "Современных записках" с 1929 по 1936 год воспоминания В. А.Маклакова. Впоследствии они вышли в дополненном виде отдельным изданием под названием "Власть и общественность на закате старой России" (Париж, 1936. Т. 1-3).

[21] Имеется в виду книга "Что нам в них не нравится".

[22] Ils veulent etre libres et ne janent ras etre justes - они хотят быть свободными, но не научились быть справедливыми (франц.); Сиейес Эммануэль Жозеф (1748—1836) — аббат, деятель Великой французской революции. Один из основателей Якобинского клуба. Участвовал в выработке Декларации прав человека и гражданина.

[23] ...что умеете быть *справедливым* и более того, что *истина* есть настоящая Ваша любовь (лат.: Juste — справедливость; Veritas — истина).

[24] Вероятно, Шульгин имеет в виду статьи Достоевского из "Дневника писателя" за 1877 год "Еврейский вопрос", "Pro и contra", "Status in statu. Сорок веков бытия", "Но да здравствует братство!"

[25] Лат.: соглашается с очевидным.

[26] Черчилль Уинстон (1874—1965) — британский политический деятель, ко времени, которому относится переписка, около 20 лет (1908—1929, с перерывами) занимал различные посты в правительстве Великобритании

[27] То есть вошедшей в поговорку (лат.: proverbium - поговорка).

[28] Лат.: граду и миру, в значении "всем и каждому".

[29] Гукасов Абрам Осипович (1872—1969) — нефтепромышленник и политический деятель. В эмиграции финансировал издание газеты (впоследствии журнал) правого направления "Возрождение". Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — публицист, философ, экономист; в 1920 г. министр иностранных дел врангелевского правительства. В 1925—1927 гг. редактировал "Возрождение" и был вынужден оставить этот пост вследствие конфликта с Гукасовым.

[30] Газета либерально-консервативного направления, издавалась в Париже в 1928-1934 гг. «при ближайшем участии» П.Б.Струве.

[31] Франц.: пренебрежимо малая величина (математический термин).

[32] Маклаков намекает на заседание масонской ложи; личность докладчика установить затруднительно, однако он с высокой степенью вероятности присутствует среди евреев-членов эмигрантских лож. См.: Серков А.И. История русского масонства, 1845-1945. СПб., 1997. С.410-411.

[33] Поляков-Литовцев Соломон Львович (1875—1945) — журналист, в России — сотрудник "Речи" и "Русского слова", в эмиграции — "Последних новостей", "Еврейской трибуны" и др. изданий. Масон с 1925 г.

[34] Маклаков, несомненно, имеет в виду свою речь в 3-й Государственной думе по поводу законодательного предположения об отмене черты оседлости, произнесенную 9 февраля 1909 г. Выступая в поддержку законопроекта, Маклаков пытался убедить антисемитски настроенную часть Думы следующими аргументами: «Антисемитом может быть каждый, кому угодно, и каждый может свой антисемитизм проявлять, но он может проявлять его только в сфере личных и общественных отношений. Эта сфера очень широка. Пусть все враги еврейства чуждаются и бойкотируют евреев в личных деловых отношениях, пусть ничего у них не покупают и ничего им не продают... Все это право каждого антисемита. Можно провести свой пуританизм гораздо дальше: отойти от области экономических отношений, можно отворачиваться от статуй Антокольского и закрывать уши от музыки Рубинштейна. Это право каждого, но если каждый человек может быть антисемитом, то государство не имеет права им быть; ибо у государства есть свой долг, есть свои обязанности перед подданными, ибо государство может быть только правовым явлением... когда у нас жалуются, что русская национальность не дает достаточного отпора еврейству, я бы хотел сказать тем, кто жалуется, что для этого нужно уничтожить тот государственный антисемитизм, который сделал то, что быть антисемитом у нас так же удобно, как бить по лежащему, топтать того, кто уже связан. Я бы сказал антисемитам, что они первые должны настаивать на признании еврейского равноправия, чтобы этим приобрести моральное право быть антисемитами». (Стенографические отчеты. Государственная Дума, Третий созыв, сессия IV, заседание 54. 9 февраля 1911. Стлб. 1545-1546). Однако диалектические ухищрения Маклакова пропали втуне — думское большинство законопроект не поддержало.

[35] Герценштейн Михаил Яковлевич (1859—1906) — экономист-аграрник, один из создателей и идеологов партии кадетов. Депутат 1-й Государственной думы, в которой выделялся яркими выступлениями по аграрному вопросу. Застрелен черносотенцем 18 июля 1906 г. недалеко от собственной дачи. Под Чагиным Маклаков явно имеет в виду адмирала Григория Павловича Чухнина, усмирителя восстания военных моряков в Севастополе в ноябре 1905 г., убитого 28 июля 1906 г. матросом Я.С.Акимовым.

[36] Винавер Максим Моисеевич (1862 или 1863—1926) — юрист, один из лидеров партии кадетов, активный участник еврейских общественных организаций; в эмиграции издавал журнал "Еврейская трибуна".

[37] Калманович С.Е. — присяжный поверенный, кадет.

[38] Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — врач, один из лидеров партии кадетов, с 1908 г. — член ее ЦК. Был близок к идейному антагонисту Маклакова - лидеру партии П.Н.Милюкову. Депутат 2—4-й Государственных Дум. После Февральской революции — министр

земледелия, финансов Временного правительства. Арестован после большевистского переворота. Убит в тюремной больнице матросами в ночь разгона Учредительного собрания.

[39] Уведомительное письмо, извещение (*франц.*).

[40] Небрежно, кое-как (*франц.*).

[41] Первый термин образован Маклаковым от имени Алексея Семеновича Шмакова (1852—1916) — одного из лидеров черносотенцев, автора многочисленных юдофобских произведений; среди них — книга «Международное тайное правительство» (М., 1912), перекликавшаяся с «Протоколами сионских мудрецов». Будучи юристом по образованию, Шмаков выступал защитником в судебных процессах по делам о Кишиневском и Гомельском погромах (1903), а также истцом (вместе с Г.Г.Замысловским) на процессе по делу Бейлиса (1913). Второй термин произведен от имени французского историка и публициста, автора антисемитских произведений Эдуарда Адольфа Дрюмона (1844—1917).

[42] maniere de parler - манера говорить, стиль речи (*франц.*).

[43] altere pars - другую (вторую) сторону (*лат.*)

[44] На двух Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. были приняты международные конвенции, устанавливающие законы и обычаи войны, права и обязанности нейтральных стран, а также мирного разрешения международных споров.

[45] чистосердечно, с чистой совестью (*лат.*).

[46] Стахович - вероятно, речь идет о Михаиле Александровиче Стаховиче (1861—1928), предводителе дворянства Орловской губернии, одном из организаторов и лидеров партии октябристов, затем «мирнообновленцев», депутате 1-й и 2-й Государственных Дум, члене Государственного Совета. С 1917 г. — посол в Испании, затем эмигрант. Плевицкая Надежда Васильевна (1884—1941) — знаменитая исполнительница народных песен. С 1920 г. — в эмиграции. Была замужем за генералом Н.В.Скоблиным. В эмиграции Скоблин начал сотрудничать с советской разведкой, в 1937 г. был участником похищения генерала Е.К.Миллера в Париже. Разоблаченный как советский агент, Скоблин скрылся, а Плевицкая, как пособница, была осуждена французским судом и умерла в тюрьме.

[47] "Бадьян" — неустановленное лицо.

[48] Русского происхождения (*франц.*).

[49] Организация, занимавшаяся делами русских беженцев во Франции; комитет был создан при французском министерстве иностранных дел после признания Францией СССР и вынужденного ухода со своих постов прежних российских дипломатических представителей, однако руководство комитета избиралось самими эмигрантами. Маклаков был его бессменным председателем, за исключением периода нацистской оккупации Франции.

[50] Столыпин Александр Аркадьевич (1863—1925) — публицист, сотрудник газеты «Новое время»; брат П.А.Столыпина, корреспондент и адресат Л.Н.Толстого. Ухтомский Эспер Эсперович(1861—1921) — князь, публицист и поэт; с 1896 г. редактор-издатель газеты "Санкт-Петербургские ведомости".

[51] См. прим.14.

[52] Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — консервативный публицист, редактор-издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

[53] Имеются в виду требования правых «уравнять» Финляндию в правах, т.е. лишить ее привилегий, установленных еще Александром I; при этом всем был очевиден более высокий уровень культурного и политического развития Финляндии по сравнению с Великороссией; а также — включение в аграрную программу кадетов требования принудительного отчуждения части помещичьих земель на условиях выкупа.

[54] «Возрождение» — эмигрантская газета правого направления; выходила в Париже в 1925—1940 гг.

[55] Гессен Иосиф Владимирович(1866—1943) — один из лидеров партии кадетов и руководитель ее центрального органа газеты "Речь"; в эмиграции издавал газету "Руль".

[56] "Вы уже покаялись" — Шульгин имеет в виду мемуарно-аналитические статьи Маклакова, опубликованные им в 1920-х на страницах русской и французской печати, где он признавал ответственность русских либералов, не сумевших найти общего языка с «исторической» властью, за крушение Российской империи. Особый резонанс имело предисловие Маклакова к опубликованным в 1927 г. на французском языке выдержкам из материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений должностных лиц старого режима, в котором он впервые столь отчетливо сформулировал эти идеи.

[57] См. прим. 14.

[58] Кутепов Александр Павлович (1882—1930) — генерал, с 1928 г. председатель эмигрантского Русского общевоинского союза. Сторонник активных методов борьбы против советской власти. 26 января 1930 г. был похищен в Париже агентами ОГПУ и умер от сердечного приступа при попытке переправить его в СССР на пароходе. Приписка Шульгина, очевидно, вызвана известием об исчезновении Кутепова, причины и последствия которого были понятны большинству эмигрантов.

[59] Речь идет о статье Шульгина о Московском университете, упомянутой в предыдущем письме.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Джон Клиер

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ: ХОРОШО ДЛЯ ЕВРЕЯ, ПЛОХО ДЛЯ ЕВРЕЕВ

Восьмидесятая годовщина Великой Октябрьской революции пришла и ушла. Горделивые красные транспаранты прошлых юбилеев - «Мы строим коммунизм!» или «Слава нашей советской Родине!» уступили дорогу плакатам, рекламирующим заграничные рок-группы, «мерседесы» или же казино и ночные клубы. В безудержном состязании по перечеркиванию восьмидесяти прошедших лет наступил подходящий момент для того, чтобы приостановиться и рассмотреть воздействие Революции на евреев. Переосмысление советского опыта приглашает нас обратиться к старому клише: «Хорошо ли это для евреев?» Ответ должен быть амбивалентным. Во многом Великий Октябрь был хорош для отдельного еврея и разрушителен для евреев, как последователей определенной религии или как членов этнической группы. Преимущества Революции становились доступны евреям только по мере их готовности потерять свое еврейство.

Выбор, предложенный советским евреям, возвращает нас к другой великой революции, случившейся во Франции в 1789 году. Когда члены французского Национального Собрания обсуждали права человека и гражданина, они не могли обойти вопрос о судьбе евреев. В знаменитой речи сторонник эмансипации депутат Станислав де Клермон-Тоннер провозгласил, что «во всем должно быть отказано евреям как нации; все должно быть предоставлено им как личностям». Советский вариант этого обещания, сформулированный полтора века спустя, предполагал, что «во всем должно быть отказано евреям, как культурной и религиозной общности; все должно быть дано отдельному еврею, который становится Новым Советским Человеком».

Этот выдвинутый de facto лозунг вынуждался прагматическими соображениями. За полвека до русской революции идеологи - начиная с самого Маркса - рассматривали евреев как мнимую сущность, сотворенную и сохранившуюся благодаря внешним экономическим факторам. По знаменитому предположению Ленина, евреи были не более чем историческим пережитком, обязанным своему существованию только живу-

честью антисемитизма. «Их языком был «жаргон» (т.е. идиш, не признаваемый в качестве настоящего языка) и их родиной была черта оседлости». Евреи рассматривались как этнические обломки, которые будут быстро преобразованы, через процесс, характеризуемый как «слияние», в новых советских людей. Теоретически для евреев не требовалось никакого особого покровительства, кроме признания их человеческими существами.*

Фактически большевистские агитаторы, отважившиеся отправиться на «еврейскую улицу», обнаружили, что действительность гораздо сложнее. Они столкнулись с полным набором идеологий, выработанных евреями в ответ быстро меняющемуся миру. Новые еврейские идентичности, такие, как, например, предлагаемые политическим сионизмом, были «в продаже». Территориалисты и автономисты также предлагали свои ответы на «еврейский вопрос». Наиболее досадным из всего было то, что целый ряд социалистических теорий был приспособлен к еврейским реалиям. Ленин был хорошо осведомлен - хотя это ничего не меняло, что крупнейшую часть социал-демократического движения в Российской империи составлял Бунд. Его успех вырос из признания, что у евреев есть особые нужды и интересы, которые не могут быть разрешены в ходе борьбы за мировую революцию.

В самом деле, тот, кто хотел добиваться лояльности еврейского населения, должен был делать это на идиш. После усилий Менделе, Шолом Алейхема и Переца идиш мог по праву претендовать на статус и респектабельность признанного языка, со своей собственной впечатляющей литературой. Более того, идиш теперь служил носителем новой, динамичной и секулярной еврейской культуры. У создателей советского государства не было другого реального выбора, чем признать реальность и присвоить евреям статус национального меньшинства. Подкрепленные этим статусом, евреи, как один из «братских народов» только что образованного СССР, могли ответить на вызовы модернизации в ее советском обличье.

Процесс модернизации произошел бы при советской власти или без нее. Достаточно рассмотреть трансформацию массы еврейских эмигрантов из традиционалистских общин Восточной Европы, осевших в Европе, Соединенных Штатах или Эрец-Исраэль. Огромная разница заключалась в том, что революционный диктат в СССР означал, что преобразование еврейской идентичности в современные формы было навязано сверху, нежели постепенно произошло через спор, конфронтацию и компромисс внутри самой еврейской общины.

* Декретом В.И. Ленина от 27 июля 1918 года антисемитизм был возведен в ранг государственного преступления и объявлен вне закона.

Межвоенная Польша представляет даже более показательную параллель, поскольку польское еврейство составляло часть более обширного восточноевропейского еврейства, неотъемлемой частью которого было некогда и советское еврейство. Целый ряд вариантов современной еврейской идентификации был представлен в Польше, включая полную ассимиляцию, различные степени полонизации, еврейских форм социализма и коммунизма, также как мириад разновидностей сионизма. Даже традиционалистские ортодоксы разработали стратегию, как совладать с новыми условиями. Так, ортодоксальная партия Агуда Исраэль отыскала пути приспособления и извлечения преимуществ от польской политической системы.

Судьба польского еврейства была осложнена чрезвычайной экономической отсталостью региона. Неровное экономическое развитие Польши нанесло, в конце концов, ущерб евреям. Рост коренного польского среднего класса обострил экономическое соперничество между двумя общинами, которые и так уже были разделены культурологическим спором, в центре которого были различные концепции того, что такое настоящая «польскость». Как следствие, евреи были вытеснены из числа «белых воротничков» и с государственной службы. В то же время еврейские ремесленники и мастера страдали от кампании «покупай у своих», проводившейся польскими ультранационалистами.

Ничего подобного не произошло в соседнем СССР. Подходящая метафора для Советской России была найдена в советском производственном романе Валентина Катаева, вышедшем в 1932 году, «Время, вперед!» (напомню, что центральный персонаж романа - инженер Давид Маргулиес, «нееврейский еврей»). Повторяющийся образ, использованный Катаевым, - образ ускоряющегося времени, развития, принуждаемого к нечеловеческим темпам. То же было с евреями. Великий Октябрь имел, с еврейской точки зрения, одно несомненное достижение: он разрешил раз и навсегда экономическую сторону «еврейского вопроса» в Восточной Европе. Если до революции евреи были сконцентрированы в узком кругу профессий, ограниченных «торгашами» и посредниками, с одной стороны, и «людьми воздуха», с другой, они представляли совершенно другую картину через полтора десятилетия советской власти.

Ко времени завершения первого пятилетнего плана в 1932-м, евреи были рассеяны по всему экономическому спектру. Они работали фабричными рабочими и управляющими, инжене-

рами, врачами, служащими, художниками, писателями и разнорабочими. В отличие от царских времен, они помогали режиму управлять в качестве партийных активистов, армейских офицеров и служащих тайной полиции. По первой всероссийской переписи 1897 года 38,7% евреев были заняты в коммерции и торговле, тогда как 35,4% в производстве и ремесле. Советская перепись 1939 года зафиксировала 40,7% евреев как служащих, 30,5% были рабочими и 16,1% были кооперированными ремесленниками (Mordehai Altshuler. Soviet Jewry since the Second World War. Greenwood Press, New York, 1987. P.7,10).

По иронии судьбы, «великий перелом» традиционного русского крестьянского хозяйства разрушил давнюю мечту как царских бюрократов, так и маскилим (сторонников еврейского движения Просвещения, Хаскалы), превратить еврейские массы в крестьян. Посредством усилий и массированных финансовых вливаний иностранных жертвователей общее число евреев, непосредственно вовлеченных в сельское хозяйство, достигло десяти процентов накануне коллективизации сельского хозяйства. Как следствие убийственного наступления режима на крестьянство, процент евреев-крестьян сократился наполовину, что являлось красноречивым свидетельством уничтожения русского крестьянства в целом. Если евреи-крестьяне не исчезли вовсе, то стали большой редкостью в сельской местности.

В отличие от Польши, перемещение евреев в новые сферы экономики не сопровождалось драматическим ростом антисемитизма - во всяком случае как организованной политической силы. Отчасти потому, что евреи были включены в такие секторы экономики, которых ранее не существовало и в которых соответственно не было предшествующей конкуренции и все начинали в равных условиях. Существовало также серьезное противостояние нового режима любому проявлению антисемитизма. Антисемитизм был орудием дискредитированного старого режима и потерпевшего поражение в гражданской войне белого движения. Было вполне логично, что советский режим должен был сделаться «анти-антисемитским». Большая идеологическая кампания была поднята против этого «атавизма» и случайно отпущенное словечко «жид» могло легко привести злодея в «товарищеский суд».

Официальное неприятие антисемитизма отразилось в росте уверенности евреев в обвинениях своих обидчиков и в отказе сносить выражения бытового антисемитизма. В период войны и после нее, например, члены Еврейского анти-

фашистского комитета жаловались на рост бытового антисемитизма. Они были уверены, что проблема может быть поднята, и убеждены, что государство может предпринять и предпримет шаги, направленные против него. Подсудимые, проходившие по последовавшему делу ЕАК, буквально онемели от изумления, когда столкнулись с «зоологическим» антисемитизмом некоторых своих следователей - антисемитизм просто не был чем-то таким, что они могли ассоциировать с Партией. Это могла быть близорукость или наивность, но они полагали, что антисемитизм был, по определению, «антисоветским».

Почему же государственный антисемитизм стал столь заметным феноменом в последние десятилетия существования Советского Союза? Я предполагаю, что скрытой причиной этого была «интернационализация» советского еврейства. Советская теория национальностей, в уплату за признание евреев национальным меньшинством, ввела для них ограничения: их культура признавалась только ашкеназийской, их языком - идиш, но никак не иврит, их родиной - СССР и их исторические связи исключительно восточноевропейскими. Эта точка зрения игнорировала как реальность, так и некоторые новые явления, возникшие во время войны. Перед Еврейским антифашистским комитетом, например, была поставлена задача установления и укрепления связей советского еврейства с «мировым еврейством», в особенности американским. В 1948-м ничего не говорило, что еврейское государство в Палестине - которое Советский Союз поначалу поддержал - станет идеологически подозрительным.

Таким образом, когда линия партии изменилась, евреи оказались незащищенными и брошенными на произвол судьбы. Все их прежние добродетели превратились в грехи: контакты с иностранными - в особенности американскими - еврейскими организациями и связи с сионистским государством, теперь изображаемым как форпост империализма. Когда холодная война обострилась, евреи были заклеймены как «безродные космополиты», не заслуживающая доверия пятая колонна.

С этой точки зрения Советский Союз не должен рассматриваться как изначально антисемитское государство и еще менее - как продолжатель антисемитской политики царизма. Скорее, послевоенный советский антисемитизм был еще одним продуктом холодной войны, в огромной степени усиленным политической глупостью. Связывая советское еврейство с Западом и одновременно проводя дискриминационную политику,

режим создал условия для исполнения пророчества. Изолируя советское еврейство от остального населения, режим подталкивал рост еврейского самосознания. Лимитируя возможности, через введение квот и ограничений, режим создал поколение неудовлетворенных «сыновей», которые осознали, что им никогда не удастся повторить успехи своих «отцов». Эта деятельность использовалась в зарубежной кампании за спасение советского еврейства, часто руководимой еврейскими группами, чья активность стимулировалась памятью об их общей беспомощности перед лицом Холокоста всего лишь несколько десятилетий назад. Советский Союз, который сделал так много для спасения европейского еврейства, разгромив нацистскую Германию, теперь занял место ненавистника евреев Амана из Книги Эсфирь.

Советский подход к проблеме эмиграции представляет историю величайшей политической глупости. Советское руководство было не способно выбрать между полным запрещением еврейской эмиграции и разрешением отдельным людям или группам уезжать, с тем чтобы продемонстрировать сиюминутное расположение к Западу (хотя и за счет ухудшения отношений с прифронтовыми арабскими государствами). Ограничивая эмиграцию и одновременно делая невозможным для подавших на эмиграцию возвращение к нормальной жизни, режим вызвал к жизни и придал энергию движению отказников. Все евреи были превращены в потенциальных предателей, однако им не было позволено довести свою «измену» до логического конца, путем «отряхивания пыли Отечества со своих ног». Не удивительно, что недолгие периоды послаблений вели только к требованию большего со стороны противников СССР в холодной войне.

Должен ли был еврейский опыт закончиться слезами? Судьба советского еврейства до второй мировой войны наводит на мысль, что это не было неизбежным. К концу 1930-х годов евреи, как общность, стали настоящими советскими гражданами, возможно, наиболее лояльными из тех, которых режим имел в своем распоряжении. Они способствовали построению социализма и разделяли все его достижения и превратности. Отдельные евреи высоко поднялись в партийной иерархии и страдали лишь в качестве отдельных личностей, когда Партия время от времени пожирала своих детей. В 1920-х евреям, также как их украинским и белорусским соседям, было позволено развивать их собственную национальную культуру, даже если

она была «национальной по форме, социалистической по содержанию». В 1930-х, вместе с кончиной этой политики, евреи страдали так же, не больше и не меньше, чем их «братские народы», чьи школы, газеты, научные институты и культурные центры были закрыты.

Как и другие национальности, евреи заплатили за свое развитие в качестве советской этнической группы потерей важного компонента своей национальной культуры - своей религии. Возможно, это была большая потеря для евреев, учитывая значение религии как главного компонента еврейского национального самосознания, в особенности жизненно необходимого для народа, не имеющего своей территории. Вдобавок иудаизм не имел иерархической и бюрократической структуры, свойственной русской православной церкви, которая могла обеспечить, хотя и недостаточно, некоторые формы религиозной структуры и связей. Для евреев оказалось также невозможным в современном окружении придерживаться уникальной связи религиозной практики с целым рядом ежедневных обязательств. Символично, что «субботник», день добровольного труда в Советском Союзе, заимствовал свое название у традиционного еврейского дня отдыха.

Некоторые наблюдатели - включая еврейских критиков того времени - указывали, что религиозная жизнь российского еврейства уже была в кризисе накануне революции, разделенная внутренней напряженностью в общинах, религиозными противоречиями и влиянием секуляризации. Дело, однако, в том, что еврейская религиозная жизнь была ликвидирована силой и навязыванием иных идей, а не в результате органического процесса роста и изменения. Советским евреям было отказано в возможности выработать современную еврейскую идентичность, включающую некоторые формы религиозного сознания, каким бы символическим оно ни было, как это случилось во многих западных обществах. Советский еврей всегда должен был быть «советским» за счет «еврейскости».

Таким образом, взаимоотношения между евреями и советской властью были, в конце концов, односторонними: видимые признаки еврейства были сданы советскими евреями, однако в ответ они не получили полного признания. С коллапсом коммунизма эти отношения привели к ситуации, которая стала, по иронии, «хороша для евреев». Любой наблюдатель постсоветского общества должен быть поражен неудачей попыток использовать антисемитизм в качестве эффективного орудия

политической мобилизации. Впечатления неспециалистов или евреев перед лицом выходок сторонников «Памяти», постсоветских ультранационалистов, также как более крикливых элементов коалиции «красно-коричневых», могут быть иными. Ни одно из ведущих политических движений в современной России не использовало антисемитизм в серьезной степени. Наоборот: те немногие деятели, которые подчеркивали свой антисемитизм, потеряли часть своего электората. И это несмотря на обильные возможности «обвинить евреев» благодаря значению евреев в бизнесе и политике. Эта ситуация была прекрасно подытожена в словах человека, продающего газету «Память» на Пушкинской площади в Москве. Когда я купил несколько экземпляров для своих исследовательских целей, он вздохнул: «Вы знаете, это позор. Иностранцы больше интересуются тем, что мы говорим, чем наши люди».

Банкротство современного антисемитизма, я думаю, представляет другую сторону восьмидесяти лет советской политики по отношению к евреям. Через потерю отличительных культурных признаков - религии и языка, евреи стали нормальной и принятой частью более крупного общества. Обвинение, будто евреи являются главными носителями «русофобии», не прилипло. Более того, в то время, когда все доступные ресурсы были мобилизованы на создание новой России, евреи - русскоязычные и пропитанные русской культурой - находятся внутри заколдованного круга русской национальной идентичности. Для большинства русских евреи стали «нашими». Это, возможно, наиболее значительное наследие и величайшая ирония восьмидесяти лет, прошедших со времени Великого Октября.

Перевод *О.В.Будницкого.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПУБЛИКАТОРАХ

Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Ростовского государственного педагогического университета.

Городницкий Роман Александрович, кандидат исторических наук, преподает в Московском государственном университете.

Кельнер Виктор Ефимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки.

Клиер (Klier) Джон, профессор, заведующий кафедрой иудаики Лондонского университета, Великобритания.

Кричевский Лев Юрьевич, корреспондент Еврейского телеграфного агентства, Москва.

Маркедонов Сергей Мирославович, аспирант кафедры отечественной истории Ростовского государственного педагогического университета.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Абрамович К. 143
Абрамович М.С. 89, 143
Абрамович Р.А. 10
Абрамович Э.А. 132-134, 143
Авраам (библ.) 368
Аврех А.Я. 20
Агафонов (Сиверский) В.К. 163,215
Агурский М. 349, 381
Адан (Ламбер) Ж. 130, 224, 228
Азеф Е.Ф. 99, 142, 199, 220, 223, 228, 236-237, 246-252, 254-256, 258, 262-266, 363
Акимов Я.С. 440
Аксельбант см. Шнее С.
Аксельрод (Аксельроде, Шафецельев) П.Б. 52-53, 56, 65-67, 94, 143, 150
Аксельроде см. Аксельрод П.Б.
Александр I 33, 312, 442
Александр II 19, 35, 53, 70, 82, 97, 112, 121, 145-147, 149, 155, 169, 172, 217, 229, 233, 433
Александр III 101, 175, 183-184, 201, 224, 228
"Алешка" см. Шнее С.
Андреев В.И. 169, 217
Андреев Л.Н. 31-32, 372
Андреева А.В. 60-61
Андрущенко И.А. 44
Ан-ский С.А. см. Рапопорт С.А.
Антокольский М.М. 440
Антонов (Малинин) П.Л.124, 133
Аполлоний Тианский 39
Аптекман Д.Г. 59, 63, 70
Аптекман О.В. 75-79, 92, 94-95, 143, 159
Аранзон Х.-Р. Я. 143
Аркадакский А.В. 177
Аронзон А.И. 143
Аронзон М.Г. 143
Аронзон С.Л. 56-58, 143
Аронсон Г.Я. 324, 347
Арончик А.Б. (Золотницкий) 95, 100-102, 143
Артамонов А.К. 57
Астров Н.И. 284, 290
Ашер А. 223, 228

Бабель И.Э. 361
Бадьян 424, 441
Базилевский Б. см. Богучарский В.Я.

* Указатель составлен Р.А.Городницким и Г.С.Каном

Байдаковский П.Ф. 177, 187
Бакст В.И. 46-47, 144
Бакст Н.И. 46
Бакст О.И. 46-47, 144
Бакунин М.А. 41-42, 48, 51, 56, 62, 66, 140, 218, 392
Балмашев С.В. 237-238, 264
Балмашева М.Н. 238
Баломез А.М. 83-84
Баранникова см. Оловенникова М.Н.
Бардина С.И. 68
Бардовский Г.В. 49
Барель (Борель) М. 51, 144
Барков Н.М. 57
Барская 129
Барский С. 144
Барский Я.А. (Я.Г.) 129, 131, 144
Бартенев Д.И. ("Федор") 129
Бартошкин Т.С. 249-250
Баршт А.Л. 103, 144
Баршт С.М. 103, 144
Барыкова А.П. 123
Бать В.Г. (В.О.) 144
Бах А.Н. (Иванов Ю.) 95, 121-123, 125-127, 135-137, 144, 182, 184, 191-192, 218
Бахметев Б.А. 271, 276, 289, 375
Бебутов Д.И. (Д.О.) 171, 186, 217
Бежецкий 114
Безобразов А.М. 208, 222
Бейлис М.М. 5-6, 19-20, 209, 270-272, 374, 381, 396, 441
Бейст 90
Белинский В.Г. 35, 140
Белостоцкий 103
Белоусов А.Г. 125
Белоусов С.Г. 125
Белый А. 6
Белый Г. см. Кашинцев А.Н.
Беневольский И.В. 135
Бенкендорф А.Х. 35
Бердичевский Я.Л. 126
Бердяев Н.А. 7, 12, 20, 31, 173
Беркман И. 36
Бернар см. Захарин Н.Д.
Бернацкий М.В. 271, 273-275, 286
Берне Л. 45
Беседовский Г.З. 407, 438
Бибергаль А.Н. 71-72, 144
Бикерман И.М. 382
Биконсфильд см. Гольденберг Г.Д.
Билинкер (Билингер) Э.С. 129, 144
Билит Б.Г. 144

Бинт А. (Г.) 144, 166, 168-169, 174-175, 178-181, 183-184, 186-187, 189, 195, 199-203, 205-207, 209-210, 213-215
Бисмарк О. фон 45, 354
Блаватская Е.П. 229
Блан Л. 109
Блинов Н.И. ("Коля") 249
Блок А.А. 5, 20, 211
Блюменфельд С. 67
Бобес Я. 132
Богданович Н.М. 251-254
Боголюбов (Емельянов А.С.) 72
Богомолов В.А. 56
Богораз В.Г. см. Богораз-Тан В.Г.
Богораз (Шебалина) П.Ф. 119-120, 137
Богораз-Тан (Богораз, Тан, Кудриченко, Кульчинский) В.Г. 64, 120, 136-139, 145, 299
Богородский Н. 89
Богославский А.А. 100, 107
Богучарский (Базилевский Б.) В.Я. 159-160
Борель см. Барель М.
Борисович 119
Бортневский В.Г. 381
Бостунич Г. (Шварц) 23
Бохановский И.В. 61, 64-65, 74, 95, 179
Бошко-Божинский (Божко-Божинский Г.Г.) 66
Брайант Л. 325-326, 347
Брамсон М.В. 145
Бреговский И.М. 138, 145
Брешко-Брешковская Е.К. 57, 59, 67, 235, 246, 258, 264, 266
Брешковская Е.К. см. Брешко-Брешковская Е.К.
Бройдо Е.Л. 26
Бройдо-Кон (Кон, Кон-Бройдо) В.М. 26, 28, 219, 230
Бронштейн Л.Д. см. Троцкий Л.Д.
Бруцкус Б.Д. 293-294, 361, 372
Брюсов В.Я. 32
Будницкий Е.О. 293
Будницкий О.В. 3, 22, 28, 163, 223, 269, 272, 293, 353, 372, 374
Буймистров В.С. 73
Буланов Л.П. 237
Булгаков 134
Булгаков С.Н. 12, 279-281, 289
Булгарин Ф.В. 34-35
Бунин И.А. 31-32
Бургина А.М. 230
Буржуа Л. 225, 229
Бурцев В.Л. 13, 23-26, 28, 100, 129, 159, 168, 181-183, 198, 201, 203-205, 214, 216, 219, 223, 259, 263, 288, 362-367, 369-373, 379
Бурцева В. 183
Бурцева С.А. 183
Бутков Я.П. 34

Бутми (Кацман Г.В.) 206, 221, 226
Бутчик 39
Бух Н.К. 111
Бушен 84
Бычков В.И. 122

Вагнер 170
Вайнель Г.П. 145
Вайнер Л.С. 54, 64, 145
Вайнштейн И.Я. 89
Ванновский П.С. 74, 115
Варава М.К. 348
Варынский С. 177
Варыньский Л. 90
Василий II Темный 404
Васильев З.З. ("Сахар Сахарыч") 126-127
Ваховская В.И. 56
Вейде М.К. 40-41
Веймар О.Э. 80
Вейнбаум Н. 57
Вейнберг И.П. 145
Вейнберг И.Я. 125-126
Вейценфельд А.И. 242, 254
Вейцман Х. 365
Веллер М.Л. 52, 133, 145
Вениамин (Федченков), митр. 289
Веревочкина М.И. 58
Вересаев В.В. 32
Вернадский В.И. 14
Верховенский П. (лит.) 12
Верцинский В.П. 104
Вильгельм I 45
Вильтон Р. 363
Винавер М.М. 8, 14, 21, 379, 381, 416, 434, 440
Винберг Ф.В. 23
Виноградов В.В. 251
Винчевский М. 116
Виташевский Н.А. 84
Витте С.Ю. 3-4, 208, 223-224, 228
Виттенберг С.Я. 81-86, 92, 110, 145
Владимир, св. (христ.) 109
"Владимир" см. Свириденко В.А.
Властопуло Н.Л. 104
Войков П.Л. 438
Войнаровский (Войнаральский П.И.) 57
Войнич М. 190
Волкенштейн Л.А. 96, 159
Волховский Ф.В. 49, 190, 198
Вольман М. 133
Вольфзон Д. 51

Воронец Э.Д. 96
Воронина см Левенсон В.В.
Воронков М.Ф. 69
Воронцов В.П. 159
Воронцов-Дашков И.И. 229
Воскресенская З.И. 100
Воскресенский см. Крылов Ф.
Востоков В.И. 277, 280, 289, 358, 372
Восторгов И.И. 281, 289
Врангель П.Н. 216, 276-277, 279-290, 358, 364
Вронченко Ф.П. 35
Вышнеградский И.А. 228

Гакстгаузен А. 38
Гальперин С.Д. (С.И.) 129, 145
Гамбетта Л. 228
Ганзен см. Гансен Г.
Ганнибал 13
Гансен Г. (Ганзен) 185, 193-194, 224
Гапон Г.А. 203, 220
Гарибальди Д. 46
Гарин Н.П. 203
Гармидор М.Е. 198
Гарнье 204
Гартинг А.М. см. Геккельман А.М.
Гартман Л.Н. 60
Гаршин В.М. 112
Гассох В.С. см. Гоц В.С.
Гаусман А.Л. (А.Я.) 138-139, 146
Гвоздев М.Г. 58
Гейер (Гепер) И.И. 124-125
Гейкинг Г.А. 67-68
Гейштор М.Э. 61
Геккельман А.М. (Гартинг, Ландезен, Ландэйзен, Миллер) 27, 128, 130, 146, 169, 177-178, 181-184, 192, 196, 200-201, 217
Геллер С.Л. 71-73, 146
Геллис М.Я. 104-107, 146
Геллис П.Я 89, 105-107, 146
Геллис (Шпунберг) Э.М. 104-107, 146
Гельрут (Гельруд) М.В. 136
Гельфман Г.М. 69-70, 95, 146
Георг I 185, 219
Гепер см. Гейер И.И.
Гергель Н.Ю. 299
Герд см. Струве Н.А.
Геркс А.А. 70
Герсон В.Л. 340
Герц М. 425
Герцен А.А. 46
Герцен А.И. 36, 44, 46-47, 88, 179

Герценштейн Д.М. 64
Герценштейн М.Я. 415, 440
Герцль Т. 3
Гершензон М.О. 4-5, 20
Гершон Баданес см. Гуревич Г.Е.
Гершуни В.И. 233-234
Гершуни Г.А. 19, 233-266
Гершуни Е.П. 256
Гершуни И.М. 233
Гершуни П.П. 255
Гершуни Р.И. 233
Геря-Доброджану см. Кац К.А.
Гессе П.П. 185, 219
Гессен И.В. 434, 442
Гиляров см. Гиляров-Платонов Н.П.
Гиляров-Платонов Н.П. 33, 94
Гинзбург Л.С. 63-64, 146
Гинзбург Х.В. 146
Гинсбург 131
Гинсбург С.М. 146
Гинцбург 43
Гиппиус З.Н. 31
Гирш С.Л. 130
Гирш Ф. 130
Гиршфельд 133
Гитлер А. 226, 365
Глинка Ф.Н. 33-34
Глинка Ю.Д. 225, 229
Глинский Б.Б. 100, 159
Глобус 51
Глузман И.В. 146
Глушков И.И. 96, 177
Гобст А.-Я.-И. ("Петр Петрович", Федоров А.) 81, 92, 147
Говорюхин А.Ф. 105-106
Голдовский В. см. Иохельсон В.И.
Голдовский В.Х. 147
Головинский М.В. 167, 204, 212, 213, 216, 358, 372
Голоушев С.С. 57
Голубева Т. см. Кранцфельд Р.
Голубов Л.М. 80, 147
Голубов Н.М. 147
Гольдемерг С. 79
Гольденберг А.М. 129
Гольденберг Г.Д. (Биконсфильд) 52, 55, 67, 74, 89-90, 95-102, 110, 113, 147
Гольденберг И.Д. 89, 94-95, 147
Гольденберг (Гольденберг-Гейтройтман) Л.Б. 48, 55, 147
Гольденберг С.Д. 90
Гольдсмит И.А. 91
Гольдштейн М.Ю. 147
Гончаров В.А. 124-125

Гончаров Н.П. 50
Гончаров 211
Гончаровы, семья 210-211
Горбунов М. см. Колосов Е.Е.
Гордей 110
Горемыкин И.Л. 185, 219
Горенштейн О.Л. 79, 147
Горинович Н. Е. 74, 86, 153
Городецкий Л.С. 57
Городницкий Р.А. 233, 451
Горький М. (Пешков А.М.) 17, 21, 31-32, 326, 372
Гоц (Гассох) В.С. 148.
Гоц М.Р. 131, 148, 246-247, 251, 256, 258
Гоштовт Н.Л. 104-106, 146
Грачевский М.Ф. 102
Гредескул Н.А. 6, 20
Грейвс Ф. 372
Грибенюк 110
Григорьев Е.К. 239-242, 249-251, 254
Григорьева Ю.Ф. см. Юрковская Ю.Ф.
Гримм Д.Д. 6, 20
Гримм Э.Д. 6, 20
Грингмут В.А. 203, 221
Груздев И. 20
Грузенберг О.О. 9, 21
Грюн см. Рачковский П.И.
Гувич Е.И. см. Кулешевская Е.И.
Гукасов А.О. 411, 439
Гуковская В.Л. 73, 82, 84-85, 148
Гулевич М.С. 45
Гулидов 104
Гуль Р.Б. 18
Гурвич Евг.А. 89
Гурвич Ел.А. 88-89
Гурвич И.А. 89, 132-133
Гурвич Ф.И. см. Дан Ф.И.
Гуревич 79, 100
Гуревич А.-Д.-Ш. Б. 148
Гуревич В.Я. 205
Гуревич Г.Е. (Гершон Баданес) 55, 148
Гуревич С.Я. 148
Гурович И. 37, 174
Гурович М.И. (М.Д.) 218, 174
Гурович С.Е. 63
Гурович Я.Е. 71, 73-74, 148
Гутерман Д.А. 125
Гутерман Н.Д. 125, 148
Гучков А.И. 374

Давиденко И.Я. 85, 95
Давидович (Давидов) Л.М. 51, 148, 151

Далио М. 201
Дан (Гурвич) Ф.И. 16
Дантес (Геккерен) Ж.-К. 200
Данченко 33
Дашевский 108
Дебагорий-Мокриевич В.К. 86, 95-96, 99, 159, 219
Дегаев С.П. 120, 122, 126-127, 142, 174-176, 218, 263
Дейч Л.Г. 32, 61, 64-68, 74-75, 86, 92, 94-95, 149, 159
Делевский Ю.(Юделевский Я.Л.) 204, 221, 223, 358, 368, 372
Дембский А. 198
Деникин А.И. 168, 216, 269-271, 273-275, 277, 282, 284-288, 290, 356, 363-364, 372
Денисов В.А. 138
Денисов П. см. Рачковский П.И.
Джабадари И.С. 63
Джекобсон М. 230
Дзержинский Ф.Э. 340-341, 347, 349, 378
Диковский М. А. 108
Диковский С.Д. 110, 113, 115
Дикштейн Ш. 90
Доброджану-Геря см. Кац К.А.
Добролюбов Н.А. 51, 140
Добрускина Г.Н. 123-125, 136, 149
Долгушин А.В. 45, 72
Доллер А.И. 110
Дондукова-Корсакова М.М. 77
Дорфман 129
Достоевский Ф.М. 410, 439
Драгоманов М.П. 219
Драгомиров А.М. 168, 216, 286
Драгомиров М.И. 390-391, 437
Дрентельн А.Р. 87, 94, 97, 103, 151, 170
Дриго В.В. 53
Дрюмон Э.-А. 166, 216, 441
Дубельт Л.В. 34
Дубнов С.М. 7, 13, 17-18, 20-21, 293
Дубровин А.И. 166, 203, 215
Дудаков С.Ю. 221
Дукан 89
Дулебов Е.О. 252-253
Думова Н.Г. 287
Дурново П.Н. 194, 197, 219
Дюма А. 12

Елько (Ельников) П.А. 126, 134-135
Есенин С.А. 326, 347

Жаботинский В.Е. 9-10, 21, 25
Жебунев С.А. 60, 62
Жебуневы, братья 62, 77

Желеховский В.А. 49, 58
Желябов А.И. 62, 97, 99, 101, 196
Жоли М. 204-205, 221-222, 357, 372
Жуков Д.А. 381
Жуков И.Г. 40
Жуковский Н.И. 41, 66, 179, 218

Забрамский Л.И. 108
Заграфо П.П. см. Рачковский П.И.
Загрофо П.П. см. Рачковский П.И.
Зайднер А.Н. 82-83, 85, 149
Зайцев В.А. 219
Зак А.Х. 149
Зак Л.М. 88-89, 149
Закроффо см. Рачковский П.И.
Закс О.Г. 149
Залкинд В.З. 149
Зальцман 47
Зальцман М.П. 149
Замарашкин (лит.) 325
Заметка М.-Ш.-Х. 104-105
Замысловский Г.Г. 441
Зархин 133
Заславский Д.О. 381
Засулич В.И. 66, 91
Зах О.Я. см. Захарин Н.Д.
Захарин Н.Д. (Зах О.Я., Бернар) 121, 135-136, 149
Захарьев Х. см. Ярчук Е.З.
Звирин Я.М. 133
Зданович Г.Ф. 63
Зейдис 132
Зелинский И.В. 187
Зельверович А. 37
Зензинов В.М. 257
Зильберберг 131
Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 7, 18, 378
Златовратский Н.Н. 76
Златопольский Л.С. 83, 149
Златопольский С.С. 95, 97, 110, 150
Зографо П.П. 188
Зубатов С.В. 235-236, 247, 250, 257, 263-264, 266
Зубков Н.П. 60
Зубковский А.А. 96
Зубри Г. 105
Зунделевич А.И. ("Мойша") 51-54, 61, 64, 74, 77, 92, 94-95, 97, 111, 113, 150

Иаков (библ.) 368
Ибнер 108
Иванишевич Л.Р. 60
Иванов В.Г. 122

Иванов И.К 108, 113
Иванов П. см. Рачковский П.И.
Иванов С.А. 122-125, 127, 129, 135-136, 138, 148, 196, 220
Иванов Ю. см. Бах А.Н.
Иванова С.А. 111
Иванов-Разумник Р.В. 6
Идельсон (Якершберг) Р.Х. 150
Иезекеиль (библ.) 421
Измайлович А.А. 324
Изюмов А.Ф. 28
Иисус Навин (библ.) 432
Иисус Христос 367
Иловайский Д.И. 3, 19
Иоанн Кронштадтский 233
Иогансон Е.Ф. 61
Иогансон (Юхансон) 79
Иохельсон (Голдовский) В.И. 51, 54, 64, 80, 137, 150.
Исаак (библ.) 368
Исаев Г.П. 101
Исайя (библ.) 421
Искрицкий Д.А. 33
Истомина 182
Иуда (новозаветн.) 142

Каблиц И.И. 57
Кавелин К.Д. 38
Кавуненко В. см. Свириденко В.А.
Каган В.К. 293
Каледин А.М. 216
Калинович 115
Калиостро А. 12
Каллаш В. 159
Калманович С.Е. 416, 440
Калюжная М.В. 129
Каменев (Розенфельд) Л.Б. 378
Каменка Б.А. 274, 286-287
Каминер Авг. И. 65-67, 150
Каминер Анна. И. 65-67, 150
Каминер И.А. 65-67, 116, 150
Каминер Н.И. (Э.И.) 65-67, 150
Каминер С.И. 65-67, 150
Каминская Б.А. 68-69, 150
Каневская 135
Каннегиссер Л.И. 15, 361
"Капитан" см . Чубаров С.Ф.
Каплан Ф. 361
Карабчевский Н.П. 261
Каракозов Д.В. 3, 19, 47
Карамазов А. (лит.) 12
Караулов В.А. 176, 196, 220

Кареев Н.И. 31
Карпенко 138
Карпенко см. Романовский
Карпович П.В. 250, 258-259
Карсавин Л.П. 6, 11, 21
Карташев А.В. 31, 367-371, 373
Катаев В.П. 445
Катанский А.М. 129, 131
Катков Г.М. 223, 228
Катков М.Н. 228, 430, 442
Кац 135
Кац К.А. (Геря-Доброджану, Доброджану-Геря) 77, 150, 183
Кац М.Н. 56, 59-60, 62, 150
Кац Я.С. 60
Кацен И.З. 35
Кацис Л. 20
Кацман Г.В. см. Бутми
Качура Ф.К. 242-245, 248, 265
Кашинцев А.Н. (Белый Г.) 129, 131
Квятковский А.А. 52, 76, 97, 101, 113
Келеповский А.И. 225, 229
Келеповский С.И. 229
Кельнер В.Е. 22, 27, 31, 451
Кеннан Дж. 159
Керенский А.Ф. 163, 215, 405, 438
Кестельман Е.А. 87-88
Кипер М. 309, 311
Кирсанов В.И. 124-125
Клейгельс Н.В. 240
Клеменц Д.А. 58, 63
Клермон-Тоннер С. 443
Клеточников Н.В. 101, 171, 217
Клименко М.Ф. 108-109
Клир Дж. 451
Клитчоглу С.Г. 237
Клугер 89
Ключников П.П. 110
Клячко А.Д. 51, 151
Клячко Л.М. 235-236
Клячко С.Л. 63, 151
Княжнин С. см. Коган С.М.
Кобылинский Г.Г. 151
Кобылянский Л.А. 79, 96-97
Ковалев 83
Ковалик С.Ф. 57, 60
Ковальский И.М. 82, 84, 104, 148
Коверда Б.С. 407, 438
Коган А.М. 151
Коган З.В. 137
Коган Иосиф 37

Коган Исаак 135
Коган С.М. (Княжнин С., Семенов Е.П., Семеновский, Симановский) 167, 177, 179-182, 191-192, 216
Коган-Бернштейн Л.М. 138, 142, 151
Кожин см. Тихомиров Л.А.
Козин 183
Козловский 109
Койранский А. 151
Койранский И. 151
Койранский Л. 151
Койранский М. 151
Койранский С. 151
Кокурин А.И. 349
Коленкина М.А. 59, 67
Колосов Е.Е. (Горбунов М.) 252, 265
Колоткевич Н.Н. 97
Колтановский А. 101
Колчак А.В. 275, 282, 288, 363
"Коля" см. Блинов Н.И.
"Коля" см. Тетельман Л.А.
Комиссаров М.С. 203, 220
Кон В. см. Бройдо-Кон В.М.
Кон-Бройдо В. см. Бройдо-Кон В.М.
Кон Н. 25, 26-28, 229 - 230
Кон Ф.Я. 132, 151
Конашевич В.П. 126-127
Корабельников С.И. 56, 61
Корвин-Круковский 169, 175
Корнилов Л.Г. 24
Короленко В.Г. 32, 78
Коста А. 62
Костомаров Н.И. 43-44
Костюрин А.Ф. 67
Костюрин В.Ф. 63
Котляревский М.М. 89, 96
Кравчинский (Степняк) С.М. 56, 63-64, 152, 190, 197-198, 219-220
Краевский А.А. 34
Кранцфельд Р. ("Руня", "Мария Николаевна", Голубева Т.) 126-127, 136
Красильников А.А. 169, 209-210, 217
Краснов П.Н. 12, 216
Краснюков Р.Г. 381
Крафт П.П. 237, 246, 249, 251, 254
Крестинский Н.Н. 339
Кривошеин А.В. 271, 282, 284, 286, 290, 438
Кристоф Л. 223, 226, 228
Кричевский Б.Н. 130
Кричевский Л.Е. 320, 451
Кроль М.А. 136
Кропоткин Д.Н. 67, 74, 79, 96, 98, 103-104, 147
Кропоткин П.А. 198

Крылов (Воскресенский) Ф. 135
Ксюнин 437
Кудрявский (псевд.) 109
Кулешевская (Гувич) Е.И. 151
Кулешова см. Макаревич А.М.
Куломзин А.Н. 238
Кульчинский см. Богораз В.Г.(Н.М.)
Кун см. Рачковский П.И.
Куприянов М.В. 56
Курицын Ф.Е. 89, 98
Кутепов А.П. 435, 442
Кутузов М.И. 73
Кутузов Н.И. 33

Лавров П.Л. 8, 41-43, 49, 51, 54, 62-64, 76, 91, 131, 134, 140, 150, 176, 182, 189, 191, 198, 218
Ладыженский М. 177
Лаидес Р. 129
Лакиер см. Морозов Н.А.
Ламбер см. Адан Ж.
Ландау Г.А. 382
Ландезен см. Геккельман А.М.
Ландо Б. 37
Ландэйзен см. Геккельман А.М.
Лаплас П.С 402
Ларин Ю. (Лурье М.А.) 311, 315
Ларионов П.Ф. 67
Лассаль Ф. 51
Лацис М.И. 323, 327, 347
Лебедева 183
Лебединский П. см. Лисянский С.А.
Лев Р.И. 124-125
Левензон И. 37
Левенсон (Воронина) В.В. 108-110
Левенсон Г.Г. 87-88, 108, 151
Левенталь К.Е. 132
Левенталь Л. 52, 56-57, 65-67, 151-152
Левенталь Л.Г. 80, 152
Левенталь Н. 52, 56-57, 65-67, 152
Левина 132
Левинский И.Я. 121
Левит Е.Г. 136
Левченко Н.В. 79, 89
Лейбман (лит.) 325
Лейвин М. 79
Лемке М.К. 159
Ленин (Ульянов) В.И. 13, 18, 169, 199-200, 213, 293, 295, 299, 306, 323, 339, 346, 362-363, 376, 443-444
Леонард П.И. см. Рачковский П.И.
Леонов см. Рачковский П.И.

Леонов М.И. 264
Леонович В.В. 252
Лермонтов Ф.Н. 56-57
Лешерн-фон-Герцфельд С.А. 56
Лещинский Я. 299, 326
Либер М.И. 16
Либерман А.Ш. (Фриман А.) 49, 51, 53-55, 64, 92, 116, 140, 148, 152
Лизогуб Д.А. 53, 82, 85
Лилиенблюм 116
Линдфорс 67
Линев А.Л. 198
Линский Д.О. 382
Линтварев М. 124-125
Лион С.Е. 89, 152
Лисянский С.А. (Лебединский П.) 134-135, 152
Литвин А.Л. 347-348
Литовцев С. см. Поляков-Литовцев С.Л.
Лифшиц Ф. 131
Личкус Ф.М. 152
Логовенко И.И. 83, 85
Лопатин Г.А. 122-124, 126-130, 196, 220
Лопухин А.А. 203, 207-208, 254
Лорис-Меликов М.Т. 52, 91, 98, 111-112, 153
Лосятинский В. 177
Лотрингер С.Н. 108, 110
Лубе Э. 225, 229
Лубкин С.Н. ("Абрам", "Пташка") 95, 111, 113, 152
Лубковский 396
Лури (Лурий) А.Г. 82-85, 152
Лурий см. Лури А.Г.
Лурье 136
Лурье А. 100
Лурье И. 201
Лурье (Ольшевский) С.Г. 56, 65-68, 74, 79, 152
Луцкий М.М. 340
Лучницкий И. 31
Лысогорский 165
Львов А.К. 89
Львов Г.Е. 163, 199, 215, 438
Львов И.К. 152
Львов Н.К. 89, 153
Львов С.К. 89, 153
Львова З.К. см. Цакни З.К.
Любатович О. С. 54, 63, 69
Любатович, сестры 68
Людендорф Э. 357
Лядов И. 128-129
Лянда Р. 135
Лянда С.А. 90, 153

Майданский Л.О. 86-87, 153
Май-Маевский В.З. 287
Макаревич (Кулешова, Розенштейн) А.М. 60, 62, 65, 153
Макаревич П.М. 60
Макарий, митр. 277
Макиавелли Н. 222, 372
Маклаков В.А. 6, 19-20, 206, 221, 269-276, 282, 284, 287, 290, 374-377, 380-381, 383-388, 398-399, 404-405, 407, 411-412, 419, 426, 430, 435-442
Маклакова М.А. 375, 404, 438
Малахов 358, 372
Малинин см. Антонов П.Л.
Малинка В.А. 74, 86
Мальшинский А.П. 93
Манасевич-Мануйлов (Мануйлов) И.Ф. 201, 203, 206, 220, 358, 372
Мануйлов см. Манасевич-Мануйлов И.Ф.
Мариенгаузен 40
"Мария Николаевна" см. Кранцфельд Р.
Мария Федоровна 186, 201, 229
Маркедонов С.М. 28, 163, 451
Марков Н.Е. 23
Маркс К. 8, 20, 41-42, 89, 319, 376, 393, 443
Мартынов (Пикер) А.С. 136
Мартынов (Мартьянов) К.Ф. 119
Мартьянов см. Мартынов К.Ф.
Матео 82
Медведев (Фомин) А.Ф. 103
Медведев С.Б. 104-106
Медведев Э.Б.(И.И.) 83-85, 105, 153
Мезенцов Н.В. 64, 198, 220
Меламедов И. 132
Мельгунов С.П. 31, 317, 320, 324, 326, 346-347
Мельгунова-Степанова П.Е. 324, 347
Мельников М.М. 237, 239, 241-244, 247-251, 253-254, 256, 258, 260-263, 266
Мендельсон С. 90, 190, 198
Менжинский В.Р. 340-342
Менцель К. 128
Меньшиков (Меньщиков) Л.П. 138
Мережин А. 299
Меркулов В.А. 142
Милевский В. 179-181, 186, 195, 203
Миллер см. Геккельман А.М.
Миллер Е.К. 441
Миллер О.Ф. 170
Милоглизкин (Милоглазкин К.Р.) 56
Милорадович М.А. 33
Милюков П.Н. ("Милюковер") 20, 23, 25, 287, 290, 353-359, 365, 372, 379, 434, 440
"Милюковер" см. Милюков П.Н.
Минаков Е.И. 104-106
Минор О.С. 138, 153, 205-206, 214, 221

Минский Н.М. (Норд-Вест) 116
Мирский Л.Ф. 87-88, 108, 151, 156, 171
Митрофанушка (лит) 421
Михайлов А.Д. 95, 97, 101
Михайлов А.Ф. 80, 124
Михайлов М.Л. 40
Михайловский Н.К. 131, 171, 219
Млодецкий И.О. (И.И.) 69, 111-113, 153
Мойхер-Сфорим М. (Менделе Мойхер-Сфорим) 143, 444
"Мойша" см. Зунделевич А.И.
Монтескье Ш. Л. 222, 372
Морейнис М.А. 83, 85, 153
Моренгейм А.П. 181, 184, 224, 228
Мороз Г.С. 338
Морозов (Лакиер) Н.А. 63-64, 78, 259
Морозов П.О. 63, 171, 217
Мотовилов Н.А. 208
Мощенко (Мощенков) Н.П. 79, 156
Мощенко (Мощенкова) Е.А. см. Хотинская Е.А.
Муравский М.Д. 35-36
Муравьев М.Н. 200, 220
Муравьев Н.К. 163, 215
Мушкин А.М. 173
Мышкин И.Н. 57

Набоков В.Д. 359
Надаров Б.И. 249
Надеин (Надеев Н.А.) 104-106, 142
Наполеон I 402
Наполеон III 204, 357
Натанзон Е. 107
Натансон М.А. 50-51, 53, 66, 74, 78, 92, 94, 153, 255-256
Недзельский 170
Незнакомец см. Суворин А.С.
Неймарк Н. 4, 20
Некрасов Н.А. 34, 114
Нератов А.А. 271, 275, 288-289
Несселович см. Нисселович Л.М.
Нечаев С.Г. 41-42, 47, 101, 191, 219, 263
Низье-Ансельм-Вашо см. Филипп
Никитин П.А. 83-84
Никитина С. 121
Николаевский Б.И. 22-23, 25-28, 219, 223, 229-230, 249, 252, 265, 365, 373, 379
Николай, св. (христ.) 104-105
Николай I 34-35, 312
Николай II 11, 174, 185, 201, 207-208, 219, 226, 229, 242, 244, 263, 360, 374
Нилус С.А. 203, 206-208, 210-211, 221, 226
Ницше Ф. 411
Нисселович (Несселович) Л.Н. 403, 438
Новаковский Е.З. 71, 73-74, 154

Новицкий В.Д. 57, 172-174, 176, 192, 212
Ножин 358, 372
Ной (библ.) 429
Норд-Вест см. Минский Н.М.
Ноткин Я.Ш. 138
Нудельман А. 130

Ободовская А.Я. 56
Оболенский (Оболенский-Нелединский-Мелецкой) В.С. 224, 228
Оболенский И.М. 242-243, 247-248
Овсянников А.А. 200
Огарев Н.П. 46-47
Озеров В.М. 41
Озерова Е.А. 211
Оловенникова М.Н. (Баранникова, Ошанина, Полонская) 122, 182, 196, 218
Ольшевский см. Лурье С. Г.
Оржевский П.В. 173-174
Оржих Б.Д. 137-138, 154
Орлов А. (Фельдбин Л.) 343
Орлов А.Ф. 34, 349
Орлов П.А. 96
Осинский В.А. 52, 96
Островский М. 40
Остроумов А.П. 136
Оуэн Р. 44
Ошанина см. Оловенникова М.Н.

Павел, апостол (христ.) 368
Павлов Д.Б. 4, 20
Павлов П.В. 40-41, 43
Павловский А.Я. 61, 63, 154
Павловский И.Я. (Яковлев) 56, 60-61, 63, 67, 130, 154, 177-178
Пален К.И. 55
Панина С.В. 285, 290
Панкеев И.К. 107
Панкратов В.С. 120, 127, 132, 134
Пантелеев 39
Пантелеев Л.Ф. 40, 43-44
Папин И.И. 72
Парамонов Н.Е. 24, 168, 216
Пасманик Д.С. 21, 276, 288-299, 365, 373, 382
Пассовер М. 59
Паткуль 36
Паули Н.К. 192, 266
Пашуканис В.В. 226
Пекарский Э.К. 79
Перетц Г.А. 33-34, 154
Перец И.-Л. 444
Перлина 130
Перовская С.Л. 101, 196

Перро Б.-Р.О. 177
Песковский см. Якубович П.Ф.
Пестель П.И. 34
Петлюра С.В. 274, 287, 356
"Петр Иванович" см. Рачковский П.И.
"Петр Петрович" см. Гобст А.-Я.-И.
Петрашевский М.В. 34
Петров Н.В. 349
Петров-Водкин К.С. 6
Петрункевич И.И. 208
Пешков А.М. см. Горький М.
Пикер см. Мартынов А.С.
Пиленко 437
Пирогов Н.И. 36, 46
Писарев Д.И. 39, 51, 131, 140
Плевако Ф.Н. 417,422, 428-429, 437
Плеве В.К. 98, 171, 173-174, 185-186, 203, 207, 212, 217, 224, 226, 247-249, 383
Плевицкая Н.В. 424, 441
Плеханов Г.В. 66, 81, 171, 178-180, 187, 190-193
Плотников Н.А. 72
Победоносцев К.П. 169, 185, 200, 217, 238-240, 242
Погорельский 103
Познер Д. 129
Познер С.В. 92
Полонская см. Оловенникова М.Н.
Полубояринова Е.А. 166
Польгейм И.О. 65
Поляков см. Поляков-Литовцев С.Л.
Поляков Х. 138
Поляков-Лохвицкий 43
Поляков-Литовцев (Литовцев С., Поляков) С.Л. 379, 382, 414, 420-421, 427, 429, 431-433, 439
Попов М.Р. 53, 80, 108, 110, 113
Португалов В.О. 36, 154
Потапов Я.С. 71
Потресов А.Н. 66
Похитонова А.Д. 128
Предтеченский 81
Преснухин Н. 44
Пресняков А.К. 76, 113
Прицкер (Притцкер, Прицчер) А.Я. 113, 115
Продеус 183
Прокофьева М.А. 266
Протопопов Д.Д. 6, 20
Пузыревская Ф. 132
Пулевич 83
Пумпянская Э.В. 56, 60-61
Путилин 187
Путятин Е.В. 46
Пушкин А.С. 200, 392, 436

Пусторский П.В. 44
Пыпин А.Н. 38

Рабинович 132, 142
Рабинович, братья 132
Рабинович см. Шварц
Рабинович А.В. 116
Рабинович М.А. 56-57, 61, 63, 66, 154
Рабинович-Черный М.Г. 154
Равашоль Л.Л. 198, 220
Радзивилл 169, 207, 216
Радионов (Родионов) И.В. 114-115
Радомысльский см. Зиновьев Г.Е.
Ракитникова И.И. 264
Ралли З.К. 66
Ранке Л. фон 18
Ранц Г. 125
Рапопорт С.А. (С.А.Ан-ский) 8, 21
Рапп Е.И. 163
Раппопорт Ю. 182-183, 219
Расплюев (лит.) 44
Распутин Г.Е. 220, 224, 277, 289, 360
Ратаев (Рихтер) Л.А. 169, 216, 249, 265
Ратнер Л.Г. 154
Ратнер Ф. 129
Рачковский А.П. 27, 208
Рачковский П.И. (Грюн, Денисов П., Заграфо П.П., Загрофо П.П., Закроффо, Иванов П., Кун, Леонард П.И., Леонов, "Петр Иванович") 19, 24, 26-27, 130, 166-167, 169-203, 205-208, 210-213, 215, 218, 223-226, 228-230, 365
Рашков А.Л. 83-85, 155
Ревич (Сабсович) Р.Л. 155
Резник И. 133
Рейнштейн Н.В. 90-91
Ремянникова Л.А. 251, 254
Ренненкампф Н.К. 430, 434-435, 438
Репетилов (лит.) 44
Реферт Ф.С. 108-111
Рид Д. 325
Риттенберг И.А. 155
Рихтер см. Ратаев Л.А.
Робеспьер М. 43
Рогаллер Л.О.(Л.И.) 133, 155
Рогачева В.П. 65
Роговин В.Л. 349-350
Родзянко М.В. 165, 215, 273-274
Родзянко Н.М. 286
Родичев Ф.И. 20, 207-208, 221, 359-362, 372, 379
Розанов В.В. 392, 437
Розенберг А. 254
Розенберг А.Л. 359

Розенберг Б.М. 337
Розенрот К. фон 206
Розенталь И. 155
Розенталь И.-А.И. 35
Розенфельд Л. 86, 155
Розенфельд Л.Б. см. Каменев Л.Б.
Розовский И.И. 113-115
Роман А. 103
Романович-Славатинский 47
Романовский (Карпенко) 172-173
Роморо Я.Б. 155
Ронес М.С. 107, 155
Росси С. 121, 126-127
Россикова Е.И. 102
Ротштейн И. 276, 288
Рубанович И.А. 246
Рубанчик О.Я. 79
Рубанчик, сестры 79
Рубинок О.Г. 131-132
Рубинштейн А.Г. 440
Рублев А.М. 104-107, 155
"Руня" см. Кранцфельд Р.
Рутенберг П.М. 203, 220
Рууд Ч. 27-28
Рысаков Н.И. 3, 19
Рысс П.Я. 285, 290

Саблин Н.А. 63, 101
Сабсович Д.И. 155
Сабсович Р.Л. см. Ревич Р.Л.
Савинков Б.В. 136, 248, 252-253, 258, 265-266
Савицкий см. Стародворский Н.П.
Сажин М.П. 56-57, 60, 62
Сакер Я.Л. 136
Салова Н.М. 123
Салтыков-Щедрин М.Е. 45, 229
Самарин А.Д. 229
Самарин Д.Ф. 229
Самарин Ю.Ф. 229
Самарины, род. 225
Самарская Л.Я. 100, 110
Самбон 200
Сапер Г.Д. 155
"Сахар Сахарыч" см. Васильев З.З.
Сватиков С.Г. 13, 19, 22-28, 31-32, 97, 163, 212-214, 221-223, 365, 373, 379
Свириденко В.А. (Кавуненко В., "Владимир") 83
Святополк-Мирский П.Д. 174, 218
Северянин И.В. 31
Селиверстов Н.Д. 212
Селитренников 191

Селюк М.Ф. 236, 248
Семенов Е. 160
Семенов Е.П. см. Коган С.М.
Семенов С.Н. 33
Семеновский см. Коган С.М.
Семенские, супруги 171
Семенский В.А. 170
Семякин Г.К. 175
Сенявин Н.Д. 33
Серафим Саровский 207-208
Сербинский см. Серпинский В.
Сергеев-Ценский С.Н. 32
Сергей Александрович 225-226, 229, 237, 262
Серебряков Э.А. 77, 182, 183-184, 218
Серков А.И. 381, 439
Серно-Соловьевич А.А. 41
Серно-Соловьевич Н.А. 36, 40
Серошевский В. 90
Серпинский (Сербинский) В.С. 90, 92, 115
Сибиряков И.М. 137, 152
Сиверс 84
Сиверский см. Агафонов В.К.
Сиейес Э.-Ж. 408, 439
Силантьевы см. Арончик А.Б. и Чернявская Г.Ф.
Симановский см. Коган С.М.
Симха М. 49
Синегуб С.С. 57
Сипягин Д.С. 237-240, 242, 246-248
Скавронский А.И. 35
Скандраков А.С. 172-173, 217
Скандраков Г. 172
Склифосовский 104
Скобелев М.Д. 228
Скоблин Н.В. 441
Скорняков М.Г. 83
Скорогнилов Л. см. Тихомиров Л.А.
Слепян М. 136
Слетов С.Н. 264
Слиозберг Г.Б. 365, 373
Слуцкий Б. 304-305
Смецкая Н.Н. 88
Смилга И.Т. 339
Созонов Е.С. 217, 253, 258, 266
Соколов 133, 170
Соколов К.Н. 168, 216, 273, 286
Соловьев А.К. 3, 19, 52-53, 97, 103
Соловьев В.С. 368
Сологуб Ф.К. 31-32, 372
Спандони А.А. 121
Спасович В.Д. 38-39, 45

Спиридович А.И. 27, 160, 208-211, 222, 247, 254, 256-257, 265-266
Стадырнов П.М. 204
Сталин И.В. 339, 348, 378
Стародворский (Савицкий) Н.П. 126-127
Стасюлевич М.М. 38
Стахович М.А. 424, 441
Стаховский 109
Стаховский М. 109
Стеклов Ю.М. (Нахамкес) 12-13, 15-16
Степанов Д.Т. 40-41
Степанов К. 135
Степанов С.А. 27-28
Степанов Ф.П. 225
Степанова 183
Степановы, семья 225
Степняк см. Кравчинский С.М.
Степун Ф.А. 8, 16, 21
Стефанович Я.В. 59, 61, 64-65, 67, 74, 86, 95
Столыпин А.А. 429, 442
Столыпин П.А. 10, 20-21, 203, 290, 359, 392, 396-397, 438, 442
Страхов 173
Строганов 173
Строев В. 226
Струве (Герд) Н.А. 290
Струве П.Б. 6, 12, 20, 23, 31, 89, 272, 282, 284-285, 290, 375, 411, 439
Субботин В.Ф. 364
Суворин А.А. 394-395, 437-438
Суворин А.С. (Незнакомец) 94, 116, 437
Суворов Н.В. 84
Суворов А.А. 37
Судакевич Ф.С. 40
Сударский 304
Судейкин Г.П. 12, 126-127, 174-176, 182, 186-187, 218, 263
Судейкин С.Ю. 218
Судзиловская Е.К. 56
Суходрев 437
Сухомлин В.И. 131
Сухомлинов В.А. 394, 437
Сухотин А.Н. 225

Таборицкий С. 359
Тавбина 135
Тагер А.С. 20, 209
Тан см. Богораз-Тан В.Г.
Тананаки М. 105
Тартаковский И.М. 155
Тархов 87
Татаров Н.Ю. 266
Темкин В. 276, 288
Терне А. 346

Тетельман Д.А. 182
Тетельман Е.А. 182
Тетельман Л.А. ("Коля") 56, 59, 156
"Тигрыч" см. Тихомиров Л.А.
Тиличеев Г.Д. 135
Тихомиров Л.А. (Кожин, Скорогнилов Л., "Тигрыч") 61, 122-123, 130, 142, 160, 171, 174, 176-179, 182, 189, 191-196, 217
Толстой Д.А. 92, 173
Толстой И. 31
Толстой Л.Н. 113, 279, 290, 377, 392-393, 429, 442
Торнштейн 129
Тотлебен Э.И. 62, 85
Трахтман М.С. 87, 156
Тренев К.А. 32
Трепов А.Ф. 284, 290
Трепов Д.Ф. 203, 220
Тривус И. 276, 288
Троцкий (Троицкий П.С.) 57
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 7, 15, 18, 57, 169, 200, 213, 277, 339, 349-350, 376, 378
Трусов А.Д. 41, 105
Трушковский 192
Тун А. 160
Турати Ф. 153
Тургенев И.С. 46-47, 62, 145, 390
Турский Г.М. 179
Тухман 132
Тыркова (Тыркова-Вильямс) А.В. 6, 20, 272
Тыркова-Вильямс см. Тыркова А.В.
Тюрин И.К. 107
Тютчев Н.С. 220
Тютчев Ф.И. 200, 414

Ульянов В.И. см. Ленин В.И.
Ульяновский А. 160
Уншлихт И.С. 348
Урицкий М.С. 15, 18, 361
Урусов С.Д. 293
Успенский Г.И. 76
Устинович 33
Устрялов Н.В. 12, 21
Утин Б.И. 37-39, 47, 156
Утин Е.И. 36-37, 39, 42-45, 47, 61, 156
Утин И. 37, 87
Утин Н.И. 36-37, 39-41, 43-44, 47, 142, 156
Ухтомский Э.Э. 429, 442

Файнзильберг Р.К. 79, 156
Файнштейн, супруги см. Геллис М.Я. и Геллис Э.М.
Федершер (Финкельштейн) Г. 128-129

"Федор" см. Бартенев Д.И.
Федоров А. см. Гобст А.-Я.-И.
Федотов Г.П. 21
Фейгин Л. 34-35
Фельдбин Л. см. Орлов А.
Фельдман С. 129
Фельдман Я. 129
Фесенко 134-135
Фигнер В.Н. 68, 70, 119, 122, 126, 257-259, 266
Фигнер, сестры 65, 68
Филипп (Низье-Ансельм-Вашо) 185-186, 224, 228-229
Финкельштейн см. Федершер Г.
Финкельштейн А. 51, 54
Фихтенгольц А.М. 104-105, 156
Флейшауер У. 25, 366
Флеровский (Берви-Флеровский) В.В. 42
Фогель 129
Фойницкий 182
Фома (новозаветн.) 404
Фомин см. Медведев А.Ф.
Франжоли А.А. 62, 67, 90, 101
Франк Р.Ф. 128, 156
Франштейн 80
Френкель А.С. 36, 156
Френкель И. 131
Френкель Л.С. 36, 156
Френкель С. 36
Френкель Я.Г. 123-125
Фрессер С.И. 87
Фридман Н.М. 403, 438
Фриман А. см. Либерман А.
Фроленко М.Ф. 63, 74, 97, 102, 259
Фукс И. 103-106, 156
Фундаминский М.И. 131, 137
Фурер А. 130

Хазанович Л. 177
Хайек Ф. 293
Харченко Е.И. 66-67
Хедеровер 108
Хейфец 133
Хейфиц С. 138
Хенкин 79
Херблет (Хэрблат Г.) 169, 207, 216
Хоржевская А.С. 69
Хотинская (Мощенко, Мощенкова) Е.А. 79, 156, 177
Хотинский А.А. 75-77, 95, 156
Хотов 65
Христофоров А.Х. 188, 219
Хрущев 44

Хургин 89

Цакни (Львова) З.К. 156, 177
Цакни Н.П. 157
Цвибак Л.М. 157
Цейтлин А. 136
Церетели И.Г. 16
Цион И.Ф. 77, 224, 228, 230
Циперович 165
Цитович П.П. 105-106
Цукерман Л.И. 95, 111, 113
Цукерман М.А. 52-54, 104, 106-197, 157
Цыплов (Гарманов) И.Н. 49

Чагин см. Чухнин Г.П.
Чайковский Н.В. 50, 64, 198, 219
Чайковский П.И. 412-413
Чарушин Н.А. 56
Чекистов (лит.) 325
Чемеринский 303, 307
Чериковер И.М. 25-26, 28, 272, 317
Черненкова 135
Чернобаевы 103
Чернов В.М. 236-237, 245-248, 251, 257, 264, 266
Чернышевский Н.Г. 40-42, 51, 140, 218
Чернявская Г.Ф. 101-102, 179, 195
Чертков М.И. 108, 115
Черчилль У. 411, 439
Чикоидзе М.Н. 63
Чичерин Б.Н. 44, 46, 402, 429-430, 434-435, 438
Членов Б.А. 100
Членов М.А. 79
Чубаров С.Ф. ("Капитан") 82, 84-85, 95, 105, 121
Чудновский С.Л. 48-49, 56, 107, 157
Чухнин (Чагин) Г.П. 415, 440
Чхеидзе Н.С. 16

Шабельский-Борк П.Н. 359
Шайла дю А.М. 207, 221
Шандар (Шандор) А.А. 80
Шафецельев см. Аксельрод П.Б.
Шац Э. 36
Шварц (Рабинович) 52
Шварцбард Ш. 287
Шварцман Мирон 136
Шварцман Михаил 276
Шебалин М.П. 119-120, 127
Шебалина П.Ф. см. Богораз П.Ф.
Шебеко Н. И. 91, 108, 120, 125-126, 128-131, 134-135, 137
Шейблер К. 234

Шейнус 132
Шелгунов Н.В. 40
Шелохаев В.В. 272
Шерлок Холмс (лит.) 363
Шестов Л. 325, 347
Шефтель М.И. 108
Шефтель Ф.И. 71, 73, 157
Шехтер С.Н. 108-110, 135
Шехтман И. 272
Шимановский Б.А. 157
Шингарев А.И. 416, 440
Ширмер Р.А. 64
Ширяев С.Г. 97, 102
Шкотт 203
Шлекерман 135
Шлемензон Л. 131
Шмаков А.С. 441
Шмелев И.С. 32
Шмидт 105
Шмидт Н.К. 170
Шмулевич Я. 35-36
Шнее С. (Аксельбант, "Алешка") 82, 84-85
Шнееров М.М. 251, 265
Шолом-Алейхем (Ш.Рабинович) 444
Шопен 191
Шполянский И.Л. 91
Шпунберг см. Геллис Э.М.
Штейнберг А.З. 5-6, 20
Штернберг Л.Я. 138-157
Штиф Н.И. 272
Шуб Д. 356,, 372
Шульгин В.В. 19, 318, 374-383, 399, 404-405, 407, 411-412, 419, 426, 430, 435-439, 442
Шур Ш.-Х. М. (В.Ф.) 157
Шюбергсон 204

Щедрин см. Салтыков-Щедрин М.Е.
Щербаненко 103
Щетинин 88

Эдельштейн М.В. 56-57, 61-62, 157
Эйтингон Л.А. 15
Эйхенбаум Б.М. 16, 21
Элпидин М.К 41, 160, 187-190, 218-219
Эльсниц А.Л. 66
Эльяшев Л.Е. 274, 287
Эмме В.Г. 64-65
Энгели 428
Эпштейн А.М. 63, 158
Эфрон 91, 132

Эфрон Иосель А. 158
Эфрон Исаак А. 158

Юделевский Я.Л. см. Делевский Ю.
Юденич Н.Н. 290
Южакова Е.Н. 104, 106
Юкельзон З. 36
Юревич 165
Юркевич Ф.О. 61
Юрковская (Григорьева) Ю.Ф. 239-242, 251
Юрковский Ф.Н. 102
Ющинский А. 5, 209, 374

Ягода Г.Г. 340-342
Яголковский К.Ф. 174-218
Ядловкина 132
Ядрышев Н.К. 204
Якершберг Р.Х. см. Идельсон Р.Х.
Яковлев см. Павловский И.Я.
Якубович (Песковский) П.Ф. 123, 128, 130, 141, 156
Якубовская Р. 132
Якушев 378
Янковская Н. 131
Янковский 173
Ярчук Е.З. (Захарьев Х.) 15

Altshuler M. 446

Bint A. см. Бинт А.(Г.)
Bryant L. см. Брайант Л.
Budnitskii O. см. Будницкий О.В.

Dallio M. см. Далио М.
Denisow P. см. Рачковский П.И.

Gitelman Z. 346

Haeckelmann см. Геккельман А.М.
Hurblutt см. Херблет

Ivanov P. см. Рачковский П.И.

Joli M. см. Жоли М.

Kenez P. 272
Klier J. 272
Lambroza S. 272
Kolovinsky см. Головинский М.В.

Landeisen см Геккельман А.М.

Naimark N. см. Неймарк Н.
Nedava J. 346
Nicolaevsky B. см. Николаевский Б.И.

Radziwill см. Радзивилл
Rosenroth K., von см. Розенрот К. фон

Sambain см. Самбон
Schapiro L. 19-20, 346

Trotsky L. см. Троцкий Л.Д.

О. Будницкий

Евреи и русская революция

Материалы и исследования, публикуемые в настоящем сборнике, объединяет общая тема - российские евреи и русская революция. Среди них извлеченные из российских и американских архивов работы известного историка С.Г.Сватикова, в 1917 году расследовавшего деятельность заграничной агентуры Департамента полиции о создании «Протоколов Сионских мудрецов», а также об участии евреев в русском освободительном движении; письма российского посла в Париже В.А.Маклакова руководителям белого движения по «еврейскому вопросу»; биографический очерк о «крестном отце» эсеровского терроризма Г.А.Гершуни; статьи о положении еврейского населения при коммунистическом режиме и об участии евреев в деятельности ВЧК-ГПУ, о полемике по «еврейскому вопросу» на страницах эмигрантской печати; «потаенная» переписка бывшего адвоката Менделя Бейлиса В.А.Маклакова и одного из главных идеологов антисемитизма в России В.В.Шульгина о роли «еврейского фактора» в русской революции и другие.

Главный редактор М. Гринберг

Оформление Т. Бутяковой
Компьютерная верстка Т. Глазовой

ЛР № 030851 от 08.09.98. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 30.
Тираж 2000 экз. Зак. № 1555.

©Гешарим. Иерусалим
Gesharim
Development of Cultural Contacts
Tel.: (972-2) 993-1194. Fax: (972-2) 993-3189

"Мосты культуры" 103051, Москва, ул.Трубная, 29-56
Тел.: (095) 915-7178

ISBN 5-89527-014-X

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО "Можайский полиграфический комбинат".
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Натонсонъ

3) Во весь ростъ, стоя, въ ¾ въ томъ самомъ головномъ уборѣ, верхн. платьѣ и обуви, въ которомъ былъ задержанъ. Если носитъ очки, то одѣтъ.

Фотографія въ 1 натур. величины.

ОПИСАНІЕ ПРИМѢТЪ.

Возрастъ по пар. виду — Годъ и мѣс. рожденія

Ростъ 1 метръ — сант. Полнота — Тѣлосложеніе — Объемъ въ поясѣ

1) Волосы: Цвѣтъ — Волнистость — Густота — Лысина

2) Борода и усы: Цвѣтъ — Форма — Густота — Особ.

3) Лицо: Цвѣтъ — Полнокровіе — Выраженіе — Особ.

4) Лобъ: Высота — Накл. — Морщины — Форма головы

5) Брови: Цвѣтъ — Форма — Густота — Расположеніе — Особ.

6) Глазныя впад. (орбиты): Величина — Глубина — Особ.

7) Глаза: Цвѣтъ райка — Классъ — Особ. — Разст. между глазъ

8) Носъ: Спинка — Основаніе — Выст. — Длина — Шир. — Особ.

9) Ухо: Форма — Оттопыренность — Велич. — Особ.

Уши: 10) борд.: Нач. — Верх. — Низ. — 12) Противо-воз.: — Накл. — Проф. — Вып.

11) мочка: Накл. — Форма — Приростаніе — 13) Внутр. скл.: Вып. — Велич.

14) Губы: Форма — Высота — Толщина — Выступаніе — Особ.

15) Подбородокъ: Длина — Накл. — Форма — Полнота — Особ.

16) Плечи: Ширина — Накл. — Шея — Особен.

17) Руки: Величина — Привычка держать — Особен

18) Ступни ногъ: Длина (№ обуви) — Особенность формы ногъ

19) Осанка (выправка корпуса. Манера держаться):

20) Походка:

21) Особ. въ жестикуляціи, гримасы, тикинки, и т. п.

Подпись

Фотографія въ 1 натур. величины.

М.А. Натонсон, ГАРФ, ф. 1742 – фотографии лиц, проходивших по делам полицейских учреждений, СПб. 1820-1917, оп. 1, № 24919

Дейчъ, Левъ.

Л.Г. Дейч, ГАРФ, ДП, ф. 102, оп. 253

П.Б. Аксельрод

Б.А. Каминская

О.В. Аптекман

Г.Д. Гольденберг. С фотографии 1880 г. Из собрания Музея "Каторга и ссылка"

Г.М. Гельфман

V.

Показанія Геси Гельфманъ.

Геся Гельфманъ была крайне не многословна въ своихъ показаніяхъ. 3 марта она дала подполковнику Никольскому и товарищу прокурора палаты Н. В. Муравьеву первое показаніе [1]):

«Зовутъ меня Геся Миронова Гельфманъ. Отъ роду имѣю 26, вѣроисповѣданія іудейскаго. Званіе мое мѣщанка г. Мозыря, минской губерніи, незамужняя.

Ни на какіе вопросы, касающіеся лично меня, а также лица, застрѣлившагося сегодня ночью въ той квартирѣ, гдѣ я была арестована, и вещей, оказавшихся въ той квартирѣ, я отвѣчать не желаю. Предъявленная мнѣ сейчасъ фотографическая карточка—дѣйствительно моя».

5 марта подполковникъ Никольскій, въ присутствіи уже А. Ф. Добржинскаго, допрашивалъ вновь Гесю Гельфманъ, которая дополнила свое показаніе отъ 3 марта нижеслѣдующимъ, весьма краткимъ показаніемъ:

«Предъявленную мнѣ сейчасъ личность (былъ предъявленъ мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ) я не знаю. Признаю, что я принадлежу къ русской соціально-революціонной партіи, программы «Народной Воли», о своей же революціонной дѣятельности и вообще о своей жизни и занятіяхъ въ Петербургѣ я никакихъ отвѣтовъ давать не желаю. На Малой Садовой улицѣ въ Петербургѣ, ни въ квартирахъ жильцовъ, ни въ разныхъ торговыхъ помѣщеніяхъ я знакомыхъ не имѣла и не имѣю».

8 марта, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, Геся Гельфманъ дополнила свои объясненія нижеслѣдующимъ, тоже весьма краткимъ показаніемъ:

«На всѣ вопросы, предлагаемые мнѣ, отвѣчать не желаю. На вопросъ, знала-ли я о подкопѣ на М. Садовой улицѣ, въ С.-Петербургѣ, изъ сырного магазина, заявляю, что участія въ этомъ подкопѣ я не принимала, а на вопросъ, знала-ли о существованіи этого подкопа—отвѣчать не желаю».

6 марта Геся Гельфманъ была допрошена слѣдователемъ Книрямомъ. Этотъ допросъ изложенъ въ слѣдующемъ протоколѣ:

№ 136 №

ДѢЛО

СУДЕБНАГО ОТДѢЛА

МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

Производство дознанія по злодѣйскому покушенію 1881 года.

По Высочайшему повелѣнію.

НАЧАЛОСЬ 16 Марта 1881 года.

КОНЧЕНО 21 Марта 1881 года.

На 2 листахъ.

Обложка дела 1-го Марта,
ГАРФ, ДП, ф. 102, оп.252

приговоромъ особаго присутствія правительствующаго сената была осуждена въ 1877 году въ рабочій домъ на два года. Я не признаю себя виновною въ соучастіи во взрывѣ, произведенномъ 1 марта 1881 года на набережной Екатерининскаго канала, послѣдствіемъ коего была смерть и поврежденіе здоровья нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Рысакова я не знаю. Въ квартирѣ моей дѣйствительно были найдены двѣ банки съ динамитомъ и я знала, что это динамитъ. Откуда эти банки съ динамитомъ взялись, не желаю показать. По поводу квартиры и человѣка, застрѣлившагося въ ней, никакихъ отвѣтовъ дать не желаю. Человѣка, тяжело раненаго нирвомъ и умершаго въ больницѣ, проживавшаго подъ именемъ Ельникова, я не знаю. Зачеркнуто «особымъ». Исправленное «1877» вѣрно. Геся Гельфманъ. Суд. слѣд. Книрямъ».

Показания Геси Гельфман, журнал "Былое"

Н.М. Богораз, ГАРФ,
ф. 101, оп. 253

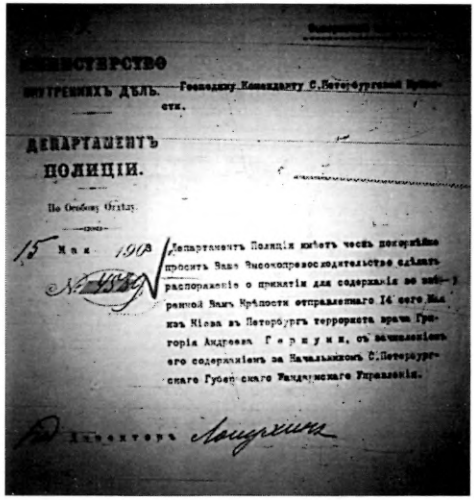

Б.Д. Оржих, ГАРФ, ф. 1742, оп. 1, № 26647

Г.А. Гершуни

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ. Господину Командиру С.Петербургскаго Корпуса.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ПОЛИЦІИ.

По Особому Отдѣлу.

15 Мая 1903 г.
№ 4332

Департаментъ Полиціи имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство сдѣлать распоряженіе о принятіи для содержанія въ вашей ввѣренной Вамъ Крѣпости отправленнаго 14 сего Мая изъ Кіева въ Петербургъ террориста врача Григорія Андреева Гершуни, съ зачисленіемъ его содержаніемъ за Начальникомъ С.Петербургскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Директоръ Лопухинъ

Страница дела *Г.А. Гершуни*, ГАРФ, ДП, ф. 102, Особый отдел, 1903, № 842

С.М. Гинцбург, ГАРФ, ф. 1742, оп. 1, № 8109

Ю.О. Цедербаум (Мартов), ГАРФ, Департамент полиции, ф. 102, оп. 253, № 358

А. 28255. Абрамъ Исааковъ ЗУНДЕЛЕВИЧЪ.

А.И. Зунделевич, ГАРФ, ДП, ф. 102, оп. 253

Ю. Делевский (Юделевский), ГАРФ, ДП, ф. 102, оп. 253

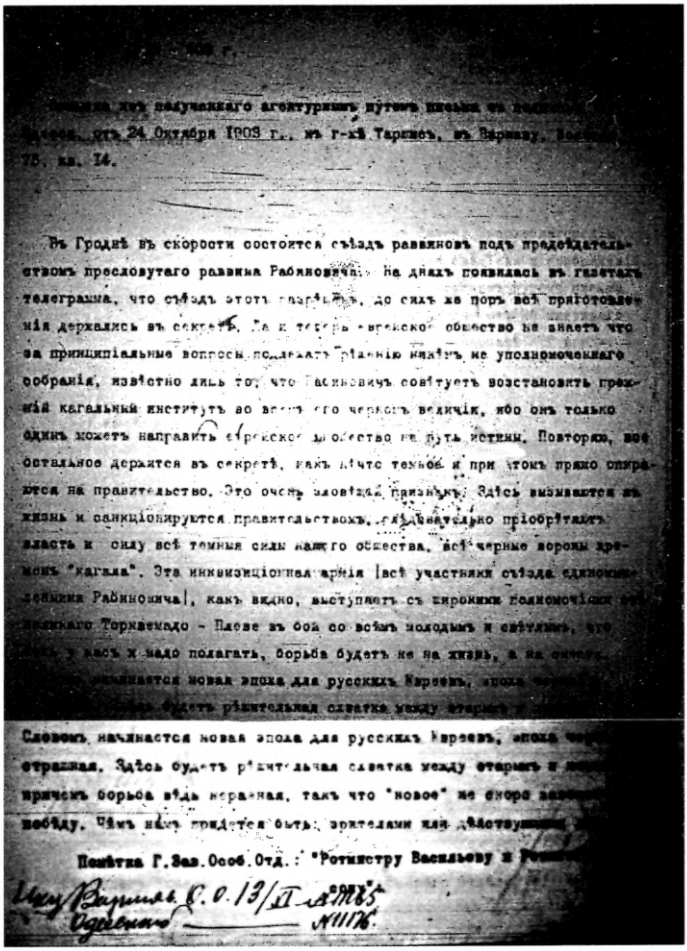
В.Л. Бурцев, Автолитография Ю.К. Арцыбушева (Дек. 1917, янв. 1918)

Е.Ф. Азеф

М.Р. Гоц

Въ Гродно въ скорости состоится съѣздъ раввиновъ подъ предсѣдательствомъ прословутаго раввина Рабиновича. На дняхъ появилась въ газетахъ телеграмма, что съѣздъ этотъ [illegible], до сихъ же поръ всѣ приготовленія держались въ секретѣ. Да и теперь еврейское общество не знаетъ что за принципіальные вопросы [illegible] ни отъ кого не уполномоченнаго собранія, извѣстно лишь то, что Рабиновичъ совѣтуетъ возстановить прежній кагальный институтъ во всемъ его черномъ величіи, ибо онъ только одинъ можетъ направить еврейское общество на путь истины. Повторяю, все остальное держится въ секретѣ, какъ нѣчто темное и при этомъ прямо опирается на правительство. Это очень зловѣщій признакъ. Здѣсь вмѣшивается въ жизнь и санкціонируется правительствомъ, [illegible] пріобрѣтаетъ власть и силу всѣ темныя силы нашего общества, всѣ черные вороны времонъ "кагала". Эта инквизиціонная армія [всѣ участники съѣзда единомышленники Рабиновича], какъ видно, выступаетъ съ широкими полномочіями [illegible] испанскаго Торквемадо - Плеве въ бой со всѣмъ молодымъ и свѣтлымъ, что [illegible] у насъ и надо полагать, борьба будетъ не на жизнь, а на смерть. [illegible] начинается новая эпоха для русскихъ Варшавъ, эпоха [illegible] отвратная. Здѣсь будетъ рѣшительная схватка между отсталостью и [illegible] причемъ борьба вѣдь неравная, такъ что "новое" не скоро [illegible] побѣду. Чѣмъ намъ придется быть: зрителями или дѣйствующими [illegible]

Пометка Г. Зав. Особ. Отд.: "Ротмистру Васильеву и Р[illegible]

Варшава. 13/II 1905 г. №1176.

Агентурное донесение, ГАРФ

КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ!

Еще не прошел кошмар от ужасов Кишиневской и Гомельской рѣзни, а весь еврейскій міръ уже снова потрясенъ разразившимися надъ всей чертой погромами. Неизмѣнные спутники кризисовъ, безработицы, голода—погромы и эту тяжелую для Россіи годину несчастій, вызванныхъ безсмысленной, нелѣпой и разорительной войной, стали хроническимъ явленіемъ еврейской дѣйствительности: одинъ за другимъ послѣдовали два разрушительныхъ, какъ ураганъ, погрома въ Александріи и Смѣлѣ, а вскорѣ за ними прошелся, какъ вихрь, цѣлый рядъ погромовъ въ Могилевѣ, Быховѣ, Богуславѣ, Витебскѣ, Мстиславѣ и многихъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ. Снова передъ нами давно знакомая картина открытаго наглаго грабежа, жестокаго издѣвательства, звѣрскихъ насилій, кровавыхъ убійствъ! Какъ голодные, хищные звѣри, разъяренныя толпы громилъ, отупѣвшія отъ ненависти, дав волю своимъ дикимъ, необузданнымъ инстинктамъ, набрасываются на мирное, безащитное еврейское населеніе. Аномаліи, которыми полна русская жизнь всей своей тяжестью обрушиваются на еврейскія массы. Бурно, стихійно вырывающійся наружу протестъ забитой, невѣжественной, доведенной всей современной политической и экономической структурой Россіи до отчаянія, русской массы, направленъ по линіи наименьшаго сопротивленія, выливается въ уродливыя формы анти-еврейскихъ безпорядковъ. Неминуемое банкротство самодержавія, подготовленное всѣмъ предшествующимъ ходомъ развитія русской общественности, ярко проявляющееся въ затѣянной царской бюрократіей войнѣ, фатально толкаетъ гнилое царское правительство на путь искусственнаго разжиганія національной вражды, чтобы такимъ образомъ отвлечь народное возмущеніе противъ его непосредственнаго врага. Послѣдовательная политика „divide et impera", являясь необходимой функціей самодержавія, неизбѣжно приводитъ его къ необходимости активно или пассивно содѣйствовать погромамъ. Государственный политическій строй Россіи, придающій правительственной политикѣ ярко-антисемитическій характеръ лишая еврейское общество государственной законной защиты, развиваетъ въ окружающемъ населеніи сознаніе безправіанности и дѣйствительности за дикія насилія надъ еврейской массой, какъ надъ безправными паріями, чѣмъ облегчается возможность частыхъ возникновеній погромовъ. Послѣдніе, чрезвычайно усиливая неустойчивость и непрочность социально-экономическаго базиса еврейской массы, сильно обостряютъ „еврейскій вопросъ" и отражаются на себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ ненормальности исключительнаго положенія евреевъ, какъ націи. Погромы, усиливаемые въ своемъ разрушительномъ дѣйствіи вышеуказанными дѣйствующими факторами психологическаго и политическаго порядка, представляютъ собой сложное общественное явленіе, причины котораго кроются въ непрерывной экономической конкуренціи между коренными огромнымъ большинствомъ и чуждымъ слабымъ меньшинствомъ. Евреи не растворялись впродолженіе среднихъ и начала новыхъ вѣковъ среди классовъ окружающаго христіанскаго общества и выполняя спеціальную функцію торговаго класса, пошли по особому исключительному пути соціальнаго развитія, способствовавшему ихъ обособленію и образованію своеобразной рѣзко-отличительной идеологіи. Постепенно роль евреевъ въ экономическ. жизни ограничивается, такъ какъ естественная эволюція хозяйства европейскихъ народовъ выдвигаетъ изъ нѣдръ общества христіанскій торговый классъ, вступающій въ ожесточенную групповую борьбу съ евреями—конкурентами. Глубокое различіе психологіи и сознанія взаимной чуждости придаетъ этой групповой борьбѣ характеръ національной конкуренціи; на почвѣ этой послѣдней заражается антисемитизмъ и въ свою очередь становящійся могучимъ соціальнымъ факторомъ и побудившимъ уже ремесленные цехи и торговыя гильдіи преградить доступъ къ нимъ евреямъ. Реакціонное наслѣдіе среднихъ вѣковъ—антисемитизма еще болѣе пышно расцвѣтаетъ въ современномъ капиталистическомъ христіанскомъ обществѣ, въ которомъ неограниченно господствуетъ всеклассный законъ свободной конкуренціи. Мелкая и средняя буржуазія, разлагающіяся при стихійно надвигающемся капитализмѣ, постепенно захватывающемъ всѣ отрасли производства и обмѣна, становится активнымъ носителемъ антисемитизма. Объективныя условія ея существованія характеризуютъ ее, воспринявшее антисемитическія настроенія и по ея самымъ прогрессивной соціальный процессъ развитія капитализма и непосредственную причину своего содержанія она, по своей близорукости и невѣжеству, видитъ въ евреѣ, какъ единственномъ конкурентѣ и эксплуататорѣ, а потому цѣпляется за антисемитизмъ какъ за послѣдній якорь спасенія. Разорившаяся, консервативно настроенная, родовая земельная аристократія символизируетъ въ образѣ еврея ненавистное ей начало торгово-промышленнаго капитала и всегда примыкаетъ къ антисемитскому движенію. Господствующія правительство и буржуазія, пользуясь политической незрѣлостью и невѣжествомъ массы эксплуатируетъ антисемитизмъ для затемненія классоваго самосознанія пролетаріата. Голодный и ожесточившійся въ напряженной борьбѣ за существованіе lumpen-пролетаріатъ, тысячами выбрасываемый изъ современной фабрики и деревни, становится вмѣстѣ съ безсознательными слоями производительнаго пролетаріата опаснымъ орудіемъ въ рукахъ антисемитскихъ агитаторовъ изъ буржуазнаго и правительственнаго лагеря. В такой соціальной средѣ, насыщенной антисемитизмомъ, достаточно бываетъ маленькой искрѣ, чтобы вспыхнулось грозное пламя вражды и ненависти „... Нелѣпо и безсмысленно поэтому считать пашней отъ всѣхъ золъ тѣ паллиативныя мѣры, которыя еврейскій народъ принимаетъ до сихъ поръ въ борьбѣ съ антисемитизмомъ, пустившимъ такіе глубокіе корни въ христіанскомъ обществѣ. Порожденный аномальнымъ положеніемъ евреевъ, при которомъ послѣдніе какъ бы клиномъ врѣзываются въ среду господствующихъ націй, онъ всегда необходимо въ той или иной формѣ проявляется, какъ продуктъ групповаго экономической борьбы въ рамкахъ одного класса по различнымъ національностей. Исчезновеніе же антисемитизма и его неизбѣжнаго слѣдствія—ненормальнаго соціально-экономическаго положенія евреевъ—возможно только при радикальномъ рѣшеніи еврейскаго вопроса, т. е. при концентраціи разсѣянныхъ еврейскихъ массъ на одной территоріи, которая ихъ будетъ гарантировать нормальное развитіе національной жизни. Наиболѣе же рѣзкія формы антисемитизма—погромы, вносящіе панику, разсѣянность и полную деморализацію въ еврейскія массы и нагло попирающіе наше человѣческое и національное достоинство должны получить сильный и смѣлый отпоръ со стороны организованной силы, парализующей въ нашей средѣ гибельное вліяніе отчаянія и сознанія слабости и безащитности. Самооборона и ея великая моральная сила, поднимая еврейскую личность и убивая трусливо-рабскую идеологію, это безспорное наслѣдіе многовѣковыхъ гоненій и преслѣдованій, имѣетъ имѣетъ съ тѣмъ великое практическое значеніе. Неизбѣжный результатъ вооруженнаго сопротивленія еврейскаго населенія—жертвы со стороны громилъ—не только уменьшаетъ въ чрезвычайно значительной степени размѣры погромовъ, но, дѣйствуя на психологію антисемитовъ, дѣлаетъ ихъ невозможными. Всѣ же міры, употребляемыя нашей буржуазіей для того, чтобы откупиться отъ погромовъ, вродѣ щедрыхъ подаяній полиціймейстерам и губернаторам или обѣдовъ запасным, кромѣ того что онѣ позорятъ честь многострадальческаго, но великаго народа, достигаютъ въ практическомъ отношеніи прямо и противоположныхъ результатовъ. Когда же еврейскій нарядъ наконецъ пойметъ, что бьютъ всегда того, кого можно бить и что вся вина наша в нашей слабости? Когда же онъ наконецъ воспрянетъ духомъ и перестанетъ быть козломъ отпущенія за чужіе грѣхи? Или еще мало жертвъ? еще мало искалѣченныхъ, изуродованныхъ, опозоренныхъ и убитыхъ? Опомнитесь же наконецъ! Вѣдь никого толпа не бьетъ и не грабитъ за исключеніемъ евреевъ! Неужели тутъ поможетъ взятка и подачка? Наша буржуазія в Минскѣ рѣшила, что въ безпорядках запасных виновато отчасти „еврейство" и собрала 20, 000 руб. на обѣды запасным. Вы правы, господа! Такое рабское, трусливое и лакействующее еврейство дѣйствительно виновато в безпорядках! Но к счастью это только отбросы еврейскаго народа! Остальное еврейство спасетъ свою честь и создастъ оплотъ противъ дикихъ страстей необузданной толпы в геройской національной самообороны.

Да здравствуетъ національная самооборона!

Да здравствуетъ сіонизмъ!

Да здравствуетъ соціализмъ!

Кіевская организація сіонистов соціалистов.

Из коллекции нелегальных листовок 1820-1917 гг., ГАРФ, ф. 1741, оп. 1, № 21314

М.И. Либер

Ф.И. Дан

Ф.Е. Каплан

„СІОНИЗМЪ СТРЕМИТСЯ СОЗДАТЬ ПРАВООХРАНИМОЕ УБѢЖИЩЕ ДЛЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА ВЪ ПАЛЕСТИНѢ".

ЕВРЕИ.

Радостно встрѣчаетъ эти дни еврейство Россіи. Своей кровью и жертвами запечатлѣло оно свое участіе въ русскомъ освободительномъ движеніи. Оно явилось не только активнымъ борцомъ, но и мученикомъ за дѣло русской революціи.

Больше всѣхъ другихъ народовъ почувствовало на себѣ россійское еврейство гнетъ безправія и порабощенія. Еврейской кровью тушили народное возмущеніе. На еврейство отвращали бушующую стихію народнаго гнѣва. Живыхъ евреевъ превратили въ безпрерывное мученичество, глумились надъ его святынями, убивали его душу.

Только духовная стойкость народа, закаленнаго тысячелѣтними испытаніями, дала еврею силу не согнуться, сохранить свое человѣческое и народное достоинство.

Освобожденная Россія смыла съ себя позорное пятно, угнетавшее ея душу, сознаніемъ вины и несправедливости.

Пройдутъ немногіе дни и учредительное собраніе, представительница освобожденнаго народа, установитъ начала свободы и справедливости для всѣхъ гражданъ и народностей страны.

Передъ еврействомъ Россіи встаютъ тяжелыя и длительныя задачи. Въ новую Россію евреи входятъ не только, какъ коллективъ гражданъ но какъ еврейская нація, имѣющая наряду съ общегосударственными и свои особыя національныя стремленія и задачи.

Получившій возможность заговорить еврейскій народъ опредѣленно и ясно долженъ заявить о своихъ національныхъ стремленіяхъ и задачахъ, долженъ требовать *признанія еврейской національности, права на соотвѣтственное представительство, признанія своего языка въ школѣ и жизни, права на автономную организацію еврейства, какъ націи, въ своей внутренней жизни.*

Но не только эти задачи предстоятъ еврейству. Событія, развернувшіяся передъ нами не должны и не могутъ заслонить отъ насъ особеннаго историческаго пути еврейскаго народа, его особыхъ историческихъ цѣлей и задачъ.

Еврейское рассѣяніе и полурабство въ Россіи, какъ и во всякой другой странѣ не является рѣшеніемъ еврейскаго вопроса, не даетъ отвѣта на еврейскую проблему.

Кромѣ еврейскаго вопроса настоящаго дня, вопроса той или иной страны есть еврейскій вопросъ всѣхъ временъ и всѣхъ вѣковъ, единый въ своей сущности и первоосновѣ. Есть проблема еврейства, разсѣяннаго по всему міру, но имѣющаго въ тѣхъ единаго и неизмѣннаго, объединяющаго своимъ прошлымъ, своимъ обликомъ національнымъ языкомъ, своими историческими задачами и будущимъ.

Народъ безземельный и разсѣянный не можетъ жить полной и не загрубѣлой національной жизнью, не можетъ чисто и непосредственно проявить себя, развить свое творчество, дать человѣчеству то, что онъ давалъ ему когда-то на своей землѣ въ палестинскій періодъ своей исторіи.

Не можетъ полностью проявить себя народъ живущій почти двумя языками, чужой культурой, чужой національной и экономической средой.

Единственный въ мірѣ безземельный и бездомный народъ долженъ получить свою отчизну, долженъ зажить нормальной народной жизнью. Разсѣянное еврейство должно имѣть свой національный центръ объединяющій и регулирующій его распыленную жизнь.

Весь историческій ходъ жизни еврейскаго народа, властное велѣніе народной воли, вся еврейская дѣйствительность съ неотвратимой ясностью и силой указываютъ еврейству его путь: *полная и нормальная жизнь народа, созданіе всеврейскаго центра, возможны только въ исторической отчизнѣ народа.*

Народъ не прерывалъ съ своей отчизной связи на протяженіи всей своей исторической жизни, на всей землѣ, гдѣ онъ селился какъ народъ, въ ней возникла и расцвѣла его культура, преемственность которой онъ хочетъ продолжать.

Еврейская исторія, еврейская традиція, вѣковое національное стремленіе народа, конституируютъ нашу нѣмую его вождями въ отдѣльныхъ странахъ и въ отдѣльные историческіе моменты съ особенной силой выдвигаются теперь мировыми событіями.

Благодаря совокупности вѣковыхъ и мірового смысла. Всѣ народы міра, большіе и малые подходятъ ко дню рѣшенія, выдвигаютъ свои требованія, опредѣляютъ конечныя цѣли своей національной политики, ждутъ осуществленія своихъ историческихъ надеждъ и стремленій.

Вопросъ о нашихъ малыхъ народностей выдвигается въ первую очередь.

Больше всего должно будетъ считаться при рѣшеніи этого вопроса съ требованіемъ свободы и справедливости народъ, только что закончившій свою революцію, добывшій свободы.

Въ этотъ историческій моментъ не можетъ обойденъ и *международный вопросъ безземельнаго еврейства.*

Міръ долженъ узнать о требованіяхъ и стремленіяхъ всего еврейства. міръ долженъ имѣть передъ собой организованный народъ, сплоченный своимъ стремленіемъ, единой своей активной волей, въ своемъ сплоченіи, въ объединеніи своихъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и матеріальныхъ силъ.

Освобожденное и окрѣпшее еврейство Россіи съ иными силами, чѣмъ доныне, сможетъ бороться за осуществленіе этихъ цѣлей.

Еврейское безправіе больше не заслонитъ еврейской національной проблемы.

Освободился громадный запасъ энергіи и творческихъ силъ, которыя раньше уходили на борьбу за элементарныя человѣческія права, за право жить и дышать. Еврейство ни на мигъ не должно и не можетъ забыть о своемъ многовѣковомъ стремленіи, о своемъ историческомъ идеалѣ.

Сознавая наше настоящее и ближайшее будущее, мы ни на мигъ, не должны забывать о болѣе далекомъ будущемъ, объ историческомъ идеалѣ народа.

Мы призываемъ еврейство къ объединенію его силъ, къ организаціи его національной жизни въ Россіи.

Мы привѣтствуемъ еврейство въ единеніи съ нашими братьями во всѣхъ другихъ странахъ строящее за созданіе національнаго центра для еврейскаго народа въ Палестинѣ.

Московскій Городской Комитетъ Сіонистской организаціи.

Из коллекции листовок советского периода 1917-1923 гг., ГАРФ, ф. Р-9550, оп. 9, № 615

М.С. Урицкий, Автолитография Ю.К. Арцыбушева (Дек. 1917, янв. 1918)

Там же, № 572

Пролетарии всех наций, соединяйтесь!

ЕВРЕЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (П. Ц.)

Еврейские Рабочие!

Все на борьбу с голодом!

Товарищи еврейские рабочие и трудящиеся!

Советская Россия снова переживает кризис.

Плодороднейшие губернии Поволжья охвачены, благодаря засухе, голодом, превосходящим в некоторых местах голод, поразивший Россию 26 лет тому назад. На обширной площади Поволжья простираются опустошенные деревни и сожженные поля. Десятки миллионов взрослых, жен и детей умирают от голода и его спутников—эпидемий и болезней.

В течение 3-х лет тяжелой и упорной борьбы с темными силами контр-революции Поволжье кормило Красную Армию и авангард коммунистической революции—пролетариат Петербурга и Москвы. Наш святой пролетарский долг—прийти ему на помощь. Огромные задачи стоят перед нами, ибо огромным [illegible] кормить миллионное население деревни до нового урожая. Но, чтобы крестьяне имели возможность засеять свои поля и этим предотвратить себя и страну от дальнейших бедствий—мы должны подвезти достаточное количество семян и корма для живого инвентаря, основы крестьянского хозяйства.—Голод надвинулся быстро. Бедствие охватило нас неожиданно своим стихийным размахом.

Измученная семилетней империалистической и гражданской войной, находясь, кроме того, в состоянии радикального перелома в экономической политике, — Советская власть сочла необходимым привлечь широкие круги населения к грандиозной кампании помощи. Кроме того, в полном сознании своего морального права, Советская власть обратилась к пролетариям всего мира и наиболее прогрессивным слоям европейского «цивилизованного общества», к тем которые, казалось, не были опьянены хищническими планами империализма с призывом поднять международную кампанию помощи голодающим.

И что же мы видим—как отечественная, так и иностранная контр-революция, думали использовать голод для своих темных целей порабощения угнетенных. Борьбу с голодом — они хотели превратить в борьбу против Советской России, против Российского пролетариата. Но пролетариат твердо и решительно отстранил контр-революционную руку, которая, вместо хлеба голодным, готовила камень Советской стране. Международный пролетариат, несмотря на все свое желание и активную готовность помочь голодающим, не может, однако, благодаря своему тяжелому экономическому положению и безработице, а также и политическому гнету, со стороны буржуазии, провести достаточно значительной кампании в пользу голодающих России.

[illegible] дицется населения всех многочисленных национальностей Р. С. Ф. С. Р.

Одновременно с Поволжьем, голод охватил также и часть юга Украины (Николаевскую, Одесскую и Екатеринославскую губ.), где концентрированы еврейские земледельческие колонии. Если мы не возьмемся вместе с Российским пролетариатом сейчас-же за широкую кампанию помощи, то голод угрожает полным разорением еврейским колониям, одной из основ нашего здорового коммунистического будущего.

Еврейские рабочие и широкие трудящиеся массы должны с максимальной энергией и напряжением сил, провести-неделю помощи голодающим.

Ни один рабочий не должен в течение этой недели остаться вне кампании помощи голодающим!

Пусть каждый спросит себя, что сделал он для голодающих Поволжья и еврейских колоний!

Помощь голодающим — это помощь Советской России и будущему еврейской пролетарской нации.

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует коммунизм!

Комиссия помощи голодающим при Одесском Областкоме Е. К. П. (п. ц.) и Е. К. С. М.

Р. В. П. (Одесса), 10-я Сов. тип., Херс., 15. № 26917.—300 экз.

Юные пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем еврейским рабочим.

Гомельская организация „Югенд-Бунд".

Товарищи,

Мы переживаем один из красивейших исторических моментов. Всемирный пролетариат вступил в решительный бой с мировым капитализмом. Русские, немецкие, австро-венгерские рабочие могучим ударом свергнули позорное бремя кровавых империалистских правительств, но угнетенный, слабый и воспитанный в подполье пролетариат не в силах довести начатую революцию до победоноснаго конца. Разбитый, разрозненный на отдельныя фракции и секции он разделился на два враждебных лагеря, ведущих между собой кровавую борьбу.

Мы стоим перед великой опасностью, что рабочий класс будет потоплен в своей собственной крови, и вместе с ним и идея социализма. Для всех ясно стало, что только подрастующее рабочее поколение, воспитанное в новых свободных условиях, в состоянии вывести пролетариат из того тупика, в котором он очутился и приведет весь мир к светлому царству социализма. Это поняла и сама рабочая молодежь. Здоровый классовый инстинкт ей подсказал, что для выполнения этой великой исторической миссии, ей необходимо создать свои классовыя организации, где молодежь могла бы подготовиться к будущей деятельности. Мы еврейские молодые пролетарии впервые об'единились в свои «Югенд-Бундовские» организации. Мы видели ясно, что одной из главнейших причин неспособности рабочих масс к твореческой работе является их культурная осталость и на нашем знамени мы написали: „культура, культура и еще раз культура". Но не успела рабочая молодежь выйти из своих политических пеленок, как мастера раскалывания рабочих рядов пытаются отравить и наши молодые мозги раскольническим ядом. Мы организованные еврейские молодые рабочие предостерегаем Вас, товарищи от этого пагубнаго шага. В ответ на такия агитации мы зовем Вас теснее сплотиться в ряды наших «Югенд Бундовских» организаций.

Да здравствует „Югенд-Бунд"!

Да здравствует единая сплоченная рабочая молодежь!

Да здравствует солидарность пролетариата всего мира!

Да здравствует социализм!

Гомель, тип. „ТРУДЪ".

Там же, № 497

„Юные пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Еврейский Коммунистический Союз Молодежи.

К Еврейской рабочей молодежи.

Товарищи! Тяжелое испытание переживает теперь наше социалистическое отечество. Страшная засуха привела к недороду, в самых плодородных районах страны. Над твердыней мировой революции — Советской Россией навис грозный призрак голода. Контреволюция возлагает на него свои последние надежды на удушение власти рабочих и крестьян и радостно потирает руки.

Необходимы спешные меры, напряжение всех сил страны для своевременной наиболее экономной уборки хлеба, чтобы предотвратить опасность, чтобы ни один колос, ни одно зерно не пропали даром.

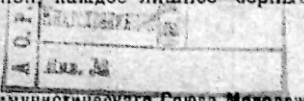
В первую очередь это долг Еврейской рабочей молодежи, которая должна вместе со всей молодежью, со свойственным ей энтузиазмом и преданностью прийти на помощь селянству в уборке урожая.

Одновременно с этим Еврейская молодежь, оторванная от природы и сельского хозяйства, получает возможность хотя бы временно заняться здоровым земледельческим трудом.

В Чернигове, Полтаве, Соснице, Лубнах и друг. местах Украины уже организованы еврейские рабочие дружины для содействия в проведении уборочной кампании.

Юные Еврейские рабочие! Проявите максимум самодеятельности, с верой в свои силы дружно вступайте в дружины.

Время не ждет! Страдная пора начинается! Нас ждут золотистые нивы! Помните, что каждый убранный сноп, каждое лишнее зернышко-лучшая помощь революции!!

Все в дружины ЕВКОМОЛА!!!

Бюро Лево-Бережной Украины Еврейскаго Коммунистическаго Союза Молодежи.

Запись в дружины производится в клубах Евкомола.

Харьков 8 го Июля 1921 г.

1-я Интернациональная Советская типография.

Там же, № 656

Там же, № 667

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
к еврейским рабочим г. Одессы.

Музей истории С.С.С.Р.
К. п. № 332 Инв. № 22 05
Шифр 2 82

Дорогіе товарищи рабочіе!

Желѣзные тиски сдавливали свободное слово при царскомъ режимѣ. И мы должны были молча таить въ себѣ свой революціонный духъ. Мы должны были прячась въ темнотѣ подавовъ, говорить с своихъ стремленіяхъ, надеждахъ и идеалахъ. Мы платили кровью за каждое свободное слово которое дерзали говорить открыто.

Наши лучшіе, наши вѣрные товарищи погибли въ борьбѣ съ царскимъ правительствомъ, за свободу слова и собраній, за право свободно высказать свои мысли и желанія. Никакія варварскія мѣры деспотической власти не остановили насъ въ нашей борьбѣ, и теперь когда имѣемъ съ рабочими другихъ народовъ, съ помощью всѣхъ друзей свободы мы добились свободы собраній не только для себя, но и для буржуазныхъ классовъ, именно теперь, наша кровью добытая свобода въ опасности.—Не проходитъ ни одинъ митингъ еврейскихъ рабочихъ, который бы не былъ сорванъ сіонистами. Они срываютъ наши плакаты и воззванія; они оскорбляютъ, оплеваютъ, даже бьютъ нашихъ товарищей работницъ. И это все потому что мы мыслимъ иначе, чѣмъ они, что мы не хотимъ поддержать сіонистскую авантюру, не вѣримъ обѣщаніямъ англійскаго правительства, не хотимъ принимать подачекъ (если бы ихъ намъ дали) изъ окровавленныхъ рукъ, не хотимъ быть угнетателями арабовъ, потому что мы хотимъ связать судьбу съ судьбою россійскаго пролетаріата и лучшихъ людей Россіи, потому что мы стремимся къ соціализму.

Въ свободной Россіи сіонисты продолжаютъ работу старыхъ союзниковъ. Когда то темные люди съ резинами въ рукахъ, разгоняли собранія; теперь это дѣлаютъ образованные сынки буржуазіи, учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній, студенты и др. подстрекаемые и поддерживаемые старыми сіонистами, сытойіи сидящими по домамъ.

Скандалъ, который учинили сіонисты, юнкера и др. сіонистскіе герои въ военной формѣ 18 ноября въ „Зеркалѣ Жизни"—переполнилъ чашу. Вы собираетесь истить товарищи рабочіе, вы хотите подражать своимъ врагамъ и мѣшать собраніямъ сіонистовъ. Это не нашъ путь товарищи! Мы, еврейскіе рабочіе, всегда стоявшіе въ рядахъ сознательнаго пролетаріата, не моженъ пользоваться такими-недостойными и позорными средствами, наша борьба всегда носила и должна носить массовый, общественный характеръ.

Дорогіе товарищи! Мы которые всю свою сознательную жизнь отдали рабочему движенію, знаемъ васъ со всей силой вашей ненависти къ угнетателямъ-протестовать противъ еврейскихъ черносотенцевъ. Гдѣ бы вы не собирались, на профессіональныхъ собраніяхъ, на политическихъ митингахъ на делегатскихъ собраніяхъ, на заводахъ, фабрикахъ и въ мастерскихъ всюду вы должны принимать резолюціи протеста и отсылать ихъ въ рабочую и общую прессу. Нужно пригвоздить къ позорному столбу героевъ, которые бьютъ женщинъ и насилуютъ своѣ Пусть общество узнаетъ ихъ истинное лицо, пусть всѣ чест отвернутся отъ нихъ съ отвращеніемъ.

Товарищи! Въ вашей борьбѣ противъ черныхъ силъ на уянщ васъ поддержать—всѣ, кому дороги свобода слова и с

Протестуйте же товарищи! Къ позорному столбу насиль

Рабочіе: **С. Антокольскій. Х. Блюмкинъ. М. А. Ваславскій. Х. Гильдинъ. М. І. Лехтманъ. Н. Соломянскій. Г. З. М. Хусидъ. М. Цигангъ.**

Ко всему Кіевскому Обществу!

Бунд нарек на Кіевѣ свое вѣрное слово!

Появилась прокламація: «Еврейскіе погромы и вали сіонисты». И что-же? Вмѣсто того, чтобы объяснить намъ, какъ онъ думаетъ рѣшать здѣсь и сейчасъ еврейскій вопросъ, вмѣсто того, чтобы дать намъ то положительное, которое можно ожидать отъ «единственнаго» представителя еврейскаго пролетаріата, онъ намъ преподноситъ квинт-эссенцію своего «демократическаго» дежизма—отборную площадную ругань, смѣшанную съ нахальнымъ бахвальствомъ.

Бундовская группа захотѣла сразу убить двухъ зайцевъ. В ея прокламаціи заключены двѣ цѣли: съ одной стороны, превознести себя, чтобъ понравиться Кіевской публикѣ, съ другой стороны, вылить-тушат грязи на голову сіонистовъ, особенно Гозал-Ціон, которые къ своей тяжелой досадѣ стали Бунду поперекъ горла.

Бунд—единственный защитникъ всѣхъ слоевъ еврейскаго народа; Бунд понимаетъ истинную причину погромовъ; Бунд—непосредственный руководитель самозащиты и т. д. и т. д.

Такъ говоритъ о себѣ Бунд.

Интересно только знать, с какихъ это поръ Б. сталъ защитникомъ всего нар. народа, когда онъ им интересовался и, что онъ дѣлалъ для защиты интересовъ этого „парія въ паріи». Прокламація насъ увѣряетъ, что Б. единственный организаторъ самозащиты, но это же явно-пробная ложь. Кому на извѣстно не-нынѣшнее время? Кто не знаетъ не помнитъ, что въ организаціи самозащиты? Сіонистскій или еврейскій С.-Дѣмъ? А в Екатеринославѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Минскѣ и др. городахъ черты осѣдлости, чья была первая инициатива орган. самозащ.? Ноужели-хватит у Б. нахальства сказать, что не сіонистов? А въ Гомелѣ? Даже, когда Б. превосходя всѣ мѣры обыкновенной морали приписалъ себѣ исключит. и единств. роль самозащиты, то безсмертный дух горя Катанскаго, отрѣзанныя ноги его товарищей, переломанныя ребра и пристрѣленныя тѣла многихъ другихъ сіонистовъ и П. П., наконецъ, жены, сестры и дѣти заключенныхъ в тюрмѣ сіонистов, бросят Бунду его ложь в глаза.

Разница только в том, что Б. попалъ на сказочн. дно того только, чтоб дать отпор самодержавію и показать ему, что-он не боится его выпадок против еврейск. революціоннаго движенія и поэтому он пристал к нам только вместѣ знаменитаго царизма.

Иное: сіонисты же идут защищать свою цѣл, защищать національную честь и рожавать всему антисемитскому обш., что тяжкіе удар. наносящ. на еврейскую будут выковывать изъ нас все лучшія вступит борцов.

Наконецъ, Б., зная что он нашел истинную причину погромов: Плеве рев.—и быть погрому.

Вольно же Б. на за чѣмъ дерев на виднѣ; больше же ему не понимать, что Плеве не устроил бы погромъ, если-б масса этого не хотѣла.

Плеве был вицеинъ данаго погрома, но он же не-был виновником Чечестоховскаго погрома, погромов в Галиціи, в Алжіи, Испаніи и др.

Послушайте, что ученые б-ны, не так поверхностно и когда нам тоже ясно станет, что самодержавіи и антисемитизм—Плеве: это частный случай общаго антисемитизма причиной котораго служит не че-о вѣковая болѣзнь, как это закладывает Б., в уста сіонистов, а глубокія экономическія причины, назначенныя ненормальным положением еврейскаго населенія только с значеніем этого ненормальнаго положенія. Мы не объясняем антисемитизма на-болѣзнью, не находя для нея в повседневной жизни основ. ни, тѣм болѣе, теперешним полож-ем вещей в Россіи, как с легкой руки разрѣшил себѣ Б. проблему, поставленную выше. Такъ могут говорить только люди, не чувствующіе не только страданія, вызвавшаго отвѣтным этой вражды, но и нашеи самого факта вражды к нам всѣх народов. Конкуренція с мелкой буржуазіей и неспособность масс, как, часто объясняет Б.—это отвѣт частичный, и далеко не на большую часть вопроса.

Мы слабы и чужды. *)

Какъ это ни печально, но это истинное объясненіе антисемитизма. И наша слабость заключается не в нас самих, а в нашем положеніи среди буржуазіи классов с одной стороны и борющихся народов с другой. Каждый предъявляетъ к нам свои самые irae. Нашихъ за то, что мы революціонеры—Россіи, Россійская Партія за то, что мы говорим о наших специфическихъ нуждах, мелкая буржуазія за нашу с ней конкуренцію, пролетаріат за то, что мы хотим занимать мѣсто в его производствѣ, а разложеная самодержавная клика за то, что в нашей душѣ еще не угасла искра свободной жизни. И послѣдняя, опираясь на недовольство наши и невѣжество массы, устраиваетъ нам погромы.

Эти причины не временны. Онѣ живы, пока живо наше шаткое положеніе среди других народов. Нетъ, почему сіонисты не ожидают рѣшенія сего вопроса и даже уничтоженія ненормальнаго положенія евреев от надеждѣ абсолютизма в России. Но на этого еще далеко не слѣдуетъ, что сіонисты-чуть ли не рѣшили бороться съ еврейскимъ революц. движ. в России. Сіонисты, стоя на страхѣ еврейскихъ интересов, никогда не увлечат никого и будут бороться со всѣм тѣм, что стоит на пути к цѣли. Онѣ будут бороться с тѣм отчаяніем, с той отвагой, которыя сопровож при защитѣ своей больной достоинности—народной чести.

И только в виду указанных Кіевских бездонных можно составить всѣтлое, что отдаленіе евреев с свободной линіи жизни и борьба с антисемитизмом представят народное освобождение с отвратительн. всем—это спекулятивныя противорѣчія.

Вот какия мелкіе Б. хочет сдѣлать свою карьеру в Кіевѣ! Недостовѣрные фактов, вымаранныя жизнь, а, гдѣ в этого нельзя—сымышленныя ложь

*) См. П. Аксельродъ. над. Берн. Ком. П. К.

Из коллекции нелегальных листовок 1820-1917 гг., ГАРФ, ф. 1741, оп. 1, № 21313

Отъ Сіонистскаго Комитета Одесскаго района

Съ великой радостью сообщаемъ всѣмъ братьямъ-евреямъ о приближеніи момента осуществленія нашего историческаго идеала-національнаго возрожденія нашего въ старой отчизнѣ.

Только что нами получена изъ Лондона отъ оффиціальныхъ представителей Сіонизма въ Англіи срочная телеграмма слѣдующаго содержанія:

Съ великой радостью сообщаемъ вамъ текстъ декларація, опубликованной британскимъ правительствомъ 10 ноября:

Правительство Его Величества выражаетъ благожелательное отношеніе къ созданію въ Палестинѣ національнаго центра National Home для еврейскаго народа и приложитъ всѣ старанія къ осуществленію этой цѣли. При этомъ опредѣленно предусматривается полная неприкосновенность гражданскихъ и религіозныхъ правъ нынѣ проживающаго въ Палестинѣ нееврейскаго населенія, а также обезпеченіе правъ и политическаго положенія евреевъ во всѣхъ другихъ странахъ.

Эта декларація британскаго правительства открываетъ новую эру нашего національно-государственнаго возрожденія, этого историческаго идеала еврейскаго народа, вновь провозглашеннаго передъ всѣмъ міромъ въ Сіонъ и Іерусалимъ. Декларація вызвала огромный энтузіазмъ въ общихъ и еврейскихъ кварталахъ Лондона. Декларація прочитана въ синагогахъ, благодарственныя демонстраціи устраиваются во всей странѣ. Вся англійская пресса привѣтствуетъ декларацію съ энтузіазмомъ какъ великое событіе міровой исторіи. Получены телеграфныя сообщенія объ аналогичномъ восхищеніи въ С.-Штатахъ.!

Глубоко вѣримъ, что и еврейство Россіи приметъ эту вѣсть съ тѣмъ же энтузіазмомъ, что и наши братья въ Англіи и Америкѣ.

Сіонистскій Комитетъ Одесскаго Района.

Из коллекции листовок советского периода 1917-1923 гг., ГАРФ, ф. Р-9550, оп. 9, № 617

№ 6.

ВСЕРОССІЙСКІЙ ЕВРЕЙСКІЙ СЪѢЗДЪ.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОКЪ № 6.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА СПИСОКЪ № 6.

БРАТЬЯ—ЕВРЕИ!

ПОМНИТЕ, ЧТО

Только сіонисты на Еврейскомъ Съѣздѣ будутъ отстаивать свободу Россійскаго еврейства во всѣхъ областяхъ національной жизни: культурной, экономической, здравоохраненія и пр.

Только сіонисты помнятъ о страдающихъ братьяхъ Румыніи и Польши и на Еврейскомъ Съѣздѣ выдвинутъ и будутъ защищать вопросъ объ ихъ гражданскомъ и національномъ равноправіи.

Только сіонисты потребуетъ отъ русскаго правительства, чтобъ на предстоящемъ международномъ конгрессѣ во всей полнотѣ была поставлена Палестинская проблема: ПАЛЕСТИНА—ТРУДОВОМУ ЕВРЕЙСТВУ.

Только сіонисты связанные съ еврейскимъ народомъ въ счастіи и несчастіи не покидали своего народа въ мрачную ночь реакціи подъ удушливымъ гнетомъ бюрократіи, залѣчивали его раны, будили его національную волю.

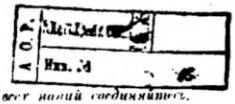
Только сіонистамъ можетъ россійское еврейство въ моментъ своего освобожденія безтрепетно довѣрить свою судьбу.

БРАТЬЯ—ЕВРЕИ!

ГОЛОСУЙТЕ: А СПИСОКЪ № 6.

№ 6. № 6.

Там же, № 625

Пролетарии всех наций соединяйтесь.

Еврейская Коммунистическая Партия (П.-Ц.)

На борьбу с бандитизмом и погромами

ВОЗЗВАНИЕ

ко всем еврейским рабочим и трудящимся.

Товарищи!

Снова нам приходится ударить в набат, снова мы вынуждены звать вас к оружию.

Советская власть, покончив с кровавыми фронтами, напрягает все свои силы, чтобы вывести страну на спокойный путь мирного строительства.

Тысячами трупов лучших своих сынов купил еврейский пролетариат право на мирную, созидательную жизнь. Но враг не дремлет. Притаившись попов и наймиты буржуазии вершат свое грязное, бесчестное кровавое дело. Не встречая должного отпора, все шире разливается бандитизм и по прежнему дико бушует черная погромная волна.

Взбешенные, расвирепевшие бандиты распространяются по еврейским городам и местечкам, желая потопить в море крови коммунистическое воодушевление страны. «Предметом натравливания» и козлом отпущения снова стали еврейские массы. Режут детей, стариков; насилуют и убивают женщин. Целые местечки безжалостно стираются с лица земли. Товарищи эти погромы выросли не на почве чистого стихийного движения масс. Нет! Здесь все организовано, все строго рассчитано и проводится по определенной системе, выработанной штабами белогвардейских отбросов. Агенты Пилсудского, Петлюры и Савинкова размножаются на всей близкой к границе территории, где живут многочисленные еврейские массы. Они отравляют атмосферу ненавистью к коммунизму, к революции, к евр. рабочим. Политически бессильные, они мстят самым слабым и беззащитным. Паразиты труда и душители пролетариата – сынки помещиков и попов, они мстят за свою безвозвратно погибшую развратную, барскую довольную жизнь, за отнятые богатые имения, за отторженные заводы и фабрики, за свое вынужденное скитальчество и эмиграцию. Они мстят за то, что власть находится в руках рабочего; за свою гибель они мстят! С ненавистью надышащего к живому, бессильного к сильному, они нападают на евр. города и местечки и свирепствуют.

Еврейские рабочие! Три года революции должны были нас многому научить. Нам должно быть ясно, что молебнами и слезами мы никому не поможем, что царское бегство не спасет, и то едали, немогут и что подвалы и чердаки перестали служить убежищами.

Товарищи! Еврейская Коммунистическая Партия зовет вас на борьбу с новой погромной волной. Гражданская война нам дорого стоила,—она выковала у нас стремление к жизни и способность к борьбе. У нас хватит достаточно смелости и стойкости под жить конецтому, чтобы мы казались игрушками в руках бандитов и палачей. Мы достаточно для этого сильны и мы сумеем уничтожить эту язву нашей и без того трудной жизнь. Мы сумеем отстоять свою пролетарскую честь.

Товарищи! Мы зовем вас стать, как один, на защиту своих жен и детей, родителей и друзей. Мы зовем вас к борьбе с бандитизмом и погромами.

К оружию! К оружию, Товарищи!

Ц. К. Е. К. П. (П.-Ц.)

Там же, № 543

Пролетаріи всѣхъ націй, соединяйтесь!

Еврейская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія (ПОАЛЕЙ-ЦІОНЪ).

Ко всѣмъ рабочимъ г. Екатеринослава и его окрестностей.

ТОВАРИЩИ! Въ третій разъ нашъ городъ становится ареной кровавыхъ событій и напрасной братоубійственной войны.

Въ третій разъ обагряются наши улицы братской кровью рабочихъ и крестьянъ, натравливаемыхъ другъ на друга какой-то посторонней враждебной революціи силой.

Въ третій разъ обманутые рабочіе и крестьяне безропотно идутъ на заклапіе, безжалостно уничтожая другъ друга къ великой радости всей контръ-революціонной клики.

Товарищи! Эти безконечныя жестокія и безсмысленныя бойни являются для насъ величайшимъ несчастьемъ. Не успѣли мы еще опомниться послѣ проклятой гетьманщины, а уже кровавый туманъ снова застилалъ предъ нами небо и солнце, и на обагренныхъ кровью улицахъ уже валяются снова сотни труповъ преданныхъ и обманутыхъ рабочихъ и крестьянъ.

Кому же и для чего понадобились эти безчисленныя жертвы? Во имя чего проливается драгоцѣнная пролетарская кровь?

Во имя чего истребляютъ другъ друга рабочіе и крестьяне, одинаково заинтересованные въ борьбѣ надъ своимъ общимъ старымъ, непримиримымъ, жестокимъ и сильнымъ врагомъ? Быть можетъ во имя захвата власти?—Но кто у кого долженъ эту власть захватить? Если бы власть принадлежала гетману или какому нибудь иному заѣдомо реакціонному правительству, тогда вопросъ иной; но вѣдь власть эта находится фактически въ рукахъ революціоннаго крестьянства и нѣкоторой части украинскаго пролетаріата. И если у коммунистовъ стоятъ подъ ружьемъ рабочіе и крестьяне, а у петлюровцевъ подъ ружьемъ крестьяне и рабочіе, то кто же съ кѣмъ долженъ воевать?!..

Мы стоимъ за власть рабочихъ и крестьянъ, но мы въ то же время утверждаемъ, что при данныхъ условіяхъ вооруженная борьба между коммунистами и республиканцами является роковымъ недоразумѣніемъ.

Есть только одинъ лозунгъ, за которымъ пойдутъ и большевистскіе и петлюровскіе повстанческіе отряды, лозунгъ земли и воли, это лозунгъ **власти рабочихъ и крестьянъ**, это лозунгъ - безпощадной борьбы съ угнетателями и поработителями рабочаго класса.

Къ несчастью, безотвѣтственная демагогія сдѣлала свое ужасное дѣло и сдѣлала какъ разъ въ такой моментъ, когда вся черная рать ополчилась противъ Россійской и Украинской Революціи, когда контръ-революція праздновала въ Одессѣ свою первую побѣду! Ясно, что **это была безсмысленная и опасная авантюра.**

Впрочемъ, если бы даже революціонному движенію ничего не угрожало со стороны россійской и международной контръ-революціи, и если бы даже вопросъ о захватѣ власти имѣлъ подъ собой реальную основу, то и тогда рѣшительно недопустимъ никакой контактъ, а тѣмъ болѣе совмѣстное выступленіе съ такими „партизанскими" отрядами, какъ махновцы. Вѣдь было же ясно, что махновцы являлись не только временными союзниками для захвата власти, но и главной реальной силой для ея удержанія въ дальнѣйшемъ.

Вотъ почему мы рѣшительно осуждаемъ этотъ безотвѣтственный и роковой шагъ. Однако, признавая екатеринославскихъ коммунистовъ отвѣтственными за всѣ ужасы, пережитые въ эти кошмарные дни, мы въ то же время не можемъ умолчать и о неблаговидной роли тѣхъ, кто своей лукавой тактикой провоцировалъ и неудержимо толкалъ коммунистовъ въ объятія „батьки" Махно и, которые теперь благочестиво умываютъ руки...

Такъ пусть же эти кошмарные дни послужатъ грознымъ предостереженіемъ для екатеринославскаго пролетаріата противъ увлеченія безотвѣтственной демагогіей однихъ и іезуитской политикой другихъ, и пусть это уже послужитъ послѣдней искупительной жертвой непростительнаго легкомыслія и политической близорукости.

Довольно крови и слезъ! Рабочіе и Крестьяне не должны больше поддаваться на призывы къ братоубійству. Революціонное крестьянство и организованный пролетаріатъ должны собрать всю свою силу и мощь и направить ее въ сторону нашихъ **дѣйствительныхъ** враговъ, въ сторону тѣхъ, кто стремится удушить Россійскую и Украинскую Революцію, кто стремится навязать намъ новаго всероссійскаго гетьмана и поработить снова рабочихъ и крестьянъ.

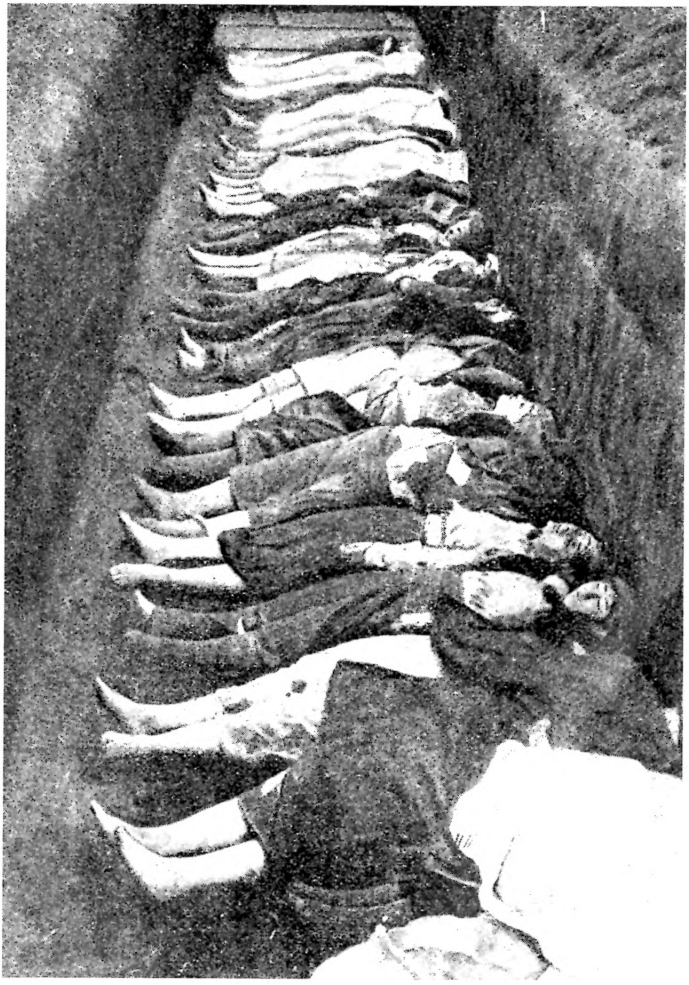
Долой братоубійство! Да здравствуетъ полное единеніе Рабочихъ и Крестьянъ!

Да здравствуетъ непобѣдимая Революція въ Россіи и на Украинѣ!

Да здравствуетъ Всемірная Соціальная Революція!

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЙ КОМИТЕТЪ.

Там же, № 522

Одна из братских могил жертв Елисаветградской резни мая 1919 г.
Во время погрома погибло 4500 человек

441

Пролетарии всех наций, соединяйтесь!

Еврейские пролетарии всех стран, об'единяйтесь под знаменем „Поалей-Цион!"

К ЕВРЕЙСКИМ РАБОЧИМ И КРАСНОАРМЕЙЦАМ.

Товарищи! Тяжкие дни переживает теперь Советская Россия: казацкие и офицерские банды перешли границы Украины и углубляются в пределы Советской России.

Много страданий и нужды несет господство царских слуг рабочему классу. Они готовятся восстановить царскую Россию, Россию угнетения и эксплоатации, Россию богатых и имущих.

Но особенно страшные дни наступают для еврейских рабочих масс. Ужасные погромы, перед которыми бледнеет все, что было во времена царизма, тысячи убитых, сотни изнасилованных женщин,—вот результаты Деникинских побед. На черных знаменах реакционных банд начертано „бей евреев".

Еврейская буржуазия с радостью встречает погромщиков, так как последние несут им защиту их „священного права собственности", возвращение фабрик и заводов, свободу торговли и спекуляции, „спокойствие и порядок". Что для них, вчерашних хозяев жизни, всеми фибрами души желающих вернуться к старому, моря еврейской крови, текущие по улицам оккупированных городов! Только еврейский рабочий и красноармеец готов с оружием в руках, вместе со своими русскими товарищами, мужественно отразить напор погромщиков.

ГАРФ, ф. Р-9550, оп. 9, № 512

В.А. Маклаков,
Автолитография
Ю.К. Арцыбушева

В.А. Маклаков

М.М. Винавер